

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

INSTITUTE OF WORLD HISTORY
CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY
RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

83

DIALOGUE WITH TIME

DIALOGUE WITH TIME

INTELLECTUAL HISTORY REVIEW

2023 Issue 83

EDITORIAL COUNCIL

Carlos Antonio AGUIRRE ROJAS
La Universidad Nacional
Autónoma de México

Mikhail V. BIBIKOV
Institute of World History RAS

Vera P. BUDANOVA
Institute of World History RAS

Tamara A. BULYGINA
North-Caucasus Federal University

Wojciech WRZOSEK
Uniwersytet im. Adama Mickiewicza
w Poznaniu

Evgeniy V. Afonasin
Novosibirsk State University

Stefano GARZONIO
Università di Pisa, Italia

Galina I. ZVEREVA
Russian State University
for the Humanities

Valentina P. KORZUN
Omsk State University

German P. MYAGKOV
Kazan Federal University

Igor V. NARSKIJ
National Research
South Ural State University,
Cheljabinsk

Valery V. PETROFF
Institute of Philosophy RAS

Jefim I. PIVOVAR
Russian State University
for the Humanities

Jörn RÜSEN
Kulturwissenschaftliche Institut, Essen

Irina M. SAVELIEVA
Higher School of Economics
National Research University

Gyula SZVÁK
Eötvös Loránd University,
Budapest, Hungary

Natalia B. SELUNSKAYA
Lomonosov Moscow State University

Andrej B. SOKOLOV
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky

Rolf TORSTENDAHL
Uppsala Universitet, Sweden

Victoria I. UKOLOVA
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Chen QINENG
The Institute of World History,
Chinese Academy of Social Sciences

Pavel P. SHKARENKO
Russian State University
for the Humanities

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

2023 Выпуск 83

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС
Национальный автономный
университет Мехико

М. В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории
Российской академии наук

В. П. БУДАНОВА
Институт всеобщей истории РАН

Т. А. БУЛЫГИНА
Северо-Кавказский
федеральный университет

Войцех ВЖОСЕК
Университет им. Адама Мицкевича,
Познань, Польша

Е. В. АФОНАСИН
Новосибирский государственный
университет

Стефано ГАРДЗОНИО
Пизанский университет, Италия

Г. И. ЗВЕРЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет

В. П. КОРЗУН
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Г. П. МЯГКОВ
Казанский
федеральный университет

И. В. НАРСКИЙ
Национальный исследовательский
Южно-Уральский государственный
университет, Челябинск

В. В. ПЕТРОВ
Институт философии
Российской академии наук

Е. И. ПИВОВАР
Российский государственный
гуманитарный университет

Йорн РЮЗЕН
Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ

И. М. САВЕЛЬЕВА
НИУ «Высшая школа экономики»

Дюла СВАК
Будапештский университет
им. Лоранда Этвеша, Венгрия

Н. Б. СЕЛУНСКАЯ
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

А. Б. СОКОЛОВ
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского

Рольф ТОШТЕНДАЛЬ
Уппсальский Университет, Швеция

В. И. УКОЛОВА
МГИМО (Университет) МИД России

Чен ЧИНУН
Институт мировой истории
Академии социальных наук, КНР

П. П. ШКАРЕНКОВ
Российский государственный
гуманитарный университет

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН
Лорина Петровна РЕПИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АФАНАСЬЕВА А. Э., кандидат исторических наук, доцент
ВЕДЕШКИН М. А., кандидат исторических наук (отв. секретарь)
ВИШЛЕНКОВА Е. А., доктор исторических наук, профессор
ВОРОБЬЕВА О. В., кандидат исторических наук, доцент
ГОРЕЛОВ М. М., кандидат исторических наук
ИОНОВ И. Н., кандидат исторических наук
КИСЕЛЁВА М. С., доктор философских наук, профессор
КОРЧИНСКИЙ А. В., кандидат филологических наук, доцент
НЕДАШКОВСКАЯ Н. И., кандидат филологических наук, доцент
ПЕТРОВА М. С., доктор исторических наук, доцент (зам. гл. редактора)
РУМЯНЦЕВА М. Ф., кандидат исторических наук, доцент
СЕЛУНСКАЯ Н. А., кандидат исторических наук
СЕРЕГИНА А. Ю., доктор исторических наук
СТОГОВА А. В., кандидат исторических наук, доцент
ШАБУНИНА А. К., кандидат исторических наук
ЭКШТУТ С. А., доктор философских наук

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 83

М.: Аквилон, 2023. — 400 с.

Журнал «Диалог со временем» посвящен проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

DIALOGUE WITH TIME 83

Moscow: Aquilo-Press, 2023. — 400 p.

Journal “Dialogue with Time” is specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

ISSN 2073–7564

Эл. № ФС 77-53624

Подписной индекс в общероссийском каталоге «Роспечать» — **36030**

- © Общество интеллектуальной истории, 2023
- © Институт всеобщей истории, 2023
- © Издательство «Аквилон», 2023
- © Журнал «Диалог со временем», 2023

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания или его части любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

С.Б. КРИХ

ТАЦИТ И РОССИЯ О ВОЗМОЖНОСТЯХ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Статья построена на обсуждении и оценке обобщающей монографии А.П. Беликова, посвящённой римскому историку Корнелию Тациту в российской историографии. Книга представляет собой полноценный обзор переводов Тацита, основных достижений в исследовании его творчества и наиболее влиятельных точек зрения на отношение римского историка к императору Тиберию, императорской власти в целом, а также на его стиль повествования. Помимо обзора монографии, автор статьи ставит ряд методологических вопросов, поскольку попытки написания такого рода обобщающих работ позволяют задуматься об актуальности старых приёмов истории науки, которые сейчас следует обсуждать с особой тщательностью: об использовании «политической» периодизации в историографических работах, об оценочном подходе и о мере обращения к общеисторическому контексту.

Ключевые слова: история исторической науки, историография античности, рецензия античности.

В начале своей монографии¹, посвящённой Тациту в российской историографической традиции, А.П. Беликов констатирует тот факт, что до сих пор этой теме не было посвящено отдельного исследования – и полагает его «неожиданным» [4]. Надо признать, что это действительно интересная загадка: с одной стороны, в нашей стране историография является базовой формой воплощения интеллектуальной истории и, пожалуй, отличается такой интенсивностью развития, которой нет в большинстве других научных традиций, с другой стороны, восприятие Тацита как классического историка и постоянного источника ссылок в исторических трудах абсолютно точно должно привлечь внимание историографа. Предварительный ответ на эту загадку можно дать сразу: всё-таки историография антиковедения в нашей стране всегда была (и остаётся) более или менее периферийной сферой, с узким кругом профессионалов, а потому многие потенциально богатые темы по-прежнему слабо разработаны. Монография А.П. Беликова, тем самым, закрывает эту лауну, рассказывая о переводах Тацита и о трудах о нём в период от XVIII в. и до наших дней, и в этом отношении она уже сыграла свою роль в увеличении нашего знания. Автор уже много лет занимается вопросом², и книга является как бы подведением итогов. В заключение работы (что скорее оригинально, чем критично) автор перечисляет темы, через которые он выстраивал своё повествование: проблема адекватности в освещении Тацитом правления Тиберия, вопросы биографии римского историка (место рождения, имя, карьера), исследовательский метод Тацита, его отношение к режиму императоров [100–101].

---

¹ Беликов 2021. Страницы даются в квадратных скобках в тексте.

² Например: Беликов, Елагина 2009.

Основная часть книги разделена на семь глав [6–99], в которых рассмотрены (1) переводы Тацита на русский язык в XVIII–XIX вв., (2) изучение Тацита до середины XIX в., (3) историография Тацита до 1917 г., (4) советская историография до 1953 г., (5) советская историография до 1980 г., (6) советская историография до 1991 г., (7) постсоветская историография. Главы неравны по объёму: средний объём заметно превышает главы 3, 5 и 7; кроме того, исследованиям о Таците в советский период посвящена почти половина всей книги. Автор объясняет эти неравномерности тем, что степень интереса к Тациту была разной, и с этим соображением трудно поспорить. Конечно, собрать все упоминания о Таците в исторических трудах на русском языке за последние двести пятьдесят лет – физически невозможная и едва ли методологически оправданная задача, но те работы, в которых Тацит был в той или иной мере предметом отдельного рассмотрения, А.П. Беликов постарался учесть по возможности полно, и теперь его работа может служить и в качестве справочного пособия при обращении к этой или смежной темам, а значит, будет подспорьем как историкам древности, так и историкам науки.

Можно разве что добавить ряд деталей. Например, важно было бы упомянуть, что И.В. Цветаев (1847–1913) писал свою магистерскую диссертацию (1873) о «Германии»³. Кроме того, автор напрасно говорит [28, прим. 94] о недоступности какой-либо информации о Марии Николаевне Дювернуа (1889–1941?), которая окончила Высшие женские курсы, была филологом-классиком, работала в ленинградских университетах и библиотеках и погибла в блокаду. Краткие сведения о ней можно найти в электронном архиве О.М. Фрейденберг⁴.

Но в данном случае монография о Таците в российской историографии – стимул поговорить об особенностях изучения такого рода вопросов, поскольку это можно сделать теперь не абстрактно, а предметно, опираясь на действительно показательный случай. Ведь труды Тацита с их явной аналитической направленностью всегда служили вызовом современным историкам и, стараясь оценить или превзойти Тацита, историки так или иначе обнажали свои принципы работы с материалом и понимание сущности исторического процесса, раскрывали себя в диалоге с прошлым. Только что высказанную мысль следует подать и с несколько иным акцентом (это будет важно для дальнейшего рассмотрения): судя по всему, Тацит для самой римской литературы в целом и конкретно для античной историографии (если помнить о том, что последняя нередко воспринималась как жанр литературы) значил гораздо меньше, чем для современного изучения и восприятия античности⁵. Вероятно, было бы преувеличением утверждать, что он был фатально ма-

³ Каган 1987: 15. О качестве проделанной Цветаевым работы см. Смирнов 2013: 21.

⁴ См.: <http://freidenberg.ru/docs/nauchnyetrudy/stat1/kafedraklassicheskoyjfilologii2?skip=8&view=alt#0090>. Также есть сведения на сайте Библиотеки Академии Наук. Ряд документов хранится в СПбФ АРАН (например, Ф.4. Оп. 004. Т. 3. Д. 5103).

⁵ Goodyear 1982: 642.

лоизвестен в имперский период – в конце концов, Аммиан Марцеллин ориентировался на «Анналы» спустя 250 лет после их создания – но то, что в итоге большей популярностью в историографии пользовалось биографическое направление, сомневаться не приходится. Скорее всего, во II–IV вв. Тацит продолжал быть известен наиболее дотошным любителям истории, но его идеи, высказанные в непрямой, скрытой манере, адекватно отображающейся в своеобразии авторского стиля, не воспринимались как актуальные ни давно изменившимся сенаторским сословием, ни имперской бюрократией среднего звена (представителем которого был, например, Геродиан) – а возможно, иногда даже не были понятны читателям тех лет. Настоящий рост внимания к Тациту связан с наступлением Нового времени – в его работах европейский интеллектual обнаружил ту глубину понимания исторического процесса, которой ему не хватало при чтении как Светония, так и Плутарха⁶. То, что Тацита невозможно читать для развлечения (один автор писал о «тяжёлом обаянии» тацитовского повествования⁷), стало его положительным качеством. А поскольку проблема свободы и тирании стала одной из центральных для модернизированных обществ, это постоянно подпитывало внимание к «Истории» и «Анналам», неполная же сохранность этих трудов открывала соблазнительный простор для интерпретаций.

Всё это общие наблюдения, но в каждой национальной традиции обнаруживаются особенности восприятия Тацита, именно это делает актуальной работу А.П. Беликова. Автор, насколько можно понять, решил сделать её в жанре расширенного историографического обзора – по исполнению книга очень напоминает если не В.П. Бузескула с его монументальным трудом⁸, то как минимум такие надёжно сделанные очерки, как тот, что предварял советское издание моммзеновской «Истории Рима»⁹. Черты этого жанра примерно таковы: стремление учесть максимум полезной информации, распределённой по хронологическому принципу; последовательное изложение наиболее значимых работ по теме, дополненное авторскими ремарками; лаконичные обобщения, которые обычно находятся в начале или в конце каждого из разделов. Использование этого подхода и объясняет то, почему работа получилась достаточно сжатой, и это распространённый вариант подобного рода труда, написанного историком, который помимо прочего взял на себя обязанности историографа. Я отнюдь не имею в виду, что такой вариант написания в принципе несовременен или бесполезен, но не могу не отметить, что некоторые аспекты при такой оптике остаются в тени.

Например, той информации, которая приведена в первой главе о переводах Тацита в России в XVIII–XIX вв., оказывается вполне доста-

⁶ Причём восприятие менялось и в Новое время: Waszink 2010.

⁷ Веселовский 1859: 78. Авторство статьи устанавливается благодаря указанию И.В. Цветаева: Цветаев 1871: 345.

⁸ Бузескул 1929–1931.

⁹ Ковалёв 1936.

точно в рамках жанра историографического обзора. Теперь любой студент или исследователь, если ему понадобится получить представление об этом вопросе, сможет найти на него быстрый и удобный ответ – и этот аспект, вообще говоря, не стоит недооценивать. Но если мы вспомним, что в XVIII в. русский литературный язык только искал свои основы, а в XIX в. (собственно, благодаря Пушкину и после него) прошёл фазу формирования нормы, то, во-первых, можно задаться вопросом, не имело ли бы смысл разделить главу на две части, а во-вторых, читателю было бы однозначно интересно увидеть, чем реально отличались переводы разных авторов – насколько они были точны, стилистически удачны и т.д. Например, А.П. Беликов, цитируя словарь Брокгауза и Эфрона, сообщает о тяжеловесности переводов А.С. Клеванова (1826–1889) [10], но один или два примера из этих переводов были бы гораздо более весомым аргументом. В примечании автор указывает [10, прим. 19], что Клеванов высказал и своё мнение о предшествующем переводе А.И. Кронеберга, но само это мнение не приводит – а ведь это действительно интересный аспект! Дело в том, что Клеванов, стараясь показать, что его перевод не уступает переводу Кронеберга, подробно аргументировал неточности в передаче смысла и стилистические огрехи предыдущего перевода и даже высказывал мнение, что Кронеберг переводил не с оригинала, а с немецкого или французского переводов¹⁰.

Копья вокруг переводов Тацита в те годы ломались с нешуточной яростью. Клеванов заявлял своё переводческое кредо так: «любя классическую литературу, я расхожусь во взгляде с многими её у нас поборниками: не навеки застывшие формы языка пленяют меня, но самая мысль древних – то, что в них есть вечного, родного всем и каждому, человеческого»¹¹. Критики указывали, что сам он при этом жертвует иногда точностью в передаче смысла написанного¹² и являет римского историка скорее в перифразе, чем в переводе¹³, или же, напротив, копирует строение латинских фраз, нарушая нормы русского языка, т.е. не придерживается чётко какой-либо переводческой методики¹⁴. Отмечалась и крайняя неряшливость Клеванова в отношении корректуры¹⁵, что легко заметить при обращении к самому изданию. Соответственно, тяжеловесность перевода была не самой главной характеристикой издания Клеванова.

Опять же, если мы обратимся к третьей главе, то увидим, что изучение Тацита в период расцвета российской имперской историографии

¹⁰ Сочинения... 1870: XXVII–XXXIII. Перевод, как указывает и А.П. Беликов, на самом деле осуществили два брата: когда Андрей Иванович (1814–1855) умер, дело продолжил Алексей Иванович Кронеберг (1829–1880). Их отец Иван Яковлевич (1788–1838) тоже был знаменитым филологом-классиком.

¹¹ Сочинения... 1870: III.

¹² Письмо из Афин... 1858. А в дополнение к этому письму была помещена заметка К.С. Аксакова с замечаниями к переводу А.И. Кронеберга: Там же: 152–154.

¹³ Цветаев 1871: 333.

¹⁴ Там же: 343.

¹⁵ Там же: 334, 339.

не получается описать без обращения к более широкому контексту. Но А.П. Беликов, обрисовывая ситуацию с преподаванием латыни и древнегреческого в российской системе образования второй половины XIX в. [20–21], выстраивает, на наш взгляд, более простую схему противостояния мнений, чем это было в то время. Он противопоставляет, с одной стороны, Министерство просвещения (у которого были свои резоны) и присоединившуюся к нему гуманитарную интеллигенцию, а с другой стороны «прогрессивную общественность» (это словосочетание подаётся в кавычках) и родителей учеников, которым латынь не давалась без «неизбежной зубрёжки». По крайней мере, так эта мысль подана в тексте. Но многие примеры показывают, что русские классические филологи тех лет вообще-то выступали против «зубрёжки» – именно потому, что не считали её неизбежной! Заучивание считалось непедагогическим и ненадёжным путём для познания языков¹⁶. Министерство при этом отстаивало не просто необходимость преподавания классических языков, а – и это было центральным пунктом – консервативную форму их преподавания. Что же касается общества, то в нём были разные позиции: от предложения вообще предельно сократить преподавание древних языков в гимназиях до попыток сохранить его, модернизирував, например, дополнив историческими и эстетическими экскурсами «исключительно грамматическое преподавание древних литератур»¹⁷. Второй путь, безусловно, был более сложным, и его реализовать не удалось. Можно согласиться с тем, что большевики в целом испытывали глубокое отвращение к латыни и древнегреческому, но стоит ли винить в этом только большевиков? Психологически насильственное, негибкое к нуждам учеников, методологически отсталое преподавание ненужных большинству гимназистов языков прочно ассоциировалось с царизмом и общей отсталостью России. Не нужно забывать, что сокращение преподавания классических языков в XX в. коснулось и других стран, так что во многом это был процесс, связанный с тем, что менялся весь мир.

Это соображение приводит и к мысли о том, важности в историографическом исследовании учитывать не только общественный, но и научный контекст. Книга посвящена российской историографии, но изучение Тацита в отечественной традиции не было изолировано от мировых тенденций. По крайней мере, в подробном изложении взглядов Г.С. Кнабе (1920–2011) остро чувствуется нехватка именно такого контекста. Ведь к тому времени уже вышла двухтомная и во многом рубежная работа Р. Сайма о римском историке (1958); сопоставление Р. Сайма и Г.С. Кнабе, кажется, было бы хорошим исследовательским ходом. Конечно, работа Сайма намного объёмнее книги Г.С. Кнабе и у них разная структура, но внутри отдельных разделов совпадений больше. Например, главы, посвящённые происхождению Тацита, построены при схожем порядке аргументации. При этом те идеи, которые у Г.С. Кнабе по-

¹⁶ Смирновский 1871: 48.

¹⁷ Цветаев 1871: 351.

даны сжато, мы можем встретить у Р. Сайма с более подробным обоснованием. Например, английский историк приводит наблюдение, что для представителей старых патрицианских родов не были свойственны занятия историей и литературой ни с целью достижения славы, ни для утешения после поражения в политических баталиях¹⁸, и предполагает, что род Тацита восходил к тем десяти тысячам отпущенников (Корнелиев), которым дал свободу Сулла¹⁹, и многие из них затем делали карьеру в провинциальном управлении. Г.С. Кнабе сразу переходит к свидетельству Плиния Старшего о семье римского всадника Тацита. Исходя из этого сопоставления можно предположить, что Г.С. Кнабе – безусловно, хорошо знакомый с книгой Р. Сайма – использовал в своей работе далеко не все доводы о провинциальном происхождении римского историка, которые в принципе были в распоряжении исследователей на тот момент. Либо по причине ограниченного объёма своей книги, либо исходя из принципа наибольшей убедительности (это ещё предстоит выяснить) отечественный латинист произвёл отбор аргументов. Если останавливать свой анализ только на отечественной литературе, то это наблюдение будет далеко не таким полезным.

Ещё один вопрос, который назрел в нашей историографической практике – проблемы периодизации. С одной стороны, наличие подробно обоснованного дробления на периоды давно не является точкой приложения усилий со стороны современных учёных, а сама периодизация воспринимается обычно как инструмент, а не как самоцель – и это прекрасно. С другой стороны, в этом вопросе многое остаётся неосмысленным (или как минимум непроговоренным) – например, проблематичность применения «политической» периодизации в истории науки. Собственно, в книге А.П. Беликова политически датирован только один период с 1917 по 1953 г., но даже этого хватило, чтобы обнажить некоторые несоответствия между периодизацией и материалом, который собрал и обработал автор. Скажем, объясняя перемены в изучении Тацита, произошедшие в послесталинский период, автор ссылается на статью С.Л. Утченко о классах и классовой структуре античного общества, вышедшую в 1951 г., пояснив, что «она положила начало преодолению излишне схематизированного подхода к социальной структуре античного общества» [43]. Дальше идёт фактическое признание того, что дата публикации статьи не совпадает с принятой автором периодизацией: «Статью можно считать первым важным рубежом, *позже положившим* начало новому отношению к римскому автору» [43, курсив мой – С.К.]. То есть, если мне удалось понять мысль автора, импульс статьи Утченко сработал не сразу, поэтому грань периодов проводится не по ней.

Но ведь это соображение может работать и в обратном направлении: так, начало нового интереса к Тациту в послесталинский период А.П. Беликов иллюстрирует ссылкой на кандидатскую диссертацию

¹⁸ Syme 1958: 611.

¹⁹ Op. cit. 612.

И.М. Сидоровой, защищённую в Харькове в 1954 г.: «Вероятно, именно эта диссертация стала рубежной в отечественной историографии – только после неё можно говорить о настоящем возрождении “тацитоведения”, начинавшего избавляться от схематизма и жёстко заданных схем “классового подхода” к личности и творчеству Тацита» [45]. Это утверждение вызывает ряд вопросов. Первый: разве кандидатская диссертация не готовится несколько лет, и разве в 1954 г. уже произошли настолько принципиальные перемены в жизни страны, чтобы перевернуть образ мыслей И.М. Сидоровой? Второй: может ли считаться рубежной работа, которая, скорее всего, оставалась малоизвестной? Диссертацию, как известно, читают единицы. Н.Ф. Дератани, который делал обзор о достижениях классической филологии за сорок лет, упомянул об этой работе одной строкой²⁰. Наконец, если мы обратимся к работе И.М. Сидоровой, то увидим ещё меньше причин считать её такой уж новаторской. Она пишет о том, что литература, по своей сути, надстроечное явление, но язык «не разделяет кратковременной судьбы надстройки и выходит за узкие рамки сфер её действия»²¹ – конечно, мысль эта подана со ссылкой на Сталина²². Чтобы поднять статус римского автора в советской системе координат, И.М. Сидорова использовала (нужно признать, достаточно аккуратно) концепт «близости к народу»: противопоставляя Тацита другим представителям «серебряной латыни», она писала, что «основным источником в поисках новых языковых средств явился для Тацита народный язык, к которому он обращался либо непосредственно, либо через посредство языка поэтов, стоящего более близко к народному, чем язык римской прозы»²³.

Характеризуя в первой главе диссертации состояние римского общества тацитовской эпохи, И.М. Сидорова говорит о кризисе Римской республики, проявившемся, в частности, «в колоссальных восстаниях рабов»²⁴, приводит позднее и известную сталинскую цитату о «революции рабов»²⁵. Даже в автореферате, текст которого можно было сравнительно быстро исправить, первые три страницы написаны по мотивам работы Сталина о языкознании – с соответствующими ссылками на неё. Конечно, есть вероятность, что А.П. Беликов считает, будто сам сталинский очерк сыграл позитивную роль для классической филологии и способствовал преодолению схематизма – точка зрения вполне возможная – в таком случае стоило бы пояснить это читателю. Уж по крайней мере трудно поверить в то, что он вообще проигнорировал эти отсылки, когда проводил свой анализ автореферата.

²⁰ Дератани 1957: 58.

²¹ Сидорова 1954б: 4.

²² Ссылки на него встречаются и далее в работе – например, Сидорова 1954б: 31.

²³ Сидорова 1954б: 6.

²⁴ Сидорова 1954б: 21. Показательно, что в экземпляре, хранящемся в зале диссертаций в Химках, слово «колоссальных» аккуратно зачёркнуто карандашом. Эпохи в историографии чаще всего меняются не по щелчку, а вот так – нерешительно, почти наощупь.

²⁵ Сидорова 1954б: 23–24.

И.М. Сидорова определяла Тацита как «идеолога патрицианской группировки римского общества периода ранней империи»²⁶, уточняла, что Тацит не затрагивает вовсе или затрагивает поверхностно вопросы социально-экономической жизни²⁷ – можно ли считать, что эти характеристики относятся к преодолению крайностей «классового подхода»? Ведь эти же характеристики позволяют А.П. Беликову говорить об университетском учебнике по истории Рима Н.А. Машкина (1947) как о типичной работе сталинского периода, где Тацит был оценён несправедливо [39]! Получается, что выборочное изложение труда Сидоровой (Беликов не цитирует тех мест, что приведены выше) позволяет – искренне верю, что невольно, – манипулировать читателем, подгоняя труды исследователей под заранее расставленные хронологические вехи.

В качестве «замечания на полях» можно обратить внимание на то, что в диссертации И.М. Сидоровой есть действительно хороший исследовательский ход: она старается показать читателям, что традиционное деление латыни на «золотую», «серебряную» и «медную» приводит современного исследователя к заведомо негодному результату: Тацит, отступающий от норм Цицероновой латыни, должен в таком случае оцениваться как писатель ниже, чем следующий им Плиний Младший. Да, это наблюдение филолога, а не историка, и можно понять, почему Беликов не приводит его в своей работе; но если брать из диссертации филолога только *исторические* идеи, то её изложение выглядит очень бледно, и вряд ли убедит читателя в том, что она открыла новый этап.

Книга Р.Ю. Виппера (1859–1954), вышедшая в свет в год смерти престарелого академика²⁸, разбирается в главе, посвящённой послесталинскому периоду, и тоже считается свидетельством перелома в восприятии Тацита. Но даже если А.П. Беликов не уверен в том, что Виппер уже почти ничего не писал в последние годы своей жизни²⁹, а поздние публикации воспроизводили его старые взгляды, которые скорее можно назвать поверхностно марксистованными, на протяжении 1940-х гг.³⁰ (Виппер жил в Латвии до 1940 г.), то он мог бы предположить нечто подобное просто исходя из возраста учёного.

Проведение черты по 1953 г. представляется столь же искусственным, как и попытки поиска «рубежных» работ. И дело не в том, что автор предложил «неправильную» дату для разделения периодов или выбрал для обоснования этой даты «неправильные» работы, а в том, что сама методология дробления на периоды требует пересмотра. Вообще, выставление оценок комментируемому труду с позиции достигнутой истины – свойство той же советской историографии, которая усилила

²⁶ Сидорова 1954а: 8. В этом она следовала за Энгельсом. См. Сидорова 1954б: 28. Энгельс 1961: 311.

²⁷ Сидорова 1954а: 11.

²⁸ Виппер 1954.

²⁹ Письмо Р.Ю. Виппера А.Б. Рановичу позволяет предположить, что черновой вариант книги был готов в 1948 г. См. Абрам Борисович Ранович 2018: 38, прим. 2.

³⁰ Подробнее о взглядах Виппера: Володихин 1999; Новиков, Перфилова 2007.

позитивистскую веру в возможность проверенного знания идеологическим тезисом об абсолютной верифицируемости марксистского учения; всё это позволяло советским историкам уверенно (хотя и не всегда одинаково) определять, какие взгляды следует считать верными, а какие ошибочными. В книге А.П. Беликова подобных суждений немало [28, 39, 53, 54, 55], причём его комментарии обычно не сопровождаются какой-либо аргументацией: «В итоге своего анализа П.Н. Митрофанов отмечает только художественные достоинства исторических работ Тацита, отрицая научность (в понимании своего времени) его произведений. Вывод, безусловно, глубоко ошибочный» [27]. «На наш взгляд, Р.Ю. Виппер, оставаясь в рамках “классового подхода”, до конца так и не понял, почему Тацит не любил “толпу”» [47].

Иногда на простые вопросы отвечать сложнее всего; к чести автора нужно сказать, что он старается это делать. Так, он объясняет, почему о Таците мало писали в 1917–1953 гг.: историк он был «неудобный», поскольку не писал о рабах и плохо относился к переворотам, а кроме того, был сложен для перевода в условиях снизившейся филологической подготовки историков [35]. Рискну предположить, что здесь объяснений дано даже больше, чем нужно. Советская историография древности, особенно в сталинское время, была не самой главной сферой исследований, а сил на полноценную работу по всем направлениям просто не хватало. Сознательного избегания здесь, видимо, не было. В конце концов, в показательной для своей эпохи хрестоматии С.А. Жебелёва и С.И. Ковалёва об античном способе производства³¹ (да и не только в ней) есть выдержки из Тацита – как указывает и сам А.П. Беликов [37].

Думаю, совсем не по воле автора в его книге появляется ловушка, в которую, увы, историографы попадают гораздо чаще, чем им бы хотелось. Увлекаясь величиной личности главного своего героя³², они берут на себя роль его адвоката, строго охраняющего его от всего, что может показаться посягательством на это величие. А.П. Беликов в самом начале книги кратко сообщает нам, как в современной науке оценивается римский историк, и в дальнейшем использует эту оценку в качестве меры для всех *предшествующих* историографических трудов. Если мнение того или иного автора о Таците (например, В.И. Модестова) соответствует этой оценке, то и сам он получает высокий балл из рук историкографа, если же нет – такой автор обычно подозревается в предвзятости или непрофессионализме. Так, А.П. Беликов полагает, что мнение П.Н. Черняева о неязыществе стиля «Агриколы» противоречит его же словам о качестве трудов Тацита [30–31] – как будто Тацит должен быть одинаково прекрасным стилистом во всех своих работах!..³³

³¹ Античный способ производства 1933.

³² Оговорка, что «нельзя идеализировать автора и его труды» [101] дана лишь в заключении книги: она помогает А.П. Беликову выглядеть более объективным, но не позволяет читателю увидеть более сложную картину.

³³ Главное же, мнение о вязком слого «Агриколы» можно считать консенсусом. Обратимся для примера, опять же, к А.С. Клеванову: «Вообще в этом произведении

Но главное, для чего было высказано это наблюдение, заключается в том, что если история науки чему-то учит, то, на мой взгляд, тому, что мнение о чём-либо, доминирующее сегодня, вовсе не стоит принимать за непогрешимое, а к отвергнутым взглядам учёных прошлого не стоит относиться как «отработанному материалу». Иногда расхождение во взглядах на той или иной вопрос представляется большим, чем оно есть, если не учитывать разницу в подходах. Например, у А.П. Беликова вызывает однозначное неприятие любая формулировка по типу «Тацит скорее писатель, чем историк». Но ведь на том этапе мысли, который мы обычно называем позитивистским (в рамках этой парадигмы мыслило большинство историков второй половины XIX века), история могла утверждать себя в качестве науки только в том случае, если соответствовала довольно жёсткому набору параметров; отчасти наследовала этим ориентирам научности и советская марксистская историография³⁴. Соответственно, если вы понимаете под историей ту научную дисциплину, какой она пыталась быть на рубеже XIX–XX вв., то вы не сможете называть Тацита историком без дополнительных оговорок, и дело тут не в отношении к Тациту, а в отношении к истории.

В итоге книга А.П. Беликова заставляет задуматься над центральным методологическим вопросом: чем, собственно, занимается историограф? Очевидно, что он не может быть просто пересказчиком событий из истории науки и рано или поздно вынужден формулировать собственные оценки, в которых ему придётся ранжировать исследователей сообразно их уровню, но тогда возникает коллизия с доказательностью подобных суждений. Если читатель книги о Таците попытается представить себе образ её автора, то скорее всего получится историограф, который как бы инвентаризирует и инспектирует прошлое, поэтому историки у него делятся в итоге на тех, кто «наиболее полно» *понял* Тацита [101] и на всех остальных – которые, соответственно, оказались неспособны понять. Эта позиция может вызвать неприятие, но проблема состоит в том, что убедительной альтернативы нет до сих пор. В самом деле, изучать предмет и при этом не высказывать никаких суждений о нём совершенно невозможно. Полная объективность суждений недостижима: говорить о том, что все исторические труды одинаково ценны так же странно, как утверждать, что все литературные произведения одинаково талантливы (и здесь оценка труда историка гораздо ближе к оценке труда литератора, чем, видимо, хотелось бы А.П. Беликову). В настоящее время возникающая коллизия обычно решается за счёт тщательного подбора формулировок, благодаря которым только подготовленный читатель в состоянии угадать, какого историка мы ценим выше, чем

Тацита по мыслиам его бесспорном, по слогу очень много недостатков; сжатость его переходит почти в бессмыслицу». Сочинения П. Корнелия Тацита Ч. 1 1871: XII. Или к исследователю прошлого века: «...и по стилю, и по структуре это первое сочинение несовершенно». Goodyear 1982: 644.

³⁴ Копосов 1992.

других. Но это в любом случае как минимум половинчатое решение, и рано или поздно эту проблему придётся обсуждать.

Большая часть тех замечаний, что были приведены выше, является результатом «медленного чтения», и потому относится не к работе А.П. Беликова как таковой – она послужила в данном случае опорой для того, чтобы поднять ряд более общих проблем написания истории исторической науки. Но если исходить из того, что книга полезна не только той информацией, которую она нам даёт, но и размышлениями, которые она вызывает, надеюсь, что и эти замечания пригодятся не только тем, кто занимается изучением творчества Тацита.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Абрам Борисович Ранович: документы и материалы / Сост. А.И. Клоев, О.В. Метель. Омск: Изд-во ОмГУ, 2018. 263 с. [Abram Borisovich Ranovich: dokumenty i materialy / Comp. A.I. Kliuev, O.V. Metel. Omsk: Izdatel'stvo OmGU, 2018. 263 p.]
- Античный способ производства в источниках. Литературные, эпиграфические и папирологические свидетельства о социально-экономической истории древней Греции, эллинистического Востока, Рима / Под ред. С. А. Жебелёва и С. И. Ковалёва. М., 1933. 596 с. [Antichnyi sposob proizvodstva v istochnikakh. Literaturnye, epigraficheskie i papirologicheskie svidetel'stva o sotsial'no-ekonomicheskoi istorii drevnei Gretsii, ellinisticheskogo Vostoka, Rima / Ed. S. A. Zhebelev and S. I. Kovaleva. Moscow, 1933. 596 p.]
- Беликов А.П. Корнелий Тацит в российской историографии. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2021. 121 с. [Belikov A.P. Kornelij Tacit v rossijskoj istoriografii. Stavropol': Izd-vo SKFU, 2021. 121 p.]
- Беликов А.П., Елагина А.А. Тацит в отечественной историографии до 1917 года // Диалог со временем. Вып. 28. 2009. С. 274–285 [Belikov A.P., Elagina A.A. Tacit v otechestvennoj istoriografii do 1917 goda // Dialog so vremenem. Iss. 28. 2009. P. 274–285].
- Бузескул В.П. Всеобщая история и её представители в России в XIX и начале XX века. Ч. 1–2. Л., 1929, 1931. 218 с., 223 с. [Buzeskul V.P. Vseobshchaja istoriia i ee predstaviteli v Rossii v XIX i nachale XX veka. Part 1–2. Leningrad, 1929, 1931. 218 p., 223 p.]
- Веселовский А.Н. [Рец.:] Летопись Кая Корнелия Тацита. Перевод Алексея Кронеберга. 2 части. Москва // Отечественные записки. Том CXXIII. 1859. Март. Русская литература. С. 71–97 [Veselovskij A.N. [Rev.:] Letopis' Kaja Kornelija Tacita. Perevod Alekseja Kroneberga. 2 chasti. Moskva // Otechestvennye zapiski. Vol. CXXIII. 1859. March. Russkaja literatura. P. 71–97].
- Вишпер Р.Ю. Рим и раннее христианство. М.: Академия наук СССР, 1954. 269 с. [Vipper R.Ju. Rim i rannee khristianstvo. Moscow: Akademiia nauk SSSR, 1954. 269 p.]
- Володихин Д.М. Критика теории прогресса в трудах Р.Ю. Вишпера // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 153–162 [Volodihin D.M. Kritika teorii progressa v trudah R.Ju. Vippera // Voprosy istorii. 1999. № 2. P. 153–162].
- Дератани Н.Ф. Классическая филология в СССР за сорок лет // Вестник древней истории. 1957. № 3. С. 55–65 [Deratani N.F. Klassicheskaja filologija v SSSR za sorok let // Vestnik drevnej istorii. 1957. № 3. P. 55–65].
- Каган Ю.М. И.В. Цветаев. Жизнь. Деятельность. Личность. М.: «Наука», 1987. 192 с. [Kagan Ju.M. I.V. Cvetaev. Zhizn'. Dejatel'nost'. Lichnost'. Moscow: «Nauka», 1987. 192 p.]
- Ковалёв С.И. Теодор Моммзен и его «История Рима» // Моммзен Т. История Рима. Т. I. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936. С. VII–XXVII [Koval'ov S.I. Teodor Mommzen i ego «Istorija Rima» // Mommsen T. Istorija Rima. T. I. Moscow: Gosudarstvennoe social'no-jekonomicheskoe izdatel'stvo, 1936. P. VII–XXVII].
- Копосов Н.Е. Советская историография: марксизм и тоталитаризм // Одиссей. Человек в истории. М., 1992. С. 51–68 [Koposov N.E. Sovetskaja istoriografija: marksizm i totalitarizm // Odissej. Chelovek v istorii. Moscow, 1992. P. 51–68].
- Новиков М.В., Перфилова Т.В. Теоретико-методологические взгляды Р.Ю. Вишпера // Ярославский педагогический вестник. 2007. № 4. С. 77–82 [Novikov M.V., Perfilova T.V. Teoretiko-metodologicheskie vzgljady R.Ju. Vippera // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2007. № 4. P. 77–82].

- Письмо из Афин по поводу статьи Любителя римской письменности «О переводе римских классиков» (во 2 № Атenea 1858 г.) // Русская беседа. 1858. Кн. IV. Ч. 2. С. 145–151 [Pis'mo iz Afin po povodu stat'i Ljubitelja rimskoj pis'mennosti «O perevode rimskih klassikov» (vo 2 № Ateneja 1858 g.) // Russkaja beseda. 1858. Book IV. Part 2. P. 145–151].
- Сидорова И.М. Язык «Анналов» Тацита (лексические особенности). Автореф. дисс. .... канд. филол. наук. Харьков, 1954. 16 с. [Sidorova I.M. Jazyk «Annalov» Tacita (leksicheskie osobennosti). Avtoref. diss. .... kand. filol. nauk. Har'kov, 1954. 16 p.].
- Сидорова И.М. Язык «Анналов» Тацита (лексические особенности). Дисс. .... канд. филол. наук. Харьков, 1954. 422 с. [Sidorova I.M. Jazyk «Annalov» Tacita (leksicheskie osobennosti). Diss. .... kand. filol. nauk. Har'kov, 1954. 422 p.].
- Смирнов А.Е. Иван Цветаев: История жизни. СПб.: Вита Нова, 2013. 368 с. [Smirnov A.E. Ivan Cvetaev: Istorija zhizni. Saint Petersburg: Vita Nova, 2013. 368 p.].
- Смирновский П. К вопросу об изучении новых языков в наших гимназиях // Журнал Министерства Народного просвещения. Часть CLVII. 1871. Октябрь. С. 45–58 [Smirnovskij P. K voprosu ob izuchenii novykh jazykov v nashih gimnazijah // Zhurnal Ministerstva Narodnogo prosveshhenija. Part' CLVII. 1871. October. P. 45–58].
- Сочинения П. Корнелия Тацита, все какие сохранились / Пер. А. Клеванова. М.: Типография А. Мамонтова и К°, 1870. Ч. 1. LXI, 338 с.; Ч. 2. XXXVI, 384 с. [Sochinenija P. Kornelija Tacita, vse kakie sohranilis' / Per. A. Klevanova. Moscow: Tipografija A. Mamontova i K°, 1870. Part 1. LXI, 338 p.; Part 2. XXXVI, 384 p.].
- Цветаев И.В. [Рец.:] Сочинения К. Корнелия Тацита все, какие сохранились. С латинского перевёл и издал с предисловием и историческими приложениями Александр Клеванов, кандидат Московского университета. 2 части. Москва. 1870 // Журнал Министерства Народного просвещения. Часть CLVII. 1871. Октябрь. С. 330–351 [Cvetaev I.V. [Rev.:] Sochinenija K. Kornelija Tacita vse, kakie sohranilis'. S latinskogo perevjol i izdal s predisloviev i istoricheskimi prilozhenijami Aleksandr Klevanov, kandidat Moskovskogo universiteta. 2 chasti. Moskva. 1870 // Zhurnal Ministerstva Narodnogo prosveshhenija. Part CLVII. 1871. October. P. 330–351].
- Энгельс Ф. Бруно Бауэр и первоначальное христианство // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1961. Т. 19. С. 306–314 [Engels F. Bruno Baujer i pervonachal'noe hristianstvo // Marx K., Engels F. Sochinenija. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1961. Vol. 19. P. 306–314].
- Goodyear F.R.D. History and Biography // The Cambridge History of Classical Literature. Vol. II. Latin Literature. Ed. by E.J. Kenney. Cambridge: CUP, 1982. P. 639–666.
- Syme R. Tacitus. Oxford: Clarendon Press, 1958. Vol. I–II. 856 p.
- Waszink J. Your Tacitus or Mine? Modern and Early-Modern Conceptions of Tacitus and Tacitism // History of European Ideas. 2010. Vol. 36. P. 375–385.

Крих Сергей Борисович, доктор исторических наук, доцент, профессор, кафедра всеобщей истории, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; krikh@rambler.ru.

Tacitus and Russia. On the Possibilities of Historiographical Reflection

In the article, the author gives a description and assessment of the generalizing monograph by A.P. Belikov aimed to the Roman historian Cornelius Tacitus in Russian historiography. The book is a comprehensive overview of Tacitus's translations, the main achievements in the study of his work and the most influential ideas about the views of the Roman historian on Emperor Tiberius, about imperial power in general, as well as about his narrative style. But the main theme of the article is a methodological questions, because writing such generalizing works raise problems of the relevance of old methods of the history of scholarship, which now should be discussed with particular care: about the use of “political” periodization in historiographical works, about an evaluative approach and about question how much a general historical context is needed for historiography.

Keywords: history of historical scholarship, historiography of antiquity, reception of antiquity

Krikh Sergey B., Dr. Sc. (History), Associated Professor, Professor, Department of World History, Dostoevsky Omsk State University; krikh@rambler.ru.

ВЫЗОВ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТИ ПРЕДМЕТНАЯ ОБЛАСТЬ «КОНФЛИКТ-КОМПРОМИСС»

В статье рассматриваются аспекты конструирования и реализации исследовательских трансдисциплинарных моделей применительно к проблемному полю «конфликт-компромисс». Описываемые теоретические конструкты становятся ответом на запрос о многомерном изучении отдельного явления прошлого. Автор приводит анализ этапов развития конфликта и его эволюцию в компромисс через наддисциплинарную категорию культуры. Делается вывод, что трансдисциплинарные модели как проявление метанаучной методологии строятся на основе выбора, апробирования и иерархизации традиционного инструментального набора методов с учетом феноменологической специфики объекта исследования.

Ключевые слова: конфликт, компромисс, трансдисциплинарность, междисциплинарность, метатеория, исследовательская модель.

Ослабление картезианских границ отдельных областей научного знания вкупе с тенденцией к пересмотру подходов изучения традиционных явлений и процессов вызывает переосмысление гносеологических основ анализа конфликтов и порождающей их социальной конфликтогенности. Отвечая на современный запрос к исторической науке «усиливать междисциплинарный диалог и совершенствовать методы исторического объяснения»¹, изучение конфликтов становится областью синтеза полидисциплинарных исследовательских моделей. Такие исследовательские построения, первое, за счет расширения привлекаемых методов исследования идут сквозь строгие границы научных дисциплин, второе, формирование ситуации ризомы² позволяет привлекать в исследование весь корпус научного инструментария исследователей, что для историка в подборе методов выдвигает на первый план изучение специфики предмета и соответствующего ему хронотопа, обогащая исследование данными, прежде слабо верифицируемые в границах узкодисциплинарного подхода.

Конфликт как предмет изучения перестал быть лишь узким полем исследований в области конфликтологии, как отрасли психологических дисциплин. Аналогично и компромиссы перестают рассматриваться исключительно в рамках отрасли социологии – консенсусологии. Сегодня в гуманитарном знании происходит смещение исследовательского фокуса в изучении проблем конфликтов. Все меньше внимания исследователи уделяют законам, определяющим поведение в конфликте, и все больше – содержанию и отличительным чертам конкретных конфликтов, их казуальной специфики. Такая методологическая ситуация привлекает дополнительный интерес к проблемам конфликтов и компромиссов среди историков, культурологов и политологов. Конфликты

---

¹ Vries 2018: 314.

² Делез, Гваттари 1976.

преимущественно рассматриваются в их связи и влиянии на социокультурную среду и в контексте реализуемых социальных практик, что также вызывается конвергенцией категориального аппарата гуманитарных наук и выступает следствием культурного поворота в гуманитарном знании, все больше внедряющего *наддисциплинарную терминологию*.

Современной историографией признается «презумпция власти и властности междисциплинарного дискурса»³ в изучении социальных процессов прошлого. Однако, из всей таксономии видов междисциплинарности именно трансдисциплинарный подход позволяет «в большей мере преодолеть теоретические рамки и выработанные традиционной методологией дисциплинарные барьеры»⁴. Подход может выступать актуальной основой для получения нового знания, которое производится совместно исследователями как по дисциплинам, так и в области изучаемых практик. В области изучения «конфликт-компромисс» указанный подход проявляется через учёт многомерности явления, при этом не ограничиваясь дисциплинарными рамками – «разрушает узкие границы отдельных дисциплин при выявлении, структурировании и анализе проблем в исследованиях»⁵.

Междисциплинарность в своем современном виде выступает проявлением активно развивающейся парадигмы метатеории и предлагает почву для сотрудничества различных конкурирующих точек зрения, свободных от прежних дисциплинарных границ. Позволяет стать ответом на запрос о многомерном изучении отдельного явления прошлого, тогда как «ценность междисциплинарности может заключаться в присутствии ей плюрализме, который, вероятно, делает ее более устойчивой перед лицом сложных проблем и глобальных вызовов, которые она призвана решать»⁶. По мнению Д. Абрама и М. Хогга, «метатеория помещает конкретные исследовательские вопросы в более широкие рамки и поощряет интеграцию теоретизирования для ряда потенциально несопоставимых явлений»⁷. Их соразмерно рассмотреть допускает трансдисциплинарный подход, выступающий, по мнению З.А. Чеканцевой, «ключевой исследовательской практикой»⁸, за счет наибольшего акцента на специфике предмета изучения и, одновременно, максимального сглаживания дисциплинарных границ исследования.

Построение междисциплинарной исследовательской модели применительно к изучению конфликтов выступает процессом создания теоретической конструкции как единого трансдисциплинарного инструмента, который был синтезирован на основе выбора, апробирования и иерархизации традиционного инструментального набора методов

³ Graff 2016: 776.

⁴ Sinha 2016: 45.

⁵ Андреев, Гибадулин, Жданов 2019: 12.

⁶ Politi 2019: 248.

⁷ Abram, Hogg 2004: 98.

⁸ Чеканцева 2022: 13.

для потребностей *отдельного* исследования с учетом специфики корпуса привлеченных источников, а также феноменологических особенностей единично взятого объекта исследования.

Изучать пределы и возможности применения такого подхода необходимо, следуя В. Крону, в каждом отдельном случае⁹, отрицая возможность создания траектории «следования единому образцу междисциплинарной практики в целом»¹⁰. В этой связи реализуемая историком в его частном исследовании трансдисциплинарная методологическая модель будет представлять собой «высшую ступень»¹¹ воплощения кросс-дисциплинарного подхода. Вместе с тем применение единого трансдисциплинарного исследовательского инструмента, предполагает: обобщение категориального аппарата, уточнение терминологии, единообразного понимания используемых подходов. С другой стороны, усложнение исследовательских операций предлагает оформить по результату проведенного изыскания теоретическую значимость примененной модели для комплексного разрешения задач историка, действующего в новой междисциплинарной парадигме. Тогда как обобщение накопленного опыта трансдисциплинарных исследований и анализ потенциала моделей в разрешении поставленных исследовательских задач позволяет внести «понимание того, как междисциплинарность может изменить науку и произвести существенно новый вид знания, поскольку сила междисциплинарности заключается в отсутствии согласия по поводу монолитной междисциплинарной парадигмы»¹².

Трансдисциплинарность в изучении области «конфликт-компромисс» предлагает использование именно системной модели. В ней множество элементов создают единство и определенную целостность структуры, которая в контексте изучения социального противоборства приобщает методологический инструментарий таких дисциплин, как социология, конфликтология, социальная психология, культурология и др. Вместе с тем традиционное определение конфликта имманентно междисциплинарно и опирается на идею столкновения и противоречия, противостояния интересов и ценностей¹³. Рассмотрение конфликтов в междисциплинарной плоскости не только расширяет инструментарий историка, но и меняет контекст рассмотрения проблемы конфликтов прошлого. Конфликтология видит сущность конфликтов не столько в возникновении противоречия, столкновения интересов, сколько в способе разрешения создавшегося противоречия, в противодействии субъектов социального взаимодействия, что применительно к историческому исследованию расширяет предметное поле конфликта, выводя его за рамки строгой событийности. Делается акцент на противодействии субъек-

⁹ Krohn 2010.

¹⁰ Politi 2019: 246.

¹¹ Репина 2011: С. 27.

¹² Politi 2019: 248.

¹³ Аллахвердова 2007: 129–130.

тов конфликта в многоаспектном измерении: историческом, социологическом, психологическом, исследуется динамика эволюции социальной культуры общества, ее влияние на историческую память.

Как правило, истоки конфликта лежат в противоречии социальных интересов и ценностей, обуславливающих культурные нормы. Однако не каждое подобное противоречие ведет к конфликту. Как подчеркивает О.В. Аллахвердова, «методы регулирования человеческих взаимоотношений определялись социально-культурными нормами общества и варьировались на протяжении человеческой истории, меняя культуру взаимодействия, или развитие культуры заставляло искать новые формы регулирования отношений между людьми»¹⁴. Столкновение возникает при условии, что поведение одной из сторон конфликта воспринимается другой стороной как не соответствующее представлениям о справедливости и интерпретируется как несоответствующее со сложившимися у стороны конфликта образами социального порядка; шире – не соответствует ранее построенной, в доконфликтной ситуации, картине мира индивида, социальной группы, общности, национальной памяти.

В ситуациях политического кризиса или значимых социальных изменений происходит пересмотр в восприятии прежде сложившихся образов, «идет процесс трансформации коллективной памяти, который захватывает не только “живую” социальную память, память о пережитом современников и участников событий, но и глубинные пласты культурной памяти общества, сохраняемой традицией и обращенной к отдаленному прошлому. Историческая память всегда мобилизуется и актуализируется в сложные периоды жизни нации, общества или какой-либо социальной группы, когда перед ними встают новые трудные задачи или создается реальная угроза самому их существованию»¹⁵. Это характерно и для поведения участников столкновения на разных его этапах.

На основе работ социологов, культурологов и социальных психологов, применительно к изучению конфликтов прошлого, можно выделять пять стадий развития, динамики конфликта. Первая, предконфликт, латентная или доконфликтная стадия отличается наличием противоречий, которые, однако, еще не идентифицируются участниками событий, историческими акторами, как конфликт и преимущественно выступают в форме выраженной рефлексии о несоответствии приемлемым ценностям поведения или социального выбора будущей «противоположной стороны» конфликта. Во второй стадии происходит размежевание и оформление групп участников противоречия, выдвигаются и становятся понятными для оппонентов основные требования, фиксируются претензии и недовольство сторон, происходит само зарождение конфликта и первые столкновения. На третьей стадии, инциденте, происходит основное триггерное событие, которое осознается как не-

---

¹⁴ Там же.

¹⁵ Репина 2012: 22.

допустимое для одной из сторон конфликта, что переводит конфликт из латентной стадии в активное противоборство, чем делает конфликт очевидным и признанным для обеих сторон. Однако, уже здесь, с целью сохранения привычного поведенческого паттерна и ценностных оснований доконфликтной культуры у одной из сторон конфликта начинает трансформироваться когнитивно-мировоззренческая картина. Такая тенденция создает впоследствии платформу для формирования постконфликтных форм взаимодействия. Четвертая стадия характеризуется апогеем и наибольшей радикализацией противостояния. Для всех сторон конфликта обозначаются основные критические точки, вместе с тем, после достижения своего пика начинает снижаться частота столкновений и степень радикализма в конфликте, ослабевают неприятие оппонентов. На пятом, завершающем этапе конфликта, происходит его разрешение, однако окончание конфликта и выход из него акторов процесса заканчивают событийность отдельно взятого конфликта, но зачастую не исчерпывают культурное размежевание сторон, а значит, сама ситуация остается не разрешенной – сохраняются условия для повторной эскалации в случае если притязания сторон не удовлетворяются или не была установлена новая практика социокультурного взаимодействия на основе договора, компромисса сторон.

В социологии выдвигаются три основные модели завершения конфликта: так называемые «выигрыш — проигрыш», «выигрыш — выигрыш», «проигрыш — проигрыш». Однако, как показывают исследования эффективности разрешения конфликтов, в ситуации, когда интересы обеих сторон не удовлетворены в полном объеме восприятие самой конфликтной ситуации не меняется. Следовательно, социальная конфликтогенность не снижается, даже при условии минимизации и снижения количества прямых конфликтогенерирующих противоречий и фактов событийных столкновений. Отмечу, что при посредничестве социального института, который наделен культурными нормами авторитетом, каким может выступать суд и судебная тяжба, стороны могут поддержать прежнюю доконфликтную норму. Однако сама кризисная диспозиция не исчезает. Такая ситуация приводит к ретрансляции и возобновлению конфликта с нарастающим уровнем конфликтогенности и усилением иррациональности поведения участников конфликта, сужая когнитивную картину восприятия противоположной стороны конфликта до образа «врага». Однако, противоречия, оставшиеся без «культурного» консенсуса сторон, не всегда означают потенциальное вспыхивание конфликта в грядущей перспективе, но, сохраняя о себе след в исторической памяти, становятся субстратом для генерации конфликта. Как подчеркивает Л.П. Репина: «длинный шлейф эмоциональных переживаний политических катаклизмов и социальных конфликтов, свершившихся в далеком и даже относительно недавнем прошлом, постепенно теряется в мифологизированных образах соци-

альной и культурной памяти, создавая богатейший и поистине неисчерпаемый духовный ресурс для формирования во вновь возникающих кризисных ситуациях самого широкого спектра программ – от сугубо консервативных до радикально-революционных»¹⁶.

Выходом из формирующегося замкнутого круга становится компромисс как отражение консенсуса, который возник в результате договора противостоявших сторон и отражает «новое общее» в обновленной после конфликта культурной норме. При этом разрешение конфликта между двумя противоположными акторами происходит при реализации социокультурной практики медиации, интерпретировать которую можно как основу компромиссного диалога, где основным параметром эффективности выступает его устойчивость. Вместе с тем применение практики медиации возможно при соблюдении двух условий: первое, рефлексия и фиксация современниками наличия конфликта, второе, готовности противоположных сторон к диалогу при понимании необходимости компромисса в разрешении противоречия.

Ускорить процесс медиации позволяет понимание сторонами конфликта идеи полезности и общего блага от установления консенсуса в обществе. А.А. Жиденко подчеркивает: «медиация работает как полноценный регулятор социальных конфликтов в рациональных и практических культурах, ориентированных на скорейшее и наиболее безболезненное решение конфликтов»¹⁷. Медиатор вместе с противостоящими друг другу акторами формируют новую культуру поведения в разрешении конфликта, прецедент. Создается такой контекст взаимодействия исторически действующих субъектов, при котором агрессивные коммуникации заменяются конструктивными, ослабляют свое действие прежние социальные паттерны, влияющие на остроту конфликта.

Привлечение в историческое исследование более широкого междисциплинарного контекста для изучения проблемы конфликтов и компромиссов видится отражением современной междисциплинарной методологии исторического знания, где накопленный опыт «поворотов» начинает эволюционировать в метанаучный уровень эпистемы через инструмент конвергенции. Методолог истории Х.Дж. Графф подчеркивает, что «не все, но многие достижения “новой истории” междисциплинарны, обобщение уровня исследования позволяет им продолжаться, несмотря на последовательные волны противоречивых методологических и интерпретационных “поворотов”, которые обычно возникают внутри дисциплин. История социальных наук демонстрирует частичную ограниченность в организационном и дисциплинарном смысле, что находит отражение во множестве противоречий. Часто они представляют собой то, что я называю междисциплинарностью внутри дисциплины»¹⁸.

---

¹⁶ Репина 2012: 21.

¹⁷ Жиденко 2020: 22.

¹⁸ Graff 2016: 800.

Обобщение опыта методологически «новой» истории позволяет выделить в работах второй половины XX в. компонент синергии кросс-науч-ных знаний, актуализация которых связывалась с «поворотами».

Культурологический или «культурный» поворот здесь проявился в смене акцентов, когда «главное внимание стало уделяться теоретическому обоснованию и изучению роли и действий агентов исторического процесса, проявлений субъективности, амбивалентности, множественности»¹⁹. Все большее внедрение термина «культура» как *наддисциплинарной* категории гуманитарного знания позволяет не только отвечать требованиям поворота, но и в методологическом смысле способствует расширению эпистемологических границ исследования. Что постепенно выводит границы исследований из плоскости меж- и полидисциплинарности в актуальные направления: интердисциплинарность и трансдисциплинарность, где последнее «все чаще упоминается как многообещающий способ производства нового научного знания в контексте разрешения беспрецедентных мировых кризисов»²⁰.

Категориально понятие культура может интерпретироваться как кросс-дисциплинарное, претендуя на всеобъемлющий и многомерный характер. Оно требует учитывать влияние традиционных норм на эволюцию поведенческих детерминант, оказывающих давление на формирование мировоззрения и поведенческий выбор исторического человека. Тогда как универсум научного знания создает основу для междисциплинарной структуры, которая, первое, соединяет изучение различных сфер человеческой деятельности в рамках культурных концептов и императивов, второе, оказывает принципиальное влияние на формирование социокультурных практик, в том числе практики компромисса. И если культурный компонент можно рассмотреть, как «содержательное наполнение ценностных иерархий»²¹, то социальность выступает условием проявления в прошлом «формального, структурного аспекта... содержащего в себе, помимо биологического или психического, культурный срез»²². Культура в целом влияет на формирование поведения человека. Согласно Л.С. Выготскому, «культурные формы поведения суть именно реакции личности»²³. Так, воспитанные культурой образцы социального поведения оказывают существенное влияние на поведение в конфликтных ситуациях и остаются в исторической памяти акторов. В данном ключе в рамках построения междисциплинарного подхода и привлечения методов социологии, культурологии и психологии для историка появляется возможность изучить проблему интериоризации и переживания конфликта как стресса. Психосоциальный анализ позволяет: выявить в разноразмерных социальных группах уста-

¹⁹ Поршнева 2013: 13.

²⁰ Rigolot 2020: 101.

²¹ Бакланова, Бакланов, Ерохин 2016: 96.

²² Там же.

²³ Выготский 1983: 84.

новки на эскалацию конфликта или его преодоление, проанализировать степень радикализации конфликтов и формирование ресентимента, позволяет определить собственные роли в поведенческой триаде «инициатор-посредник-посредник» исторических персоналий и их тактику в противоборстве. Вместе с тем, явное противостояние сторон является индикатором наличия коммуникационных сложностей между взаимодействующими сторонами, которыми могут выступать как отдельные личности, так и социальные группы и институции.

Культура выступает ключевой детерминантой начала конфликтного процесса и сохраняет первостепенную роль вплоть до стадии разрешения споров, которые возникают в ходе активного противоборства сторон по социальным, политическим и экономическим вопросам. Именно культура и нарушение ее основ - границ ценностей, выступает условием для формирования и конфликта, и последующего компромисса, регламентирует модусы поведения в диалоге, споре и конфликтотенерирующих ситуациях. Каналы кросс-культурной коммуникации служат не только для передачи информации, но и программируют социальные группы на выбор моделей поведения в столкновении.

Изучение проблематики взаимной корреляции по линии конфликт-культура сопряжено с рядом трудностей для историка. Ученному необходимо при создании исследовательской модели учитывать ряд параметров культуры как предмета изучения. Выделю основные пять. Первое, многослойность культурных пластов и диффузно влияющих на них мультикультурных факторов. Второе, изменчивость культурных детерминант. Третье, культура может демонстрировать, в терминах социологии, «эластичность», которая выражается в том, что только часть норм и правил поведения, установленных в качестве обязательных, будут поддержаны всем социумом или отдельной страной. В свою очередь, утверждение культурных норм может происходить с разной скоростью. Четвертое, определяемые культурой поведенческие практики и их детерминанты зачастую выступают в латентной форме, лишь бессознательно осознаваемые современниками. И пятое, влияние культуры может проявляться ситуативно, т. е. в зависимости от предмета и остроты конфликта менее значимые культурные ценности могут доминировать в действиях и словах субъекта по отношению к фундаментальным аксиологическим установкам «мирного» времени.

Культура выступает значимым фактором в процессе эволюции конфликтов. Можно утверждать, влияние культуры на противоречия неустранимо, однако культурные различия сами по себе не приводят к возникновению противостояния. Более того, непохожесть и различия социального статуса участников исторического процесса в рамках реализации выработанных поведенческих паттернов становятся своего рода точкой опоры. Специфика выступает источником формирования баланса в дифференцированных и стративных структурах отдельно изучаемого общества и системах, в основах и эволюции которых лежал

договор, а значит компромисс сторон на более ранних этапах исторического развития, позже оформленный в виде культурных традиций.

В свою очередь статические периоды культуры образуются за счет компромиссного равновесия между противоположными структурными тенденциями. Как отмечал Ю.М. Лотман: «наблюдаемое в различных сферах культуры периодическое “качание” между крайними структурными формами и их компромиссным “выравниванием” вокруг усредненной формы имеет схожую природу... статическое состояние обеспечивается равновесием между активностью подструктур, достигаемым за счет компромисса, а динамика — последовательной активизацией каждой из них и внутренним диалогизмом между ними»²⁴. Можно сказать, что выстраивается диалектическая линия преемственности, где каждый новый цикл приходит к фазе «компромиссной стабилизации»²⁵ из ранее возникшего диалога и/или конфликта. Этот процесс фиксируется в отношениях между механизмом индивидуального сознания и семиотическим механизмом культуры, где обычное, «нормальное» сознание представляет собой компромисс между противонаправленными тенденциями составляющих его однолинейных «сознаний». Таким образом, статическое состояние социума обеспечивается равновесием между активностью обеих подструктур, достигаемым за счет компромисса, а динамика — последовательной активизацией каждой из них и внутренним диалогизмом между ними, что в общем выступает, синтезируясь в макроуровне, как движущие силы социальной эволюции.

Создание междисциплинарной модели изучения конфликта и его преодоления ставит задачу учитывать темпоральную и пространственную специфику культуры конфликтов, свойственной предмету исследования. В этом смысле становится необходимым установление ряда конфликтогенерирующих характеристик — как универсальных (совокупности правил, законов и нормативов, действующих в социуме), так и частных (модусы социальных ожиданий, отношений, оценок собственных индивиду или группе). Отмечу, взаимоисключающие установки апологетов различных культур определяют не только способы передачи информации, коммуникационную модель и различные дискурсы, но и сами по себе создают предмет дискуссии, между интеллектуалом и властью, обществом и властью, социальными стратами и др.

Кризис и порожденный им конфликт выступают катализаторами культурной трансформации, задают ее альтернативные траектории и порождают вариативность дискурсов, варианты памяти и идентичности, а в ряде случаев оформляют конфликт интерпретаций как поле противоборства, где сам «конфликт представляет собой важнейший фактор, задающий идентичность»²⁶. При этом ценности, реализованные

²⁴ Лотман 2000: 592–593.

²⁵ Лотман 1992: 49.

²⁶ Козер 2000: 52.

через поведенческие паттерны, обуславливают формат ведения медиации и ее успешность при разрешении конфликта между акторами. Выработанные обществом аксиологические детерминанты оказывают влияние на выбор варианта потенциального решения в конфликте, которое впишется в параметр «допустимости»²⁷ для консенсусных рамок социальной культуры и будет воспринято изучаемым социумом в целом и/или локальным сообществом, микрогруппой, исторической личностью. Исследователи при реконструкции модели медиации отмечают ряд стадий ее формирования²⁸. Выделяется разное число стадий в развитии практики медиации: в частности, двенадцать²⁹, семь³⁰ или четыре³¹. Более общепринятое последнее деление в общем междисциплинарном виде может быть представлено как: «введение – позиция отдельных сторон – решение проблемы – договоренность»³². Применительно к ретроспективному анализу эволюции отдельной практики столкновения это позволяет выделять стадии перехода от конфликта к компромиссу в условиях разрешения кризисных прецедентов в прошлом. При этом «новая» договоренность, характеризующаяся ролью медиатора как участника процесса, будет означать формирование новой постконфликтной культуры договорного, компромиссного или консенсусного характера, с включением в обновленные нормы свойств культуры-медиатора, носителями которой могут выступать отдельные лица или социальные страты. В свою очередь, анализ этапов конфликта через учет трансформации культурных индикаторов и, соответственно, применение более широкого спектра методов гуманитарных наук расширяет исследовательские границы в вопросе репозиционирования конфликта в компаративной историографии.

Междисциплинарность позволяет рассмотреть образ конфликта в национальной истории через эволюцию ценностной иерархии, свойственной изучаемому социуму. В свою очередь, привлечение социологических методов позволяет историку рассмотреть и консолидирующее влияние конфликта на общество, которое может выступать средством устранения разобщающих элементов отношений и восстановления единства на основе и в рамках создания новой *постконфликтной* культуры, которая, в свою очередь, выборочно соединяет пласты исторической памяти, идеологии с культурными нормами и традициями. Здесь необходимо привести тезис Л. Козера, по которому наиболее важными для развития культуры оказываются «не все конфликты, а лишь относящиеся к целям, ценностям или интересам, не затрагивающим основ,

---

²⁷ Возможно провести ситуативное сравнение со стадией предконфликта, где размежевание с нормой «допустимого» вызывало начало противоборства.

²⁸ Бессмер 2004.

²⁹ Моор 1986.

³⁰ Тейлор, Фолберг 1984.

³¹ Mediation Training Institute, 1988.

³² Елисеев, Некрасов 2011: 227.

на которых строятся отношения»³³, что в рамках одной модели (на стыке социологического, исторического, психологического и культурологического метода) позволяет найти и рассмотреть детерминирующие социальные факторы в их влиянии на различные процессы культурных напластований, движение которых становится наиболее заметным в ситуации конфликта и его перерождения в консенсус. В свою очередь, синтезирование и инструментальное обновление «институционального и культурного анализа будет способствовать продвижению вперед на пути создания продуктивного альянса между историей и социальными науками», что обуславливает необходимость учитывать такие принципы в построении исследовательских моделей, которые и будут применяться в изучении предметной области «конфликт-компромисс». Во-первых, культурная парадигмальность исследования предполагает помещение и ретрансляцию политических, экономических, социальных, психологических аспектов прошлого через «культурное» как междисциплинарную и межсистемную категорию. Во-вторых, устанавливается приоритет специфики объекта изучения и подобранной источниковой базы над методом в вариативности построения исследовательской модели в поле инструментария историка. Наконец, в-третьих, конвергентность полученного знания реализуется через междисциплинарность в ее современном трансдисциплинарном или интердисциплинарном модуле.

Резюмируя, отмечу, характерное для современной науки стремление к построению междисциплинарных моделей может представлять собой один из эффективных путей преодоления ситуации постмодерна, предложив новый, *конвергентный* поворот в историческом знании. Но, оценивая ситуацию сегодняшнего дня, рано говорить о том, что метанаука в ее трансдисциплинарном модуле близка к своему конечному оформлению, поскольку находится, вслед за оформлением «постнормальной науки»³⁴, в своей допарадигмальной фазе, как и сама междисциплинарная парадигма в постмодерне. Тем не менее, успешные опыты трансдисциплинарных исследований и их теоретическое осмысление позволяют создать базу для развития междисциплинарных метаисследований. Они несут в себе потенциал разрешения кризиса постнеклассической науки и воспринимаются методологами «своего рода эпистемологической панацеей, призванной излечить болезни, которым наследует научное сознание нашего века»³⁵.

Трансдисциплинарные исследовательские модели в проблемной области «конфликт-компромисс» способны ответить на социальный запрос современного метанаучного знания, привлекать к изучению событийности эволюции конфликта методы культурологии, социологии и психологии в рамках единого исследования, выдвигая на первый план феноменологическую специфику изучаемого объекта.

³³ Козер 2000: 104.

³⁴ Фунтович, Равец 1993.

³⁵ GUSDORF 1977: 580.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Аллахвердова О.В. Культура разрешения конфликтов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2007. №3. С. 127–140. [Allaxverdova O.V. Kul'tura razresheniya konfliktov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologiya. Mezhdunarodny'e otnosheniya. 2007. №3. S. 127–140].
- Андреев В. В., Гибадулин Р. Я., Жданов Р. И. Формирование трансдисциплинарного подхода к научной и педагогической деятельности как основная миссия Института перспективных исследований // Преподаватель XXI век. 2019. № 2–1. С. 9–22. [Andreev V. V., Gibadulin R. Ya., Zhdanov R. I. Formirovanie transdisciplinarnogo podkhoda k nauchnoj i pedagogicheskoj deyatel'nosti kak osnovnaya missiya Instituta perspektivny'x issledovanij // Prepodavatel' XXI vek. 2019. № 2–1. S. 9–22].
- Бакланова О. А., Бакланов И. С., Ерохин А. М. Методологические конструкции исследования социальности современного общества // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. № 8 (3–1). С. 95–100. [Baklanova O. A., Baklanov I. S., Erohin A. M. Metodologicheskie konstrukty issledovaniya social'nosti sovremennogo obshchestva // Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'. 2016. № 8 (3-1). S. 95–100].
- Бесемер Х. Медиация. Калуга: Духов. познание, 2004. 172 с. [Besemer X. Mediaciya. Kaluga : Dухov. poznanie, 2004. 172 s.].
- Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3. Проблемы развития психики. М.: Педагогика, 1983. 368 с. [Vygot'skij L. S. Sobranie sochinenij: V 6 t. T. 3. Problemy razvitiya psixiki. M.: Pedagogika, 1983. 368 s.].
- Елисеев Д.Б., Некрасов С.И. Медиация как метод и технология урегулирования социально-правовых конфликтов // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 4. С. 226–233. [Eliseev D.B., Nekrasov S.I. Mediaciya kak metod i texnologiya uregulirovaniya social'no-pravovy'x konfliktov // Ucheny'e zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarny'e i social'ny'e nauki. 2011. № 4. S. 226–233].
- Жиденко А. А. Институт медиации как регулятор социальных конфликтов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 12-1. С. 21–24. [Zhidenko A. A. Institut mediacii kak reguljator social'ny'x konfliktov // Gumanitarny'e, social'no-e'konomicheskie i obshhestvenny'e nauki. 2020. № 12-1. S. 21-24.].
- Козер Л. Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс, 2000. 205 с. [Kozer L. Funkcii social'nogo konflikta. M.: Ideya-Press, 2000. 205 s.].
- Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. 1.: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин: Александра, 1992. 479 с. [Lotman Yu. M. Izbranny'e stat'i. T. 1.: Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury'. Tallin: Aleksandra, 1992. 479 s.].
- Лотман Ю.М. Асимметрия и диалог// Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. С. 591–603. [Lotman Yu. M. Asimmetriya i dialog// Semiosfera. SPb.: Iskusstvo-SPB, 2000. S. 591–603].
- Поршнева О. С. Роль междисциплинарности в интеграции истории и социальных наук: феномен социально-научной истории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2012. № 3. С. 5–19. [Porsheva O. S. Rol' mezhdisciplinarnosti v integracii istorii i social'ny'x nauk: fenomen social'no-nauchnoj istorii // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii. 2012. № 3. S. 5–19].
- Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011. 560 с. [Repina L. P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: social'ny'e teorii i istoriograficheskaya praktika. M.: Krug, 2011. 560 s.].
- Репина Л. П. Опыт социальных кризисов в исторической памяти // Кризисы переломных эпох в исторической памяти. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 3–37. [Repina L. P. Opyt social'ny'x krizisov v istoricheskoj pamjati // Krizisy perelomny'x e'pox v istoricheskoj pamjati. M.: IVI RAN, 2012. S. 3–37].
- Чеканцева З. А. Для чего нужны историки? Заметки о возможностях и пределах дисциплинарной истории // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2022. Вып. 164. № 3. С. 9–28. [Chekanceva Z. A. Dlya chego nuzhny istoriki? Zametki o vozmozhnostyax i predelax disciplinarnoj istorii // Ucheny'e zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarny'e nauki. 2022. Vy'p. 164. № 3. S. 9–28].

- Abram D., Hogg M. A. Metatheory: Lessons from social identity research // *Personality and Social Psychology Review*. 2004. Vol. 8. № 2. P. 98–106.
- Graff H.J. The “Problem” of Interdisciplinarity in Theory, Practice, and History // *Social Science History*. 2016. Vol. 40. № 4. P. 775–803.
- Gusdorf G. Past, present, and future in interdisciplinary research // *International Social Science Journal*. 1977. Vol. 29. P. 580–600.
- Jacobs J., Frickel S. Interdisciplinarity: A critical assessment // *Annual Review of Sociology*. 2009. Vol. 35. P. 43–65.
- Klein J. T. Discourses of interdisciplinarity: Looking back to the future // *Futures*. 2014. Vol. 63. P. 68–74.
- Krohn W. Interdisciplinary cases and disciplinary knowledge // *The Oxford handbook of interdisciplinarity*. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 31–49.
- Politi V. The Interdisciplinarity Revolution // *THEORIA. An International Journal for Theory, History and Foundations of Science*. 2019. Vol. 34. № 2. P. 237–252.
- Rigolot C. Transdisciplinarity as a discipline and a way of being: complementarities and creative tensions // *Humanities and Social Sciences Communications*. 2020. № 7. P. 100–105.
- Sinha C. Rethinking interdisciplinarity in social sciences: Is it a new revolution or paradox // *Journal of Interdisciplinary Studies in Education*. 2016. Vol. 4. № 2. P. 44–66.
- Vries J. Changing the Narrative: The New History That Was and Is to Come // *Journal of Interdisciplinary History*. 2018. Vol. 48. № 3. P. 313–334.

Шабунина Анастасия Константиновна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Отдел историко-теоретических исследований, Институт всеобщей истории РАН; shabunina@bk.ru

The Challenge of Transdisciplinarity: the Subject Area "Conflict-Compromise"

The article discusses aspects of the construction and implementation and research of transdisciplinary models in relation to the problem field "conflict-compromise". The described theoretical constructions have become a response to a request for a multidimensional study of individual phenomena of the past. The author provides an analysis of the analysis of the development of the conflict and its evolution in compromise through the supra-disciplinary structure of culture. It is concluded that transdisciplinary models as a demonstration of metascientific methodology are built on the basis of the selection, testing and hierarchization of a reliable instrumental set of methods, taking into account the phenomenological specifics of the object of study.

Keywords: conflict, compromise, transdisciplinarity, interdisciplinarity, metatheory, research model

Anastasia Shabunina, Ph.D. in History, research fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; shabunina@bk.ru

А.Д. ПАНТЕЛЕЕВ

БОГАТСТВО, БЕДНОСТЬ И ГНОСТИКИ. ЧАСТЬ I¹

Во II–III вв. существовала группа гностических течений, считавших демиурга, боготворца низшего материального мира, не добрым или злым, а справедливым. Это валентиниане Гераклеон и Птолемей, сын и ученик гностика Карпократа Епифан, авторы сочинений «Трехчастный трактат», «Ипостась архонтов» или «О происхождении мира» из собрания Наг-Хаммади. Эти гностики утверждали, что он заботится о духовных людях – пневматиках, имеющих в своей душе частицу света. Они ощущали себя частью не только высшего, духовного мира, но и в какой-то мере этого, материального, и были нацелены на позитивное взаимодействие с римскими властями и языческим обществом в большей степени, чем церковные христиане. Взгляд на демиурга как защитника и покровителя позволял решить многие вопросы, в том числе проблему отношения к земному богатству. Демиург заботился о душах, имевших в себе духовное зерно, он или помещал их в тех, кто родился в знатных и богатых семьях, или возвышал и обогащал этих пневматиков. Богатство, таким образом, не стигматизировалось, а превращалось в знак избранности и элитарности.

Ключевые слова: *Раннее христианство, Римская империя, гностицизм, Климент Александрийский, Иринеи Лионский, бедность, богатство, гонения.*

В конце II в. Климент Александрийский написал небольшую проповедь «Кто из богатых спасется?» (Τίς ὁ σοφίζμενος πλούσιος). Ее аудитория – молодые богатые и образованные христиане-александрийцы, возможно, слушатели знаменитого огласительного училища, пользовавшиеся всеми благами жизни. Им прислуживали рабы, они ели на золоте, украшали себя драгоценностями и тратили деньги на скаковых лошадей, ручных мартышек и редких птиц. Их имущество и образ жизни стали предметом для пересудов и споров внутри общины, и они превратились во «второсортных христиан»². Эта золотая молодежь начала сомневаться, сможет ли она спастись, если не откажется от своих богатств. Особое волнение у них вызывал евангельский рассказ о богаче, которому Иисус сказал: «Пойди, все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах» (Мк 10:21; Лк 18:22; Мф 19:21), – слова, казалось бы, однозначно указывающие на невозможность богатым войти в Царство Божие. Климент успокоил беспокоящихся: Иисус не лишил богачей надежды на спасение, Его слова не следует понимать буквально. Бедность сама по себе не является добродетелью, если она не связана с познанием Бога, и богатому человеку нужно избавиться не от своего имущества, а от постоянных размышлений о нем и привязанности к нему. Деньги могут служить благим целям, ведь Евангелие содержит заповеди, которые без них не могут быть

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01357, <https://rscf.ru/project/22-28-01357/>

² Van den Hoek 2008: 69–70.

исполнены, например, «Приобретайте себе друзей из богатства неправды» (Лк 16:9). Пусть все остается так, как есть, но богачи должны стремиться к отрешенности от своего имущества и к простоте жизни, а кроме того, раздавать милостыню, так как бедные обладают особыми духовными дарами, и их молитвы защищают богатого человека от искушений в этом мире³.

Климент в своей проповеди решает несколько задач: он примиряет враждующие группы в общине, демонстрирует преимущества своего метода экзегезы Писания, укрепляет свой пастырский авторитет. Но помимо этого, он удерживает колеблющихся верующих, не давая им уйти к учителям, предлагавшим иные, альтернативные (еретические) трактовки христианства. С этими соперниками-лжеучителями Климент полемизирует в «Строматах» и «Педагоге», где одна из глав критикует гностиков, «кичащихся своим знанием» (οἱ εἰς ἡδῶσιν λεφθοσμένοι. – Раед. I.25.1), и эта дискуссия продолжается в «Кто из богатых спасется?». Александрия была крупнейшим интеллектуальным центром античного мира, где творили и преподавали выдающиеся ученые и философы, в этой уникальной космополитической среде сосуществовали и смешивались самые разные культурные и религиозные традиции – греческая, египетская, сирийская, иудейская, а позже к ним присоединилось христианство. Нам неизвестно, когда оно появилось в Александрии и вообще в Египте, но во II в. в городе уже существовали множество всевозможных христианских и квази-христианских групп⁴. Среди них особенно выделяются разнообразные гностики, можно сказать, что Александрия была настоящей кузницей гностических учений⁵. Укажем хотя бы на Василида и его сына Исидора (Clem. Alex. Strom. VII.106.4), Карпократа и его сына Елифана (Clem. Alex. Strom. III.5.1–11, 1; Epiph. Haer. 32.3), Валентина (Clem. Alex. Strom. VII.106.4; Epiph. Haer. 31.2); именно с Валентином и его учениками в «Строматах» и «Педагоге» ведется особенно жаркий спор⁶. Взгляды гностиков разительно отличались от того, чему учили Пантен и Климент, но их молодая и не очень опытная аудитория могла это или не заметить, или поддаться обаянию учений, обещавших раскрыть тайны духовного мира, дать истинное знание, скрытое от непосвященных, и обеспечить спасение еще в земной жизни. Кроме того, некоторые гностические учителя демонстрировали внешнюю лояльность к общине, оставляя «высшее знание» для своих отдельных собраний, носивших закрытый характер⁷. Мы не будем рассматривать все проблемы, связанные с учениями этих гностиков, их деятельностью в Александрии и полемикой с другими течениями, остановившись только на вопросах, что волновали Климента в

³ Countryman 1980: 47–68; Пантелеев 2022.

⁴ Подробнее см. Хосроев 1991: 79–91.

⁵ Jakab 2005; Löhr 2013.

⁶ Хосроев 2016: 137.

⁷ Lampe 2003: 317; Пантелеев 2006: 410–412.

«Кто из богатых спасется?» – может ли богатый христианин рассчитывать на спасение и если да, то как ему нужно себя вести в этом мире.

Каждая гностическая группа создавала свою этику, основывающуюся на теологии, иногда ее положения были сформулированы явным образом: у Исидора было сочинение «Этика» (Clem. Alex. Strom. III.2), а Епифан написал трактат «О справедливости» (Clem. Alex. Strom. III.6–9)⁸. Однако насколько детально эти системы были проработаны и все ли области жизни они охватывали? Не могло ли быть так, что они только задавали общее направление, не вдаваясь в частные вопросы?⁹ Отцы Церкви часто сообщают, что гностики считали, что образ жизни и следование заповедям никак не влияет на спасение, ведь оно зависит только от наличия или отсутствия духовного зерна в душе человека. Какие ответы могли предложить гностики на вопрос о богатстве и интересовали ли их в принципе подобные проблемы? Скажем прямо: да, интересовали, а ответы могли быть диаметрально противоположными в зависимости от особенностей учения. Можно было как гордиться своим высоким социальным статусом и богатством и всячески его подчеркивать, так и отказаться от всех мирских благ. Теоретическое основание у обоих этих взглядов было одно и то же: материальный мир создан демиургом – богом-творцом, лишенным истинного знания, так что земная жизнь – временный и ничего не значащий этап на пути спасения. Те из гностиков, кто полагали, что демиург не добр и не зол, а справедлив, могли утверждать, что он заботится о духовных людях – пневматиках, имеющих в своей душе частицу света, а после того, как Спаситель научил его истине, стал пещью о них еще больше. Он поддерживает их во всем, и они обладают положением в обществе, а стало быть, и богатством. С другой стороны, те, кто отождествляли демиурга со злым началом, сторонились всех дел этого мира, чтобы не оскверняться¹⁰. Мы покажем, как эти представления нашли отражение в наших источниках, и предложим историко-социологическую интерпретацию этих данных. Опорой для нас послужат работы Д. Гэгера¹¹, П. Лямпе¹², М. Вильямса¹³, Д. Бингхема¹⁴ и других современных историков раннего христианства.

В нашем распоряжении есть набор свидетельств из полемических сочинений церковных писателей II – нач. III в. о гностических системах, где творец этого мира описывается как справедливый и «право-

⁸ Dunderberg 2015.

⁹ Если такого рода частные вопросы возникали, они могли рассматриваться в специальных посланиях, обращенных к конкретным адресатам, образцом чего является Послание Птолемея к Флоре, посвященное браку и возможности развода (Epirh. Naer. 30, 3–7).

¹⁰ Kippenberg 1970: 211–232.

¹¹ Gager 1975.

¹² Lampe 2003 (нем. изд. – 1989).

¹³ Williams 1996.

¹⁴ Bingham 2016.

судный». Последователю Валентина Птолемею¹⁵ принадлежит «Послание Флоре», сохраненное Епифанием (Eriph. Haeg. 30.3–7). В нем он рассуждает о происхождении ветхозаветных законов, возводя часть их к демиургу. Птолемей считает его не благим и не злым, а справедливым; по природе он ниже духовного Отца, но выше дьявола; его справедливость ниже праведности Отца, но демиург сотворен по его образу, так что несет в себе какой-то отпечаток идеального высшего мира (30.7, 6–7). Кроме того, в пересказе учения Птолемея у Иринея Лионского мы читаем: «О душах, имеющих в себе семя Ахамот, говорят, что они лучше прочих; почему и больше других возлюблены Демиургом, который не зная причины сего, думает, что он таковы от него. Посему, говорят, Он и ставил их пророками, священниками и царями... По пришествии же Спасителя, говорят, Демиург от Него узнал все, и с радостью присоединился к Нему со всею своею силою; и он есть тот упоминаемый в Евангелии сотник, который говорил Спасителю: "И я имею под властью своею воинов и рабов, и если что прикажу, они делают" (Мф 8:9; Лк 7:8). Он будет продолжать управление миром до надлежащего времени, более всего для попечения о церкви, а также и потому, что знает об уготованной ему награде, именно, что войдет в местопребывание Матери» (Iren. AN. I.7; пер. П. Преображенского). Гностик Епифан, сын Карпократа, в своем сочинении говорил о справедливости творца этого мира (Clem. Alex. Strom. III.6–9).

Из сочинения «Происхождение мира», найденного в библиотеке Наг-Хаммади, мы узнаем о том, как Саваоф, сын верховного архонта Ялдаваофа, был особо отмечен Софией высшего мира – получив ее свет, он обрел особую силу над миром Хаоса, возненавидел своих родителей и сражался против злых архонтов и их демонов (ННС. II.5; XIII.2). В «Сущности архонтов» ситуация схожая: Саваоф, архонт сил, возненавидев своего отца Ялдаваофа и его мать материю, осудил их. Когда другие архонты решили полностью уничтожить человечество, он приказал Ною сделать ковчег (ННС. II.4). В «Трехчастном трактате» демиург, повелитель архонтов, именуется «царь», «судья», «закон». Падший эон высшего мира Логос, аналог Софии, «пользуется им как рукой, чтобы приводить в порядок и устраивать то, что внизу» (ННС I.5).

Переходя к анализу и интерпретации данных нашей традиции, мы прежде всего должны понять, что из себя представляли члены этих гностических групп, их экономическое и социальное положение: очевидно, что представления городского плебса и столичной или муниципальной элиты о добродетели, справедливости и богатстве различны. Долгое время считалось, что все гностики — это лишенные политического влияния интеллектуалы; потеряв возможность воздействовать на происходившие события, они искали утешение в религиях спасения. Эта

¹⁵ О возможной идентификации Птолемея-гностика и Птолемея-мученика, о котором сообщает Юстин Философ (Apol. II. 2), см. Пантелеев 2017: 105–108.

идея, высказанная М. Вебером еще в нач. XX в., сохраняет влияние вплоть до нашего времени¹⁶. Г. Киппенберг доказывал, что учения гностиков – выражение неприятия авторитарного, бюрократического и милитаристского римского государства, в котором гностики исключены из участия в политике и ощущают себя объектами в руках неразумных властей, лишенных высшего знания¹⁷. В современных исследованиях нередко можно встретить утверждения о том, что гностики были аполитичны, проявляли малый интерес к обществу или даже радикально рвали все связи с окружающим миром; их отношения с узким кругом ближних строились на основании сотериологической этики братства, которая принципиально отличалась от социальной этики античного мира¹⁸. Но у нас нет свидетельств того, что они наглухо закрывались от других и «окукливались», наоборот, дело обстояло противоположным образом: и христианские писатели-ересиологи, и язычники, например, Плотин или Порфирий, говорят об их социальной активности, проникновении во все новые группы и миссионерстве, иногда чрезмерно навязчивом. Мы полагаем, что мотивы гностиков были прямо противоположными: это делалось для того, чтобы снять напряженность в отношениях с окружающим миром и участвовать в общественной жизни в большей степени, чем церковные христиане, иудеохристиане или монтеанисты. Гностики проявляли намного большую гибкость в отношениях с римской властью: для членов многих групп не составляло никакого труда во время гонений или городских праздников принести жертву богам и императору или поклясться его именем¹⁹. Такого рода сведения о последователях Василида сообщают Ириней (Iren. AN. I.24.6) и Евсевий со ссылкой на Агриппу Кастора (Eus. HE. IV.7.6); Юстин Философ, говоря об еретиках, мимоходом замечает: «Знаю, что вы их не гоните и не убиваете, по крайней мере за их учение» (Iust. Apol. I.26) и ему вторит Климент (Clem. Alex. Strom. IV.16). Мы оставим за пределами этой статьи непростой вопрос отношения гностиков к мученичеству²⁰, здесь важно то, что эта легкость того, что Церковь называла «отступничеством», открывала для них такие перспективы в отношениях с римским государством и языческим обществом, которых у ортодоксальных христиан в принципе не было. Такие взгляды характерны, еще раз, прежде всего для тех течений, что не считали творца-демиурга злым.

Наши источники дают не так много материала для конкретного анализа социально-экономического статуса членов этих групп: ересиологи подробно разбирают и критикуют гностические учения, но их рассказы о внутренней жизни этих общин трудно назвать объективными и просто содержательными. Тексты Наг-Хаммади расширили наше пред-

¹⁶ Вебер 2017: 168–169; Rudolph 1987: 209; Lampe 2003: 292.

¹⁷ Kippenberg 1970.

¹⁸ Rudolph 1987: 252–272; Williams 1996: 97.

¹⁹ Frend 1954.

²⁰ См. об этом: Hyldahl 2011; Tite 2015; King 2020; Пантелеев 2014: 168–170.

ставление о благочестии гностиков и их культовой практике, но по этому вопросу не дали почти ничего нового. Большое значение здесь имеют взгляды исследователя, реконструирующего ситуацию из имеющихся в нашем распоряжении фрагментов. Так, исходя из того, что Ириней Лионский говорит о «неопытных» (*inexpertiores*), ставших жертвами еретиков, в том числе Птолемея, Марка и других валентиниан (Iren. АН. I.praef.2), К. Рудольф делает вывод, что большинство в гностических сообществах составляли «необразованные» или «полуобразованные», которых возглавляли более сведущие в науках и философии лидеры, и община делилась на «совершенных» пневматиков и на «несовершенных» психиков²¹. От интерпретации прилагательного *inexpertus* зависит понимание уровня образования гностиков и, следовательно, их общественного положения: если это были, как полагает Рудольф, люди, лишённые образования в принципе, то перед нами одна социальная группа, но если речь идет о неопытности именно в христианском учении, то совсем другая. Среди гностических учителей были такие, кто тесно общался с теми, кого можно назвать маргиналами религиозной жизни античного мира – «магами, шарлатанами, астрологами, философами» (Tert. Praescr. 43), не особо отличаясь от них по положению, но гностическая «элита», Валентин или Василид, – явление другого характера²². Они обладали эрудицией, сравнимой с Климентом и Оригеном, и были на голову выше своих церковных оппонентов Иринея или Ипполита. Их учения и фрагменты их сочинений свидетельствуют об очень серьезных знаниях античной, иудейской и христианской традиции, которые невозможно приобрести, не обладая определенными ресурсами. Об этих ресурсах свидетельствует также и активная переводческая деятельность: тексты переводились с арамейского и сирийского на греческий, с греческого или сирийского на коптский, для чего требовались целые школы переводчиков²³. В целом, сообщества гностиков не сильно отличались от других христианских общин: большинство лидеров, вероятно, происходили из высших кругов, большинство их последователей – из средних и низших классов, особенно квалифицированных ремесленников и торговцев. Что-то конкретное нам известно только о судовладельце Маркионе (если его можно назвать гностиком), сирийце Бардайсане, жившем при дворе царя Эдессы, и валентинианах Марке, Флорине и Амвросии (о них см. ниже). Свидетельств о рабах среди гностиков нет, хотя, возможно, они и встречались²⁴.

Более детальный разбор сведений о тех, кто входил в эти группы в Риме во II в., провел в своем монументальном исследовании П. Лямпе²⁵. Он решил проверить, опираясь только на источники, а не на интуицию

²¹ Rudolph 1987: 208.

²² Rudolph 1987: 210.

²³ Rudolph 1987: 210.

²⁴ Rudolph 1987: 211.

²⁵ Lampe 2003: 292–320.

М. Вебера, действительно ли гностики были интеллектуалами и принадлежали к социально привилегированным классам. Если с первым тезисом особых проблем нет – высокий интеллектуальный уровень многих гностиков признавали даже их церковные противники (Eus. HE. IV.7.5; Hier. Comm. Os. II.10), а сохранившиеся фрагменты сочинений Валентина написаны «прекрасным поэтичным языком»²⁶, то сбор материала для доказательства второго оказался нелегким делом. К счастью, скудную литературную традицию дополняют несколько римских надписей. Первая, найденная на Виа Латина в середине XX в. датируется правлением Антонинов и написана гекзаметром²⁷. Вот ее наш прозаический перевод с учетом восстановлений Лямпе: «Собратья по брачному чертогу, отпразднуйте с факелами мое омовение²⁸; они жаждут пиршеств в наших покоях, восхваляя Отца и превознося Сына; о, пусть в том самом месте (или: тогда) будет бить единственный и истинный источник». Мотив брачного чертога – один из главных в валентинианских текстах, он символизирует эсхатологический союз пневматиков с их ангелами в духовном мире. Лямпе полагает, что эта надпись находилась в помещении, где совершались гностические «истинные» крещения и, возможно, евхаристия. Вторая находка известна с XIX в., это надгробие Флавии Софии, найденное также на Виа Латина (SIG 4.9595a)²⁹. На нем содержатся две надписи гекзаметром, которые датируются к. II – нач. III в. Первый из этих текстов гласит: «Тоскующая по свету Отца, ты, София, моя сестра, супруга, омытая Христом нетленным святым елеем, ты устремилась созерцать божественные лики эонов, великого ангела великого совета, истинного Сына, ты вошла в брачный чертог и вознеслась к отцовскому...», второй: «Эта умершая заслужила не обычный конец жизни; она умерла и живет и созерцает поистине непреходящий свет. Она жива для живых, мертва для истинно мертвых. Земля, что ты дивишься мертвецу такого рода? Ты утрастилась?». Первый из этих текстов содержит акrostих: начальные буквы строк образуют *Φλαβ* – очевидно, *Φλαβία*, имя покойной. Валентинианское происхождение этой надписи более чем вероятно, на это указывает упоминание брачного чертога, эонов, Христа как ангела великого совета (cf. Clem. Alex. Exc. ex Theod. 43.2).

Лямпе обращает внимание на то, что обе надписи найдены на Виа Латина, в ближнем пригороде, где «ряды могил вдоль главной дороги в некоторых местах прерывались богатыми виллами», в том числе и времени Адриана³⁰. Первая надпись прямо упоминает неких «собратьев», собиравшихся на какой-нибудь из этих вилл для отправления своих та-

²⁶ Lampe 2003: 294.

²⁷ Guarducci 1983: 353–379; Lampe 2003: 298–307. Критика гностического и вообще христианского происхождения этой надписи в: Scholten 1988.

²⁸ Под этим омовением, точнее, «омовениями» (*λουτρά*), может иметься в виду как крещение, так и ритуальное омовение. О валентинианских таинствах см. Thomassen 2006: 333–416.

²⁹ Guarducci 1983: 353–379; Lampe 2003: 308–313.

³⁰ Lampe 2003: 309.

инств; точно определить их статус невозможно. Здесь встречается ионическая форма ἄλφθεια, вторая надпись близка к гомеровскому диалекту. Обе надписи выполнены на дорогом мраморе, следует обратить внимание и на родовое имя Флавиев, восходящее, возможно, к кому-нибудь из вольноотпущенников императорской династии. Лямпе связывает с этими практически несомненно валентинианскими надписями еще две находки из этого же района: эпитафию христианки Юлии Эваресты на греческом (Ш в.), где упоминаются плоть, дух и ангел, но которую нельзя назвать однозначно гностической, и изображение евхаристии в катакомбах Кава дела Росса, которое он связывает с валентинианскими таинствами³¹. Такая концентрация памятников может свидетельствовать о том, что как минимум некоторые римские еретики были вполне состоятельными людьми.

Некоторые создатели гностических систем вполне могли относиться к социальной и интеллектуальной элите, согласно Веберу, лишившейся возможности по тем или иным причинам влиять на политику³², но большинство их последователей были людьми невысокого положения. Их желание присоединиться к этим сектам явно нуждается в другом объяснении, и Лямпе предполагает, что гностицизм мог дать им чувство принадлежности к богатым и «образованным»³³. Гностическая элита создавала свою собственную реальность, связанную с зонами, с полнотой духовного мира и Софией, в тихих садах загородных вилл, в великолепных колоннадах, в тени платанов, и возможность общаться на равных с этими людьми была значимым стимулом для римлян менее изопращенных и обеспеченных, но желавших подняться по социальной лестнице и хотя бы на время прикоснуться к образу жизни этих аристократов. Эти гностики – прежде всего, вторая группа, «эпигоны» – ощущали себя частью не только высшего, духовного, но и этого, материального мира, они были нацелены на позитивное взаимодействие с ним в большей степени, чем церковные христиане, и очевидно, что материальное благополучие было если не в фокусе их внимания, то где-то рядом³⁴. После смерти своих покровителей они могли обратиться к поис-

³¹ Lampe 2003: 311.

³² Можно подумать, что они лишились своего влияния из-за римского владычества, препятствовавшего их политической реализации, но ведь ситуация принципиально не изменилась с эллинистического времени. Скорее, стоит обратить внимание на то, что они были христианами, что делало эту реализацию невозможной из-за необходимости выполнять языческие обряды и исполнять требования культа императора. Проблемы, приведшие к возникновению гностических учений, были свойственны не всей группе «обделенных интеллектуалов», а лишь той их части, что приняла христианство; остальные вполне могли реализоваться как политики в столице или на муниципальном уровне.

³³ Lampe 2003: 314.

³⁴ Впрочем, Г. Киппенберг замечает, что эти выводы, сделанные на основании религиозных взглядов, могут лишь отчасти компенсировать скудость наших данных, и не стоит их абсолютизировать (Kippenberg 1970). М. Вилльямс соглашается с ним и замечает, что негативная оценка демиурга не ведет к однозначному аполитизму

ку новых благодетелей, для чего потребовалось продемонстрировать большую открытость внешнему миру, чем церковные христиане.

Гностики – Кердон, карпократиане, Валентин и его последователи – проповедовали в Риме, причем они сознательно стремились в столицу Империи, а не оказались там против своей воли, как военнопленные или рабы³⁵. Их привлекали и другие крупные города богатых провинций: Александрия (см. выше), Эфес (Керинф – Eus. HE. IV.14) и Антиохия (Менандр – Iust. Apol. I.26; Iren. AH. I.23.5; Саторнил – Iren. AH. I.23.5) на Востоке; Карфаген (Tert. De praescr. et al.) и Лион (Iren. AH) на Западе. Отметим, что они обращались в кругу более обеспеченных людей высокого положения, чем церковные христиане³⁶.

М. Вильямс сделал интересное замечание по поводу сочинения Тертуллиана «О прескрипции против еретиков», отражающего ситуацию в Карфагене на рубеже II–III вв. Как известно, Тертуллиан обвиняет еретиков в том, что у них нет никакой четкой иерархии, у них не ясно, кто оглашенный, а кто уже крещен, их рукоположения необдуманны и беспорядочны, они назначают на церковные должности то неофитов, то исполняющих мирскую службу, то отступников от Церкви, то вовсе мирян, наконец, они допускают к таинствам язычников (Tert. De praescr. 41). Он старается создать ощущение того, что еретики пренебрегают установленным порядком, а возможно, вовсе не знают о нем, но его обвинения говорят нам больше, чем он хочет. Вильямс замечает, что люди, занимавшие церковные должности, хотя с точки зрения Тертуллиана и не имели на это права, вероятно, обладали высоким общественным положением и значительным влиянием в городе и провинции; именно это стало причиной их высокого статуса внутри общины. То, что он описывает, – форма религиозного объединения, открытого для всех желающих, оно менее скрытно и не озабочено различиями между теми, кто полностью принял христианство, и теми, кто в большей степени связан со своей привычной средой³⁷.

Интересно рассмотреть с этой точки зрения обвинения Иринеем валентиниан в том, что они «едят идоложертвенные яства, думая, что нимало не осквернятся ими, и на всякое праздничное увеселение язычников, бывающее в честь идолов, сходятся первые, так что некоторые из них не воздерживаются и от ненавистного Богу и людям зрелища борьбы со зверями и человекоубийственного единоборства» (Iren. AH. I.6.3; ср. то же в отношении последователей Василида и других еретиков –

(уйгурское манихейское царство, павликиане и катары в Европе), но у него не вызывает сомнения, что эти гностики стремились снизить напряженность отношений с языческим миром (Williams 1996: 101).

³⁵ Williams 1996: 101–102; Lampe 2003.

³⁶ Cancik 1984: 176–178; Lampe 2003: 292–318; Р. Перкинс увидела в связях гностиков с обеспеченными людьми свидетельство стремления заручиться поддержкой более влиятельных покровителей, чем у церковных христиан (Perkins 1993: 164).

³⁷ Williams 1996: 102.

I.24.5; I.28.2). Традиционно эти свидетельства рассматривают как отход от базовых принципов христианства или полного безразличия к земной этике, но это верно только в том случае, если христианство было единственным фундаментом учения этих групп и нормой для них. С точки зрения окружающего мира, более нормальным было поведение гностиков, а не церковных христиан или, тем более, мучеников. Открытость к социальному взаимодействию, связанному с религиозными праздниками, императорским культом и зрелищами, – это поведение, больше похожее на социальный конформизм, а не на девиантное отклонение.

Обеспечению комфортного существования в условиях Римской империи должны были служить и другие практики этих гностических групп: критика мученичества, необязательность исповедания Христа перед властями, усилия по примирению библейской традиции с распространенными в греко-римском обществе мифами, ритуалами и философскими учениями. В какой-то степени это можно сравнить с тем, что делали раннехристианские апологеты: если Юстин Философ и другие писатели утверждали, что Сократ и Гераклит были христианами до Христа (Iust. Apol. I.5; 46)³⁸, то ученица Карпократа Марцеллина и ее последователи поклонялись статуям Пифагора, Платона и Аристотеля, расположенным рядом с изображениями Иисуса (Iren. AH. I.25), а нассены пошли еще дальше, объединяя в своей системе христианство, восточные религии и философию досократиков (Hipp. Ref. V.6.3–11). Гностики изо всех сил пытались сократить не только социальную, но и культурную дистанцию, отделяющую их от язычников.

Это изменение социальных практик опиралось на теологический фундамент. Последователь Валентина Птолемей учил, что с приходом Иисуса Христа начался новый период истории космоса — период спасения. Иисус принес знание не только людям, но и демиургу: «По пришествии Спасителя демиург от Него узнал все, и с радостью присоединился к Нему со всей своей силой, и он есть тот упоминаемый в Евангелии сотник, который говорит Спасителю: "И я имею под властью своей воинов и рабов, и если что прикажу, они делают" (Мф 8:9). Он будет продолжать управление миром до надлежащего времени, более всего для попечения о церкви...» (Iren. AH. I.7.4). Об особой роли Спасителя при изменении отношения демиурга к земным делам учил и Гераклеон. Комментируя отрывок из Евангелия от Иоанна об исцелении сына царедворца (Ин 4:46–53), он отмечает, что речь в нем ведется о демиурге и его ангелах, причем «по пришествии Спасителя они начали управлять четко и аккуратно» (frg. 40). Очевидно, что если раньше демиург всячески возвышал гностиков, ничего не зная ни об их, ни о своей природе, то теперь он с удвоенной энергией будет отстаивать их интересы в этом мире. Этот взгляд на демиурга как защитника и покровителя гностиков в этом мире позволял решить многие вопросы, в том

³⁸ Пантелеев 2013: 668–670.

числе и интересующую нас проблему отношения к земному богатству. Если демиург заботился о душах, имевших в себе духовное зерно, то он или помещал их в тех, кто родился в знатных и богатых семьях, или возвышал и обогащал этих пневматиков. Богатство, таким образом, не стигматизировалось, а превращалось в знак избранности, и если церковные христиане говорили о себе как о нищих, то гностики, наоборот, могли подчеркивать свое состояние как знак избранности и элитарности. Кроме того, такое отношение к богатству могло подсказать, в каких слоях гностикам стоило искать учеников и последователей. Наконец, стоит помнить, что посвящения в таинства гностиков стоили немалых денег, поэтому они не были открыты для всех желающих.

О валентинианине Марке Иринея говорит, что «он более всего имеет дело с женщинами, и притом с щеголеватыми, одевающимися в багряницу, и самыми богатыми» (Iren. AN. I.13.3; cf. Hieron. Ep. 75.3)³⁹, тот же Иринея напишет полемическое сочинение против валентинианина Флорина, который уже в юности «блистал при дворе и старался отличиться» (Iren. Fr. 28 Harvey; Eus. HE. V.15; 20)⁴⁰. Гераклеон в своем «Комментарии на Евангелие от Иоанна» считает самаритянку у колодца (Ин 4:6–26) образом духовной женщины, которая до обращения пренебрегала познанием Бога, в то время как ей были доступны все жизненные блага (Heracl. Fr. 19 Völker; Orig. Comm in In. XIII.15). Ориген в Александрии своими речами убедил отойти от валентинианства Амвросия, который позже будет обеспечивать его стенографами, переписчиками и всем остальным, что необходимо для работы (Eus. HE. VI.17; 23; Eriph. Pan. 64.3). Наконец, позже Епифаний расскажет об успехе проповеди Эвтакта из секты архонтиков, который смог у себя на родине в Армении обратить в свое учение «некоторых богатых людей, вместе с ними женщину из сенаторского сословия и других уважаемых людей» (Eriph. Naeg. 40.1.8–9)⁴¹.

Наши построения подкрепляются сочинениями церковных писателей против еретиков⁴². Д. Бингхэм показывает, что не последнее место в обвинениях, которые Иринея выдвигает против валентиниан, занимают алчность и корыстолюбие: «И, как мне кажется, не без причи-

³⁹ Этот пассаж подробно анализирует Н. Форстер, отмечая сарказм Иринея по поводу того, что только эти богатые женщины достойны благодати и того, чтобы стать пророчицами: Forster 1999: 96.

⁴⁰ Н. Форстер полагает, опираясь на изложение учения Флорина в арабской хронике Агапия (X в.), что он был близок к валентинианам, но его нельзя назвать одним из них: Флорин воспринял некоторые валентинианские идеи и мотивы, однако его система носила оригинальный характер. Это позволило римскому епископу Виктору долгое время не выступать против него (Forster 2020).

⁴¹ Мы согласны с П. Лямпе в том, что не стоит буквально понимать слова из валентинианского Евангелия от Филиппа, где говорится о том, что в чертог брачный не допускаются рабы (ННС. II.3.73). Здесь это скорее метафора отношения человека к греху, материи, плотским желаниям и т.п. (Lampe 2003: 313).

⁴² Bingham 2016.

ны они не хотят учить этому всех вьявь, но учат только тех одних, которые в состоянии давать, за такие таинства большую плату... Кто не потратит всего своего имущества, чтоб узнать (тайны эонов. — А. П.)?» (Iren. АН. I.4.3). В этом отношении еретики подобны своему прародителю — Симону-магу, пытавшемуся купить у апостолов за деньги силу Святого Духа (Деян 8:18–23). Ириней сопоставляет гностиков с книжниками и фарисеями и неправедными иудейскими царями, которые гордились своими богатствами и занимались мздоимством: они «сообщники воров, любят подарки, гонятся за мздою (Ис 1:23)» (Iren. АН. IV.2.6). Конечно, нужно помнить, что обвинения в корысти — обычное дело в антиеретической полемике⁴³, и к такого рода выпадам следует относиться с осторожностью⁴⁴, однако Ириней был лично знаком с результатами деятельности валентинианина Марка и подобных ему проповедников в Галлии и других областях (Iren. АН, I.13.5–7).

Эти гностики были открыты для диалога с греко-римским миром во всех важных сферах — политической, социальной и культурной. Было бы странно, если бы гностические учителя, потратив массу усилий на синтез христианской религии, элементов иудаизма и языческой культурной традиции, вдруг занялись бы критикой экономических основ античного общества. Безусловно, среди древних философов были те, кто осуждал нравы и образ жизни богачей, а иногда и само богатство⁴⁵, но для гностиков поднимать эти идеи на щит означало бы, по сути, перечеркнуть всю проделанную работу. Радикальный кинизм с его призывом к крайнему аскетизму мог отпугнуть не меньше состоятельных людей с положением в обществе, чем проповедь добровольного мученичества. Церковное христианство с самого начала склонялась к воспеванию бедности и унижению богатства, эта тенденция заметна уже в новозаветных текстах, а для II в. у нас есть замечательное свидетельство из «Пастыря» Ермы (Vis. 3.6)⁴⁶. Климент Александрийский дал новый образец отношения к богатству, показав, что дурны не деньги сами по себе, а неверное обращение с ними. Взгляды гностиков — не всех, но стремившихся к комфортному сосуществованию с империей, — либо были близки идеям Климента, либо шли еще дальше.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Т. 2. Общности. М.: Изд. ВШЭ, 2017 [Weber M. Hozajstvo i obshhestvo: ocherki ponimajushhej sociologii. Vol. 2. Obshhnosti. Moscow: Izd. Vyshey shkoly ekonomiki, 2017].
- Пантелеев А.Д. Религиозная терпимость и нетерпимость в Риме во II–III вв. // Мнемон. 5. 2006. 405–418 [Pantelev A.D. Religioznaya terpmost' i neterpmost' v Rime vo II–III vv. // Mnemon. 5. 2006. 405–418].

⁴³ В какой-то степени выпады Ириней напоминают афинскую критику шарлатанов, пророков, чудотворцев и очистителей от скверны классического периода, которые охотились за легковыми богачами (Bingham 2016: 390–391).

⁴⁴ Koschorke 1978: 117; Lampe 2003: 312–313.

⁴⁵ Desmond 2006.

⁴⁶ Gager 1975: 106.

- Пантелеев А.Д. Сократ в раннехристианской агиографии (II–IV вв.) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 17. 2013. 668–679 [Panteleev A.D. Sokrat v rannekhristianskoy agiografii (II–IV vv.) // Indoeuropeyskoye yazykoznanie i klassicheskaya filologiya. 17. 2013. 668–679.
- Пантелеев А.Д. «Есть много мучеников и в других ересях»: мученичество в неортодоксальном христианстве II–III вв. // Религия. Церковь. Общество 3. 2014. 156–175 [Panteleev A.D. “Est’ mnogo muchenikov i v drugih eresjakh”]: muchenichestvo v neortodoksal’nom hristianstve II–III vv. // Religiya. Tserkov. Obschestvo. 3. 2014. 156–175.
- Пантелеев А.Д. (ред.). Ранние мученичества. Переводы, комментарии, исследования. СПб.: Издательский Центр Гуманитарная Академия, 2017 [Panteleev A.D. (ed.). Rannie muchenichestva. Perevody, kommentarii issledovaniia. Saint Petersburg: Izdatel’skij Centr Gumanitarnaja Akademija. 2017].
- Пантелеев, А. Д. Бедность и богатство в раннехристианской традиции: от Нового Завета до начала III в. // О. Н. Ноговицин (ред.). Византия, Европа, Россия: социальные практики и взаимосвязь духовных традиций. Архив конференции. 2. СПб., 2022. 309–319 [Panteleev A.D. Bednost’ i bogatstvo v rannekhristianskoy traditsii: ot Novogo Zaveta do nachala III v. // O.N. Nogovitsin (ed.). Vizantija, Evropa, Rossiya: sotsial’nye praktiki i vzaimosvyaz’ duhovnyh traditsiy. Arhiv konferentsii. 2. 2022. Saint Petersburg, 309–319].
- Хосроев А.Л. Александрийское христианство по данным текстов из Наг-Хаммади. М.: Наука, 1991 [Hosroev A.L. Aleksandriyskoe hristianstvo po dannym tekstov iz Nag-Hammadi. Moscow: Nauka, 1991].
- Хосроев А.Л. «Другое благовестие». II. Христианские гностики II–III вв.: их вера и сочинения. СПб.: Контраст, 2016 [Hosroev A. L. “Drugoe blagovestie”. II. Hristianskie gnostiki II–III vv.: ih vera i sochinenia. Saint Petersburg: Contrast, 2016].
- Bingham D.J. Heresy and catholicity in economic perspective: Irenaeus on wealth. *Ephemerides Theologicae Lovanienses*. 92. 2016. 381–405.
- Cancik H. Gnostiker in Rom: Zur Religionsgeschichte der Stadt Rom im 2. Jahrhundert nach Christus // *Religionstheorie und Politische Theologie*. Band 2: Gnosis und Politik / Hrsg. von J. Taubes. Munich; Paderborn; Vienna; Zurich., 1984. 163–184.
- Countryman L.W. The Rich Christian in the Church of the Early Empire: Contradictions and Accommodations. New York, Toronto: Edwin Mellen Press, 1980.
- Desmond W.D. The Greek Praise of Poverty. The Origins of Ancient Cynicism. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 2006.
- Dunderberg I. *Gnostic Morality Revisited*. Tübingen: Mohr Siebeck, 2015.
- Forster N. Marcus Magus. Kult, Lehre und Gemeindeleben Einer Valentinianischen Gnostikergruppe. Tübingen: Mohr Siebeck, 1999.
- Forster N. Florinus — ein valentinianischer Gnostiker in Rom? // *Valentinianism: New Studies / Ed. by C. Marksches, E. Thomassen*. Leiden: Brill, 2020. 171–190.
- Frend W.H.C. The Gnostic Sects and the Roman Empire // *Journal of Ecclesiastical History*. 5. 1954. 25–37.
- Gager J.G. *Kingdom and Community. The Social World of Early Christianity*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall Inc., 1975.
- Guarducci M. *Scritti scelti sulla religione greca e romana e sul cristianesimo*. Leiden: Brill, 1983.
- Hays C.M. Resumptions of Radicalism: Christian Wealth Ethics in the Second and Third Centuries // *Zeitschrift für die Neutestamentliche Wissenschaft*. 102. 2011. 261–282.
- Hyldahl J. Gnostic critique of Martyrdom // *Contextualising Early Christian Martyrdom / Ed. by J. Engberg, E. Holmsgaard, P. Klostergaard*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2011. 119–138.
- Jakab A. Le Gnosticisme Alexandrin aux Premiers Temps du Christianisme // *The Wisdom of Egypt. Jewish, Early Christian, and Gnostic Essays in Honour of Gerard P. Luttikhuisen / Ed. by A. Hilhorst, G. H. van Kooten*. Leiden: Brill, 2005. 365–379.
- King K.L. 1 Apocalypse of James and Valentinians on Martyrdom // *Valentinianism: New Studies / Ed. by C. Marksches, E. Thomassen*. Leiden: Brill, 2020. 252–271.
- Kippenberg H. Versuch einer soziologischen Verortung des antiken Gnostizismus // *Numen*. 17. 1970. 211–232.
- Koschorke K. *Die Polemik der Gnostiker gegen das kirchliche Christentum*. Leiden: Brill, 1978.
- Lampe P. *From Paul to Valentinus. Christians at Rome in the First Two Centuries*. Minneapolis: Fortress Press, 2003.

- Löhr W. Christliche "Gnostiker" in Alexandria im zweiten Jahrhundert // Alexandria / Ed. by T. Georges, F. Albrecht, R. Feldmeier. Tübingen: Mohr Siebeck, 2013. 413–34.
- Perkins P. Gnosticism and the New Testament. Minneapolis: Fortress Press, 1993.
- Rhee H. Loving the Poor, Saving the Rich. Wealth, Poverty, and Early Christian Formation. Grand Rapids: Baker Academic, 2012.
- Rudolph K. Gnosis. The Nature and History of Gnosticism. San Francisco: Harper San Francisco, 1987.
- Scholten C. Gibt es Quellen zur Sozialgeschichte der Valentinianer Roms? // Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft. 79. 1988. 245–261.
- Tite P.L. Voluntary Martyrdom and Gnosticism // Journal of Early Christian Studies. 23. 2015. 27–54.
- Thomassen E. The Spiritual Seed. The Church of the "Valentinians". Leiden: Brill, 2006.
- Van den Hoek A. Widening the Eye of the Needle: Wealth and Poverty in the Works of Clement of Alexandria // Wealth and Poverty in Early Church and Society / Ed. by S. R. Holman. Grand Rapids: Baker Academic, 2008. 67–75.
- Williams M.A. Rethinking "Gnosticism": an argument for dismantling a dubious category. Princeton: Princeton University Press, 1996.

Алексей Дмитриевич Пантелеев, кандидат исторических наук, доцент, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет. a.panteleev@spbu.ru

Wealth, Poverty and Gnostics

(Part I)

In the 2nd–3d centuries there was a group of Gnostic movements that considered the Demiurge — the creator of the lower material world — neither good nor evil, but just. They claimed that he cares about pneumatics, who have a part of higher light in their soul. We can remember the Valentinians Heracleon and Ptolemaeus, the son and disciple of Carpocrates Epiphanes, the authors of the "Three-part Treatise", "Hypostasis of the Archons" or "On the Origin of the World" from the Nag Hammadi Library. These Gnostics felt themselves as a part not only of the higher, spiritual world, but also to some extent of this, material, and they were aimed at positive interaction with it. The view of the Demiurge as a protector and patron allowed to solve many issues, including the problem of attitude to earthly wealth. The Demiurge took care of the souls who had a spiritual seed, he placed them in noble and rich families, and elevated and enriched these pneumatics. Wealth was not stigmatized by them but turned into a sign of being chosen and elitism.

Keywords: early Christianity, Roman Empire, Gnosticism, Clement of Alexandria, Irenaeus, poverty, wealth, persecution.

Aleksey D. Panteleev, PhD in History, Associate Professor of Institute of History of St. Petersburg State University. a.panteleev@spbu.ru

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ ПЬЕМОНТА В ЭПОХУ НАПОЛЕОНА: МЕЖДУ ИДЕЙНЫМ ЛОЯЛИЗМОМ И ВЫНУЖДЕННОЙ АДАПТАЦИЕЙ

В статье на примерах биографий пьемонтских политиков и интеллектуалов Просперо Бальбо, Карло Ботты, Гаспаре Морардо и Карло Босси рассматривается воплощение наполеоновской политики «амальгамы» в Пьемонте начала XIX в. Идея сближения и селекции элит относится к числу главных в интеграционном проекте Наполеона Бонапарта. В основу этой политики был положен принцип лояльности новому режиму. Как мы видим на конкретных примерах рубежа XVIII–XIX вв., лояльность могла быть выражена разными способами и требовала адаптации к новым социальным и политическим обстоятельствам, принятия новых правил. Принцип лояльности, однако, был совмещен с принципом персональной значимости того или иного функционера. Очень многое в процессе распределения новых статусов зависело только от самого Наполеона. Труднее всего приходилось тем, кто прочно связал свою карьеру с республиканским режимом 1799 г. Неудачный в целом опыт республиканских правительств в Пьемонте давал основания французской администрации удалять таких деятелей из политической жизни этого региона и заменять их на тех, кто отличался умеренностью взглядов и большей гибкостью. Наибольшей способностью адаптироваться обладали такие опытные люди как Бальбо, для которых сфера управления и в новых имперских условиях была родной стихией.

Ключевые слова: Французская империя, Французская революция, Наполеон, Пьемонт, Италия, интеллектуалы, лоялизм, адаптация, политика амальгамы, имперская периферия.

«Я Вам рекомендую в целом не предаваться власти каких-либо предрассудков и обращаться с некоторым уважением с теми, кто в бурные времена стоял за Францию. Не потому, что я не понимаю, что общее мнение вовсе не на их стороне. Те же, кто имеют некоторые таланты и, как Вы полагаете, относится к партии сторонников объединения с Италией, должны быть назначены и использованы во Франции», замечал в письме генеральному администратору Пьемонта генералу Ж.-Ф. Мену Первый консул Бонапарт в апреле 1803 г.¹ И хотя в переписке Наполеона мы не найдем указаний на конкретные имена, за этими сухими строчками скрывались недвусмысленные намеки на известных в Пьемонте политиков, ученых и дипломатов.

После победы Наполеона при Маренго 14 июня 1800 г. началась вторая французская оккупация Пьемонта. Власть принадлежала верховным представителям Парижа, но формировались и местные институты, которые занимались ускоренными реформами². Весной 1801 г. Наполеон определил судьбу Пьемонта³: постановлением от 12 жерминаля IX г. (2 апреля 1801 г.) пьемонтская гражданская и военная адми-

¹ Correspondance générale 2007. Т. 4: 92.

² Broers 1990: 573–575; Cavallo 2016: 119–133.

³ Waresquiel 2003: 276; Dard 1937: 56–57.

нистрация, финансы, полиция и судебная система должны были быть реорганизованы по французскому образцу⁴, а 11 сентября 1802 г. шесть пьемонтских департаментов были присоединены к Франции.

1801 г. стал своеобразным водоразделом для пьемонтских элит. В наполеоновский период многие вынуждены были менять свои карьерные стратегии, выбирая сотрудничество с новой властью и адаптируясь к новым условиям. В статье мы проследим и проанализируем четыре таких примера, уделяя внимание только периоду с 1799 по 1814 гг., не претендуя на то, чтобы представить здесь полноценные биографические очерки. Среди пьемонтских политиков и публицистов, а в революционный период эти категории разделяла весьма тонкая грань, мы выбрали четыре примера: П. Бальбо, К. Ботту, К. Босси и Г. Морардо. Это продиктовано желанием проследить различные стратегии и мотивации политического выбора, показать, чем руководствовались представители просвещенной части общества, которых с осторожностью, но все же возможно называть «поколением 1799 г.» в истории Пьемонта. Нам важно показать, как вчерашние властители умов и политические лидеры становились частью нового имперского политического социума, как они встраивались в него, стараясь конвертировать свои заслуги в новых обстоятельствах. Был ли идейный лоялизм залогом социального благополучия и политического успеха? В чем он выражался? На эти вопросы мы также попытаемся дать ответ в рамках настоящей статьи.

Мы не пытаемся экстраполировать результаты анализа политических и интеллектуальных стратегий некоторых представителей просвещенной элиты на весь этот общественный слой, как и на другие государства Италии, ибо Пьемонт к концу XVIII в. был весьма специфическим в культурном и лингвистическом отношении регионом. Это дополнялось также особенностями его социально-экономического развития, так как именно в Пьемонте капиталистические отношения получили большое развитие, прежде всего в аграрном секторе. В этом смысле Пьемонт по ряду экономических критериев был намного ближе к соседней Ломбардии, чем к другим, более отсталым государствам Апеннинского полуострова⁵.

Уже в трудах Н. Бианки и Д. Карутти, посвященных Савойской монархии, появлялись первые попытки анализа роли радикальных республиканцев в событиях рубежа XVIII–XIX вв.⁶ Именно в те годы выходят отдельные биографии К. Ботты и П. Бальбо⁷. Впоследствии исследователи так называемого итальянского «якобинизма» (Р. Де Феличе, Д. Кантимори, А. Галанте-Гарроне, А. Саитта, Ф. Вентури и др.)

⁴ Correspondance générale 2006. Т. 3: 653–654. См. также: Driault 1906: 103–104; Bianchi 1877–1885. Т. III.: 429.

⁵ Бондарчук 1980: 230. Современную оценку историографии истории Пьемонта XVIII в. см.: Андронов 2020.

⁶ Bianchi 1877–1885 Т. III; Carutti 1892. Т. II; Sclopis 1861.

⁷ Dionisotti 1867; Pavesio 1874; Sclopis 1874.

занимались изучением становления республиканского движения в итальянских государствах, однако, вопрос адаптации интеллектуальных элит Пьемонта в эпоху Наполеона оставался вне поля их интересов⁸. Отдельной темой исследований с середины 1940-х гг. стал вопрос о так называемом итальянском «якобинизме». Этот аспект был рассмотрен В.С. Бондарчуком, который полагал, что в результате напряженной работы итальянских историков 1940–60-х гг. восторжествовала новая концепция итальянского «якобинизма» как явления, органически связанного с итальянской действительностью и сыгравшего первостепенную роль в зарождении Рисорджименто. Советский историк отмечал, что во многих отношениях «якобинцы» проявляли себя как реалисты в политике, а негативный стереотип о них, характерный для националистической историографии более раннего периода, был разбит⁹.

Именно в 50-е гг. начал публиковать труды по истории республиканского движения и Дж. Ваккарино. Если его современники сосредотачивали внимание на отдельных биографиях итальянских «якобинцев» или делали широкие обобщения в масштабах всей Италии, то Ваккарино концентрировался на локальных пьемонтских сюжетах. Ваккарино показал эволюцию политического класса Пьемонта в кризисные годы и его последующее деятельное участие в государственном строительстве наполеоновской эпохи¹⁰. По мнению Ваккарино, пьемонтские «патриоты» эпохи 1799 г. вовсе не были оторвавшимися от реальности прожектерами, но среди них не было единства. Значительная часть республиканцев испытывала недоверие к завоевателям, декларировавшим идеи свободы и равенства, но на самом деле нещадно эксплуатировавшим ресурсы страны. Внутренний конфликт в среде «патриотов», как продемонстрировал Ваккарино, не завершился и после Маренго, когда французы уже не готовы были с кем-либо делить власть, взяв курс на присоединение Пьемонта к Франции.

Ряд работ, представленных на важных международных научных конференциях 1989 и 1990 гг. в Турине, был посвящен вопросам формирования институтов власти в революционном и наполеоновском Пьемонте. В частности, в докладах М. Карасси, Р. Рочча, А. Костама-нья¹¹, Дж. Ваккарино, Д. Кафаратто, Д. Роботти, М. Виолардо¹² затронуты вопросы о роли и значении выходцев из Пьемонта во властных структурах созданных здесь департаментов Французской империи. Чем менее значительной была роль конкретного человека в событиях 1799 г., тем больше у него было возможностей встроиться в систему напо-

⁸ См.: Rao 2006.

⁹ Бондарчук 1986: 146–147. В настоящее время историков больше интересует сама семантика термина «якобинец» в политическом и культурном итальянском лексиконе конца XVIII в. См.: Turi 2019: 44–45.

¹⁰ Vaccarino 1989. Т. I–II.

¹¹ Dal trono all'albero della libertà. 1991. Т. I: 109–144; 285–302; 421–444.

¹² All'ombra dell'aquila imperiale. 1994. Т. I: 35–43; 84–99; 100–123; 429–472.

леоновского государства, добиться высокого статуса именно в самом Пьемонте. Профессионализм в своем деле, умеренность взглядов, политическая гибкость в сложных обстоятельствах были, если не гарантией, то важным критерием возможного успеха. Этим в наибольшей степени и объяснялся карьерный подъем в 1802–1814 гг. К. Джулио, Дж.Л. Дегрегори, П. Жейме, У.В. Боттона, Санторре ди Санта Роза, некоторых членов семейства Кавур.

Истории интеллектуальной элиты Пьемонта посвящены отдельные главы трудов Р. Давико и М. Броэрс¹³. Если Давико исследовала экономические и социальные аспекты в долгой хронологической перспективе, то Броэрс представил детализированную картину пьемонтского общества, уделив большое внимание интеграционной и культурной политике французов. Отметим также заслуги Ф. Буайе, посвятившего цикл статей политическим деятелям (прежде всего, К. Босси) и истории общественного мнения в наполеоновском Пьемонте¹⁴. Фундаментальные исследования о жизни П. Балбо и пьемонтских вальденсах принадлежат перу Дж. П. Романьяни¹⁵. Д. Эутрам и П. Бьянкини постарались показать роль Балбо и Ботты в истории образования¹⁶. А Э. Струмиа, Д. Армандо и К. Бадзани посвятили свои работы творчеству Г. Морардо¹⁷. О политической и литературной карьере К. Босси со времени Ф. Патетты (1942 г.) так и не вышло более фундированной монографии, что делает и сегодня обращение к страницам его бурной биографии весьма актуальным¹⁸. Сложнее обстоит дело с анализом карьеры и научного творчества К. Ботты в 1799–1814 гг. Эту тему затрагивали многие историки и литературоведы¹⁹, но общие выводы удалось представить только А.-М. Рао²⁰.

Формирование системы взглядов выдающегося итальянского политика и историка Карла Джузеппе Гульельмо Ботты (1766–1837) пришлось на годы Французской революции. Молодой врач, выпускник Туринского университета, Ботта увлекся новыми республиканскими идеями и оказался замешан в деятельности туринского тайного общества, планировавшего осуществить переворот весной 1794 г. Заговор был раскрыт, многие его участники были арестованы, среди них был и Ботта²¹. В сентябре 1795 г. он был освобожден из тюрьмы и вскоре покинул Сардинское королевство. В 1796 г. будущий политик поступил на службу во французскую армию в качестве военного врача и принял

¹³ Davico 1978; Davico 1981; Broers 1997.

¹⁴ Boyer 1939; Boyer 1969 (a); Boyer 1969 (b); Boyer 1970.

¹⁵ Romagnani 1988-1990; La Bibbia; См. также: Calcaterra 1941: 17–77.

¹⁶ Outram 1976; Bianchini 2008.

¹⁷ Armando, Bazzani 2018; Strumia 1989; Strumia 2004.

¹⁸ Patetta 1942.

¹⁹ Sforza 1909.

²⁰ Rao 2010.

²¹ Митрофанов 2020.

участие в Итальянском походе Бонапарта. В первый год существования республиканского режима в Северной Италии он увлекается политической публицистикой, результатом чего становится его сочинение «Предложение ломбардцам способа свободного правления»²². В 1797 г. К. Ботта вместе с французской военной экспедицией оказался на о. Корфу²³. Но события на севере Италии вскоре заставили его вернуться в Пьемонт, где в декабре 1798 г. было образовано первое республиканское временное правительство, в состав которого он вошел в качестве министра народного образования. Наделенный особыми полномочиями как эмиссар правительства, Ботта принял самое активное участие в плебисците по вопросу о присоединении Пьемонта к Франции²⁴. Однако в обстановке наступления австро-русских войск в мае 1799 г. Ботта вместе другими итальянскими республиканцами оказался в вынужденной эмиграции во Франции²⁵. Возвышенные надежды итальянцев на французов были уже к тому времени в прошлом, после событий 1797–1799 гг. среди изгнанников царило разочарование. Поэтому пьемонтские революционеры сблизилась с наиболее радикальными французскими политиками, не скрывая своего недоверия к дипломатическим маневрам Директории. В период изгнания 1799–1800 гг. среди эмигрантов все большую популярность приобретала идея единой Итальянской Республики. Знаменитую петицию 29 итальянских «патриотов»-эмигрантов к Совету пятисот Французской Республики о создании унитарного государства в Италии в июле 1799 г. Ботта подписал первым²⁶.

Только летом 1800 г., после битвы при Маренго, Ботте удалось наконец вернуться в Турин. Этот период его жизни, как ни парадоксально, наименее изучен в современной историографии²⁷. В первые месяцы после начала второй французской оккупации Пьемонта он был включен в состав законодательной Консульты, но уже декретом от 4 октября 1800 г. (12 вандемьера IX года) назначен одним из трех членов Исполнительной комиссии (правительства), которой руководил вместе с Карло Босси и Карло Джулио. Комиссия успела принять несколько важных решений, но 19 апреля 1801 г., (29 жерминаля IX г.) по воле Наполеона была распущена генералом Ж.-Б. Журданом²⁸. Следующий пост Ботты во власти был не столь важным, но не менее ответственным. В качестве одного из членов Административного и Наблюдательного советов по общественному просвещению он отвечал за распреде-

²² Botta 1797. Данное сочинение не было написано для участия в знаменитом конкурсе политических сочинений 1796 г., как это доказал А. Саятта. Saitta 1964.

²³ Botta VII (1799).

²⁴ Vaccarino G. T. 1: 16; Pavesio 1874: 167–168.

²⁵ См.: Rao 1992.

²⁶ Dionisotti 1867: 509–512. Мнение Ботты о 1799 г. в Пьемонте см.: Botta XI (1802): 110–111.

²⁷ Rao 2010.

²⁸ Rocci 2021: 67–68.

ление финансовых средств правительства²⁹. Деятельность совета вызвала немало нареканий, и, хотя в ходе следствия по обвинению в нерациональном расходовании средств Ботта был оправдан, но своей должности все же лишился³⁰. На этом политическая карьера Карло Ботты на родине была практически завершена.

Идейный лоялизм не служил гарантией конвертации прошлых политических достижений. Только в августе 1804 г. он избирается в Законодательный корпус Франции от пьемонтского департамента Дора и окончательно переезжает в Париж в октябре³¹. В Париже Ботту не ожидало заметное карьерное продвижение. Дважды коллеги по корпусу выдвигали его на почетную должность квестора и дважды Наполеон вычеркивал его имя из списков. Однако, речь не шла о презрении к пьемонтцу. В феврале 1812 г. Ботта получил знаки отличия кавалера нового ордена Воссоединения. Должность депутата тяготила его, тем не менее Ботта все время находился в напряжении из-за опасений потерять доходы в случае своего непереизбрания³².

Годы Консульства и Империи для Ботты оказались крайне плодотворным временем в части научных и литературных трудов. В 1802 г. он публикует «Исторический обзор Савойского дома и Пьемонта»³³, затем ряд малых произведений и переводов, а также начинает работу над сочинением, принесшим ему всемирную известность – «Историей войны за независимость Соединенных Штатов Америки» в 14 книгах³⁴. Впервые эта книга вышла в Париже в 1809 г., а спустя десять лет переиздана в новой редакции в Милане³⁵. «История» была переведена на французский, английский и быстро завоевала популярность в Новом свете. Также впервые в Париже выйдет и его многотомная «История Италии с 1789 по 1814 г.» в 4 томах и 27 книгах (1824 г.)³⁶.

После первого отречения Наполеона и падения Империи во Франции Ботта отошел от общественной и политической жизни, но в период «Ста дней» был назначен ректором университета в Нанси. Возвращение Людовика XVIII, как казалось, не сулило бывшему бонапартисту никаких радужных перспектив, однако, в 1817 г. он был назначен ректором Руанского университета, где и проработал до 1822 г., когда вынужден был покинуть пост под давлением клерикальных кругов. В эти годы он был повторно принят в Академию наук Нанси, избран членом Американского философского общества и Американского антикварного общества, а в 1833 г. даже награждён орденом Почетного легиона.

²⁹ См.: Giraud, Botta, Brayda. XI (1802).

³⁰ Pavesio 1874: 35.

³¹ Dionisotti 1867: 130–133, 134.

³² Ibid: 136.

³³ Botta XI (1802).

³⁴ Botta 1809. Первое франц. изд.: Botta 1812–1813.

³⁵ Botta 1820.

³⁶ Botta 1824 (a). Первое франц. изд.: Botta 1824 (b).

В 1826 г. он издает «Историю итальянских народов»³⁷, а во второй половине 1820-х гг. увлеченно работает над своей новой и последней книгой – «Историей Италии, продолжение Истории Гвиччардини до 1789 г.»³⁸, многократно переиздававшейся в 1832-1840-х гг.

Ботта с полным правом мог бы считать себя одним из архитекторов французского Пьемонта. При этом его почетная должность в Законодательном корпусе рассматривалась, по-видимому, только как форма компенсации немалых заслуг в революционное время. В этом просматривается политическая линия Наполеона, который, хотя и отказывал пьемонтцам в праве считать себя отдельной «нацией»³⁹, но искусно использовал итальянские элиты в новом проекте государственного строительства. Лишь номинально участвуя в политике, Ботта теперь смог продолжить свои научные и литературные исследования.

Другим известным деятелем в истории революционного и наполеоновского Пьемонта был Джузеппе Аурелио Карло Босси (1758–1823). Литератор, юрист, политик и дипломат, судьба которого в эпоху Наполеона оказалась теснейшим образом связана с Францией. Босси происходил из незнатной семьи, закончил юридический факультет Туринского университета в 1780 г. и с ранних лет занимался литературой⁴⁰. Под псевдонимом Альбо Криссо он сочинял небольшие поэтические произведения и трагедии, превознося в них реформаторскую политику императора Иосифа II. В последние годы Сардинской монархии Босси удалось сделать дипломатическую карьеру. До 1792 г. он занимал пост секретаря и поверенного в делах посольства в Генуе, затем побывал с дипломатической миссией в Берлине и исполнял обязанности поверенного в делах в Санкт-Петербурге. Уже в эти тревожные месяцы Босси не скрывал своих прореволюционных симпатий и потому после мирного договора, который заключил король Сардинии с французской Директорией в мае 1796 г., был вынужден покинуть российскую столицу⁴¹. Карл Эммануил IV направил его в качестве министра-резидента в Венецианскую республику, а после ее падения ему было поручено представлять правительство Сардинии при ставке генерала Бонапарта в Ломбардии. В 1798 г. он оказался в качестве резидента уже в Гааге, а после отречения короля в декабре французское командование в Пьемонте пригласило его вернуться в Турин. В составе первого временного правительства Босси оказался самым прямолинейным сторонником присоединения Пьемонта к Франции. Не веря в возможность создания единой и независимой Итальянской Республики, он полагал что этот акт должен быть осуществлен по инициативе самих пьемонтцев. В его глазах это было меньшим злом по сравнению с французской

³⁷ Botta 1826.

³⁸ Botta 1832.

³⁹ Correspondance générale. Т. 4: 95–96.

⁴⁰ Patetta 1942: 87.

⁴¹ О миссии Босси в России: Берти 1959: 151–154.

оккупацией. Этим, однако, Босси навлек на себя нападки как консерваторов, так и республиканцев-унитаристов, желавших для начала присоединить Пьемонт к Цизальпинской и Лигурийской республикам⁴². После плебисцита, проведенного пьемонтским правительством под контролем оккупационных властей, решение о присоединении было одобрено большинством коммун и Босси в составе небольшой делегации отправляется в Париж, чтобы официально сообщить Директории о волеизъявлении «субальпийского народа». События апреля-мая 1799 г. круто изменили расстановку сил. Босси, едва успев вернуться на родину, вынужден был спешно ее снова покинуть.

В первые месяцы, последовавшие за победой французов при Маренго, Босси вместе с Карло Боттой и Карло Джулио вошел в состав Исполнительной комиссии. Правительство «трех Карлов», как уже отмечалось, авторитарно занялось адаптацией местной администрации к французским законам, уделяя особое внимание финансовым и налоговым вопросам. 30 мессидора X г. (19 июля 1802 г.), подводя итог деятельности комиссии, Босси заявлял, что «правительство уберегло наших сограждан от еще больших жертв, которые бы они могли принести, указав предводителям армии как на те выгоды, которые они могут извлечь из этого прекрасного завоевания, так и на те, которые было невозможно заполучить путем принуждения и силой штыков»⁴³.

Босси рьяно отстаивал интересы родной страны пока это было еще возможно. Первый раз это произошло во фрюктидоре VIII года (сентябрь 1800 г.), когда итальянский политик узнал о присоединении пьемонтского округа Новары к Цизальпинской республике. Он направился прямо к Первому консулу, с которым имел продолжительную ночную беседу. Именно во время этой встречи и решалась судьба Пьемонта, но Босси отстоять интересы страны не удалось. По мнению Наполеона, Субальпийский регион был настоящим ключом ко всей Италии, и потому он станет французским «или благодаря победе, или благодаря переговорам»⁴⁴. Вторая миссия в Париже имела место уже весной 1801, когда по требованию Бонапарта он был направлен туда Журданом в числе «людей значительных по праву рождения и при том обладающих логичным умом» для доклада. Хотя Босси и не принадлежал к аристократии, тогда он фактически стал главой этой делегации⁴⁵.

Вернувшись на родину, Босси попал в опалу, вступив в конфликт с генеральным администратором Пьемонта Ж.-Ф. Мену, вероятно, из-за закрытия масонской ложи Турина, к которой сам Босси принадлежал. Период 1802–1805 гг. оказался наиболее тяжелым в его карьере. Не-

⁴² Vaccarino 1989: Т. I: 53–59; Митрофанов 2022 (b).

⁴³ Bossi X (1802).

⁴⁴ Boyer 1969 (a): 46.

⁴⁵ Постановлением консулов Франции вместо нее была создана Комиссия генеральной Администрации, куда Босси также входил. Она была ликвидирована 7 мессидоров IX г. (26 июня 1801 г.). Ibid: 47.

смотря на очевидные заслуги, Босси в 1803 г. была предложена скромная должность генерального комиссара торговых сношений при дворе господаря Валахии и Молдавии. Бывший дипломат воспринял такое предложение как ссылку и отказался от него. Только в январе 1805 г. он был назначен префектом французского департамента Эн. С одной стороны, это было формой компенсации, поскольку таким образом итальянский политик входил в число нотаблей Франции. С другой стороны, масштабы работы в Альпийском департаменте были заметно скромнее того, к чему Босси привык и на что был способен. О многом говорит и тот факт, что переход Босси в Сенат Франции в 1806 г. был возможен, но так и не состоялся⁴⁶. Формальное признание его роли в политике произошло немного позднее – в августе 1809 г., когда Наполеон возвел его в баронское достоинство и пожаловал земли в Ганновере. В эти годы он занимался административными делами и руководил изданием «Статистики департамента Эн»⁴⁷, но основным результатом его личных юридических изысканий стал труд «О независимости гражданского закона»⁴⁸. Последние годы жизни Босси провел в Лондоне и Париже поддерживая контакты с пьемонтскими изгнанниками, посвящая время и занятиям поэзией⁴⁹, которая хотя и не представляет большого интереса с литературной точки зрения, отражает политические и нравственные идеалы ушедшей революционной эпохи.

Пьемонтские интеллектуалы из церковной среды оставили заметный след в эпоху наполеоновского владычества в Италии⁵⁰. Пожалуй, наиболее ярким среди них был Гаспаре Морардо (1736–1817)⁵¹, священник, ученый и моралист, на рубеже XVIII–XIX вв. отчаянно порвавший с церковью и с головой окунувшийся в политику. Этот член Ордена пиаристов к 1789 г. сделал неплохую научную и педагогическую карьеру и получил известность благодаря ряду своих трактатов на актуальные темы: от религии до женского образования⁵². После 1789 г. он открыто поддержал идеи Французской революции, «первым апостолом» в Пьемонте которой он себя сам провозгласил. Однако первые проблемы с церковными и гражданскими властями возникли уже в связи с выходом трактата «О завещаниях» (1790 г.) вызывавшем резкие протесты Рима. В трактате Морардо заявил, что «богатство, оставленное завещателями церквям, церковным и регулярным органам и благотворительным организациям», должно считаться имуществом, оставленным «на благо общества и общество должно ощущать пользу от

---

⁴⁶ Bossi 1806.

⁴⁷ Statistique générale 1808.

⁴⁸ Bossi 1859.

⁴⁹ Crisso 1816.

⁵⁰ По традиции первенство отдают пьемонтскому священнику Дж. А. Ранца (1741–1801). О Ранца см.: Marocco 1978; Criscuolo 1989; Giovanni Antonio Ranza 2003.

⁵¹ Cozzo 2012.

⁵² Morardo: 1780. Morardo: 1787. О публицистике Морардо: Stella 1958: 36.

него». Отсюда вытекало право суверена, который отвечал за управление общественным богатством, «регулировать» использование таких благ «в соответствии с требованиями процветания его государства»⁵³.

Под давлением римской курии король Виктор-Амедей III вынужден был удалить его из Турина⁵⁴. В 1798 г. Морардо сам откажется от церковного сана, а в 1799 г. в духе времени посвятит свой новый трактат «О религиозном культе и его служителях», бывшему послу Франции в Сардинии П.-Л. Жангенэ⁵⁵. Он призывал очистить христианство от суеверий и предрассудков, скрывших с течением веков его «первоначальную простоту и чистоту», освободить его от цепей, в которые он был окован «жадностью и гордыней жрецов», заново открыть его сокровенную сущность – сущность религии природы, «религии достойной человека как истинной теофилантропии». Республиканское правительство не должно мириться с какой-либо «школой атеизма»: только Христос, «самый совершенный революционер», сражавшийся «против великих, против сильных мира сего, против князей, попов, против угнетателей», был истинным «главой демократов», а его религия была «совершенно демократической», заявлял Морардо. При демократическом и республиканском режиме не следует мириться и с беззакониями и извращениями прошлого. Отсюда следовали требование отмены «пагубного» церковного безбрачия, «противоречащего законам и целям природы», и возвращения товаров и богатств, накопленных на протяжении столетий духовенством «во владениях нации»⁵⁶.

Поддержав создание республики, Морардо в 1799 г. встал на сторону части пьемонтской элиты, отстаивавшей необходимость присоединения к Франции, считая это единственным путем демократизации. Во время первой французской оккупации, приступив к изданию первой итальянской женской газеты «Истинная республиканка», он выделялся своей радикальной позицией (например, открыто выступал за эмансипацию евреев), что ставило его на путь конфликта с бывшими товарищами⁵⁷. Со вторичным приходом французов в Пьемонт летом 1800 г. бывший пиарист возвращается на родину и возобновляет активную политическую деятельность. Он решительно выступает против существовавшей несколько месяцев республиканской церковной комиссии, обвиняя ее основных представителей в янсенизме. Морардо в эти месяцы также вступил в конфликт с некоторыми важными деятелями политического и культурного мира, в частности, с противниками присоединения к Франции. Полемика, вспыхнувшая между Морардо и двумя ведущими деятелями первого временного правительства аббатом И.М. Баудиссоном и графом Дж. Кавалли д'Оливой, была очень острой.

⁵³ Morardo 1799 (a): 166–168.

⁵⁴ Stella 1958: 37; Morardo 1804: 13.

⁵⁵ Morardo 1799 (b).

⁵⁶ Venturi 1984: 542–544.

⁵⁷ Strumia 1989; См. также: Strumia 2004: 203.

Морардо обвинял их в том, что именно они запятнали его репутацию с целью изгнания из Туринского университета. Ему пришлось раз за разом опровергать обвинения в хищениях в тот период, когда он занимал должность «комиссара» университета. Это был не единственный случай клеветы в его адрес. В 1804 г. Морардо вынужден будет вновь взяться за перо, чтобы отстаивать свою репутацию (на этот раз его обвиняли в преступлении против нравственности)⁵⁸.

В первые месяцы после Маренго жанр анонимного памфлета особенно привлекал Морардо. В «Исповеди Карла-Эммануила»⁵⁹, самом резком и яростном антисавойском сочинении, памфлетист не жалел мрачных красок. «Милостью добрых сардинцев король Сардинии и незаконный король Кипра и Иерусалима» предстал в сочинении как исчадие ада, готовый на «новые» зверства и преступления против собственного народа. Якобы на примере неаполитанского опыта 1799 г. король планировал использовать аналогичные методы борьбы с Революцией, французами и «якобинцами» в Пьемонте, но потерял надежду из-за разногласий между дворами Вены и Петербурга⁶⁰. Такой подход, достойный по дерзости самого С. Марешаля, между тем, был уже явно не в русле интриг Бонапарта, который еще вел тайные переговоры с изгнанным сардинским монархом на предмет возможного его возвращения в материковые владения⁶¹. Другой опыт – опыт издания новой газеты для Морардо также был важным этапом, хотя и не слишком продолжительным. «Газета для духовенства обоих вероисповеданий» выходила в Турине с сентября 1800 г. до конца апреля 1801 г., ровно до тех пор, пока она не вступала в противоречие с религиозной политикой Парижа, когда всемогущий генерал Журдан и запретил ее издание⁶².

В новых обстоятельствах Морардо не пожелал умерить пыл и снова обратился к жанру памфлета. Свое сочинение «Субальпийская церковь в XII году» он посвятил К. Босси, призывая его как можно скорее завершить религиозную реформу в духе миролюбия и толерантности. Французский образец казался ему единственно подходящим для его родной страны⁶³. Именно таким путем, полагал Морардо, воспитывая новую общественную мораль, удастся «изгнать дух партий» из Пьемонта и нивелировать «известное разделение граждан». Но бывший пиарист не без критики относился к новой системе церковного устройства, предполагая, что далеко не все из тех, кто весной 1799 г. поддержал командовавшего «Христианским воинством» Бранду де Лучони⁶⁴,

⁵⁸ Morardo 1804: 4, 8, 13.

⁵⁹ [Morardo G.] 1800.

⁶⁰ Ibid: 41

⁶¹ См.: Driault 1906: 99–113; Correspondance générale. 2006. Т. 3: 654.

⁶² Armando G., Bazzani C. Op. cit.: 535.

⁶³ Morardo X (1801): 21–22.

⁶⁴ Бранда де Лучони (1740–1803) – майор австрийской армии, в апреле 1799 г. возглавил антифранцузское движение в Северной Италии. См.: Albera, Sanguinetti. 1999.

затем раскаявшись в содеянном, будут удалены от приходов и епископских кафедр⁶⁵. Общее направление мыслей Морардо в 1800–1801 гг. совершенно не претерпело изменений. В июле 1800 г. в обращении к епископу Турина Карло Луиджи Буронцо он обосновывал изъятие имущества у церкви и введение гражданского устройства духовенства по французскому образцу, поскольку «мирские богатства противоречат максимам и евангельским заповедям»⁶⁶. Бывший священник нападал и на янсенистов, которых обвинял в чрезмерном радикализме по отношению к новому режиму – наследнику Французской революции⁶⁷.

На рубеже 1801–1802 гг. Морардо уже осознавал, что его радикализм явно противоречит умеренной и консервативной политике республиканского правительства. И он все чаще обращается не к политической публицистике, а к моральной философии. В 1800–1805 гг. он знакомится с важными представителями общин вальденсов – Дж. Марраудой (Марандой), П. Жейме, Р. Пейраном, активными сторонниками присоединения Пьемонта к Франции. Среди множества опубликованных им в эти годы работ заслуживает внимания его трактат «Искусство сохранения и преумножения женской красоты» (1801 г.)⁶⁸, в котором он актуализировал древние тезисы о женском воспитании, теоретизируя на тему формирования истинной демократки и республиканки в новом постреволюционном обществе.

Перспективы присоединения Пьемонта к Франции Морардо воспринимал восторженно, но не мог не понимать, что его собственная политическая карьера заканчивается. С 1801 г. он начинает активную деятельность в Туринской Академии наук. В мае 1801 г. он предложил коллегам создать словарь пьемонтского языка. Замысел этот в те годы так и не был реализован. В 1802–1804 гг. он регулярно выступал с чтением различных трактатов и поэтических сочинений в стенах Академии. Хотя Морардо с усердием участвовал в ее работе, он не занимал какой-либо руководящей должности. После 1805 г. его присутствие в научной и литературной жизни становилось все более спорадическим. Последняя фаза жизни Морардо – период бездействия, удивительного по сравнению с той живостью, которая характеризовала юность и зрелость этого плодovitого мыслителя. Эти годы стали для него временем глубокого кризиса. После Реставрации 1814 г. Морардо был исключен из Туринской Академии наук, доступ к каким-либо официальным должностям для него также был закрыт.

Летом 1800 г. казалось, что у интеллектуалов, хранивших верность Савойской династии или покинувших родину, нет будущего на родине. Но, как показали последующие годы французского господства, перспективы все же были, хотя многое зависело в большей степени от

⁶⁵ Morardo X (1801): 25-26.

⁶⁶ Morardo VIII: 33.

⁶⁷ Armando, Bazzani 2018: 532.

⁶⁸ Morardo 1803.

настроения или симпатий самого Наполеона, чем от умения адаптироваться представителей бывшего дворянства.

Молодой интеллектуал, бывший мэр Турина граф Просперо Бальбо (1762–1837) занимал пост посла Сардинии во Франции с весны 1796 г.⁶⁹. Он вынужден был оставить его после того, как отказался вернуться в Турин по предложению временного республиканского правительства Пьемонта. После побед австро-русских войск в Италии Бальбо отправился из Испании во Флоренцию, где и узнал о своем назначении генеральным контролером финансов королевства. В ноябре-декабре 1799 г. он оказался в сложном положении: правительство (Верховный совет) Пьемонта вынуждено было выполнять требования австрийских генералов при опустошенной казне⁷⁰. Экстренный план финансовой реформы Бальбо, направленной на обуздание инфляции и роста цен окончился крахом. Девальвация лиры зимой-весной 1800 г. привела к острому дефициту продовольствия, голоду и парализовала денежное обращение⁷¹. В условиях оккупации Пьемонта Бальбо предпринял рискованный шаг, рассчитывая на то, что свободная от административного регулирования экономика – это единственный путь к выходу из кризиса. Необходимого продолжения реформы не последовало, поскольку финансовый паралич дополнился политическим кризисом. Еще в марте 1800 г. Бальбо под гнетом неудачи и общественного недовольства получил отпуск и выехал во Флоренцию. Под влиянием военных событий июня 1800 г. Бальбо впоследствии (в июле 1815 г.) напишет, что тогда он пришел к выводу о том, что «никакое средство не может быть действенным против самых странных превратностей судьбы»⁷².

После того как республиканский режим утвердился в Пьемонте Бальбо вместе с рядом других интеллектуалов был исключен из Туринской Академии наук (1801 г.). Однако после декрета Наполеона, предписывавшего эмигрантам вернуться в Пьемонт под угрозой конфискации имущества, в августе 1802 г. Бальбо с семьей вернулся в Турин⁷³. Бонапарт предлагал Бальбо должности государственного советника и сенатора, от которых граф отказался, сославшись на семейные обстоятельства. В эти годы Бальбо основал в столице частную школу, которую посещали дети бывшей савойской аристократии⁷⁴. Самому бывшему дипломату предстояло окунуться в вопросы сельского хозяйства и виноделия, поскольку этого потребовали от него новые власти. Бальбо все еще воспринимали как видного эксперта в сфере экономики. При этом он находил возможности отстаивать свои взгляды даже в самой неблагоприятной политической обстановке. В 1804 г. совсем еще юный

⁶⁹ Sclois 1874: 9–18.

⁷⁰ Passamonti 1913-1914: 947–948.

⁷¹ Degli Alberti 1900: 30-38; Митрофанов 2022 (а).⁷² Degli Alberti 1900: 32.

⁷² Degli Alberti 1900: 32.

⁷³ См.: Degli Alberti 1908.

⁷⁴ Bianchini 2008: XII, XIV, 122, 145.

Чезаре Бальбо, второй сын Просперо, под патронажем отца создает в Турине вместе со своими сверстниками и единомышленниками «Академию Согласия», в стенах которой впервые отчетливо прозвучало требование повсеместного изучения итальянского языка⁷⁵. И хотя вопросы политической трансформации Пьемонта в публичном пространстве не подлежали обсуждению⁷⁶, в научной и литературной сферах все еще оставались возможности для выражения собственного мнения. 1803 г. П. Бальбо заявил о вреде применения жестких административных методов в экономике, а в феврале 1804 г. выступил в Туринской Академии наук с докладом о плодородии родного края. В духе времени Бальбо заявлял о возможности Пьемонта самостоятельно «залечить раны» благодаря природным богатствам и неисчерпаемому плодородию, но обращал внимание на ряд трудностей. Экономическое процветание, продолжавшееся до начала 1790-х гг., отмечал Бальбо, сменилось общим кризисом, высокими денежными издержками в сельском хозяйстве и низкой стоимостью земли, которая при падении доходов приводила даже к отказу от посевов различных культур в прежних объемах⁷⁷.

После встречи с Наполеоном в мае 1805 г. ему предложили занять должность ректора Туринского университета⁷⁸. Назначение произошло в октябре 1805 г., а в следующем году к должности ректора добавили и должность генерального инспектора, так как пьемонтское учебное заведение было передано в ведение Парижского университета⁷⁹. Университетскую систему Пьемонта высоко оценивали и в Париже за хорошую организацию процесса, а также за то, что самому Бальбо удалось «объединить редкие таланты писателя, ученого и государственного деятеля». Хотя многие уже в 1805 г. понимали, что Бальбо принял должность ректора не без колебаний, в годы Реставрации его будут обвинять в поддержке антиклерикальных тенденций в образовании и сотрудничестве с французской администрацией. Эти упреки не вполне обоснованы, так как после 1805 г. в университете было восстановлено преподавание богословия, которое даже особо поощрялось, что делалось в соответствии с политикой Конкордата. В 1815 г. в письме сардинскому монарху Просперо Бальбо так будет объяснять свои мотивы:

«В конце концов, все, на что я надеялся, было позабыто; но осенью 1805 г. я увидел в газетах, что меня назначили ректором университета. Эта должность могла бы мне понравиться, потому что она не была ни прибыльной, ни видной, потому что соответствовала моим интересам, и, прежде всего, потому что она спасала бы меня от других притеснений. Тем не менее я оставался в сомнении, должен ли я это принять это, и спросил совета у людей, верных Вашему Величеству и лю-

⁷⁵ Passerin d'Entreves 1940: 9.

⁷⁶ De Francesco 2013: 29-50; Banti 2020: 17-19.

⁷⁷ Balbo 1819: 53-102.

⁷⁸ Outram 1976: 622.

⁷⁹ Bianchini 2008: 198, 208, 210-212.

бящих свою страну. Все они уговаривали меня согласиться, указывая на то, что, хотя я, может быть, и не смогу сделать все то добро, что я хотел бы, но, по крайней мере, смогу предотвратить больший вред; и что во всяком случае я не должен оставлять должность, столь важную для воспитания нашего подрастающего поколения, какому-нибудь французу, избранному в результате интриг в Париже и чуждому нашим обычаям, или какому-нибудь пьемонтскому выскочке революционных лет. Эти соображения убедили меня, и мне не в чем каяться, ибо мой успех превзошел все мои надежды. Я долго и упорно трудился, терпел ожесточенные конфликты, страшные гонения и был в непрестанных заботах. Однако в конце концов мне удалось обуздать своих врагов... старые институты были сохранены и, где возможно, восстановлены; старые традиции, самые славные для королевской семьи, вспоминались при каждом [удобном] случае и не без дерзости»⁸⁰.

Возвращение Бальбо в политику стало возможным только после падения режима Наполеона. Он был включен в состав Регентского совета, а по поручению графа де Валеа занимался подготовкой дипломатической программы Сардинии на Венском конгрессе. С возвращением короля он был назначен послом в Мадриде, затем президентом Академии наук и министром внутренних дел (1819–1821), а после вступления на престол короля Карло-Альберто - председателем финансовой секции Государственного совета (1831 г.).

***

Полтора десятилетия наполеоновской политики интеграции новых земель, аккультурации и ассимиляции делали неизбежным участие в ней интеллектуалов, политиков, представителей духовенства из новых пьемонтских департаментов. Нами проанализированы биографии людей, которые с большим трудом смогли встроиться в новую политическую реальность после присоединения Пьемонта к наполеоновской Франции. Революционный опыт (в случае Ботты, Босси и Морардо), как видим, ни в коей мере не послужил твердой гарантией закрепления их высокого политического статуса после 1802 г. Политика «сплочения» старой и новой элиты предусматривала, что прежние политические заслуги должны подтверждаться новыми, а слишком влиятельные персоны, репутация которых была прочно связана с революционными преобразованиями 1799 г., должны быть удалены из политической сферы Пьемонта, что и выполнялось генеральными администраторами Ж.Б. Журданом и Ж.Ф. Мену. Радикализм и антиклерикальные взгляды после заключения Конкордата с Римом в 1801 г. тем более не способствовали продвижению в политике.

Отметим, что репрезентативное просопографическое исследование просвещенной элиты бывшего Сардинского королевства в наполеоновский период еще предстоит провести. Отдельной исследователь-

⁸⁰ Degli Alberti 1900: 38.

ской проблемой станут критерии выбора персоналий для данного исследования. Основой такой работы могут послужить, например, опубликованные Р. Давико полицейские списки жителей Турина и представителей клира, сочувствовавших Савойской династии⁸¹.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Андронов И.Е. Уроки историографии. Савойское государство Раннего нового времени // Очерки по истории стран европейского Средиземноморья. К юбилею заслуженного профессора МГУ им. М.В. Ломоносова В.П. Смирнова. СПб.: Алетейя, 2020. С. 18–32. [Andronov I.E. Uroki istoriografii. Savojskoe gosudarstvo Ranнего novoгo vremeni // Oчерki po istorii stran evropejskogo Sredizemnomorya. K yubileyu zaslužennogo professora MGU im. M.V. Lomonosova V.P. Smirnova. Sankt-Peterburg: Aletejya, 2020. S. 18–32].
- Берти Дж. Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. М.: Издательство иностранной литературы, 1959 [Berti G. Rossiya i italyanskie gosudarstva v period Risordzhimento. Moskva: Izdatelstvo inostrannoj literatury, 1959].
- Бондарчук В.С. Итальянское крестьянство в XVIII в. Аграрные отношения и социальное движение в Сардинском королевстве. М., 1980 [Bondarchuk V.S. Italyanskoe krestyanstvo v XVIII v. Agrarnye otnosheniya i socialnoe dvizhenie v Sardinskом королевстве. Moskva: MGU, 1980].
- Бондарчук В.С. Проблема итальянского якобинизма в историографии Италии (40-е – 60-е годы) // Вопросы методологии и истории исторической науки. Вып. 4. (Буржуазные революции XVII–XIX вв. в современной зарубежной историографии). М.: МГУ, 1986. С. 127–147 [Bondarchuk V.S. Problema italyanskogo yakobinizma v istoriografii Italii (40-e – 60-e gody) // Voprosy metodologii i istorii istoricheskoy nauki. Vyp. 4. (Burzhuznyye revolyucii XVII–XIX vv. v sovremennoj zarubezhnoj istoriografii). Moskva: MGU, 1986. S. 127–147].
- Митрофанов А.А. Революционеры в политическом дискурсе Савойской монархии конца XVIII в. // Французский ежегодник 2020: Войны и революции в Новое время. М.: ИВИ РАН, 2020. С. 95–120. [Mitrofanov A.A. Revolyucionery v politicheskom diskurse Savojskoj monarhii kontca XVIII v. // Francuzskij ezhegodnik 2020: Vojny i revolyucii v Novoe vremya. Moskva: IVI RAN, 2020. S. 95–120].
- Митрофанов А.А. (а) Реставрация 1799 г. в Сардинском королевстве в оценках российской дипломатии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Выпуск 9 (119). [Mitrofanov A.A. Restavraciya 1799 g. v Sardinskом королевстве v ocenках rossijskoj diplomatii // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya». 2022. T. 13. Vypusk 9 (119)]: URL: <https://history.jes.su/s207987840022924-5-1/> Date of access: 15.11.2022]
- Митрофанов А.А. (б) Идея «пьемонтской нации» в итало-французской публицистике. Патриотическая дискуссия 1799 года // Диалог со временем. 2022. Вып. 80. С. 253–269 [Mitrofanov A.A. Ideya «piemontskoj natsii» v italo-francuzskoj publicistike. Patrioticheskaya diskussiya 1799 goda // Dialog so vremenem. 2022. Vyp. 80. S. 253–269].
- Albera M., Sanguinetti O. Il maggiore Branda de' Lucioni e la “Massa Cristiana”. Aspetti e figure dell'insorgenza anti-giacobina e della liberazione del Piemonte nel 1799. Torino: Libreria Piemontese Editrice, 1999.
- All'ombra dell'aquila imperiale: Trasformazioni e continuità istituzionali nei territori sabaudi in età napoleonica (1802-1814). Atti del Convegno (Torino, 1990). T. I–II. Roma: Ministero per I beni culturali e ambientali, 1994.
- Armando G., Bazzani C. Note sul «Giornale ecclesiastico» di Gaspare Morardo (1800–1801) // Studi piemontesi. 2018. XLVII. №.2. P. 523–535.
- Balbo P. Discorso intorno alla fertilita del Piemonte scritto da Prospero Balbo in agosto del MDCCCIII. Torino: S. e., 1819.
- Banti A. M. The nation of the Risorgimento: kinship, sanctity, and honour in the origins of unified. Abingdon, Oxon, New York: Routledge, 2020. 210 p.
- Bianchi N. Storia della monarchia piemontese dal 1773 al 1861. T. I–IV. Roma, Torino, Firenze: Fratelli Bocca, 1877–1885.
- Bianchini P. Educare all'obbedienza. Pedagogia e politica in Piemonte tra Antico Regime e Restaurazione, Torino: SEI, 2008.

⁸¹ Davico 1981: 263–293.

- Bossi C. Discours prononcé par le citoyen Bossi membre de l'Administration Générale à la dernière séance du Conseil, qui a lieu le 30 messidor an X [19 juillet 1802]. Archives Nationales de France. F 1e 78. S.p.
- Bossi C. Lettre de Bossi, préfet de l'Ain, à Louis de Fontanes, président du Corps législatif, l'informant de sa désignation par les membres du collège électoral du département de l'Ain, comme candidat au sénat conservateur (18 octobre 1806). Electronic source: <https://nubis.univ-paris1.fr/ark:/15733/20xw> Date of access: 26.12.2022.
- Bossi C. De l'indépendance de la loi civile écrit en 1804 et 1805. Ppublié par Aurélie Bossi, princesse de La Tour d'Auvergne. Paris: A. Guyot et Scribe, 1859.
- Botta C. Proposizione ai Lombardi di una maniera di governo libero. Milano, Stamperia altre volte di S. Ambrogio, 1797.
- Botta C. Storia naturale e medica dell'isola di Corfù, di Carlo Botta. 2 vol. Milano: Stamperia italiana e francese, anno VII.
- Botta Ch. Précis historique de la maison de Savoie et du Piémont. Paris: Imprimerie de Marchant, an XI (1802).
- Botta C. Storia della guerra dell' indipendenza degli Stati Uniti d'America, scritta da Carlo Botta. 4 vol. Parigi: D. Colas, 1809.
- Botta Ch. [C.] Histoire de la guerre de l'indépendance des États-Unis d'Amérique, par Mr Charles Botta. Traduite de l'italien et précédée d'une introduction par Mr L. de Sevelinges. 4 vol. Paris: J.-G. Dentu, 1812–1813.
- Botta C. Storia della guerra d'indipendenza degli Stati Uniti. 4 vol. Milano: Niccolò Bettoni, 1820.
- Botta C. (a) Storia d'Italia, dal 1789 al 1814, scritta da Carlo Botta. 4 vol. Parigi: G. Didot il maggiore, 1824.
- Botta Ch. (b) Histoire d'Italie, de 1789 à 1814, par Charles Botta. 5 vol. Paris: P. Dufart, 1824.
- Botta Ch. Histoire des peuples d'Italie par M. Charles Botta. 3 vol. Paris: Delaforest, 1826.
- Botta C. Storia d'Italia, continuata da quella del Guicciardini sino al 1789, di Carlo Botta. 8 vol. Parigi: Baudry, 1832.
- Boyer F. La famille Bens de Cavour et le régime napoléonien // *Revue Historique*. 1939. T. 185. Fasc. 2. Mémoires et Études. P. 326–345.
- Boyer F. (a) Carlo Bossi et l'Administration Générale du Piémont (1800–1802) // *Rassegna storica del Risorgimento*. 1969. № 77. P. 44–57.
- Boyer F. (b) L'esprit public au Piémont en l'an X et en l'an XI // *Revue de l'Institut Napoléon*. 1969. Avril. P. 149–157.
- Boyer F. Les institutions universitaires en Piémont de 1800 à 1802 // *Revue d'Histoire moderne et contemporaine*. 1970. XVII. P. 913–917.
- Broers M. Revolution as vendetta: patriotism in Piedmont, 1794–1821 // *The Historical Journal*. 1990. Vol. 33. № 3. P. 573–597.
- Broers M. Napoleonic Imperialism and the Savoyard Monarchy 1773–1821 State Building in Piedmont. Lewiston [New-York]: Edwin Mellen Press, 1997.
- Calcaterra C. I Filopatri. Torino: SEI, 1941.
- Carutti D. Storia della corte di Savoia durante la Rivoluzione Francese e l'Impero. T. I–II. Torino, Roma: E. Roux e C. Editori, 1892. T. II.
- Cavallo G.E. La tirannia della libertà. Il Piémont dai Savoia a Napoleone. Torino: Chiaramonte, 2016.
- Correspondance générale publiée par la Fondation Napoléon. Paris: Fayard, 2006, 2007. T. 3, 4.
- Cozzo P. Gaspare Morardo // *Dizionario Biografico degli Italiani*. 2012. Vol. 76. Electronic source: https://www.treccani.it/enciclopedia/gaspare-morardo_%28Dizionario-Biografico%29/ Date of access: 13.11.2022.
- Criscuolo V. Riforma religiosa e riforma politica in Giovanni Antonio Ranza // *Studi storici*. 1989. XXX. P. 825–872.
- Crisso A. Versi di Albo Crisso. 3 vol. Londra: Presso Torchi di Schulze e Dean, 1816.
- Dal trono all'albero della libertà. Trasformazioni e continuità istituzionali nei territori del Regno di Sardegna dall'Antico regime all'Età rivoluzionaria. Atti del Convegno (Torino, 1989). T. I–II. Roma: Ministero per I beni culturali e ambientali, 1991.
- Dard E. Napoleon and Talleyrand. London: Philip Allan and Co, LTD, 1937.
- Davico R. L'aristocrazia imperiale e «citoyens» piemontesi tra Rivoluzione e Restaurazione // *Quaderni storici*. 1978. Vol. 13. № 37–1. P. 43–72.
- Davico R. «Peuple» et notables (1750–1816): essais sur l'Ancien Régime et la Révolution en Piémont. Paris: Bibliothèque nationale, 1981.

- De Francesco A. The antiquity of the Italian nation. The cultural origins of a political myth in modern Italy, 1796–1943. Oxford, 2013.
- Degli Alberti M. Lettere inedite di Carlo Emanuele IV, Vittorio Emanuele I, Carlo Felice, Carlo Alberto ed altre, 1814–1824. Torino: Stamperia reale di Torino di Paravia, 1900.
- Degli Alberti M. Piemonte e Piemontesi sotto il Primo Impero. Studio storico su documenti inediti dell'Archivio La Marmora. Torino: Fratelli Bocca, Stamperia Reale di G. B. Paravia, 1908.
- Dionisotti C. Vita di Carlo Botta. Torino e Firenze: Fratelli Bocca, 1867.
- Driault J.-E. Napoléon en Italie (1800–1812): études napoléoniennes. Paris: Felix Alcan, 1906.
- Giovanni Antonio Ranza nel bicentenario della morte (1801–2001): atti del Convegno tenutosi a Vercelli il 24 novembre 2001. Vercelli: Vercelliviva, 2003.
- Giraud S.V., Botta C., Brayda. Vicissitudes de l'instruction publique en Piémont depuis l'an VII jusqu'au mois de ventôse an XI, par Brayda, Charles Botta et Giraud, anciens membres du Jury d'instruction publique de la 27-e division militaire. Turin: Imprimerie de F. Buzan, an XI.
- La Bibbia, la coccarda e il tricolore. I valdesi fra due emancipazioni (1798–1848). A cura di G.P. Romagnani. Torino: Claudiana, 2001.
- Marocco G. Rivoluzione e cristianesimo in Giovanni Antonio Ranza (1741–1801) // Studi piemontesi. 1978. VII. 2. P. 272–296.
- Morardo G. Uomo guidato dalla ragione. Etica dimostrativa di Gaspare Morardo d'Oneglia. Torino: Stamperia Ignazio Sofietti, 1780.
- Morardo G. La damigella istruita. Torino: Stamperia Mairesse, 1787.
- Morardo G. (a) De' testamenti. Opera politico-morale di Gaspare Morardo della scuole Pie. Quarta edizione. Firenze: Stamperie del Giglio, 1799.
- Morardo G. (b) Del culto religioso e dei suoi ministri. Pensieri liberi di Gaspare Morardo diretti ai rappresentanti de' popoli liberi. Torino: Presso Michel Angelo Morano, 1799.
- Morardo G. Lettera di Gaspare Morardo professore emerito di filosofia nell'università degli studi a Carlo Luigi detto Buronzo del Signore Vescovo di Torino. 12 termidoro anno VIII. Grenoble: Presso il cittadino Falcon mercante Librajò nella piazza della Costituzione, anno VIII.
- [Morardo G.] Confessione di Carlo Emmanuele per grazia di buoni Sardi re di Sardegna e abusivamente re di Cipro e di Gerusalemme al popolo Piemontese umiliata a Papa Pio VII. Roma: Presso Monaldini, 1800.
- Morardo G. La Chiesa Subalpina. L'anno XII della Repubblica Francese. Torino: Presso Michelangelo Morano, anno X.
- Morardo G. L'arte di conservare ed accrescere la bellezza delle donne. Scritta da un filantropo subalpino. Torino: Presso Michelangelo Morano, 1803.
- Morardo G. La famosa causa dell'assaltore di Gaspare Morardo agitata innanzi al tribunale criminal speciale de' dipartimenti del Po e della Dora li 30 di ventoso l'anno XII della Repubblica Francese. Torino: S.e, 1804.
- Outram D. Education and Politics in Piedmont, 1796–1814 // The Historical Journal. 1976. Vol. 19. № 3. P. 611–633.
- Passamonti E. Una memoriale inedita di Prospero Balbo nel dicembre 1799 // Atti della Reale Accademia delle Scienze di Torino. 1913–1914. XLIX. P. 914–951.
- Passerin d'Entreves E. La giovinezza di Cesare Balbo. Firenze: Felice Le Monnier, 1940.
- Patetta F. Carlo Bossi (Albo Crisso) poeta, diplomatico, statista (1758–1823) // Atti della Reale Accademia d'Italia. Memorie. Classe di scienze morali e storiche. 1942. Ser. 7. Vol. 3. Fasc. 3. P. 85–187.
- Pavesio P. Carlo Botta e le sue opere storiche. Firenze: Tipografia editrice dell'Associazione, 1874.
- Rao A.-M. Esuli. L'emigrazione politica italiana in Francia (1792–1802). Naples: Guida, 1992.
- Rao A.-M. Alessandro Galante Garrone, historien de la Révolution française // Annales historiques de la Révolution française. 2006. № 344. 219–237.
- Rao A.-M. Il patriottismo repubblicano di Carlo Botta // Il Giacobino pentito. Carlo Botta fra Napoleone e Washington. Roma: Laterza, 2010. P. 229–246.
- Rocci F. Napoleone a Torino e in Piemonte. Torino: Edizioni del Capicorno, 2021.
- Romagnani G.P. Prospero Balbo intellettuale e uomo di Stato (1762–1837). 2 vol. Torino: Deputazione Subalpina storia patria, 1988–1990.
- Saitta A. Alle origine del Risorgimento: I testi di un celebre Concorso (1796). Roma: Istituto storico Italiano per l'eta moderna e contemporanea. 1964. Vol I. P. 3–171.
- Sclopis F. La domination française en Italie 1800–1814. Paris, Orléans: Colas-Gardin, 1861.
- Sclopois F. Notizie della vita del conte Prospero Balbo. Torino: Stamperia reale di Torino di G.P. Paravia e C, 1874.

- Sforza G. L'Amministrazione generale del Piemonte e Carlo Botta (1799) // Memorie della Reale Accademia delle Scienze di Torino. 1909. Serie II. t. LIX.
- Statistique générale de la France: département de l'Ain: publié par ordre de S.M. l'empereur et roi. Paris: Testu, 1808.
- Stella P. Giurisdizionalismo e giansenismo all'Università di Torino nel secolo XVIII. Torino: SEI, 1958.
- Strumia E. Un giornale per le donne nel Piemonte del 1799 // Studi Storici. 1989. № 4. P. 917–946.
- Strumia E. Tra Lumi e Rivoluzione: i giornali per le donne nell'Italia del Settecento // Donne e giornalismo. Percorsi e presenze di una storia di genere. A cura di S. Franchini, S. Soldani. Milano: Franco Angeli, 2004. P. 181–210.
- Turi G. Guerre Civili in Italia: 1796–1799. Roma: Viella, 2019.
- Vaccarino G. I giacobini piemontesi (1794–1814). T. I–II. Roma: Ministero per I beni culturali e ambientali, 1989.
- Venturi F. Adalberto Radicati tra giansenisti e teofilatropi // Rivista storica Italiana. 1984. XCVI. P. 540–584.
- Waresquiel E. de. Talleyrand. Le prince immobile. Paris: Fayard, 2003.

Митрофанов Андрей Александрович, к.и.н., с.н.с. ИВИ РАН; paxgallica@gmail.com

Intellectuals of Piedmont in the Time of Napoleon: Between Ideological Loyalism and Forced Adaptation

In this article, using specific examples of the biographies of Piedmontese politicians and intellectuals - Prospero Balbo, Carlo Botta, Gaspare Morardo and Carlo Bossi, the author analyzes the implementation of the Napoleonic policy of «amalgam» in Piedmont at the beginning of the 19th century. The idea of uniting and selecting elites is one of the main ones in the integration policy of Napoleon Bonaparte. This policy was based on the principle of loyalty to the new regime. As we can see from specific examples of the turn of the 18th-19th centuries, loyalty could be expressed in different ways and required adaptation to new social and political circumstances, the adoption of new rules. The principle of loyalty, however, was combined with the principle of the personal importance of this or that functionary. A lot of things in the process of distribution of new statuses depended only on Napoleon himself. It was hardest of all for those who firmly linked their careers with the republican regime of 1799. The generally unsuccessful experience of the republican governments in Piedmont gave reason to the French administration to remove such figures from the political life of this region and replace them with those who were distinguished by moderation of views and greater flexibility. Experienced people like Balbo had the greatest ability to adapt, for whom the sphere of government was their native element even in the new imperial conditions.

Keywords: *French Empire, French Revolution, Napoleon, Piedmont, Italy, intellectuals, loyalism, adaptation, amalgam policy, imperial periphery.*

Andrey Mitrofanov, Ph.D. (History), senior researcher at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences; paxgallica@gmail.com

АВСТРИЙСКИЕ КОНСЕРВАТОРЫ И ОСМЫСЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ И НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН (на примере сочинений Йозефа фон Хормайра 1817–1828 гг.)

Статья обращается к осмыслению Революционных и Наполеоновских войн в консервативном лагере державы Габсбургов на примере сочинений Йозефа фон Хормайра 1817–1828 гг. Автор проанализировал формирование и развитие консервативного взгляда на события 1792–1815 гг., а также их интеграцию в официальный исторический дискурс державы Габсбургов. В 1817–1828 гг. сместились акценты в образах общего прошлого для частей державы Габсбургов, а также Австрии и Германии. После разгрома Наполеона приоритет однозначно отдавался сюжетам об «австрийской свободе» и «семье народов» под властью Габсбургов во время войн. Однако «германская сопричастность» сохранила свои позиции как элемент обоснования права Австрии на лидерство в Германии и Европе.

Ключевые слова: история Австрии, Романтизм, Предмартовская эпоха, австрийский консерватизм, Йозеф фон Хормайр, германская сопричастность, историческая память.

Осмысление событий недавнего прошлого и их встраивание в исторический дискурс остается актуальной проблемой как с академической, так и с политической точки зрения. Формирование целостной позиции по тому или иному вопросу недавнего времени и его соотнесение с контекстом предыдущих периодов нередко оказывается затруднительным. Это связано как с полярностью точек зрения в различных социальных группах, в т.ч. элитах, так и с политической и иной активностью непосредственных участников событий. Все это в полной мере относится к Австрийской империи после завершения Наполеоновских войн: первые осмысления событий 1792–1815 гг. формировались их современниками, и, как правило, непосредственными участниками. Такое формирование исторической памяти носило отпечатки текущей политической конъюнктуры, а также запросов правящей элиты на легитимацию текущего политического курса. Создание нарративов о событиях, кардинально изменивших обстановку в Европе, Германии и Австрии затронуло целый ряд вопросов о политической системе и идентичности местных сообществ. Оно также затронуло дихотомию «австрийская свобода – германская сопричастность», что было особенно болезненно, в т.ч. для идеологов консерватизма, влиявших на официальный политический курс державы Габсбургов.

Консервативный взгляд на роль Австрии в противостоянии Наполеону начал формироваться еще во время войн с Францией. Толчком к поиску новой парадигмы стали распад Священной Римской империи, принятие Францем II (I) титула «Император австрийский» и установление гегемонии Наполеона в Германии в 1803–1806 гг. Эти события

сподвигли двор, военачальников и приближенных к ним мыслителей к поиску нового обоснования связей Австрии и остальных германских земель, а также лидерства в них Габсбургов. Это противоречило состоянию дел внутри державы Габсбургов в силу ее полиэтничного устройства и трудностей преодоления центробежных тенденций в то время, когда зарождались национальные движения. В качестве альтернативы один из ключевых идеологов австрийского консерватизма первой трети XIX в. Фридрих фон Генц предлагал концепт «семьи народов, скрепленной фигурой правящего императора»¹. Он подкреплялся конфессиональным компонентом со стороны Адама Мюллера, который считал необходимым сохранение сословности и участия в социальных отношениях Римско-католической церкви². Все это дополнялось и продвигалось обширным по объему пластом исторических нарративов, собранный Йозефом фон Хормайром в 1803–1813 гг.³

Неотъемлемой частью этих нарративов была проблема «германской сопричастности» Австрии. Часто ее полагают проявлением «ностальгии по Старому Рейху», где формально главой вплоть до 1806 г. оставались Габсбурги. Еще в период распада «Старого Рейха» император Франц II (I)⁴ поддерживал возможное восстановление империи, а также ностальгию о ней. То же самое делали члены императорского дома, военачальники и идеологи консерватизма. Одним из таких проявлений стал девиз «дело Австрии – дело Германии», представленный эрцгерцогом Карлом и популярный перед войной 1809 г. Поражение в ней Австрии и заключение Шенбруннского мира привели к утрате этим лозунгом и его проводниками влияния.

Однако на завершающем этапе войн с Францией в 1813–1814 гг. он был снова поднят на знамена идеологами консерватизма, например, Фридрихом фон Генцем, который редактировал императорский манифест о начале войны⁵. Также Генц выпустил обращение «К немецким князьям и немцам», в котором также затронул сопричастность германских земель и Австрии в консервативном ключе⁶. Однако дальнейшее развитие идеи «сопричастности» после разгрома Франции не представлялось возможным без осмысления событий 1797–1815 гг. и их включения в представление об общем прошлом Австрийской империи, ее негерманских земель и Германии, а также их взаимосвязи. Именно эту функцию и выполняли сочинения за авторством и под редакцией Йозефа фон Хормайра в 1817–1828 гг.

¹ Österreichisches Manifest 1809: 336-366.

² Müller 1809.

³ Hormayr 1807-1812.

⁴ Erklärung Sr. Majestät des Kaisers Franz des II. 1806.

⁵ Österreichisches Manifest 1813, 367-393; Manifest des Kaisers von Österreich, König von Ungarn und Böhmen Franz I 1813.

⁶ Gentz 1814: 4-7.

Становление и развитие австрийского консерватизма, его видение «австрийского», а также подкрепление идентитарной парадигмы историческими образами изучено в историографии неравномерно. Идеологи австрийского консерватизма, такие как Фридрих фон Генц, Йозеф фон Хормайр и Адам Мюллер, рассмотрены в монографиях, статьях и диссертациях австрийских и германских историков, например Александры Зигель фон Зигвиль⁷, Альфреда Майрхофер-Шмидта⁸, Барбары Гант⁹, Бригитте Мацоль, Бернхарда Метельзедера¹⁰, Гюнтера Кроненбиттера¹¹, Ханса-Кристиана Крауса¹². Характерной чертой изучения данного вопроса вплоть до современного этапа была его политизация в связи с дискуссиями об австрийской идентичности и судьбе Австрии как государства, которые шли до 1955 года. Современная австрийская и германская историография при этом отказываются трактовать наследие Йозефа фон Хормайра исключительно в консервативном ключе. Это связано не только с переменой взглядов историографом в 1828 г. в сторону критики политической системы Франца I и Меттерниха, но и с эволюцией его концепций в дискурсе романтизма и официальной историографии¹³.

Из числа российских историков наиболее ярко раскрыли сюжеты, связанные с развитием консерватизма, Павел Рахшмир и Александр Чудинов. Профессор Пермского университета П.Ю. Рахшмир представил типологию консерватизма в контексте критики революции и ее практик, место в интеллектуальной и политической жизни общества¹⁴. Он также раскрыл их на примере периода министерства и канцлерства Клеменса фон Меттенриха¹⁵. Профессор РАН А.В. Чудинов в рамках «Новой русской школы» изучения Французской революции определили становление консерватизма из «Сопротивления революции», т.е. протеста против трансфера воззрений и практик, уходящих корнями в Просвещение и революцию, в регионы с преобладанием традиционализма на примере Вандеи во Франции, Тироля в Австрии и др.¹⁶. Типология консерватизма, представленная П. Рахшмиром и концепция консерватизма К. Робина, раскрывающая суть идеологии как «реакционное мышление», в большей степени опирались на изучение критики революции как практики решения политических и социальных проблем конкретных стран¹⁷. Однако, Кори Робин не делал особого акцента на опыт Австрии и, шире,

⁷ Siegl-Siegville 1936.

⁸ Mayrhofer-Schmidt 1949.

⁹ Gant 2003.

¹⁰ Mazohl, Mertelseder 2009.

¹¹ Kronenbitter 1999: 71–88.

¹² Kraus 1999: 35–70

¹³ Landi 2008: 390.

¹⁴ Рахшмир 1995: 4–17.

¹⁵ Рахшмир 2005.

¹⁶ Чудинов 2016: 5–35; Чудинов 2020.

¹⁷ Робин 2013: 37–38.

державы Габсбургов в части борьбы с идеологиями и практиками Французской революции. Исследователи из Университета штата Миннесота в США, Кинли Брауэр и Ульям Райт, напротив, представили общее видение развития державы Габсбургов от начала Французской революции до проведения Венского конгресса (1789–1815 гг.)¹⁸. Однако видение «австрийского» глазами консерваторов, и, особенно воззрения на недавнее прошлое в консервативной мысли предмартовского периода не получили должного рассмотрения.

Источниками по теме исследования выступают такие сочинения Йозефа фон Хормайра, как «Армия Внутренней Австрии под командованием эрцгерцога Иоганна в войну 1809 г. в Италии, Тироле и Венгрии»¹⁹, «История Андреаса Хофера, хозяина гостиницы в Пассайре»²⁰ и последние два тома «Всеобщей истории новейшего времени, от смерти Фридриха Великого до Второго Парижского мира», вышедшие в 1817–1819 гг.²¹. Также на эту тематику работали произведения австрийских поэтов и писателей, включенные в редактируемую Йозефом фон Хормайром и его венгерским коллегой Алайошем Меднянским «Малую историю Отечества», девять томов которой вышли из печати в 1820–1828 гг., т.е. до переезда Хормайра в Баварию²².

«Армия внутренней Австрии...» по своему характеру представляла собой сборник документов о «войне немецкой чести» 1809 г. и восстании Андреаса Хофера. В него были включены переписка австрийских военачальников, прокламации и обращения императора и лидера тирольских повстанцев Андреаса Хофера, и иные документы этого периода. «История Андреаса Хофера» была целиком и полностью посвящена Тиролюскому восстанию 1809–1810 гг., роли тирольцев в борьбе с Наполеоном и его баварскими союзниками. «Всеобщая история новейшего времени» предстает концептуальным обрамлением исторических событий в период с 1786 по 1815 гг., концентрируясь особым образом на Наполеоновских войнах. «Малая история Отечества» в этом контексте более представляла сборником «малых нарративов»: очерков о подвигах солдат и офицеров императорской армии, а также памятных посланий, адресованных им и последующим поколениям. Очерки о Наполеоновских войнах и роли в ней Австрии и ее народов там были лишь частью общего повествования, и сильно уступали по количеству и масштабу текстам, связанным со Средними веками и Ранним новым временем. Это связано с тем, что наибольшее внимание в своих работах Хормайр уделял именно периоду до конца XVII в.

---

¹⁸ Brauer, Wright 1990.

¹⁹ Hormayr 1817b.

²⁰ Hormayr 1817c.

²¹ Hormayr 1817a-1819.

²² Hormayr, Mednyanski 1820-1828.

При этом «германская сопричастность» получила существенное осмысление в трудах Йозефа фон Хормайра, а также при дворе Габсбургов. Несмотря на то, что эффективные связи Австрии с Германией распались в XVIII – начале XIX вв., идеи взаимности находили отклики в силу т.н. «ностальгии по Старому Рейху». Ее выразил и последний император Священной Римской империи Франц II, бывший к 1806 г. и императором Австрии как Франц I. Однако именно с Наполеоновскими войнами связан лозунг «дело Австрии – дело Германии», к которому апеллировал эрцгерцог Карл, член правящего семейства и генералиссимус армии. Надежды на успешное «возрождение Германии» Хормайр высказывал и в текстах до 1813 г., т.е. до трехлетнего периода ареста, тюремного заключения в Мункаче и Брно и отбывания в последнем ссылки. До того времени Австрия изображалась Хормайром единственным государством, у которого есть моральное право на лидерство в «Германском мире»²³. Частично он это продолжил и в «Армии Внутренней Австрии...», отмечая роль тирольцев в борьбе с общим для Австрии и Германии врагом – Наполеоном²⁴. Сюда же относится и знакомство с действиями майора Шилля в Пруссии и их одобрение несмотря на то, что лидер фрайкора был подданным государства – конкурента за лидерство в Германии.

Германская сопричастность в Наполеоновских войнах была особенно глубоко рассмотрена в трехтомном сочинении «Всеобщая история новейшего времени, от смерти Фридриха Великого до Второго Парижского мира». Сочинение преследовало цель осмысления и оценивания событий, которые привели к изменению ситуации в Европе, Германии и Австрии. Хормайр полагал это необходимым, т.к. считал возможным «извлечь уроки» и из недавнего прошлого для империи и Германии. Хормайр рассуждал о «внепартийности» истории, т.е. даче объективных характеристик и оценок недавнему прошлому, вне зависимости от ориентации его участников²⁵. Здесь Хормайр исходил и из «универсальности» процесса, однако сам подчеркивал, что смотрит с «австрийских» и «германских» позиций.

Начало Революции во Франции в 1789 г. Хормайр критиковал, и представил Людовика XVI «несчастливым королем без власти, денег, армии и министров»²⁶. Самих французов Хормайр изображал достаточно лояльными королю, в отличие от «так называемого Национального собрания», которое, по мнению историографа, узурпировало власть. Уже начальный период Революции был обозначен как «погружение страны в хаос и беззаконие», которые далее распространялись на всю Европу.

²³ Hormayr 1807–1812; Hormayr 1814: 183; Hormayr, Mednyansky 1827: Achter Jahrgang, 351.

²⁴ Hormayr 1817b.

²⁵ Hormayr 1817a Bd. 1: 11.

²⁶ Ibid.: 80.

Хормайр и здесь отразил свои легитимистские взгляды. Революционные трибуналы он назвал «действующими без малейшей тени законности», а события в Лионе и Вандее обозначил как «терроризм»²⁷, таким образом недвусмысленно ставя французское государство вне закона.

Эти идеи получили развитие при описании Хормайром Революционных войн. Объявление войны «королю Богемии и Венгрии» Францу II 20 апреля 1792 г. предстало итогом деятельности «якобинцев, захвативших большинство в Национальном собрании»²⁸. Ответные мероприятия армий Габсбургов и Пруссии в Рейнланде и Нидерландах глазами Хормайра представляли с опорой на манифест от 27 июля 1792 г. Иными словами, историограф соглашался с тем, что задача союзных армий – спасти «законность, порядок и королевское достоинство несчастного Людовика XVI, а не получить в стране те или иные приобретения»²⁹. Разрыв дипломатических отношений с Францией большинством европейских стран после событий августа-сентября 1792 г. в Париже изображался неизбежным³⁰.

Говоря о провале осенней кампании 1792 г., Хормайр прямо обвинил в таком исходе Пруссию, чья армия «имея преимущество на поле боя и возможность спасти его Величество», по итогу отступила не территорию Рейха после канонады при Вальми с большими потерями³¹. Это, как считал историограф, и открыло французам дорогу в Нидерланды и германские земли. Подчеркивалось, что основную роль в борьбе с революционной Францией и по защите Германии играла монархия Габсбургов, а не Пруссия, подобно тому, «как австрийцы 109 лет назад обороняли Вену от османских войск Кара Мустафы-паша»³². Т.е. Хормайр показал здесь свое понимание «германской сопричастности», в котором Австрии отводилась роль лидера.

Формируя образ кампании 1793 года и успехов Габсбургов в Австрийских Нидерландах, Хормайр начал формировать образ новых имперских полководцев. Становление эрцгерцога Карла как «второго выдающегося полководца Австрии после принца Евгения Савойского» связывалось со сражениями при Альденховене и Неервиндене³³. Член императорского дома выступал не только способным военачальником, но также и политиком, в пользу чего приводилась его популярность в армии и у жителей Австрийских Нидерландов. Контрастом изображалась ситуация в Рейнланде, где появилась дочерняя Майнцская республика, во главе которой встали «предатели» – выходцы из «якобинских

²⁷ Hormayr 1817a Bd. 1: 263.

²⁸ Ibid.: 219.

²⁹ Ibid.: 233

³⁰ Ibid.: 228-230.

³¹ Ibid.: 235.

³² Ibid.: 237.

³³ Hormayr 1817a Bd. 1: 248–249.

клубов»³⁴. Южное направление – в Италии, Альпах, Дофине и Провансе – Хормайр назвал «сонной войной» в силу пассивности союзников, которой воспользовались французы³⁵.

Характеризуя новую французскую армию, Хормайр давал высокие оценки ее генералам, например, Жильберу де Лафайетту, Шарлю Франсуа Дюмурье и Жан-Шарлю Пишегрю как «солдатам-рыцарям», т.е. сохранившим лучшее из традиционных представлений о войне в новых реалиях³⁶. Они смогли воспользоваться низкой мобильностью и пассивностью императорской и иных армий коалиции³⁷. Напротив, более активные действия французов и мобилизация в таких условиях имели шансы на успех, которые французские командиры и реализовали в 1794–1795 гг. Подчеркивая при этом героизм австрийских и прусских солдат в Нидерландах и на Рейне, Хормайр отмечал, что причинами поражений стали несогласованность действий с партнерами по коалиции, пассивность в 1793 г., плохое командование и снабжение³⁸. Отмечая «высокий энтузиазм» французских солдат и офицеров, Хормайр критиковал их за мародерство и насилие над жителями германских, нидерландских и итальянских земель³⁹.

Базельский мир 5 апреля 1795 г. Хормайр назвал «сепаратным» и представил как «дипломатическое поражение» Пруссии, чей король считал себя, по словам историографа, «вице-кайзером» Рейха⁴⁰. Это связывалось не только с территориальными уступками, но и подрывом обороноспособности всей Германии. Историограф подчеркнул, что теперь императорской армии было гораздо труднее действовать, т.к. северная Германия превращалась в «нейтральную зону», а левый берег Рейна с согласия Пруссии стал де-факто французским владением. Такой образ Пруссии должен был подчеркнуть моральное и юридическое право Габсбургов и Австрии на лидерство в Германии после разгрома Франции. Мотивацию Фридриха-Вильгельма II к заключению мира Хормайр связал исключительно с расстановкой сил в империи.

Итальянская кампания до назначения на это направление Наполеона Бонапарта уступала по масштабу рассмотренных нидерландскому и германскому театрам военных действий. Прибытие Бонапарта в Италию в 1796 г. Хормайр назвал «экстраординарным», несмотря на «авантюрный характер действий» генерала при Монтенноте. 11 апреля 1796 г., т.е. начало сражения, историограф именовал появлением «судьи ко-

³⁴ Ibid.: 255.

³⁵ Ibid.: 256-257.

³⁶ Ibid.: 247.

³⁷ Ibid.: 269.

³⁸ S. 277.

³⁹ Ibid.: 272.

⁴⁰ Normant 1817a Bd. 1: 303-304. В тексте используется термин «Nebenkaiser», т.е. «стремящийся получить императорское достоинство».

ролей, носящего кроваво-багряную мантию»⁴¹. Итальянскую кампанию Бонапарта историограф назвал «успехом, полученным ценой больших потерь», а также одной из «героических страниц австрийской армии». Последнее связывалось со стратегией таких военачальников, как Йозеф Вукассович, который смог нанести существенный урон французской армии при Дего 14–15 апреля 1796 г., хоть и проиграл битву. Формируя образ героя, Хормайр зависил причиненный французам ущерб.

Второй фигурой – фактором успеха среди габсбургских генералов изображался Дагоберт фон Вурмзер. Ему в заслугу ставилось затруднение действий Наполеона в районе Мантуи⁴². Хормайр также отметил стратегические успехи генералов Йозефа Альвинци и Павле Давидовича, а также эрцгерцога Карла. Несмотря на поражения, те, по мнению историографа, серьезно затруднили или сорвали действия Наполеона и его армии. Подчеркивалось, что французская армия понесла большие потери в Италии именно из-за упорного сопротивления солдат императорской армии. Однако, подборкой образов военачальников создавался и образ «семьи народов», характерный для австрийского консерватизма первой трети XIX в. Он подразумевал сплочение пусть и разных по этническому происхождению, но объединенных лояльностью императору и Отечеству людей.

Историограф отметил также роль «сердца и щита Австрии», т.е. Тироля, в защите Австрии уже в Итальянскую кампанию. Подчеркивалось, что тирольцы не капитулировали, несмотря на «грабеж, поджоги и преступное насилие» со стороны французской армии⁴³. Так Хормайр культивировал образ «народной войны» с революционной Францией и Наполеоном. Отмечалось, что даже в «освобожденных» итальянских землях генерал встречал сопротивление местного населения, связанное с поведением французских солдат. Хормайр обвинял Наполеона в потворстве этим явлениям, связанным со «слабыми управленческими способностями»⁴⁴. Опорой французскому генералу в Италии служили, как отметил историограф, лишь «предатели и фантазеры», а также «польские легионы»⁴⁵. Иными словами, Хормайр не считал дочерние по отношению к Франции республики – Цизальпинскую, Лигурийскую и Партенопейскую – решающим фактором исхода кампании⁴⁶.

Подписание Кампо-Формийского мира 18 октября 1797 г. Хормайр назвал «началом формирования современных границ Австрии», т.к. большая часть полученных по нему земель осталась за Габсбургами и после 1815 г. Время между Кампо-Формийским и Люневильским

⁴¹ Ibid.: 312-314.

⁴² Hormayr 1817a Bd. 1: 332-333.

⁴³ Ibid.: 317-318.

⁴⁴ Ibid.: 348.

⁴⁵ Ibid.: 349.

⁴⁶ Banti 2020.

мирными договорами Хормайр отметил как «начало установления диктата Наполеона в Германии», крах «Вестфальского мира» и «конец эпохи принца Евгения и Лейбница»⁴⁷. Сюда включалось не только присоединение немецких земель к Франции, но и втягивание германских и соседних государств в политику Парижа⁴⁸. Хормайр подчеркнул, что начало коллапса Священной Римской империи поставило вопрос об общности австрийцев с остальными германскими землями и негерманскими подданными Габсбургов. На этот момент историограф выражал взгляды консервативного движения, которое было за сохранение единства владений династии под лозунгами лояльности императору, королю и эрцгерцогу⁴⁹. Но при этом, Габсбурги должны были быть, в понимании историографа, «маяком» притяжения немцев и «национального возрождения». Такая двойственная трактовка уже означала постепенный переход историографа на позиции национальных движений, пусть и в рамках «германской солидарности». Она сопровождалась демонизацией Наполеона как «врага христианства».

Раштаттский конгресс 1797 г. понимался Хормайром как закрепление прав Наполеона на вмешательство в германские дела и углубление раскола «Старого Рейха». Историограф прямо обвинил Пруссию в попытках решить свои территориальные притязания, пользуясь ослаблением Габсбургов войной с Францией, а также с позиции силового давления на малые государства⁵⁰. Именно прусский король выступал виновным в срыве сближения Пруссии с Габсбургами на фоне внешней опасности, и, таким образом, виновником падения «Старого Рейха», и собственного поражения в 1806-1807 гг. Напротив, Австрия, в представлении историографа, изображалась единственным германским государством, которое, вступая в очередную войну с Наполеоном, стремилось мобилизовать и своих германских соседей, и всех, кто не согласен с диктатом Франции в Италии и Германии⁵¹.

В эту картину вкладывались и активный диалог с Пруссией и Россией, и победы эрцгерцога Карла на итальянском и тирольском направлениях конца 1790-х гг. Акцент на личности Карла был не случаен: по мнению историографа, член правящего дома завершил время «армии без полководца»⁵². Эрцгерцог получил неофициальное обозначение как «спаситель Германии», т.е. подчеркивались не только его полководческие способности и принадлежность к правящему дому, но и реальное оперирование «германской солидарностью»⁵³. Также Хормайр отме-

⁴⁷ Hormayr 1818 Bd. 2: 8-9.

⁴⁸ Ibid. Bd. 2: 6-7; Ibid. Bd. 2: 27-28.

⁴⁹ Ibid.: 40-41.

⁵⁰ Ibid: 66-67.

⁵¹ Hormayr 1818 Bd. 2: 86-87.

⁵² Ibid.: 91-92.

⁵³ Ibid.: 96.

тил роль тирольцев в обороне графства от французской армии, т.е. формировал образ о роли своих земляков в войне. Все это, по мнению историографа, помогло Германии и Австрии избежать судьбы ряда итальянских государств, аннексированных Францией или превращенных в дочерние республики. Внешним фактором, который помог Австрии, изображались действия армии Суворова. Его присутствие, по мнению Хормайра, даже повлияло на назначение военачальников в императорской армии: так на пост командующего на итальянском направлении был назначен маркиз Иоганн Габриель фон Шастлер, которому симпатизировал генералиссимус⁵⁴.

Говоря о событиях этого времени, Хормайр избегал понятия «поражение» в адрес императорской армии. Напротив, он подчеркивал ту цену, которую платил Наполеон за свои успехи в Италии. Так, та же битва при Маренго была названа Хормайром «почти поражением» Наполеона⁵⁵. Неудача англо-русской голландской экспедиции представляла скорее следствием незнания ландшафта в Нидерландах. Делался акцент на то, что недовольных французским правлением в Батавской республике было достаточно много, что помогало сковывать силы противника. Говоря о неудачах Наполеона в этот период, таковой и был отмечен Египетский поход. Более того, Хормайр отмечал, что война в Германии в 1800–1801 гг. стоила Наполеону больших потерь в силу плохой организации снабжения войск и «вооружения народа» против французов⁵⁶. Так начал конструироваться образ «народной войны», хотя сам этот термин Хормайр стал употреблять лишь после тирольских событий 1809–1810 гг. «Народная война» представляла как реакция на кризис универсализма, вызванный распадом Рейха⁵⁷.

Размышляя об этом, Хормайр отметил, что она «разделила судьбу рыцарства и теократии», т.е. была не более чем реликтом Средних веков. В то же время историограф считал это благом, т.к. теряла актуальность проблема династической легитимности: император «Старого Рейха» был выборным, и Хормайр считал это угрозой появления чужеземца на троне. Поэтому начавшийся распад империи историограф считал назревшим в силу целого ряда проблем, связанных как с устарелостью идеологии, так и с политической практики. Медиатизацию и секуляризацию имперских городов, рыцарских владений и церковных княжеств как таковые Хормайр не осудил, но подверг критике тех, кто ей злоупотреблял: в первую очередь – Пруссию и Баварию. При этом он полагал, что именно медиатизация помогла Наполеону сделать свои приобретения в Германии легитимными и сломать баланс сил там⁵⁸, что

⁵⁴ Ibid.: 103.

⁵⁵ Ibid.: 139.

⁵⁶ Hormayr 1818 Bd. 2: 141.

⁵⁷ Ibid.: 184.

⁵⁸ Ibid.: 206-209.

принесло лишь «страдания имперским сословиям». Напротив, занятие Австрией Зальцбурга представало актом «защиты интересов» и архиепископа-князя, и местного населения, и императора. Так формировался образ того, что угнетение Германии Наполеоном оказалось возможным из-за позиции ряда имперских князей, добровольно пошедших на службу Наполеону несмотря на то, что Вена действовала похожим образом. Поэтому Хормайр считал, что Рейх перестал быть реальностью уже в 1803 г., а не после отречения Франца II (I) от германской короны.

Изображение Наполеоном своей преемственности от Римских императоров и Карла Великого глазами Хормайра изображалось как «посягательство на Германию»⁵⁹. Однако, учреждение титула «Наследный император Австрийский» на Государственном совете 10 августа 1804 г. с позиции историографа-консерватора выглядело продолжением преемственности Франца I от Рейха и от предшествующих его правителей из рода Габсбургов, что представало преимуществом⁶⁰. Так создавался образ «преобразования, обращенного назад», т.е. исправляющего более ранние незавершенные реформы имперского устройства. Все это было ориентировано на демонстрацию мобилизации подданных Габсбургов и немцев в государствах бывшего Рейха. Однако, формировался образ большинства германских государств как склонных реализовать свои амбиции за счет более слабого соседа и при поддержке одной из сильнейших европейских держав.

Возобновление войны в этих условиях изображалось как «агрессия Наполеона», т.к. тот отклонил предложение о переговорах с Австрией и Россией в 1805 г.⁶¹. Историограф изобразил исход войны как частично решенный «предательством Баварии, Вюртемберга и Бадена», т.е. переходом этих южногерманских государств на сторону Наполеона. Поэтому их вина в «порабощении Германии» Наполеоном для австрийского дискурса не нуждалась в доказательствах. Напротив, Австрия представала в такой ситуации «гарантом безопасности и независимости Германии». В таком контексте отказ Франца II (I) от германской короны представал логичным, т.к. имперские институты были разрушены, в т.ч. с австрийским участием, однако вины Австрии Хормайр здесь не наблюдал. Напротив, он делал акцент на продолжение вооруженной борьбы даже в таких условиях. Двигателем этого представали и «народная война», и образы полководцев, и переосмысление понятия государства и империи в Вене.

Падение Вены 13 ноября 1805 г. представало «катастрофой, подобной временам Матьяша Корвина» и «тем, чему не дали случиться во времена “турецкой угрозы”». Виновными представали бывшие государ-

---

⁵⁹ Normayr 1818 Bd. 2: 210.

⁶⁰ Ibid.: 285.

⁶¹ Ibid.: 299.

ства Старого Рейха, «чье предательство открыто эти ворота». Вместе с тем, утрата Тироля и поражение под Аустерлицем в Моравии изображены как давшие Наполеону ценой колоссального напряжения сил, т.к. сопротивление продолжалось долго и сковывало значительные силы. Однако, это представляло исключительно заслугой австрийских генералов и местных жителей, продолжавших сопротивляться вопреки обстоятельствам⁶². Хормайр здесь сопоставил Австрию с Римом, который продолжал борьбу с Карфагеном, и по итогу добился победы над ним. Т.е. несмотря на поражения, Хормайр полагал крах Наполеона неизбежным в принципе. И это подтверждало необходимость восстановления лидерства Австрии в Германии, а также поддержания союзнических отношений с Англией и Россией. Королевство Пруссия здесь представляло силой, нацеленной лишь на реализацию лидерских амбиций в Германии. Показателем всего этого Хормайр показал сражение при Аустерлице. Заключенный после него Пресбургский мир изображался как крах «германского мира» и посыл для Австрии строить свою империю, чтобы вернуть лидерство в Германии после победы над Наполеоном. Предпосылки к таковой он обнаружил, анализируя действия Великобритании на море. Так он полагал, что Франция окажется в сложном экономическом положении и проиграет войну на истощение, несмотря на гегемонию в Европе на тот момент⁶³. Для этого Австрия, по мнению Хормайра, также прилагала все усилия, начав подготовку к новой войне в идейном, политическом и военном смысле. Апелляции шли и к старому девизу «Австрия превыше всего, если того пожелает», и к новому – «За Господа, Кайзера и Отечества!»⁶⁴. Так Хормайр подводил преемственность и от Габсбургов эпохи Средневековья, и от более поздних эпох.

Историограф полагал, что именно по итогу Наполеоновских войн Австрия вышла «страной, где царит взаимопонимание между императором и народом» благодаря новому идейному обоснованию, которое в это время появилось. Оно носило открыто консервативный и антиреволюционный характер: император виделся «выразителем воли и суверенитета народа милостью Божьей»⁶⁵, на контрасте с Наполеоном. Упразднение Священной Римской империи, Тевтонского ордена и имперского рыцарства представляло «расчленением Германии» Наполеоном, которое «продолжало и превзошло политику Людовика XIV»⁶⁶. Так создавался образ Франции как страны – смертельного врага Германии и Австрии, и эту проблему глазами Хормайра и высших сановников империи могло решить лишь военное поражение Наполеона.

---

⁶² Hormayr 1818 Bd. 2: 325.

⁶³ Hormayr 1819 Bd. 3: 4-10.

⁶⁴ Hormayr 1819 Bd. 3: 11.

⁶⁵ Ibid.: 12.

⁶⁶ Ibid.: 27-32.

Рейнский союз изображался как «вассал империи Наполеона», в котором немцы превращались в «народ без свободы и без правителей». Союз в представлении Хормайра не был преемником «Старой империи» в силу своей подневольной роли по отношению к Франции⁶⁷. Поэтому его падение после «Битвы народов» при Лейпциге в 1813 г. изображалось как закономерный итог и разгром антинемецкого образования, которое должно было смениться «восстановленной Германией» - преемницей «Старого Рейха»⁶⁸. Хормайр апеллировал к ностальгии по империи, но в то же время критиковал другие германские государства, входившие в нее, за «нелояльность и стремление удовлетворять свои амбиции за счет соседа».

Такая критика, в первую очередь, касалась Пруссии. Ее поражение осенью 1806 г. виделось Хормайром как «справедливый итог сепаратного Базельского мира», а также захвата Ганновера⁶⁹ и «пребывания в ореоле непобедимости Фридриха II», т.е. устаревших представлений о характере войны⁷⁰. И Австрия, и Пруссия, как полагал историограф, должны были перейти к «народной войне» против Наполеона и превратить ее в освобождение Германии. Однако, в данных условиях это виделось не вполне возможным, и должно было идти с помощью России и Великобритании. Иными словами, осознавалось коалиционная суть войны и подкреплялся образ взаимной поддержки союзников по коалиции, где основную роль от германских государств играла Австрия.

Несмотря на свое критическое отношение к Пруссии и ее германской политике, Хормайр дал высокие оценки реформаторскому корпусу министров и генералов. По их мнению, «возрождение Германии» началось и с их участием, и с обновлением Пруссии в полной мере⁷¹. Так «Дух Арминия» и стал проецироваться на Пруссию и ее армию, несмотря на недавнее поражение. В таких условиях Австрия, как полагал Хормайр, имела право начинать свою войну «немецкой чести». При этом, как считал историограф, все возможности для победы у Австрии были: начиная от способных военачальников, как эрцгерцог Карл, и заканчивая высокой мотивацией «борьбы за Отечество» у всех народов империи по принципу «Все за всех»⁷². Так отметался образ «устарелости» обоих ведущих германских государств, согласных отложить противоречия в сторону ради общего дела. Примером также Хормайр выбрал и Испанию, где началась «народная война» против Наполеона. Он полагал ее примером и для австрийцев, и для немцев⁷³.

⁶⁷ Ibid.: 35.

⁶⁸ Ibid.: 37.

⁶⁹ Hormayr 1819 Bd. 3: 35.

⁷⁰ Ibid.: 51.

⁷¹ Ibid.: 100.

⁷² Ibid.: 135.

⁷³ Ibid.: 155.

О войне 1809 г. в этом сочинении Хормайр дал лишь общие характеристики, т.к. основное осмысление и «войны немецкой чести» и «народной войны» Андреаса Хофера он представил ранее. Поэтому здесь они вписывались в контекст «возрождения Германии» и «освобождения Италии»⁷⁴. Кампания получила здесь такие оценки, как «война последнего независимого германского государства», «защита независимости Австрии против наихудших форм наполеоновского гнета» и «избежания позорного статуса» страны⁷⁵. Подчеркивалось, что Австрия и ее народы воевали с Наполеоном в одиночку. Так создавался образ государства, которое все имеющиеся силы направило на борьбу с завоевателем, даже ценой отказа от большинства преобразований и «не став вассалом противника». Подчеркивалось, что с подачи Наполеона Франция обесценивала эту войну в прессе, низводя ее до «войны – реванша за Аустерлиц»⁷⁶. Напротив, Хормайр говорил о «величайшей миссии Австрии» в этом конфликте. Образ «народной войны», и развивался в «войну за справедливость для Австрии и Германии». Несмотря на поражение Австрии, Хормайр считал эту войну необходимой: «без 1809 года не было бы 1813 года», т.е. без борьбы с Наполеоном, стоившей ему тысяч солдат и офицеров, не было бы окончательной победы⁷⁷.

Говоря о «народном характере войны» во «Всеобщей истории...» Хормайр подчеркивал роль, которую играли все социальные и этнические группы державы Габсбургов. Так, например, подчеркивалось активное участие полиэтничного и поликонфессионального населения и контингентов Военной границы. Граничары, среди которых были представители сербов, хорватов и валахов, отмечались Хормайром как фактор, нивелировавший успехи Наполеона при Асперне, Ваграме и Цнайме. Немецкие и венгерские солдаты отмечались как несшие основную нагрузку при защите дунайских областей и столицы, а такие при сдерживании наступления Наполеона в Италии⁷⁸. Подобным этому до войны 1812 года изображались только сражения в прусской Силезии против войск Наполеона.

Вторым немаловажным фактором было Тирольское восстание 1809–1810 гг. «В этот святой час», как его обозначил историограф, «все австрийское покрыло себя ореолом вечной славы»⁷⁹. Так, по мнению Хормайра, триумф Наполеона в 1809 г. был сорван. Создавался образ консолидации вокруг фигуры императора Франца I, самой империи и Католической церкви как опоры для всех общностей Австрии. При этом здесь австрийский пример делался уникальным именно за счет

⁷⁴ Ibid.: 200.

⁷⁵ Ibid.: 202-203.

⁷⁶ Ibid.: 207.

⁷⁷ Ibid.: 210.

⁷⁸ Hormayr 1819 Bd. 3: 215-216.

⁷⁹ Ibid.: 218.

масштаба и участия разных групп, хотя и представал схожим с Испанией как «народная война». Герильяс изображались в одном ряду с тирольскими повстанцами. Австрийские эрцгерцоги Карл и Иоганн, а также генералы Иоганн фон Шастлер, Павле Радивоевич и другие сравнивались с британским полководцем Артуром Уэлсли, герцогом Веллингтоном, русскими генералами Михаилом Кутузовым и Петром Багратионом, а также прусскими генералами Герхардом фон Шарнхорстом, Германом фон Бойеном и Августом фон Гнейзенау.

Отступление армии из Внутренней Австрии, Тироля и Италии связывалось с отсутствием военной помощи от Великобритании, а также растянутостью австрийских войск. Но несмотря на это, подчеркивалась крайняя затруднительность этой войны для Наполеона из-за скованности значительных сил, высоких потери и проблем продвижения в местностях с недружественным к французам населением. По сути, здесь сохранялся видоизмененный образ кампании 1796–1797 г. в Италии, а также 1805 г. в Австрии: несмотря на стратегическое поражение Габсбургов, в очередной раз население отторгнутых территорий показало им свою лояльность. Это изображалось в одном контексте с сюжетами, где население в германских и итальянских землях протестовало против французского присутствия.

Шенбруннский мирный договор 1809 г. Хормайр охарактеризовал нейтрально, но подчеркнув итог войны как демонстрацию «национального подъема» в Австрии и невозможность ее уничтожения Наполеоном⁸⁰. Включение в Континентальную блокаду и согласие на брак дочери Франца I Марии-Луизы с Наполеоном виделись «меньшим злом» по сравнению с утратой государственности или заменой Габсбургов членом семьи Бонапарта. Так развивались идеи, высказанные еще в годы Французской революции консервативными мыслителями, например редактором «Венского журнала» Леопольдом Алоизом Хофманом. Тогда Франции приписывалось желание уничтожить монархию Габсбургов как главного противника на континенте⁸¹.

Участие Пруссии и Австрии в российской кампании Наполеона в 1812 г. Хормайр назвал «принудительным», а дальнейший союз трех монархий против Франции – залогом победы⁸². Хормайр подчеркивал активное противодействие и Пруссии, и Австрии Рейнскому союзу, а также нарушение Россией Континентальной блокады естественным следствием французского давления. Хормайр представил Россию в персонифицированном образе «Петра Первого», т.е. силы, нацеленной на разгром агрессивного гегемона при содействии Великобритании⁸³. Уход Наполеона из Москвы, а затем и катастрофа его армии на Березине

⁸⁰ Hormayr 1819 Bd. 3: 262.

⁸¹ Wiener Zeitung 30.01.1793; Wiener Zeitschrift 1792. Heft 2. S. 189.

⁸² Hormayr 1819 Bd. 3: 300.

⁸³ Ibid.: 306.

изображались для Австрии и Пруссии сигналом к выступлению против Франции. Архетипический образ «казака» фигурировал и здесь, причем исключительно в позитивном ключе. Хормайр изображал русских кавалеристов как эффективных бойцов, наводивших ужас на солдат Наполеона⁸⁴. Поэтому действия союзника изображались Хормайром в апологетическом ключе как «Свет с Севера».

Война за освобождение Германии 1813–1814 гг. представляла как совместная борьба России, Пруссии и Австрии. Здесь Хормайр снова поднимает на знамена «германскую сопричастность», а генералов трех армий называет в одном ряду и говорит об их общем вкладе в победу. Здесь подчеркивается «героический час» Пруссии в начале 1813 г., которая стала примером для остальной Германии. Роль Австрии в начале 1813 г. Хормайр подверг определенной критике за попытки договориться с Наполеоном⁸⁵. Однако, войну этого периода с Наполеоном он снова называет «народной»: доводом в пользу этого было формирование ландштурмов и начало восстаний в Германии против французских войск⁸⁶. В таком случае выступление Австрии, с точки зрения Хормайра, было «делом чести» как самостоятельной державы. В него включились и те, кто потерпел поражение в войне 1809 г., например граф Филипп фон Штадион.

Решающие события осени 1813 г. изображались с аллюзией на Крестовые походы. Так, фельдмаршал Карл цу Шварценберг глазами Хормайра предстал «Готфридом Бульонским», т.е. одним из главных инициаторов и предводителей коалиции⁸⁷. Но при этом подчеркивались и роли русских и прусских военачальников и их командных способностей, без которых «изгнание Наполеона за Рейн» изображалось невозможным. Так «народная война» представляла «войной народов», а ее руководители – «вождями Священной войны». В качестве примера Хормайр привел речь Шварценберга перед «Битвой народов» при Лейпциге, в которой полководец отметил «общее дело» всех участников в борьбе за свободу Европы и независимость своих государств⁸⁸. Роспуск Рейнского союза изображался как «восстановление справедливости» для Германии, а последующий разгром Наполеона – и для Франции.

Встраивание событий 1792–1815 гг. в исторический дискурс Йозефом фон Хормайром шло в большей степени с позиций апологетики в адрес правящей династии и императора, полководцев и дипломатов, а также «народной войны» против Наполеона. Ряд вещей, например, народные движения в охваченных войной областях, рассматривались в контексте с остальной Европой, а австрийские военачальники вставали в

⁸⁴ Ibid.: 316.

⁸⁵ Normayr 1819 Bd. 3: 321.

⁸⁶ Ibid.: 323.

⁸⁷ Ibid.: 338.

⁸⁸ Karl zu Schwarzenbergs Rede am 8. Oktober 1813. Цит. по: Ibid.: 344.

один ряд с русскими и прусскими как организаторы, полководцы и реформаторы. Несмотря на то, что реформаторской тематике Хормайр почти не уделял внимания, он полагал необходимой модернизацию Австрии, чтобы избежать поражений, подобных тем, что страна терпела до 1809 г.⁸⁹ На уровне Германии и Австрии Хормайр выступал апологетом «германской сопричастности»: и Австрия, и Пруссия должны были выступать против Наполеона совместно, и вместе с остальными германскими государствами «определять судьбу Германии». Вопрос о том, кто должен быть лидером в немецком ареале, для Хормайра не мог возникнуть, но в то же время он был сторонником сохранения «австрийской свободы», т.е. обособления от остальной Германии государства Габсбургов в силу его миссии. Поэтому здесь подчеркивалось, что в «деле Германии» значительную роль сыграли и негерманские подданные Франца I.

Все сочинения создавали образ войн монархии Габсбургов против Наполеона как «войны народов» против «врага веры и Отечества», т.е. находились под влиянием медиализма и консервативной парадигмы. В них существенную роль играла конфессиональная составляющая, т.е. апелляция к «священной миссии» Габсбургов, святости императорской власти и борьбы за сохранение «священных порядков», нарушенных революционной Францией. Последняя, а также Наполеон в них представляли не только противником времен этого периода, но и историческим противником Габсбургов и «германского мира». Более того, Франция и Наполеон изображались силой, попирающей «установленное Господом органическое устройство». Империя Габсбургов представляла не только «семьей народов» под руководством императора Франца I, но и проводником справедливой борьбы с такой угрозой. Существенной чертой была также и апелляция к «германской сопричастности», т.к. «дело Австрии» представляло «делом Германии», в котором империя Габсбургов выступала и как «освободитель» земель бывшего «Старого Рейха» от иноземного господства.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Данн О. Нации и национализм в Германии, 1770–1990 / Пер. с нем. И.П. Стребловой. – СПб.: Наука, 2003. [Dann O. Natsii i natsionalizm v Germanii 1770–1990. SPb.: «Nauka», 2003].
- Рагозин Г.С. Идея наднациональной идентичности в сочинении Й. фон Хормайра «Австрийский Плутарх» // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 3. С. 9–21 [Ragozin G.S. Ideya natsionalnoi identichnosti v sochinennii J. fon Hormaira „Avstriiskiy Plutarkh“ // Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki. 2021. T. 23. No. 3. P. 9–21].
- Рагозин Г.С. Между историей и политикой: Йозеф фон Хормайр – идеолог и участник Тирольского восстания 1809 г. // Французский ежегодник. М., 2020. Войны и революции Нового времени. С. 121–136 [Ragozin G.S. Mezhdru istoriyei i politikoi: Jozef fon Hormayr – ideolog i uchastnik Tirolskogo vosstaniya 1809–1810 gg. // Francuzskiy ezhegodnik. 2020. S. 121–136].
- Рахшир П.Ю. Три консервативные традиции: общее и особенное // Исследования по консерватизму. Вып. 2. Консерватизм в политическом и духовном измерениях. Пермь: Из-

⁸⁹ Hormayr 1817. Bd.1: 267–268.

- дательство ПГУ, 1995. С. 4–17 [Rakhshmir P. Yu. Tri konservativnye traditsii: obshchee i osobennoe // Issledovaniya po konservativizmu. Вып. 2. Konservativizm v politicheskom i dukhovnom izmereniyakh. Perm: Izdatelstvo PGU, 1995. S. 4–17].
- Робин К. Реакционный дух. Консерватизм от Эдмунда Берка до Сары Пэйлин. М.: Издательство Института Гайдара, 2013 [Robin K. Reakcionnyj dukh. Konservativizm on Edmunda Berka do Sary Peilin. M.: Izdatelstvo Instituta Gaidara, 2013].
- Чудинов А.В. Вторая смерть Андреаса Хофера? Особенности эволюции исторической памяти о Тирольском восстании 1809 г. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11 [Tchoudinov A.V. Vtoraja smert Andreasa Hofera? Osobennosti evoljutsii istoricheskoj pamjati o Tirolskom vosstanii 1809 g. // *Istoriya. Elektronnyj nauchno-obrazovatelnyj zhurnal*. 2020. Vol. 11.] URL: <https://history.jes.su/s207987840008940-3-1/>.
- Abschied vom Freiheitskampf? Tirol und “1809” zwischen politischer Realität und Verklärung / hrsg. von B. Mazohl, B. Mertelseder. Innsbruck: Universitätsverlag Wagner, 2009.
- Almási G. Faking the national spirit: Spirituous historical documents in the service of the Hungarian national movement in the early nineteenth century // *The Hungarian historical review*. 2016. Vol. 5. No. 2, 225–249.
- Baycroft T., Hewison M. (Ed.). *What is a Nation? Europe 1789–1914*. New York: Oxford University Press, 2006.
- Brauer K., Wright W. (Ed.) *Austria in the Age of the French Revolution, 1789–1815*. Minneapolis: Center for Austrian Studies, Univ. of Minnesota, 1990.
- Erklärung Sr. Majestät des Kaisers Franz des II., wodurch er die Deutsche Kaiserkrone und das Reichsregiment niederlegt, die Kurfürsten, Fürsten und übrige Stände, wie auch alle Angehörige und Dienerschaft des Deutschen Reiches, ihrer bisherigen Pflichten entbindet, 6.8.1806. URL: <http://www.documentarchiv.de/nzjh/1806/franz-II-niederlegung-kaiserkrone.html>. (14.02.2023).
- Gant B. Joseph Freiherr von Hormayr zu Hortenburg. Eine (politische) Biographie. (Dissertation zur Doktorwürde (Phil.)). Innsbruck: Universität Innsbruck, 2003.
- Gentz F. von (Hg.). *Österreichisches Manifest, 1809*. Цит. по: *Schriften von Friedrich von Gentz: ein Denkmal*. Mannheim: Hoff, 1838. Bd. 2 und 3. S. 336–366
- Gentz F. von (Hg.). *Österreichisches Manifest, 1813*. Цит. по: *Schriften von Friedrich von Gentz: ein Denkmal*. Mannheim: Hoff, 1838. Bd. 2 und 3. S. 367–393.
- Hormayr J. von. *Allgemeine Geschichte der neuesten Zeit, vom Tode Friedrich des Großen bis zum zweyten Pariser Frieden*. Wien 1817–1819. In 3 Bde.
- Hormayr J. von. *Das Heer von Innerösterreich unter den Befehlen des Erzherzogs Johann im Kriege von 1809 in Italien, Tyrol und Ungarn*. Leipzig, 1817.
- Hormayr J. von. *Geschichte Andreas Hofers, Sandwirths aus Passeyr, Oberanführers der Tyroler im Kriege von 1809*. Leipzig, 1817.
- Hormayr J. von., Mednyanski A. von. (Hrsg.). *Taschenbuch für die vaterländische Geschichte*. Wien, 1820–1828. In 9 Bde.
- Kraus H.-Chr. *Die politische Romantik in Wien*. Friedrich Schlegel und Adam Müller // *Konservatismus in Österreich: Strömungen, Ideen, Personen und Vereinigungen von den Anfängen bis heute*. Graz-Stuttgart, 1999. S. 35–70.
- Kronenbitter G. *Friedrich von Gentz und Metternich* // Rill R., Zellenberg U.E. (Hg.). *Konservatismus in Österreich: Strömungen, Ideen, Personen und Vereinigungen von den Anfängen bis heute*. Graz-Stuttgart, 1999. S. 71–88.
- Landi W. *Joseph von Hormayr zu Hortenburg (1781–1848). Romantische Historiographie im Zeitalter der Restauration zwischen patriotischer Loyalität und liberalen Unruhen // Eliten in Tirol zwischen Ancien Regime und Vormärz. Akten der internationalen Tagung vom 15. Bis 18. Oktober 2008 an der Freien Universität Bozen*. G. Pfeiffer (Red.). Innsbruck, 2008. S. 385–406;
- Lindmayr-Brandl A. *Vom Patriotischen Volkslied zur Nationalen Kaiserhymne. Formen der Repräsentation in Gott, erhalte Franz den Kaiser* // Telesko W. (Hg.). *Die Representation der Haabsburg-Lothringischen Dynastie in Musik, visuellen Medien und Architektur, 1618-1918*. Wien: Böhlau, 2017. S. 38–61.
- Mayrhofer-Schmid A. *Hormayr und die Romantik*. Dissertation zur Doktorwürde (Phil.). Wien: Universität Wien, 1949.
- Manifest des Kaisers von Österreich, König von Ungarn und Böhmen Franz I, 19.08.1813*. Цит. по: *Österreichischer Beobachter*. 20.08.1813.
- Müller A. von. *Die Elemente der Staatskunst*. Berlin, 1809. In 3 Bde.
- Patrouch J. F. *The Making of Five Images of the Habsburg Monarchy: before the Nation there was Agglutination* // *Austrian History Yearbook* 40 (2009). P. 91–98.

- Reichsdeputationshauptschluß vom 25.02.1803. URL: <http://documentarchiv.de/nzjh/rdhs1803.html>
- Řezník M. The Institutionalization of the Historical Science betwixt Identity Politics and the New Orientation of Academic Studies. Wacław Władiwoj Tomek and the introduction of history seminars in Austria // *Hungarian History Review*. 2016. Vol. 5/ 2. P. 250–276.
- Rheinbundsakte vom 12.07.1806. URL: <http://www.documentarchiv.de/nzjh.html>.
- Siegl-Siegville A. Das Problem der Österreichischen Nation beim Freiherr Josef von Hormayr. Dissertation zur Doktorwürde (Phil.). Wien: Universität Wien, 1936.
- Scheutz M., Strohmeier A. (Hg.) Was heißt „Österreichische Geschichte“? Probleme, Perspektiven und Räume der Neuzeitforschung. Innsbruck: Studien Verlag, 2008.
- Stoklásková Z. Přehledra konzervatismu v Rakousku // *Studia historica Brunensia*, 2016. Vol. 63/2. P. 73–85;
- Vocelka K. (Hg.). Österreichische Geschichte 1699–1815. Glanz und Untergang der Höfischen Welt. Representation, Reform und Reaktion im Habsburgischen Vielvölkerstaat. Wien: Ueberreuter, 2001.
- Wiener Zeitung. URL: <https://anno.onb.ac.at/cgi-content/anno?aid=wrz>
- Wiener Zeitschrift, 1792. Heft 2. URL: <https://anno.onb.ac.at/cgi-content/anno-plus?aid=wze>.

Рагозин Герман Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова; ragozin92@gmail.com

Austrian Conservative Reflections on Revolutionary and Napoleonic Wars During the Vormärz Era (the Case of Works by Joseph Von Hormayr, 1817-1828)

The paper deals with conceptualization of Revolutionary and Napoleonic wars in conservative political thought of the Habsburg empire basing on the works by Joseph von Hormayr published between 1817 and 1828. The author analyzed the evolution of conservative discourse on the events between 1792 and 1815, and its integration into official Habsburg historical discourse. During the years between 1817 and 1828 the “common past” image for all lands of the Habsburg empire, Austria and Germany faced the change of emphasis. After the fall of Napoleon, the official historiography and Hormayr prioritized the narratives on the role of “Austrian freedom” and “the family of peoples under the Habsburg rule” during the wars. Nonetheless the “German mutuality” discourse did not disappear, and preserved its positions as a means of justifying the Austrian leadership in Germany and Europe.

Keywords: *Austrian history, Romanticism, Vormärz era, the Austrian conservatism, Joseph von Hormayr, the German mutuality, historical memory.*

German S. Ragozin, Ph.D., associate professor, department of World history at Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov; ragozin92@gmail.com

Т.Т. КРУЧОВСКИЙ

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ИДЕИ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛОНИСТИКИ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ В.О. КЛЮЧЕВСКОГО. ЧАСТЬ II

В статье представлены фундаментальные идеи российской исторической полонистики XIX – начала XX века в преломлении их в творчестве В.О. Ключевского. Оценочные подходы ученого к истории Польши сочетали признание фундаментальных идей российской исторической полонистики, консервативных и славянофильских, по сути, и отход от них на либерально-западнические позиции. В этом контексте научное наследие историка не исследовалось и специального комплексного историографического исследования по этой проблематике не проводилось.

Ключевые слова: *Фундаментальные идеи российской исторической полонистики, В.О. Ключевский, Польша, русские православные земли Речи Посполитой, Россия.*

Одной из важнейших тем, связанных с фундаментальными идеями российской исторической полонистики, была проблема цивилизационного выбора Польши и России, поднятая и В.О. Ключевским. Несмотря на ряд оговорок об ограниченности западного влияния на Польшу, о неготовности поляков полностью принять его плоды, в целом либеральная историография признавала положительность этого явления. У Ключевского, как и у ряда российских историков-либералов, отсутствовало осуждение Польши за ее западный выбор. Историк признавал принадлежность католической Польши к западной цивилизации: «Церковное родство и географическое соседство связали ее с романо-германской Европой»¹. Он считал, что в Польше, как и в Западной Европе, в отличие от Руси, сложилась система феодальных отношений². Историк рассматривал Речь Посполитую, как своеобразный славянский католический вариант западноевропейской цивилизации, оказывавший влияние и на Западную Русь. К отличиям Польши от Европы ученый относил доминацию одного сословия³. В целом эта характеристика не столь негативна, как в консервативной историографии, или части либеральной (С.М. Соловьев, В.И. Герье), однако явно присутствуют элементы славянофильских идей и влияния учителя Ключевского – Соловьева.

Общая оценка западного влияния на Польшу и Россию у либерала-западника Соловьева отражала разные мнения, включая славянофильские. Он писал, что западные славяне попали под германское влияние: «они немедленно должны были подчиниться влиянию чужого племени, германского, которое действовало с помощью римских начал»⁴. «Славянские народы, которые, не окрепнув, вошли в столкновение с Западом, сильным своею цивилизацией...», – продолжал он, – поникли перед

---

¹ Ключевский 1989. Т. 3: 258.

² Там же: 205.

³ Там же: 259.

⁴ Соловьев 1988. Т. 1–2: 260.

ним, утратили свою самостоятельность⁵. Причина печального исхода польской истории, отмечалось в российской науке, и в том, что Польша слишком рано столкнулась с западной цивилизацией. Эта точка зрения была популярна в историографии как славянофильской, так и либерально-западнической направленности (Н.И. Кареев, А.Л. Погодин и др.). Соловьев признавал, что Россия, отказавшись от западного влияния, обрекла себя на застой в развитии. Однако он считал выбор России более правильным: «Окрепнув, Русское государство не могло долее ограничиваться одним Востоком, для продолжения своей исторической жизни оно необходимо должно было сблизиться с Западом, приобрести его цивилизацию»⁶. Эта точка зрения присутствовала в консервативной историографии (Погодин), а впоследствии и в либеральной⁷.

Ключевский, как и Кареев, сравнивая Польшу с Россией, указывал на приобретение последней ряда «азиатских» черт. Москва до Смутного времени, в отличие от Речи Посполитой, представлялась Ключевским (как и Кареевым) государством, напоминающим тип восточной деспотии: «В нем не было ни свободных и полноправных лиц, ни свободных и автономных сословий»⁸. Характеристика цивилизационной роли Москвы у Кареева выглядела более скромно, чем Речи Посполитой: «Польша представляла, – продолжал он, – польско-литовское государство с преобладанием западной культуры. <...> Московия была гораздо более еще удалена от Европы. <...> Это было настоящее историческое захолустье»⁹. Итог сравнения ученого явно не был в пользу России: «Из них, одна представляла собою западную культуру, а другая – восточную, одна в культурном отношении примыкала к прогрессирувавшему в то время романо-германскому миру, другая сделалась единственным христианским государством на Востоке»¹⁰. Наиболее последовательно эта проблема была представлена в марксистской исторической мысли, которая использовала ряд аргументов либерально-западнической историографии. Так, по мнению Г.В. Плеханова, Россия имела черты общественно-политических отношений очень похожие на те, которые господствовали в азиатских деспотиях¹¹.

Ключевский, признавая, что главным фактором приобщения к европейской средневековой цивилизации было христианство, отмечал, в отличие от консервативной историографии, что религиозная нетерпимость присутствовала как в католичестве, так и в православии. Он считал, что отношение неприятия иноверия, господствовавшее в русском православии, вылилось в «латинобоязнь» и религиозное «затме-

⁵ Соловьев 1863: 3.

⁶ Там же: 3.

⁷ Кручковский 1994: 218–417; Кручковский 2017.

⁸ Ключевский 1989.Т. 3: 51.

⁹ Кареев 1903а: 365.

¹⁰ Там же: 361.

¹¹ Плеханов 1914: 98.

ние»¹². Эти религиозные положения, писал ученый, выразились в национально-церковное самомнение, политически оформившись в теорию «Москва – третий Рим»¹³. В славянофильской традиции подчеркивалась исключительно религиозная нетерпимость католичества, а посредством этого и Польши. Эту точку зрения поддерживала и часть либералов (С.М. Соловьев, А.С. Трачевский). Определяющими факторами для Польши в ее становлении в западном направлении, по мнению также и Кареева, были католичество и влияние Германии (установление феодализма), причем первое, историк считал более важным¹⁴. Как результат западного влияния, утверждал он, Польша сделалась в конце средних веков наиболее обширной, могущественной и образованной славянской державой и была распространителем западной культуры на восток – земли ВКЛ¹⁵. Особую роль в формировании западной цивилизации за католичеством признавал также Н.И. Бердяев¹⁶.

Ключевский принимал от своего учителя славянофильское положение об особой исторической миссии России: распространение православной цивилизации на Восток и защита славянства от влияния романо-германского мира. Соловьев утверждал: «Из двух отраслей славянского племени, восточной и западной, двум самым сильным народам, русскому и польскому, история вначале предоставила две борьбы для охраны славянства: русскому – борьбу с восточными азиатскими хищниками, польскому – с немцами»¹⁷. Это положение было в целом принято в российской либеральной историографии. Так, Кареев, вполне в духе славянофильской традиции, считал, что исторической задачей Польши было объединение земель западных славян, и поляки стремились при Болеславе Храбром объединить эти земли¹⁸. Это положение примыкало к одной из фундаментальных идей российской исторической полонистики: о цивилизационном противостоянии православной России и католического романо-германского мира. К этой идее относится, и положение о вековом противостоянии России и Польши как части цивилизационного противостояния.

Относительно Польши это положение акцентировалось в польской науке. Так, М. Серейски, отмечая тезис Ключевского о России как арьергарде Европы в борьбе с кочевой Азией, а также о роли Польши в сдерживании агрессии Пруссии на славянские земли, утверждал, что это положение было «своеобразной вершиной идеи о славянском мессианстве Польши» русской консервативной традиции¹⁹. Так же выска-

---

¹² Ключевский 1989. Т. 3: 276.

¹³ Там же: 275.

¹⁴ Кареев 1903: 324.

¹⁵ Там же: 361.

¹⁶ Бердяев 1990: 23.

¹⁷ Соловьев 1991. Т. 17–18: 315.

¹⁸ Кареев 1905: 190.

¹⁹ Serejski 1970: 382.

зывается и К. Блаховска: как и его учитель, «он принял положение, что каждый народ имеет свою историческую миссию». Миссия России – уберечь Европу от азиатских кочевников, и Россия свою миссию выполнила. «Как будто, – добавляет она, – мы читаем фрагменты «Истории России» Соловьева»²⁰.

Ключевский рассматривал эту борьбу Руси в контексте общеевропейском: «Не следует забывать, что она основалась на окраине культурно-христианского мира, на берегу Европы»²¹. «В то время как Западная Европа крестовыми походами предприняла наступательную борьбу на азиатский Восток, – продолжал он, – <...> Русь своей степной борьбой прикрывала левый фланг европейского наступления»²². Рассматривая в дальнейшем борьбу со степными народами как войны за существование, ученый считал их оборонительными войнами Москвы и в XVI–XVII вв., когда Россия вышла далеко за пределы своей этнографической территории. В этом случае видно решающее влияние славянофильских идей и «Истории» Соловьева. Этот тезис Ключевского укладывается в фундаментальные идеи полонистики консервативно-славянофильской направленности. Так, по мнению Н.Н. Сухотина, русского консервативного военного историка славянофильской ориентации, «войны, которые вела Россия, всегда были историческим подвигом, великой службой на благо человечеству, культуре и цивилизации в самом широком смысле», война всегда велась «ради того, чтобы какому-нибудь народу, какому-нибудь государству становилось лучше жить»²³.

В представлении ученых славянофильской ориентации вопрос различий в христианстве – католичество и православие, разделял Россию и Западную Европу. Они утверждали, что западный цивилизационный выбор Польши был предательством славянства и православия как истинно славянской веры. Выбор Польши в пользу Запада, считал Ю.Ф. Самарин, изначально определил печальное будущее Польши как государства и гибель поляков как народа вообще. В результате, писал он, «Польша оказалась на перепутье <...> ее отравил яд латинства»²⁴. По утверждению И.П. Филевича, западный выбор поляков привел к перерождению славянского организма под немецким влиянием: «В результате Польша не стала Германией, но свое собственное, кроме языка, понемногу растеряла, или оно приняло в своем развитии такие уродливые формы, что под ними уже не узнать первоначальной основы»²⁵.

Характеристика польской модели развития как полонизма нашла у Самарина, согласно нашему мнению, классическое славянофильское определение в широком смысле этого понятия. Ученый объяснял, что

²⁰ Włachowska 2002: 252.

²¹ Ключевский 1989. Т. 1: 282.

²² Там же: 284.

²³ Сухотин 1897:1146.

²⁴ Самарин 1877: 340.

²⁵ Филевич 1894: 35.

под полонизмом следует понимать не только поляков как народ, государство, но и рассматривать это понятие как просветительское начало, или, вернее, как вооруженную пропаганду латинства²⁶. Конкретизируя исторически свое определение полонизма, он утверждал, что Польша – «это острый клин, вогнутый латинством в самую сердцевину славянского мира с целью расколоть его в щепь»²⁷. По его мнению, вражда России и Польши заключается в том, что обе стороны имеют совершенно различные идеалы религиозного и политического характера²⁸.

Цивилизационное противостояние Запада и Востока, как видно из творчества многих российских историков, и определили общий характер российско-польских отношений. Так, по И.П. Филевичу, польско-русские отношения изначально носили враждебный характер по причине цивилизационного выбора Польши: «А несчастье тех же поляков, что Польши не коснулась в свое время просветительская деятельность Кирилла и Мефодия, что поляки не поняли великого значения народной славянской церкви»²⁹. Вражда несовместимых начал приобрела, по его мнению, мистический характер: «недаром русские люди изображали беса в виде ляха»³⁰.

Религиозно-политические идеи, отмечал Ключевский, Москва стала использовать в борьбе с польско-литовским государством³¹. Давая такие оценки религиозно-политическому состоянию Москвы, ученый становился в ряд историков, которые увидели религиозную нетерпимость не только со стороны католической Польши, но и православной Москвы. Ученый принимал российско-польское соперничество в XV–XVII вв. как отчасти религиозную войну, но, придерживаясь академического типа изложения, он описывал его не так ярко и красочно, как предшественники³². Этот подход, утверждал Ключевский, определил последующие войны с Польшей как основным соперником Москвы на Западе. Проблему постоянных войн Москвы с западным соседом за Русь как свою вотчину ученый интерпретировал глобальнее и драматичнее, утверждая: «Московское государство – это вооруженная Великобритания, борющаяся на два фронта: на западе – за национальное единство, на юго-востоке – за христианскую цивилизацию, там и здесь – за свое существование»³³. «На европейском фронте, – уточнял он, – шла борьба со Швецией и Ливонией, с Литвой-Польшей за Западную Русь»³⁴.

²⁶ Самарин 1877: 325.

²⁷ Там же: 333.

²⁸ Там же: 343.

²⁹ Филевич 1894: 19.

³⁰ Там же: 2.

³¹ Ключевский 1989: 104.

³² Тезис о значительности католической экспансии в ВКЛ является дискуссионным в польской, белорусской и украинской исторической науке. см.: Саганович 2001; Jakowenko 2000; Błaszczuk 2002 и др.

³³ Ключевский 1989. Т. 2: 372.

³⁴ Там же: 196.

Как видно из текстов Ключевского, он подобно Карамзину и Соловьеву, понимал борьбу Москвы за свое существование как постоянное расширение ее территорий вплоть до полного овладения всей восточноевропейской равниной. Определяя историческую миссию России, он утверждал: «У каждого народа своя судьба и свое назначение <...> Наш народ поставлен был судьбой у восточных ворот Европы, на страже ломившейся в них кочевой хищной Азии. <...> Так мы очутились в арьергарде Европы, оберегали тыл европейской цивилизации»³⁵.

Как свидетельство неправильного выбора поляками западного пути развития интерпретировала историография славянофильской направленности общественно-государственное устройство Речи Посполитой, считая его в лучшем случае ненормальным или даже «уродливым», рассматривая его как символ анархии и бесправия. И.С. Аксаков, сравнивая русскую и польскую модель общественно-государственного устройства, считал, что, в отличие от Польши, в России все важные вопросы решались «всей землей, всем русским народом», тогда как в Польше этим правом пользовалась только шляхта³⁶. Весьма негативной была оценка общественно-государственного устройства Речи Посполитой данная Соловьевым, совершенно в русле фундаментальных идей российской исторической полонистики³⁷. В то время как оценка шляхетского устройства Речи Посполитой Ключевским была значительно более сдержанной и академической, и она отличалась в значительной степени от фундаментальных идей российской исторической полонистики. Устройство Речи Посполитой историк определял весьма кратко: «республикански устроенная избирательная монархия»³⁸. Он подчеркивал ограниченность центральной власти: «литовский государь не мог без согласия панов рады вести сношения с иноземными государствами, издавать и изменять законы, распоряжаться государственными доходами <...> мнения рады король признавал для себя обязательными»³⁹.

В то же время, по мнению Ф.М. Уманца (консервативного, славянофильски настроенного историка⁴⁰), основой могущества Речи Посполитой была политическая и религиозная свобода. Ученый утверждал, что «до XVI в. мир не видел такого обширного и по объему, и по территории применения начал политической свободы, как в Польше»⁴¹. «Именно в шляхетской Речи Посполитой, – писал он, – впервые нашли практическое воплощение те же принципы политического устройства, что до сих пор составляют гордость и силу Англии и Америки»⁴². По-

³⁵ Ключевский 1989. Т. 2: 373.

³⁶ Аксаков 1887. Т. 7: 21.

³⁷ Кручковский 2015; Кручковский 2016.

³⁸ Ключевский 1989. Т. 3: 104.

³⁹ Там же: 89.

⁴⁰ Кручковский 2007.

⁴¹ Уманец 1872: 16.

⁴² Там же: 281.

добные оценки имелись и у П.Л. Лаврова, который, исходя из своего основного критерия – обеспечения свободы личности, считал, что «именно в Польше воплотился тайный политический идеал всей Европы: полнейшее политическое равенство всех личностей одного класса»⁴³. Политическая и религиозная свобода для всего правящего класса, по мнению Лаврова, была установлена в Польше раньше, чем где-либо в Европе⁴⁴. В.А. Бильбасов сравнивал Польшу XVI века с современной ему Швейцарией XIX века, как государства, бывшего в XVI в. местом политического и религиозного убежища для всей Европы⁴⁵. В оценке демократизма шляхетского устройства Речи Посполитой весьма близки оказались взгляды консерватора Уманца и сторонника народничества Лаврова. Однако Уманец и Лавров не были профессиональными историками и не оказали существенного влияния на становление взглядов российской историографии на историю Польши.

Ключевский, как и большинство российских историков, не увидел за сохранившимися внешними формами того, что шляхетская демократия XVI века постепенно была заменена магнатской олигархией XVIII века⁴⁶. По поводу отличия общественно-государственного устройства названных периодов Я. Мацишевски заметил, что Польша XVIII века не была уже шляхетской Речью Посполитой⁴⁷.

Ключевский часто сравнивал общественно-политическое устройство России и Западной Европы и весьма редко России и польско-литовского государства. Он утверждал, что Россия не имела западноевропейской формы феодализма⁴⁸. Его оценка устройства Речи Посполитой показывала коренные отличия ее от России: «При избирательных королях Речи Посполитой законодательство, как и направление всей политической жизни страны, стало под непосредственное влияние польско-литовской шляхты, господствующего класса в государстве»⁴⁹. В России, согласно его теории, внешнеполитические задачи привели к чрезмерному усилению верховной власти и полному подчинению общества, обусловив создание «тяжелой политической организации»⁵⁰. Этот вывод он подытоживал знаменитым выражением, определяющим соотношение государства и народа: «Государство пухло, а народ хирел»⁵¹. В такой ситуации, согласно его мнению, государь выступал как хозяин московской территории, государство понималось «в смысле вотчины, хозяйства государя известной династии»⁵². Как уже было отмечено выше, Москва до

⁴³ Лавров 1984: 355.

⁴⁴ Там же: 356.

⁴⁵ Бильбасов 1901: 504.

⁴⁶ Кручковский 1994; Кручковский 2015 и др.

⁴⁷ Maciszewski 1986.

⁴⁸ Ключевский 1989. Т. 1: 359.

⁴⁹ Ключевский 1989. Т. 3: 97.

⁵⁰ Там же: 12.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же: 63.

Смуты представляется Ключевским государством, напоминающим тип восточной деспотии. Но, как бы испугавшись столь радикального вывода, он делал оговорку: «Однако общество не представляло безразличной массы, как в восточных деспотиях, где равенство всех покоится на общем бесправии»⁵³. Хотя представленная им картина московского строя в значительной степени укладывается в эту историософскую модель.

Ключевский поддерживал одну из фундаментальных идей российской историографии о едином православном русском народе. Переселение населения Руси в период кризиса XII–XIII вв., по его мнению, привело к ряду последствий: основные – этнографические и политические. К политическим последствиям он подводил положение о прекращении существования единой Руси: «она была разорвана Литвой и татарами»⁵⁴, а затем появился и польский фактор: «юго-западная Русь с Галицией в XIV в. была захвачена Польшей и Литвой»⁵⁵. Что касается этнографических последствий, то в первую очередь Ключевский считал, что «русская народность, завязавшаяся в первый период, в продолжение второго разорвалась надвое»⁵⁶. Вполне в славянофильской традиции он писал: «В связи с этим отливом населения на запад объясняется одно важное явление в русской этнографии, именно образование малороссийского племени»⁵⁷. Говоря о третьей ветви – белорусской, историк ничего не писал о времени и обстоятельствах ее появления⁵⁸.

Важное место в российской традиции изучения истории Польши и польско-российских отношений отводилось проблемам западнорусских земель. Следуя консервативной традиции, либералы тоже считали неизбежной борьбу за западнорусские земли между Польшей и Россией. Ключевский, совершенно в русле славянофильских идей, не считал возможным Польше как стране, находящейся на более высоком цивилизационном уровне развития, выступить в роли объединителя славянского мира. Историю западнорусских земель и польско-российское противостояние за них он рассматривал в русле консервативно-националистических фундаментальных идей российской полонистики.

ВЫигравшей стороной согласно одной из фундаментальных идей российской исторической полонистики могла быть только Россия. В отношении исхода российско-польского цивилизационного соперничества, на наш взгляд, наиболее характерен для российской исторической науки вывод одного из наиболее известных либеральных историков начала XX века и известного полонифила А.Л. Погодина, утверждавшего, что Польша не использовала огромный шанс в этом противоборстве, а именно «смуты в России, брожение в Германии и Турции, хотя судьба

⁵³ Там же: 51.

⁵⁴ Ключевский 1989. Т. 1: 335.

⁵⁵ Там же: 288.

⁵⁶ Там же: 294.

⁵⁷ Там же: 286.

⁵⁸ Там же: 295.

ей дала таких полководцев как С. Жолкевский, К. Ходкевич, государственных деятелей как Ян Замоиский»⁵⁹. «Даже в период Стефана Батория, – продолжал он, – когда Польша раскинулась от Финского залива до Черного моря, не удалось бы этого: в русском народе так много сил, такое стремление к правильной государственной жизни под скипетром православного царя, что об его неприязнь к завоевателям разбилась бы упорство Батория. <...> Россия справилась с татарским игом, со Смутным временем, со шведами при Петре Великом, и с Наполеоном, справилась бы она, конечно, и даже без большого труда, с поляками»⁶⁰. Под таким «патриотичным» заявлением вполне мог подписаться любой славянофильски настроенный историк. Даже у консервативных историков допускались возможные иные варианты исхода этого противостояния (Н.М. Карамзин⁶¹, Ф.М. Уманец⁶²).

Ключевский в традициях фундаментальных идей российской исторической полонистики придавал большое значение в соперничестве России и польско-литовского государства конфессиональному фактору, хотя и следует признать несколько меньшее, чем такие его знаменитые предшественники, как Карамзин или Соловьев. Как отмечается в современной российской историографии внимание это меньшее, чем можно было ожидать от сына попovichа⁶³, или, добавим, профессора духовной академии. Однако, на наш взгляд, хотя Ключевский не рисовал образных картин религиозной войны между Россией и Польшей, как Карамзин или Соловьев, но характер его рассказа об этом противостоянии, обусловленным, по его мнению, с одной стороны – католической экспансией Польши, а с другой – религиозным «затмением» Москвы, явно на это указывает. «С тех пор началась, – писал он, – католическая пропаганда в Западной Руси. Пропаганда эта особенно усилилась во второй половине XV века, когда Литвой правил сын Ягелло Казимир IV». И далее: «В Западной Руси начиналось сильное брожение, “замятия великая” между католиками и православными»⁶⁴.

Ключевский подчеркивал культурную доминацию Руси над Литвой: «Русский язык и русское право, русские нравы вместе с православием уже около ста лет распространялись среди полудикой языческой Литвы», и считал, что Литва должна была слиться с Русью: «Культурное сближение соединенных народностей под преобладающим воздействием более развитой из них русской шло так успешно, что еще два-три поколения, и к началу XVI века можно было ожидать полного слияния Литвы с Западной Русью»⁶⁵. Однако процесс русификации ВКЛ был

⁵⁹ Погодин 1915: 31.

⁶⁰ Погодин 1915: 25.

⁶¹ Кручковский 2008.

⁶² Кручковский 2007.

⁶³ Filatowa 2022: 25.

⁶⁴ Ключевский 1989. Т. 2: 104.

⁶⁵ Там же: 88.

изменен, по мнению Ключевского, поддерживающего здесь общую позицию русской историографии, польско-литовской унией⁶⁶. Он подчеркивал, что Литовское княжество, по большинству населения, состояло из Руси, и называл его Литовско-Русским государством⁶⁷. Историк считал литовский элемент политически доминирующим в ВКЛ и не поддерживал мнение ряда русских историков об обособленности русских земель до унии с Польшей, о ВКЛ как о сугубо русском государстве. Он принадлежал к плеяде историков (В.А. Мякотин, М.К. Любавский), которые, подчеркивая значительность русского влияния в Литве, считали, что в политическом плане преобладал литовский элемент. Ключевский обосновывал это положение завоеванием Руси Литвой⁶⁸.

Ключевский, как и ряд его современников (Кареев, Уманец), признавал значительность польского цивилизационного влияния на западнорусские земли, отходя в данном случае (хотя не всегда последовательно) от фундаментальных идей российской исторической полонистики. В данном случае он следовал за своим учителем, также трактовавшим это влияние неоднозначно⁶⁹. Ключевский отмечал польское цивилизационное влияние со времени Кревской унии и считал, что оно шло различными путями: государственного устройства, выразившегося в том, что на сеймах «решались общие дела обоих союзных государств: литовско-русские вельможи <...> знакомились с политическими понятиями и с порядками, господствовавшими в Польше»⁷⁰. С другой стороны, он писал об установлении польского варианта общественного строя: «польское влияние проводилось в Литву–Русь жалованными грамотами великих князей литовских <...> и устанавливали в Литве такой же порядок управления, такие же права и отношения сословий, какие господствовали в Польше», и делал нетрадиционный для российской науки вывод: «польское влияние глубоко изменило как устройство управления, так и склад общества в русских областях»⁷¹.

По мнению Ключевского, усиление дворянства в ВКЛ сопровождалось упадком городов Западной Руси⁷². Историк признавал, что «мещане получали некоторые торговые привилегии и льготы»⁷³. Однако эти права города по магдебургскому праву он считал меньшими, чем они были в период Киевской Руси. Ключевский негативно оценивал введение Магдебургского права на русских землях⁷⁴. В то время как П.О. Бобровский, сторонник школы западнорусизма, сумел увидеть на

---

⁶⁶ Там же: 87.

⁶⁷ Ключевский 1989. Т. 1: 341.

⁶⁸ Ключевский 1989. Т. 2: 88.

⁶⁹ Кручковский 2015.

⁷⁰ Ключевский 1989. Т. 3: 88.

⁷¹ Там же.

⁷² Ключевский 1989. Т. 3: 91.

⁷³ Там же: 92.

⁷⁴ Там же.

конкретном историческом материале Гродненской губернии пользу введения Магдебургского права⁷⁵.

Еще негативнее Ключевский оценивал положение крестьянства в польско-литовском государстве⁷⁶. В этом вопросе он следовал за традициями российской исторической полонистики⁷⁷. Однако точка зрения ученого на положение крестьян в России в XVII–XVIII вв. была уже иной: «тысячи народа бежали в безнравдную Польшу, где на землях своевольной шляхты жилось сноснее»⁷⁸.

Ключевский стал в ряд немногих историков, признающих польское цивилизационное влияние не только на западнорусские земли, но и на Россию. Этот вопрос он связывал с общей проблемой иностранного влияния на Россию, и его взгляды интересно сочетали славянофильские и западнические оценки. Ученый считал, что тогдашнее русское общество было подготовлено к восприятию западного влияния⁷⁹.

Ключевский рассматривал польское влияние на Москву в период Смуты как важный этап в освоении российским обществом западных ценностей. Главный акцент польского влияния на русское общество он, в отличие от Соловьева, видел во влиянии польских политических идей на московские проекты государственного устройства периода Смуты и даже на практику государственного правления. В период Смуты он прямо, как и его учитель, признавал это влияние: «Общение с поляками, знакомство с их вольнолюбивыми понятиями и нравами расширило политический кругозор этих русских авантюристов»⁸⁰.

Дальнейший процесс польского влияния на общественно-политическое устройство Москвы Ключевский рассматривал через призму соглашения 1610 г. Отмечая договор 4 февраля 1610 г. между польским королем и представителями Боярской Думы, он утверждал, что согласно «новым политическим представлениям поставили королю условием избрания его сына в цари не только сохранение древних прав и вольностей московского народа, но и прибавку новых, какими этот народ еще не пользовался»⁸¹. Этот договор ученый оценивал исключительно высоко: «Ни в одном акте Смутного времени русская политическая мысль не достигает такого напряжения, как в договоре М. Салтыкова и его товарищей с королем Сигизмундом»⁸². Ключевский расценивал этот договор как политический документ, представляющий разработанный план нового государственного устройства: «Он, во-первых, формулирует права и преимущества всего московского народа и его отдельных классов, во-

---

⁷⁵ Бобровский 1863. .

⁷⁶ Ключевский 1989. Т. 3: 90.

⁷⁷ Горемыкин 1862.

⁷⁸ Ключевский 1989. Т. 4: 51.

⁷⁹ Ключевский 1913: 388.

⁸⁰ Ключевский 1989. Т. 3: 39.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же.

вторых, устанавливает порядок высшего управления»⁸³. Ключевский, впервые в русской историографии, особо акцентировал факт личных и имущественных прав: «Можно сказать, что самая идея личных прав, столь малозаметная у нас прежде, в договоре 4 февраля впервые выступает с несколько определенными очертаниями. Все судятся по закону, никто не наказывается без суда»⁸⁴. «Совершенной новизной, для старых московских порядков, – продолжал он, – поражают два других условия, касающихся личных прав: больших чинов людей без вины не понижать, а малочиновых возвышать по заслугам; каждому из народа московского для науки вольно ездить в другие государства христианские»⁸⁵. Отдельно ученый отмечал, что в этом договоре впервые в российской истории: «Мелькнула мысль даже о веротерпимости, о свободе совести»⁸⁶.

Потрясения эпохи Смуты, ее опыт общественно-государственного устройства, в том числе и под влиянием польских образцов, по мнению Ключевского, отразились в новых политических понятиях людей Московии⁸⁷. Отмечал историк новые политические идеи и в прямой связи с польским образцом⁸⁸. Он писал: «Такие попытки мы видели уже при воцарении Шуйского и в договоре Салтыкова 4 февраля 1610 г. <...> Митрополит Филарет, отец Михаила <...> писал из польского плена, что восстановить власть прежних царей – значит подвергнуть отечество опасности окончательной гибели»⁸⁹. Историк образно заметил: «Он и не подозревал, что по возвращении в отечество <...> ему самому придется считаться со своим конституционным порывом»⁹⁰.

В тесной связи с Польшей ученый рассматривал такое важное явление для русской жизни XVII века, как влияние Запада. Отмечая причины допущения западного влияния в России, он писал: «в XVII веке она оказалась более отсталой от Запада, чем была в начале XVI в. <...> западное влияние вышло из чувства национального бессилия <...> что вело к сознанию своей отсталости»⁹¹. Исходя из осторожного и дозированного подхода, считал историк, Москва подходила к усвоению новых ценностей: «она не решалась заимствовать западное образование прямо <...> а искала посредников, которые могли бы передать ей это образование в обезвреженной переработке»⁹².

Ключевский отмечал причины, по которым в Москве решили, что таким посредником может стать ее старый враг: «Между старой Московской Русью и Западной Европой лежала страна славянская, но като-

⁸³ Там же: 39.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же: 40.

⁸⁷ Там же: 62.

⁸⁸ Там же: 66.

⁸⁹ Там же: 71.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же: 243.

⁹² Там же: 258.

лическая – Польша <...> в связи с политической свободой высших классов сделало польское дворянство праздной и восприимчивой почвой для западного образования; но особенности страны и национального характера сообщили своеобразный местный пошиб заимствованной культуре»⁹³. Заключение исследователя нетипично для русской науки: «Эта Польша и была первой передатчицей духовного влияния Западной Европы: западноевропейская цивилизация в XVII веке приходила в Москву, прежде всего в польской обработке, в шляхетской одежде»⁹⁴.

Один из важных этапов противостояния России и Польши, по утверждению Ключевского, был связан с борьбой украинского казачества, которое историк традиционно рассматривал как малороссийское. Оценки ученого сочетали в себе как консервативные фундаментальные идеи российской исторической полонистики, так оценочные подходы либеральной историографии западной ориентации.

Ключевский, согласно традиционному подходу русской науки, рассматривал в целом эту войну как борьбу за воссоединение русских земель под властью Москвы. Исходя из такого подхода решение польских правящих кругов в отношении русского народа, по мнению большинства русских историков, могло быть только одним – полная полонизация. Препятствием на пути этой политики, по их мнению, после измены правящей элиты православного населения, могли быть только православная церковь и казачество⁹⁵. Идеализация роли православной церкви и казачества была характерна в целом для русской историографии и для ряда представителей либеральной ее части (Соловьев, Трачевский). Ключевский, придя к подобным выводам, представлял этот процесс намного сложнее, показав весьма нетрадиционную для русской историографии оценку роли казачества, польской магнатории и польского государства, а также и московской политики в этом вопросе.

Нетрадиционной для русской науки была общая характеристика Ключевским малороссийского казачества, особенно нравственного ее характера: «В Речи Посполитой едва ли был другой класс, стоявший на более низком уровне нравственного и гражданского развития: разве только высшая иерархия малороссийской церкви перед церковной унией могла потягаться с казачеством в одичании»⁹⁶. Этот «сборд», по его утверждению, был объединен в двух интересах, в которых замкнулось все политическое миросозерцание казака: «бить и грабить пана и торговать саблями... Свои боевые услуги казаки предлагали за надлежащее вознаграждение и императору германскому против турок, и своему польскому правительству против Москвы и Крыма, и Москве и Крыму против своего польского правительства»⁹⁷. Ученый давал крайне нега-

⁹³ Там же: 258-259.

⁹⁴ Там же: 259.

⁹⁵ Кручковский 1994; 2016.

⁹⁶ Ключевский 1989. Т. 3: 105.

⁹⁷ Там же: 104.

тивную оценку национально-религиозному самосознанию казачества: «Мысль, что он православный, была для казака смутным воспоминанием детства или отвлеченной идеей... В своей Украине при крайне тугом мышлении оно еще не привыкло видеть отечество»⁹⁸.

Ключевский считал, что первоначальные противоречия правительства и казачества не имели религиозно-национального характера⁹⁹. По его мнению, дело было в том, что казачество стремилось перенести на себя шляхетские понятия: «целью становилось не очищение Украины от пришлого иноплеменного дворянства, а замещение его своим туземным привилегированным классом; в реестровом казачестве готовилась будущая казацкая шляхта»¹⁰⁰. В результате, по Ключевскому. Малороссия превратилась в сложную социально-экономическую и религиозно-политическую проблему: «все эти общественные силы... переплетаясь, затягивали жизнь Малороссии в такой сложный узел, распутать который не мог ни один государственный ум, ни в Варшаве, ни в Киеве»¹⁰¹.

Историк прослеживал этапы превращения «одичавшего» казачества в борцов за веру, выделяя такие важные события как Люблинская и Брестская унии. Он образно это описал: «И этой продажной сабле без бога и отечества обстоятельства навязали религиозно-национальное знамя, судили высокую роль стать оплотом западнорусского православия»¹⁰². С Люблинской унии, когда начало водворяться панское землевладение, со своим крепостным правом, пытаясь превратить нереестровое казачество в крепостных, «малороссийское казачество поворачивается лицом назад, на то государство, которое оно доселе обороняло»; в этих условиях «малороссийское казачество осталось без отечества и, значит, без веры... увидело в своем государстве врага еще злее Крыма или Турции и с конца XVI в. начало опрокидываться на него с удвоенной яростью»¹⁰³. Итог был для Польши драматичен: «Тогда весь нравственный мир восточноевропейского человека держался на этих двух неразрывно связанных одна с другой основах, на отечестве и на отечественном боге. Речь Посполитая не давала казаку ни того, ни другого»¹⁰⁴. Переломным моментом Ключевский считал угрозу православию в Малороссии, после заключения Брестской церковной унии: «Эта неожиданная роль была подготовлена казачеству другой унией, церковной»¹⁰⁵. Так Ключевский оказался в небольшой группе историков, которые связывали перелом в настроениях казачества только с Брестской унией (Костомаров, Уманец и др.). Говоря о намерениях Хмельницкого, историк писал: «он во-

---

⁹⁸ Там же: 105.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же: 108.

¹⁰¹ Там же: 109.

¹⁰² Там же: 106.

¹⁰³ Там же: 104.

¹⁰⁴ Там же: 105.

¹⁰⁵ Там же: 106.

все не думал разрывать с Речью Посполитой»¹⁰⁶. А Уманец даже считал, что на разрыв с Польшей и переход на сторону Москвы, казачество было вынуждено пойти из-за невозможности сойтись с поляками: «И после войны казаческие партии шли на значительные уступки, чтобы иметь право называть шляхетскую Речь Посполитую своей Отчиной»¹⁰⁷.

Благодаря церковной унии, считал Ключевский, «казаку, и хлопю легко было растолковать, что церковная уния – это союз ляшского короля, пана, ксендза и их общего агента жида против русского бога, которого обязан защищать всякий русский»¹⁰⁸. Далее он нетрадиционно для русской науки объяснял морально-этические нормы восставших: «Сказать загнанному хлопю или своевольному казаку, помышлявшим о погроме пана, на земле которого они жили, что они этим погромом поборают по обижаемому русском боге, значило облегчить и ободрить их совесть, придавленную шевелившимся где-то на дне ее чувством, что как-никак, а погром не есть доброе дело»¹⁰⁹.

Москва, считал ученый, рассматривала присоединение Малороссии с традиционно-политической точки зрения: «как продолжение территориального собирания Русской земли, отторжение обширной русской области от враждебной Польши к вотчине московских государей, и по завоевании Белороссии и Литвы в 1655 г. поспешили внести в царский титул «всая Великия и Малыя и Белья России, самодержца Литовского, Волынского и Подольского»¹¹⁰.

Участие России в разделах Польши рассматривалось Ключевским в основном в духе фундаментальных идей российской полонистики, как и Соловьевым¹¹¹, как политика собирания русских земель. Интерпретация разделов Речи Посполитой, как показывает историографическое изучение этой проблематики, наиболее близка фундаментальным идеям исторической полонистики. Взгляды Соловьева на права России и Пруссии на земли Речи Посполитой схожи с оценками его предшественников: Россия не хотела разделов, имела на Польшу полное влияние и только стечение обстоятельств принудили ее к разделам.

Ко времени Екатерины II, считал Ключевский, «на очереди оставались два вопроса внешней политики, один территориальный, другой национальный <...> предстояло довершить политическое объединение русской народности <...> Это, был “вопрос западнорусский”»¹¹². Ученый считал, что мысль о разделе Польши исходила из Берлина, однако она являлась результатом целого ряда причин, в том числе и по вине самой Польши: «идея ничья; она сложилась сама собой из всего строя,

¹⁰⁶ Там же: 109.

¹⁰⁷ Уманец 1872: 63.

¹⁰⁸ Ключевский 1989. Т. 3: 107.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же: 112.

¹¹¹ Соловьев 1863: 300.

¹¹² Ключевский 1989. Т. 5: 36.

быта и соседского окружения Речи Посполитой. <...> «Фридриху II принадлежит не самая идея, а ее практическая разработка»¹¹³. Раздел Польши, и по мнению Кареева, совпадающему со славянофильской позицией, России не был выгоден: «Фридрих II, который раньше всех понял, что могущественная Пруссия может быть только при малой Польше, первым выступил как инициатор разделов»¹¹⁴.

Исходя из исторических, этноконфессиональных и геополитических критериев, Ключевский подводил итоги разделов Польши. По его мнению, Екатерина II, имея поставленные русской историей задачи, добилась совершенно иного результата, не соответствующего стратегическим интересам страны: «Предстояло воссоединить Западную Русь, вместо того разделили Польшу. <...> Это различные по существу акты – первый требовал жизненный интерес русского народа, второй был делом международного насилия. Решение не отвечало задаче»¹¹⁵. Приводились им и аргументы, основанные на славянофильских идеалах: «редким фактом в европейской истории останется тот случай, когда славяно-русское государство <...> помогло немецкому курфюршеству превратиться в великую державу, сплошной широкой полосой раскинувшуюся по развалинам славянского же государства»¹¹⁶. Историк считал, что разделы Речи Посполитой ослабили Россию и привели к дальнейшей борьбе с польским народом. В этом отношении ему значительно ближе точка зрения Кареева или Погодина, чем его учителя – Соловьева.

Таким образом, оценочные подходы Ключевского к истории Польши сочетали признание фундаментальных идей российской исторической полонистики, по сути консервативных и славянофильских, и отход от них на либерально-западнические позиции при рассмотрении ряда ключевых проблем истории Польши. Следует заметить, что доступные источники не позволяют увидеть возможную эволюцию взглядов Ключевского по польской проблематике. На наш взгляд, представленный образ истории Польши в изображении историка весьма цельный и основан на его публикациях длительного временного периода.

В отношении истории Польши Ключевский принимал фундаментальные идеи российской исторической полонистики. Прежде всего это касалось такой темы, как российско-польское противостояние, которое интерпретировалось им не только как военно-политическое, но также как конфессиональное и цивилизационное противостояние до времен Петра I. Ключевский, как и вся российская историография, в том числе и либеральной ориентации, в силу живучести славянофильских традиций понимания государственных интересов страны только как «великой России», также не допускал мысли о возможности сохранения в составе федеративной Речи Посполитой западнорусских (белорусских и украин-

¹¹³ Там же: 52.

¹¹⁴ Кареев 1888:111.

¹¹⁵ Ключевский 1989. Т. 5: 55.

¹¹⁶ Там же: 53.

ских) земель. Он рассматривал Россию не как виновника разделов Речи Посполитой, а как сторону, вернувшую свое прежнее достояние (западнорусские земли). В трактовке одной из важнейших для исторической полонистики проблем – разделов Польши он оказался ближе к консервативной традиции, хотя, одобряя разделы Речи Посполитой, он негативно высказывался о способе присоединения западнорусских земель.

Ключевский признавал, в отличие от большинства своих современников, позитивность цивилизационного влияния Польши на Россию. Он утверждал, что в процессе цивилизационного влияния Польши на ВКЛ путем добровольной полонизации высшего слоя общества был создан единый по правам и культуре шляхетский народ независимо от конфессиональной и этнической принадлежности.

Ключевский не противопоставлял Россию как истинно славянскую православную державу, как это делал его учитель Соловьев, католической предательнице Западу – Польше. По его мнению, именно благодаря западному цивилизационному влиянию Польша к началу нового времени стала одной из наиболее могущественных стран Европы.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Аксаков, И. С. Сочинения И. С. Аксакова. М., 1887. Т. 7. [Aksakov, I. S. Works of I. S. Aksakov. M., 1887. T. 7].
- Бердяев, Н. И. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М.: Мысль, 1990. [Berdyaev, N. I. The fate of Russia. Experiments on the psychology of war and nationality. M.: Thought, 1990].
- Бильбасов, В. А. Исторические монографии: в 5 т. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1901. Т. 1. [Bilbasov, V. A. Historical monographs: in 5 volumes. St. Petersburg: Type. I.N. Skorokhodova, 1901. T. 1.].
- Бобровский, П.О. Материалы для географии и статистики России. Гродненская губерния. СПб. 1863. 300 с. [Bobrovsky, P.O. Materials for the geography and statistics of Russia. Grodno province. Spb. 1863. 300 p.].
- Горемыкин, А.И. Очерки истории крестьян в Польше. СПб, 1862. [Goremykin, A.I. Essays on the history of peasants in Poland. Spb, 1862].
- Кареев, Н.И. «Падения Польши» в исторической литературе. М., 1888. [Kareev, N.I. "The Fall of Poland" in historical literature. M., 1888].
- Кареев, Н.И. Главные обобщения всемирной истории. СПб, 1903. [Kareev, N. I. The main generalizations of world history. Spb, 1903].
- Кареев, Н.И. Общий ход всемирной истории. СПб. 1903. [Kareev, N. I. The general course of world history. Spb, 1903a.].
- Кареев, Н.И. Новейшая польская историография и переворот в ней // Polonica. Сборник статей по польским делам (1881–1905 гг.). СПб, 1905. [Kareev, N. I. The latest Polish historiography and the revolution in it // Polonica. Collection of articles on Polish affairs (1881–1905). Spb, 1905.].
- Ключевский, В.О. Сочинения: в 9 т. Курс русской истории. М.: Мысль, 1989. Т. 1–9. [Klyuchevsky, V.O. Works: in 9 volumes. Course of Russian history. M.: Mysl, 1989. Vol. 1-9].
- Ключевский, В.О. Западное влияние и церковный раскол в России XVII в. (историко-психологический очерк) // Очерки и речи. М., 1913. 515 с. [Klyuchevsky, V.O. Western influence and church schism in Russia in the 17th century. (Historical and psychological essay) // Essays and speeches. M, 1913. 515 p.].
- Кручковский, Т.Т. Уманец Ф.М. как историк Речи Посполитой // Веснік ГрДУ, 2007. № 2. С.47-53. [Kruczkowski, T.T. Umanets F.M. as a historian of the Commonwealth // Vesnik GrDU, 2007. №. 2. P. 47-53.].
- Кручковский, Т.Т. Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX в. / Наш радавод. Гродна, 1994. Кн. 6. Ч. II. С. 218–417. [Kruczkowski, T.T. Polish

- Problems in Russian Historiography of the Second Half of the 19th Century / Our radavod. Grodna, 1994. Book. 6. Part II. P. 218-417.].
- Кручковский, Т.Т. История Польши в исторической концепции Н.М. Карамзина // Весник ГрДУ. 2008. № 3. С. 3–11. [Kruczkowski, T.T. The history of Poland in the historical concept of N.M. Karamzin // Vesnik GrDU. 2008. № 3. P. 3–11.].
- Кручковский, Т.Т. История Польши в концепциях русской историографии XIX - начала XX века. Гродно, 2016. 338 с. [Kruczkowski, T.T. The history of Poland in the concepts of Russian historiography of the 19th - early 20th centuries. Grodno, 2016. 338 p.].
- Кручковский, Т.Т. История Польши в исторической концепции С.М. Соловьева // Весник ГрДУ. 2015. № 3. С. 67–85. [Kruczkowski, T.T. The history of Poland in the historical concept of S.M. Solovyov // Vesnik GrDU.2015a. № 3. P. 67–85.].
- Лавров, П.Л. Роль славян в истории мысли // Историографические исследования по славяноведению и балканистике. М., 1984. [Lavrov, P.L. The role of the Slavs in the history of thought // Historiographical research in Slavic studies and Balkan studies. M., 1984.].
- Плеханов, Г. В. История русской общественной мысли. М., 1914. Т. 1. [Plekhanov, G.V. History of Russian social thought. M., 1914. T. 1.].
- Погодин, А. Л. Краткий очерк истории славян. М., 1915. [Pogodin, A. L. Brief essay on the history of the Slavs. M., 1915.].
- Самарин, Ю. Ф. Современный объем польского вопроса. Сочинения: в 5 т. М., 1877. Т. 1. [Samarin, Yu. F. Modern volume of the Polish question. Works: in 5 vols. M., 1877. Vol. 1.].
- Сагановіч, Г. Нарыс гісторыі Беларусі ад старажытнасці да канца XVIII стагоддзя. Мінск, 2001. 412 с. [Saganovich, G. Narys of the History of Belarus in the Hell of the Old Ages and the End of the XVIII Stage. Minsk, 2001. 412 p.].
- Соловьев, С.М. Сочинения: в 18 кн. М.: Мысль, 1988-95. Кн. 1. Т. 1–28. [Solovyov, S.M. Works: in 18 books. M.: Thought, 1988-95. Book. 1. T. 1–28.].
- Соловьев, С.М. История падения Польши. М., 1863. [Solovyov, S.M. History of the fall of Poland. M., 1863.].
- Сухотин Н.Н. Война в истории русского мира // Разведчик.1897. № 375. [Sukhotin N.N. War in the history of the Russian world // Scout. 1897. No. 375].
- Уманец, Ф.М. Вырождение Польши. СПб. 1872. [Umanets, F.M. Degeneration of Poland. SPb. 1872.].
- Филевич, И.П. Польша и польский вопрос. М., 1894. [Filevich, I.P. Poland and the Polish question. M, 1894.].
- Blachowska, K. Narodziny Imperium: Rozwój terytorialny państwa carów w ujęciu historyków rosyjskich XVIII i XIX wieku. Warszawa, 2001. 350 s.
- Błaszczak, G. Litwa na przełomie średniowiecza i nowożytności. 1492–1569. Poznań, 2002.
- Filatowa, N. Polska w rosyjskiej myśli historycznej // Polacy i Rosjanie. 100 kluczowych pojęć // pod red. A. Magdziak-Miszewskiej. Warszawa. 2002. S. 21–34.
- Jakowenko N. Historia Ukrainy od czasów najdawniejszych do końca XVIII wieku. Lublin, 2000.
- Serejski, M. Europa a rozbiory Polski. Warszawa, 1970. 518 s.
- Maciszewski, J. Szlachta polska i jej państwo. Warszawa. 1986.

Кручковский Т.Т. Т.Т. Кручковский, доктор исторических наук, профессор, Гродненский государственный университет им. Янки Купалы; tkruczkowski@yahoo.com

Fundamental Ideas of Russian Historical Polonistics and Their Reflection in V.O. Klyuchevsky

The article presents the fundamental ideas of Russian historical polonistics of the 19th - early 20th centuries as refracted in the works of V.O. Kluchevsky. The scientist's evaluative approaches to the history of Poland combined the recognition of the fundamental ideas of Russian historical polonistics, conservative and Slavophile in essence, and a departure from them to liberal-Westernist positions. In this context, the historian's scientific heritage has not been studied and no special comprehensive historiographic research has been carried out on this issue.

Key words: *Fundamental ideas of Russian historical Polish studies, V.O. Kluchevsky, Poland, Russian Orthodox lands of the Commonwealth, Russia.*

Tadeusz Kruczkowski Dr.Sc. (History), Professor, Yanka Kupala State University of Grodno; tkruczkowski@yahoo.com

«ВЕЛИКАЯ У НАС РЕДКОСТЬ» А.И. БУЛГАКОВ И ЕГО ТРУДЫ О ЗАПАДНОМ ХРИСТИАНСТВЕ¹

В статье проанализированы важнейшие труды профессора Киевской духовной академии А.И. Булгакова (1859–1907), посвященные истории и современному состоянию западного христианства. Авторским кредо Булгакова было стремление к объективности, которая, хотя и рассматривалась им как недостижимый идеал, тем не менее выгодно отличала его работы от богословско-обличительных сочинений. Несмотря на значительную стесненность в выборе литературы и особенно источников, Булгакову удалось создать тексты, ряд которых не потерял своего научного значения до сего дня. Им были заложены отечественные традиции изучения английского христианства XVIII–XIX вв., возобновленные, после длительного перерыва, современными российскими исследователями.

Ключевые слова: западное христианство, католицизм, протестантизм, методизм, англиканство, Оксфордское движение, А.И. Булгаков.

Вынесенные в заголовок статьи слова принадлежат генералу А.А. Кирееву (1833–1910), богослову и славянофилу, и касаются одной из статей профессора Киевской духовной академии Афанасия Ивановича Булгакова (1859–1907), посвященной старокатоличеству. Киреев, являвшийся горячим сторонником сближения старокатоличества и православия, в качестве «редкости» отметил не сам предмет публикации (о старокатолицизме тогда писали многие), а другое обстоятельство: статья «написана очень объективно»². Для конца XIX в., когда прозвучали эти слова, попытки объективного анализа истории и современного состояния исповеданий, считавшихся в Российской империи «инославными», имели место, но отнюдь не доминировали. Изучением церковной истории (её предметом, согласно тогдашним представлениям, было не только исследование событий и тенденций жизни церковных структур в прошлом, но также, словами известного историка А.П. Лебедева, «христианство и его влияние на судьбы народов»³) занимались и в университетах, но главным образом оно было сосредоточено в имевшихся в России четырёх православных духовных академиях. А здесь конфессиональные рамки ощущались в гораздо большей степени – как в силу внутренних убеждений исследователей, так и вследствие существования цензурных предписаний, значительно ограничивавших свободу творчества⁴.

Тем не менее и в таких условиях оказалось возможным создание серьёзных исследовательских трудов⁵, а факт существования россий-

¹ Подготовлено при поддержке гранта РНФ № 22-28-00862 «Инфосфера духовных учебных заведений Российской империи XIX - нач. XX вв.»

² Киреев 1893:147.

³ Лебедев 1895:312.

⁴ Подробнее см.: Шахнович 2018: 71-72.

⁵ Там же.

ских духовных академий как научных центров ныне общепризнан⁶. Как правило, речь идёт прежде всего о достижениях в области древней и русской церковной истории. Процесс изучения в академиях «инославного Запада» привлекает гораздо меньше внимания. В конце XIX в. профессор Б.М. Мелиоранский в статье для Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона констатировал стремление деятелей церковно-исторической науки «чаще и живее отзываться на течения западной науки... усвоить общеисторический метод, сблизиться с русскими светскими историками», результатом чего явилось появление «самостоятельных русских работ» не только по истории отечественной Церкви, но и «по истории церкви вселенской, византийской и даже западной»⁷.

О причинах, побудивших Мелиоранского использовать частицу «даже», подробно и весьма образно сказал профессор А.П. Лебедев, анализируя состояние российской церковно-исторической науки в конце XIX века. У исследователя отечественной истории, констатировал он, «все книги под руками»; те же, кто взялся изучать «чужую церковно-историческую старину», стоят перед необходимостью знания «чуть не двенадцати языков», затруднены в поиске источников (надо ехать «за три десять земель. А у многих ли есть к этому возможность?»), вынуждены «стать в отношении соперничества со многими учеными разных национальностей». Поэтому для занятия иностранной церковной историей, резюмировал Лебедев, «нужны исключительные силы, выдающийся талант, особенная умственная зрелость»⁸.

Среди тех, кто сумел, не смотря на многочисленные сложности, добиться серьёзных успехов в области изучения «инославного Запада», должно быть выделено, наряду с именами Н.А. Осокина, А.П. Лопухина, В.А. Соколова, В.И. Герье, и имя А.И. Булгакова. И дело не только в отмеченной Киреевым объективности, но и в масштабе изучения предмета и научном уровне опубликованных работ.

В советский период российской истории упоминания о научной деятельности А.И. Булгакова делались исключительно в связи с изучением творчества его сына – выдающегося писателя М.А. Булгакова (1891–1940)⁹. В конце XX – начале XXI в. произошла некоторая коррекция ситуации. Стали появляться публикации, в которых давались не просто справка о важнейших этапах преподавательской и научной карьеры Булгакова–старшего и приводился библиографический список важнейших трудов (хотя и это уже было достижением по сравнению с предшествующим периодом), но и рассматривались некоторые его сочинения¹⁰. В сравнительно недавнее время увидели свет специальные работы, фокусировавшиеся на рассмотрении как научного творчества

⁶ Кузоро 2018; Лобанова 2021.

⁷ Мелиоранский 1899: 807.

⁸ Лебедев 1895:319.

⁹ См. например: Чудакова 1988: 14–15, 29–34

¹⁰ Ермишин 2003; Лиман 2011: 332-333; Лабынцев, Щавинская 2011.

А.И. Булгакова в целом, так и некоторых его направлений, прежде всего – изучении им истории и современного состояния римского католицизма¹¹. Цель настоящей статьи: проанализировать весь спектр работ Булгакова, посвященных религиозной жизни Запада, показать его вклад в становление российской историографии западного христианства.

Важнейшие факты биографии А.И. Булгакова, благодаря упомянутым выше публикациям, можно считать достаточно хорошо известными, а потому нет необходимости останавливаться на них подробно. Для сына священника было вполне естественным стремление к получению духовного образования, тем более что это, как впоследствии Булгаков указывал в автобиографии, было «заветною мечтою» родителей¹². После обучения в духовном училище, а затем в семинарии в Орле (1869–1881) Булгаков продолжил получение образования в Киевской духовной академии (КДА, 1881–1885). В первый год обучения в письме к своему другу В.М. Позднееву он весьма критично оценивал образовательный процесс: лекции – «сумбуральный хлам», выражающийся в том, что «один докажет... одно, а другой другое, совсем противоположное»¹³. Булгаков отмечает отсутствие у себя желания «науку двигать», но не исключает возможности попасть «в профессора какого-нибудь духовного училища или семинарии». Наиболее верный путь для того, чтобы в будущем «иметь хоть каплю уважения» учеников, – академическая свобода, позволяющая много читать, поскольку «ум... в книжищах, которых в нашей библиотеке сотни тысяч»¹⁴. Из более поздних писем Булгакова явствует: он постепенно оказался захвачен формальной стороной учебного процесса («у нас 18 лекций в неделю... по 8 предметам»), не оставляя и самообразования – «у меня... на руках около 200 академических книг»¹⁵.

Сейчас уже трудно сказать, почему в годы обучения в Киевской духовной академии Афанасий Иванович проявил интерес к истории методизма – обновленческого течения в Церкви Англии, возникшего в 1720-е гг. и впоследствии оформившегося в самостоятельную протестантскую конфессию. Очевидно другое: имевшаяся при КДА богатейшая библиотека, насчитывавшая немалое число изданий не только на русском, но и на многих иностранных языках, обеспечивала студенту, а впоследствии – преподавателю и учёному Булгакову возможность заниматься историей и современным состоянием западного христианства.

Первым серьёзным результатом научных штудий Булгакова стала кандидатская диссертация (в духовных академиях того времени предшествовала магистерской) «Очерки истории методизма» (1884). Высоко оценив текст в целом, профессор М.Г. Ковальницкий отметил: «в оценке

¹¹ Урюпин, 2013; Лабынцев, Щавинская 2020.

¹² Лабынцев, Щавинская 2020: 109.

¹³ «Я читаю о человеке всё»: 134.

¹⁴ Там же: 135-136.

¹⁵ Там же: 139

методизма автор спокоен, не обнаруживает духа нетерпимости»¹⁶. Эту формулировку можно применить и для характеристики практически всех последующих трудов Булгакова об «иностранных исповеданиях». Немаловажно также такое обстоятельство: 24 кандидатские работы студентов III курса церковно-исторического отделения были признаны удовлетворительными (июнь 1884 г.), и «по относительному достоинству» сочинение Булгакова оказалось поставленным на первое место¹⁷.

После работы в Новочеркасском духовном училище (1885–1886) Булгаков вернулся в родную Киевскую академию, где защитил магистерскую диссертацию (1887) и был избран Советом академии доцентом кафедры древней гражданской истории. В конце 1888 г., «по личной склонности к богословской науке», как пишет Булгаков в автобиографии¹⁸, он перешел на кафедру истории и разбора западных исповеданий, где и трудился до конца дней: вначале в качестве доцента, затем (с марта 1902) – экстраординарного, ординарного (с февраля 1907 г.) профессора.

Прежде чем перейти к анализу трудов Булгакова на избранном им научном поприще, необходимо сказать несколько слов о его общем мировоззрении. Вне всякого сомнения, оно было глубоко религиозным и православным. По мнению Булгакова, «только вера в Бога даёт смысл и значение поведению человека»¹⁹. Правильно проповедовать о нём может исключительно Церковь Христова, которая есть «Царство добра» и главное орудие преодоления зла²⁰. Отвергая обвинения в адрес Церкви в неприятии прогресса, Булгаков указывал на её активное содействие ему в том случае, если он является истинным, то есть не материальным, а духовным, нравственным, что невозможно при отрицании Творца²¹.

Коллега Булгакова по Киевской академии В.П. Рыбинский в некрологе отмечал: он «представлял собой типичную цельную натуру с довольно законченным мирозерцанием»²², подчеркивая удаленность ученого как от «поверхностного либерализма», так и от «неумеренного консерватизма»²³. Это определение, даже с поправкой на особенности жанра некролога, представляется весьма близким к действительности. Булгаков, не допуская возможности аккомодации православного учения²⁴, был крайне далёк от этнизации православия, упоения «самобытностью». Так, в статье «Четырёхсотлетие Новой истории», характеризующий русский народ как носителя «истинного христианства», Булгаков подчеркивает важность того обстоятельства, что четыре века назад он полу-

¹⁶ Протоколы заседаний... 1884. №12: 345

¹⁷ Протоколы заседаний... 1884. № 11: 307.

¹⁸ Цит. по: Лабынцев, Щавинская 2020: 110.

¹⁹ Булгаков 1904: 19.

²⁰ Булгаков 1899: 4-5.

²¹ Там же: 9-12.

²² Рыбинский 1907: 142

²³ Там же: 143.

²⁴ Булгаков 1893 а: 286.

чил «возможность начать общеевропейскую жизнь»²⁵, а с нею – «увеличивать свой внутренний и внешний кругозор»²⁶.

Богословско-обличительный подход к материалу был учёному совершенно не свойственен. Не случайно коллеги по Киевской академии отмечали его умение «к каждому явлению подойти в каком-то примирительном духе», стремление «найти истину, положительное, а не отрицательное»²⁷. О возможности быть полностью объективным Булгаков высказывался как о желательном, но всё-таки недостижимом идеале. Он рассуждал так: «историк не обладает одним из главнейших средств для объективного исследования и изложения приобретенного материала: он не может непосредственно наблюдать его... производить опытных исследований: он имеет дело с материалом, добытым другими и прошедшим иногда через очень многие руки... при самом искреннем желании быть объективным автор-историк не имеет данных для этого»²⁸.

Таким образом, можно охарактеризовать Булгакова как экумениста XIX столетия, для которого Православная церковь являлась истинной Церковью Христовой, но при этом была не обособленной единицей, а частью Вселенского христианства. Лелея надежду на соединение «всех христиан во едино стадо под управлением единого истинного Пастыря»²⁹, он желал найти в западных исповеданиях «элементы общей дорогой всем христианской истины»³⁰.

Можно выделить несколько направлений движения исследовательской мысли Булгакова. Первым и одновременно наиболее плодотворным из них следует считать изыскания в области истории английского христианства Нового времени. Булгаков и после окончания КДА продолжил изучение истории методизма. Его кандидатская диссертация «Очерки истории методизма» была значительно переработана, расширена, напечатана в нескольких выпусках Трудов Киевской духовной академии (ТКДА), а затем – отдельным двухтомным изданием. В 1887 г. «Очерки» были защищены в качестве магистерской диссертации.

Несмотря на то, что «Очерки» были фактически первым серьёзным историческимopusом киевского богослова, им суждено было остаться самым объёмным и, пожалуй, самым фундированным его сочинением. В начале работы Булгаков подчёркивал, что он не ставил перед собой задачу написания общей истории методизма по простой причине: «под руками» наличествует лишь «отрывочный материал». Он сетовал на отсутствие в российских библиотеках источников и литературы, находящихся «на далёком западе» и доступных лишь «для западных учёных»³¹.

При написании «Очерков» Булгаков опирался на более широкий

²⁵ Булгаков 1893 b:116.

²⁶ Там же: 117.

²⁷ Речи 1907: 152

²⁸ Извлечение из журналов... 1904: 243 – 244.

²⁹ Булгаков 1893 c:366.

³⁰ Речи... 1907: 155-156.

³¹ Булгаков 1887: Т.1: 29.

круг источников и литературы, чем в дальнейшем. «Очерки» содержат далеко не всегда встречавшийся в работах того времени раздел, содержащий их обзор³². Булгаков цитирует ряд документов, активно использует такие сочинения, как «Жизнь Дж. Уэсли» Р. Саути, истории методизма У. Лекки, Э. Стивенса, Л. Якоби – сочинения, представлявшие на момент работы над «Очерками» последнее слово в историографии методизма. Привлекались и другие труды, в частности, многотомная «История Англии» Т.Б. Маколея, переведенная в 1860-е гг. на русский язык. Булгаков достаточно критически относился к сочинениям предшественников, постоянно указывая на их сильные и слабые стороны.

Подробно описывая важнейшие события в истории методизма, процесс его распространения, особенности вероучения и культа, давая яркие психологические портреты его «отцов-основателей» – Дж. Уэсли и Дж. Уайтфилда, Булгаков стремился к осмыслению имеющегося материала. Многие его выводы и умозаключения и сегодня представляются не лишёнными интереса. Так, рассуждая о причинах появления методизма, Булгаков важнейшую из них видит в том, что Церковь Англии, оказавшись под полным контролем государства, превратилась в оторванный от низов аристократический институт, к тому же подверженный идеям деизма³³. Напротив, для «купцов, фабрикантов, подёнщиков и пролетариата религия не утрачивала своего прежнего значения»³⁴, и они горячо поддержали религиозно–нравственный призыв братьев Уэсли и других методистских проповедников³⁵.

Булгаков делит историю методизма на два периода: с 1729 г. до смерти Дж. Уэсли (1791) и с 1791 г. до 1872–1878 гг., внутри которых, в свою очередь, выделяются фазы³⁶. Попытка осуществления периодизации свидетельствует о намерении киевского богослова выйти за пределы чистого нарратива и придать своему сочинению аналитический характер. Завершаются же рассуждения об этапах развития методизма несколько неожиданной фразой: «время после второго периода, как современное нам, истории не подлежит»³⁷. На наш взгляд, это суждение свидетельствует о скромности автора и понимании им ограниченности своих исследовательских возможностей в силу отсутствия должного источникового ресурса. Ведь в дальнейшем большинство текстов Булгакова будет посвящено как раз современным ему событиям. Видимо, он не считал возможным рассматривать последующие свои работы как полноценные исторические сочинения, выступая в роли аналитического обозревателя текущих событий религиозной жизни Запада.

Возвращаясь к рассмотрению «Очерков», заметим, что Булгаков не

³² Там же: 29–35.

³³ Там же: 5–6, 9–17.

³⁴ Там же: 11.

³⁵ Там же: 181–182.

³⁶ Там же: 25–28.

³⁷ Там же: 25.

всегда последователен в своих рассуждениях. С одной стороны, он характеризует методизм как «явление чисто религиозное»³⁸, но с другой – совершенно не склонен к игнорированию его социальных аспектов, подчеркивая, что, поскольку методисты «не делали различия между образованными и необразованными», то «простой народ» уравнился «с высшими классами в своих религиозно-нравственных правах»³⁹. Такое суждение вряд ли можно рассматривать как предвосхищение пользовавшейся большой популярностью в середине – второй половине XX в. концепции французского историка Э. Галеви (в историографии она получила название «тезис Галеви»), согласно которой методизм способствовал расширению в Англии религиозного многообразия, гасившего, в отличие от моноконфессиональной Франции, революционные импульсы⁴⁰, но некий шаг в направлении осмысления взаимосвязи религиозных и общественно-политических процессов Булгаков, несомненно, сделал.

О методизме можно было писать и в совершенно ином тоне, гораздо более резком, что характерно для сочинения единственного русского предшественника Булгакова – епископа Иоанна (Митропольского)⁴¹. Булгаков же и в этой, и в последующих работах продемонстрировал стремление к максимально возможной в рамках конфессиональной парадигмы объективности. В завершающей части «Очерков» он отмечает сохранившиеся в Церкви Англии иные, помимо методистского движения, «средства к поднятию религиозного духа», среди которых – «стремление к восстановлению древнекафолического христианства»⁴².

Именно его анализу и будут в основном посвящены последующие англоведческие штудии Булгакова. К изучению методизма он более не возвращался. Для проявления пристального внимания к положению государственной Церкви Англии имелись причины как академического, так и практического свойства. В 1833 г. взяло старт Оксфордское движение (трактарианство), которое оказало огромное влияние на развитие англиканства как собственно в Англии, так и за её пределами. Живейший интерес и отклик вызывало оно и в России. Отказ трактарианских богословов, и прежде всего – выдающегося теолога Дж.Г. Ньюмена, от рассмотрения Церкви Англии как протестантской и стремление актуализировать наследие Древней неразделенной Церкви привели к активизации англикано-православного диалога, возбудив надежды на объединение Церквей как в Англии, так и в России⁴³.

³⁸ Там же: 24.

³⁹ Там же: 172.

⁴⁰ Подробнее о «тезисе Галеви» и его интерпретациях см.: Модель 1972; Стецкевич 1994: 85–87; Itzkin 1975.

⁴¹ Иоанн (Митропольский) 1877.

⁴² Булгаков 1887. Т.2: 184.

⁴³ Зарубежная, в первую очередь англоязычная историография Оксфордского движения поистине необозрима (наиболее детальную библиографию см. в кн.: Crumb 2009). Вопросы развития Оксфордского движения и его восприятия в России подробно рассмотрены в нашей монографии: От эрастианизма к трактарианизму 2021.

Первые статьи, посвященные современному состоянию англиканства, были опубликованы Булгаковым в 1889–1992 гг. Их можно рассматривать как своеобразную пробу пера. Статьи приурочены к определенным событиям. В одном случае это разбор решений Третьей Ламбетской конференции епископов Англиканского содружества⁴⁴, в двух других – небольшие заметки о недавно скончавшихся деятелях высокоцерковного ритуалистского движения Р.Ф. Литтлдейле (1833–1890) и Дж. Палмере (1828–1892)⁴⁵. На этом этапе Булгаков ещё не разграничивал такие понятия, как «трактарианство» и «ритуализм» (первое имело преимущественно теологический характер, тогда как второе, будучи от него производным, приобрело размах во второй половине XIX в.), но выражал надежду на возвращение Церкви Англии к древнецерковным порядкам, а в Литтлдейле и Палмере видел личностей, стремившихся к возрождению «древней английской церкви»⁴⁶.

Шагом вперёд в изучении англиканства явилась речь Булгакова во время традиционного торжественного акта, посвященного открытию КДА в 1819 г., под названием «Стремление англикан к восстановлению древневселенской церковности в Англии в последние шестьдесят лет» (1893). Здесь Булгаков контурно обрисовал процесс зарождения и развития трактарианства, подчеркнув роль в его генезисе не только общепризнанных лидеров Оксфордского движения Дж. Г. Ньюмена и Э. Б. Пьюзи, но и таких личностей, как Р.Х. Фруд и А. Персеваль⁴⁷.

В 1897 г. вышла самая интересная и значимая работа киевского богослова по истории англиканства XIX столетия – «Новые религиозные преобразования в Англии в настоящем веке»⁴⁸, представляющая собой значительно расширенный вариант речи 1893 г. В центре внимания Булгакова находится не вся Церковь Англии, а «партия» Высокой церкви и родившееся в её недрах Оксфордское движение. Удивительно, но Булгакову, опиравшемуся на весьма скудную источниковую и историографическую базу, удалось создать наиболее объективное и объемное в российской историографии XIX в. исследование о трактарианизме. Кроме того, в нашей стране в XX столетии (особенно в советский период) религиозная история Англии XVIII–XIX вв. практически не изучалась, поэтому работа Булгакова вплоть до конца прошлого века для отечественного читателя сохраняла значение главного источника информации об Оксфордском движении. О ритуалистской же фазе трактарианства, пришедшейся на 1850–1890-е гг., в российской историографии, за исключением книги Булгакова, работ не имеется до сего дня.

«Новые религиозные преобразования» представляют собой прежде всего *описание* происходивших событий, хронологически доходящее до

⁴⁴ Булгаков 1889.

⁴⁵ Булгаков 1890 а; Булгаков 1892.

⁴⁶ Булгаков 1890: 332; Булгаков 1892: 507.

⁴⁷ Булгаков 1893 с.

⁴⁸ Булгаков 1897.

последних лет XIX века. Это обстоятельство вряд ли можно поставить Булгакову в вину, поскольку и английские сочинения того времени о трактарианстве, основанные, по понятным причинам, на более широкой базе источников, также представляли собой нарративы. При этом и аналитическое начало в сочинении Булгакова присутствует самым очевидным образом. Во-первых, в отличие от историографии XIX – первой половины XX в., рассматривавшей переход Ньюмена в католичество (1845) как «катастрофу» и одновременно – как завершение Оксфордского движения⁴⁹, Булгаков настаивает на том, что «этот вред не так велик, как обыкновенно представляют»⁵⁰. Здесь киевский богослов в определенной степени предвосхитил современную точку зрения, наиболее последовательно выраженную Дж. Херрингом, согласно которой переход Ньюмена в католичество (1845) явился окончанием не Оксфордского движения как такового, а лишь его начального этапа⁵¹. Во-вторых, Булгаков симпатизируя трактарианцам и ритуалистам (теперь, в отличие от некоторых более ранних работ, он не употребляет эти понятия как синонимы), видит в них не только поборников восстановления идеалов христианской древности, но и борцов «против порабощения церкви государственной властью»⁵². Мысль о «несовременности», «неестественности» союза между Церковью Англии и государством, при котором ведущей и регулирующей силой выступает светская власть, проходит красной нитью через всю работу⁵³. Здесь, несомненно, очевидно проведение не слишком завуалированной аналогии с российской ситуацией.

После «Новых религиозных преобразований» Булгаков уже не обращался к изучению положения современной ему Церкви Англии, но английская проблематика не выпала из его поля зрения. Теперь ученый сосредоточился на изучении вопроса о законности англиканской церковной иерархии. Он стал особенно актуальным в связи с активизацией во второй половине XIX в. англикано-православного диалога. Вначале Булгаков пришел к заключению о наличии «непрерывно-преемственной связи» англиканской иерархии с римско-католической, подчеркнув необходимость восстановления англиканами «вероучения древневселенской церкви»⁵⁴. В статье «Иерархия англиканская» для Православной богословской энциклопедии (1905) Булгаков фактически повторил тот же вывод, признав англиканскую иерархию «незаконной» с точки зрения «древнецерковных канонов», но способной быть признанной «действительной» в случае возвращения к ним англикан⁵⁵. Позицию Булгакова можно охарактеризовать как компромисс между точкой зрения

⁴⁹ См. например: Church 1891: 385, 406–408.

⁵⁰ Булгаков 1897: 442.

⁵¹ Herring 2002: 65 – 69; Herring, 2016: 23 – 28.

⁵² Булгаков 1897: 1.

⁵³ Там же: 46, 89 – 90.

⁵⁴ Булгаков 1898: 39.

⁵⁵ Булгаков 1905а: 265 – 266.

профессора В.А. Соколова, признававшего действительность англиканских рукоположений в силу наличия в Церкви Англии апостольского преемства, и мнением не соглашавшихся с ним А.Я. Рождественского и Н.А. Керенского⁵⁶. Но эта позиция Булгакова не являлась окончательной. Он продолжил изучение вопроса и в 1906 г. подготовил первый выпуск специального исследования об иерархии, отметив, что появляющиеся новые факты и данные заставляют автора «не торопиться с произнесением окончательного вывода»⁵⁷. Болезнь и смерть учёного помешали осуществлению дальнейших изысканий.

Наконец, нельзя не отметить статьи Булгакова о двух английских королях – Якове I (1603–1625) и Якове II (1685–1688) для Православной богословской энциклопедии. Антипатия Булгакова к римскому католицизму наложила отпечаток на компоновку текстов. Оба короля представлены автором как фигуры, симпатизировавшие католицизму едва ли не в равной степени, тогда как на самом деле этот вывод верен лишь в отношении Якова II⁵⁸. Сконцентрировавшись на анализе католического фактора, Булгаков даже не упомянул о таком важнейшем событии, как выход в 1611 г. под патронажем Якова I перевода Библии на английский язык, известного как «Библия короля Якова», ставшего на долгое время нормативным в англоязычном мире.

Второе направление исследований Булгакова – изучение римского католицизма. Этот блок исследований, по сравнению с англосведческим, содержит значительно меньше работ, но затрагиваемая проблематика оказывается достаточно обширной. Общий взгляд Булгакова на католицизм был сформулирован в статье «Католическая церковь», написанной для «Православной богословской энциклопедии». Оценка Булгакова оказывается весьма жесткой, особенно в сравнении с его характеристиками англиканства и даже методизма: католицизм «значительно изменил древнехристианские начала... подавил древнехристианскую свободу исследования христианских истин, сосредоточив древнехристианский авторитет в лице только одного папы, чем был открыт путь к произвольному извращению догматов христианства»⁵⁹.

Католическая церковь и её духовенство были постоянным объектом критики со стороны Булгакова. В 1905 г. он подготовил несколько статей о католицизме во Франции, где тогда остро стоял вопрос об отделении Церкви от государства. Булгаков откликнулся на события и предпринял попытку выявить их исторические корни. Рассуждая об эпохе Французской революции конца XVIII в., Булгаков обратил внимание на тесный союз высшего духовенства, аристократии и монархии как причину превращения католицизма «из господствующего вероисповедания

⁵⁶ Подробнее см.: Соколов 1913: 26–29.

⁵⁷ Булгаков, 1906: VII.

⁵⁸ Булгаков 1905: 168–169.

⁵⁹ Булгаков 1908: 233.

в гонимое»⁶⁰. В ходе революции высшее духовенство не пожелало добровольно отказаться от богатств, «бросило своих пасомых на произвол судьбы, впуталось в государственные дела». В результате «живая связь» Церкви и государства давно убита, и их возможное формальное разделение будет лишь констатацией свершившегося⁶¹.

Касаясь положения католицизма во Франции начала XX в., Булгаков крайне негативно оценивал антиклерикальные мероприятия (закрытие богословского факультета в Сорбонне, частичная секуляризация образования, запрет духовным орденам заниматься преподавательской деятельностью), характеризуя их как «обращение в язычество»⁶², но при этом возлагая ответственность за сложившуюся ситуацию на саму Католическую церковь, руководимую из Рима, по-прежнему стремящегося к установлению духовной власти над всем миром и компрометирующего «истинное христианство»⁶³. Сомневаясь в том, что «казуистическую нравственность римо-католиков можно назвать вполне христианской»⁶⁴, Булгаков всё же предпочитал католицизм наступающим на него «свободомыслящим», возглавляемых франкмасонами, нашедшими себе союзников также «в исконном враге христианства, космополитическом еврействе»⁶⁵. Здесь киевский богослов, к сожалению, отдал дань весьма характерному для людей его времени и круга антисемитизму.

Третьей сферой научных интересов Булгакова был старокатолицизм, и его интерес понятен. Начавшиеся в 1870-е гг. контакты российских богословов со старокатоликами достаточно активно развивались вплоть до начала XX века⁶⁶. Обозначились две позиции: гибкая, в рамках которой перспектива объединения Церквей рассматривалась как реальная (И.Т. Осинин, А.А. Киреев), и скептическая (А.П. Мальцев, Е.К. Смирнов). Основной труд Булгакова посвящен старокатолическому богослужению и имеет сугубо теологический характер. Главный вывод сводился к тому, что на данный момент старокатолическое богослужение не соответствует древневселенскому образцу, но вопрос о степени этого несоответствия требует дополнительного изучения⁶⁷. В 1906 г. за труды о старокатолическом богослужении и англиканской иерархии Булгакову была присуждена степень доктора богословия. В других своих публикациях о старокатолицизме (одна из них была высоко оценена А.А. Киреевым) Булгаков проводил мысль о том, что воссоединение со старокатолицизмом «принадлежит к одним из заветнейших желаний наших», но поскольку взгляды его приверженцев на авторитет Право-

⁶⁰ Булгаков 1905d: 12.

⁶¹ Там же: 28.

⁶² Булгаков 1905e: 46.

⁶³ Там же: 48.

⁶⁴ Булгаков 1905f: 196.

⁶⁵ Там же: 197.

⁶⁶ Подробнее см.: Чуркина 1997.

⁶⁷ Булгаков 1901: 260.

славной церкви «неустойчивы», к идее возможного союза следует относиться «с осторожностью»⁶⁸. Данное утверждение даёт основания для отнесения Булгакова к числу сторонников гибкой позиции.

Наконец, четвертая группа исследований Булгакова о религиозной жизни Запада может быть обозначена как «разное». Здесь можно отметить достаточно объёмные статьи «Баптизм» и «Мормонство», имеющие историко-критический характер. Если в первой внимание автора сконцентрировано на полемике с баптистским учением о необходимости сознательного крещения⁶⁹, то вторая в большей степени представляет собой исторический очерк. Инвективы в адрес мормонов и их учения оказываются весьма резкими: они относятся Булгаковым «к числу самых уродливых явлений»⁷⁰, содержание книги Мормона «вполне напоминает детскую сказку»⁷¹.

В ещё одной статье, затрагивающей американскую проблематику, интерес представляет не столько описание высоко оцениваемой автором системы религиозного образования в США, сколько итоговый вывод о том, что отделение Церкви от государства не несёт никакой угрозы, если «внутренняя сила вероисповедания» достаточно крепка, и оно может «в самом себе черпать средства для своего существования»⁷². «Истинному христианству» (под ним, естественно, подразумевается православие) «отсутствие государственной поддержки тем более не грозит никакой опасностью»⁷³.

В статье о масонах Булгаков приводится обвинения в их адрес⁷⁴, которые он позже повторит в исследовании о состоянии современного французского католицизма, включая антисемитские пассажи. При этом сам текст выглядит достаточно умеренным. При общей отрицательной оценке франкмасонства как явления, враждебного христианству, Булгаков не склонен видеть в нём центр мирового зла, считая необходимым, вследствие недостаточности имеющихся данных, продолжение изучения вопроса⁷⁵.

Нельзя не отметить и такой момент: Булгаков нигде прямо не говорил о необходимости отделения Церкви от государства в России, но его недвусмысленные замечания о желательности осуществления его в Англии и Франции, позитивная оценка опыта отсутствия государственной религии в США не оставляют сомнений в том, что он не считал подобное развитие событий в родной стране катастрофой. Такие взгляды не были типичны для православной среды того времени, хотя нельзя

⁶⁸ Булгаков 1893а: 289.

⁶⁹ Булгаков 1890b.

⁷⁰ Булгаков 1896: 290.

⁷¹ Там же: 291.

⁷² Булгаков 1896: 290.

⁷³ Булгаков 1900: 724.

⁷⁴ Булгаков 1903: 438, 447

⁷⁵ Там же: 432, 448.

назвать их и уникальными⁷⁶. При этом Булгаков не вёл речь о конкретных шагах, например, восстановлении патриаршества или реформировании синодальной системы управления, но его опасения по поводу возможности повторения в России английского и в особенности – французского сценария, при котором между народом и Церковью, обслуживающей интересы верхов общества, обнаруживается разрыв, просматриваются довольно очевидно. Однако и альтернатива в лице светских государства и образования, когда «современная школа хочет учить нравственности без веры и догмата»⁷⁷, его совершенно не устраивала.

***

Из всей совокупности трудов Булгакова ясно, что им выстраивалась четкая иерархия христианских конфессий. Место в ней определялось даже не степенью удаленности от православия, а скорее возможности приближения к нему. Поэтому наиболее позитивных оценок удостоивались старокатолицизм и англиканство. Напротив, римский католицизм оценивался Булгаковым неизменно отрицательно. По его мнению, современное папство в полной мере является наследником средневекового с его теократическими устремлениями⁷⁸. Кальвинистская «библейская» теократия осуждалась им в не меньшей мере, чем католическая⁷⁹. Чуть более положительно ученый характеризовал лютеранство, лишаящее «Церковь права возвышать свой голос»⁸⁰ и впадающее тем самым в другую крайность. Наконец, самые нелицеприятные оценки получали мормоны и баптисты, неизменно именовавшиеся «сектами».

Можно согласиться с И.В. Лобановой в том, что именно «конфессиональные рамки» оказались главным (хотя и не единственным) препятствием для развития церковно-исторической науки в России второй половины XIX в.⁸¹, но нельзя не обратить внимание на желание некоторых исследователей сделать их довольно широкими. К их числу, несомненно, следует отнести и Булгакова. Его коллега и друг, священник А.А. Глаголев в речи у гроба Булгакова подчеркивал: «ученый никогда не оттеснял и не заслонял в нём человека-христианина, верного сына Церкви»⁸². Но верно и другое: будучи христианином, он вместе с тем оставался и ученым, активно занимавшимся поиском истины.

Несомненно, к трудам Булгакова и его выводам можно предъявить множество претензий. Источниковая база часто оказывалась кудной, и информацию, например, о современном ему англиканстве Булгаков черпал в основном в немецких журналах и энциклопедиях. Отсюда проистекала и публицистичность многих его сочинений, имевших характер

⁷⁶ Подробнее см.: Фирсов 115–118, 128–132.

⁷⁷ Булгаков 1905: 210.

⁷⁸ Булгаков 1891: 89–90.

⁷⁹ Там же: 95–96.

⁸⁰ Там же: 101.

⁸¹ Лобанова 2021: 152.

⁸² Глаголев 1907: 147.

очерков и далеко не всегда снабженных научным аппаратом. Немалое число прогнозов Булгакова опровергла жизнь. Не произошло ни исчезновения мормонства⁸³, ни победы трактарианско-ритуалистской партии в Церкви Англии⁸⁴. Булгаков, столь много внимания уделявший общественному измерению методизма, совершенно не заметил, в отличие, например, от профессора Московской духовной академии В.А. Соколова, ни появления энциклики папы Льва XIII (1878–1903) *Rerum Novarum* (1891), положившей начало формированию социальной доктрины католицизма⁸⁵, ни некоторых других его шагов в либеральном направлении. Для киевского богослова Лев XIII – только продолжатель дела средневековых пап – сторонников теократии⁸⁶.

Вместе с тем у Булгакова можно обнаружить предощущение той катастрофы, которая постигнет Православную церковь после 1917 года. В статье о католическом духовенстве во Франции перед революцией он проводит прямую параллель с современной российской ситуацией: «конец XVIII века даёт нам целый ряд картин... напоминающих до мельчайших подробностей жизнь наших деревенских священников по их положению между простым народом и деревенской “знатью”». Слово “cure” (приходской священник) сделалось таким же унижительным и обидным... как и теперь у нас слово “поп”»⁸⁷. Проблема, по Булгакову, заключалась в том, что между высшим и низшим духовенством во Франции существовала колоссальная дистанция. Высшее духовенство, тесно связанное с аристократией, просто осудило принципы свободы, равенства, братства и, оказавшись неспособным понять «их истинно христианского смысла», проповедуя безусловное подчинение власти, «скомпрометировало себя». Низшее духовенство, находившееся «под гнетом и духовной, и светской власти», не могло ни выступить в поддержку «старого порядка вещей; потому что это значило бы защищать полное попрание законов божеских и человеческих», ни предотвратить «братоубийственную народную резню», оставаясь или в роли молчаливого зрителя кровавых событий, или становясь в ряды «недовольных»⁸⁸.

Конечно, можно бросить упрек Булгакову в абсолютизации масштабов идеологического разрыва между верхами и низами предреволюционного французского духовенства, но в данном случае важнее другое: исследователь ясно осознавал губительность для любой Церкви концентрации внимания на исполнении охранительных функций, неизбежно чреватой ослаблением её влияния. Но и ответа на вопрос, как осуществить «проведение в жизнь выработанных на Западе общественных и государственных правовых воззрений», примирив их «с основным христи-

⁸³ Булгаков 1896: 294.

⁸⁴ Булгаков 1897: 89.

⁸⁵ Соколов 1904.

⁸⁶ Булгаков 1893 а: 281.

⁸⁷ Булгаков 1905а: 14 – 15.

⁸⁸ Там же: 15.

анским началом, определяющим отношения людей между собой», Булгаков не предложил, отметив лишь невозможность для Церкви выступить вместе с интеллигенцией «на социально-политическую борьбу»⁸⁹.

По мнению Г.В. Путовой труды Булгакова «не потеряли своей актуальности и глубины и более чем через 100 лет после их написания»⁹⁰. Конечно, этот вывод применим далеко не ко всем работам Булгакова, а лишь к наиболее основательным из них. «Очерки истории методизма» до сего дня остаются самым подробным изложением событий начальных этапов развития этого вероисповедания на русском языке. Труды киевского богослова по истории англиканства XIX в. способствовали формированию отечественной традиции изучения викторианской религиозности, возобновленной, после длительного перерыва, на рубеже XX – XXI вв. Кроме того, сочинения Булгакова были источником информирования образованной российской публики о религиозной жизни Запада. Помимо специальных статей он регулярно публиковал на страницах ТКДА заметки о тех или иных событиях церковной жизни самых различных европейских государств.

В период до 1917 г. Булгаков оказался единственным преподавателем КДА, получившим и магистерскую, и докторскую степень за труды в области истории западных исповеданий⁹¹. О степени авторитетности трудов Булгакова даёт представление такой факт: биографическая статья о нём была помещена во второй том «Православной богословской энциклопедии»⁹². В сложившихся во второй половине XIX – начале XX века условиях Булгаков сделал максимум возможного для продвижения процесса изучения западного христианства в России, и его имя занимает заметное место в истории отечественного религиоведения.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Булгаков А.И. Очерки истории методизма. Период 1-2. Киев: тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1887. Т. 1. 437 с.; Т. 2. 265 с. [Bulgakov A.I. Ocherki istorii metodizma. Kiev: tip. G.T. Korchak-Novitskogo, 1887. T. 1. 437 s.; T. 2. 265 s.].
- Булгаков А.И. Общее собрание англиканских епископов в 1888 году в июле месяце // ТКДА. 1889. № 1. С. 132–145; № 2. С. 333–357. [Bulgakov A.I. Obshee sobranie anglikanskikh episkopov v 1888 godu v iyule mesyatse. TKDA. 1889. № 1. S. 132–145; № 2. S. 333–357.].
- Булгаков А.И. Страничка из истории ритуализма в Англии // ТКДА. 1890 (а). № 6. С. 331–334. [Bulgakov A.I. Stranichka iz istorii ritualizma v Anglii [A page from the history of ritualism in England]. TKDA. 1890. № 6. pp. 331–334.].
- Булгаков А.И. Баптизм // ТКДА. 1890 (b). № 10. С. 192–205; № 11. С. 329–343. [Bulgakov A.I. Baptizm // TKDA. 1890. № 10. S. 192–205; № 11. S. 329–343.].
- Булгаков А.И. Идеал общественной жизни по определению католического, реформатского и лютеранского вероисповеданий // ТКДА. 1891. № 9. С. 86–102. [Bulgakov A.I. Ideal obshchestvennoy zhizni po opredeleniyu katolicheskogo, reformatskogo i lyuteranskogo veroispovedaniy // TKDA. 1891. № 9. S. 86–102.].

⁸⁹ Извлечение...: 245.

⁹⁰ Путова 2013: 245.

⁹¹ Бурега, Головащенко, Ткачук 2013: 123.

⁹² Православная богословская энциклопедия. Т. 2: 1183–1184.

- Булгаков А.И. Георг Иосия Пальмер // ТКДА. 1892. № 7. С. 507–510. [Bulgakov A.I. Georg Iosiya Pal'mer. TKDA. 1892. № 7. S. 507–510.]
- Булгаков А.И. Старокатоличество // ТКДА. 1893 (а). № 2. С. 280–289. [Bulgakov A.I. Starokatolichestvo. TKDA. 1893. № 2. S. 280–289.]
- Булгаков А.И. Четырехсотлетие Новой истории. ТКДА. 1893 (b). № 9. С. 90–117. [Bulgakov A.I. Chetyrekhstotletie Novoy istorii. TKDA. 1893. № 9. S. 90–117.]
- Булгаков А.И. Стремление англикан к восстановлению древневселенской церковности в Англии в последние шестьдесят лет // ТКДА. 1893 (с). № 11. С. 366–404. [Bulgakov A.I. Stremlenie anglikan k vosstanovleniyu drevnevselenskoj tserkovnosti v Anglii v poslednie shest'desyat let. TKDA. 1893. № 11. S. 366–404.]
- Булгаков А.И. Мормонство // ТКДА. 1896. № 2. С. 290–294. [Bulgakov A.I. Mormonstvo // TKDA. 1896. № 2. S. 290–294.]
- Булгаков А.И. Новые религиозные преобразования в Англии в настоящем веке. Киев, 1897. 90 с. [Bulgakov A.I. Novye religioznye preobrazovaniya v Anglii v nastoyashchem veke. Kiev, 1897. 90 p.]
- Булгаков А.И. К вопросу об англиканской иерархии. Киев: типография императорского университета, 1898. 41 с. [Bulgakov A.I. K voprosu ob anglikanskoj ierarkhii. Kiev: tipografiya imperatorskogo universiteta, 1898. 41 p.]
- Булгаков А.И. Значение Церкви Христовой в жизни человечества. Киев: тип. И.И. Горбунова, 1899. 12 с. [Bulgakov A.I. Znachenie Cerkvi Hristovoj v zhizni chelovechestva. Kiev: tip. I.I. Gorbunova, 1899. 12 s.]
- Булгаков А.И. О религиозном образовании в Северо-Американских Соединенных Штатах // ТКДА. 1900. № 4. С. 711–724. [Bulgakov A.I. O religioznom obrazovanii v Severo-Amerikanskih Soedinennyh Shtatah // TKDA. 1900. № 4. S. 711–724.]
- Булгаков А.И. Старокатолическое и христианокатолическое богослужение и его отношение к римско-католическому богослужению и вероучению. Киев: Тип. И.И. Горбунова, 1901. 260 с. [Bulgakov A.I. Starokatolichestskoe i hristianokatolichestskoe bogoslužhenie i ego otnoshenie k rimsko-katoliceskomu bogoslužheniyu i veroucheniyu. Kiev: tipografiya I.I. Gorbunova, 1901. 260 s.]
- Булгаков А.И. Современное франкмасонство в его отношении к Церкви и государству // ТКДА. 1903. № 12. С. 423–448. [Bulgakov A.I. Sovremennoe frankmasonstvo v ego otnoshenii k Cerkvi i gosudarstvu // TKDA. 1903. № 12. S. 423–448.]
- Булгаков А.И. О просвещении народов. Киев: тип. И.И. Горбунова, 1904. 22 с. [Bulgakov A.I. O prosveshchenii narodov. Kiev: tip. I.I. Gorbunova, 1904. 22 s.]
- Булгаков А.И. Иерархия англиканская // Православная богословская энциклопедия. Под ред. Глубоковского Н.Н. Т. 6. СПб.: типография Мильштейна, 1905 (а). С. 264–269. [Bulgakov A.I. Ierarhiya anglikanskaya // Pravoslavnaya bogoslovskaya enciklopediya. Pod red. Glubokovskogo N.N. T. 6. SPb.: tipografiya Mil'shtejna, 1905. S. 264–269.]
- Булгаков А.И. Иаков I // Православная богословская энциклопедия. Под ред. Глубоковского Н.Н. Т. 6. СПб.: типография Мильштейна, 1905 (b). С. 168. [Bulgakov A.I. Iakov I // Pravoslavnaya bogoslovskaya enciklopediya. Pod red. N.N. Glubokovskogo T. 6. SPb.: tipografiya Mil'shtejna, 1905. S. 168.]
- Булгаков А.И. Иаков II // Православная богословская энциклопедия. Под ред. Глубоковского Н.Н. Т. 6. СПб.: типография Мильштейна, 1905 (с). С. 168. [Bulgakov A.I. Iakov II // Pravoslavnaya bogoslovskaya enciklopediya. Pod red. N.N. Glubokovskogo T. 6. SPb.: tipografiya Mil'shtejna, 1905. S. 169.]
- Булгаков А.И. Французское духовенство во Франции в конце XVIII в. (в период революции) // ТКДА. 1905 (d). № 5. С. 10–28. [Bulgakov A.I. Francuzskoe duhovenstvo vo Francii v konce XVIII v. (v period revolyucii) // TKDA. 1905. № 5. S. 10–28.]
- Булгаков А.И. Римский католицизм во Франции в последнее время // Христианское чтение. 1905 (e). № 1. С. 39–49. [Bulgakov A.I. Rimskij katolicizm vo Francii v poslednee vremya // Hristianskoe chtenie. 1905. № 1. S. 39–49.]
- Булгаков А.И. Римский католицизм во Франции в последнее время // Христианское чтение. 1905 (f). № 2. С. 194–214. [Bulgakov A.I. Rimskij katolicizm vo Francii v poslednee vremya // Hristianskoe chtenie. 1905. № 2. S. 194–214.]
- Булгаков А.И. О законности и действительности англиканской иерархии с точки зрения Православной Церкви. Выпуск 1. Киев: Типография И. И. Горбунова, 1906. IX +185 с.

- [Bulgakov A.I. O zakonnosti i deistvitel'nosti anglikanskoj ierarkhii s točki zreniya Pravoslavnoi Tserkvi. Vypusk 1. Issue 1. Kiev: tipografiya I. I. Gorbunova, 1906. IX +185 p.].
- Булгаков А.И. Католическая церковь // Православная богословская энциклопедия. Под ред. Н.Н. Глубоковского. Т. 8. СПб.: типография Мильштейна, 1908. С. 231–250. [Bulgakov A.I. Katolicheskaya cerkov' // Pravoslavnaya bogoslovskaya enciklopediya. Pod red. N.N. Gubokovskogo. T. 8. SPb.: tipografiya Mil'shtejna, 1908. S. 231–250.].
- Бурга В.В., Головащенко С. И., Ткачук М. Л. Киевская духовная академия // Православная энциклопедия. М.: «Православная энциклопедия», 2013. Т. 33. С. 96–151. [Burega V.V., Golovashchenko S. I., Tkachuk M. L. Kievskaya duhovnaya akademiya // Pravoslavnaya enciklopediya. M.: «Pravoslavnaya enciklopediya», 2013. T. 33. S. 96–151.].
- Глаголев А. Слово на заупокойной литургии при погребении профессора Афанасия Ивановича Булгакова // ТКДА. 1907. № 5. С. 146–148. [Glagolev A. Slovo na zaupokoijnoj liturgii pri pogrebenii professora Afanasiya Ivanovicha Bulgakova // TKDA. 1907. № 5. S. 146–148.].
- Ермишин О.Т. Булгаков Афанасий Иванович // Православная энциклопедия. М.: «Православная энциклопедия», 2003. Т. 6. С. 337–338. [Ermishin O.T. Bulgakov Afanasiy Ivanovich. Pravoslavnaya entsiklopediya. M.: «Pravoslavnaya entsiklopediya», 2003. T. 6. S. 337–338.].
- Извлечение из журналов КДА за 1903–1904 учебный год. Киев: тип. И.И. Горбунова, 1904. 443 с. [Izvlechenie iz zhurnalov KDA za 1903–1904 uchebnyj god. Kiev: tip. I.I. Gorbunova, 1904. 443 s.].
- Иоанн (Митропольский). Из истории религиозных сект в Америке. Вып.2. Методисты. М.: типография П.А. Лебедева, 1877. 148 с. [Ioann (Mitropol'skij). Iz istorii religioznyh sekt v Amerike. Vyp.2. Metodisty. M.: tipografiya P.A. Lebedeva, 1877. 148 s.].
- Киреев А.А. Письмо в редакцию // ТКДА. 1893. №5. С. 146–150. [Kireev A.A. Pis'mo v redaktsiyu // TKDA. 1893. № 5. S. 146–150.].
- Кузоро К.А. «Самые средоточные вопросы знания и веры»: церковная историческая наука XIX – первой четверти XX в. Томск: Изд-во Томского университета, 2018. 141 с. [Kuzoro K.A. «Samye sredotochnye voprosy znaniya i very»: cerkovnaya istoricheskaya nauka XIX – pervoj četverti XX v. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 2018. 141 s.].
- Лабынцев Ю.А, Щавинская Л. Л. Литературные труды Афанасия Булгакова. М.: Департамент культуры г. Москвы, 2011. 64 с. [Labyntsev Yu.A, Shchavinskaya L. L. Literaturnye trudy Afanasiya Bulgakova. M.: Departament kul'tury g. Moskvy, 2011. 64 s.].
- Лабынцев Ю.А, Щавинская Л.Л. Профессор Киевской духовной академии А.И. Булгаков (1859–1907) // Традиции и современность. 2020. № 25. С. 98–113. [Labyntsev Yu.L., Shchavinskaya L.L. Professor Kievskoi dukhovnoi akademii A.I. Bulgakov (1859–1907). Traditsii i sovremennost'. 2020. № 25. S. 98–113.].
- Лебедев А.П. Краткий очерк развития церковно-исторической науки у нас в России // Богословский вестник. 1895. Т. 4. № 12. С. 289–321. [Lebedev A.P. Kratkij ocherk razvitiya cerkovno-istoricheskoi nauki u nas v Rossii // Bogoslovskij vestnik. 1895. T. 4. № 12. S. 289–321].
- Лиман С. И. История Англии эпохи Тюдоров в оценках исследователей Украины (XIX–начало XX вв.) // Древности. 2011. Т. 10. С. 329–338. [Liman S. I. Istoriya Anglii epohi Tyudorov v ocenках issledovatelej Ukrainy (XIX-nachalo XX vv.) // Drevnosti. 2011. T. 10. S. 329–338.].
- Лобанова И.В. Церковно-историческая наука России в синодальную эпоху // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 1(6). С. 147–154. [Lobanova I.V. Tserkovno-istoricheskaya nauka Rossii v sinodal'nuju epokhu. Vestnik Istoricheskogo obshchestva Sankt-Peterburgskoi Dukhovnoi Akademi. № 1(6). S. 147–154].
- Мелиоранский Б.М. Россия. Церковная история // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб: Тип. акционерного общества «Издательское дело, бывший Брокгауз – Ефрон», 1899. Т. 28. С. 807–808. [Melioranskij B.M. Rossiya. Tserkovnaya istoriya. Entsiklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t. SPb: Tipografiya ak-tsiionetnogo obshchestva «Izdatel'skoe delo, byvshij Brokgauz – Efron», 1899. T. 28. S. 807–808].
- Модель Д.А. Концепция Э. Галеви в оценке прогрессивных английских историков // Проблемы британской истории. М.: Наука, 1972. С. 229–239. [Model' D.A. Konceptsiya E. Galevi v ocenke progressivnyh anglijskih istorikov // Problemy britanskoj istorii. M.: Nauka, 1972. S. 229–239.].

- От эрастианизма к трактарианизму: Церковь Англии в конце XVIII – первой половине XIX вв. Под ред. М.С. Стецкевича, Т.В. Чумаковой. СПб.: Институт Мира и исследования конфликтов, 2021. 704 с. [Ot erastianizmu k traktarianizmu: Cerkov' Anglii v konce XVIII – pervoj polovine XIX vv. Pod red. M.S. Stetkevicha, T.V. Chumakovej. SPb.: Institut Mira i issledovaniya konfliktov, 2021. 704 s.]
- Православная богословская энциклопедия. Под ред. Лопухина А.П. Т. 2. СПб.: типография Милыштейна, 1901. С. 1183–1184. [Pravoslavnaya bogoslovskaya enciklopediya. Pod red. A.P. Lopuhina T. 2. SPb.: tipografiya Mil'shtejna, 1901. S. 1183–1184.]
- Протоколы заседаний Совета Киевской академии 12 июня 1884 г. (Рецензии на кандидатские сочинения студентов) // ТКДА. 1884. №11. С. 273–336. №12. С. 337–384. [Protokoly zasedanij Soveta Kievskoj akademii 12 iyunya 1884 g. (Recenzii na kandidatskie sochineniya studentov) // TKDA. 1884. №11. S. 273–336. №12. S. 337–384.]
- Путова Г.В. Документи про життя та діяльність А.І. Булгакова і членів його родини у ЦДІАК України // Болховитіновський щорічник 2012. Київ: Національний Києво-Печерський історико-культурний заповідник, 2013. С. 245–258. [Putova G.V. Dokumenti pro zhittya ta diyatlnisť A.I. Bulgakova i chleniv jogo rodini u CDIAK Ukraini // Bolhovitinov'skij shchorichnik 2012. Kiiv: Nacional'nij Kievno-Pechers'kij istoriko-kul'turnij zapovidnik, 2013. S. 245–258.]
- Речи у гроба почившего профессора Киевской духовной академии Афанасия Ивановича Булгакова // ТКДА. 1907. №5. С. 150–164. [Rechi u groba pochivshogo professora Kievskoj dukhovnoi akademii Afanasija Ivanovicha Bulgakova. TKDA. 1907. № 5. S. 150–164.]
- Рыбинский В.П. Профессор Афанасий Иванович Булгаков (некролог) // ТКДА. 1907. № 5. С. 132–144. [Rybinskij V.P. Professor Afanasij Ivanovich Bulgakov (nekrolog) // TKDA. 1907. № 5. S. 132–144.]
- Соколов В.А. Современное папство и социальный вопрос // Богословский вестник. 1904. Т. 2. № 6. С. 209–228. [Sokolov V.A. Sovremennoe papstvo i social'nyj vopros // Bogoslovskij vestnik. 1904. T. 2. № 6. S. 209–228.]
- Соколов И.П. О действительности англиканской иерархии. СПб.: Типография М. Меркутина, 1913. 48 с. [Sokolov I.P. O dejstvitel'nosti anglikanskoj ierarhii. SPb.: tipografiya M. Merkutina, 1913. 48 s.]
- Стецкевич М.С. «Конституционная революция» в Англии в 1828 – 1832 гг. // Политика и культура стран Европы и Америки. Ч. 1. Йошкар-Ола, 1994. С. 85–95. [Stetkevich M.S. «Konstitucionnaya revolyuciya» v Anglii v 1828 – 1832 gg. // Politika i kul'tura stran Evropy i Ameriki. Ch. 1. Joshkar-Ola, 1994. S. 85–95.]
- Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М.: Культурный центр «Духовная библиотека», 2002. 623 с. [Firsov S.L. Russkaya Cerkov' nakanune pere-men (konec 1890-h – 1918 gg.). M.: Kul'turnyj centr «Duhovnaya biblioteka», 2002. 623 s.]
- Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова. М.: Книга, 1988. 672 с. [Chudakova M.O. Zhizneopisanie Mikhaila Bulgakova. M.: Kniga, 1988. 672 s.]
- Чуркина И. В. К вопросу о попытке объединения старокатолической церкви с православной (70–90-е годы XIX в.) // Балканские исследования. Вып. 17. М., 1997. С. 247–258. [Churkina I. V. K voprosu o popytke ob'edineniya starokatolicheskoi cervki s pravoslavnoj (70–90-e gody XIX v.) // Balkanskije issledovaniya. Vyp. 17. M., 1997. S. 247–258.]
- Шахнович М.М. Изучение истории западного христианства в России в XIX – начале XX века // История религиоведения и интеллектуальная история России XIX – первой половины XX века: Архивные материалы и исследования. Под ред. Шахнович М.М., Терюковой Е.А. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2018. С. 71–77. [Shahnovich M.M. Izuchenie istorii zapadnogo hristianstva v Rossii v XIX – nachale XX veka / M. M. Shahnovich // Istoriya religiovedeniya i intellektual'naya istoriya Rossii XIX – pervoj poloviny XX veka: Arhivnye materialy i issledovaniya. Pod red. Shahnovich M.M., Teryukovej E.A. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2018. S. 71–77.]
- «Я читаю о человеке все...»: Письма А.И. Булгакова к В.М. Поздневу / Публикация и комментарии Е.А. Яблокова // Октябрь. 2002. № 11. С. 132–148. [«Ya chitayu o cheloveke vse...»: Pis'ma A. I. Bulgakova k V. M. Pozdneevu / Publikaciya i kommentarii E. A. Yablokova // Oktyabr'. 2002. № 11. S. 132–148.]
- Church R.W. The Oxford Movement: Twelve years 1833–1845. L.: Macmillan, 1891. 414 p.

- Crumb L. *The Oxford Movement and Its Leaders: A Bibliography of Secondary and Lesser Primary Sources*. 2nd ed. Lanham; The Scarecrow Press, 2009. 907 p.
- Herring G. *What was the Oxford Movement?* London: Continuum, 2002. 160 p.
- Herring G. *The Oxford Movement in Practice: The Tractarian Parochial Worlds from the 1830s to the 1870s*. Oxford: University Press, 2016. 368 p.
- Itzkin E. *The Halévy Thesis – A Working Hypothesis? English Revivalism: Antidote for Revolution and Radicalism 1789–1815 // Church History*. 1975. Vol. 4. P. 47–56.

Стецкевич Михаил Станиславович, кандидат исторических наук, доцент, кафедра философии религии и религиоведения, Санкт-Петербургский государственный университет, *m.steckevich@spbu.ru*

Чумакова Татьяна Витаутасовна, доктор философских наук, профессор, кафедра философии религии и религиоведения, Санкт-Петербургский государственный университет, *t.chumakova@spbu.ru*

Стецкевич Елена Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра общественных наук, Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС, *stetskevich-es@ranepa.ru*

"Our Great Rarity": A.I. Bulgakov and His Writings on Western Christianity

The article analyzes the most important works of Professor of the Kiev Theological Academy A.I. Bulgakov (1859–1907), devoted to the history and current state of Western Christianity. His author's credo was objectivity, which, although considered by him as an unattainable ideal, nevertheless favourably distinguished his works from theological and accusatory writings. Despite considerable limitations in the choice of literature and especially sources, Bulgakov managed to create texts, a number of which have not lost their scientific significance to this day. He laid the domestic traditions of the study of English Christianity of the XVIII–XIX cc., renewed, after a long break, by modern Russian researchers.

Keywords: *Western Christianity, Catholicism, Protestantism, Methodism, Anglicanism, Oxford Movement, A.I. Bulgakov.*

Mikhail Stetkevich, PhD in History, Associate Professor of the Chair of Religious Studies, St. Petersburg State University

Tatiana Chumakova, Doctor of Science (Philosophy), Professor of the Chair of Religious Studies, St. Petersburg State University

Elena Stetkevich, PhD in History, Associate Professor, Associate professor of the Chair of social sciences, North-West Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, *stetskevich-es@ranepa.ru*

МАСОНСТВО НА УКРАИНЕ С МОМЕНТА ЗАРОЖДЕНИЯ ДО 1919 ГОДА: ХАРАКТЕР И ОСОБЕННОСТИ

В статье рассматриваются основные этапы развития масонства на Украине в период ее вхождения в состав Российской империи и вплоть до 1919 г. Показано, что масонство на малороссийских землях появляется примерно в то же время, что и на территории остальной России. У его истоков стояли выходцы из-за рубежа. Причем, что примечательно, речь шла даже об одной фигуре, генерал-аншефе Дж. Кейте, который был как основателем масонства на Украине, так и провинциальным гроттмейстером для России. С учетом того, что часть территории современной Украины находилась в те годы в составе Речи Посполитой, процессы создания масонских лож шли параллельно с Россией. Масонство, соответственно, распространялось на Украине тремя путями: через Польшу, через Россию и непосредственно из западноевропейских стран, причем Галичина и Правобережная Украина относились к польской «сфере влияния», а Левобережье и Слобожанщина – к русской. В силу тесных связей украинских масонов с декабристами, масонские ложи на Украине были запрещены в 1819 г. и возникли вновь в начале XX в. Формирование украинской интеллигенции и ее участие в революционном и национальном движении открыли на рубеже XIX–XX вв. новый этап в украинском масонстве, лучше организованном и более политизированном с учетом связей с Великим Востоком Франции, являвшейся флагом либерального масонства.

Ключевые слова: масонство, масоны, вольные каменщики, франкмасоны, ложа, Украина, Малороссия, Россия, Великий Восток России, Великий Восток Франции.

История возникновения масонских организаций на Украине имеет противоречивый характер. Сложность изучения истории этой проблемы обуславливается тем, что территория Украины на протяжении многих веков была центром споров и конфликтов между несколькими странами. Кроме того, на Украине сохранилось меньше, чем в России, материалов относительно деятельности масонских лож, их происхождения, распространения, расцвета и упадка. Подобная ситуация обуславливает объективную скудость информации по теме исследования, ограниченность достоверных источников. Вот почему некоторые сюжеты, связанные с развитием масонства на Украине, приходится моделировать по обрывочным и порой разноречивым свидетельствам современников, косвенным источникам, которые подчас противоречат друг другу. Не всегда можно быть уверенным в доказательности некоторых сюжетов. Однако масонская тематика в целом, как в ее историческом, так и в современном контекстах, отличается подобными нюансами, с которыми исследователю приходится сталкиваться, конструируя оригинальный исторический нарратив статьи.

Отношение к масонству характеризуется прямо противоположными оценками. Кто-то восхищается «королевским искусством», а кто-то приписывает масонам участие в политических интригах, заговорах, владении тайными знаниями и даже управлении миром. Столь разные

взгляды на масонство определяются тем, что оно всегда было окутано атмосферой тайны. Хотя относить его к тайным обществам было бы ошибочно. В большинстве стран мира вполне можно отыскать масонский храм, не говоря уже о том, что сегодня масонские организации размещают информацию о себе в Интернете и социальных сетях. Масонство – это не тайное, а закрытое от непосвященных общество¹.

Существуют разные определения масонства. А. Богданов, Великий Мастер Великой Ложи России, называет масонство «закрытым философским мужским клубом, морально-философским, где для того, чтобы вас допустили, вы должны соответствовать определённым критериям в моральном плане, философском, просто в жизненном, в финансовом»². А. Гизе, Великий Мастер Великой Ложи Австрии (1975–1986), писал, что масонство – это «не религия, не секта, не партия, не собрание завсегдатаев и уж тем более не тайное общество заговорщиков... Это союз свободных мужчин с хорошей репутацией»³. Крупный ученый-масоновед М. Морамарко определял масонство как «историческое, культурное и духовное явление невероятной сложности... Это изумительная по красоте система нравственности, завуалированная аллегорией и иллюстрируемая символами»⁴. О. Соловьев, профессиональный дипломат и историк масонства, писал, что масонство – «философско-этическое и социально-психологическое объединение, базирующееся на совокупности символических принципов, будучи средоточием особого рода ассоциаций без единого центра. Его братства ставят целью постепенное создание на планете совершенного общества посредством морального воспитания адептов в духе свободы, равенства, братства, солидарности»⁵.

Считается, что современное масонство родилось в XVIII в., когда 24 июня 1717 г. четыре лондонские ложи – ложа таверны «Виноградной кисти» в Вестминстере, ложа таверны «Яблоня» на Чарльз-стрит, ложа «Гусь и противень» при церкви Святого Павла и ложа пивной «Корона» на Друри-стрит объединились и образовали Великую ложу Лондона. С 1738 г. она «стала именоваться Великой Ложей Англии. Именно от нее пошло распространение на европейский континент и по всему миру английской системы масонства»⁶.

В документах не сохранилось свидетельств, которые подтверждали бы деятельность масонских структур в России в начале XVIII века, но в мировом масонстве принято ссылаться на передаваемые из поколения в поколение устные свидетельства, согласно которым Петр I был посвящен в масонство во время своего пребывания за рубежом в ходе

¹ Курьлев, Джангириян, Станис 2017: 286–299.

² Интервью с Андреем Богдановым...

³ Гизе 2006: 5.

⁴ Морамарко 1990: 22–23.

⁵ Соловьев 2001: 268.

⁶ Карпачев 2008: 33–35.

Великого Посольства⁷. Мaсонами считались его соратники – П. Гордон и Ф. Лефорт, хотя убедительные доказательства также отсутствуют.

Первое документально подтвержденное упоминание о существовании мaсонской ложи на территории Российской империи относится к 1731 г. и связано с назначением Великой ложи Англии капитана Джона Филиппса провинциальным гроссмейстером для России. Через десять лет новым гроссмейстером в России становится другой уроженец Шотландии, генерал-аншеф Джеймс Кейт. Он же в современной украинской историографии считается основателем мaсонства на Украине.

Подтвержденных сведений о зарождении украинского мaсонства во времена Богдана Хмельницкого, когда якобы соратник знаменитого гетмана Юрий Немирич, протестант, учившийся в Оксфорде, стоял у истоков украинского мaсонства, нет. Утверждения о причастности к мaсонству гетманов И. Выговского, П. Орлика, И. Мазепы, Д. Апостола недоказуемы⁸. Дж. Кейт попадает в Малороссию в 1734 г., командует там войском, объединенным из русских полков и украинских казаков, которое сражалось с польскими войсками на Вольни и в Подолии. В 1735 г. он командовал русско-украинским войском при осаде крепости Очаков в ходе русско-турецкой войны, в 1736–1738 гг. организовывал оборону малороссийских земель от нападений крымских татар и турок, а в 1739–1741 гг. стал наместником в Малороссии. Несмотря на свое шотландское происхождение, он активно отстаивал автономные права Украины. Предположительно, тогда же он посвятил в мaсонство ряд представителей украинской казацкой аристократии и в 1739 г. организовал первую малороссийскую мaсонскую ложу. В 1740 г. Дж. Кейт побывал в Англии. Видимо, именно в это время Великая ложа Англии назначила его гроссмейстером для России (Великим Провинциальным Мастером).

На части территории нынешней Украины, пребывавшей в те годы в составе Польши, процессы создания мaсонских лож шли практически параллельно с Россией. Мaсонство в Польше появилось в 1738 г., а в 1740-х гг. польские шляхтичи начали создавать мaсонские ложи на землях Западной Украины. Сохранилась информация о создании поляками в 1742 г. в селе Вишневка (на Вольни) ложи «Трех братьев», а в 1758 г. – во Львове ложи «Трех богинь»⁹. Западная Украина так и оставалась до XX в. частью польской мaсонской провинции.

Первая ложа в Малороссии, названная «Бессмертие», была основана в Киеве в 1784 г. русскими офицерами, но, несмотря на это, принадлежала она «Великому Востоку Польши»¹⁰. В 1785 г. в Кременчуге появились три ложи: «Марс», «Добрый пастырь» и военная ложа «Ми-

⁷ Богданов, Белявский 2015: 258.

⁸ Кустов: <https://proza.ru/2002/08/20-58>

⁹ Перечень мaсонских лож. 1997.

¹⁰ «Великий Восток Польши» – великая мaсонская ложа, созданная в Польше 26 февраля 1784 г. на основании патента, выданного «Великим Востоком Франции» в ходе собрания представителей всех мaсонских лож, работавших на польской территории.

нерва», которая была перенесена на берега Днепра из города Подолье-Немиров. Позже (1780–1790-е) появился еще ряд лож: в 1787 г. в Житомире – ложа «Развеея мрак»; в 1788 г. в Киеве – ложа «Три колонны»¹¹. Эти ложи также принадлежали к «Великому Востоку Польши»¹².

В конце XVIII в. создание масонских лож на Украине идет полным ходом, и тому был ряд причин. Во-первых, внешнеполитическая – шел активный приток иммигрантов-французов, частью масонов, которые бежали от последствий революции 1789 г., а также масонов-поляков, которые распространились по Украине после раздела Польши. Во-вторых, экономическая – дальнейшее развитие сельского хозяйства и промышленности, оживление торговли с зарубежными странами. Изменения в экономике, в свою очередь, привели к изменениям в социальной структуре населения. В конце XVIII в. произошло слияние малороссийской старшины с русским дворянством. После разделов Польши к ним присоединилась и польская шляхта. Политическая причина была обоснована стремлением заполнить вакуум относительно существования политических организаций. Духовная причина была связана с поисками сочетания различных вероисповеданий: католичества, православия, униатства, лютеранства, восприятия от церкви просветительских и благотворительных функций, поиски четкой системы мировоззрения¹³.

В целом же, вероятнее всего, во второй половине XVIII в. масонских лож на Украине было немного – порядка десяти. Все они действовали бессистемно и занимались, по большей части, мистически-теологическими проблемами. В этот период украинские масонские ложи были ориентированы прежде всего на Польшу. Поэтому, после того как в 1794 г. «Великий Восток Польши» прекратил свое существование, масонство на Украине «замерло».

Курс Александра I на проведение либеральных реформ в первый период его правления способствовал возрождению масонства в России. В начале XIX в. на Украину распространилось влияние российских масонов. В начале XIX в. принадлежность к масонам была правилом хорошего тона в среде украинской аристократии. Возникают «Волынская ложа» на Волыни, ложа «Иордан» в Феодосии, ложи в Буцкивке, Виннице, Екатеринославе, Каменец-Подольском, Кременчуге, Луцке, Немирове, Нежине, Николаеве, Одессе, Остроге, Полтаве, Харькове, Чернигове и других городах (только в провинциальном Каменец-Подольском насчитывалось около 100 братьев)¹⁴.

Если развитие масонского движения в Галиции и на Правобережье в XVIII – начале XIX в. подверглось преимущественно польским влияниям, то на Левобережье и Слобожанщине, как уже отмечалось, оно было в значительной степени ориентировано на Россию. В этих регио-

¹¹ Пыпин 1916: 516.

¹² Askenazy Symon 1907: 95.

¹³ Свинціцька 2013: 71–79

¹⁴ Мучник: https://berkovich-zametki.com/2015/Zametki/Nomer8_9/AMuchnik1.php#10

нах масонство появилось и активно заработало благодаря участию многих представителей местной элиты в русских ложах, прежде всего тех «вольных каменщиков», которые сотрудничали с известным просветителем и масоном Н.И. Новиковым. На Слобожанщине масонской организацией выступала «Палицынская академия». С масонством было связано «Малороссийское тайное товарищество», созданное В. Лукашевичем, ставившее целью создание независимой Украины. Оно поддерживало связи с тайными польскими организациями, декабристами, профессурой Киева, Харькова, Нежина. Большинство лож входило в петербургскую Великую ложу «Астрея»¹⁵. К таковым относились, например, «Пламенная заря» (Каменец-Подольский, 1817–1818 гг.), «Соединенные славяне» (Киев, 1818 г.), «Любовь к истине» (Полтава, 1818 г.), «Озирис до пламенной зари» (Каменец-Подольский, 1818 г.).

Масонские ложи на Украине второй половины XVIII – первой четверти XIX в. отличались между собой характером деятельности. Если харьковская ложа «Умирующий сфинкс», к которой принадлежали преимущественно университетские преподаватели и местные дворяне, была религиозно-этическим обществом, то полтавская ложа «Любовь к истине», в которую входили помещики, чиновники, военные, поддерживала связи с декабристами, а опекаемое ею «Малороссийское тайное общество» ставило целью независимость Украины от России, создание Славянской федерации¹⁶. Ряд лож установили тесные связи с российскими братьями и принимали участие в подготовке восстания декабристов. Но большинство масонских организаций оставались привержены этико-просветительской деятельности: брали под опеку госпитали, школы, приюты, занимались просвещением.

Западная Украина и Правобережье в первой трети XIX в. оставались под юрисдикцией польских масонских лож. Эти ложи представляли собой центры национально-освободительной борьбы поляков. Такие структуры как «Национальное масонство», «Патриотическое товарищество», «Рыцари храма» добивались воссоздания Великой Польши¹⁷.

Однако украинское масонство не копировало польские образцы, оно имело выразительные национальные черты, которые не стали для него определяющими из-за его привязанности к космополитическим устоям ордена (международное масонство тяготело к универсализму)¹⁸.

1 августа 1822 г. вышел рескрипт императора Александра I «О запрещении масонских лож и других тайных обществ в России»¹⁹. В силу

¹⁵ Великая ложа «Астрея» – одна из первых суверенных масонских организаций России. Она отличалась от других российских великих лож большей свободой, имела независимый от иностранных великих лож статус. Великая ложа «Астрея» была основана 30 августа 1815 г., а закрыта 1 августа 1822 г. На момент закрытия в нее входило 19 лож, объединявших 1404 масона.

¹⁶ Крижановська 1997: 179.

¹⁷ Савченко (b).

¹⁸ Свинціцька 2013: 71–79.

¹⁹ Карпачев 2008: 366.

тесных связей украинских масонов с декабристами масонские ложи на Украине были запрещены в 1819 г., то есть на несколько лет раньше, чем в России. Считается, что после этого история масонства на Украине заканчивается. Но в действительности масонство ушло в подполье и, практически, отказалось от системы лож. Отдельные мастера проводили единичные посвящения новичков, не распространяя при этом информацию о масонстве. Некоторые масоны впоследствии стали народовольцами, участвовали в деятельности украинских обществ и т.д. Однако они так и не сумели образовать организации и в конце концов переключились на политическую борьбу, о чем речь пойдет ниже.

Итак, масонство распространялось на Украине тремя путями: через Польшу, через Россию и непосредственно из западноевропейских стран. Галичина и Правобережная Украина относились к польской «сфере влияния», а Левобережье и Слобожанщина – к русской. С масонством на Украине в XVIII – начале XIX в. связаны имена Г. Сковороды, С. Гамаля, П. Гулака-Артемовского, С. Кочубея, И. Котляревского и др.

Стоит заметить, что на Украине принято считать, что у истоков первых украинских масонских лож стоял именно Г. Сковорода. Подтверждений этому, однако, нет. Как отмечает С. Ефремов: «Сам он (Сковорода) к масонству относился если не совсем негативно, то достаточно безразлично». Ему вторит М. Сумцов: «Не был Сковорода масоном, но в значительной степени он вырос и воспитывался в той атмосфере, которая питала российское масонство»²⁰.

Яркий след в истории русского и украинского масонства оставил С.И. Гамалея (1743–1822). Он родился в местечке Китай-город Полтавского полка (ныне – село Царичанского района Днепропетровской области) в семье священника. С 1755 по 1763 гг. учился в Киевской академии. С 1770 г. служил в Сенате, в 1774 г. назначен управителем канцелярии белорусского наместника, с 1782 г. пребывал на такой же должности в Москве. Именно здесь он полностью отдался просветительской, филантропической и литературной деятельности, писал духовные стихотворения. Гамалея пользовался большим уважением среди московских масонов и мартинистов из окружения Н.И. Новикова. Вместе они занимались сбором подписей на прошение в Берлинский розенкрейцерский капитул о принятии русских масонов в розенкрейцерство, а затем С.И. Гамалея способствовал учреждению этого Ордена в Москве. В среде самого масонства он был в числе старших масонских братьев и принимал участие в управлении московским масонством, входя в состав главного капитула. Гамалея был основателем и великим мастером масонской ложи в Туле, имел отношение к провинциальным ложам в Могилеве и Казани. 21 октября 1782 г. он основал в Москве ложу «Девкалион», в которую вошли 15 человек²¹.

²⁰ Мучник: https://berkovich-zametki.com/2015/Zametki/Nomer8_9/AMuchnik1.php#10

²¹ Гамалея Семен Иванович...

Массонская идеология и тактика в определенном смысле повлияли на деятельность других тайных организаций, прежде всего Кирилло-Мефодиевского общества (1845–1847), которое заимствовало от масонов как предметную символику (ношение перстня как опознавательного знака), так и их идеал свободы, равенства и братства²².

Некоторыми украинскими авторами высказывается предположение, что Кирилло-Мефодиевское братство находилось под масонским влиянием, и Тарас Шевченко был посвящен в масонское знание. Исследователь масонства на Украине В.А. Савченко, говоря о «великом кобзаре», считает, что «все его окружение, и те, кто выкупил из рабства, и те, кто печатал его книги, были видными масонами, о чем есть неоспоримые свидетельства современников. Можно с точностью до 90% утверждать, что Т. Шевченко принадлежал к ордену масонов. Этим, в частности, объясняется его освобождение из крепостной неволи»²³. Однако на данном этапе утвердительно говорить о масонстве Т. Шевченко все-таки не приходится. Имеющаяся источниковая база не позволяет глубоко и всесторонне проследить масонское влияние на идеологию и деятельность Кирилло-Мефодиевского общества и его видных представителей. Вообще причисление тех или иных общественных деятелей к масонству очень модно. Причем делается это, как в случае с Т. Шевченко, на основе косвенных признаков. Примерно такая же ситуация с И. Франко, которого порой относят к масонскому движению лишь на основании того, что он автор стихотворения «Каменярі» («Каменщики») ²⁴. Во второй половине XIX в. среди украинских масонов мы встречаем М. Драгоманова, основоположника украинского освободительного движения²⁵. Как бы то ни было, в масонстве, действовавшем на территории Российской империи, наступила эпоха длительного забвения, или, по масонской терминологии, «сна». И только в начале XX в. масонство возобновило свою деятельность на территории Российской империи.

Формирование украинской интеллигенции и ее участие в революционном и национальном движении открыли на рубеже XIX–XX вв. новый этап в развитии масонства, на этот раз лучше организованном и более политизированном. Еще в 1900 г. началось объединение украинских лож в единую организацию – Великую ложу Украины, которое завершилось в 1918 г. I русская революция активизировала процесс возвращения масонов в Россию. Манифест 17 октября 1905 г., провозгласивший право собраний и союзов, открыл перед русскими масонами перспективу восстановления ордена. Наблюдались определенные различия между «проснувшимся» русским и украинским масонством. Последствия «внутренней политики в России привели к тому, что в возрождавшееся масонство потянулись не консервативные и благонадежные

²² Крижановська 1997: 7.

²³ Савченко 2008: 219–221.

²⁴ Франко 1990: 66.

²⁵ Мучник: https://berkovich-zametki.com/2015/Zametki/Nomer8_9/AMuchnik1.php#10

элементы, связанные с властью, а либерально настроенные дворянские и разночинные интеллигенты, недовольные политикой правительства»²⁶.

Инициатором организационного становления масонства на территории Российской империи стал выдающийся ученый, общественный и политический деятель, профессор Московского, Оксфордского, Петербургского, Стокгольмского университетов, академик Российской Академии наук, просветитель, последовательный сторонник перестройки России на принципах автономии нерусских народов харьковчанин Максим Ковалевский (1851–1916). 11 января 1906 г. он обратился в Совет Ордена Великого Востока Франции с просьбой делегировать представителей для открытия ложи в Москве или Петербурге. 15 ноября 1906 г. под юрисдикцией Великого Востока Франции в Москве была образована ложа «Возрождение». Позднее в Петербурге же была создана временная ложа «Полярная звезда». В мае 1908 г. они были инсталлированы при участии высокопоставленных представителей Великого Востока Франции²⁷.

В 1900–1905 гг. в Украине открываются ложи: в Киеве – «Великая ложа», «Северное сияние», в Харькове – «Шевченко», в Полтаве – «Кирилло-Мефодий», в Чернигове – «Братство». В 1900 г. состоялся первый Украинский масонский конгресс, на котором были представлены, кроме перечисленных, масонские ложи Одессы, Житомира, Каменца-Подольского. Одесскими масонами были открыты ложи: «Истина», «Святой Иордан», «Звезда Востока». В Харьковскую ложу «Возрождение» входили: руководитель Временного правительства А. Керенский, М. Ковалевский, В. Немирович-Данченко, генерал-губернатор Лорис-Меликов и др.²⁸ Ложи открывались или возобновляли свою деятельность и в других городах. До 1919 г. масонские структуры существовали в Екатеринославе, Виннице, Ялте, Херсоне, Ровно, Бердичеве²⁹.

Центром масонского движения на Украине в начале XX в. оставался Киев, где в годы Первой Мировой войны действовало более десятка «мастерских». Перед 1917 г. там было около 20-ти лож и порядка тысячи масонов. Наиболее влиятельными были ложа «Киевская зора – Правда» и «Великая ложа». В первую входили: барон Ф. Штейнгель, член Государственной Думы А. Вязлов, лидеры украинского политического движения М. Грушевский, С. Ефремов, А. Никовский, В. Прокопович, И. Шраг. В «Великой ложе Украины» состоял С. Петлюра, а в ложе «Нарцисс» – будущий гетман П. Скоропадский. Мартинистская ложа «Нарцисс» патронировала ложи мистического масонства: «Иордан» (Феодосия), «Северное сияние» (Киев), «Кирилл и Мефодий» (Полтава).

Партийный состав лож был пестрым (в ложу не брали только монархистов и антисемитов), однако количественно в них преобладали кадеты. Неоднородным был и национальный состав (русские, поляки,

²⁶ Старцев 2004: 36–37.

²⁷ Курьлев, Джангилян, Станис 2017: 286–299.

²⁸ Исторические аспекты Вольного Каменничества в Украине...

²⁹ Брат: <https://aprrmm.info/archives/3986>

украинцы, евреи и др.). Ложы на Украине управлялись уставными нормами Великого Востока народов России, которые максимально упростили орденские ступени и масонский ритуал, требовали от «братьев» полной конспирации, особое внимание уделяли вербовке адептов и сохранению орденской тайны. Петербургский Верховный Совет контролировал деятельность «мастерских» Украины³⁰.

Из ярких фигур того времени, участвовавших в деятельности масонских лож на Украине, стоит остановиться на М. Грушевском. С конца 1909 г. он принадлежал к киевской ложе «Правда», но вольным каменщиком мог стать ранее, в 1903 г., во время заграничной поездки для чтения лекций по истории Украины в Париже, по приглашению Свободной русской школы социальных наук, вокруг которой группировались эмигранты-масоны. Именно тогда он работал над изданием «Истории Украины-Руси» на немецком и французском языках. Войдя в ложу «Правда», Грушевский сплотил вокруг себя единомышленников и направил деятельность этой структуры на борьбу за интересы Украины, какими он их себе представлял. Российская часть киевских масонов была этим недовольна. Центральное масонское руководство в России также не скрывало своего раздражения и озабоченности. Соглашения между украинскими и российскими масонами не было. Они по-разному смотрели на национальный вопрос. Если русские «братья» собирались свалить абсолютизм и мечтали о демократическом обществе в «единой и неделимой» России, или, в худшем случае, в федеративном государстве, то украинские добивались радикального решения национальной проблемы. В масонских кругах Грушевский ратовал не за федеративное устройство будущей России, а за полное отделение от нее Украины³¹.

Вообще масонская биография Грушевского складывалась непростой. Многим киевским масонам его бескомпромиссные взгляды в национальном вопросе казались слишком радикальными. В 1912 г. состоялся первый Конвент масонских лож Российской империи, на котором председательствовал один из будущих лидеров Временного правительства, а в 1912 г. заместитель главы Думы – Н. Некрасов³². Было рассмотрено два вопроса: «о конституировании русской масонской организации» и о ее названии. По первому вопросу было принято решение о создании независимого русского союза без предварительного согласования с Великим Востоком Франции. Сложнее оказалось решить второй вопрос. Подавляющее большинство Конвента стояло за название «Великий Восток России». Грушевский требовал, чтобы в названии ни в коем случае не было слова «Россия». Он занимал в этом вопросе совершенно непримиримую позицию, отрицая вообще за Россией, как государственной единицей, право на целостное существование³³. Про-

³⁰ Крижановська 1997: 8.

³¹ Крижановська 1997: 9.

³² Савченко (а).

³³ Серков 1997: 113.

тив Грушевского выступили все остальные, и спор, временами очень резкий, длился два дня... В конце концов было принято название «Великий Восток народов России»³⁴. «Братья» «усыпили» Грушевского, то есть разорвали с ним масонские связи, воспользовавшись, видимо, его высылкой из Украины в конце 1914 г.³⁵

Одним из самых активных масонов дореволюционной России был А. Керенский. От имени масонского Конвента он контролировал ложи Украины. Эти ложи считались наиболее сильными в империи и играли важную роль в выработке масонской стратегии и тактики для всей страны. В 1914 г. в Киеве был создан Областной Совет масонских организаций. Большинство лож принадлежало «Великому Востоку», но были отдельные ложи регулярной «Великой ложи» и мартинистов. Накануне войны киевские масоны предложили создать сугубо политическую организацию, что и было сделано в масштабах Российской империи.

Масоны Украины приняли участие в подготовке государственного переворота в Российской империи (в конце 1916 г. собирали средства на его нужды), а после Февральской революции 1917 г. заняли ключевые должности в органах местного управления. Восхождение на политический Олимп требовало сплоченности и слаженности действий, однако «братья» лишь окончательно поссорились между собой на почве национального вопроса. Сказывалась также отсутствие единой политической программы, для «политического масонства» позарез нужной. Между «братьями» усиливались распри и из-за личных амбиций³⁶.

Февраль 1917 г. оправдал надежды масонов. Управление страной было «перехвачено» практически бескровно, хаос, казалось, преодолен, масонская власть в лице Временного правительства установлена. Уже в марте 1917 г. масоны Украины мирно отобрали власть у царских администраторов. Начала действовать масонская система взаимопомощи и протекции. М. Грушевский стал главой Центральной Рады; масоны: А. Никовский – товарищем главы Центральной Рады, барон Ф. Штейнгель – членом Национального конгресса. По линии государственной общероссийской власти масонами были: комиссар Киева К. Василенко, начальник Киевского военного округа К. Оберучев, глава Киевской и Правобережно-украинской судебной палаты Д. Григорович-Барский. Наиболее высоко из масонов-украинцев поднялся по ступенькам власти представитель семьи сахарозаводчиков М. Терещенко – «один из самых образованных людей своего времени». Он вошел в состав Временного правительства, стал министром финансов, министром иностранных дел. Был он, по отзыву современника, «баловнем судьбы... владельцем колоссальных богатств и пользовался исключительными симпатиями в торгово-промышленных и общественных кругах»³⁷.

³⁴ Николаевский 1990: 54–55.

³⁵ Масонський рух в Україні...

³⁶ Там же.

³⁷ Берберова 1997: 55–56.

Массонский фактор сыграл важную роль в провозглашении автономии Украины. 10 (23) июня 1917 г. Центральная Рада провозгласила автономию, издав свой первый Универсал. Его принятие заставило Временное правительство направить в Киев свою делегацию в составе министров М. Терещенко (массон) и И. Церетели (массон). Позже к ним присоединился А. Керенский (массон). Со стороны Центральной Рады участие в переговорах принимали М. Грушевский (массон), Владимир Винниченко и С. Петлюра (массон). Массонская этика и дисциплина сработали – петербургские визитеры пошли на уступки Центральной Раде, согласившись на провозглашение автономии Украины³⁸. Рада стала краевым органом управления. В Петрограде по возвращении делегации состоялось заседание Временного правительства, на котором М. Терещенко и И. Церетели отчитались о поездке в Киев. Большинство членов правительства проголосовало за сделку с Украиной, подтвердило свою приверженность разработке Центральной Радой проекта национально-политического статуса Украины в таком смысле, в котором сама Рада сочтет это соответствующим интересам края.

Летом 1917 г. на массонском небосклоне Украины появилась новая фигура в лице прибывшего в Киев Сергея Моркотуна. Он принадлежал к ордену мартинистов, имел 18-й градус массонского посвящения. Моркотун возглавил «украинизированную» киевскую ложу «Нарцисс», которая имела профранцузскую ориентацию. Среди «братьев» он снискал репутацию французского агента³⁹. Работая начальником специализированной милиции при управе Юго-Западных железных дорог, Моркотун основал совместно с Н. Шумицким и А. Галипом тайную франкофильскую политическую организацию «Молодая Украина», руководимую через ложу «Нарцисс». В «Молодую Украину» вступили Петлюра и Скоропадский. Пользуясь массонской властью, Моркотун пытался урегулировать конфликты между самостийником Петлюрой и федералистом Скоропадским, направляя политику украинского правительства в проантантовское русло, что привлекало внимание к деятельности лож Украины со стороны массонов Франции. Именно Моркотун и Петлюра во второй половине 1917 г. пытались объединить массонов Украины⁴⁰.

После провозглашения Центральной Радой автономии Украины от этих «массонских» отпочковались новые ложи, что дало возможность украинским «вольным каменщикам» непосредственно заняться созданием национальной массонской организации – Великой ложи Украины. Соответствующее решение «братья» приняли 18 сентября 1917 г. Тогда же были выработаны идейные основы национального массонского центра и начата организационная структура массонства высших степеней шотландского обряда. Ее возглавил Великий мастер С. Петлюра. В конце 1917 г. центр деятельности массонства был перенесен в Киев в связи

³⁸ Крижановська 1997: 10.

³⁹ Массонський рух в Україні...

⁴⁰ Савченко 2008: 219–221.

с приходом к власти в Москве и Петрограде большевиков. Следует отметить, что после Октябрьской революции масонские ложи Украины заняли бескомпромиссную антибольшевистскую платформу. В начале 1918 г. к киевскому «Областному совету масонских организаций» перешли права Верховного Совета масонства⁴¹.

В начале 1918 г., в связи с провозглашением государственной независимости Украины, масоны реализовали прошлогоднее сентябрьское постановление о создании национальной масонской организации, которой, пойдя на уступку федералистам, дали название «Объединенные славяне». О глубоком кризисе масонства на Украине свидетельствует письмо С. Моркотуна, который объявил себя Великим мастером «Великой Ложы Украины «Объединенных славян». Эта ложа была создана как альтернатива «националистическим» тенденциям в масонстве и поддерживала режим гетмана Скоропадского. В «Объединенные славяне» вошли «умеренные» масоны: кадеты и федералисты, которые соглашались только на ограниченную автономию Украины в составе России⁴².

При Гетманате тон в масонском движении задавали кадеты – в своей массе недруги независимой Украины. На собрании представителей лож Киева специально рассматривался вопрос об отношении к гетманскому правительству. Он был «решен положительно, и члены масонских лож получили разрешение войти в правительство гетмана». Киевские «братья» собрали для Скоропадского 100 тыс. руб. Моркотун дважды спас жизнь Скоропадскому. В начале февраля 1918 г. он помог ему незаметно выбраться из Киева, когда город захватили большевики, а в декабре, когда в столицу Украинского государства вошли войска Директории, он запретил Петлюре арестовать свергнутого гетмана⁴³.

С переходом власти к Директории УНР масоны еще более укрепились в руководстве. Премьер-министром стал масон В. Чеховской, командующим войсками и вторым лицом в Директории – Петлюра. Но единства между масонами Украины не было, нарастал конфликт за первенство между Моркотуном и Петлюрой. В результате Моркотун был вынужден в сентябре 1919 г. уехать во Францию, не сойдясь с Петлюрой в вопросе о федерализации Украины и России. Приход к власти и Петлюры был связан с надеждами на поддержку независимой Украинской республики масонами Франции и Англии, которые имели значительное влияние на правительства этих стран. Петлюра обратился к международному масонству с просьбой поддержать Украину в борьбе против «красных». Он выступал как глава «Великой ложи Украины», объединившей около 800 масонов. Петлюра просил признать «Великую Ложу Украины» «высшей масонской властью и независимой силой на территории Украинской республики». Петлюра считал, что Украина должна

⁴¹ Брат: <https://aprrmm.info/archives/3986>

⁴² Савченко 2007: 122.

⁴³ Масонський рух в Україні...

явить собою пример «масонской республики»⁴⁴. В то же время он формировал кабинеты министров, в которых премьерами были масоны В. Прокопович и А. Ливицкий. Масон А. Шульгин занимал пост министра. Поражение украинских войск на фронтах привело к краху всех начинаний Петлюры. Украинское масонство перекочевало в эмиграцию⁴⁵.

***

Таким образом, украинское масонство прошло два этапа в своем развитии. Первый с момента зарождения в 1730-е гг. и до запрещения в 1819 г. Данный период характеризовался воздействием на него веяний русского и польского масонства, а также с учетом его иноземных корней происхождения еще шотландского и французского. Несмотря на то, что ложи были запрещены Александром I, на этом история украинского масонства не заканчивается. Масоны ушли в подполье и отказались от системы лож на Украине. Деятельность масонов продолжилась в рамках разного рода иных общественных структур, на деятельность которых они в той или иной степени оказывали влияние. На этом этапе масонство на Украине не получило широкого распространения, но определенную роль в становлении украинской национальной идеи сыграло.

Второй этап в жизни украинского масонства приходится на начало XX в., когда в условиях первой русской революции в России оживляется общественно-политическая жизнь, что позволило масонам выйти из нелегального положения и вновь заявить о себе. Однако на этом этапе масонство в России в целом и на Украине в частности стало более политизированным. Произошло это во многом благодаря тесным связям с либеральным французским масонством, не являющимся регулярным. Речь идет о такой организации, как Великий Восток Франции, выступавшей в качестве материнской ложи для российских и украинских лож того времени. В период революционных событий февраля-октября 1917 г. и последовавших потрясений масонство на Украине окончательно приобрело ярко выраженную политическую окраску. Масоны приняли активное участие в создании Украинской Народной Республики 1917–1920 гг. Председатель Украинской Центральной Рады Грушевский был масоном, так же, как и второй Председатель Директории УНР Петлюра, гетман Скоропадский и другие. Настало время и в 1918 г. войска масона Петлюры разгромили гайдамаков масона Скоропадского. Раскол масонства шел параллельно с расколом внутри самой Украины.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Askenazy Symon. Rosya-Polska. Lwów Nak. Altenberga, 1907.
Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. М. Прогресс-Традиция, 1997. [Berberova N.N. Lyudi i lozhi. Russkie masony XX stoletiya. M. Progress-Tradicija, 1997].
Богданов А.В., Белявский В.С. Происхождение Ордена вольных каменщиков. Масонство в XVII–XVIII вв. Взгляд посвященных. М.: ИЦ «Московведение», 2015 [Bogdanov A.V., Belyavskij V.S. Proiskhozhdenie Ordena vol'nyh kamenshchikov. Masonstvo v XVII–XVIII vv. Vzglyad posvyashchennyh. M.: IC «Moskovvedenie», 2015].

⁴⁴ Рыбалка: <https://www.apn.ru/index.php?newsid=19144>

⁴⁵ Масонский рух в Україні...

- Брат М.Н. Исторические аспекты Вольного Каменшчества в Украине. // Древний Изначальный Устав Мемфиса и Мицраима. Зодческие работы. [Brat M.N. Istoricheskie aspekty Vol'nogo Kamenshchichestva v Ukraine. // Drevnij Iznachal'nyj Ustav Memfisa i Micraima. Zodcheskie raboty. <https://aprrm.info/archives/3986>].
- Гамалея Семен Иванович [Gamaleya Semen Ivanovich] // <https://russianmasonry.ru/personalities/gamaleja-semjon-ivanovich>.
- Гизе А. Вольные каменщики. М.: Изд-во Жигульского, 2006. [Gize A. Vol'nye kamenshchiki. M.: Izd-vo ZHigul'skogo, 2006].
- Ефремов С. Масонство на Україні. К.: Хроніка, 2000, 1998 [Efremov S. Masonstvo na Ukraini. K.: Hronika, 2000, 1998].
- Интервью с Андреем Богдановым о масонстве, вере в бога и политехнологиях [Interv'y u s Andreeom Bogdanovym o masonstve, vere v boga i politekhnologiyah] // Fitzroy Magazine, 2020. <https://fitzroymag.com/obshchestvo/intervyu-s-andreem-bogdanovym>].
- Исторические аспекты Вольного Каменшчества в Украине [Istoricheskie aspekty Vol'nogo Kamenshchichestva v Ukraine] // <https://aprrm.info/archives/3986>].
- Карпачев С.П. Масоны. Великое искусство каменщиков. М.: АСТ: Олимп, 2008 [Karpachev S.P. Masony. Velikoe iskusstvo kamenshchikov. M.: AST: Olimp, 2008].
- Крижановська О.О. Масонство в Україні у др. пол. XVIII ст. - на поч. XIX ст.: дис. канд. іст. наук: 07. 00. 01 / Інститут історії України НАН України. К.Б 1997. [Krizhanov's'ka O.O. Masonstvo v Ukraini u dr. pol. HVIII st. - na poch. XIX st.: dis. kant.ist. nauk: 07. 00. 01 / Institut istorii Ukraini NAN Ukraini. K., 1997].
- Курьяев К.П., Джангириян В.Г., Станис Д.В. Масонская деятельность представителей либеральной оппозиции в России в начале XX века (на примере А.И. Коновалова) // Диалог со временем. 2017. Вып. 61. С. 286–299. [Kuryaev K.P., Dzhangiryan V.G., Stanis D.V. Masonskaya deyatel'nost' predstavitelej liberal'noj oppozicii v Rossii v nachale HKH veka (na primere A.I. Konovalova) // Dialog so vremenem. 2017. Vyp. 61. S. 286–299].
- Кустов В. Масонство и тайные общества на Украине [Kustov V. Masonstvo i tajnye obshchestva na Ukraine] // <https://proza.ru/2002/08/20-58>].
- Масонский дух в Україні у другій половині XVIII – на початку XX ст. [Masons'kij ruh v Ukraini u drugij polovini HVIII – na pochatku XX st.] // <https://freemason.org.ua/uk-UA/Masonstvo-v-Ukraini/Masons'kij-ruh-v-Ukraini--u-drugij-polovyni-XVIII-na-pochatku-XX-st.aspx?ID=161>].
- Морамарко М. Масонство в его прошлом и настоящем. М.: Прогресс, 1990. [Moramarko M. Masonstvo v ego proshlom i nastoyashchem. M.: Progress, 1990].
- Мучник А.М. Григорий Сковорода – сabbatianец? Хасид? Масон? Или русско-украинский философ? // https://berkovich-zametki.com/2015/Zametki/Nomer8_9/AMuchnik1.php#10 [Muchnik A. Grigorij Skovoroda – sabbatianec? Hasid? Mason? Ili rusko-ukrainskij filo-sof? // https://berkovich-zametki.com/2015/Zametki/Nomer8_9/AMuchnik1.php#10].
- Нестеров В. «Брат» Грушевський [Nesterov V. «Brat» Grushevs'kij] // <https://freemason.org.ua/uk-UA/Masonstvo-v-Ukraini/Brat-Grushevskij.aspx?ID=14>].
- Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М.: Терра, 1990 [Nikolaevskij B.I. Russkie masony i revolyuciya. M.: Terra, 1990].
- Перечень масонских лож, действовавших на территории Украины во второй половине XVIII – начале XX в. // [Perechen' masonskih lozh, dejstvovavshie na territorii Ukrainy vo vtoroj polovine HVIII – nachale XX v. // <https://web.archive.org/web/20110408141704/http://www.ukrmason.org/ukr/history9.php>].
- Пыпин А.Н. Русское масонство. Петроград: «Огни», 1916. [Pypin A.N. Russkoe masonstvo. Petrograd: «Ogni», 1916].
- Рыбалка А. Масонская ярмарка [Rybalka A. Masonskaya yarmarka] // <https://www.apn.ru/index.php?newsid=19144>].
- Савченко В.А. (а) Масонство в Украине в XX веке [Savchenko V.A. Masonstvo v Ukraine v HKH veke] // <https://freemason.org.ua/uk-UA/Masonstvo-v-Ukraini/Masonstvo-v-Ukrayne-v-HH-veke.aspx?ID=19>].
- Савченко В.А. (б) Масоны в Украине [Savchenko V.A. Masony v Ukraine] // <https://freemason.org.ua/uk-UA/Masonstvo-v-Ukraini/Masony-v-Ukrayne.aspx?ID=15>].
- Савченко В.А. Одесса масонская. Очерки. Одесса, 2007 [Savchenko V.A. Odessa masonskaya. Ocherki. Odessa, 2007].
- Савченко В.А. Україна масонська. Київ: «Нора-Печать», 2008 [Savchenko V.A. Ukraina masons'ka. Kiev: «Nora-Pechat», 2008].

- Свинцицька І.Ю. Історичні обставини зародження масонських організацій в Україні // Научний журнал Національного педагогічного університету імені М. П. Драгоманова. Серія 6: Історическіе науки: / М-во образования и науки України, Нац. пед. ун-т ім. М.П. Драгоманова. К.: Вид-во НПУ ім. М. П. Драгоманова, 2013. Вып. 10. С. 71–79. [Svincic'ka I.YU. Istorichni obstavini zarodzhennya masons'kih organizacij v Ukraini // Nauchnyj zhurnal Nacional'nogo pedagogicheskogo universiteta imeni M. P. Dragomanova. Seriya 6: Istoricheskie nauki / M-vo obrazovaniya i nauki Ukrainy, Nac. ped. un-t im. M.P. Dragomanova. K.: Vid-vo NPU im. M. P. Dragomanova, 2013. Vyp. 10. S. 71–79.]
- Серков А.И. История русского масонства. СПб.: Изд-во имени Н. И. Новикова, 1997 [Serkov A.I. Istoriya russkogo masonstva. SPb.: Izdatel'stvo imeni N. I. Novikova, 1997].
- Соловьев О.Ф. Масонство. М.: Аграф, 2001 [Solov'ev O.F. Masonstvo. M.: Agraf, 2001].
- Старцев В.И. Тайны русских масонов. Изд. 3-е, доп. СПб.: Д.А.Р.К., 2004 [Starcev V.I. Tajny russkih masonov. Izd. 3-e, dop. SPb.: D.A.R.K., 2004].
- Франко І.Я. Каменярі (Каменщики, каменоломы, камнетесы). Собр. соч. в 3-х томах. М.: Художественная литература, 1990 [Franko I.YA. Kamenyari (Kamenshchiki, kamenolomy, kamnetesy). Sobranie sochinenij v 3h tomah. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1990].

Константин Петрович Курьлев, доктор исторических наук, профессор, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы. *kurylev-kp@rudn.ru*

Freemasonry in Ukraine from the Origin and until 1919 Characteristic Features

The article discusses the main stages of the development of Freemasonry in the Ukraine as a part of the Russian Empire and up to 1919. It is shown that Freemasonry appears on the Malorossiya lands simultaneously as on the resting territory of of Russia. Its roots are about the same. The originators were foreigners from abroad. And, remarkably, it was even about one figure, the general-anshef James Keith, who was both the founder of Freemasonry in the Ukraine and a provincial grandmaster for Russia. Regarding the fact that part of the territory of the today's Ukraine was in those years part of the Polish-Lithuanian Commonwealth, the processes of creating Masonic lodges went parallel with Russian one. Freemasonry, accordingly, spread in the Ukraine in three ways: through Poland, through Russia and directly from Western European countries, with Galicia and the Right-Bank Ukraine belonging to the Polish "sphere of influence", and the Left Bank and Slobozhanshchina – to the Russian side. Due to the close ties of the Ukrainian Freemasons with the Decembrists, Masonic lodges in the Ukraine were banned in 1819 and re-emerged in the early XX century. The formation of the Ukrainian intelligentsia and its participation in the revolutionary and national movement opened at the turn of the XIX-XX centuries a new stage in the Ukrainian Freemasonry, but better organized and more politicized, due to ties with the Great East of France, which was the flagship of liberal Freemasonry in the world.

Keywords: *Freemasonry, freemasons, lodges, the Ukraine, Malorossiya, Russia, the Great East of Russia, the Great East of France.*

Konstantin P. Kurylev, Dr of Sc. (History), professor, RUDN University named after Patrice Lumumba. *kurylev-kp@rudn.ru*

ФАКТОРЫ И ЦЕЛИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ОЦЕНКАХ ФРАНЦУЗСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ- ЛЕВОЦЕНТРИСТОВ (1920-е ГОДЫ)

Цель статьи – выявить представления ряда влиятельных французских интеллектуалов 1920-х гг. о факторах и целях интеграции Европы. Основное внимание сосредоточено на тех деятелях, которых по политическим взглядам можно отнести к левоцентристам (радикалы и социалисты). Автор приходит к выводу о неоднородном и многосоставном характере изученных концепций. Императив недопущения разрушительной войны в Старом Свете опирался как на ценности пацифизма, так и на понимание масштаба тех человеческих жертв и материальных разрушений, которые, как показал опыт 1914–1918 гг., способна принести «тотальная война». К интеграции при этом подталкивало и ослабление Европы в рамках глобального «баланса сил».

Ключевые слова: европейская интеграция, Франция, интеллектуалы, 1920-е годы, Первая мировая война, пацифизм.

В исследованиях, посвященных теме европейской интеграции, существует давняя традиция искать ее глубокие интеллектуальные истоки. В качестве интеллектуальных «предтеч» на страницах исторических трудов упоминались самые различные деятели, от античных мыслителей до В. Гюго или более поздних авторов¹. Вместе с тем в практическую плоскость проекты интеграции Европы, если не рассматривать в таком качестве Римскую империю или империю Карла Великого, перешли в условиях после окончания Первой мировой войны. Проект Европейского федерального союза, выдвинутый в 1929–1930 гг. министром иностранных дел Франции А. Брианом, стал одной из наиболее важных инициатив подобного рода в межвоенный период².

Цель статьи – выявить представления ряда влиятельных французских интеллектуалов 1920-х гг. о факторах и целях интеграции Европы. Основное внимание сосредоточено на тех интеллектуалах, которых по политическим взглядам можно было отнести к левоцентристам, прежде всего – близких в той или иной степени к партии радикалов и радикал-социалистов, частично – к французским социалистам (партия СФИО)³.

Подобный выбор обусловлен двумя основными обстоятельствами. Во-первых, радикалы (и в меньшей степени социалисты) были одной из ведущих политических сил в 1920-е гг.; во-вторых, именно среди левоцентристов «сформировались первые проевропейские группы» во Франции⁴. К тому же лидеры радикалов (Э. Эррио) и социалистов

¹ Борко 2003; Васильева 2008; Тэвдой-Бурмули 2016.

² Магадеев 2021: 807–816.

³ Аббревиатура от франц. Section française de l'Internationale ouvrière (SFIO) – Французская секция Рабочего Интернационала. Официальное название партии французских социалистов в 1905–1969 гг.

⁴ Manigand 2004: 257.

(Л. Блум), как и многие члены их партий, были видными интеллектуалами Третьей Республики – «Республики профессоров»⁵. Анализ их позиций по вопросам европейской интеграции соответствует проблемному полю данного исследования.

Статья нацелена на то, чтобы выделить ключевые позиции, которые французские интеллектуалы-левоцентристы, занимали по вопросам о резонах и назначении интеграции европейских стран, определить сходства и различия их точек зрения, выявить ключевые аргументы, использовавшиеся ими в публицистических работах и на страницах прессы. Автор стремится продемонстрировать, что сформировавшийся вскоре после 1945 г. мейнстримный европейский дискурс, к которому апеллировали государственные деятели и политики, отнюдь не покрывал всего многообразия факторов интеграции, которые выделяли уже современники. Если после окончания Второй мировой войны лидеры западноевропейских государств нередко подчеркивали, что ключевым резонансом и движущей силой интеграции являлось стремление не допустить новой разрушительной войны в Европе⁶, то интеллектуалы Третьей Республики отмечали в 1920-е гг. также роль менее однозначных факторов, связанных не только с пацифизмом, но и с продолжавшимся межгосударственным соперничеством, принимавшим новые формы. Представленный анализ позволит нюансировать представление о движущих силах европейской интеграции в XX веке, показать их разнообразие через призму оценок интеллектуалов-современников.

Несмотря на наличие обширной историографии по проблемам развития европейской идеи и роли интеллектуалов в этом процессе, эти вопросы продолжают привлекать внимание историков, а крупные изломы в истории европейской интеграции лишь стимулируют подобный интерес⁷. В отечественной историографии вопрос о французских европейцах в 1920-е гг. изучен меньше, чем ряд смежных сюжетов: общая эволюция европейской идеи⁸, история антивоенных движений в Третьей Республике в 1930-е гг.⁹, европейские проекты участников французского Сопrotивления в годы Второй мировой войны¹⁰, история жизни и мировоззрения одного из лидеров панъевропейского движения в первое десятилетие после Первой мировой войны – австрийского графа Р.Н. Куденхове-Калерги¹¹. Представленный ниже обзор позиций французских интеллектуалов-левоцентристов призван задать контекст для более детальных исследований в дальнейшем.

⁵ Thibaudet 1927.

⁶ См., например, речь президента-социалиста Франции Ф. Миттерана, с которой он выступил в Париже 5 июня 1992 г., предвзявая референдум по Маастрихтскому договору: Mitterrand 1996: 101.

⁷ Pegg 1983; Muet 1997; Europe in Crisis 2012.

⁸ Чубарьян 2006.

⁹ Покровская 1980.

¹⁰ Наумова 2015.

¹¹ Громова 2007; Кораблева 2009.

Французский историк Р. Франк рассматривал 1920-е гг. как первый «золотой век» в развитии европейской идеи¹². Действительно, если мы говорим о Третьей Республике в первое послевоенное десятилетие и особенно – о его второй половине, отмеченной т.н. духом Локарно и попытками франко-германского примирения, то представления о необходимости сближения европейских стран получили определенное распространение в интеллектуальной среде. Более того носители подобных идей имели немаловажные связи с представителями политического и дипломатического истеблишмента, с бизнес-сообществами, где европейская идея также нередко находила благоприятный прием¹³.

Вместе с тем масштаб интеллектуальной «экспансии» европеизма во Франции и его роль не стоит преувеличивать. Американский историк К. Навари отмечала, что в составе проевропейских движений «доминировали консервативные бизнес-элиты, имевшие доступ к правительствам». С ее точки зрения, «европейское движение отнюдь не процветало в 1920-е гг., а доминирующим политическим импульсом оставался национализм»¹⁴. В неявной историографической дискуссии о степени распространения европейской идеи французский исследователь Ж.-М. Гийё занимал срединную позицию, располагавшуюся где-то между точками зрения Франка и Навари. Соглашаясь с тем, что в 1920-е гг. возникли «европейское сознание» и представление о «необходимости создать Европу», Гийё вместе с тем отметил, что «европейский активизм в это время затронул лишь небольшой круг элит, государственных служащих, промышленников, торговцев, представителей академического мира, писателей...»¹⁵. Относительно широкое распространение европейской идеи именно в тогдашних элитах сделало ее более заметной, позволило занять значимое место в общественном дискурсе, на страницах публицистики и прессы. Узость социальной базы тогдашнего европеизма сочеталась тем самым с повышенной влиятельностью, обширным социальным и культурным «капиталом» (в терминах П. Бурдьё), которым обладали сторонники европейской интеграции.

Те общественные круги Третьей Республики, в которых европейская идея пользовалась популярностью, не были однородны ни в политическом, ни в идейном отношении. Во французском европейском дискурсе 1920-х гг. сосуществовали различные резоны идеологического и идеалистического, но вместе с тем прагматического и материального характера, к которым могли апеллировать как правые, так и левые деятели. Подобные резоны, как и их носители, не были отделены друг от друга «непроницаемыми» стенами: в человеческом и идейном отношении наблюдались разного рода флуктуации и пересечения.

¹² Frank 1998: 89.

¹³ Saint-Gille 2003.

¹⁴ Navari 1992: 74, 86.

¹⁵ Guieu 2002: 100, 102.

Если исходить из перечня самых влиятельных проевропейских организаций 1920-х гг., рассмотренных французским историком Ж.-Л. Шабо¹⁶, то интеллектуалы-левоцентристы играли наибольшую роль в Федеральном комитете европейского сотрудничества, основанном в ноябре 1928 г. Его лидером выступал член партии радикалов, математик Э. Борель. Вместе с тем характер других ведущих организаций демонстрировал, что европейская идея отнюдь не была «монополизирована» интеллектуалами-левоцентристами. Некоторые из подобных ассоциаций были основаны представителями крупного бизнеса и имели технократическую направленность. Среди них можно назвать Комитет экономических и таможенных действий, образованный в октябре 1925 г. и возглавленный Ж. Лакур-Гайе, бизнесменом из сферы розничной торговли; Франко-германский комитет информации и документации, созданный в мае 1926 г. по инициативе Э. Майриша – крупного люксембургского бизнесмена-металлурга, стремившегося выступить своего рода посредником между французскими и германскими металлургическими компаниями¹⁷. В других организациях импульс к созданию которых исходил от лидеров общественного мнения, тон подчас задавали интеллектуалы, стоявшие правее левоцентристов, как, например, в случае Французского комитета в поддержку Европейского таможенного союза. Он был образован в январе 1927 г. и возглавлен экономистом и дядей известного писателя Ш. Жидом, отстаивавшим социал-христианские ценности, а также бывшим министром общественных работ в правых правительствах Национального блока И. Лё Троке¹⁸. Несмотря на неоднородность импульсов и приоритетной направленности различных проевропейских организаций, функционировавших в Третьей Республике, представления о резонах и целях европейской интеграции, о которых пойдет речь ниже, нередко были общими для них. К тому же членство в ассоциациях подчас имело «перекрестный» характер: одни и те же люди могли участвовать в нескольких организациях, и были связаны друг с другом различными социально-профессиональными нитями.

Можно согласиться с тезисом, нередко педалируемым западноевропейскими политиками после 1945 г.: стремление широких слоев общества не допустить повторения новой разрушительной войны стало важным, хотя и не единственным стимулом для развития идей интеграции Старого Света. Как явление, пацифизм, являвшийся важной компонентой общественно-политических настроений в Третьей Республике в 1920-е гг., был чем-то намного более широким, чем европеизм¹⁹. Вместе с тем сторонники европейской идеи нередко апеллировали к пацифистским настроениям и включали их в собственную идейную палитру²⁰.

¹⁶ Chabot 2005: ch. 1.

¹⁷ Badel 1999: 131–192.

¹⁸ Badel 1999: 230–234; Du Réau 2001: 89.

¹⁹ Пацифизм в истории 1998.

²⁰ Chaline 2016.

Согласно оценке французского историка Ж.-Ф. Сиринелли, пацифистские идеи затронули не только политическую элиту и интеллектуалов, но и глубоко распространились в других слоях французского общества, «пропитав» большую его часть²¹. Это заключение контрастирует с вышеприведенным тезисом Гийё об относительной узости социальной базы европеизма, что еще раз демонстрирует: пацифизм и европеизм нередко были взаимосвязаны, но все же не были тождественны друг другу в послевоенной Франции. Схожую точку зрения о широком распространении пацифистских настроений высказывал отечественный франковед Ю.И. Рубинский: «Острое ощущение крайней непрочности завоеванной столь дорогой ценой победы, страх перед новой, еще более кровопролитной войной, в то время как раны, нанесенные предыдущей, еще не успели затянуться, глубокая горечь утраченных надежд на “вечный мир” в значительной мере определяли сознание широких масс французского народа в 1918–1939 гг.»²². Взгляд в «бездну истории», острое ощущение «смертности цивилизаций», о которых в 1919 г. писал французский поэт П. Валери, оставались со многими интеллектуалами на протяжении всего межвоенного периода²³.

Усиление или ослабление общественного страха перед войной выступало фактором не только интеллектуальной, но и политической жизни Третьей Республики. Между пацифистскими и проевропейскими настроениями имелось определенное поле пересечения не только в идейном, но и в политическом отношении, хотя пацифизм отнюдь не был апроприирован исключительно политиками и интеллектуалами-левоцентристами. Тем не менее определенная дихотомия по линии «национализм правых *versus* пацифизм левых» прослеживалась во Франции в первые годы после окончания Первой мировой войны.

Победа на парламентских выборах во Франции в 1919 г. правоцентристской коалиции Национальный блок, выступавшей с жестких антигерманских позиций, свидетельствовала, среди прочего, о силе националистических настроений. Однако поддержка этой коалиции со стороны весомой части общественно-политических сил ослабла в условиях Рурского кризиса 1923 г. – резкого обострения франко-германского противостояния и общей военно-политической ситуации в Европе после ввода франко-бельгийских войск на территорию Рура – «индустриального сердца» Германии. Как казалось многим, кризис грозил новой войной в Европе. На этом фоне антивоенные настроения во Франции набирали обороты, а их влияние на ход партийно-политической жизни и борьбы возросло²⁴.

²¹ Sirinelli 1988: 640.

²² Рубинский 1973: 30.

²³ Цит. по: Ory, Sirinelli 1992: 74.

²⁴ Кузьмин 1975: 10.

Пришедшее к власти по результатам очередных парламентских выборов в 1924 г. правительство во главе с лидером радикалов Эррио представляло тот спектр левоцентристских сил (Картель левых или Левый блок), где проевропейские настроения были представлены шире, чем в других слоях французского общества. Выборы 1924 г. стали «триумфом Картели левых и пацифизма»²⁵. Социалисты, входившие в Левый блок, оказывали правительству Эррио поддержку в Парламенте, хотя между СФИО и радикалами вскоре обозначились разного рода противоречия (прежде всего – по финансово-экономическим и налоговым вопросам)²⁶. В 1926 г., за два года до новых парламентских выборов, Картель левых окончательно перестал функционировать, и к власти пришло правительство «национального единения» во главе с видным правым деятелем Р. Пуанкаре (существовало до 1929 г.)²⁷.

Проблема европейской интеграции, во многом завязанная на налаживание франко-германского сотрудничества, не была ключевой в разделении на правых и левых в Третьей Республике после 1925 г., отмеченного заключением Локарнских соглашений. Все же нюансы в подходе к данной проблеме прослеживались. Действия бессменного министра иностранных дел Бриана, направленные на франко-германское сближение и «примирение», находили поддержку как у правых, так и левых, однако вторые были готовы идти по этому пути дальше и нередко ставили перед собой более амбициозные цели²⁸.

Именно отвечая на вопрос лидера СФИО Блюма, прозвучавший в Палате депутатов 16 июля 1929 г., Бриан впервые публично намекнул на разрабатываемые им планы по «организации Европы»²⁹. Они приняли более конкретную форму в выступлении министра иностранных дел на Ассамблее Лиги Наций 5 сентября 1929 г.³⁰, а также в тексте французского правительственного меморандума от 1 мая 1930 г., в котором содержалась идея формирования Европейского федерального союза. Последний, однако, «ни в чем» не должен был «затрагивать суверенитет государств-членов». Бриан рассчитывал, что союз закрепит послевоенный территориальный статус-кво и облегчит торговое взаимодействие стран Старого Света в условиях мирового экономического кризиса³¹.

Дихотомия между правыми и левыми была заметна и в вопросе о том, насколько можно доверять Германии, насколько преодоленным можно было считать опыт прошлых франко-германских отношений и наследие взаимной вражды. Именно примирение Франции и Германии рассматривалось большинством интеллектуалов и политиков в 1920-е

²⁵ Ферро 2015: 420.

²⁶ Mettas 1999: 831.

²⁷ Гурвич 1973: 101–137; Арзаканян 2003: 28–32.

²⁸ Greilsammer 1996: 269.

²⁹ Цит. по: Du Réau 2001: 102.

³⁰ Ministère des affaires étrangères 1929: 1–8.

³¹ Ministère des affaires étrangères 1930: 6.

гг. как основа для более широкой «пацификации» Европы и возможный трамплин для интеграционных процессов в Старом Свете. Летом 1930 г. на страницах пацифистского журнала «Мир через право» («La Paix par le droit») юрист-международник Ж. Селль, близкий к партии радикалов участник Французского комитета в поддержку Европейского таможенного союза, выразил общую мысль. Он подчеркнул, что «широкое объединение европейских государств (groupement européen) нельзя создать одним рывком. [Стоит начать] с Запада и в особенности – с франко-германской группы»³².

Для французских левых в большей степени, чем для правых, было характерно стремление дифференцировать образ Германии и немецкого общества, не приписывать стремление к агрессивности, милитаризм и экспансионизм практически всем немцам. В меморандуме правительства Ж. Клемансо от 25 февраля 1919 г. было подчеркнуто, что Париж не питает никакого доверия к «так называемой немецкой демократии», во главе которой стояли «наиболее активные представители империализма и милитаризма»³³. Однако многие, пусть и не все, левые деятели Третьей Республики уже вскоре после окончания Первой мировой войны не соглашались с таким эссенциалистским подходом.

Приведем пример одного из французских политиков, совмещавшего ипостаси государственного деятеля и ученого-интеллектуала – левого республиканца-социалиста и крупного математика П. Пенлеве. Он находился в оппозиции Национальному блоку, а затем стал одним из лидеров Картеля левых (в 1925 г. занимал пост председателя Совета министров). В октябре 1922 г., выступая в Бордо, Пенлеве подчеркивал, что тогдашняя политика властей Третьей Республики лишь усиливала ненависть немцев к Франции, ослабляла молодую немецкую демократию, способствовала превращению крупного немецкого бизнеса «в доминирующую силу, не имеющую противовеса» в Веймарской Республике³⁴. Так же как Эррио, Пенлеве исходил из наличия «двух Германий», лишь одна из которых была представлена крупной промышленностью, помещиками и военными, в то время как другая – республиканцами и демократами³⁵. Ослабление «первой» Германии должно было консолидировать Веймарскую Республику изнутри и стать залогом ее миролюбия на мировой арене. Во второй половине 1920-х гг. Пенлеве «не переставал подчеркивать свой пацифизм и приветствовать дело примирения, сокращения международной напряженности в Европе и сближения с Германией»³⁶.

³² Цит. по: Guieu 2002: 95.

³³ Ministère des affaires étrangères 1924: 22.

³⁴ Цит. по: Guieu 2005: 120.

³⁵ Variété 1977: 132.

³⁶ Anizan 2013: 47.

Одним из главных рупоров проевропейских идей во Франции 1920-х гг. стал журнал «Новая Европа» («L'Europe nouvelle»), основанный в январе 1918 г. Л. Вайс – журналисткой, активисткой феминистского движения и «бабушкой Европы»³⁷. Журнал был близок по своей направленности к партии радикалов, а также к французским социалистам. Идеи о необходимости не допустить новой войны в Европе, а также обеспечить ее развитие на мирных началах «красной нитью» проходили через публикации «Новой Европы» на протяжении 1920-х гг. Однако в представлениях авторов журнала о том, как достичь указанных целей, наблюдалась серьезная эволюция. Последняя была тесным образом связана с реальной трансформацией международной обстановки и реагированием на нее со стороны интеллектуалов. Подобная эволюция демонстрировала подвижность идейного пейзажа в Третьей Республике. Социальные и политические границы, да и само содержание пацифизма и европеизма не были заданы окончательно, а могли трансформироваться в зависимости от текущего положения дел.

В начале 1920-х гг. в качестве основания для послевоенной «замиренной Европы» авторы журнала «Новая Европа», как правило, видели прочный англо-французский альянс, скрепленный целью не допустить новой агрессии Германии³⁸. Многие из них продолжали питать достаточно серьезное недоверие к Веймарской Республике, что говорило о сохранявшемся интеллектуальном наследии и «багаже» Первой мировой войны.

Когда в марте 1921 г. Франция при согласии Великобритании применила к Германии, не желавшей соглашаться с итоговой цифрой репараций, новые санкции, глава политического отдела «Новой Европы» англофил Ф. Милле считал подобные действия полностью оправданными. Путь к «пацификации» Европы он видел тогда в том, чтобы принудить Германию согласиться с условиями мирного урегулирования, зафиксированными странами Антанты: «... пока Германия не образумится, бессмысленно говорить о том, как сделать Европу пригодной для жизни. Спустя два года после заключения [Компьенского] перемирия приходится возвращаться к применению военной силы, к действиям, которые все хорошие европейцы хотели сделать бессмысленными. Это обстоятельство вызывает, как минимум, сожаление»³⁹. Примечательной для тогдашних антигерманских настроений среди интеллектуалов Третьей Республики была позиция ряда французских ученых. В рамках Международного научно-исследовательского совета (International Research Council), образованного в июле 1919 г. и заменившего довоенную Международную ассоциацию академий, которая объединяла национальные научные учреждения, представители Фран-

³⁷ Так в 1979 г. ее назвал канцлер ФРГ Г. Шмидт. Цит. по: Fine 1997: viii.

³⁸ Reytier 2011: 42.

³⁹ Millet 1921: 300.

ции поддержали решение исключить на 12 лет ученых из стран бывшего Четверного союза (Германия, Австрия, Венгрия и Болгария)⁴⁰.

На позициях, схожими с теми, что отстаивала официальная французская дипломатия, стояла в начале 1920-х гг. и Вайс. В июле 1921 г., спустя несколько месяцев после неудачной попытки реставрации власти Карла Габсбурга в Венгрии, Вайс подчеркивала, что «политика пацификации и реконструкции Европы» должна «основываться на мирных договорах». Этот тезис полностью соответствовал тогдашней линии официального Парижа, а усилия ее протагониста, генерального секретаря МИД Франции Ф. Бертело, заслужили одобрение главного редактора «Новой Европы». Все же она надеялась, что имевшие место робкие попытки примирения бывших противников (Чехословакии и Венгрии) приведут к рождению «Дунайского порядка» и «дебалканизации» Центральной Европы, т.е. к прекращению вражды малых и средних государств, к их консолидации и примирению: «Новая система появляется на месте бывшей католической и военной империи. Эта система основана на демократии, а реализация текущих аграрных реформ консолидирует ее», – выражала надежду Вайс⁴¹.

После прихода к власти Картеля левых в 1924 г. и развития Локарнской политики Бриана тенденции на франко-германское примирение укрепились, что сказалось и на позициях «Новой Европы». Вайс «поставила журнал, которым она руководила, на службу идее о глубоком примирении французов и немцев в рамках объединенной Европы, вставшей на путь разоружения»⁴². «Эхо» Локарнской политики было очевидно и в научном мире. Летом 1926 г. Международный научно-исследовательский совет «под политическим давлением отменил положение об исключении научных учреждений бывших стран-противниц и пригласил немецкие академии присоединиться к организации»⁴³.

Как можно заметить даже из краткого анализа публикаций «Новой Европы», совокупность аргументов, стоявших за стремлением не допустить новой войны в Старом Свете, не сводилась к абстрактному пацифизму. Практически неизбежно подобного рода размышления были связаны с определенной оценкой текущих международно-политических реалий, с выдвижением конкретных рецептов по созданию такой модели безопасности в Европе, которая не позволит произойти новому масштабному конфликту. Европеизм ряда французских интеллектуалов был тесно связан и с оценкой меняющегося места Европы в мире после 1918 г. Можно согласиться с тезисом о том, что «именно катаклизм Великой войны породил обостренное ощущение двух угроз: не только самоубий-

⁴⁰ Rasmussen 2007: 3.

⁴¹ Weiss 1921: 876.

⁴² Reytier 2011: 42.

⁴³ Rasmussen 2007: 6–7.

ственного характера новой бойни, но также угрозы начала “упадка Запада” и “заката Европы”...»⁴⁴. Стремление не допустить новой войны в Старом Свете и желание укрепить пошатнувшиеся европейские позиции в том, что можно назвать глобальным «балансом сил», были «двумя сторонами одной медали».

Одной из заметных работ – своего рода ответом на 1-й том шпенглеровского «Заката Европы» (1918) – стала одноименная книга французского географа А. Деманжона, опубликованная в 1920 г. По своим политическим убеждениям автор был близок к радикалам и являлся сторонником Картеля левых⁴⁵. Далекий от философских и историософских выкладок Шпенглера, Деманжон на страницах своего труда акцентировал изменившиеся после Первой мировой войны экономические реалии. Принципиальным он считал, во-первых, резкое усиление США и даже, с его точки зрения, их «превращение в мирового гегемона»; во-вторых, резкое укрепление позиций Японии на Дальнем Востоке, заставлявшее руководство Британской империи беспокоиться о своих позициях и превращавшее Тихий океан в «новое Средиземноморье». Ответом Европы на эти процессы, как считал Деманжон, должно было стать формирование «Европейского сообщества», прежде всего – в торгово-экономической сфере⁴⁶.

К 1928 г. Деманжон лишь укрепился в своих мыслях: «Перед лицом других континентов необходимо в целях самозащиты создать европейский блок. В Европе слишком много границ. Необходимо подумать о Соединенных Штатах Европы. Было бы наивным строить их по образцу Соединенных Штатов Америки, поскольку в Старом Свете имеется большое разнообразие наций (nationalités). Соединенные Штаты Европы должны основываться на разделении труда. Когда этот союз будет создан, больше не придется говорить об упадке Запада»⁴⁷. Наблюдая за развитием международной ситуации, Борель испытывал схожие опасения и предлагал близкие по духу стратегии действия. В июле 1930 г. на страницах газеты «Депеша» («La Dépêche») он в очередной раз подчеркнул, что «бесчисленные таможенные барьеры, разделяющие Европу, стали препятствием на пути ее экономического развития»⁴⁸.

Как и в случае пацифизма, представление о том, что интеграция должна стать ответом Европы на рост новых центров силы, не было исключительно «доменом» интеллектуалов-левоцентристов. Оно разделялось деятелями, стоявшими правее, но также подчеркивавшими (подчас даже с большей силой) мысль о том, что усиление США и протекционистская таможенная политика Вашингтона требуют от европейских государств совместных действий и активизации торгово-экономических

⁴⁴ Frank 1998: 84.

⁴⁵ Anizan 2006: 25.

⁴⁶ Demangeon 1920: 63, 116, 286, 295.

⁴⁷ Demangeon 1928: 270.

⁴⁸ Цит. по: Guieu 2002: 99.

отношений друг с другом. В 1929 г. социолог А. Зигфрид, близкий к правой партии Демократический альянс, видел в реакции Старого Света на перспективу повышения американских таможенных пошлин «растущее осознание европейского единства» и всячески приветствовал этот факт⁴⁹.

Как можно заметить, бриановский проект Европейского федерального союза, помимо политико-дипломатической логики, имел и определенные интеллектуальные основания, над разработкой которых трудились, в том числе, французские интеллектуалы-левоцентристы. «Миры» политиков и интеллектуалов в Третьей Республики были переплетены (Бриан, к примеру, являлся президентом организации панъевропейского движения⁵⁰), и подобная «переключка» идей была вполне понятной. Все же о полной гармонии между концепциями интеллектуалов и правительственными проектами речи не шло. Приведем показательный пример. Когда в марте 1926 г. секретарь Французского комитета в поддержку Европейского таможенного союза Л. Коке выступил в печати с идеей о том, что таможенный союз Франции и Германии является «первым условием для создания Соединенных Штатов Европы»⁵¹, в секретариате Бриана к ней отнеслись скептически. Сотрудник секретариата, П. Арналь, ратуя за активизацию торгово-экономических контактов с Германией и заключение «экономического Локарно», тем не менее считал проект таможенного союза утопическим и слишком смелым⁵².

Все же меморандум французского правительства от 1 мая 1930 г., содержащий проект формирования Европейского федерального союза, встретил у интеллектуалов-левоцентристов преимущественно позитивную оценку. Борель увидел в меморандуме отражение многих собственных идей⁵³, Вайс еще раньше писала о том, инициатива Бриана должна стать «хартией нового порядка, который мы должны построить или погибнуть, если не сделаем этого»⁵⁴. Свою поддержку указанному проекту выразил также Деманжон⁵⁵.

Однако нередко в позициях даже тех современников-левоцентристов, которые одобряли действия Бриана, имелись нюансы. Так, Эррио призывал в своей книге «Европа» (1930) не закрывать двери Европейского федерального союза перед Великобританией⁵⁶, в то время как бриановская концепция была ближе по содержанию представлениям Куденхове-Калерги. Последний видел Британскую империю в качестве

⁴⁹ Siegfried 1929: 13.

⁵⁰ Громова 2007: 192.

⁵¹ Coquet 1926.

⁵² Arnal à Dulon, s.d. [mars 1926] // Archives du Ministère des Affaires étrangères. Cabinet du Ministre. Vol. 94. Fol. 1–2.

⁵³ Guieu 2002: 103.

⁵⁴ [Weiss] 1930: 2.

⁵⁵ Wolff 2014: 70–71.

⁵⁶ Manigand 2004: 258.

отдельного от Пан-Европы экономического и политического блока (наряду с Пан-Америкой, Пан-Азией и СССР)⁵⁷. Однопартиец Эррио, публицист Б. де Жувенель, исходил из концепции Соединенных Штатов Европы и считал необходимым максимальным образом ограничить национальный суверенитет, что напрямую противоречило более осторожному посылу меморандума от 1 мая 1930 г.⁵⁸ Своеобразным манифестом идей Соединенных Штатов Европы стали книги писателя Г. Риу, близкого к партии радикалов. Они имели говорящие названия: «Европа – моя родина» (1928) и «Объединиться или умереть» (1929). В них Риу подчеркивал жизненную необходимость создать единую Европу на базе отказа от национальных суверенитетов. Он считал, что «национальные эгоизмы», воплощенные в отдельных государствах, являются одним из ключевых факторов в возникновении конфликтов в Старом Свете. Это же обстоятельство затрудняло глобальную конкуренцию Европы с США и СССР. Риу напрямую призывал к созданию «не сообщества европейских наций, а европейского рейха, Соединенных Штатов Европы»⁵⁹.

Реакция Блюма на бриановскую инициативу была в целом позитивной, однако в его позиции, изложенной в статье от 20 мая 1930 г. для органа СФИО газеты «Попюлэр» («Le Populaire»), также имелись серьезные оговорки. В своих представлениях о европейской интеграции Блюм шел дальше, чем министр иностранных дел Франции. Лидер социалистов призывал к созданию Европейской федерации, формированию общих федеративных институтов и резкому ограничению национальных суверенитетов, рассматриваемых как один из коренных факторов в происхождении войн⁶⁰.

Подытоживая проведенный анализ представлений ряда французских интеллектуалов-левоцентристов 1920-х гг. о факторах и целях европейской интеграции, можно констатировать неоднородный и много-составный характер их концепций. Идеиные и прагматические мотивы, стоявшие за необходимостью консолидации Европы, были неразрывно связаны друг с другом. Императив недопущения новой разрушительной войны в Старом Свете опирался как на ценности пацифизма, так и на понимание масштаба тех человеческих жертв и материальных разрушений, которые, как показал опыт 1914–1918 гг., способна принести «тотальная война». К интеграции, с точки зрения многих интеллектуалов-левоцентристов, подталкивало и ослабление Европы в глобальном «балансе сил», необходимость консолидации экономических потенциалов европейских стран в обострившейся международной конкуренции с новыми центрами силы – США, СССР, Японией.

«Ядром» интеграционных процессов большинством авторов рассматривалось примирение Франции и Германии, роль антисоветизма и

⁵⁷ Громова 2007: 190.

⁵⁸ Dard 2008: 59.

⁵⁹ Riou 1928: 124.

⁶⁰ Fischer 2020: ch. 3.

антикоммунизма как резонанса консолидации Европы была в 1920-е гг. ниже, чем десятилетием позже и особенно – чем в годы «холодной войны». Многие французские интеллектуалы-левоцентристы, находившиеся в оппозиции Национальному блоку, но поддерживавшие затем Картель левых и Локарнскую дипломатию Бриана, нередко были готовы идти по пути интеграции и ослабления национальных суверенитетов дальше, чем официальный Париж.

Идейная и социально-политическая неоднородность европеизма в Третьей Республике нередко скрадывалась во второй половине 1920-х гг., а интеллектуалы из разных политических лагерей имплицитно или эксплицитно высказывали схожие тезисы о факторах и резонах интеграции. Однако по мере обострения международной обстановки в 1930-е гг. и особенно – во время поляризации сил в ходе Второй мировой войны поле относительного «консенсуса» внутри французского европеизма распалось, в результате чего его неоднородность была продемонстрирована радикальным и трагическим образом. Одни сторонники европейской идеи перешли в лагерь коллаборационистов и стали размышлять об интеграции Европы в рамках нацистского «нового порядка»⁶¹, другие – влились в Движение Сопротивления и стали строить новые проекты демократических Соединенных Штатов Европы⁶².

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Арзаканян М.Ц. Политическая история Франции XX века. М.: Высшая школа, 2003. 157 с. [Arzakanjan M.C. Politicheskaja istorija Francii XX veka. M.: Vysshaja shkola, 2003. 157 s.].
- Борко Ю.А. От европейской идеи – к единой Европе. М.: Деловая литература, 2003. 463 с. [Borko Ju.A. Ot evropejskoj idei – k edinoj Evrope. M.: Delovaja literatura, 2003. 463 s.].
- Васильева Н.Ю. Европейская идея от Античности до середины XIX в. М.: МГИМО-Университет, 2008. 172 с. [Vasil'eva N.Ju. Evropejskaja ideja ot Antichnosti do serediny XIX v. M.: MGIMO-Universitet, 2008. 172 s.].
- Громова А.В. Рихард Николаус Куденхов-Калерги и его идея Пан-Европы // Диалог со временем. 2007. Вып. 20. С. 189–197 [Gromova A.V. Rihard Nikolaus Kudenhov-Kalergi i ego ideja Pan-Evropy // Dialog so vremenem. 2007. Vyp. 20. S. 189–197].
- Гурвич С.Н. От Левого блока к «Национальному единению» // История Франции в трех томах / отв. ред. А.З. Манфред. Т. 3. М.: Наука, 1973. С. 101–137 [Gurvich S.N. Ot Levogo bloka k «Nacional'nomu edinjeniju» – V kn. Istorija Francii v treh tomah / отв. red. A.Z. Manfred. T. 3. M.: Nauka, 1973. S. 101–137].
- Кораблева А.Е. Панъвропейский проект Р. Куденхове-Калерги и международные отношения в Европе в 20–30-е гг. XX века. Дисс. канд. ист. наук. Арзамас: Арзамасский государственно-педагогический институт, 2009. 220 с. [Korableva A.E. Pan'evropejskij proekt R. Kudenhove-Kalergi i mezhduнародные otnoshenija v Evrope v 20–30-e gg. XX veka. Diss. kand. ist. nauk. Arzamas: Arzamas'kij gosudarstvenno-pedagogičeskij institut, 2009. 220 s.].
- Кузьмин М.Н. Внутривнутриполитическая борьба во Франции (1926–1932). Л.: Издательство Ленинградского университета, 1975. 159 с. [Kuz'min M.N. Vnutripoliticheskaia bor'ba vo Frantsii (1926–1932). L.: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1975. 159 s.].
- Магадеев И.Э. В тени Первой мировой войны: дилеммы европейской безопасности в 1920-е годы. М.: Аспект пресс, 2021. 864 с. [Magadeev I.E. V teni Pervoj mirovoj vojny: dilemmy evropejskoj bezopasnosti v 1920-e gody. M.: Aspekt press, 2021. 864 s.].

⁶¹ Nordblad 2014.

⁶² Наумова 2015: 320–321.

- Наумова Н.Н. Разработка европейской идеи в рамках французского движения Сопротивления // Вторая мировая война в истории человечества. 1939–1945 гг. / отв. ред. С.П. Карпов, И.И. Тучков. М.: Издатель Степаненко, 2015. С. 320–326 [Naumova N.N. Razrabotka evropejskoj idei v ramkah francuzskogo dvizhenija Soprotivlenija – V kn. Vtoraja mirovaja vojna v istorii chelovechestva. 1939–1945 gg. / отв. ред. S.P. Karpov, I.I. Tuchkov. M.: Izdatel' Stepanenko, 2015. S. 320–326].
- Пацифизм в истории. Идеи и движения мира / отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: ИВИ РАН, 1998. 289 с. [Patsifizm v istorii. Idei i dvizheniia mira / отв. ред. A.O. Chubar'ian. M.: IVI RAN, 1998. 289 s.].
- Покровская С.А. Движение против войны и фашизма во Франции в 1932–1939 гг. М.: Наука, 1980. 229 с. [Pokrovskaja S.A. Dvizhenie protiv vojny i fashizma vo Francii v 1932–1939 gg. M.: Nauka, 1980. 229 s.].
- Рубинский Ю.И. Тревожные годы Франции. Борьба классов и партий от Версаля до Мюнхена (1919–1939). М.: Мысль, 1973. 454 с. [Rubinskii Ju.I. Trevozhnye gody Frantsii. Borba klassov i partii ot Versalia do Miunkhena (1919–1939). M.: Mysl', 1973. 454 s.].
- Тэвдой-Бурмули А.И. Европейские проекты и идейные предпосылки европейской интеграции // Европейская интеграция / отв. ред. О.В. Буторина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект пресс, 2016. С. 56–75 [Tjevdoj-Burmuli A.I. Evropejskie proekty i idejnye predposylki evropejskoj integracii – V kn. Evropejskaja integracija / отв. ред. O.V. Butorina. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Aspekt press, 2016. S. 56–75].
- Ферро М. История Франции. М.: Весь мир, 2015. 832 с. [Ferro M. Istoriya Francii. M.: Ves' mir, 2015. 832 s.].
- Чубарьян А.О. Российский европеизм. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2006. 414 с. [Chubar'jan A.O. Rossijskij evropeizm. M.: OLMA Media Grupp, 2006. 414 s.].
- Anizan A.-L. Paul Painlevé ou comment faire carrière à la marge des grands partis de gauche // Un professeur en République: mélanges en l'honneur de Serge Berstein / sous la dir. de R. Baudouin et al. Paris: Fayard, 2006. P. 17–26.
- Anizan A.-L. Paul Painlevé et la guerre (1908–1933). Science poliédrique et défense nationale // Des mathématiciens et des guerres: Histoires de confrontations (XIXe–XXe siècle) / sous la dir. d'A. Durand, L. Mazliak, R. Tazzioli. Paris: CNRS, 2013. P.39–53.
- Badel L. Un milieu libéral et européen: Le grand commerce français 1925–1948. Vincennes: Comité pour l'histoire économique et financière de la France, 1999. 576 p.
- Barièty J. Les relations franco-allemandes après la Première guerre mondiale. Paris: Pédone, 1977. 797 p.
- Chabot J.-L. Aux origines intellectuelles de l'Union européenne: l'idée d'Europe unie de 1919 à 1939. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 2005. 353 p.
- Chaline N.-J. Empêcher la guerre: Le pacifisme du début du XIXe siècle à la veille de la Seconde Guerre mondiale. Amiens: Encrage, 2016. 248 p.
- Coquet L. Union douanière franco-allemande: Condition première des États-Unis d'Europe // La Revue d'Alsace et de Lorraine. 1926. No. 87. P. 47–49.
- Dard O. Bertrand de Jouvenel. Paris: Perrin, 2008. 526 p.
- Demangeon A. Le déclin de l'Europe. Paris: Payot, 1920. 314 p.
- Demangeon A. L'Angleterre, l'Europe et le monde: d'après le livre de Mr. Erich Obst // Annales de géographie. 1928. No. 207. P. 268–270.
- Du Réau É. L'idée d'Europe au XXe siècle: des mythes aux réalités. Bruxelles: Éditions Complexes, 2001. 372 p.
- Europe in Crisis: Intellectuals and the European Idea, 1917–1957 / ed. by M. Hewitson, M. D'Auria. N.Y.: Berghahn Books, 2012. 360 p.
- Fine M. A Passion for Action: the Three Political Crusades of Louise Weiss, 1915–1938. Ph. D. Diss. University of California, 1997. 351 p.
- Fischer D. Léon Blum. Paris: Ellipses, 2020. 316 p.
- Frank R. Les contretemps de l'aventure européenne // Vingtième Siècle. 1998. 60/1. P. 82–101.
- Greilsammer J. Blum. Paris: Flammarion, 1996. 612 p.
- Guiu J.-M. Pro-European Activism between the Wars: an exploratory Assessment // Comparative – Comparative European History Review. 2002. No. 1. P. 95–110.
- Guiu J.-M. Paul Painlevé et la paix // Paul Painlevé, un savant en politique / sous la dir. de C. Fontanon, R. Frank. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2005. P. 119–132.
- Manigand Ch. Les radicaux et l'Europe // Un siècle de radicalisme / sous la dir. de S. Berstein, M. Ruby. Villeneuve d'Ascq: Presses universitaires du Septentrion, 2004. P. 255–266.

- Mettas J. L'entre-deux-guerres, 1919–1939 // Histoire de la France des origines à nos jours / sous la dir. de G. Duby. Paris: Larousse, 1999. P. 819–848.
- Millet Ph. L'erreur allemande (Londres, 1er mars) // L'Europe nouvelle. 1921. 5 mars. P. 299–300.
- Ministère des affaires étrangères. Documents relatifs aux négociations concernant les garanties de sécurité contre une agression de l'Allemagne (10 janvier 1919 – 7 décembre 1923). Paris: Imprimerie nationale, 1924. 271 p.
- Ministère des affaires étrangères. Discours prononcé à Genève, le 5 septembre 1929 par M. Aristide Briand, Président du Conseil, Ministre des Affaires étrangères devant 10ème Assemblée de la Société des Nations. Paris: Imprimerie nationale, 1929. 8 p.
- Ministère des affaires étrangères. Memorandum sur l'organisation d'un régime fédérale Européenne. Paris: Imprimerie nationale, 1930. 16 p.
- Mitterrand F. Onze discours sur l'Europe (1982–1995). Napoli: Vivarium, 1996. 168 p.
- Muet Y. Le débat européen dans l'entre-deux-guerres. Paris: Economica, 1997. 182 p.
- Navari C. The Origins of the Briand Plan // Diplomacy & Statecraft. 1992. V. 3. N 1. P. 74–104.
- Nordblad J. The Un-European Idea: Vichy and Eurafica in the Historiography of Europeanism // The European Legacy. 2014. Vol. 19. No. 6. P. 711–729.
- Ory P., Sirinelli J.-F. Les Intellectuels en France. De l'affaire Dreyfus à nos jours. Paris: Armand Collin, 1992. 264 p.
- Pegg C. Evolution of the European Idea, 1914–1932. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1983. 228 p.
- Rasmussen A. Réparer, réconcilier, oublier: enjeux et mythes de la démobilisation scientifique, 1918–1925 // Histoire@Politique. 2007. No. 3. P. 1–14.
- Riou G. Europe, ma patrie. Paris, 1928. 318 p.
- Reytier M.-E. La politique allemande de la France et de la Grande-Bretagne dans *L'Europe Nouvelle*, 1918–1924 // Synergies. 2011. No. 4. P. 35–49.
- Saint-Gille A.-M. La «Pan-europe»: un débat d'idées dans l'entre-deux-guerres. Paris: Presses de l'Université de Paris-Sorbonne, 2003. 389 p.
- Siegfried A. European Reactions to American Tariff Proposals // Foreign Affairs. 1929. No. 8. P. 13–19.
- Sirinelli J.-F. Génération intellectuelle. Khâgneux et normaliens dans l'entre-deux-guerres. Paris: Fayard, 1988. 722 p.
- Thibaudet A. La République des professeurs. Paris: B. Grasset, 1927. 264 p.
- Weiss L. Quelques faits nouveaux en Europe Centrale // L'Europe nouvelle. 1921. 9 juillet. P. 876.
- W[eiß L.]. Vœux pour la Fédération européenne // L'Europe nouvelle. 1930. 4 janvier. P. 2.
- Wolff D. Albert Demangeon, l'Allemagne et les géographes allemands: entre admiration et appréhension, ouverture et vigilance, une relation complexe (1902–1940) // Revue germanique internationale. 2014. No. 20. P. 63–81.

Искандэр Эдуардович Магадеев, кандидат исторических наук, Московский государственный институт (университет) международных отношений, доцент, iskander2017@yandex.ru

Reasons and Aims of the European Integration Viewed by the French Centre-Left Intellectuals in the 1920s

This article aims to discern the conceptions of some authoritative French intellectuals of the 1920s dealing with the reasons and aims of the European integration. The special attention is paid to the intellectuals from the centre-left political spectrum of the Third Republic (radicals and socialists). Author concludes that their conceptions were heterogeneous and multi-component. The French centre-left intellectuals, sharing the thesis that there was necessary to exclude the new war in Europe, constructed it not only on the idealistic pacifism but also on the lessons derived from 1914–1918 and destructive experience of “total war”. The weakening of Europe in the global balance of power also influenced heavily the ideas about integration.

Keywords: *European integration, France, intellectuals, 1920s, First World War, pacifism.*

Iskander E. Magadeev, Candidate of Historical Sciences, Moscow state institute of international relations (MGIMO-University), Associate Professor, iskander2017@yandex.ru

Д.В. ШМЕЛЕВ

РЕВОЛЮЦИЯ, КОММУНИЗМ И ТОТАЛИТАРИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ ЖОРЖА БЕРНАНОСА

В статье исследуется жизненный путь, художественное творчество и публицистика крупнейшего французского католического писателя первой половины XX в. Жоржа Бернаноса. Несмотря на переводы на русский язык его художественных произведений, дневников и части публицистики, его политические взгляды, ангажированность почти не изучались. Вместе с тем они представляют интерес с точки зрения формирования правой, традиционалистской позиции французских интеллектуалов перед лицом русской революции, советского опыта строительства нового общества социальной справедливости и равенства, торжества и крушения тоталитарных идеологий. Позиция Бернаноса – это позиция думающего католика, размышляющего о кризисе веры и причинах упадка западной христианской цивилизации, противостоящей советскому коммунизму. Восприятие Бернаносом революционных потрясений и тоталитарного опыта в Европе прошло через травматизм Первой мировой войны, разрыв с Шарлем Моррасом, морально-этический выбор в период гражданской войны в Испании и борьбу с фашизмом в годы Второй мировой войны. Статья написана на основе художественных произведений, дневников, эссе и статей в газетах, опубликованных Бернаносом в период между двумя мировыми войнами.

Ключевые слова: Франция, Жорж Бернанос, католицизм, коммунизм, марксизм, тоталитаризм, русская революция.

Дискуссии, имевшие место в период между двумя мировыми войнами, оказали глубокое влияние на политическую культуру Франции, широко затронув католическое сообщество (интеллектуалов, политиков, простых верующих). Тема угрозы со стороны коммунизма, фашизма, тоталитаризма на долгие годы глубоко проникла в программы католических движений и партий, публицистику и художественное творчество. Как вести себя католику, и без того напуганному недавно завершившейся мировой войной и разрушительным прогрессом западной цивилизации, перед лицом молодой и воинствующей большевистской идеологии, которая к тому же объявила войну религии? Один из крупнейших французских писателей XX века Жорж Бернанос (1888–1948) попытался дать ответ на этот вопрос. В его творчестве переплетаются религиозная экзальтированность, «мрачный» и «непримиримый» католицизм, поиск истины и ответов на вызовы времени, но и внимательное наблюдение и оценка происходящих вокруг него событий. Но политическая траектория Бернаноса довольно противоречива и, по мнению историка Ж.-Л. Лубель дель Бейля, даже «бессвязна». Правый до публикации «Больших кладбищ под луной», но затем причисленный современниками к левым. Член «Королевских молодчиков» и поклонник Эдуарда Дрюмона, но затем критик Шарля Морраса, «Аксьон франсэз» и германского антисемитизма. Интеллектуальный и духовный вдохновитель Движения Сопротивления, антифашист, но после Освобождения противник сложившейся политической ситуации и антикоммунист. Таким предстает Бер-

нанос на протяжении своей бурной политической биографии, хотя сам он подчеркивал, что никогда не менялся¹.

Несмотря на издание произведений Бернаноса в нашей стране, подробных биографических исследований его жизни и творчества почти нет, за исключением анализа его литературно-публицистического наследия². Во Франции, что вполне естественно, писателю уделено большое внимание, как в рамках изучения его творчества, так и личной интеллектуальной траектории³. В данной статье акцент сделан на проблеме восприятия Бернаносом русской революции, ее последствий для западного общества и феномена тоталитаризма. Этот аспект представляется важным с точки зрения понимания общей позиции французского католического мира, его «непримиримого» спектра, относительно «советской темы». Однако у Бернаноса нет стройной системы взглядов. Специфика литературного стиля писателя состоит в том, что конкретные факты и события тонут в общем потоке абстрактного и эмоционального осмысления проблемы, будь то революция, террор и насилие, авторитаризм и тоталитаризм, антисемитизм, гражданская война в Испании или место католика в современном мире.

***

Выросший на северо-востоке Франции, унаследовавший глубокую набожность от своей матери, католик, консерватор и монархист, поддерживавший, как и многие представители его поколения, праворадикальную лигу «Аксьон франсэз» в тот момент, «когда абстрактная идея в сочетании с чувством образуют взрывчатую смесь», – таким он предстает в начале политического пути. При этом Бернанос был человеком, которому, по его собственным словам, нечего было сказать левым и который обращался исключительно к правым. «Людам, которые читали Маркса или Ленина и которые извлекли из их идей великую мечту о диктатуре пролетариата, смешно предлагать, пылко трепеща, энциклику *Rerum Novarum*»⁴, – заметит он.

Влияние на Бернаноса оказал его отец – католик, националист, монархист и читатель антисемитской газеты «*La Libre Parole*», издаваемой Дрюмоном. Отсюда у писателя изначальная враждебность к республиканским институтам и либеральному католицизму, но и весьма идеализированное видение старой монархистской Франции. Молодому Бернаносу «монархия кажется единственным институтом, способным обеспечить преемственность государства и служение всеобщему интересу». При этом монархизм у него сливается с национализмом, антисемитизмом и антибуржуазной (антикапиталистической) критикой⁵.

¹ Loubet del Bayle 1999: 247–248.

² Наркирьер 1978; Никитин 1988: 5–29; Никитин 1977: 32–40; Милешин 1984: 35–40.

³ Angelier 2021; Bothorel 2014; Dufay 2013; Robinot-Serveau 2012; Gaucher 1994; Muron 1998; Milner 1989; Esteve 1981; Béguin 1958; Chaigne 1954.

⁴ Bernanos 2011: 358. *Rerum Novarum* – энциклика папы Льва XIII, опубликованная 15 мая 1891 года, касалась положения трудящихся и социальной политики Церкви.

⁵ Loubet del Bayle 1999: 250, 252.

Но для него, как и для многих католиков его поколения, выбор правого или левого фланга остался размытым, нечетким, как бы символизируя родившуюся в католической интеллектуальной и политической среде дилемму: должен ли убежденный католик и интеллектуал быть только справа или во имя гуманизма и социальной справедливости он может сотрудничать с левыми и принять некоторые их идеи? Описывая увлечения своей молодости, Бернанос отметит: «Мы не были правыми. Кружок обществоведения, который мы организовали, носил название “Кружок Прудона”, афишируя тем самым скандальное покровительство. Мы составляли наказания для нарождавшегося синдикализма. Мы предпочли попытаться счастья с революцией рабочих, чем компрометировать монархию связями с рабочим классом, оставшимся на протяжении века чуждым традициям предков, глубинному смыслу нашей истории, классом, эгоизм, глупость и алчность которого увенчались введением разновидности рабства, более бесчеловечного, чем то, что некогда было отменено нашими королями»⁶. Несмотря на неприятие им либеральных и модернистских форм католицизма и идеи классового сотрудничества во имя обновления доктрины церкви, опыт оказался примечательным: «Мы пели вместе то “Да здравствует Генрих IV”, то “Интернационал”»⁷. Впоследствии в памфлете «Великий страх благонамеренных» он снова подчеркнет: «Революция, демократия, секуляризм – все это для нас было под разными именами выражением одного и того же анархического индивидуализма, в котором столько раз рисковал погибнуть гений нашей расы...»⁸.

После нескольких лет активного политического милитантизма (в 1913–1914 гг. Бернанос был редактором провинциальной консервативной и монархической газеты «Авангард Нормандии», выходившей в Руане), участия в войне, демобилизации, в 1919 г. он выходит из близкой к «Аксьон франсэз» организации «Королевские молодчики», хотя еще долгое время продолжает сохранять симпатии к Моррасу. В 1925 году он напишет Анри Матиссу: «Мои семнадцать лет были отданы Моррасу, я хочу сказать, ордену, который я считал совершенным. Но я рано понял, что нельзя путать приверженность ума с верой, а я всего лишь верующий человек»⁹. Отдаляясь от Морраса, Бернанос вместе с тем остро реагирует на критику того со стороны интеллектуалов-католиков, в частности Жаком Маритеном, после запрета, наложенного на «Аксьон франсэз» Ватиканом, о чем свидетельствует опубликован-

⁶ Большие кладбища под луной // Бернанос 1988: 262–263.

⁷ Там же: 262–263; Loubet del Bayle 1999: 253.

⁸ Bernanos 2011: 370.

⁹ Correspondance Maritain, Mauriac, Claudel, Bernanos 2018. Впоследствии Матисс также напишет, подтвердив тем самым косвенно реплику писателя: «Понять Бернаноса – это не только, конечно, расположить его относительно Морраса, но несомненно подчеркнуть то огромное значение, которое Моррас всегда имел для него» // Massis 1951: 188.

ная переписка в течение осени 1926 и зимы 1927 г.¹⁰ По свидетельству Ж. Ботореля, тот понимал с одной стороны всю деликатность отношений Морраса и Ватикана, а с другой, осознавал тот факт, что Моррас стал жертвой конъюнктуры¹¹. В мире, подверженном войне идеологий, идеи Морраса остаются для него еще долгое время «одним из главных голосов (и пути) интеллектуальной жизни»¹².

Ж. Бернанос внимательно наблюдает за мировыми событиями и драмами – за Россией, прошедшей быстрый путь от царизма до Советов, за Германией, охваченной «идеологической гражданской войной», за беспокойством французской буржуазии, опасавшейся распространения революционной «заразы», олицетворением которой стал французский коммунизм, за развернувшимися забастовками и стачками, которые были тревожным сигналом и угрозой социальной стабильности. Бернанос считает, что коммунизм, «рожденный духом Израиля», вместе с Сатаной хочет уничтожить Царство Божие, используя воцарившийся хаос и беспорядок, но в то же время подчеркивает ложность принятых христианских идей, который создают лишь иллюзию сопротивления и далеки от изначальной истины¹³.

В основе позиции Бернаноса лежит ряд событий, в комплексе обусловленных травматизмом Первой мировой войны. К их числу можно отнести утрату романтических иллюзий о политике, постепенное отдаление от «Аксьон франсэз» и конфликт с молодым поколением лиги, осознание необходимости защиты религии и веры от различных угроз¹⁴. Бернанос пытается оправдать свою позицию, показать молодежи те идеалы, за которые он со своими современниками сражался и в которые верил, публикуя «Великий страх благонамеренных» как биографию Дрюмона и историю политической и интеллектуальной полемики первых десятилетий III Республики. В последующие годы Бернанос остается националистом, монархистом, критично настроенным к демократии и парламентаризму, противником левых партий, его политическая публицистика «становится более свободной», освобождаясь от «идеологической ортодоксии» времен «Аксьон франсэз»¹⁵.

В 1926 г. Бернанос пишет один из своих лучших романов «Под солнцем Сатаны». Впоследствии он опубликует еще несколько: «Обман» (1927), «Радость» (1928), «Преступление» (1935), «Дневник сельского священника» (1935–1936), «Новая история Мушетты» (1937), «Господин Уин» (1943), пьесу для театра «Диалоги кармелиток» (1949) и посмертно изданный роман «Плохая мечта» (1950). В межвоенный период выходят его эссе и публицистика «Великий страх благонамерен-

¹⁰ Correspondance... 2018.

¹¹ Bothorel 2014: 136.

¹² Angelier 2021.

¹³ Bothorel 2014: 138.

¹⁴ Loubet del Bayle 1999: 255–259.

¹⁵ Ibid: 249.

ных» (1931), «Большие кладбища под луной» (1938), «Скандал истины» (1939). Позже публикуются его дневники «Униженные дети» (1949) и сборник лекций и размышлений «Свобода... для чего?» (1953).

В отличие от Франсуа Мориака, в романах которого часто встречаются отсылки на революционные настроения эпохи, у Бернаноса подобного почти нет. Его герои больше погружены в вопросы веры, отношений с окружающими или собственного существования, стремятся больше разобраться в себе, нежели дать ответ на революционные вызовы времени. Да и сам выбор героев из низов, будь то безымянный сельский священник, Мушетта или отец Дониссан подводит к тому, что им чужда политика, как безразличны к ней и жители глухих деревень северо-запада Франции, соприкасающиеся с ней только разве что через мэров своих коммун. Политика если и присутствует, то опосредованно, как сугубо внутренний и личный опыт, заслуживающий лишь упоминания вскользь (например, как пережитый этап увлечений молодости в случае торсийского кюре в «Дневнике сельского священника»).

Но монархизм, антиреспубликанизм и католицизм героев Бернаноса является определяющим, хотя солидарность Церкви с аристократией и буржуазией вызывает критику писателя. «Под солнцем Сатаны» – это роман «о борьбе против республиканской и демократической идеологии, против свободомыслия, против научной и позитивистской религии, основанной на вере в прогресс, против компромиссного католицизма, против извращенных слоев новых клерков от литературы, этих плохих пастухов, терпящих бедствие современности»¹⁶. Не случайно Маритен долго колебался перед его публикацией в коллекции «Золотая трость», которую он издавал вместе с Массисом, подвергнув определенной цензуре, опасаясь, что он будет плохо принят публикой, что он слишком своеобразен для католической культуры, слишком скандален и наполнен трагическим и мистическим видением священства в глухой французской провинции¹⁷.

Тем не менее, социальный вопрос в ряде романов Бернаноса стоит остро и навеян именно политическими обстоятельствами. Например, три важных для нас аспекта присутствуют в романе «Дневник сельского священника». Во-первых, это кризис веры и правильность поступков обычного сельского кюре. «Веры не теряют, она просто перестает наполнять жизнь»¹⁸, – утверждает автор. Во-вторых, фигура торсийского кюре, священника-демократа, восторженно встретившего папскую энциклику «*Rerum Novarum*», который стал пропагандировать с кафедры идею, что «труд не товар, покорный закону спроса и предложения, что нельзя спекулировать на заработной плате, на жизни людей, как на пшенице, сахаре или кофе». В итоге он среди прихожан «прослыл социали-

---

¹⁶ Chauvet 2020.

¹⁷ Angelier 2021.

¹⁸ Дневник сельского священника // Бернанос 1997: 109.

стом» и «благонамеренные крестьяне» добились его перевода в другой приход¹⁹. В-третьих, это проблема бедности. В этом аспекте Бернанос, пожалуй, теснее всего соприкасается с запросом эпохи на социальную справедливость и «русской темой». «У бедняков жизнь не сладкая. Ну, там, в России они еще пыгаются... Заметь, я не считаю русских хуже других; все они, нынешние, – безумцы, одержимые! – но у этих чертей русских крепкое нутро. Эти ребята – северные фламандцы. Они все переварят, пройдет век, два, они переварят и станут высокоразвитой в техническом отношении страной, их и на это хватит», – говорит торсийский кюре. Но и сам сельский священник тоже думает о русских «с каким-то любопытством, с нежностью», читая, например, воспоминания о детстве Максима Горького. Их цель – «покончить с бедностью», сделать из бедняка «человека обеспеченного» или даже «государственного служащего», а «у служащего всегда есть твердые устои»²⁰. Такое стремление в глазах священника понятно. «Мне думается, – считает он, сравнивая Россию и Францию, – что русский народ, напротив, был бедным народом, народом бедняков, что он изведал хмель бедности, ее власть. Если бы церковь могла причислить к лику святых целый народ и избрала бы этот, она канонизировала бы его как покровителя бедности, особаго заступника бедноты»²¹. Проступает приземленное и прагматичное восприятие духа эпохи: как не утратить веру в столь бурных событиях, как правильно решить проблему бедности и нищеты, которая является следствием пороков современного общества, можно ли отождествить простых русских людей с острым запросом на социальную справедливость. Но возможно ли это сделать через укрепление веры и с опорой на существовавший многие столетия институт Церкви или же нужны реформы, открытость новым течениям, демократии, революции? По сути, Бернанос оставляет вопрос без ответа, давая в своих сочинениях возможность высказаться людям с разными точками зрения, но не делая предпочтения никому. В то же время в «Дневнике сельского священника» четко обозначен предел революционных мечтаний. Увлекаться революционными идеями можно и нужно в молодости, переживая столь необходимый для зрелости социально-политический опыт. Но с возрастом, отмечает Бернанос, отношение меняется, как меняется и восприятие жизни, наступает суровая повседневная зрелая буржуазная реальность. Мелкособственническое бытие поглощает и убивает революционные мечтания. Луи Памир – простой рабочий-каменщик, антиклерикал, «даже социалист». Но стоило ему открыть свое дело, купить лавку, породниться с «хорошей семьей», то он «забыл обо всем этом»²².

Основные публицистические работы Бернаноса относятся к периоду 1930–1940-х гг. К этому времени советский опыт строительства

¹⁹ Там же: 55.

²⁰ Там же: 48.

²¹ Там же: 49.

²² Там же: 65.

социализма, как и французский коммунизм стали реальностью, в Германии к власти пришел нацизм, началась гражданская война в Испании, а во Франции на выборах победил Народный фронт. СССР стал важным игроком мировой политики и одним из конструкторов системы коллективной безопасности, призванной предотвратить надвигающуюся войну и сдерживать германскую угрозу. Образ Страны Советов, простого советского человека, работающего ради собственного счастья и светлого будущего становится идеалом для многих католиков, поддерживаемый пропагандой и восторженными «попутчиками» из числа интеллектуалов. Одновременно лозунг борьбы с фашизмом становится важным маркером определения политической позиции. Многих интеллектуалов события 1930-х гг. побуждают сделать выбор.

Ж. Бернанос не стал исключением. В 1932 г. он окончательно порвал с Моррасом и крайне правыми, разочаровавшись в их идеологии, возможностях и перспективах. Реплика Морраса: «Бернанос, я вам говорю “прощайте”», вынуждает того опубликовать свой ответ в «Фигаро» с подзаголовком «Мой дорогой учитель»²³. Вначале он предпочитает не ввязываться в развернувшуюся полемику, но в октябре – декабре 1932 г. не удерживается и публикует порядка двадцати статей, оформляя разрыв. В декабре 1932 г. Ж. Бернанос прекращает сотрудничество с газетой «Фигаро», имевшей тогда имидж «национальной правой», и примерно до 1936 г. избегает политической полемики, ограничиваясь небольшими статьями. В 1934 г. он переезжает со своими близкими на Мальорку, занимаясь больше литературным творчеством.

В Испании Бернанос становится свидетелем начавшейся гражданской войны и победы фалангистов. Хотя на Мальорке не велось активных боевых действий, ситуация была тревожной. В первое время его симпатии на стороне Франко, а его сын даже вступил в Фалангу. Однако развитие событий заставило его пересмотреть свою позицию²⁴. «Годы, проведенные на Мальорке, – пишет биограф писателя Ж. Боторель, – и все то, что испанская гражданская война побудила его узнать, вот решающий поворот как в его художественном творчестве, так и в его политических убеждениях. Он увидел контрреволюцию на марше, “людей порядка” в действии, испуганных богачей, ставших способными на самые отвратительные действия. Он был разочарован... Между ним и правыми открылась пропасть, которая вскоре примет масштаб бездны»²⁵.

5 июня 1936 г. Бернанос опубликовал в левокатолической газете «Сет» («Sept») статью «Католики совершают ошибки», в которой упрекнул «католическую пропаганду» в поверхностном изображении гражданской войны. Но упрек на деле оказался адресован не только ей. Бернанос подверг критике и католическую общественность, которая «на-

²³ Réponse... 1932. Обвинениями против Морраса насыщен памфлет Ж. Бернаноса «Мы, французы» (1939): Мы, французы // Бернанос 1988: 310–338.

²⁴ Winock 1999: 369–370.

²⁵ Bothorel 2014: 248.

блюдала без всякого сожаления за падением монархии», голосовала за партии Народного фронта и с удивлением обнаружила, что в республиканской Испании религиозный вопрос вышел на первый план, приводя к драматичным столкновениям, совсем как в Советской России. «Клерикалы и антиклерикалы, армия Зла и армия Добра лицом к лицу, таким был образ, благодаря которому мы легко смогли бы добиться от верующих отказа от их собственных политических предпочтений», – пишет он. Но в итоге разобщенные массы оказались ангажированы в совершенно другую политику. Автор осуждает «скандальную пассивность верующих» и призывает «осудить во имя евангелических принципов все то, что вначале было одобрено ими во имя социального порядка», отказавшись от «политики меньшего зла»²⁶. 31 июля 1936 г. в «Сет» вышла новая статья Бернаноса, в номере газеты, где события в Испании занимают значительное место²⁷. В августе 1936 г. Мальорка, до этого находившаяся под контролем республиканцев, становится ареной военных действий, жестокость которых ужасает Бернаноса.

От критики позиции верующих во время гражданской войны Бернанос постепенно переходит к глобальным проблемам. Он признает, что это уже «современная война» со своими законами, что политика нейтралитета, провозглашенная западными странами, является «глупостью», что обычный испанец, несмотря ни на что остается «верующим человеком». Последнее заставляет его резко осудить террор и преступления, совершаемые в ходе войны. Став свидетелем массового расстрела республиканцами своих противников на Мальорке, Бернанос пишет о них как о «враге», так как он не может «иначе назвать животных, способных очередь через маленькое окошко ручного пулемета вырезать сто пять узников, сваленных в кучу в зале, таком маленьком, что спустя восемь дней мы шли по луже свернувшейся крови в несколько сантиметров толщины»²⁸. В марте 1937 г. он с семьей возвращается во Францию.

Возвещая о грядущем выходе своей книги «Большие кладбища под луной», написанной под влиянием испанских событий, Ж. Бернанос подводит своеобразный итог: «Трудно принять суждения других о своих пороках. Еще более трудно признать свои ошибки. Общество имеет право карать за действия, которые опыт разоблачает как опасные. Оно неправо в том, что называет такую кару правосудием. Настоящая природа человека проявляется в позиции его совести перед лицом закона, его способе этому противостоять»²⁹.

Размах военных действий в Испании, варварство, с которым они велись обеими сторонами, применение новейших вооружений и безразличие мирового сообщества наложились на моральные переживания Бернаноса, на его сомнения в правильности движения общества в дан-

²⁶ Bernanos 1936(a): 6.

²⁷ Bernanos 1936(b): 10–11.

²⁸ Bernanos 1936(c): 9.

²⁹ Le Journal... 1937: 7.

ном направлении. В его глазах, «миф о Прогрессе был, без всякого сомнения, единственным, к которому смогли приобщиться миллионы людей, единственным, который удовлетворил одновременно их алчность, упрощенный морализм и застарелый инстинкт справедливости, унаследованный от предков»³⁰. Но этот прогресс увел людей далеко от веры, которая способна примирить, и он снова подчеркивает ее важность: «Евангелие включает в себе законы, нравы, страдания и даже утхи человеческие, ибо самая малая надежда человека и даже продукт его утробы благословляются в нем»³¹. В этом кроется горькое разочарование Бернаноса, наблюдавшего воочию сползание мира в пучину хаоса и борьбы всех против всех, где уже не действовали евангельские заповеди.

Но разочаровавшись в прогрессе как таковом, Бернанос все же задумывается о наилучшем политическом устройстве общества, каким оно должно быть, если все же прогресс удастся направить в нужное русло. Критично воспринявший события середины 1930-х гг. во Франции, когда «политическое соперничество уступило место социальной ненависти, развивавшейся в невыносимой атмосфере обоюдной боязни», Бернанос размышляет о судьбах монархии и демократии, причинах их упадка. Обе оказываются сильно зависимыми от народа. Ни монархия, ни демократия ничего не могут без народа. Монархия правит народом, но когда она забывает о нем, «тогда она умирает». Поэтому, учитывая исторический опыт, монархия не всегда эффективна и временна. Но Бернанос отказывает народу и в идеале демократии: «народной демократии нет, подлинная демократия народа немыслима». Народ у него всегда ведомый: «власть принадлежит тому, кто ее берет, кто чувствует в себе силы взять ее»³². У него проскальзывает отношение к народу как существу неразумному, которое надо направить, вести. В «Больших кладбищах под луной» можно встретить, например, рассуждения о народе вполне в духе того времени, проникнутое пренебрежением и элитизмом. «Народ в государствах-демократиях – это всегонавсего толпа, толпа, которую постоянно держит в напряжении невидимый Оратор, голоса, долетающие со всех уголков земли, голоса, которые берут ее за самое нутро, мощно воздействуют на ее нервы, стремясь говорить языком ее желаний, ее злобствования, ее страхов. Правда, парламентским демократиям, более возбуждимым, недостает твердости. Диктаторским же присущ внутренний жар. Имперские демократии являются собой демократию периода зрелости»³³, – пишет он. Однако народ в представлении Бернаноса все же нечто цельное и единое. «Есть левая буржуазия и есть буржуазия правая. Но левого или правого народа не бывает, есть только один-единственный народ»³⁴, – отметил он.

³⁰ Большие кладбища под луной // Бернанос 1988: 248.

³¹ Там же: 245.

³² Там же: 263–264.

³³ Там же: 245.

³⁴ Там же: 263.

Бернанос был свидетелем подъема тоталитарных режимов в Германии и СССР, деструктивного управления обезличенной толпой, которая всецело оказывается во власти диктатора-вождя. Анализ тоталитарного опыта составляет важную часть критических размышлений Бернаноса-публициста, напуганного его размахом и последствиями. Такое восприятие, впрочем, было характерно для многих католиков его поколения. Итальянский историк и философ Э. Джентиле так писал о реакции католиков на подъем тоталитаризма: «Для верующих христиан триумф политических идеологий, движений и режимов, придававших сакральное значение светским сущностям и партийным вождям, представлял собой серьезную и опасную угрозу нового язычества, чреватую для христианства распространением “коллективного идолопоклонства”...»³⁵. Не случайно именно через веру, через отношение к религии и Церкви Бернанос, как и большинство интеллектуалов-католиков того времени воспринимали происходящее в Германии или Советской России. Через угрозу христианству и традиционным ценностям он остро чувствовал опасность, которую несет тоталитарный опыт западному обществу и христианской цивилизации. У Бернаноса, как и многих католиков его времени, восприятие тоталитаризма пронизано морально-этической оценкой, которая априори предполагала ложность марксистской или нацистской альтернативы. Католики наделяли тоталитаризм религиозным смыслом и чувствовали ту угрозу, которую он в силу своей сущности представлял для западного христианства. «Тоталитарная цивилизация – недуг утратившего духовное начало человека»³⁶, – пишет Бернанос.

Но опасность тоталитарных режимов не только в их антихристианской сущности, но и в доминировании государства во всех сферах жизни общества. «Патологический» рост современного государства является очевидным признаком кризиса цивилизации и открывает путь к тоталитарному этатизму. По мнению Бернаноса, проблема тоталитаризма заключается в том, что государство осуществляет контроль над всеми аспектами человеческой жизни, претендуя в том числе на то, чтобы контролировать Церковь, превращая ее в инструмент своего господства. Но стремление государства контролировать духовную жизнь общества, стать одновременно религией и Церковью уже по самой своей природе было несовместимо с настоящим христианством. «Дело в том, что, когда Государство становится Богом, оно становится неспособным по-человечески делать свою работу, оно прячется за своим Мифом, как африканский король за колдуном»³⁷, – пишет он. Тоталитаризм несет в себе угрозу свободе, равенству и справедливости. В глазах Бернаноса, тоталитарное государство и общество – признак разрушения этой триады. «Тоталитарное государство – не столько причина, сколько симптом. Не оно уничтожает свободу, но оно организуется на развалинах свобо-

³⁵ Джентиле 2021: 200–201.

³⁶ Бернанос 2014: 74.

³⁷ Бернанос 2005: 78.

ды, и, если можно добавить еще один образ, я представляю его в виде гигантского гриба: он безгранично наращивает мощь и размеры, впитывая все гнилостные соки разложения свобод»³⁸.

Бернанос отмечает «удивительный русский опыт» как единственную реальную силу, способную уничтожить несправедливый социальный порядок. Но стремление к социальной справедливости сопровождается террором, известия о котором начинают проникать на Запад, и это заставляло задуматься и ужаснуться: «Террор кажется мне неотъемлемой частью революции беспорядка, потому что из всех разрушительных сил Террор заходит дальше других, проникает глубже, затрагивает самые основы души»³⁹. Он не приемлет террор ни в какой форме (клерикальной, буржуазной или военной), отмечая его пагубность, когда «граждане, лишённые защиты закона, имеют право на жизнь или смерть лишь по произвольному усмотрению государственной полиции»⁴⁰.

Часто тоталитаризм ассоциируется Бернаносом с советским опытом строительства социализма, хотя он и признает его глубокие исторические истоки. «Они (коммунисты) продолжают и намерены довести до конца эксперимент столетия, пусть это грозит миру рабством и превращением в экономическую каторгу. Ошибкой либерализма была вера в то, что система механизмов станет работать сама по себе. Коммунизм механику не меняет, он заставляет ее работать силой и будет заставлять, хотя бы в этой мясорубке погибли миллионы. Как и интеллектуалы-либералы XIX века, интеллектуалы-марксисты намерены устроить механический рай на земле... Не оставляя идею механического рая, они думают, что создать механического человека, робота, куда проще. Зачем они твердят нам, что некогда идеологи экономического либерализма требовали страшных человеческих жертвоприношений так называемому прогрессу? Подправленный марксистами миф о прогрессе по-прежнему алчет человеческой плоти и крови. За двадцать лет советского эксперимента только в России прогресс по Марксу сожрал больше людей, чем прогресс по Бентаму за столетие. А, впрочем, оба чудовища суть одно», – напишет он позднее⁴¹. Итак, корень зла – марксизм как идеология и практика, противоречащая природе человека и построению общества. «Марксизм отрицает или не принимает в расчет Божественное начало в человеке... Для марксиста, раба экономической необходимости, справедливость не может означать то же, что для человека, причастного Божественному началу... Для марксиста естественно видеть в бедности лишь социальную язву, с которой важно покончить, так же как с сифилисом или проституцией. Но мы не можем допустить, чтобы идея бедности была столь унижена в сознании людей»⁴², – пишет Бернанос.

³⁸ Бернанос 2014: 192.

³⁹ Большие кладбища под луной // Бернанос 1988: 294.

⁴⁰ Там же: 298.

⁴¹ Бернанос 2014: 138–139.

⁴² Там же: 139–140.

Современный тоталитаризм Бернанос считает проявлением немецкого духа и мысли. «Эксперимент», осуществляемый от центра Европы до границ Азии, «болванам вполне может показаться русским феноменом». Но, в сущности, «феномен этот был и остается немецким. Немецкая культура по прошествии многих столетий обнаружила в гегелевском Абсолютном духе и Общественном человеке Маркса инструмент, соразмерный ее всепоглощающей амбиции, ее вечной озабоченности, ее головокружительному чувству Становления»⁴³. Немецкая культура пытается заложить «основы нового мира». «Марксизм и нацизм – лишь два разных аспекта гегелевского опыта. Хотя гегелевско-нацистский эксперимент провалился, это не имеет значения, так как гегелевско-марксистский эксперимент – подопытным кроликом которого вот уже тридцать лет является Россия – имеет все шансы быть доведенным до конца». И далее он заключает: «Мне кажется, тот факт, что менее чем за тридцать лет в бескрайней России, с ее неисчерпаемыми ресурсами, установился выточенный по лекалам Маркса и Гегеля режим, следует рассматривать как гораздо более значительное событие, нежели поражение нацистов в войне. В рамках порожденной ею же цивилизации Германия рано или поздно вернет себе утраченное сторицей. А потом, каждому свое!»⁴⁴.

Приближение войны и размах европейских тоталитарных опытов погружают Бернаноса в пессимизм и желание остаться сторонним наблюдателем стремительно развивающихся событий. В 1938 г. он вместе со своей семьей переезжает в Бразилию, где остается до конца Второй мировой войны. К моменту отъезда Бернаноса из Европы «война в Испании вызвала еще больший, чем итальянская агрессия в Эфиопии, кризис сознания католической интеллигенции. Почти единодушный вначале в пользу сотрудничества, которое защищало христианскую цивилизацию от поджигателей церкви, убийц священников и верующих, неистовых безумцев, оскверняющих кладбища, этот прекрасный ансамбль расстроился с течением событий»⁴⁵, – пишет историк М. Винок. Разворот от поддержки Франко к антифашизму стал знаковым для многих французских католических интеллектуалов. Но в этот момент Бернанос отходит от ангажированной публицистики, погружаясь в литературу и философские размышления об общем упадке западной цивилизации.

В публицистике предвоенных и военных лет Бернанос осуждает сползание к войне, которое он видит следствием произошедшей деградации западного общества: «Тоталитарная демократическая война, война всех против всех, война любыми средствами, является разновидностью катастрофы, за ходом которой следуют военные и политики, делая вид, что они ею управляют...». В такой войне «нет и тени разумного»⁴⁶. Писатель четко осознает, что Франция и Европа находятся в состоянии

⁴³ Там же: 89.

⁴⁴ Там же: 90–91.

⁴⁵ Winock 1999: 372.

⁴⁶ Бернанос 2005: 59

глубокого кризиса. Но этот кризис в его понимании еще ужаснее, чем кризис, охвативший Запад после Первой мировой войны. В мире теперь господствует «всемирное тоталитарно-концлагерное варварство», угрожающее человеческой свободе⁴⁷. В этом плане появление тоталитарных государств было не столько случайным феноменом послевоенной политики, сколько продуктом экспансии государства в современном обществе через войну, революции, экономические кризисы, централизацию и планирование, суверенитет светской власти по отношению к церкви.

Находясь с семьей в Бразилии, наблюдая со стороны военный разгром Франции весной 1940 г., оккупацию, установление режима Виши, подъем сопротивления и освобождение страны, Бернанос еще больше укреплялся в своей правоте. Но крах фашизма сопутствовало торжество советского тоталитаризма, оказавшегося в числе победителей, и он с грустью констатирует: «Да, разумеется, с каменщиком и горе-художником покончено. Однако бывший семинарист пока еще крепко держится, разве что не сделался римским папой»⁴⁸. Тем самым он считает, что борьба с тоталитаризмом продолжается, что прежние конфликты никуда не исчезли, равно как и пагубная для человека религия, превращающая его в животное. Более того, советский тоталитаризм вышел из войны усилившимся и окрепшим, а от этого вдвойне опасным для общества. В этом, по его мнению, кроется причина будущей трагедии. Не идеализируя христианскую церковь, совершившую множество ошибок в своей истории, Бернанос снова повторяет, что именно через возврат к христианской этике и гуманизму можно порвать с этим «несправедливым миром», изменить порочное буржуазное общество.

Бразилия стала для Бернаноса своего рода обратным вариантом Мальорки, добровольным изгнанием. Находясь в «крайней отдаленности» от событий в Европе, Бернанос «ничего не видел и не переживал “странную войну”, политический крах Третьей республики, разгром французских армий и исход населения». Он также «ничего не знал о четырех годах Оккупации, коллаборационизме, Сопротивлении, облавах и лишениях», черпая информацию преимущественно из бразильской прессы. Но для Бернаноса это был шанс, поскольку, если писатель ничего не видел и не наблюдал, то он может пережить всю драму внутри себя, благодаря «безошибочному ясновидению»⁴⁹.

В июне 1945 г. по призыву генерала де Голля писатель вернулся на родину, пораженный атмосферой нетерпимой партийной борьбы, чисток от коллаборационистов, политических маневров. Пытаясь предостеречь французов от повторения прошлых ошибок, он на короткий период вернулся к активной журналистике, сотрудничая с газетами разного политического толка и выступая перед самой разной аудиторией. Но силы писателя оказались на исходе. Бернанос оказался в психологиче-

⁴⁷ Бернанос 2014: 48.

⁴⁸ Там же: 100.

⁴⁹ Angelier 2021.

ском, социальном и духовном одиночестве. Сраженный болезнью, он умирает в июле 1948 г., так до конца и не осуществив свои новые планы. Как напишет позднее Анри Массис, «его судьба была судьбой одинокого человека, его мысль – мыслью изолированного человека, его призвание – полным изгнанием, его жизнь – судьбой кочевника, все увлечения которого обернулись разочарованием или были отвергнуты»⁵⁰.

Взгляды Ж. Бернаноса являются показательными с точки зрения демонстрации глубинных страхов и надежд французских католиков перед лицом стремительно меняющегося мира, в котором нашлось одновременно место всевозможным бедствиям, проблемам, кризисам, утрате веры. Можно по-разному оценивать взгляды и деятельность Бернаноса, видеть в нем авторитетного писателя-католика, создавшего глубокие психологические произведения, или же ангажированного интеллектуала, пытавшегося донести до своих читателей свои истины и размышления. Его интеллектуальный маршрут символизирует этап драматичных переживаний, размышлений, которым шли представители его поколения, сталкиваясь с новыми вызовами. Католицизм, национализм и монархизм находят свое продолжение в критике бездуховности современного общества и эксцессов гражданской войны в Испании, а антифашизм соседствует с антитоталитаризмом и критикой марксизма.

Придавая апокалиптический смысл тоталитарному феномену, он объявлял его самым грозным врагом, угрожающим всей человеческой цивилизации. Торжество коммунизма и нацизма означало бы конец западного христианства и христианской цивилизации. Поэтому с ними необходимо было бороться любыми способами. Бернанос, несомненно, остается ярким представителем того поколения католиков, которое воочию наблюдало, пыталось познать сущность тоталитаризма и сражалось с ним, видело в преодолении этого зла возможность обновления духовных и моральных основ веры и западного христианства.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бернанос Ж. Сохранять достоинство: Художественная публицистика. М.: Прогресс, 1988. 435 с. [Bernanos Zh. Soxranyat` dostoinstvo: Xudozhestvennaya publicistika. M.: Progress, 1988. 435 s.]
- Бернанос Ж. Дневник сельского священника; Новая история Мушетты; Господин Уин: Романы. М.: Terra, 1997. 576 с. [Bernanos Zh. Dnevnik sel'skogo svyashhennika; Novaya istoriya Mushetty'; Gospodin Uin: Romany'. M.: Terra, 1997. 576 s.]
- Бернанос Ж. Униженные дети: Дневники 1939–1940. СПб.: Владимир Даль, 2005. 248 с. [Bernanos Zh. Unizhennyy'e deti: Dnevniki 1939–1940. SPb.: Vladimir Dal', 2005. 248 s.]
- Бернанос Ж. Свобода... для чего? СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2014. 288 с. [Bernanos Zh. Svoboda... dlya chego? SPb.: Izd-vo Ivana Limbaxa, 2014. 288 s.]
- Джентиле Э. Политические религии. Между демократией и тоталитаризмом. СПб.: Владимир Даль, 2021. 395 с. [Dzhentile E'. Politicheskie religii. Mezhdru demokratiej i totalitarizmom. SPb.: Vladimir Dal', 2021. 395 s.]
- Милешин Ю.А. Ж. Бернанос и Достоевский // Милешин Ю.А. Достоевский и французские романисты первой половины XX века. Челябинск, 1984. С. 35–40. [Mileshin Yu.A. Zh. Bernanos i Dostoevskij // Mileshin Yu.A. Dostoevskij i francuzskie romanisty` pervoj poloviny` XX veka. Chelyabinsk, 1984. S. 35-40].

⁵⁰ Massis 1951: 241.

- Наркирьер Ф. Жорж Бернанос, певец отчаяния и надежды // Бернанос Ж. Под солнцем Сатаны. Дневник сельского священника. Новая история Мушетты. М.: Худож. лит., 1978. С. 5–18. [Narkir'er F. Zhorzh Bernanos, pevecz otchayaniya i nadezhdy` // Bernanos Zh. Pod solncem Satany`. Dnevnik sel'skogo svyashennika. Novaya istoriya Mushetty`. M.: Xudozh. lit., 1978. S. 5-18].
- Никитин В.А. Художественный метод Бернаноса // Вестник МГУ. Сер. 10. 1977. №2. С. 32–40. [Nikitin V.A. Xudozhestvenny`j metod Bernanosa // Vestnik MGU. Ser. 10. 1977. №2. S. 32–40].
- Никитин В.А. Тернистый путь к истине // Бернанос Ж. Сохранять достоинство: Худож. публицистика. М.: Прогресс, 1988. С. 5–29. [Nikitin V.A. Ternisty`j put' k istine // Bernanos Zh. Soxranyat' dostoinstvo: Xudozhestvennaya publicistika. M.: Progress, 1988. S. 5-29].
- Angelier F. Georges Bernanos: La colère et la grâce. P.: Seuil, 2021. 576 p.
- Béguin A. Bernanos par lui-même. P.: Seuil, 1958. 189 p.
- Bernanos G. La Grande peur des bien-pensants. P.: Le Livre de Poche, 2011. 410 p.
- Bernanos G. Les catholiques ont des torts // Sept. 1936(a). 5 juin. P. 6.
- Bernanos G. Affaires d'Espagne et d'ailleurs // Sept. 1936(b). 31 juillet. P. 10-11.
- Bernanos G. Pas de zèle! // Sept. 1936(c). 16 octobre. P. 9.
- Bothorel J. Bernanos. Le Mal-pensant. P.: Grasset, 2014. 400 p.
- Chaigne L. Bernanos. P.: Ed. universitaires, 1954. 128 p.
- Chauvet P. Georges Bernanos. Un prophète pour notre temps. P.: Presses de la Renaissance, 2020. 224 p.
- Correspondance Maritain, Mauriac, Claudel, Bernanos. Un catholique n'a pas d'alliés. P.: Cerf, 2018. 362 p.
- Dufay Ph. Bernanos. P.: Perrin, 2013. 272 p.
- Estève M. Bernanos: un triple itinéraire. P.: Hachette, 1981. 323 p.
- Gaucher G. Bernanos ou l'invincible espérance. P.: Cerf, 1994. 192 p.
- Le Journal de Georges Bernanos // Sept. 1937. 22 janvier. P. 7.
- Loubet del Bayle J.-L. L'illusion politique au XXe siècle. P.: Economica, 1999. 369 p.
- Massis H. Maurras et notre temps. P.-Genève, 1951. T. 1. 281 p.
- Milner M. Georges Bernanos. P.: Librairie Séguier, 1989. 389 p.
- Muron L. Bernanos. P.: Flammarion, 1998. 316 p.
- Réponse de Georges Bernanos à Charles Maurras // Le Figaro. 1932. 21 mai.
- Robinot-Serveau K. Les Romans de Bernanos. Métamorphoses de la transcendance. P.: Classiques Garnier, 2012. 478 p.
- Winock M. Le siècle des intellectuels. P.: Seuil, 1999. 885 p.

Шмелев Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, профессор, Казанский федеральный университет; dmitryShmelev@mail.ru

Revolution, Communism and Totalitarianism in Georges Bernanos' Works

The article examines the life path, artistic creativity and journalism of the largest French Catholic writer of the first half of the XX century, Georges Bernanos, was chosen. Despite the translations into Russian of his works of art, diaries and parts of his journalism, his political views and engagement were almost not studied. At the same time, they are of interest from the point of view of the formation of the right-wing, traditionalist position of French intellectuals in the face of the Russian revolution, the Soviet experience of building a new society of social justice and equality, the triumph and collapse of totalitarian ideologies. The position of Bernanos is the position of a thinking catholic reflecting on the crisis of faith and the causes of the decline of Western Christian civilization opposing Soviet communism. Bernanos perception of the revolutionary upheavals and totalitarian experience in Europe went through the traumatism of the World War I, the break with Charles Maurras, the moral and ethical choice during the Spanish Civil War and the fight against fascism during the World War II. The article is written on the basis of works of fiction, diaries, essays and articles in newspapers published by Bernanos in the Interwar period.

Key words: *France, Georges Bernanos, Catholicism, Communism, Marxism, totalitarianism, Russian Revolution.*

Shmelev Dmitry, Doctor of Science (History), professor, Department of Archeology and General History, Kazan Federal University; dmitryShmelev@mail.ru

Д.В. МИХЕЛЬ

ИЗУЧЕНИЕ АНТИЧНОСТИ КАК СТРАТЕГИЯ ФИЛОСОФСКОГО СВОБОДОМЫСЛИЯ В СССР (СЛУЧАЙ А.Ф. ЛОСЕВА)¹

Предметом статьи является один из наиболее известных случаев философского свободомыслия в СССР, связанный с именем А.Ф. Лосева. Обращаясь к анализу разнообразного материала, связанного с творчеством философа, автор приходит к выводу, что Лосева следует рассматривать как воинствующего неприятеля современного мира и убежденного защитника православия. Это позволяет объяснить те упреки Лосеву в антисоветизме, антилиберализме, антисемитизме и антисциентизме, которые были сделаны в его адрес критиками, как в советский, так и в постсоветский период. Однако целый ряд жизненных обстоятельств, прежде всего отказ Лосева согласиться с Декларацией митрополита Сергия 1927 года, вынудили его прервать общение с церковными деятелями и привели, по его словам, к внутреннему отшельничеству. Отражением этого духовного поворота стала его философская стратегия, наметившаяся в 1930-е гг., когда Лосев сосредоточил все свое философское внимание на изучении античности. Интерпретация некоторых текстов Лосева, а также его высказываний, собранных В.В. Бибихиным, приводит автора к выводу, что Лосеву в полной мере удалось осуществить свой философский замысел. Анализируя творчество античных мыслителей, Лосев показал значимость великой античной традиции для современного мира и закрепил за собой право считаться ее главным хранителем в советский период.

Ключевые слова: А.Ф. Лосев, философское свободомыслие, антимодернизм, традиция, изучение античности, «Русский Прокл».

---

21 мая 1930 г. в Институте философии Коммунистической академии был прочитан доклад, целью которого стало разоблачение «реакционного, претенциозного и воинственного по форме» идеализма А.Ф. Лосева. В докладе было заявлено, что идеализм существовал в СССР в течение всех революционных лет, а также в период НЭП, «открыто выступая против марксизма и против нашей революции», но теперь, после Великого перелома 1929 года, настало время покончить с этой враждебной формой философской мысли². Автором доклада выступил Х.И. Гарбер – один из представителей того поколения воинствующих советских марксистов, которые, ведя идейную борьбу с оппонентами правящего режима, сами стали его жертвами. К тому моменту, когда Гарбер взялся разоблачать идеализм Лосева, великий русский философ уже был арестован (18 апреля 1930 г.). Что касается Гарбера, то по обвинению в участии в составе троцкистско-зиновьевского блока он был арестован в апреле 1936 г., после чего в октябре 1937 г. его расстреляли³.

Несмотря на откровенно поверхностное и крайне предвзятое изложение «собственного идейного облика Лосева», Гарберу удалось в основном описать ту философскую стратегию, которой пользовался Алек-

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 20-78-10053.

² Гарбер 1930: 124.

³ Кузнецов 2021: 35.

сей Федорович. В своем докладе он отмечал, что «Лосев выступает часто в качестве исследователя... он изучает античную философию, которой уделяет много внимания... Часто он пишет эзоповым языком, нередко — иронически. Бывает и так, что Лосев говорит не сам, а устами Платона, и нужно разобраться, где кончает один и где начинается другой... Чувствует себя он свободно лишь в обществе Плотина и Прокла. Себя он ставит в одном ряду с ними, так что сам Лосев, по-видимому, считает себя не то Платином, не то Проклом наших дней... Всю новoeвропейскую историю, примерно с XVI века, он подвергает злобной критике. Он объявляет себя противником всей капиталистической культуры, ее техники, экономики, политики и идеологии... это относится не только к капитализму как он есть, но и ко всему, что из него вырастает, т.е. к социализму и коммунизму... Лосев является философом православия, апологетом крепостничества и защитником полицейщины»⁴.

Хотя Гарбер был далеко не единственным, кто в те годы яростно атаковал философию Лосева — в число критиков философа входило немало других деятелей той эпохи, включая И. Бачелиса, М. Горького, Л.М. Кагановича, А.М. Деборина⁵, — именно ему, кажется, удалось подметить тот факт, что интерес Лосева к античности стал особой стратегией философского свободомыслия — совершенно недопустимого в условиях идеологического контроля над всякой формой мысли в стране. «Изучение античности, филологии и эстетики не только не исключает, но, напротив того, предполагает наличие у самого Лосева известного миропонимания, т.е. определенной философии»⁶. Если оставить в стороне детали, то Гарбер в своем разном выступлении вполне справедливо заключил, что к 1930 г. Лосев оказался одним из немногих философов в СССР, который не только сумел радикально дистанцироваться от господствующего философского дискурса, но и сохранил максимально возможную степень интеллектуальной автономии, направив свою собственную мысль в то пространство, где она оказалась свободной от новых норм и принципов философствования. В духовно-интеллектуальном плане Лосев занял обширное пространство античной и средневековой философии, превратив его в свою неприступную крепость.

Духовная брань против современного мира

Лосев ушел из жизни более тридцати лет назад, но до полного понимания его философской позиции еще далеко. Колоссальная работа, проделанная А.А. Тахо-Годи и ее соратниками по публикации лосевского наследия и интерпретации его главных философских идей, создала условия для того, чтобы жизнь и мысль Лосева не только стали достоянием российской общественности, но и позволили нам лучше понять самих себя и свое время. Кроме того, что было сделано Тахо-Годи и

⁴ Гарбер 1930: 124–144.

⁵ Бачелис 1929; Горький 1929; XVI съезд ВКП (б) 1930: 75. Подробнее см.: Тахо-Годи 2007: 133–139.

⁶ Гарбер 1930: 124.

другими лосевцами, более полному пониманию философской мысли Лосева, на наш взгляд, способствуют и его оппоненты, как прошлые, так и нынешние. Если предложенная выше метафора о Лосеве, как мыслителе, превратившим свою античность (и средневековье тоже) в неприступную крепость, верна, то для того, чтобы понять Лосева, важно слышать не только тех, кто его защищал и защищает, но и тех, против кого он выступал, и кто вел с ним собственные интеллектуальные битвы.

В начале статьи было упомянуто о советском марксисте Гарбере, который в 1930 г. попытался изобличить Лосева в качестве реакционного православного философа, «апологета крепостничества и защитника полицейщины», отказывающегося признавать социализм с марксизмом. Действительно, это весьма точная оценка, и с ней охотно соглашается Тахо-Годи, когда утверждает: «Но какой у него при всем невежестве пролетарский нюх: да, Лосев действительно враг страны победившего социализма»⁷. Отметим при этом, что свои оценки и выводы в отношении антимарксизма и антисоветизма Лосева Гарбер сделал на основании анализа семи книг философа, вышедших к началу 1930 г. Особенное его негодование вызвали «Философия имени», «Античный космос и современная наука», «Очерки античного символизма и мифологии». Когда Гарбер делал свой доклад о Лосеве в свет еще не вышла самая смелая книга русского мыслителя – «Диалектика мифа», а также еще более воинственное по своему содержанию «Дополнение» к ней. Если бы эти работы оказались доступны Гарберу, то его реакция на идеализм, мистицизм и антимарксизм Лосева была бы еще более бурной. Но весь тираж «Диалектики» – за исключением трех чудом уцелевших экземпляров – пошел под нож, а текст обеих работ, включая не попавшее в издательство «Дополнение», стал предметом пристрастного чтения следователей ОГПУ. Летом 1930 г. там был подготовлен краткий конспект антимарксистских взглядов Лосева, которым впоследствии воспользовались Каганович и Горький в своих публичных заявлениях о Лосеве⁸.

А.А. Тахо-Годи и В.П. Троицкий справедливо утверждают, что истинной причиной ареста Лосева в апреле 1930 г. стало не его вмешательство в процесс подготовки печатной версии «Диалектики», куда он внес ряд важных вставок из «Дополнения», а его связь «с проблемами религиозными, а именно имяславскими»⁹. Лосев попал в поле зрения чекистов еще до того, как приступил к публикации последней части своего первого восьмикнижия, как раз в связи с антисоветской деятельностью. О какой деятельности может идти речь? Едва ли Лосев мог быть явным контрреволюционером. В силу его философских занятий Лосева можно было представить только в качестве идеолога антисоветской деятельности, и именно в таком свете его представили следователи ОГПУ. Во время проходившего в 1930 г. следствия чекисты подготовили не-

⁷ Тахо-Годи 2007: 134.

⁸ Тахо-Годи, Троицкий 2021: 25–26.

⁹ Тахо-Годи, Троицкий 2021: 27.

сколько секретных докладов, в которых Лосев был показан как идеолог имяславского религиозного движения, направленного против советской власти. В силу отсутствия иных доказательств основными аргументами по этому делу стали выписки из «Диалектики» и «Дополнений». В мае 1930 г. в докладе о политическом состоянии интеллигенции и ее антисоветской деятельности следователи сообщали: «Небезызвестный представитель идеологической школы философии А.Ф. Лосев выпустил в издании автора ряд книг, в которых он открыто выявляет себя как противника марксизма. В своих книгах... Лосев нередко проявляет и свое явно антисоветское направление. Он жалуется здесь на “условия дикой страны”, в которой ему приходится работать, и призывает европейских ученых обратить внимание на положение философии в СССР... он открыто издевается над советской властью, сравнивая нашу политическую систему со средневековой... Марксизм Лосев определяет как «вырожденческий плод классического иудаизма», доходя в этом своем “научном определении” марксизма к явному черносотенству»¹⁰. В докладе о контрреволюционных церковных и сектантских организациях и группах от 15 октября 1930 г. сообщалось: «В книге “Диалектика мифа” идеологический руководитель “имяславия” проф. Лосев А.Ф. прямо говорит: «Советская власть, чуждая русскому народу. Едва тлеющая лампадка вытекает из православной догматики с такой же необходимостью, как царская власть в государстве... Для монаха революция есть сатанизм»¹¹.

Поскольку антимарксистские и антисоветские взгляды Лосева давно уже более или менее были проанализированы философами и историками, то нет смысла дополнительно останавливаться на этом сюжете. Данное есть неопровержимый факт, с которым согласна не только Тахо-Годи, но были согласны в свое время следователи ОГПУ и все те критики и недоброжелатели философа, которые видели в нем мыслителя, отказывающегося принимать социализм, марксизм и советскую власть. Значительно интереснее выглядит ситуация с восприятием философии Лосева в постсоветский период, когда необходимость защищать его имя, казалось бы, исчезла. Между тем на рубеже 1990-х и 2000-х гг. в упрек Лосеву вслед за антисоветизмом был поставлен и его антилиберализм.

Весьма примечательна в этом плане небольшая статья С.Н. Земляного, который представил Лосева как убежденного врага либерализма. Используя в основном те же самые работы Лосева, что и следователи ОГПУ в 1930 г., Земляной пришел к выводу, что в политических симпатиях Лосева либерализму отводилось места еще меньше, чем социализму и коммунизму. Определяя философскую позицию Лосева как «клерикально-консервативную мифологическую дистопию», этот автор пишет: «Вот и назван по имени наиглавнейший политический враг Лосева, исчадием, порождением которого является и коммунизм: либерализм, буржуазный дух Нового времени, капиталистический этос». Приводя

¹⁰ Совершенно секретно 2008: 1146–1147.

¹¹ Совершенно секретно 2008: 1461.

рассуждения из лосевских «Очерков античного символизма и мифологии», Земляной заключает: «Лосев не устает подвергать поруганию все, что хоть сколько-нибудь припахивает либерализмом; он прямо-таки заиклен на его изобличении. Не трудно понять почему: именно либерализм, недостаточную жесткость царского режима по отношению к интеллигентским смутьянам и разрушителям основ монархии и православия он числит среди важнейших причин революции»¹².

Нетрудно предположить, что эта публикация о политических взглядах Лосева вызвала явное неудовольствие со стороны поклонников лосевского свободомыслия, которые привычно относили его к числу незаслуженных жертв советского режима, отправившего философа в лагерь и запретившего ему публиковаться на протяжении почти четверти века. Но все же упрек приверженцев либерализма Лосеву оказался справедливым. Сам философ дал этому явный повод. Вот примеры некоторых из его антилиберальных высказываний: «Переход от Средних веков к Новому времени – эпоха величайшей мировой катастрофы... Убить Бога и занять Его место – заветная мечта человека, лишь немногим более поздняя, чем мечта о всецелом подчинении. Отсюда, если средневековое мировоззрение все называют теологией, то новое мирозерцание точно так же все должны были бы называть сатанологией, если бы не вековое ослепление либеральными побрякушками... Романтизм идет рука об руку с механическим материализмом... Машина – антипод всякого творчества, удушение живого ума, очерствение и потемнение чувств... Мировое мещанство празднует в машине свою последнюю и при этом небывалую победу... Разве не бездарен этот парламентаризм, эта борьба партий, эти выборы, это пресловутое большинство голосов?... Больно и горько думать, что в земле Русской были и есть люди, мечтающие о водворении этой лжи у нас; что профессора наши еще проповедуют своим юным слушателям о представительном правлении как об идеале государственного учреждения... И все это есть либеральная культура, культура личности и субъекта, учение “об общем благе”! – Хороша же “свобода”, хороши “личности” и “субъекты”!»¹³.

На фоне оценок, выставляющих Лосева антисоветским и антилиберальным мыслителем, еще более примечательно выглядит его оценка как ярого антисемита. Именно так подошел к философскому творчеству Лосева Л.Ф. Кацис, сделавший акцент на лосевских рассуждениях о Каббале и иудейских началах в новоевропейском капитализме и вытекающем из него социализме¹⁴. Предложенный им подход был направлен на то, чтобы развенчать авторитет Лосева, сложившийся в российской интеллектуальной среде: «Лосев для нас предмет изучения, а не поклонения»¹⁵. Основными материалами для выводов Кациса стали лосевские

¹² Земляной 2000.

¹³ Лосев 2021: 324, 325, 333–334, 335, 342.

¹⁴ Лосев 2021: 362–381, 381–394.

¹⁵ Кацис 1999а: 69.

«Дополнения», а также некоторые следственные материалы по делу Лосева¹⁶. Апеллируя к этим материалам, Кацис вступил в жесткую дискуссию с лосевцами и сторонниками нейтрально-академического подхода к творчеству философа, утверждая, что к Лосеву надо относиться так, как сам Лосев относился к Платону – «апологет монахов, философ полиции, защитник рабства и мистического коммунизма, гонитель искусств и наук, заклятый враг семьи и брака... строжайший аскет и диалектик... это все диалектически-органическая целостность, единый и цельный лик философа, единый и цельный лик платонизма». Для Кациса лосевские рассуждения об иудаизме, о «еврейском вопросе» стали поводом уличить Лосева в антисемитизме и указать на близость позиции философа к фашизму. «Не правда ли, господа, есть над чем задуматься?»¹⁷.

Попытка Кациса развенчать нормативный образ философа, сложившийся в отечественной интеллектуальной культуре благодаря усилиям Тахо-Годи и других лосевцев, вызвала ответную реакцию с разных сторон, в том числе со стороны авторов, далеких от сообщества ученых «Дома Лосева». Так, Д. Иоффе в ответ на публикации Кациса о Лосеве констатировал: «Кацис выбрал весьма интересное поле академических дебатов. Если быть предельно недвусмысленным и кратким, то его можно было бы характеризовать так: «Изыскание антисемитов среди тех, кто в массовом сознании до сих пор не числился»... Волею судеб он сконцентрировал свой персональный крестовый поход против антиевреев и иже с ними, на фигурах выдающихся русских философов – Павле Флоренском и Алексее Лосеве». Иоффе сделал акцент на тенденциозности рассуждений Кациса и его непрофессионализме, а кроме того, на стремлении данного автора добиться признания за счет спекуляций на имени великого философа: «Почему мы вообще о Лосеве речь ведем? Ведь не потому, что он был антисемитом! Мало ли антисемитов в мире... А исключительно потому, что Лосев был выдающимся ученым и значительнейшим русским философом и античником»¹⁸.

Действительно, дискуссия об антисемитизме Лосева, инициированная Кацисом, вызвала бурную реакцию среди отечественных интеллектуалов¹⁹, которые в большинстве своем сделали акцент на том, чтобы не выпячивать лосевский антисемитизм в противовес другим заслугам философа. Нам же представляется, что по итогам дискуссии можно сделать и еще один вывод. Он состоит в том, что, хотя вопрос об антисемитизме Лосева рассматривается как спорный, обсуждение его позволило придать еще большую полноту нашему пониманию жизни и мысли Лосева, добавить еще один штрих к образу лосевского свободомыслия.

Между тем полученные при определении философской позиции Лосева определения – антисоветизм, антилиберализм и антисемитизм –

¹⁶ Кацис 1999а; Кацис 1999b; Кацис 2017.

¹⁷ Кацис 1999а: 87.

¹⁸ Иоффе 2002.

¹⁹ См., например: Столович 1997.

все еще не дают законченной формулы, которую можно было бы применить к жизни и мысли философа. Так, в весьма предвзятом антилосевском исследовании О.Е. Акимова повторяются все вышеприведенные тезисы об антисоветизме и антисемитизме Лосева, о его «фашистских взглядах», а вместо так называемого антилиберализма данный автор то и дело вскрывает у Лосева «научное невежество» и полное нежелание принять базовые подходы современного естествознания²⁰. Присоединяясь к рассуждениям Гарбера, Земляного, Кациса и других критиков Лосева, Акимов не оставляет камня на камне от его философии. Он называет ее «чудовищной» и требует запретить ее преподавание в вузах. Принимая во внимание интеллектуальные интересы Акимова, несложно сделать вывод о том, что он упрекает Лосева, прежде всего, в антисциентизме и идейном несоответствии культуре модерна.

Как бы бесцеремонно ни звучала такая претензия, но Акимов в значительной мере прав. Лосев действительно выглядит как воинствующий неприятель современного мира. Философский антимодернизм пронизывает все его первое восьмикнижие и в скрытом виде присутствует в более поздних работах. Типичным проявлением лосевского антимодернизма является тот пассаж из «Диалектики мифа», где философ иллюстрирует особенности христианского мифа. В качестве примера он приводит заклинательную молитву, помещенную в чине изгнания беса в Требнике Петра Могилы. «Убойся, бежи, бежи, разлучися, демоне нечистый и скверный, преисподний, глубинный, лъстивый, безобразный... Устыдися образа рукою Божию созданного и воображенного: убойся воплощенного Бога подобия и не сокрыся в рабе Божиим»²¹. В сущности, это не просто пример для иллюстрации аргумента. Это манифестация позиции самого Лосева – философа, ведущего духовную брань против бесов современного мира. В этом плане он стоит в одном ряду с другими философами XX века, воюющими с модерном и защищающими традицию – М. Хайдеггером, Р. Геноном, Ю. Эвола, М. Элиаде и др. С.С. Хоружий в блестящей статье о Лосеве представил его как «православного воина», ведущего «арьергардный бой» против советского марксизма²². Но в свете сказанного нам представляется, что сражение Лосева против марксизма – лишь один из эпизодов его духовной войны против современности. Философское творчество Лосева – это оборона всей христианской традиции, а его философские аргументы – интеллектуальное оружие в защиту того, что было ему более дорого, чем современность.

Отступление к античности

Все новые факты о жизни и мысли Лосева, открывающиеся в последнее время, позволяют нам еще более укрепиться в представлении о нем как о воинствующем антимодернисте. Недавнее обнаружение двух

²⁰ Акимов б.г.

²¹ Лосев 2021: 242.

²² Хоружий 1998.

полемических писем к архимандриту Давиду (Мухранову) и иеромонаху закрытой Зосимовой пустыни Досифею (Шонину), датированные началом 1928 г., позволили О.В. Косик сделать предположение, что их автором является Лосев²³. В самом деле, хотя полностью подтвердить лосевское авторство этих писем все еще сложно, но нам представляется, что именно Лосев в наибольшей степени подходит на роль обличителя этих деятелей русского православия. Предметом его обличения выступает их соглашательство с позицией митрополита Сергия (Старгородского), заявившего в 1927 г. о своей поддержке правящего большевистского режима²⁴. В этих письмах автор сокрушается о том, что его пастыри предали истинно православную веру, и отныне ему предстоит отказать от их наставничества. «Говорю Вам, как духовнику, что по самой чистой совести считаю я этих пастырей не пастырями добрыми, но волками в овечьей шкуре и нерадивыми наемниками... Не нужно нам таких пастырей, которые занимаются политикой... Вы сбились с пути истины и тянете за собой народ... До тех пор причащающиеся у Вас причащаются тьмою, и Вы ответите за них в день Судный. Прискорбно, что Вы пошли за мирским духовенством»²⁵. Тексты этих писем хорошо согласуются с более поздними признаниями Лосева В.В. Биыхину, из которых следует, что с определенного момента, возможно уже с 1928 г., он перестал посещать храмы и ушел во внутреннюю эмиграцию. «Я вспоминаю молодость, ездил тогда по монастырям. На монастырской службе читается и поется то, что наши светские батюшки опускают... И с этим воспоминанием я живу всю жизнь. Та культура исчезла, ее нигде нет. Русский мужик всё это уничтожил. Была великая культура... Моя церковь внутрь ушла... Я вынес весь сталинизм, с первой секунды до последней на своих плечах. Каждую лекцию начинал и кончал цитатами о Сталине... И у меня не отчаяние, а отшельничество. Я как Серафим Саровский, который несколько лет не ходил в церковь»²⁶.

После выхода из лагеря в 1933 г. перед Лосевым встала все та же задача, что стояла перед ним и в 1920-е гг. – сохранить за собой право на философское свободомыслие. Но на этот раз решать эту задачу пришлось в условиях, когда на философе уже прочно лежала печать антисоветчика и антимарксиста, укоренившегося в антично-средневековом мировоззрении. Лосеву необходимо было некоторым безопасным для себя образом публично продемонстрировать свое согласие с марксистской теорией. Кроме того, ему нужно было избавиться от всех уже высказанных упреков и заручиться правом на самобытное философствование на территории, открытой для чуждых ему идеологических воззрений. С этой задачей он справился в текстах 1930-х гг., публикация которых, впрочем, задержалась на два с лишним десятилетия.

²³ Косик 2018.

²⁴ Подробнее об этом, например.: Одинцов 2014: 145–227.

²⁵ Косик 2018: 129, 131, 132, 135

²⁶ Биыхин 2006: 154, 173

Наиболее подробным образом Лосев изложил свое кредо в предисловии к «Истории эстетических учений», датированном 16 декабря 1934 г. В тексте объемом более тридцати страниц Лосев не только признался в своем увлечении диалектикой, но и в том, что ему близки марксистские взгляды на вопросы бытия и сознания. При этом Лосев не ограничился такой констатацией, но, как было свойственно ему в прежние годы, довольно колко упрекнул ряд советских марксистов в примитивно-поверхностном следовании идеям марксизма. «Я не буду здесь называть имена и цитировать сочинения, но чаще всего среди моих врагов под флагом марксизма выступали самые отъявленные механисты, все эти замаскированные физики, физиологи, психологи и экономисты»²⁷. Согласно Лосеву, в марксистской теории особенно близким ему является историзм, но большинство известных ему марксистов совершенно не пользуются этим принципом, пользуясь более вульгарными взглядами. «В распространении историзма на все слои культуры я, несомненно иду дальше многих марксистов»²⁸. Рассматривая вопрос о «марксистских фрагментах» в поздних произведениях Лосева, прежде всего в «Истории античной эстетики», Р.Р. Вахитов доказывает, что никакого примирения Лосева с марксизмом, даже чисто внешнего, не произошло, но, как это следует из примера с теорией формаций, Лосев, используя те же категории, что и марксизм, развил их в духе собственного учения²⁹. Представляется, что вывод Вахитова справедлив и для более ранних работ философа, включая те, что создавались в 1930-е гг.

В «Истории эстетических учений» Лосев изложил и свою концепцию исторического развития культур, повторив в ней общую схему, представленную в «Дополнении к Диалектике мифа». По замечанию Л.А. Соломеиной, он рассмотрел историю как «морфологию культур», что уже было апробировано как в русской интеллектуальной традиции XIX – начала XX в., так и в немецкой философии от Гегеля и до Шпенглера³⁰. Особенно значимым для «морфологического подхода» является утверждение представления о равноценности всех «культурно-исторических типов». «С точки зрения историка-философа, – писал Лосев, – все эти периоды и все эти эстетические позиции, в сущности, совершенно равноценны»³¹. Выделяя культуры Востока, античности, христианского средневековья, новоевропейскую буржуазно-капиталистическую культуру и культуру социализма, Лосев смотрел на них не столько как на выражение прогрессирующей сложности общественной жизни, сколько как на свидетельство о неизбежно надвигающемся конце истории, в приближении к которому каждая из культур внесла свой собственный вклад. По словам Соломеиной, «лосевская морфология пронизана апокалипти-

²⁷ Лосев 1995: 336.

²⁸ Лосев 1995: 337.

²⁹ Вахитов 2018.

³⁰ Соломеина 2004.

³¹ Лосев 1995: 398.

кой, чувством... сгущения времен и желанием преодолеть историческое, прорваться к вечному, Божественному»³².

Утверждение Лосева о равноценности всех культурно-исторических типов было настоящим вызовом всем формам современного философского знания, базирующимся на идее прогресса. Оно было вызовом как либеральным, так и марксистским воззрениям о том, что преодоление средневековья, не говоря уже об античности, стало важным шагом на пути к более высшей и более ценной стадии общественной жизни. Во вводной части «Истории эстетических учений» полемизируя с этой прогрессистской концепцией, Лосев приводит пространное рассуждение о средневековом феодализме. «Феодализм есть всегда традиционализм и отсутствие идеи прогресса. Это очень стабильная и созерцательная система. Здесь сознание человека устремлено в личностные глубины бытия... Феодальный человек не потому не имел развитой техники, что он был глуп и беспомощен, но потому, что она трансцендентно связана с культурой изолированно-рассудочных функций субъекта, а феодальный субъект – целостная личность. И не потому здесь мало прогрессировала наука и люди были неграмотны, не знали настоящей медицины и санитарии и при каждой эпидемии мерли как мухи, что они были хуже современного культурного европейца, глупее его и ниже его. Но это было потому, что отвлеченная наука не нужна целостной личности, что грамотность в азбуке – дело слишком маленькое для глубин духовной жизни личности, что умирать в болезнях, нищете и грязи не только не мешает спасению души, но скорее способствует ему, так как этим развивается в человеке сознание его ничтожества и, следовательно, смирение перед абсолютной личностью... Нельзя освободить совесть. Разве совесть может не быть свободной?... Христианство в этом отношении сделало человека свободным, открывши ему опыт абсолютно-личностного бытия... Все прочие “свободы” есть только новое обезличение и закабаление... христианство начинает падать с тех пор, с каких пор начинает падать феодальное крепостничество... крепостничество падает с того момента, с какого христианский абсолютизм начинает становиться либерализмом»³³.

Как и во всех случаях у Лосева его рассуждение о феодализме – фактически о христианском средневековье – не просто случайная иллюстрация к его курсу по истории эстетических учений. Подобно молитве из Требника Петра Могилы этот пример выражает его философскую позицию, является очередным вызовом современному миру. Но его уход во внутреннее отшельничество, о котором он сообщал много лет спустя Бибихину, и духовный разрыв с сергианской церковью сделали его дальнейшее публичное отстаивание ценностей христианского средневековья невозможным. Очевидно, именно поэтому почти во всех своих остальных трудах Лосев не обращался к столь проникновенным приме-

³² Соломнина 2004: 184.

³³ Лосев 1995: 369–370.

рам из средневековой христианской культуры. В качестве православного мыслителя, бросившего вызов даже официальному советскому православию, Лосев решается оставить стены средневековой «абсолютной мифологии». Где-то сразу после 1934 г. он отступил в свою главную и последнюю интеллектуальную цитадель – античность.

Как происходило отступление и внутренняя философская трансформация Лосева можно только гадать. Характеризуя тот период его жизни, Тахо-Годи сообщает, что вернувшемуся из лагеря Лосеву пришло специальное указание из ЦК ВКП (б) заниматься не философией, а эстетикой, а из мифологии – только античной. «Все помнили лосевскую “Диалектику мифа” и согласно решили: миф – он только в античности, современность ему чужда. Надо перековываться, как любили тогда говорить»³⁴. В изложении Тахо-Годи причиной обращения Лосева к античности стало, прежде всего, решение, навязанное ему извне.

Это объяснение кажется недостаточным. Убедившись ранее в единственном характере Лосева-мыслителя, мы совершенно не готовы признать тот факт, что Лосев так просто покорился чуждому решению. Как философ и вольнодумец Лосев, конечно же, должен был сам себе как-то обосновать вынужденное расставание с христианским средневековьем и переход в языческую античность. Несложно предположить, что Лосев нашел для себя аргументы, убеждающие его в том, что изучение античности позволит ему остаться христианским мыслителем, хотя бы и скрытым. Похоже, что один из таких аргументов он привел в беседе с Бибихиным 6 декабря 1972 г. В ней речь шла об обращении раннего христианства к опыту языческой философии. Вот некоторые фрагменты из того, что было сказано Лосевым: «Патристика первых веков – жалкое зрелище. Стоический тон. Душа сделана из огня... Плотин в сравнении с этим развил очень тонкое и отточенное философствование... Христианство, не имея своей философии, хваталось сначала за все что попало, за манихейство, стоицизм. Взять Оригена, у него еще все это смешано. И потому на Первом соборе его писания были осуждены... Потому что тут уже созрело высокое христианство, неоплатонизм»³⁵.

Конечно же, именно благодаря языческому античному неоплатонизму и произошло рождение зрелой христианской мысли. Поэтому чтобы сохранить с ней связь и еще раз обратиться к ее философским истокам, Лосев с легким сердцем приступил к погружению в античную языческую традицию. Здесь для него все сошлось – и его образовательный опыт, включающий в себя не только философию, но и классическую филологию, и уже написанные книги, посвященные во многом античной культуре, и его интеллектуальный интерес к Проклу – важнейшему герою античного неоплатонизма, который дал наиболее развернутое философское рассуждение об античной мифологии. Здесь можно вновь согласиться с Тахо-Годи: «Вот почему Лосев, вернувшись

³⁴ Тахо-Годи 2007: 246.

³⁵ Бибихин 2006: 168–170.

из лагеря, окунулся в мифологическое пространство греков и римлян, в материю их мысли, в их вечное небо»³⁶.

«Русский Прокл»

В своем докладе 21 мая 1930 г. Гарбер не зря заметил, что Лосев считает себя кем-то вроде Плотина или Прокла наших дней. Согласилась с ним и Тахо-Годи, когда на последних страницах биографии Лосева выразила формулу философа Лосева в одном предложении: «Русский Прокл, учивший о Чуде Бесконечности»³⁷. Насколько правомерны эти сравнения, если сам Лосев в 1934 г., объясняясь по поводу своей философской позиции, говорил следующее: «Что же со мною делать, если я не чувствую себя ни идеалистом, ни материалистом, ни платоником, ни кантианцем... Если уж обязательно нужен какой-то ярлык и вывеска, то я, к сожалению, могу сказать одно: я — Лосев!»³⁸.

В сущности, нет никаких причин считать сравнения Лосева с Проклом неправомерными. Уже «Диалектика мифа», как и все остальные книги первого восьмикнижия, были своеобразным продолжением дела Прокла в первой трети XX в. Этим же делом стало и обращение к проблематике античной мифологии, которой Лосев всерьез занялся в середине 1930-х гг. В 1938 г. Лосев вынужден был прекратить старания опубликовать свой огромный труд по античной мифологии, отложив это до лучших времен. Но в августе 1941 г. немецкая авиабомба разрушила старую квартиру Лосева на Воздвиженке, вследствие чего значительная часть второго тома этой огромной работы погибла. Впрочем, удалось спасти весь первый том³⁹. Собранных материалов в дальнейшем хватило на то, чтобы уже в 1950-е гг. одну за другой выпустить в свет целый ряд работ по античной мифологии.

Публикация таких книг, как «Олимпийская мифология в ее социально-историческом развитии» (1953), «Эстетическая терминология ранней греческой литературы» (1954), «Введение в античную мифологию» (1954), «Античная мифология в ее историческом развитии» (1957), стала для Лосева чем-то вроде закладки фундамента к анализу всей позднейшей античной культуры. Выпавшая ему долгая жизнь позволила представить полную реконструкцию всех элементов этой культуры – от греческой архаики и времен Гомера к классической Греции, эллинизму, периоду Римской империи и «последним векам». Последней крупной фигурой в этом ряду был глава новой афинской Академии Прокл Диадох.

Лосев проникновенно описал эпоху Прокла, подбирая для своего героя слова, которые мог бы с успехом адресовать самому себе и своему времени. «Эпоха Прокла характеризуется как всемирно-историческая катастрофа, когда рушилась тысячелетняя рабовладельческая формация и совершалось падение всей Римской империи. Весьма мощно назревал

³⁶ Тахо-Годи 2007: 247.

³⁷ Тахо-Годи 2007: 502.

³⁸ Лосев 1995: 356.

³⁹ Тахо-Годи 2005: 6–7.

феодализм, и последние века Римской империи обычно характеризуются именно как период постепенной феодализации рабовладельческой Римской империи. То, что мы называем Платоновской Академией, было кучкой античной утонченной интеллигенции, ничего не хотевшей и знать о совершавшейся тогда всемирно-исторической катастрофе... Поскольку, однако, ничего античного в те времена уже почти не оставалось, вся эта античность превращалась только в мечту, только в идею, только в умственное построение, только в попытку субъективно восстановить то, что объективно уже давно ушло в глубь истории»⁴⁰.

Язычник Прокл, не принявший утвердившегося уже вокруг христианства, выглядел у Лосева как истинный христианский аскет, более тонко чувствующий христианство, чем иные ревнители христианской веры. Лосеву даже ничего не потребовалось прибавлять к портрету своего героя; все нашлось у Марина. «От брака воздерживался. Дни и ночи проводил в постах и молитвах, обязательно исполняя, кроме того, еще и религиозные омовения, очищения и вообще всякие религиозные обряды»⁴¹. Включая этот фрагмент из греческого первоисточника, не описывал ли Лосев в облике Прокла как последнего защитника великой античной традиции самого себя? Очень на то похоже.

Получив в 1953 г. разрешение печатать свои труды, Лосев с неустойчивой силой взялся за дело, стремясь наверстать упущенное. Он вернулся к активному философскому творчеству, когда положение дел в советской философской науке выглядело удручающим. Идеино-политический контроль, установленный над философским дискурсом в 1930-е гг., привел к тому, что помимо логики и истории философии какой-либо интеллектуальной активности среди отечественных философов практически не наблюдалось⁴². Но даже работа в области истории философии представляла собой огромный риск. Как показывает случай с изданием семитомной (было издано только три первых тома) «Истории философии» (1941–1943)⁴³, некоторые из ее разделов оказались настоящим минным полем, пройти по которому, не совершая идеологических ошибок, оказалось крайне непросто⁴⁴. Даже со смертью Сталина значительного улучшения ситуации с разработкой историко-философских проблем не произошло. Пример четырехтомной (после издания второго тома было принято решение издавать ее как шеститомное издание) «Истории философии» (1957–1965) показывает, что и здесь идеологический контроль довлел над здоровой философской мыслью: издание содержало много полезных сведений об истории народов СССР и дружественных стран, но мало что могло сказать об истории развития философии в западноевропейских странах в любой из периодов их существования; до

⁴⁰ Лосев 2000: 385.

⁴¹ Лосев 2000: 383.

⁴² Огурцов 1998: 111–112.

⁴³ История философии 1941–1943.

⁴⁴ Батыгин, Девятко 1998.

неузнаваемости были редуцированы сведения о русской философии, о развитии мысли в Византии и даже в античности, где волей создателей этого издания был представлен лишь материализм Демокрита и ничего не осталось ни от Платона, ни от его последователей⁴⁵.

Нетрудно предположить, что Лосев, когда у него появился шанс ознакомиться с этим опусом советских историков философии, отнесся к этому изданию с явным неудовольствием. Более тенденциозного изложения истории философской мысли в античности и средневековье трудно было себе представить. Но шанс лично вмешаться в историко-философский процесс в СССР и исправить дело у Лосева уже появился. Как наиболее авторитетный знаток античности он был приглашен к участию в написании статей пятитомной «Философской энциклопедии» (1960–1970). По словам одного из ее редакторов, З.А. Каменского, Лосев наряду с В.Ф. Асмусом и С.С. Аверинцевым вывел это издание на совершенно новый уровень. «А.Ф. написал для “Философской энциклопедии” статей больше, чем кто-либо другой, по моим, вероятно, неточным (преуменьшенным) подсчетам, 104... Особенно это видно по статьям первых двух томов, которые были особенно укороченными потому, что планировались для гораздо менее габаритного издания, чем оно оказалось в последних трех томах. Но и эти статьи поражали информационной нагруженностью, обобщенностью характеристик, к тому же включенных в контекст истории античной философии и античности вообще... Не будет преувеличением сказать, что советский читатель впервые получал такие сведения, к тому же зачастую о мыслителях, попросту ему ранее неизвестных. Статьи были написаны своеобразным “лосевским” стилем»⁴⁶.

Статьи Лосева о Платоне, Плотине, Прокле, платонизме и неоплатонизме стали украшением энциклопедии. Они были избавлены от ритуальных упоминаний классиков марксизма, чего нельзя сказать, например, о статье об Аристотеле, написанной Асмусом с соавторами. Изображая платоновскую линию в истории античной философии как безусловно идеалистическую, Лосев, однако, указал, что влияние этой интеллектуальной традиции явилось наиболее важным из всех возможных. В статье о неоплатонизме он показал значимость этой формы мысли для христианского средневековья, как восточного, так и западного, для исламской и иудейской мысли, для Нового времени, для «буржуазного идеализма» XIX–XX вв. и даже для современного математического естествознания⁴⁷. Одной только констатацией этого факта Лосев возродил великую силу главной античной традиции, показав ее значимость и для современного мира. Но наряду с этим он в полной мере возрождал и собственное имя, тесно связанное с платоновской линией в философии. Имея в виду огромную популярность «Философской энциклопедии» в СССР последних десятилетий, понятно, что помещен-

⁴⁵ История философии 1957–1965.

⁴⁶ Каменский 1998: 55–56.

⁴⁷ Лосев 1967: 45–48.

ные в ней лосевские статьи превратились в наиболее достоверный источник информации об античной философии. Лосевское авторство этих статей и регулярные упоминания его имени в списках литературы по античной тематике закрепили за ним славу авторитетнейшего специалиста по истории всей античной мысли. Из философа, долго пребывавшего в безвременье, Лосев «Философской энциклопедии» вновь стал главным хранителем великой культурной традиции. Начавшаяся параллельно публикация «Истории античной эстетики» в еще большей степени закрепляла в сознании советской общественности этот образ.

Размышляя о Лосеве в 2003 г., Биbihин, очевидно, задал Тахо-Годи вопрос о том, мог ли великий философ сделать что-то еще, кроме того, что сделал. Отвечая ему Аза Алибековна сказала, что «все другие выходы» для его творческого ума «закрыли... и оставили только этот» – античность. Следовательно, если бы не сложившаяся ситуация, Лосев мог бы сделать что-то еще. Биbihин сообщает, что внутренне не согласился с этим ответом: «Я не уверен, что настоящий Лосев другой»⁴⁸. Уже невозможно выяснить, что имел в виду Биbihин. Но по форме его ответ нам кажется справедливым. Все двери в другие культурные миры помимо античности для Лосева действительно оказались закрыты. Но очень похоже, что он сам закрыл изнутри двери своей античной цитадели.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- XVI съезд ВКП (б). Стенографический отчет. М.; Л., 1930. 782 с. [XVI s'ezd VKP (b). Stenographic report. M.; L., 1930. 782 s.]
- Акимов О.Е. Ошибки А.Ф. Лосева в толковании Аристотеля и причины этих ошибок // Sceptic-Ratio [Akimov O.E. Oshibki Loseva v tolkovanii Aristotelya I prichiny etikh oshibok // Sceptic-Ratio]. URL: <http://sceptic-ratio.narod.ru/re/losev.htm>.
- Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Советское философское сообщество в сороковые годы: почему был запрещен третий том «Истории философии»? // Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век: В 2-х кн. / Под ред. В.А. Лекторского. Кн. 1. 20–50-е годы. М.: РОССПЭН, 1998. С. 171–198 [Batygin G.S., Devyatko I.F. Sovetskoe filosofskoe obshchestvo v sorokovyye gody: pochemu byl zapreshchen tretiy tom "Istorii filosofii"? // Filosofiya ne konchaetsya... Iz istorii otechestvennoy filosofii. XX vek. V 2 kn. / Pod red. V.A. Lektorskogo. Kn. 1. 20–50-e gody. M.: ROSSPEN, 1998. S. 171–198].
- Бачелис И. Бессмертные от мертвых идей. Академия Художественных наук в плену у реакционеров. Требуем вмешательства пролетарской общности // Комсомольская правда. 1929. 20 февраля. № 42 (1129). С. 2. [Bachelis I. Bessmertnye ot mertvykh idei. Akademiiya Khudozhestvennykh nauk v plenu reaktionerov. Trebuem vmeshatelstva proletarskoy obshchestvennosti // Komsomolskaya Pravda. 1929. 20 fevralya. № 42 (1129). S. 2].
- Биbihин В.В. Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. 416 с. [Bibikhin V.V. Aleksei Feodorovich Losev. Sergey Sergeevich Averintsev. M.: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2006. 416 s.]
- Вахитов Р.Р. Поздний Лосев и марксизм // Вопросы философии. 2018. № 1. С. 106–116 [Vakhitov R.R. Pozniy Losev i marksizm // Voprosy filosofii. 2018. № 1. S. 106–116].
- Гарбер Х. Против воинствующего мистицизма А.Ф. Лосева // Вестник Коммунистической академии. 1930. № 37–38. С. 124–144 [Gaber K. Protiv voinstvuyuchego mistsitsizma A.F. Loseva // Vestnik Komakademii. 1930. № 37–38. S. 124–144].
- Горький М. О борьбе с природой // Известия. 1929. 12 декабря [Gorkiy M. O borbe s prirodoy // Izvestiya. 1929. 12 dekabrya]. URL: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/articles/article-173.htm>.
- Земляной С. Клерикально-консервативная мифологическая дистопия: Алексей Лосев // Русский журнал. 2000. 9 октября. [Zemlyanoy S. Klerikalno-konservativnaya mifologicheskaya distopiya: Aleksei Losev // Russkiy zhurnal. 2000. 9 oktyabrya].

⁴⁸ Биbihин 2006: 300–301.

- Июффе Д. Казус Ушельса или Рефлексия о методологии Постмодернизма середины девяностых годов №7. Постмодернизм в русском Израиле // Топос. Литературно-философский журнал. 2002 [Ioffe D. Kazus Ushelsta ili Refleksiya o metodologii postmodernizma serediny devyanostykh godov № 7. Postmodernizm, v russkom Izraile // Topos. Literaturno-filosofskiy zhurnal. 2002]. URL: <https://www.topos.ru/article/627>.
- История философии / Под ред. Г.Ф. Александрова, Б.Э. Быховского, М.Б. Митина, П.Ф. Юдина. Т. 1–3. М.: Политиздат при ЦК ВКП (б), 1941 [Istoriya filosofii / Pod red. G.F. Aleksandrova, B.E. Bykhovskogo, M.B. Mitina, P.F. Yudina. T. 1–3. M.: Politizdat pri TsK VKP (b), 1941].
- История философии: В 6 т. Т. 1–6. / Под ред. М.А. Дынника, М.Т. Иовчука, Б.М. Кедрова, М.Б. Митина, О.В. Трахтенберга. М.: Изд-во АН СССР, 1957–1965 [Istoriya filosofii: v 6 t. T. 1–6. / Pod red. M.A. Dynnika, M.T. Iovchuka, B.M. Kedrova, M.B. Mitina, O.V. Trakhtenberga. M.: Izd-vo AN SSSR, 1957–1965].
- Каменский З.А. О «Философской энциклопедии» // Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век: В 2-х кн. / Под ред. В.А. Лекторского. Кн. 2. 60–80-е годы. М.: РОССПЭН, 1998. С. 43–82 [Kamenskiy Z.A. O "Filosofskoy entsiklopedii" // Filosofiya ne konchaetsya... Iz istorii otechestvennoy filosofii. XX vek. V 2 kn. / Pod red. V.A. Lektorskogo. Kn. 2. 60–80-e gody. M.: ROSSPEN, 1998. S. 43–82].
- Кацис Л. Диалектика для верующих и неверующих: Емельян Ярославский, Алексей Лосев, о. Павел Флоренский, Марк Митин (1927–1933) // Исследования по истории русской мысли [13]: Ежегодник за 2016–2017 годы / Под ред. М.А. Колерова. М.: Модест Колеров, 2017. С. 539–722 [Katsis L. Dialektika dlya veruyuchikh i neveruyuchikh: Emelian Yaroslavskiy, Aleksei Losev, o. Pavel Florenskiy, Mark Mitin (1927–1933) // Issledovaniya po istorii russkoy mysli [13]: Ezhegodnik za 2016–2017 gody / Pod red. M.A. Kolerova. M.: Modest Kolerov, 2017. S. 539–722].
- Кацис Л. А.Ф. Лосев. В.С. Соловьев. М. Горький. Ретроспективный взгляд из 1999 года // Логос. 1999а. № 4 (14). С. 68–95 [Katsis L. A.F. Losev, V.S. Soloviev, M. Gorkiy. Retrospektivny vzglyad iz 1999 goda // Logos. 1999a. № 4 (14). S. 68–95].
- Кацис Л. Несколько дополнений к дискуссии о «Дополнениях к «Диалектике мифа» А.Ф. Лосева» (памяти полосы «Культура» газеты «Сегодня») // Неприкосновенный запас. 1999b. № 3 (1). С. 69–75 [Katsis L. Neskolko dopolneniy k diskussii o "Dopolneniyakh k "Dialektike mifa" A.F. Loseva" (pamyati polosy "Kultura" gazety "Segodnya" // Neprikosnovenny zapas. 1999b. № 3 (1). S. 69–75].
- Косик О.В. Наставления духовным наставникам. Poleмические письма А.Ф. Лосева в контексте дискуссии об отношении к июльской декларации митрополита Сергия (Старгородского) // Вестник Православного Свято-Тихоновского государственного университета. 2018. Вып. 81. С. 121–138 [Kosik O.V. Nastavleniya dukhovnym nastavnikom. Polemicheskie pisma A.F. Loseva v konteste diskussii ob otnishenii k iyul'skoy deklaratsii mitropolita Sergiya (Stargorodskogo) // Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. Vyp. 81. S. 121–138].
- Кузнецов В.А. Идеализм как «состав преступления» (или о «реставрации») А.Ф. Лосевым мира вечных идей // Сфера культуры. 2021. № 2 (4). С. 29–37 [Kuznetsov V.A. Idealizm kak "sostav prestupleniya" ili o "restavratsii" A.F. Losevym mira vechnykh idey // Sfera kul'tury. 2021. № 2 (4). S. 29–37].
- Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа» (новое академическое издание, исправленное и дополненное). М.: Издательский дом ЯСК, 2021. 696 с. [Losev A.F. Dialektika mifa. Dopolnenie k "Dialektike mifa" (novoe akademicheskoe izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe). M.: Izdatelskiy dom YaSK, 2021. 696 s.].
- Лосев А.Ф. История античной эстетики. Последние века. Кн. 2. Харьков: Фолио; М.: Изд-во АСТ, 2000. 544 с. [Losev A.F. Istoriya antichnoy estetiki. Poslednie veka. Kn. 2. Kharkov: Folio; M.: AST, 2000. 544 s.].
- Лосев А.Ф. Неоплатонизм // Философская энциклопедия / Под ред. Ф.В. Константинова. Т. 4. М.: Советская энциклопедия, 1967. С. 45–48 [Losev A.F. Neoplatonizm // Filosofskaya entsiklopediya / Pod red. F.V. Konstantinova. T. 4. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1967. S. 45–48].
- Лосев А.Ф. Форма – Стиль – Выражение. М.: Мысль, 1995. 944 с. (Losev A.F. Forma – Stil – Vyrazhenie. M.: Mysl, 1995. 944 s.).
- Одинцов М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 424 с. [Odintsov M.I. Russkaya pra-

- voslavnaya tserkov nakanune i v epokhu stalinskogo sotsializma. 1917–1953 gg. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2014. 424 s.].
- «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Сборник документов в 10 т. Т. 8. Ч.2. М., 2008. [“Sovershenno sekretno”: Lubyanka — Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.). Sbornik dokumentov v 10 t. T. 8. Ch. 2. M., 2008]. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/87976-doklad-pp-ogpu-po-tscho-o-kontrrevolyutsionnyh-tserkovnyh-i-sektantskih-organizatsiyah-i-gruppah-likvidirovannyh-pp-ogpu-po-tscho-v-1930-g-15-oktyabrya-1930-g#mode/inspect/page/4/zoom/4>
- Соломеина Л.А. «Культурная морфология» А.Ф. Лосева // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 281. С. 176–185 [Solomeina L.A. “Kulturnaya morfologiya” A.F. Loseva // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2004. № 281. S. 176–185].
- Столович Л.Н. Не надо дарить Лосева черносотенцам! // Русский еврей. 1997. № 3. С. 22–23 [Stolovich L.N. Ne nado darit Loseva chernosotentsam! // Russliy evrei. 1997. № 3. S. 22–23].
- Тахо-Годи А.А. «Античная мифология» А.Ф. Лосева // Лосев А.Ф. Античная мифология с античными комментариями к ней. Энциклопедия олимпийских богов. Собрание первоисточников, статьи и комментарии. Харьков: Фолио; М.: Эксмо, 2005. С. 5–24 [Takhogodi A.A. “Antichnaya mifologiya” A.F. Loseva s antichnymi kommentariyami k ney. Entsiklopediya olimpiyskikh bogov. Sobranie первоисточников, statii i kommentarii. Kharkov: Folio; M.: Eksmo, 2005. S. 5–24].
- Тахо-Годи А.А. Лосев. М.: Молодая гвардия, 2007. 534 с. [Takhogodi A.A. Aleksei Losev. M.: Molodaya gvardiya, 2007. 534 s.].
- Тахо-Годи А.А., Троицкий В.П. О «Диалектике мифа» и «Дополнении» к книге // Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа» (новое академическое издание, исправленное и дополненное). М.: Издательский дом ЯСК, 2021. С. 9–52 [[Takhogodi A.A., Troitskiy V.P. O “Dialektike mifa” i “Dopolnenii” k knige // Losev A.F. Dialektika mifa. Dopolnenie k “Dialektike mifa” (novoe akademicheskoe izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe). M.: Izdatelskiy dom YaSK, 2021. S.–52].
- Хоружий С.С. Арьегардный бой. Мысль и миф Алексея Лосева // Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век: В 2-х кн. / Под ред. В.А. Лекторского. Кн. 1. 20–50-е годы. М.: РОССПЭН, 1998. С.456–508 [Khoruzhiy S.S. Ariyegardny boi. Mysl i mif Alekseye Loseva // Filosofiya ne konchaetsya... Iz istorii otechestvennoy filosofii. XX vek. V 2 kn. / Pod red. V.A. Lektorskogo. Kn. 1. 20–50-e gody. M.: ROSSPEN, 1998. S. 456–508].

Михель Дмитрий Викторович, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, dmitymikhel@mail.ru

The Study of Antiquity as a Strategy for Philosophical Freethinking in the USSR (the Case of Alexei Losev)

The subject of this article is one of the most famous cases of philosophical freethinking in the USSR, associated with the name of Alexei Losev. By analyzing a variety of material related to the work of the philosopher, the author concludes that Losev should be seen as a militant opponent of the modern world and a staunch defender of orthodoxy. This helps explain the rebukes to Losev in anti-Sovietism, anti-liberalism, anti-Semitism, and antisemitism that have been made against him by his critics in both the Soviet and post-Soviet periods. However, a series of life circumstances, first and foremost Losev's refusal to agree with Metropolitan Sergius' 1927 Declaration, forced him to break off communion with church figures and led, in his words, to an inner hermitage. Reflecting this spiritual turn, his philosophical strategy emerged in the 1930s, when Losev focused all his philosophical attention on the study of antiquity. The interpretation of some of Losev's texts, as well as his statements collected by Vladimir Bibikhin, leads the author to the conclusion that Losev fully managed to implement his philosophical intention. By analyzing the works of ancient thinkers, Losev showed the importance of the great antique tradition for the modern world and secured for himself the right to be considered its main custodian in the Soviet period.

Keywords: Alexei Losev, philosophical freethinking, anti-modernism, tradition, study of antiquity, “Russian Proclus”.

Dmitry Viktorovich Mikhel, PhD, Professor, Leading Researcher, Institute of World History of Russian Academy of Sciences, dmitymikhel@mail.ru

САССЕКСКАЯ ШКОЛА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Сассекская школа – это одно из направлений современной интеллектуальной истории. Актуальность статьи обусловлена тем, что интеллектуальная история в России является востребованным методом, о чём свидетельствуют всё чаще появляющиеся статьи с ключевым словосочетанием «интеллектуальная история». В данной статье представлен аналитический обзор основных принципов данной школы и отношения к ней со стороны других исследовательских направлений. В рамках критического анализа установлен характер самоидентификации её представителей, рассмотрена история становления школы, сформулированы основные идеи и принципы методологии Школы. Показано, что в основании её подхода положен поликонтекстуальный взгляд на интеллектуальную жизнь прошлого; указывается, что историками Сассекской школы предлагается особый исследовательский подход с крайне историкоориентированным, эклектичным и междисциплинарным характером.

Ключевые слова: интеллектуальная история, Сассекская школа, Джон Вайон Барроу, Дональд Норман Уинч, Стефан Коллини.

Сегодня интеллектуальная история представляет собой особый историко-философский жанр, к которому обращается всё большее число исследователей. Внимание это объясняется её уникальным подходом к исследованию прошлого, отличающимся высокой степенью контекстуализации, междисциплинарности и широтой исторического взгляда. Ричард Рорти характеризует преимущество этого жанра как «возможность составить более полное представление... об исторической ситуации в её развитии»¹, применяющее разнообразные знания о «социальной, политической и экономической, а также дисциплинарной»² истории. Это во многом объяснимо тем, что жанр интеллектуальной истории сам является продуктом определённой интеллектуальной ситуации, которая сложилась во второй половине XX в., когда ясно обнаружилась невозможность однозначной интерпретации тех или иных интеллектуальных продуктов. Поскольку всякая интерпретация дискурса определяется её контекстом, множественность контекстов как раз и задаёт невозможность её однозначного понимания. При этом обнаруживается неспособность учитывать все возможные контексты в пределах «тотальной истории»³.

Этот контекстуальный поворот напрямую отразился в методологии интеллектуальной истории, обусловив её самоидентичность и послужив появлению проектов новых школ и направлений в пределах данной области исследований. К числу её направлений обычно относят концептуальную историю (Begriffsgeschichte), историю ментальностей французской школы Анналов, Кембриджскую школу и др. Наиболее ассоциируемой с интеллектуальной историей является Кембриджская школа, од-

---

¹ Рорти 2017: 97.

² Там же: 96.

³ Коззллек 2006: 36–37.

нако имеются и менее известные группы исследователей, причисляемые к университетам Варбург⁴, Оксфорд, Эдинбург, Глазго, Сассекс⁵. Основное отличие этих школ состоит в том, что каждая из них акцентирует значение определённого набора контекстов. Лицо школы, в таком случае, определяется, во-первых, совокупностью контекстов, в которой рассматривается данное произведение, и, во-вторых, тем значением, которое придаётся каждому из них, в чем можно увидеть разнообразие упомянутых школ. Что касается своеобразия каждой школы, то его можно раскрыть в трёх аспектах: во-первых, как видят сами себя ее представители; во-вторых, как может быть установлена ее уникальность с позиции внешнего наблюдателя; в-третьих, каковы сущностные черты ее методологии. В этой статье мы остановимся на одной из таких школ, попытавшись осветить три указанные стороны вопроса.

Обращение к опыту одной из уже состоявшихся школ интеллектуальной истории имеет особое значение для отечественных исследователей, работающих в той же парадигме. Так, Г.И. Зверева отмечает, что сегодня имеется потребность в теоретико-методологическом осмыслении и интерпретации классических работ и подходов интеллектуальной истории⁶. Конечно, ориентация на опыт известных школ должна носить критический характер в плане полноты и репрезентативности контекстного и междисциплинарного подхода⁷. В отечественной историографии уже имеется немало работ, которые критически рассматривают опыт зарубежных школ интеллектуальной истории. Основное и заслуженное внимание привлекает Кембриджская школа⁸. Если говорить о Сассекской школе, то она не получила своего критического обозрения, между тем, её достижения получают внимание в трудах зарубежных авторов, работающих в парадигме интеллектуальной истории⁹. Какие особенности Сассекской школы могут послужить примером для отечественных исследователей? Прежде всего, это стремление рассматривать событие интеллектуальной истории во всей его полноте, привлекая внимание к, казалось бы, незначимым деталям, а также требование предельной рефлексивности при формировании исследовательской позиции.

⁴ Burrow 2006: 11.

⁵ Young 2006: 40.

⁶ См.: Зверева 2018: 296.

⁷ Например, в статье Яновского О.С. критически оценивается адекватность применения методологии Кембриджской школы в исследовании отечественных политических текстов. Автор отмечает высокий риск воссоздания отечественного прообраза «истории выгов» в случаях использования практик и методологии указанной школы, отсылающих к чисто английской специфике, концептуальным рамкам английской историографии и истеблишмента (Яновский 2020: 176).

⁸ См. предисловие к сборнику: Атнашев, Велижев 2018: 7–50. Вместе с тем исследовательский интерес обращён также в сторону немецкой концептуальной истории (см., напр.: Коровин 2019; Солодухин 2019) и французской истории ментальностей (см., напр. Руднев 2016; Трубникова 2016).

⁹ См. напр.: Покок 2018: 213; Cuttica 2015; Thomson 2012; Backhouse, Fontaine 2010: 5–6; Young 2006: 39–40; Vincent 2003; Waterman 2003.

В ходе написания статьи мы старались придерживаться той позиции, согласно которой сохранялось бы понимание о методе-сборке как о перспективном подходе, способном фиксировать сложный характер интеллектуальной деятельности, но не выделяющим сам принцип представления этой сложности¹⁰. Нам видится методологически важным при анализе интеллектуальных продуктов иметь в виду многослойность модусов человеческого существования, где слои интеллектуальной деятельности и производный от неё продукт содержат в себе мотивационные, коммуникативные и нормативные планы¹¹.

Сассекская школа: ключевые представители и история становления

Именованье «Сассекская школа» возникло не в качестве самоназвания¹², но в результате признания общности идей, входящих в неё учёных со стороны других исследовательских групп. Основной вклад в становление школы внесли Дональд Норман Уинч (Donald Norman Winch), Джон Вайон Барроу (John Wyon Burrow), Стефан Коллини (Stefan Collini)¹³. Их совместная работа относится к началу 1970-х – середине 1980-х гг. Её знаменательным результатом стал сборник эссе «That noble of politics: a study in nineteenth-century intellectual history»¹⁴, который в дальнейшем получит статус манифеста школы¹⁵. К числу других исследователей, так или иначе связанных с этой школой, относят Анну Брайсон-Густову (Anna Bryson-Gustova), Брайана Янга (Brian Young), Ричарда Уотмора (Richard Whatmore), Мартина ван Гельдерена (Martin van Gelderen), Блэра Уордена (Blair Worden)¹⁶, Рейчел Хаммерсли (Rachel Hammersley) и Кнуда Хааконсена (Knud Haakonssen). До сих пор в Сассекском университете работают Норман Вэнс (Norman Vance), Эндрю Мэнсфилд (Andrew Mansfield), Ян Макдениел (Iain McDaniel), Джоан Пол (Joanne Paul), Джеймс Ливси (James Livesey), Максвелл Купер (Maxwell Cooper).

Концептуальное единство работ этих авторов обнаруживается вокруг подхода Барроу, Уинча и Коллини. Но их частные методологии могут также показать интересный синтез подхода Сассекской школы и других школ. Это может быть связано с тем, что не все перечисленные авторы сформировались профессионально в Сассекском университете. Также новое поколение не ограничивается изучением интеллектуального пространства Британии Нового времени, параллельно интересуясь и историко-культурными контекстами стран Европы, иногда охватывая промежуток с конца XVI по середину XX в. Ещё можно указать на то, что у многих из них явно смещается научный интерес с политэкономии,

¹⁰ Николаи 2016.

¹¹ Ячин 2022.

¹² Collini 2000: 4.

¹³ Young 2006: 40; Olesen B.K., Gerlings J., Navu K., Knegt D., Mela M.L., Wittendorff T. Ø. Things 2013; Collini 2000: 7.

¹⁴ Collini, Winch, Burrow 1983.

¹⁵ Thomson 2012: 52.

¹⁶ Collini 2000: 12-13.

к которой изначально обращались Барроу, Уинч и Коллини. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что авторская методология у каждого будет отличаться, но вместе с этим и расширять методологию школы.

Что касается предметного пространства исследований, то религиозную мысль исследуют Янг (в свете Британской культуры XVIII–XIX вв.), Гельдерен (во взаимосвязи с политической мыслью в Европе Раннего Нового времени), Вэнс (через взаимосвязь с культурой и обществом в Британии Нового времени), Ливси (по религиозным движениям в период Французской революции). Интерес к литературному жанру появляется у Янга (в контексте британской культуры и искусства XVIII–XIX вв.), Уордена (через призму взаимосвязи литературы с исторической наукой и политической мыслью в Англии Раннего Нового времени), Вэнса (о роли поэзии и английского языка в политической мысли и культурной жизни Ирландии и Англии Нового времени), Пол (через призму риторики), Ливси (в период революции 1848 г. во Франции). Исследованию политической мысли посвящены работы Хаммерсли, Ливси, Гельдерена и Уотмора, которые особенно интересуются республиканизмом. Историей политики также увлечены и Вэнс (в её соотношении с литературой) и Уорден (относительно французской и английской мысли), Мэнсфилд (в контексте интеллектуальной среды и сексуальности в период от Средних веков до 1800 г.), Макдениел (в аспекте идей войны, мира и империи-лизма), Пол (в истории политического консультирования), Ливси (в странах Атлантики XVIII в.), Хааконсен (включая этическую мысль и естественное право раннего Нового времени). Отдельный интерес могут представлять исследования Купера, который специализируется на истории британской и западноевропейской медицины и медицинского образования в XIX–XX вв.

Формирование самобытной школы не было бы возможным без интеллектуальной среды Сассекского университета, возникшей во многом благодаря труду Питера Бёрка (Peter Burke), Майкла Морана (Michael Moran), Джеймса Шиля (James Shiel), Лэри Зидентопа (Larry Siedentop) и Хельмута Паппэ (Helmut Pappé). Университет Сассекса уже со своего создания (1961) отличался благоприятной средой для развития межкафедрального сотрудничества, чем и обусловил формирование особой творческой атмосферы, открытой для смелых проектов и максимально свободной от административных и академических ограничений¹⁷. Основание этой среды составляла особая академическая структура университета. Отличалась она тем, что кафедры создавались на междисциплинарной основе, в то время как остальные университеты предпочитали создавать кафедры по монодисциплинарному принципу. Как считал Барроу, кафедры других университетов, построенные по общепринятому принципу, были «слишком ограниченны», чтобы обеспечить качественно новое интеллектуальное начинание¹⁸. Это и привело к появлению

¹⁷ Cuttica 2015: 258.

¹⁸ Цит. по: Cuttica 2016: 38.

отличительных черт интеллектуальной среды Сассекского университета с её междисциплинарными кафедрами («Школа европейских исследований» и «Школа английских и американских исследований»¹⁹), наличием потоковой формы обучения студентов гуманитарных направлений²⁰ с преподаванием «контекстуальных курсов» – «Концепций, методов и ценностей социальных наук» (CMV) и в целом тесной коммуникации специалистов разных областей²¹.

По словам С. Коллини, Сассекс на протяжении нескольких лет был единственным университетом, обучающим специалистов интеллектуальной истории широкого междисциплинарного уровня²². Это сказалось и на популярности магистерской программы по «истории идей» в Сассексе²³, на последующем основании первой в Англии бакалаврской программы по интеллектуальной истории (1969)²⁴, на учреждении в 1972 г. первых официальных должностей, «относящихся к области “Интеллектуальная история”»²⁵. С 1960-х до середины 1970-х гг. в Сассексе происходит «создание и укрепление» институциональной базы для новой исследовательской области²⁶. Из этого, по нашему мнению, можно сделать вывод о том, что в период кризиса 1970-х гг., который испытывала интеллектуальная история²⁷, Сассекский университет служил местом прибежища для специалистов данной области. А значит, этот университет смог не только сохранить опыт исследований в данной области, но и по-своему развить интеллектуальную историю, которая с 1980-х гг. начнёт своё возрождение. Формирование вокруг Сассекса «группы учёных-единомышленников»²⁸ привело к тому, что в 1970–1980-е гг. в публикациях некоторых авторов появляются общие черты и на этих авторов начинают ссылаться как на «школу Сассекса»²⁹. Свидетельством созревания общего подхода служит основание в 1980 г. журнала «History of European Ideas»³⁰ (к февралю 2023 г. насчитывает 48 выпусков), а также написание упомянутого выше «манифеста» Сассекской школы³¹.

Со второй половины 1980-х начинается смена научного персонала в Сассекском университете. Постепенно покидают университет С. Коллини (в 1986 г. переехал в Кембридж) и Дж. Барроу (1995 г. – в Оксфорд), а затем Д. Уинч³² (в 1998 г. возглавляет Центр литературной ин-

¹⁹ Collini 2000: 7.

²⁰ Cuttica 2016: 37-38.

²¹ Collini 2000: 7.

²² Collini 2009.

²³ Cuttica 2016: 37-38.

²⁴ Burrow 2006: 8; Collini 2000: 8.

²⁵ Collini 2000: 4.

²⁶ Там же: 4.

²⁷ Cuttica 2015: 256.

²⁸ Cuttica 2016: 38.

²⁹ Collini 2000: 4.

³⁰ URL: <https://www.tandfonline.com/toc/rhei20/current>.

³¹ Thomson 2012: 52.

³² Collini 2000: 13.

теллектуальной истории (Centre for Literary and Intellectual History) Сассекского университета, тем самым заканчивая эпоху смены поколений. Однако все эти события не помешали тесному сотрудничеству друг с другом и с молодым поколением Сассекского университета. В этот период приходят и другие молодые учёные, которым предстоит сыграть важную роль в укреплении позиций Сассекского университета. Устойчивые связи позволили удержать преемственность, а смена мест – заняться в будущем «историей или историями другими способами»³³.

Интеллектуальные историки из Сассекса всегда осознанно избегали «приверженности к каким-либо методологическим программам или жестким концептуальным схемам»³⁴, что затрудняет выявление их общей методологии. И всё же, к таковой можно отнести стремление восстановить идеи прошлого, поместить их в интеллектуальный контекст с учётом стиля и специфики индивидуальности автора, на которого повлияла его среда, интеллектуальные традиции и многожанровость тем³⁵. Именно в пространстве этих черт намечилось созвучие их идей и подходов. Возникшее в рамках университета интеллектуальное единство позволило распространить этот подход и на другие академические центры, обозначив университет Сассекса влиятельным международным центром интеллектуальной истории. В 2000-е гг. в Сассексе продолжают практику новых подходов, обогащая ее актуальными постмодернистскими тенденциями, а также дополняя ставший для них традиционным нарратив³⁶.

Сегодня исторический факультет Сассекского университета включает «Центр интеллектуальной истории» («Centre for Intellectual History»)³⁷, который сосредоточен на междисциплинарных исследованиях политической, экономической и социальной мысли в тесной их взаимосвязи с культурным контекстом. Исследования охватывают период Нового времени (раннего и позднего) в Европе и Великобритании.

Самоопределение и внешняя оценка

Дж. Барроу, Д. Уинч, С. Коллини имели тесную связь и с Кембриджем³⁸, что, как отмечают исследователи, выразилось в некоторой схожести подходов двух школ³⁹. Однако в Сассекской школе удалось создать «совершенно иную историю по сравнению с историей политической мысли, созданной в Кембридже такими историками, как Квентин <Скиннер>, Джон Данн и даже Г. Стедман Джонс»⁴⁰. Выявляя самобытность Сассекской школы, следует установить, как её историки воспринимали себя и как они воспринимались со стороны своих коллег. В этом поможет вводная часть сборника статей «That noble of politics: a study in

³³ Ibid: 12-13.

³⁴ Ibid: 14.

³⁵ Ibidem.

³⁶ Thomson 2012: 52.

³⁷ URL: <https://www.sussex.ac.uk/research/centres/centre-for-intellectual-history/>.

³⁸ Whatmore 2019: 14-16; Young 2006: 33; Cuttica 2014: 906-907; Cuttica 2019: 252.

³⁹ Vincent 2003: 190; Cuttica 2016: 42.

⁴⁰ Olesen, Gerlings, Navu, Knegt, Mela, Wittendorff 2013.

nineteenth-century intellectual history»⁴¹, кристаллизовавшая в себе основные взгляды и идеи школы. Как отмечает Брайан Янг, эта книга «произвела революцию в изучении политики и политической мысли XIX в.»⁴². Ярким продолжением идей манифеста станет последующее двухтомное исследование интеллектуальной истории Британии XVIII–XX вв., в котором рассматривается переплетение интеллектуальной мысли в рамках шести областей человеческой жизни⁴³.

В предисловии сборника авторы следующим образом определяют единство своего подхода⁴⁴. Авторы манифеста воспринимают себя единой группой, имеющей «общие вкусы и интересы...»⁴⁵, интеллектуальными историками с критическим отношением к общепринятым представлениям о предмете, чётко определяющих себя «антивигами»⁴⁶, противодействующими распространённым телеологическим и рационалистическим реконструкциям⁴⁷. Книга представляет собой альтернативное понимание политической мысли Британии XIX в.⁴⁸, а во вводной части критикуются распространённые методологические принципы исторических реконструкций⁴⁹. Предлагаемый ими подход крайне историзирован и нацелен на то, чтобы избежать ряд методологических ошибок⁵⁰. Они пытаются лишь показать «отличительные качества»: составные элементы дискурса, мыслительные привычки и интеллектуальные устремления; стремятся выразить, как мыслители Британии XIX в. размышляли о политике и её применимости в конкретной политической ситуации, как эти мыслители воспринимали политическую проблематику в смежных дисциплинарных областях⁵¹.

Исследователи видят Сассекскую школу самобытной группой интеллектуальных историков наравне с Кембриджской школой и немецкой концептуальной историей⁵². Признаётся, что Сассекская школа возникла под влиянием Кембриджа⁵³, но она самостоятельна и имеет свою специфику⁵⁴. Часто отмечается её ярко выраженный междисциплинарный уклон, открытость методологическому диалогу и склонность к исследованиям коллективной направленности⁵⁵, причем школе удастся до-

⁴¹ Collini, S., Winch, D., Burrow, J.W. 1993: IX-X, 1-21.

⁴² Young 2006: 40.

⁴³ Collini S., Whatmore R., Young B. 2000.

⁴⁴ Collini, S., Winch, D., Burrow, J.W. 2008: 1-21.

⁴⁵ Collini, S., Winch, D., Burrow, J.W. 1983: IX.

⁴⁶ Collini, S., Winch, D., Burrow, J.W. 2008: 5, 12.

⁴⁷ Ibid: 5, 8, 11.

⁴⁸ Ibid: 3-5, 7-8.

⁴⁹ Ibid: 4, 5, 9-12.

⁵⁰ Ibid: 3-5, 6-7.

⁵¹ Ibid: 11-12.

⁵² Vincent 2003: 187, 207; Cuttica 2015: 256-258.

⁵³ Vincent 2003: 190; Cuttica 2016: 42.

⁵⁴ Vincent 2003: 187, 207; Cuttica 2015: 258; Olesen, Gerlings, Navu, Knegt, Mela, Wittendorff 2013.

⁵⁵ Cuttica 2016: 38; 2015: 259; 2019: 258; Thomson 2012: 52-54.

стигать высокой согласованности работ, отличающихся широким тематическим и географическим охватом⁵⁶. Ещё одной специфической особенностью признаётся эклектичность метода⁵⁷, эмпирическая углублённость реконструкций, которые, впитывая в себя опыт разных дисциплинарных подходов, становятся наиболее чуткими к многогранности своего предмета⁵⁸. Важной чертой выступает эмпатическая «чувствительность» к предмету и его контексту, которая также обеспечивает гибкость методологии⁵⁹ и использование воображения как инструмента⁶⁰.

В целом, авторы дают положительную оценку Сассекской школе. Признаётся её вклад в развитие интеллектуальной истории⁶¹, подчёркивается, что школе удалось собрать множество исследований, разных по хронологии и тематикам, которые «свидетельствуют о <её> решающем историографическом наследии»⁶². Авторы солидарны в том, что Сассекская школа смогла предложить весьма продуктивный контекстуальный проект историографических исследований⁶³.

Но нашлось место и критическому отзыву о Сассекской школе. Историк экономической мысли, Ватерман считает, что результаты исследований его «коллег-историков» из Сассекса сосредоточены на событиях теологии, философии и политики, но ничего не говорят «о конкретном направлении», где «неясное бормотание экономистов теперь полностью вне пределов слышимости»⁶⁴. Согласно Ватерману, анализируемый подход может иметь пользу для историков экономической мысли только если поставлена задача проследить эволюцию концепции в конкретной рыночной экономике, т.е. когда необходимо «обогатить контекст», но не в случае уяснения «внутренней логики разговора экономистов», поэтому историки-контекстуалисты должны сотрудничать с историками-специалистами, ведь «существует уровень абстракции, на котором контекст является избыточным»⁶⁵, а обеспечить такой уровень способны как раз специалисты по истории экономической мысли.

В целом, подобная критика может быть оправдана позицией специалиста, заинтересованного в аналитике конкретной дисциплинарной сферы. Однако представители Сассекской школы, как интеллектуальные историки, напротив, предпочитают демонстрировать тесноту интеллектуальной взаимосвязи дисциплинарных сфер и их контекстов, даже если предметом исследования выбрана политико-экономическая тематика «разговоров» мыслителей прошлого.

⁵⁶ Cuttica 2016: 190.

⁵⁷ Thomson 2012: 52; Vincent 2003: 190; Cuttica 2015: 258-259; 2014: 907

⁵⁸ Thomson 2012: 52; Vincent 2003: 195-197; Cuttica 2019: 259, 261.

⁵⁹ Cuttica 2014.

⁶⁰ Thomson 2012: 52-53.

⁶¹ Olesen, Gerlings, Navu, Knegt, Mela, Wittendorff 2013; Cuttica 2016: 37; 2019: 251, 261.

⁶² Cuttica 2016: 39.

⁶³ Vincent 2003: 207; Cuttica 2019: 260.

⁶⁴ Waterman 2003; 453

⁶⁵ Ibid: 457-458.

Основные идеи и подходы

Попытаемся дать собственную интерпретацию подхода и основных положений Сассекской школы. Интерпретация затрудняется тем, что представители этой школы отмечают осознанное избегание «приверженности к каким-либо методологическим программам или жестким концептуальным схемам»⁶⁶. Сам этот подход выступает как эмпатическое схватывание самобытной сложности эпохи, практически являясь первым этапом методологии, выстраивающим исследовательское пространство и предмет. Оправдывается оно тем, что в некоторых случаях определение контекстов требует именно творческой способности к «тонкому чувству различения»⁶⁷.

Наиболее проработана эта чувствительность в работах Барроу, обозначившего её механизм в форме метафоры «подслушивания» («eavesdropping») ⁶⁸, которую разделяли и его коллеги Уинч и Коллини⁶⁹. Ключевой выступает идея «реконструировать разговоры и споры прошлого, прислушиваясь к голосам исторических деятелей в их трудах»⁷⁰. Суть этой процедуры состоит в попытке связно представить факторы внешней интеллектуальной среды прошлого («интеллектуальную традицию», «роль моды, обстоятельств, и шанса») и внутренние побуждения мыслителей: «чувства... авторов, эмоциональное и эстетическое удовлетворение, которое они получили от своих взглядов, стилей и жанров ими избранных (которые в некоторых случаях не могли быть невыбранными)»⁷¹. Метафора «подслушивания» выбрана не случайно: реконструировав целую систему «форм» одной идеи, историк получает полифонию «переговоров» («a conversation») ⁷², отличных от современных, а значит, исходя из принципа антитеологизма, требующих своего восприятия через «слушание». «Подслушивать» – значит принять всё то, что не сохранилось в результате испытания временем, всё то, что может казаться «чуждым», «неполноценным» или «отсталым» относительно современных ценностей и знаний⁷³. Признавая за прошлым право на несовершенство, историк получает возможность обнаружить «второстепенные» детали и интеллектуальные следы, которые как «голоса» эпохи сами будут «намекать» на «невидимые» контексты⁷⁴.

Практически в этой процедуре «подслушивания» возможно обнаружить две из трёх «характеристик» подхода британской интеллектуальной истории, которую обозначил французский историк Ж. Винсент:

⁶⁶ Collini 2000: 14.

⁶⁷ Collini, S., Winch, D., Burrow, J.W. 2008: 11.

⁶⁸ Burrow 2006: 22.

⁶⁹ Winch D. 1996: 27-30; Collini 2000: 14.

⁷⁰ Whatmore 2019: 12; Burrow 2006: 22.

⁷¹ Collini, S., Winch, D., Burrow, J.W. 2008: 6.

⁷² Burrow 2006: 22.

⁷³ Ibid: 24.

⁷⁴ Ibid: 22.

в рамках первой он определяет процедуры по переоформлению канона источников, а во второй обнаруживает соотнесение выявленных контекстов с письменным источником, по-новому вскрывающего смысл текста⁷⁵. В результате выстраивается структурированная совокупность тематических текстов, в которой проявляют себя новые дисциплинарные контексты, и уже на их фоне обнаруживаются новые смыслы трактатов, звуча как полифония «голосов». На наш взгляд эту метафорическую конструкцию «подслушивания» возможно рассмотреть и как методологическую связку тех положений и принципов, которые наиболее отчетливо присутствуют в исследованиях Сассекской школы. Если дать им связную интерпретацию, то можно рассмотреть их как методологические шаги, которые проделывают исследователи из Сассекса.

Первой определяющей чертой всех представителей этой школы является стремление выразить историческую ситуацию языком её времени, максимально не осовременивая её дискурс. Эта черта проявляет себя как методологический шаг, вскрывающий язык эпохи или «то, что люди подразумевали под тем, что они говорили и что это «значило» для них»⁷⁶. Идеи прошлого должны пониматься преимущественно в контексте своего времени, а не с точки зрения их значения в современности. «Телеологичный» принцип воззрения на прошлое представители Сассекса обозначили «написанием истории задом наперёд» («in writing history backwards»), критикуя его за навязывание прошлому значения, становящегося для него единственным «ярлыком». Историк не должен интерпретировать прошлую мысль с намерением выявить в ней «исток», искажающий прошлое всего лишь до «предвестника» и «предка», напротив, важно отстранить свою мысль от современности, от общепринятого необоснованного канона или «консенсуса» исследуемой темы, а также следить за тем, чтобы не формировалось «упрощения сложности интеллектуальной жизни прошлого до удобной объединенной истории»⁷⁷. Здесь обнаруживается сходство с Кембриджской школой. Скиннер также критиковал неспособность некоторых историков разделять мыслительные парадигмы прошлого и настоящего⁷⁸.

Вторая черта Сассекской школы – стремление к предельной исторической конкретности. Данный принцип проявляет себя как методологический шаг, отвечающий за выстраивание нового взгляда на интеллектуальную среду прошлого, так и за пересмотр структуры распространения и трансформации идеи в конкретной культурной среде, тем самым формируя альтернативный «канон» текстов. Сассексцы оправдывали повышенное внимание к историческим деталям тем, что предпочитали оставаться в первую очередь историками, лишь совершающими «наблюдения» за интеллектуальной жизнью, какой она была, без притя-

⁷⁵ Vincent 2003: 191-198.

⁷⁶ Цит. по: Cuttica 2014: 914.

⁷⁷ Collini, Winch, Burrow. 2008: 4.

⁷⁸ Скиннер 2018: 57-58.

заний на работу, отводимую политологам или философам⁷⁹. Лишь на основе точного представления исторической ситуации и культурной самобытности появляется возможность выявить точный историко-культурный контекст. Для этого сассексцы обращаются к самым разным данным, символически маркирующим эпоху и вскрывающим происхождение, взаимодействие интеллектуальных конструктов. Так, прибегая к информации о вещах, «одновременно стимулирующих и сдерживающих», учитывая «интеллектуальную традицию», моду и обстоятельства⁸⁰, обращаясь к биографическим данным, историки этой школы обнаруживают множество контекстов в сложном интеллектуальном пространстве⁸¹. С другой стороны, немаловажно и представление о динамике распространения и изменения идеи, к которым возможно подступиться исключительно через нюансы и детали, обнаруживаемые историкографической чуткостью. Помогает в этом обращение к тем авторам и текстам, что долгое время оставались в тени современных канонов⁸². Сравнивая этот подход с Кембриджской школой, можно заметить, что она также предлагает обращение к историческим данным окружающей среды. Скиннер в своей критике истории идей указывал на необходимость исторических данных, ведь восприятие идей «вневременными» чревато приходом к «заблуждениям», по сути, не имеющим под собой объективных исторических оснований, ограниченным лишь «определяющей ментальной установкой наблюдателя»⁸³.

Следующей чертой Сассекской школы мы считаем новый контекстуализм. Методологически она выступает как принцип или шаг, служащий «пиком» всего подхода, в котором проявляется чувственное выведение смыслов. Суть её заключается в «схватывании» дискурсивных контекстов: связывая исторический материал с языком прошлого, сассексцы обнаруживают в текстах присущие им смысловые контексты. Специфической чертой Сассекской школы здесь выступает максимально широкий набор контекстов, в которых рассматривается интеллектуальная ситуация. Если для представителей Кембриджской школы политический контекст является само собой разумеющимся, тем самым позиционируя её как школу исследований политической мысли, то сассексцы расширяют контекстуальный горизонт, осознанно выделяя в нём множественность возможных контекстов интерпретации⁸⁴. В качестве девиза такого поликонтекстуального подхода можно взять слова из предисловия «важное свойство интеллектуального историка – быть чувствительным к нескольким проявлениям мыслей и чувств прошлого»⁸⁵. Практически историки из Сассекса пришли к поликонтекстуализму че-

⁷⁹ Collini, Winch, Burrow 2008: 7.

⁸⁰ Ibid: 6.

⁸¹ Ibid: 11–12.

⁸² Ibid: 3–7.

⁸³ Скиннер 2018: 56–57.

⁸⁴ Collini, Winch, Burrow 2008: 11–12.

⁸⁵ Ibid: 6.

рез определение политических размышлений XIX века как «проекта» с многообразием «форм», имеющего мало общего с современной наукой политики⁸⁶. По этой причине политическая мысль того времени захватывала экономическую, социологическую, историческую и философскую тематику, что в совокупности с её популярностью объясняет вовлечённость в неё самых разных мыслителей. Это во многом определило расширение источниковедческой базы, включая в исследование авторов, что «были объектами интенсивного изучения в других контекстах», профессионально занятых в сферах, непосредственно не связанных с политикой или философией, (религиозных деятелей, литераторов, историков и экономистов), но являвшихся представителями одновременно нескольких сфер. Наводит на идею поликонтекстуального взгляда на прошлое следующая цитата: «...мы не рассматриваем наших авторов... как политических философов, ...и, наоборот, они не являются в первую очередь философами истории»⁸⁷. Это позволяет представителям школы признавать уникальное сплетение тематических смыслов в одной идее, заставляя рефлексивно подходить к определению ведущего контекста⁸⁸.

Принцип поликонтекстуализма обнаруживается и в предпочтении мультидисциплинарных исследований, которые также характеризуются расширенным взглядом на источники, а значит открытостью к наличию в них нескольких смысловых слоёв. Сассексы в этом аспекте обнаруживают схожесть с историками школы «Анналов». Стоит напомнить, что Л. Февр, призывал рассматривать все возможные аспекты и проявления социальной жизни, «постоянно устанавливая новые формы связей между близкими и дальними дисциплинами; сосредоточивать на одном и том же объекте исследования взаимные усилия различных наук»⁸⁹.

Встает вопрос: как связать эмпирический материал с учётом трёх указанных принципов? Указанные выше черты хоть и могут выступать «шагами» метода, но служат лишь рамками, в пределах которых происходит обнаружение языка и контекстов интеллектуального пространства прошлого. Однозначного ответа на вопрос дать не получится, так как историки Сассекской школы намеренно не практиковали общего метода желая избавиться от «чрезмерной рациональности толкования намерений автора» и «слишком механического развёртывания контекста»⁹⁰. Но отказ от чрезмерной рационализации и механизации в совокупности с целью преодоления ошибок, вызванных как «недостатком *искусства*, так и любым упрощением методологии»⁹¹ (курсив мой. – А.Г.), может

⁸⁶ Ibid: 3–4.

⁸⁷ Ibid: 3, 7.

⁸⁸ Подобная методологическая тактика видится актуальной на фоне запросов междисциплинарного и культурного подхода в исследованиях отечественной интеллектуальной мысли (см., напр., об исследованиях истории российской пенологии: Васильева, Эрлихсон 2017).

⁸⁹ Февр 1991: 20.

⁹⁰ Collini, Winch, Burrow 2008: 5.

⁹¹ Ibidem.

прямо намекать на то, что форма метода должна не просто исходить из предмета, а конструироваться сообразно ему. В этой связи историк должен так выявить специфические свойства предмета, чтобы предмет именно «говорил сам за себя»⁹². Поэтому «подслушивание» выступает лишь чувственным «схватыванием» смыслов в пределах исторической точности, которое будет пронизано уникальной комбинацией этапов реконструкции, адекватно составленной относительно предметного поля. В этой связи мы можем говорить о выстраивании метода, т.е. о подходе, схожем с разработками Ланкастерской социологической школы. Ее представитель Дж. Ло назвал этот принцип «методом сборки» (*method assemblage*)⁹³. Согласно Ло, метод гуманитарных наук должен «схватывать» феномены мира без «их искажения ради ясности представления»⁹⁴, именно для этого он предлагает «собирать» метод. Сассексцы же, отказываясь от общепринятого исторического метода (с присущей ему «вигской» телеологичностью⁹⁵), хотят видеть свой предмет сложным и разнообразным⁹⁶, как и мир Дж. Ло: необъятная сложность, находящаяся в движении с непредсказуемой динамикой структур⁹⁷. В этой связи ими отдаётся должное эмпатии и «искусству» в реконструкциях идей, что делает их методологию гибкой и чуткой⁹⁸, избегающей искажения прошлых смыслов современными представлениями⁹⁹.

По мнению Дж. Ло, методы «не только описывают, но также помогают *производить* познаваемую реальность»¹⁰⁰. Эту особенность в рамках своего проекта «собирающегося» метода он назвал хинтерлэндом (*hinterland*) – процессом, когда выводятся «утверждения, имеющие авторитет и говорящие о внешнем мире»¹⁰¹. Сассексцы, в какой-то мере повторяют эту процедуру, примерно с того момента, когда возникает понимание исторической ситуации в процессе исторической аналитики данных об интересующей эпохе, авторе и тексте. Это хорошо демонстрируется в «манифесте», когда историки приводят ранее «упущенные» нюансы эпохи, далее, когда происходит «пересборка» структуры интеллектуальной среды в пределах понимания политической мысли и затем, когда осуществляется критика актуальных на момент написания «манифеста» интерпретационных историографических традиций¹⁰². Следуя

⁹² Collini 2000: 15.

⁹³ Ло 2015: 89–90.

⁹⁴ Там же: 13.

⁹⁵ Collini, S., Winch, D., Burrow, J.W. 2008: 4.

⁹⁶ Ibid: 21.

⁹⁷ Ло 2015: 14–16.

⁹⁸ Гибкость метода и тонкое понимание культурно-исторической специфики будут полезны в случаях, когда отмечается излишний акцент на политическом модусе, как это было показано Н.С. Лапшиной в случае с использованием политической антропологии при исследовании поздней имперской России (см.: Лапшина 2010).

⁹⁹ Collini, Winch, Burrow 2008: 4.

¹⁰⁰ Ло 2015: 19–20.

¹⁰¹ Там же: 62.

¹⁰² Collini, Winch, Burrow 2008: 7–10.

упомянутым принципам, сассексы в конечном счёте приходят к новому представлению об интеллектуальной реальности, иначе говоря, они воспроизводят «определённый тип мира, <вовлечённый> в определённую разновидность коллектива»¹⁰³, в результате приближаясь к реально существовавшему когда-то смыслу интеллектуального произведения.

Установив исследуемый предмет и выстроив вокруг него историко-культурные условия, контексты и языки можно обнаружить ещё одну сложность. Известная методологическая проблема исторического познания касается выбора языка описания: следует ли исторические события описывать на языке того времени или же использовать современный язык? Хотя полностью избежать смешения невозможно, допускается наличие приоритета относительно употребляемого языка. В этой проблеме Сассексы однозначно ориентируются на операцию «перевода» старых языковых форм в современные. Сутью «перевода» (translation), предложенного Барроу, мы считаем придание интеллигибельности реконструированной (т.е. «услышанной») мысли для современного восприятия. Необходимым здесь остаётся сохранение интеллектуального фона как «множества переговоров», которые вели между собой персонажи того времени, при этом делая нашу мысль «более чувствительным и гибким приёмником подслушанных разговоров прошлого»¹⁰⁴.

По Барроу, «чуждость», нехарактерная нашему миру и современному образу мысли, должна быть именно «передана», а не «воссоздана». В этой связи, схваченная самобытность прошлого «передаётся» уже понятным, а значит не «чуждым» для нас способом, который избирается Барроу в форме «обычного языка». «Обычный» для нас язык характерен естественной «нейтральностью», способной излагать смыслы наиболее гибко и чувствительно без «жестких, властных, систематически навязываемых категории и определений»¹⁰⁵ Здесь же, на наш взгляд, уместно расширение мысли тем, что нарративный язык изложения может дополняться «языком» современных научных теорий, способным вскрывать новые аспекты в прошлых картинах мира. Таким образом происходит расширение и углубление современного представления об интеллектуальной жизни прошлого¹⁰⁶, с которой непосредственно и будет осуществлена последующая исследовательская работа.

***

В заключение можно поставить вопрос о том, какое место занимает Сассекская школа в той области исследований, которая сегодня именуется интеллектуальной историей. Она обнаруживает явную близость с другими британскими программами, которые все вместе разделяют лингвистическую направленность исследований (университетов Оксфорда, Кембриджа и др.) в русле общей аналитической традиции. При

¹⁰³ Латур: цит. по Ло 2015: 44.

¹⁰⁴ Burrow 2006: 23.

¹⁰⁵ Ibidem.

¹⁰⁶ Ibid: 22.

этом сами признаки, которые отличают одну школу от другой, имеют условный характер, но мы уверены, что именование школы, идентифицирующее ее с университетом, является показательным, а выделение исследовательских приёмов играет важную роль в выявлении специфики школы. К характерным чертам, в частности свойственным Сассекской программе, мы можем отнести чуткость к языковому выражению прошлого, стремление к предельной исторической конкретности, поликонтекстуальную направленность, творческий подход к выстраиванию метода и предмета, оформление выведенных смыслов прошлой идеи современными языковыми конструкциями.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Атнашев Т.М., Велижев М.Б. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / под ред. Т.М. Атнашева, М.Б. Велижева. Пер. с англ. Т. Пирусской. М: Новое литературное обозрение, 2018. С. 7–50. [Atnashev T.M., Velizhev M.B. Kembridzhskaya shkola: istoriya i metod // Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektualnoy istorii / pod red. T.M. Atnasheva, M.B. Velisheva. Per. s angl. T. Pirusskoy. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2018. S. 7-50].
- Васильева С.А., Эрлихсон И.М. "Новая культурная история" (о перспективах методологии "интеллектуальной истории" и "истории социальных практик" в междисциплинарных историко-педагогических исследованиях) // Вестник Рязан. гос. ун-та им. С.А. Есенина. 2017. № 3 (56). С. 48–56. [Vasilyeva S.A., Erlihson I.M. "Novaya kulturnaya istoriya" (o perspektivakh metodologii "intellektualnoy istorii" i "istorii socialnykh praktik" v mezhdisciplinarnykh istoriko-penologicheskikh issledovaniyakh) // Vestnik Ryazan. gos. un-ta im. S.A. Yesenina. 2017. № 3 (56). С. 48-56].
- Зверева Г.И. Интеллектуальная история в современной России: институты и направления // Преподаватель XXI век. 2018. С. 288–302. [Zvereva G.I. Intellectualnaya istoriya v sovremennoy Rossii: instituty i napravleniya // Prepodavatel XXI vek. 2018. S. 288-302].
- Козеллек Р. Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века. Т. 5. СПб: Алетейя. 2006. С. 33–53 [Kozellek R. Socialnaya istoria i istoria ponyatiy // Istoricheskie ponyatiya i politicheskie idei v Rossii XVI-XX veka. T. 5. SPB: Aleteya. 2006. S. 33–53].
- Коровин К.С. История идей. Ч. 1. Зарождение немецкой традиции интеллектуальной истории и истории понятий // Советский конституционализм (1918–1925 гг.): доктрины, институты и репрезентации: материалы круглого стола. Екатеринбург: Урал. гос. юр. ун-т им. В.Ф. Яковлева, 2019. С. 17–20. [Korovin K.S. Istoriya idey. Ch. 1. Zarozhdeniye nemetskoj tradicii intellektualnoy istorii i istorii ponyatiy // Sovetskij konstitucionalizm (1918-1925 gg.): doktriny, instituty i reprezentacii: materialy kruglogo stola. Ekaterinburg: Ural. gos. yur. un-t im. V.F. Yakovleva, 2019. S. 17-20].
- Лапшина Н.С. Антропологический подход к изучению вопросов власти и права в России конца XIX — начала XX века: обзор современной американской историографии // История государства и права. 2010. № 17. С. 2–5. [Lapshina N.S. Antropologicheskij podhod k izucheniyu voprosov vlasti i prava v Rossii konca XIX- nachala XX veka: obzor sovremennoy amerikanskoj istoriografii // Istoriya gosudarstva i prava. 2010. № 17. S. 2–5].
- Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука. Пер. с англ. С. Гавриленко, А. Писарева, П. Ханова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015, 352 с. [Lo Dzh., Posle metoda: besporjadok i sotsialnaya nauka. Per. s angl. S. Gavrilenko, A. Pisareva, P. Khanova. M.: Izd-vo Instituta Gaydara, 2015, 352 s.].
- Николаи Ф. Интеллектуальная история сегодня: ностальгия по междисциплинарному трансферу, эклектика и проблемы теории // НЛО. 2016. № 3 (139). С. 319–327. [Nikolai, F. Intellektualnaya istoriya segodnya: noctalgia po mezhdisciplinarnomu transferu, eklektika i problemy teorii // Novoye literaturnoye obozreniye. 2016. № 3 (139). S. 319-327].
- Покок Дж.Г.А. Квентин Скиннер: история политики и политика истории // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории (Серия «Интеллектуальная история») / под ред. Т.М. Атнашева, М.Б. Велижева. М: Новое литературное обозрение, 2018. С. 191–217. [Pokok Dzh. G. A. Kventin Skinner: istoriya politiki i politika istorii //

- Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektualnoy istorii / pod red. T.M. Atlasheva, M.B. Velisheva. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2018. S. 191–217.]
- Рорти Р. Историография философии: четьре жанра. Пер. с англ. И. Джохадзе. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017, 176 с. [Rorty R. Istoriya filosofii: chetyre zhanra. Per. S angl. I. Dzohadze. M.: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya», 2019, 512 s.].
- Руднев Ю.В. Возникновение идеи "новой истории" в текстах Люсьена Февра и Фернана Броделя // Genesis: исторические исследования. 2016. № 5. С. 9–17. [Rudnev Yu. V. Vozniknoveniye idei "novoy istorii" v tekstakh Lyusyena Fevra I Fernana Brodelya // Genesis: istoricheskie issledovaniya. 2016. № 5. S. 9–17.].
- Скиннер К. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / под ред. Т.М. Атнашева, М.Б. Велижева. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 53–122. [Skinner K. Znachenie i ponimanie v istorii idey // Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektualnoy istorii / pod red. T.M. Atlasheva, M.B. Velisheva. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2018. S. 53–122.].
- Солодухин Д. В. История понятий как философия: подход Г.-Г. Гадамера // Текст в языке-вом, историческом, философском пространстве / В.В. Никульцева (отв. ред.). Москва: МФЮА, 2019. С. 119–122. [Solodukhin D.V. Istoriya ponyatiy kak filosofiya: podhod G.-G. Gadamera // Tekst v yazykovom, istoricheskom, filosofskom prostranstve: sbornik nauchnykh trudov / V.V. Nikultceva (otv. red.). Moskva: MFYUA, 2019. S. 119–122.].
- Трубникова Н.В. Французская историческая школа «Анналов». Москва: Квадрига, 2016. 336 с. [Trubnikova N.V. Francuzskaya istoricheskaya shkola «Annalov». Moskva: Kvadriga, 2016. 336 s.].
- Февр Л. Бои за историю. Пер. с фр. А.А. Бобовича, М.А. Бобовича, Ю.Н. Стефанова. М.: Наука, 1991, 629 с. [Fevr L., Voi za istoriyu. Per. s fr. A.A. Bobovicha, M.A. Bobovicha, Yu.N. Stepanova. M.: Nauka, 1991, 629 s.].
- Яновский О.С. Языки политики и политика языков. Российский взгляд на Кембриджскую школу // Полис. Политические исследования. 2020. № 1. С. 170–178. [Yanovskiy O.S. Yazyki politiki i politika yazykov. Rossiyskiy vzglyad na Kembridzhskuyu shkolу // Polis. Politicheskiye issledovaniya. 2020. № 1. S. 170–178.].
- Ячин С.Е. Жертва, дар и обмен. О методе аналитического расчленения модусов человеческого существования // Личность. Культура. Общество. 2022. Т. 24, № 2 (114). С. 55–62. [Yachin S.E. Zhertva, dar i obmen. O metode analiticheskogo raschleneniya modusov chelovecheskogo sushchestvovaniya // Lichost. Kultura. Obshchestvo. 2022. T. 24, № 2 (114). S. 55–62.].
- Backhouse R.E., Fontaine P. Introduction: History of Economics as History of Social science // History of Political Economy. Duke University Press, 2010. № 42 (5). P. 1–21.
- Burrow J. Evolution and Society: A Study in Victorian Social Theory. London: Cambridge University Press, 1966. 295 p.
- Burrow J. Intellectual history in english academic life: reflections on a revolution // Whatmore R., Young B. (eds.) Palgrave advances in intellectual history (Palgrave Advances Series). London: Palgrave Macmillan, 2006. P. 8–24.
- Centre for Intellectual History [electronic resource] / University of Sussex. Brighton. 2022. URL: <https://www.sussex.ac.uk/research/centres/centre-for-intellectual-history/>
- Collini S. John Burrow obituary. Intellectual historian who challenged assumptions about the ways that societies represent the past. // The Guardian. Nov. 2009. Stand: 17. URL: <https://www.theguardian.com/books/2009/nov/17/john-burrow-obituary>.
- Collini, S General introduction // Collini S., Whatmore R., Young B. (eds.) Economy, Polity and Society: British Intellectual History, 1750–1950. Cambridge, New York: CUP, 2000. P. 1–21.
- Collini S., Winch D., Burrow J. That noble of politics: a study in nineteenth-century intellectual history // New York: Cambridge University Press, 1983, 385 p.
- Collini, S., Winch, D., Burrow, J.W. Prologue. The governing science: things political and the intellectual historian // Collini, S., Winch, D., Burrow, J.W. (eds.), That Noble Science of Politics. A Study in Nineteenth-Century Intellectual History. Cambridge: CUPress, 2008. P. 1–21.
- Cuttica C. Eavesdropper on the Past: John W. Burrow (1935–2009), Intellectual History and Its Future // History of European Ideas. 2014. № 40 (7). P. 905–924.
- Cuttica C. The intellectual historian as critic: reflection on the work of Stefan Collini // Modern Intellectual History. 2019. № 16 (1). P. 251–280.
- Cuttica C. Intellectual History in the Modern University // Whatmore R., Young B. (eds.) A Companion to Intellectual History. Malden; Oxford: John Wiley & Sons, Ltd, 2016. P. 36–47.

- Cuttica C. Intellectual history // J.D. Wright (ed.) International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition). Elsevier. 2015. № 12. P. 255-261.
- History of European Ideas [electronic resource]: scientific journal / Taylor & Francis. London: Informa UK Limited. URL: <https://www.tandfonline.com/toc/rhei20/current>
- Economy, Polity and Society: British Intellectual History, 1750-1950. Collini S., Whatmore R., Young B. (eds.). Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2000. 283 p.
- History, Religion and Culture: British Intellectual History, 1750-1950. Collini S., Whatmore R., Young B. (eds.). Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2000. 289 p.
- Olesen B.K., Gerlings J., Navu K., Knecht D., Mela M.L., Wittendorff T.Ø. Things with Intellectual History: An interview with Martin van Gelderen // *Zeitenblicke: Online-Journal Geschichts-wissenschaften*, 2013, № 12 (1) URL: <https://www.zeitenblicke.de/2013/1/Gelderer/?searchterm=Doing%20Things%20with%20Intellectual%20History>
- Thomson A. L'histoire intellectuelle: quelles idées, quel contexte? // *Revue d'Histoire Moderne et Contemporaine*. 2012. № 59 (5), P. 47-64.
- Vincent, J. Concepts et contextes de l'Histoire Intellectuelle Britannique: l'Ecole de Cambridge à l'Épreuve // *Revue d'Histoire Moderne et Contemporaine*. 2003. № 50 (2). P. 187-207.
- Waterman A.M.C. The 'Sussex School' and the history of economic thought: British Intellectual History, 1750-1950 // *European Journal of the History of Economic Thought*. 2002. № 9 (3). P. 452-463.
- Whatmore R. Donald Winch, Adam Smith and intellectual history // *Adam Smith Review*. 2019. №. 11. P. 12-20.
- Winch D., Riches and Poverty: An Intellectual History of Political Economy in Britain 1750–1834. Cambridge: C. U. P., 1996. 428 p.
- Young, B., Intellectual history in Britain // Whatmore R., Young B. (eds.) *Palgrave advances in intellectual history* (Palgrave Advances Series). London: Palgrave Macmillan, 2006. P. 25-48.
- Горбунов Андрей Вячеславович**, аспирант, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток; gorbunov.av1297@mail.ru

Sussex School of Intellectual History

The article is devoted to the Sussex School that is one of the directions of modern intellectual history. The relevance of the article is due to the fact that intellectual history in Russia is a popular method, as evidenced by the increasingly appearing articles with the keyword "intellectual history". This article presents an analytical review of the basic principles of this school and the attitude towards it from other research areas. Within the framework of the critical analysis, the nature of the self-identification of its representatives is established; the history of the formation of the school is considered; the main ideas and principles of the methodology of the School are formulated. It is shown that its approach is based on a polycontextual view of the intellectual life of the past; it is pointed out that the historians of the Sussex School offer a special research approach with an extremely historically oriented, eclectic and interdisciplinary character.

Keywords: intellectual history, Sussex school, J.W. Burrow, D.N. Winch, S. Collini.

Andrey V. Gorbunov, postgraduate student, Far-Eastern Federal University, Vladivostok; gorbunov.av1297@mail.ru

В.К. ПИЧУГИНА

ЛУЧНИК ПРОТИВ ГОПЛИТА: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПУТЬ ГЕРАКЛА В ТЕКСТАХ И ОБРАЗАХ

В статье представлены результаты междисциплинарного исследования образов Геракла-лучника, присутствующие в текстах античных авторов и на керамике VII–IV вв. до н.э. и дающие представление об изменении понимания воинской добродетели через противопоставление лучников и гоплитов. Из корпуса источников выбраны только те, которые позволяют представить особенности образовательного пути героя, и исключены тексты и изображения Геракла, совершающего подвиги. Традиционно образ Геракла рисуется как образ воина, сражающегося с разными типами вооружения, но отдающего предпочтение луку. Калейдоскоп образов Геракла начинается от образов ребенка, который не побоялся напасть луком на богов, до взрослого героя, который часто вел себя как ребенок и совершал множество преступлений с использованием лука. К последним относятся убийства двух наставников – Эврита и Хирона. Превознесение или порицание героя за выбор лука было следствием целого ряда факторов: развития древнегреческого военного дела, переосмысления воинской доблести Гомером и другими античными авторами, острых переживаний военных конфликтов (например, битвы при Платеях). Традиция веками связывала Геракла с луком, который то рассматривался как символ арете, то как орудие труса, очерчивая все новые и новые контуры пайдеи героя.

Ключевые слова: *Геракл, лучник, гоплит, Эврит, Хирон, добродетель воина.*

Широко тиражируемый образ Геракла – это образ воина, сражающегося с врагами/чудовищами. Именно так он предстает в самых ранних древнегреческих текстах и изображениях на вазах и именно так он изображается в современном кино. Легко угадываемая фигура Геракла с львиной шкурой и дубиной или луком была узнаваемой на протяжении всей Античности¹. Именно благодаря оружию Геракла легко идентифицировать на изображениях с боевыми сценами: даже при недостаточной четкости изображения он защищен от того, чтобы быть отнесенным к группе «неизвестных воинов»². Легко меняющий один тип оружия на другой, Геракл на многие века стал своего рода арбитром между лучником и гоплитом, противопоставление которых отражало особенности понимания воинской добродетели. В рамках данной статьи будут проанализированы образы Геракла-лучника, присутствующие в текстах античных авторов, не касающихся подвигов героя, а также на керамике

---

¹ Изображения Геракла без своих неизменных атрибутов – шкуры, лука или дубины – являются исключением, нежели правилом. Например, на краснофигурном кратере, датированном ок. 350 г. до н.э. (Madrid, Museo Arqueológico Nacional, (L369)11094), изображен необычный Геракл: он одет в доспехи с эффектным шлемом и поножами, но безоружен, а из-под доспехов видна странная прозрачная ткань, похожая на элемент женской одежды. Изображение приводится и обсуждается здесь: Taplin 2007: 143-145; Pache 2004: 57-59. Ссылка на изображение: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Madrid_Krater_Asteas_MAN_Inv11094.jpg

² Echeverría 2015: 41.

VII–IV вв. до н.э., изображающей героя в небоевых сценах. Эта группа источников отражает особенности образовательного пути героя – темы, которая незаслуженно обделена исследовательским вниманием.

Начало образовательного пути Геракла: выбор в пользу лука и стрел

В истории древнегреческого военного дела лучники были значимой категорией уже в микенское время (а, вероятно, и ранее) и примерно до VIII в. до н.э.³, затем их значение было оспорено гоплитами⁴. В истории описания античных военных конфликтов все не так прямолинейно: лук и копье то противопоставлялись, то примирялись. Так, Геродот, повествуя о битве при Платеях (479 г. до н.э.), пишет, что персы потерпели поражение потому, что сражались легким оружием (в т.ч. луками) против тяжело вооружённых гоплитов. Применительно к этому военному столкновению Геродот характеризует лук как наступательное оружие, а копье как оружие защиты и подчеркивает отважность и силу воинов, использующих оба вида оружия⁵ (Hdt.IX.61-3). Эсхил же, поставивший трагедию «Персы» 472 г. до н.э., всего через семь лет после этого сражения, противопоставляет греческое гоплитское копье персидскому луку: «Сразил ли врага натянутый лук, / Иль вражье копье / Острием одержало победу?» (Aesch. Pers. 147-149; пер. С. Апта). Вторжение персов «еще сильнее закрепило в умах греков связь между метательным оружием и варварами»⁶, открыв простор для того, чтобы гоплит и лучник в текстах древнегреческих авторов начали биться не на жизнь, а на смерть. Не последнюю роль в этом «бою» играл образ Геракла, веками используемый для усиления или ослабления аргументации.

В «Илиаду» включен эпизод, когда Геракл выстрелил из лука в Гегру и Аиду и причинил им сильную боль (Hom.II. V.392-404). Обстоятельства нападения на богов остаются неясными, но некоторые древние авторы связывали рану Гегры с эпизодом, когда она оттолкнула Геракла-младенца от груди при кормлении. Так или иначе, появляется яркий образ ребенка-лучника, который каким-то образом был научен обращаться с этим оружием и не побоялся с ним напасть на богов. В «Одиссее» главный герой в царстве мертвых встретил Геракла, который держал «выгнутый лук, со стрелой на тугой тетиве, и ужасно / Вкруг озирался, как будто готовый спустить ее тотчас» (Hom. Od. XI. 607-608; пер. В. Вересаева). Хоть у Гомера и «нет единого последовательного образа Геракла – скорее, есть множество образов, которые не могут быть легко объединены в связную картину»⁷, лук сопровождает героя от рождения

³ Garland 1975: 128.

⁴ О гоплитской «реформе», которая привела к изменению представлений о воинской доблести и идеологии гоплитов с печатью аристократического происхождения см.: Cartledge 1977: 24.

⁵ Здесь и далее ссылки на русские переводы оформлены согласно отечественной традиции разбивки источника, а указания на источники без перевода – согласно электронной базе The Perseus Digital Library.

⁶ Michael 2003: xix.

⁷ Liapis 2006: 48.

и до путешествий по царству мертвых. Между этими двумя крайними точками и совершал свои подвиги Геракл, который в детстве вел себя как маленький взрослый, а в зрелом возрасте – как большой ребенок.

Античные авторы указывают на то, что много наставников учило Геракла тонкостям воинского искусства, но он с детства отдавал приоритет луку и стрелам, а по мере взросления совершал все больше и больше деяний именно как воин-лучник. Так, Эсхил в «Прометее прикованном» указывая на Геракла, говорит о рождении «того отважного стрелка из лука» (Aesch. PV. 871–2; пер. С. Апта), и продолжает эту линию в «Прометее освобожденном», где Геракл убивает из лука орла, клюющего печень Прометея. Софокл в «Трахинянках» называет героя «безупречным стрелком», которого боги отводят от смерти (Soph. Trach. 129; пер. С. Шервинского). Аполлодор также высоко оценивает Геракла как стрелка: «Научившись у Эврита искусству стрельбы из лука, Геракл получил от Гермеса меч, от Аполлона – лук и стрелы, от Гефеста – золотой панцирь, от Афины – плащ; дубину же он сам вырубил себе в Немейском лесу» (Apollo. Bibl. II.4.11; пер. В.Г. Боруховича).

О своеобразном даре Афины сообщает также Диодор Сицилийский, который, как и Аполлодор, использует слово *τέλλος*, подчеркивая, что он (в русском переводе Диодора О.П. Цыбенко – «одежда») был первым из божественных даров (Diod.Sic. IV.14.3). В ряду этих даров *τέλλος* (как его ни назови) кажется странным подарком от богини-воительницы, так как не является значимой частью экипировки воина. Афина дарит герою пеплос – праздничную женскую одежду, которую Геракл должен был одевать во время отдыха между подвигами, то есть об элементе его гардероба, соперничающем с львиной шкурой – «его официальной одеждой»⁸. Обходя стороной многочисленные исследования о парадоксах женственной мужественности Геракла, подчеркну важный момент для моего исследования: лук и прочие божественные подарки находятся на одной чаше весов, а пеплос – на другой. Лук не является даром, который позволяет усомниться в мужественности героя; эту функцию выполняет пеплос.

В комедии «Птицы» Аристофан намекает на изнеженность Геракла, отпуская шутку с педагогическим подтекстом: «Да неужели крепким будет город тот, / Где вместо бога женщина копье и щит, / Как воин, держит, а Клисфен кудель прядет» (Ar. Av. 830–1; пер. А. Пиотровского). В этой шутке есть как минимум два измерения. Афина, подарившая Гераклу пеплос, помимо прочего, была богиней ткачества. Кроме того, прядение и ткачество были исключительно женской областью деятельности, поскольку требовали «более “специфического” набора навыков»⁹. Аристофан в этом фрагменте намекает на деятельность Геракла при дворе Омфалы: комедиограф здесь не далеко уходит от традиции, в рамках которой Геракл является героем с «непростой мужественно-

⁸ Loraux 1990: 33;30.

⁹ Wolicki 2015: 306.

стью», освобождающимся «женских пут, чтобы восстановить свой мужской статус»¹⁰. Так, у Овидия Деянира, укоряя Геракла в связи с Омфалой, говорит, что он утратил свою мужественность не потому, что надел женскую одежду, а потому что разрешил Омфале забрать у него львиную шкуру, дубинку, стрелы и облачиться в его амуницию: «Тут уж не ты, а она мужем по праву была...» (Ovid. Her.9.106; пер. С. Ошерова).

Таким образом, Геракл избрал лук как любимое оружие в самом раннем возрасте. Обучение владению им под контролем Еврита стало значимой частью образовательного пути героя. Аполлодор и Диодор Сицилийский сообщают, что боги, высоко оценивая Геракла как воина, подарили ему разные виды оружия. Из четырех божественных подарков (меч от Гермеса, лук и стрелы от Аполлона, золотой панцирь от Гефеста, пеплос от Афины) только подарок Афины мог бросить тень на мужской статус героя. Однако именно дар Аполлона стал использоваться для обвинений Геракла в недостаточной мужественности, на которую намекал Аристофан в комедии «Птицы».

Ученик-лучник, убивающий своих учителей версии Гомера, Софокла, Феокрита и Аполлодора

Авторами, проливающими свет на учебный план для героя, являются Феокрит и Аполлодор. Согласно Феокриту, Алкмена серьезно подошла к образованию сына, и у Геракла было шесть наставников: стрелять из лука его научил царь Эхалии Еврит, борьбе – сын Гермеса Гарпалик, управлять колесницей – Амфитрион, ратному искусству – Кастор, музыке – Евмолп, а чтению – Лин (Theoc. Id.103-140). По мнению Д. Стерн, Феокрит указывает на особенности применения «человеческой пайдэи» к подготовке героя, в руках которого впоследствии окажутся жизни двух его наставников – Лина и Еврита¹¹. Согласно Аполлодору, у Геракла было пять наставников: Евмолп не упоминается, а Гарпалик заменен на другого сына Гермеса – Автолика (Apollod. Bibl. II.4.9). Аполлодор акцентирует внимание на роли Амфитриона в становлении Геракла (Apollod. Bibl. II.4.9), сообщает об инциденте с Лином, игнорируемый Феокритом¹², но частично умалчивает об эпизоде с Евритом. После того как Геракл одержал победу в устроенном Евритом состязании по стрельбе из лука, последний отказался отдать ему в жены свою дочь Иолу. Разгневанный Геракл угнал его кобылиц (Diod.Sic. IV.31.2), а позднее убил Еврита и его сыновей (Apollod. Bibl. II.7.7).

Иную версию причин и результатов конфликта наставника и его бывшего ученика сообщает Софокл в трагедии «Трахинянки», куда включено гомеровское повествование об убийстве Ифита – сына Еврита. Трагедия начинается с речи жены Геракла Деяниры, которая сообщает, что семья героя вынуждена жить в изгнании в Трахине после того как Гераклом «сражен Ифит могучий» (Soph. Trach.38; пер. С. Шервин-

¹⁰ Jones 2012: 239.

¹¹ Stern 1974: 361; 359-360.

¹² О Геракле, убившем Лина стулом во время урока музыки: Пичугина 2022: 157-161.

ского). Вестник Геракла Лихас приносит Деянире весть, что ее муж жив, скоро прибудет домой, а также сообщает о предшествующих этому событиях. Лихас говорит, что Геракл пошел с наемным войском на Эхалию, поскольку считал Еврита «виновником единым бед своих» (Soph. Trach.274; пер. С. Шервинского). Далее Лихас прямо указывает на то, в чем именно была вина Еврита:

Однажды у Еврита был он гостем.
Тот оскорбил его и дерзкой речью,
И злобною душой, сказав ему:
«Хоть стрелы у тебя неотразимы, —
В стрельбе моим уступишь сыновьям.
Ты раб, — Еврит вскричал, — и был не раз
Жестоко бит!» И на пиру, хмельного,
Его из дома вытолкал.

(Soph. Trach.275-82; пер. С. Шервинского)

Бывший наставник не просто в грубой форме напомнил Гераклу о его ученичестве, но и подчеркнул образовательный неуспех, сравнив его со своими сыновьями. После этого Геракл подкараулил и застрелил сына Еврита из лука, за что и был наказан Зевсом, не потерпевшим совершенного обманом убийства. Софокл подчеркивает, что для Зевса было бы приемлемым «честное возмездье» (Soph. Trach.292), но за такой вероломный поступок Геракл получил наказание сроком на год – пребывание при дворе Омфалы. На это намекает Клитемнестра в трагедии Эсхила «Агамемнон», говоря, что если уж выпадает доля попасть в рабство, то лучше попасть в «дом, богатый издавна» (Aesch. Ag.1025-7; пер. С. Апта). Лихас подчеркнул Деянире, что сразу же после окончания срока наказания, Геракл захватил город Еврита, убив его и сыновей.

У Софокла Еврит грубо нарушил законы Зевса о гостеприимстве, а у Гомера, напротив, это сделал Геракл, убив Ифита в своем доме ради его коней (Hom. Od. XXI. 25-30). Относительно Геракла и Еврита у Гомера рассуждает Одиссей, акцентируя внимание на другой версии смерти бывшего наставника героя:

Против же прежних людей я бороться никак не посмел бы —
Против Геракла иль против Еврита, царя Эхалии.
Луком не раз состязались они и с самими богами,
Вот почему и погиб великий Еврит, не достигнув
Старости в доме своем; умертвил Аполлон его — в гневе,
Что его вызвать посмел он в стрельбе состязаться из лука.
Дальше могу я достигнуть копьем, чем иные стрелою.

(Hom. Od. VIII.223–229; пер. В. Вересаева)

Гомер и Софокл¹³, указывают на разные причины конфликта Геракла с Евритом и/или его сыном Ифитом¹⁴, но в обоих случаях «Геракл опасно склонен к беззаконию, типичному для его врагов (в данном

¹³ Софокла считают «трагическим Гомером». См.: Easterling 1984: 1-8.

¹⁴ О еще одной версии, существовавшей в постгомеровской традиции и отражающей то, что Геракл убил Ифита в безумии, то есть освобождается от ответственности, см.: Papadopoulou 2005: 5.

случае – Еврита)»¹⁵. Обратим внимание на два изображения Геракла в гостях у Еврита. На коринфском кратере ок. 600 г. до н.э. изображен Геракл, мирно обедающий с Евритом и его сыновьями в присутствии Иолы. Вероятно, это пир перед или после состязания из лука, но до того, как Геракл не получил награду (Paris, Musée du Louvre: E635)¹⁶.

Отголоски непростых отношений между наставником и его бывшим учеником находят отражение в вазописи. На чернофигурной амфоре из Вульчи ок. 525–475 гг. до н.э. изображен Геракл, который уже убил двух сыновей Еврита и целится из лука в метку рядом с Иолой, а Антифон, Еврит и сама Иола пытаются его остановить (Madrid, Museo Arqueológico Nacional: L65)¹⁷. На краснофигурном стамносе ок. 500–450 гг. до н.э. также изображен Геракл, который хочет выстрелить в Иолу (Basel, Münzen und Medaillen A.G., 44520)¹⁸. Перед ним стоит лучник во фригийском колпаке, а за ним идет Еврит, который смотрит на Иолу. Таким образом, традиция сохранила разные причины конфликта Геракла и Еврита, но следует отметить, что наставник в стрельбе из лука и ученик общались после того, как обучение было завершено.

Еще одним наставником Геракла, о котором сохранились весьма скудные упоминания в текстовой¹⁹ и визуальной²⁰ традициях, вероятно, был кентавр Хирон. Геракл был одним из тех, кто, возможно, некоторое время обучался в «школе для героев» или «школе воина»²¹ Хирона, которая существовала до появления «формального школьного обучения» в рамках классной комнаты²². Сведений о том, чему Хирон обучал Геракла, не сохранилось, но учебный план для других героев²³ в обязательном порядке содержал обучение военному искусству.

Традиция связывает кентавра не с луком, а с копьем. В вазописи распространен сюжет, где Хирон несет ствол дерева²⁴, которое станет затем копьем, преподнесенным в качестве подарка на свадьбу Пелея и Фетиды. Согласно Гомеру, от Пелея копьё перешло к Ахиллесу и сопровождало его в троянской кампании (Hom. II. XVIII.82–85). Копьё

¹⁵ Liapis 2006: 52.

¹⁶ Ссылки на изображение: <http://www.beazley.ox.ac.uk/record/1037A929-333E-4039-966A-1E64DB9B947D>; <http://ark.dasch.swiss/ark:/72163/080e-747ec4659e9a7-2>

¹⁷ Ссылка на изображение: <http://www.beazley.ox.ac.uk/record/441073E8-A2FA-404F-A00E-36BC098E39A9>

¹⁸ Ссылки на изображение: <http://www.beazley.ox.ac.uk/record/051C9EA6-7558-4548-86F9-24EE4AEBB888>; <http://ark.dasch.swiss/ark:/72163/080e-74c3012f07ba0-0>

¹⁹ Хирон как учитель Геракла упоминается в сохлжих к Феокриту и сочинении Плутарха «О “Е” в Дельфах».

²⁰ На чернофигурной вазе из Вульчи ок. 525–475 гг. до н.э. Гермес с маленьким Гераклом летит к Хирону (Munich, Antikensammlungen, 1615), что соответствует популярному в первой половине V в. до н.э. сюжету о передаче Ахиллеса Хирону.

²¹ Gregory 2019: 63.

²² Pache 2021: 10.

²³ См. об этом: Пичугина, Жирнова 2021: 30–44.

²⁴ Ссылки на изображения: <http://www.beazley.ox.ac.uk/record/62DF58B2-CE3A-430B-9AC8-51F60EDEC8E0>; <http://www.beazley.ox.ac.uk/record/8CE82BFC-E237-4BC2-8AD3-D6883381210E> и др.

подчеркивало связь Ахиллеса и воспитавшего его Хирона, а также уникальность образовательной программы: никто не мог владеть копьем, кроме самого Ахиллеса (Ном. II. XVI.140-144; XIX.388-391), и в его руках оно могло как ранить, так и лечить. Нет оснований говорить о том, что Хирон учил Геракла владению копьем, можно лишь говорить о том, что кентавр не учил своих учеников стрелять из лука. Однако смерть Хирона по вине Геракла произошла именно из-за стрелы, что отражено, например, в трагедии «Прометей прикованный» Эсхила (Aesch. PV. 1027–28) и недошедшей до нас трагедии «Прометей освобожденный»²⁵. На краснофигурном килике ок. 340 г. до н.э. (Antikensammlung, 1969.9)²⁶ изображены прикованный к скале Прометей и приближающийся к нему Геракл, который хочет его освободить и уже застрелил орла. Следы от лука плохо сохранились, но присутствуют на килике.

Смерть еще одного наставника Геракла также стала следствием нарушения законов гостеприимства. Как сообщает Аполлодор, Геракл потребовал от кентавра Фола открыть для него принадлежавшую всем кентаврам бочку вина. Когда кентавры сбежались к пещере Фола, вооружившись камнями и стволами деревьев, Геракл стал в одних метать горящие головни, а других преследовать и стрелять в них из лука. Фол и Хирон пострадали от ядовитых стрел Геракла:

«Целясь из лука в кентавров, столпившихся вокруг Хирона, Геракл выпустил стрелу, но она, пронзив плечо кентавра Элата, засела в колене Хирона. Глубоко огорченный этим, Геракл подбежал и, вытащив стрелу, приложил к ране лекарство, которое дал ему Хирон. Но рана была неизлечимой... Вернувшись в Фолю, Геракл нашел и Фола погибшим вместе со многими другими. Фол, вытащив из трупа стрелу, стал удивляться, как такой маленький предмет мог погубить таких огромных кентавров. Но стрела выскользнула у него из рук, упала на ногу и ранила его, отчего он немедленно скончался» (Apollod. Bibl. II.5.4; пер. В.Г. Боруховича).

На вину Геракла в смерти Хирона указывает и Софокл в трагедии «Трахинянки», где Деянира говорит о кентавре как божественном существе: «Стрела Геракла, знаю я, и бога / Хирона погубила: смертоносна / Она для всех животных» (Soph. Trach.728–30; пер. С. Шервинского). Вероятно, Геракл не обучался у Хирона искусству врачевания, которое вводило в учебный план некоторых учеников кентавра. Лукиан Самосатский вкладывает в уста Геракла осуждение деятельности Асклепия, называющего врачевание недостойным занятием²⁷, а в уста Зевса – оправдание этой деятельности и приравнивание ее к деятельности Геракла²⁸.

²⁵ Об образовательной идее, связывающей эти две трагедии, см.: Роджерс 2021: 213.

²⁶ Изображение приводится и обсуждается здесь: Taplin 2007: 80–82.

²⁷ В «Разговорах богов» Геракл говорит Асклепию: «Да, но жизнь моя уж во всяком случае не похожа на твою. Я – сын Зевса, я совершил столько подвигов, очищая мир от чудовищ, сражаясь с дикими зверями и наказывая преступных людей! А ты что? Знахарь и бродяга! Быть может, ты и сумеешь помочь больному какими-нибудь своими лекарствами, но совершить подвиг, достойный мужа, – этим ты не можешь похвастаться» (Luc. Dial. G. 13.1; пер. С.С. Сребрного).

²⁸ В «Собрании богов» Зевс говорит Мому: «Но Асклепий лечит, исцеляет от болезней, “и многих один он достоин”, а Геракл – мой сын и немалыми трудами добыл

Овидий предлагает несколько иное описание событий, но смерть кентавра также связана с луком: совершив множество подвигов, Геракл пришел в пещеру Хирона, где был радушно встречен кентавром и его учеником Ахиллесом. Наставник и ученик стали изучать обмундирование Геракла:

Тут без боязни Ахилл прикоснулся к торчащей щетине
Шкуры и даже ее смело погладил рукой.
В это же время старик разбирал напоенные ядом
Стрелы, но в левую вдруг ногу вонзилась стрела.
(Ov. Fast. 396–9; пер. Ф.А. Петровского).

Овидий вносит в сюжет о смерти Хирона педагогическую составляющую, смягчая ответственность Геракла. Последний так увлекся рассказами о подвигах и возгордился высокой оценкой его доблести от Хирона, что не предупредил наставника и его юного ученика о возможной опасности (Ov. Fast. 406–412).

Таким образом, повзрослевший Геракл использовал лук и стрелы не только на благо, но и во вред. Его склонность к насилию, проявившаяся еще в детском возрасте, оказались бессильны изменить все окружающие его, и многочисленные наставники не стали исключением. Двух наставников – Еврита и Хирона – Геракл убивает с использованием лука в обстоятельствах, которые чаще всего связываются с нарушением героем законов гостеприимства.

Особенности ученичества Геракла.

Лук – символ арете или орудие труса?

Сколько бы славного не совершил герой, всегда найдется причина упрекнуть его в недостаточной мужественности. Таких упреков не избегает и Геракл, часто побеждающий благодаря не мечу и щиту, а луку и стрелам. Даже жизненная философия, по Еврипиду, связана с образом лука и стрел: «Да, кто не умеет / Противостать несчастью, тот и стрел / Врага, пожалуй, испугается...» (Eur. HF.1348-50; пер. И. Анненского).

У Гомера Геракл представлен как тот, чьи стрелы были направлены как против смертных, так и против бессмертных (Hom. II. V.394-402; Hom. Od. VIII.225, XI.601-26). Геракл предстает как «отрицательное зеркальное отражение Одиссея²⁹: постоянные неудачи в стрельбе из лука будут уравновешены убийством женихов³⁰, которое совершит Одиссей из лука»³¹ – того самого лука, который был оставлен Евритом в наследство сыну Ифиту и затем подарен им Одиссею (Hom. Od. XXI. 13-14; 32-себе бессмертие; поэтому их ты уж не обвиняй» (Luc. Deorum Concilium. 6; пер. С.Э. Радлова).

²⁹ Следует отметить, что у Гомера судьба Одиссея предстает как инверсия судьбы другого героя – Ахиллеса. О том, что сопоставление этих героев может вестись не только в плоскости (хитрость – сила), см.: Grethlein 2017: 124 и далее.

³⁰ Интересно еще и то, что Одиссей, чья способность владеть луком принесет смерть женихам, сообщает феакам, что он на поле троянской битвы уступает в мастерстве стрельбы только Филоктету (Hom. Od. VIII. 219-20). В следующей части статьи я обращусь к изображению, на котором Афина передает Филоктету лук Геракла.

³¹ Lapis 2006: 49.

33). Получив такой подарок, Одиссей одарил Ифита мечом и копьем, но не смог пригласить его к себе в дом, поскольку его убил Геракл. С тех пор, как сообщает Гомер, Одиссей никогда не брал с собой в далекие военные походы этот лук и стрелы: «Память о госте возлюбленном верно храня, их берег он / В доме своем; но в отечестве всюду имел при себе их» (Hom. Od. XXI.40-1; пер. пер. В. Жуковского).

Таким образом, Гомер представляет Одиссея и Геракла как воинов-лучников с разной судьбой: если Одиссею «удается восстановить цивилизованный порядок посредством необычайного искусства стрельбы из лука»³², то Геракл, напротив, постоянно нарушает этот порядок. Так или иначе, но «история лука» связывает Геракла и Одиссея, чтобы указать на «негативную сторону триумфа Одиссея»³³. Возможно, что «Одиссей, как и Геракл, принадлежит к древней традиции героев-лучников», а потому «был перенесен вместе со своим луком в гомеровские времена»³⁴. К. Крисси утверждает, что двадцать первую книгу «Одиссеи», в начале которой и появляется Геракл, «можно назвать “Книгой о луке”»³⁵: она начинается с того, как Одиссей приобретает лук, а заканчивается тем, как он превращает его в орудие мести. Хотя «право собственности» на лук можно проследить от Ифита до Еврита и Аполлона³⁶, Одиссей был готов обменять на него «острый меч и копье боевое» (Hom. Od. XXI.34; пер. В. Вересаева), т.е. легко переквалифицироваться из лучника в гоплита. Одиссей не использует лук во время Троянской войны, т.е. позиционируется как герой, который хочет обрести воинскую славу копьем и мечом. Но о луке он, все же, не забывает, говоря: «луком один Филоктет меня побеждал неизменно» (Hom. Od. VIII. 219; пер. В. Вересаева)

Лук в «Илиаде» используют Пандар и Парис на стороне троянцев и Тевкр на стороне ахейцев, а также простые воины³⁷ с обеих сторон³⁸. Однако отношение к этому оружию было двойственным: лук был почетным оружием в руках богов, но в руках людей противоречил кодексу героя³⁹. Вероятно поэтому те, кто использовал лук, уступали тем, кто этого не делал: «Мерион – Идоменею, Тевкр – брату Аяксу, а Парис – брату Гектору»⁴⁰. Х. Боуден, оспаривая тезис о том, что «Илиада» описывает войну гоплитов, указывает на то, что правители и простые воины отличаются не только рангом: первые всегда сражаются в одиночку,

³² Liapis 2006: 50.

³³ Crissy 1997: 53.

³⁴ Sutherland 2001: 114.

³⁵ Crissy 1997: 41-53.

³⁶ Sutherland 2001: 113.

³⁷ Так, например, Филоктет ведет за собой семь кораблей «...и на каждом из них пятьдесят находилось / Сильных гребцов, превосходно умевших сражаться стрелами» (Hom. II. II. 720-1; пер. В. Вересаева).

³⁸ См. о причинах этого: Michael 2003: 10.

³⁹ Это противоречие находит отражение в многочисленных ругательствах (Hom. II. IV.242; XI.386 и др.), которыми пользуются герои. Одно из них приведено нами ниже в переводе Н. Гнедича (Hom. II. XI.390).

⁴⁰ Sutherland 2001: 116.

с равными себе и никак не в составе фаланги⁴¹. Он подчеркивает, что поединки между Менелаем и Парисом, Гектором и Ахиллесом – это не обычные, а исключительные сражения; способ «избежать битвы гоппитов, а не элемент такой битвы»⁴². Таким образом, хоть «Илиада» и не описывает ни войну гоппитов, ни войну лучников, последние не так уважаемы, как первые: Диомед уподобляет Париса женщине или ребенку, когда тот стреляет из укрытия. Согласно Диомеду, открытый бой намного почетнее, чем попадание во врага из лука:

Если б противу меня испытал ты оружие открыто,
Лук не помог бы тебе, ни крылатые частые стрелы!
Ты, у меня лишь пята оцарапавши, столько гордишься;
Мне же ничто! как бы дева ударила или ребенок!
Так тупа стрела ничтожного, слабого мужа!
(Hom. II. XI.386-90; пер. Н. Гнедича).

Такого же мнения придерживается Плутарх, говоря о Парисе: «...быть убитым часто доводится и сильным от руки слабых, как впоследствии пал Ахилл, застреленным Парисом. Думаю, что мы не назовем смерть Ахилла поражением, а чуждую справедливости удачу выстрелившего его победой» (Plut. Mor. IX.13.2; пер. Я. Боровского). Однако «за презрением к стрелам, которое эхом отдавалось в веках от Гомера», вероятно, стоит «необходимое оправдание» отказа от разработки легковооруженной войны⁴³, и это оправдание никак не связано с избыточной мужественностью одних и недостаточной мужественностью других, что так часто обсуждается в текстах античных авторов с отсылкой к Гомеру.

Какова бы ни была причина, по которой Гомер преуменьшал значение стрельбы из лука, мы имеем дело со следствием, т.е. с «ожиданием публики»⁴⁴. Начиная с Гомера оценка добродетельности воина-лучника не была однозначной: одни определяли лук как оружие мудрых и умеющих наносить раны, сохраняя при этом собственную жизнь, а другие это оспаривали. В трагедии Софокла «Аякс» честь лучников отстаивает Тевкр в споре с Менелаем:

Менелай: Вооружен ты луком, а спесив!
Тевкр: Я – лучник вольный, – не тружусь за мзду.
Менелай: А при щите ты вовсе бы зазнался!
Тевкр: хоть ты и со щитом, с тобой я слажу!

(Soph. Aj. 1149–52; пер. С. Шервинского)

Менелай подчеркивает, что будь Тевкр гоппитом со щитом с ним было бы еще тяжелее найти общий язык. Тевкр считает, что деление на лучников и гоппитов по степени спесивости неправомерно, и предлагает свое деление на наемных и свободных лучников. В логике Тевкра Геракла, совершающего подвиги, можно было отнести к несвободным лучникам на службе Еврисфея, а Геракла, совершающего убийства

⁴¹ Bowden 1995: 54;57.

⁴² Bowden 1995: 57.

⁴³ Cartledge 1977: 24.

⁴⁴ Sutherland 2001: 115.

своих наставников, к свободным лучникам. И в этой свободе заключена возможность действовать так, как угодно.

Софокл в «Трахинянках» напоминает, что Геракл подкараулил и застрелил из лука Ифита; Зевс наказал его за то, что «свершил убийство обманом» (Soph. Trach.291; пер. С. Шервинского). То, за что осудил настоящий отец, не считал постыдным приемный: Амфитрион, бывший еще и наставником Геракла (согласно Феокриту и Аполлодору), в трагедии Еврипида «Геракл» отстаивал достоинства лука и стрел. Лик называет Геракла-лучника трусливым воином⁴⁵ (Eur. HF.158-164), а Амфитрион произносит своеобразную оду воину-лучнику⁴⁶, провозглашая его умения лучшим военным искусством. То есть лук становится предметом спора, за которым стоят непростые вопросы о мужественности и добродетельности воина⁴⁷. Лик, отдающий приоритет копью, обвиняет Геракла-лучника в том, что он остался в возрасте эфеба⁴⁸, т.е. обладает лишь видимостью взрослого воина. По мнению И. Гарлана, хотя использование лука и считалось «несовместимым с ценностями и обычаями гоплитов», факт несогласия Амфитриона с Ликом, демонстрирует, что осуждение лучников «уже не было абсолютным»⁴⁹. В том, что обличителем выступает именно Лик, заключена ирония Еврипида: имя героя вызывает в памяти образ того, кто «не знает правильных ценностей»⁵⁰.

Риторика Амфитриона предстает как своеобразный способ защиты Геракла, усиливающий подразумеваемое Ликом противостояние лучника и гоплита (Eur. HF.188-203):

Гоплит — он в вечном рабстве у своих
 Доспехов: сломится ль копье в сраженье,
 Он беззащитен; будь с ним рядом труссы,
 Храбрейший из гоплитов пропадет.
 Ну, а владелец лука может смело
 Разить врагов: всегда довольно стрел
 В его распоряженье для защиты
 (Eur. HF.190-6; пер. И. Анненского).

Иными словами, Амфитрион делает следующий вывод: такие как Лик могут сколько угодно уповать на благородство стоящих рядом товарищей-гоплитов, а такие как Геракл привыкли надеяться только на себя, и их благородство – только их заслуга. Несмотря на то, что Лик является отрицательным персонажем, ему удается «поставить под со-

⁴⁵ Трусливая стрела – его оружие,
 Военное искусство – в быстрых пятках.

Да может ли, скажите мне, стрелок
 Из лука храбрым быть? (Eur. HF.161-4; пер. И. Анненского)

⁴⁶ Одиссей у Гомера рассуждает о том, что лучники прошлого, среди которых были Еврит и Геракл, безусловно, были сильны, но в настоящем он копьем победит лучника (Hom. Od. 223–229).

⁴⁷ См. об этом: Hamilton 1985: 20.

⁴⁸ George 1994: 147.

⁴⁹ Garlan 1975: 128.

⁵⁰ См. об этом: Foley 2019:181.

мнение доблесть героя»⁵¹, подчеркнув, что ничего исключительного в подвигах Геракла нет, а есть лишь его приверженность к луку и стрелам.

Возможность критики со стороны Лика в столь острых формулировках («лук – оружие труса, который всегда готов убежать, никогда не оказывается в пределах досягаемости копья и никогда не вступает в отношения взаимного видения с противником»⁵²) стала следствием греко-персидских войн. Геракл в данном контексте предстает лишь как удобный для Еврипида пример, который является частью обширного дискурса о боевой доблести смертных и бессмертных. В «Илиаде» Аполлон поражает Патрокла сзади, нанося удары в спину. Бог бьет и издалека, и с близкого расстояния: «когда Аполлон бьет издалека, его оружие, конечно, стрела»⁵³. В другом эпизоде, когда Тевкр целился из лука в Гектора, Зевс «сокрушил тетиву, и у Тевкра умчалась мимо / Тяжкая медью стрела, и лук из руки его выпал» (Ном. II. XV.463-4; пер. В. Вересаева). Иными словами, только боги решают, как и когда смертным разрешено пользоваться луком. Использование лука, таким образом, рассматривается как недопустимое подражание богам, а потому связывалось «со смертью, трусостью и предательством»⁵⁴.

У Еврипида полубожественный герой уже не может быть безоговорочно отнесен к тем, кто, как и Аполлон, может всегда и везде выбрать любой способ боя. С одной стороны, Геракл – это тот, кто привык использовать лук, чтобы получить визуальное преимущество над врагами, которое часто используют боги, а с другой – тот, кто оказался не готов к тому, что боги (в частности – Лисса) нанесет ему удар, не причинив физической боли. Драматический замысел Еврипида не может не вызвать восхищения: поражение безумием становится для Геракла как удар стрелы из невидимой зоны, зоны его души. Именно поэтому Лисса говорит, что будет действовать по отношению к дому и домочадцам Геракла как стрела молнии: «Я чертог его разрушу, / Размечу колонны дома. Но сперва детей убьет он; / Да, своей рукой малюток умертвит он без сознания...» (Eur. HF.864-6; пер. И. Анненского). Безумному Гераклу все члены семьи начинают видиться не теми, кто они есть: Амфитрион становится отцом Еврисфея (Eur. HF.967-968), а дети – сыновьями Еврисфея (Eur. HF.970-71, 982, 989). Безумие Геракла, направляющего оружие против близких, подобно безумию Ореста, который целится из лука в фурий, одной из которых ему кажется Электра (Eur. Or. 260-80).

«Но не следует забывать, – подчеркивает Д. Камербек, – что на протяжении всей пьесы лук используется как символ арете Геракла: он постоянно ассоциируется с доблестными подвигами, но также является основным орудием при нападении на жену и детей»⁵⁵. В заключительной

⁵¹ Papadopoulou 2005: 136.

⁵² Holmes 2008: 254.

⁵³ Holmes 2008: 257.

⁵⁴ Sutherland 2001: 117.

⁵⁵ Kamerbeek 1966: 6-7.

части трагедии Еврипида перед Гераклом дилемма: взять лук с собой или оставить, то есть считать его лишь оружием героя или видеть в нем напоминание об убийстве самых близких. Геракл не может расстаться с оружием, поскольку с его помощью совершены подвиги («Товарищ бранный! / Носить тебя, страдая, но носить!»), Eur. HF.1386–7; пер. И. Анненского), что косвенно подчеркивает значимость для него обученности именно в сфере стрельбы. У Еврипида Геракл не готов «отречься от своего славного прошлого»⁵⁶, частью которого является и образовательное прошлое. Но ему придется это сделать: «старый Геракл» убит «знанием того, что он сделал» в Фивах, а «новый Геракл»⁵⁷ жив знанием того, что он еще сможет сделать для Афин. Однако этот «новый Геракл» сохранит свой лук, тем самым, реабилитируя лучников делом, а не словом, как это сделал Амфитрион в своей оде лучникам⁵⁸.

Итак, лук Геракла – это оружие, с которым он совершил много славных деяний, но и ряд постыдных преступлений. Полубожественная природа Геракла создавала сложности в оценке его желания делать выбор в пользу лука: божественное начало позволяло ему утверждаться в статусе героя с этим оружием, а человеческое начало – запрещало.

Геракл с луком и лук без Геракла: трагедия о трех великих лучниках

Когда мы говорим об изображениях лучников в боевых сценах, то мы должны помнить, что Геракл – «единственный идентифицируемый герой, изображенный с луком и стреляющий стрелами»; остальные лучники – это анонимные персонажи, которые отличаются лишь по одежде и снаряжению⁵⁹. Если мы говорим не о сценах боя, то еще двумя легко узнаваемыми лучниками являются Одиссей и Филоктет, которые являются героями трагедии Софокла «Филоктет». В этой трагедии Геракл является героем, имя которого звучит раньше, чем он появляется на сцене. Представляясь сыну Ахиллеса Неоптолему, Филоктет так говорит о себе: «Владелец я Гераклова оружия, / Я – Филоктет» (Soph. Phil.267-8; пер. С. Шервинского). На краснофигурном кратере, датированном ок. 475–425 г. до н.э. (Paul Getty Museum, 77.AE.44.1)⁶⁰, изображена Афина, которая вручает колчан Филоктету – воину в снаряжении гоплита (шлеме и доспехах), держащему в левой руке щит и копье. За ними наблюдает Геракл с дубиной в руке и с мантией, а не шкурой, перекинутой через левое плечо. Одна из интерпретаций этого сюжета такова: Афина передает колчан, который не принадлежит снаряжению Филоктета, и кото-

⁵⁶ Kamerbeek 1966: 11.

⁵⁷ Holmes 2008: 264.

⁵⁸ Лукиан также реабилитирует Геракла-лучника, когда один из его героев говорит: «Ну, а если кто-нибудь приобретет лук Геракла, не будучи, однако, Филоктетом, чтобы оказаться в силах натянуть его и метко пустить стрелу, — каково твое мнение об этом человеке? Неужели он сможет явить нашим взорам какой-нибудь подвиг, достойный стрелка из лука?» (Luc. Adversus Indoctum. 5; пер. Н.П. Баранова).

⁵⁹ Echeverría 2015: 53.

⁶⁰ Изображение приводится и обсуждается здесь: Brommer 1985: 213-216; <http://www.beazley.ox.ac.uk/record/0E962E22-356E-4336-85C5-2265C30EBFE6>

рый она получила от Геракла. То есть, перед нами сюжет передачи Филоклету оружия Геракла, который соотносится с трагедией Софокла. Кроме того, это изображение как будто примиряет гоплита и лучника: Филоклет, совершивший много славных дел в снаряжении гоплита, получает лук, чтобы снова их совершать. На психтере ок. 475–425 гг. изображен Геракл в львиной шкуре на костре, который передает свой лук и колчан молодому человеку, предположительно Филоклету (New York, частная коллекция, 9949). Это изображение связано с сюжетом трагедии Софокла «Трахинянки»⁶¹, отражает значимость лука для Геракла, который на пороге смерти передает любимое оружие Филоклету, который, по одной из версий, согласился зажечь погребальный костер героя.

Литературные примеры обмена воинским оружием отражали практику *xenia*, на которую хочет указать Софокл, представляя Геракла другом Филоклета⁶². В трагедии Софокла между Неоптолемом и Филоклетом происходит диалог о луке: первый просит коснуться легендарного лука, а второй отвечает, что разрешает это сделать, подчеркивая исключительность этого разрешения (Soph. Phil.668-682). Когда Неоптолем получает контроль над луком, притворившись другом Филоклета, он ведет себя неподобающе, потому что не предлагает ответного дара. Неоптолем должен был бы действовать, например, как гомеровский Одиссей, который, получив от Ифита лук, взамен дарит меч и копье. Решение Неоптолема вернуть лук означает, что он, все же, хочет действовать как ксенос по отношению к Филоклету. Нет оружия, равного луку Геракла, поэтому возвращение этого оружия Филоклету можно назвать ответным даром⁶³.

В этой трагедии лук играет главную роль даже когда Филоклет использует это легендарное оружие для охоты. Он хочет действовать как воин, в то время как еще другой лучник – Одиссей – хочет действовать как политик⁶⁴. Лук является неизменным атрибутом Филоклета, когда он изображен с больной ногой. Часто на этих изображениях присутствует не только лук, но и чехол⁶⁵ (χωροτός), в котором можно носить лук, колчан и стрелы. Например, на фрагменте краснофигурного килика ок. 475–425 гг., где изображены сидящие напротив друг друга Одиссей и Филоклет, а на дереве, расположенном между ними, висит такой чехол (Basel, Sahn 1738)⁶⁶. Или на краснофигурном кратере ок. 380 г. до н.э., где изображен сидящий в пещере Филоклет с луком в левой руке⁶⁷

⁶¹ Изображение обсуждается здесь: Mills 2017: 529; <http://www.beazley.ox.ac.uk/record/352B32BB-0DDA-4ACD-B236-78A8F98E7960>.

⁶² Belfiore 1993-1994: 116;121.

⁶³ Belfiore 1993-1994: 122.

⁶⁴ Harsh 1960: 409.

⁶⁵ У Гомера лук Одиссея хранится, бережно завернутый в чехол (Hom. Od.XXI.55).

⁶⁶ Ссылки: <http://www.beazley.ox.ac.uk/record/F9DF484F-0206-4323-84F7-46638F119F67>; <http://www.beazley.ox.ac.uk/record/F9DF484F-0206-4323-84F7-46638F119F67>.

⁶⁷ Изображение приводится и обсуждается здесь: Taplin 2007: 98-100; Dugdale 2017: 103; <http://www.beazley.ox.ac.uk/record/7404437F-630A-4990-9736-83356FB661E4>

(Syracuse Archaeological Museum, 36319). За пещерой стоит Одиссей (с одной стороны), который предположительно смотрит на молодую женщину и сжимает меч или колчан, и Афина (с другой стороны), которая наставляет юношу (Неоптолем? Диомед?), а тот внимательно слушает.

В трагедии Софокла Афина не играет значимой роли. Наставником Филоктета помимо Одиссея и Неоптолема является Геракл. Филоктет, слишком заикленный на своем героическом прошлом, постоянно соотносит свои и чужие действия с кодексом героического поведения; Геракл же дает ему возможность подумать о своем героическом будущем и посмотреть на этот кодекс не через свой, а через чужой опыт. Одиссей и Неоптолем оставляли возможность того, что, если Филоктет не согласится следовать в Трою, его лука будет достаточно для победы; Геракл же не разделяет оружие и его владельца, и это оказывается единственно приемлемым вариантом для Филоктета. Геракл оказывается убедительнее Одиссея и Неоптолема, потому что произносит речь, которая утверждает стратегию Ореста из другой трагедии Софокла: если действие обречено на победу, то «не время раздумывать: час действовать настал!» (Soph. El. 22; пер. С. Шервинского). И этой стратегии Филоктету нечего противопоставить, потому что он хочет и любит побеждать с оружием Геракла в руках.

Таким образом, лук Геракла был оружием, которое «имело свою собственную жизнь в мифологии»⁶⁸. Внимание античных авторов к деяниям триады великих лучников – Геракла, Одиссея и Филоктета – позволяет очертить контур добродетели воина, которая утверждалась веками и веками же переосмысливалась.

Пайдейя для героя: между лучниками и гоплитами

Умение Геракла стрелять из лука начало приносить окружающим страдания почти сразу после его рождения. В ряду преступлений Геракла особое место занимали убийства его наставников – Еврита и Хирона – которые могут быть отнесены к сфере неоправданного насилия с применением лука. Двойственность образа Геракла⁶⁹ раскрывалась многими античными авторами через его выбор в пользу легкого или тяжелого вооружения: его описывали то как бесстрашного воина-победителя, то как импульсивного и не слишком образованного человека, действия которого в любой момент могут быть определены стратегией насилия⁷⁰. Выбор Геракла в пользу того или иного оружия со временем стал своеобразным клише как для текстовой, так и для визуальной традиции: Геракл-лучник и Геракл-гоплит стал исходной точкой для оценки добродетельности воина и особенностей его пайдейей.

⁶⁸ Hartigan 1987: 133.

⁶⁹ Или даже «калейдоскопичность» этого образа (Liapis 2006: 48).

⁷⁰ По мнению С. Армитиджа, ответ на вопрос, кто есть «мистер Геракл», таков: «Геракл – это мастер насилия, но также и его раб» (Armitage 2000: vii).

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Пичугина В.К. Геракл как плохой ученик: особенности куррикулума для древнегреческого героя // Отечественная и зарубежная педагогика. 2022. Т.1. № 2(83). С.157–161. [Pichugina V.K. Gerakl kak plohoj uchenik: osobennosti kurrikuluma dlja drevnegrecheskogo geroga // Otechestvennaja i zarubezhnaja pedagogika. 2022. T.1. № 2(83). S.157–161.]
- Пичугина В.К., Жирнова А.С. Визуальность и нарративность в античной традиции об Ахиллесе: уникальный проект аристократического образования // Отечественная и зарубежная педагогика. 2021. Т.1. №4(77). С.30–44. [Pichugina V.K., Zhirnova A.S. Vizual'nost' i narrativnost' v antichnoj tradicii ob Ahillese: unikal'nyj proekt aristokraticeskogo obrazovanija // Otechestvennaja i zarubezhnaja pedagogika. 2021. T.1. №4(77). S.30-44]
- Роджерс Б. До пайдеи: представления об образовании в трагедиях Эсхила / пер. В.К. Пичугиной и Я.А. Волковой, комм. А. Ю. Можайского. СПб.: Издательство РХГА, 2021. [Rodzhers B. Do pajdeji: predstavlenija ob obrazovanii v tragedijah Jeshila / per. V.K. Pichuginoj i Ja.A. Volkovoj, komm. A. Ju. Mozhajskogo. SPb.: Izdatel'stvo RHGA, 2021.]
- Armitage S. *Mister Heracles after Euripides*. London: Faber and Faber, 2000.
- Belfiore E. Xenia in Sophocles' *Philoctetes* // *The Classical Journal*. Dec. 1993 – Jan. 1994. Vol. 89. No. 2. P. 113-129.
- Bowden H. *Hoplites and Homer: Warfare, hero cult, and the ideology of the polis // War and society in the Greek world / ed. J. Rich, G.Shipley. L.; N.Y.: Routledge, 1995. P. 45-63.*
- Brommer F. *Herakles und Theseus auf Vasen in Malibu // Greek Vases in the J. Paul Getty Museum, Vol. 2 / ed. J. Frel, S. Morgan. Malibu, CA: J. Paul Getty, 1985. P.213–216.*
- Cartledge P.A. 'Hoplites and heroes: Sparta's contribution to the technique of ancient warfare' // *JHS*, 1977. Vol. 97. P. 11-27.
- Crissy K. *Herakles, Odysseus, and the Bow: "Odyssey" 21.11–41 // The Classical Journal*. 1997. Vol. 93. No. 1. P. 41-53.
- Dugdale E. *Philoctetes // Brill's Companion to the Reception of Sophocles / ed. Rosanna Lauriola, Kyriakos N. Demetriou. Leiden; Boston: Brill, 2017. P.77-145.*
- Easterling P.E. *The Tragic Homer // Bulletin of the Institute of Classical Studies*. 1984. N 31. P. 1–8.
- Echeverría F. *Heroic fiction, combat scenes, and the scholarly reconstruction of archaic Greek warfare // Bulletin of the Institute of Classical Studies*. 2015. Vol.58. Iss.1. P.33–60.
- Foley H.P. *Ritual Irony: Poetry and Sacrifice in Euripides*. N.Y.; L.: Cornell University Press, 2019.
- Garlan Y. *War in the Ancient World: A social history*. London: Chatto & Windus, 1975.
- George D.B. *Euripides' Heracles 140–235: Staging and the Stage Iconography of Heracles' Bow // GRBS*. 1994. №35. P. 145–157.
- Gregory J. *Cheiron's way: youthful education in Homer and Tragedy*. Oxford: O.U.P., 2019.
- Grethlein J. 'The Best of the Achaeans? Odysseus and Achilles in the *Odyssey*' // *The Winnowing Oar – New Perspectives in Homeric Studies (Studies in Honor of Antonios Rengakos) / ed. Christos Tsagalis, Andreas Markantonatos*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2017. P. 121–142.
- Hamilton R. *Slings and Arrows: The Debate with Lycus in the Heracles // Transactions of the American Philological Association*. 1985. Vol. 115. P. 19–25.
- Harsh P.W. *The Role of the Bow in the Philoctetes of Sophocles // The American Journal of Philology*. 1960. Vol. 81, No. 4. P.408–414.
- Hartigan K. *Euripidean Madness: Herakles and Orestes // Greece & Rome*. 1987. Vol. 34. No. 2. P. 126–135.
- Holmes B. *Euripides' Heracles in the Flesh // Classical Antiquity*. 2008. Vol. 27. N 2. P. 231-281.
- Jones M. *Playing the Man. Performing Masculinities in the Ancient Greek Novel*. Oxford: O.U.P., 2012.
- Kamerbeek J.C. *Unity and Meaning of Euripides' "Heracles" // Mnemosyne*. 1966. Vol. 19. Fasc. 1. P. 1–16.
- Liapis V. *Intertextuality as Irony: Heracles in Epic and in Sophocles // Greece & Rome*. 2006. Vol. 53. №. 1. P. 48-59.
- Lorau N. *Herakles: the super-male and the feminine // Before Sexuality the Construction of Erotic Experience in the Ancient Greek World / ed. Froma I. Zeitlin, John J. Winkler, David M. Halperin*. Princcton: Princeton University Press, 1990. P.21-52.
- Michael M. Sage. *Warfare In Ancient Greece. A Sourcebook*. L.; N.Y.: Routledge, 2003.
- Mills S. *The Women of Trachis // Brill's Companion to the Reception of Sophocles / ed. Rosanna Lauriola, Kyriakos N. Demetriou. Leiden; Boston: Brill, 2017. P. 512-557.*

- Pache C.O. *Baby and Child Heroes in Ancient Greece*. Urbana-Chicago: University of Illinois Press, 2004.
- Papadopoulou T. *Heracles and Euripidean tragedy*. Cambridge: C.U.P., 2005.
- Stern J. Theocritus' Idyll 24 // *The American Journal of Philology*. 1974. V. 95, N 4. P. 348–361.
- Sutherland C. *Archery in the Homeric Epics* // *Classics Ireland*. 2001. Vol. 8. P.111–120.
- Taplin O. *Pots and Plays. Interactions between Tragedy and Greek Vase-painting of the Fourth Century BC*. Los Angeles: Getty Publications, 2007.
- Wolicki A. *The Education of Women in Ancient Greece* // *A Companion to Ancient Education* / ed. W. Martin Bloomer. Chichester: MA: Wiley-Blackwell, 2015.

Пичугина Виктория Константиновна, доктор педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник и профессор, Институт образования НИУ ВШЭ *Pichugina_V@mail.ru*

Archer VS Hoplite: Heracles' Educational Path in Texts and Images

The article presents the results of an interdisciplinary study of the images of Heracles as an archer, present in the ancient texts and on ceramics of the 7th–4th c. BC. These images give an idea of the change in the understanding of military virtue through the opposition of archers and hoplites. From the corpus of sources, only those have been selected that allow us to present the features of the educational path of the hero, and texts and images of Heracles performing feats are excluded. Traditionally, the image of Heracles is drawn as an image of a warrior fighting with different types of weapons, but preferring a bow. The kaleidoscope of images of Heracles starts from images of a child who was not afraid to attack the gods with a bow, to an adult hero who often behaved like a child and committed many crimes using a bow. The latter include the murders of two mentors - Eurytus and Chiron. The exaltation or condemnation of a hero for choosing a bow was the result of a number of factors: the development of ancient Greek warfare, the rethinking of military prowess by Homer and other ancient authors, and acute experiences of military conflicts (for example, the Battle of Plataea). Tradition for centuries associated Heracles with a bow, which was either seen as a symbol of an arete, or as a coward's tool, outlining more and more new contours of the hero's paideia.

Key words: Heracles, archer, hoplite, Eurytus, Chiron, virtue of a warrior.

Victoria K. Pichugina, *Doctor of Science (Education), Leading Researcher and Professor of the Institute of Education of HSE University; Pichugina_V@mail.ru*

Н.Э. ДЕМЕШКО, А.А. ИРХИН

РОССИЯ И ВЕЛИКОБРИТАНИЯ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР В КОНКУРЕНЦИИ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ

В статье раскрываются модели этнонациональной политики России и Великобритании, а также технологии актуализации и использования национального фактора в российско-британской конкуренции XIX–XXI вв. Авторы рассматривают национальный вопрос как один из инструментов противостояния великих держав, поскольку язык, религия, «зов крови», конструирование национальных мифов о «золотом веке» и идентификация врага, лишившего нацию былого величия, порождают раздвоенность элит малых народов, ориентирующихся на противоборствующие геополитические центры в борьбе за власть и ресурсы внутри национальных общин.

Ключевые слова: конкуренция, великие державы, Россия, Великобритания, хронологическая политика, национальный фактор, этнонациональная политика.

Россия и Великобритания – в прошлом две империи, которые в настоящее время являются великими державами достигли значительных результатов в приращении территорий и сохранении своего положения. Политическое и культурное наследие данных социальных организмов¹ до сих пор оказывает влияние на внутреннюю и внешнюю политику государств, ранее входивших в состав империй либо относившихся к сферам их влияния. Они включали в себя многочисленные территории с полиэтничным населением, в связи с чем для имперского центра постоянно актуализировалась задача разработки эффективных механизмов управления перифериями. Анализ моделей развития имперских пространств позволяет сделать вывод о существовании как минимум двух видов империй: колониальных (западных, морских) и традиционных (восточных, континентальных).

Колониальные империи первого типа – их лидером может считаться Великобритания – обладали заморскими территориями. В них сохранялась дихотомия «мы–они», так как метрополия не рассматривала культуру покоренных народов в качестве своего наследия, а усваивала необходимую информацию для выстраивания коммуникации с колониями на уровне элит и получения различных видов материальных благ. Долгое и опасное морское путешествие не позволяло сформировать у колонистов ощущения единства с населением присоединенных территорий². Континентальные же империи (Византийская, Российская и др.), как правило, покоряли тех, кто проживал рядом, хотя могли иметь и территории за морем. Восточные империи развивали ядро (имперский центр) и, одновременно осуществляли укрепление приграничных районов³. В силу их геополитического положения, имперские периферии традиционно нахо-

¹ Термин «социальные организмы» употребляется с отсылкой на органическую теорию происхождения государств.

² Ливен 2004: 82.

³ Яковенко 1996.

дились близко к промежуточным пространствам и, следовательно, конкурирующим имперским центрам, и поэтому важно было достичь их заинтересованности в нахождении в традиционной имперской системе.

Российская и Британская империи являлись наиболее масштабными представителями «теллуократии» (сухопутного могущества) и «талассократии» (морского могущества) и сейчас представляют интерес в свете анализа имперской политики на перифериях, а также использования национального вопроса в конкуренции великих держав⁴ на различных этапах своего существования. Они вступали во взаимодействие в дихотомии сотрудничество–конкуренция, когда каждая из них стремилась использовать свои сильные стороны против слабых сторон конкурента. В этой геополитической дуэли морские империи были наделены известным преимуществом в силу природы соотношения мирового океана и мировой суши, которое выражается формулой 2,4 к 1⁵. Эти базовые природные преимущества отражаются в экономической и политической деятельности элит морских и континентальных империй: от скорости и возможности переброски грузов, контроля над мировой торговлей и, как следствие, финансовыми системами до возможности допускать ошибки в управлении, когда качество подготовки элиты континентальных государств должно быть выше руководства колониальной метрополии в 2,4 раза только для того, чтобы выйти на равные возможности в управлении в извечной конкуренции. Иными словами, морские державы имеют возможность допустить в противоборстве с сухопутными 2,4 ошибки при полном отсутствии их у континентальных.

Авторы ставят перед собой цель определить ключевые модели этнонациональной политики великих держав, а также технологии актуализации и разыгрывания национального фактора в российско-британских отношениях XIX–XXI вв. Объектом исследования выступает национальный фактор в конкуренции великих держав; предметом – этнонациональный аспект как один из инструментов конкуренции двух стран. Для достижения поставленной цели в статье решаются следующие задачи: выявить основные подходы России и Великобритании к решению национального вопроса в пределах их геополитического пространства; сравнить особенности этнополитики данных держав; определить британские технологии актуализации и использования этнонационального фактора для ослабления геополитических позиций России. Методология исследования представлена системным, геополитическим и хронополитическим подходами. В каждом из подходов был исполь-

⁴ «Конкуренция великих держав» – соперничество между ведущими субъектами международных отношений на локальном, региональном и глобальном уровнях за достижение геополитических, экономических, ресурсных и другого рода преимуществ с целью защиты и продвижения своих национальных интересов.

⁵ Поверхность океана составляет 361 млн кв. км. Она, примерно, в 2,4 раза больше площади суши. Поэтому, при прочих равных, стратегия, оперирующая морем, будет эффективнее сухопутной в 2,4 раза. Для северного полушария этот показатель равен 1,56, для южного – 4,26. См.: Перселегин 2005: 18.

зован ряд методов в зависимости от конкретной исследовательской задачи: анализ, синтез, доказательство, абстрагирование, конкретизация, классификация, обобщение, а также компаративный, структурно-диахронный и проблемно-хронологический. Исследование выполнено при соблюдении принципа историзма, однако, в силу широких хронологических границ (XIX–XXI вв.), выводы сделаны в рамках хронополитики, которая подразумевает определение ключевых элементов политики России и Великобритании для той или иной исторической эпохи, но без учета разнонаправленных тенденций в управлении владениями британской короны в XVIII–XIX вв.

Авторы, для сохранения объективности в раскрытии этнонационального аспекта как одного из инструментов российско-британской конкуренции (XIX–XXI вв.), опирались на публикации представителей как отечественного, так и зарубежного научно-экспертного сообщества. Отдельные аспекты этнополитики России и Великобритании рассматривались в работах Б. Андерсона, А. Каппелера, Г. Карпова, С. Каспэ, Ю. Купряшкина, Д. Ливена, О. Лисенкова, С. Лурье, М. Манна, А. Терентьева, А. Эткинды и др.⁶ Национальный фактор как один из элементов российско-британской конкуренции XIX–XXI вв. нашел отражение в публикациях В. Дегоева, Н. Демешко, В. Цибенко, Э. Эшбы и др.⁷

В зарубежном научно-экспертном дискурсе конструируется и ретранслируется нарратив о «колониальных методах» этнонациональной политики России. Так, британский советолог В. Коларц в работе «Россия и ее колонии» (1952) отмечал определенную преемственность этнонациональной политики Российской империи и СССР и то, что советская Россия часто следовала по стопам царской в плане колонизации, причем под термином «колонии» подразумевались этнически нерусские территории СССР⁸. В том же году в журнале «Foreign Affairs», выпускаемом Советом по международным отношениям, тезис о России как «колониальной империи» обосновывал экс-меньшевик С. Шварц⁹, сотрудничавший с правительством США. Французский востоковед и советолог А. Беннигсен также отмечал «колониальную атмосферу» превосходства России по отношению к инородцам¹⁰. Российскую этнонациональную политику как колониальную оценивают и некоторые современные авторы¹¹. Таким образом, научные исследования этнополитики могут выступать одним из уровней конкуренции великих держав¹².

⁶ Андерсон 2016; Каппелер 2004; Карпов 2017; Каспэ 2001; Купряшкин 2003; Ливен 2004; Лисенков 2020; Лурье 1995; Манн 2016; Терентьев 1875; Эткинд 2022.

⁷ Дегоев 2003; 2009; Демешко 2017; 2020; Цибенко 2022; Эшба 2014.

⁸ Kolartz 1952: 124, 76.

⁹ Schwarz 1952.

¹⁰ Bennigsen 1969.

¹¹ См. об этом: Бовдунов 2022; Демешко 2020: 31–33.

¹² Авторы рассматривают негативную интерпретацию этнонациональной политики России (на примере Крыма) как одну из политических технологий конкуренции великих держав. См. об этом: Демешко 2020: 281–288.

Источниковая база исследования представлена законодательными актами Российской империи XIX в., советской власти и РФ, ведомственными отчетами МИД Великобритании, публицистическими сочинениями и периодическим изданием «Переводчик–Терджиман»¹³. Выбор источников и литературы обоснован их корреляцией с междисциплинарным и компаративным характером исследования.

Методологические подходы к решению национального вопроса в России

Россия, являясь континентальной державой, обладающей значительным геополитическим пространством и мультикультурным населением, на протяжении всей своей истории сталкивается с перманентными попытками включения своих лимитрофных пространств в конкурирующие геополитические проекты. Кроме того, на фоне других европейских держав, Россию выделяет пограничное положение между Западом и Востоком, а также сложная составная структура государственного устройства¹⁴. Данные особенности формирования российского пространства отразились и на этнополитике государства. Хронополитический анализ позволяет сделать вывод, что в политике России на окраинах прослеживается четкая преемственность как в имперский, советский, так и в современный периоды. Это возможно объяснить тем, что основные модели этнонациональной политики, как основы сложной структуры государства, были заложены еще в период его возникновения и продолжают действовать до настоящего времени с незначительными трансформациями с целью сохранения их эффективности в современных социально-политических реалиях.

Методы интеграции новых территорий в российское пространство были вариативными и зависели от следующих факторов: международно-политической ситуации и реакции зарубежных государств на экспансионистскую политику России; наличия военного сопротивления жителей присоединенных территорий; отличий экономического уклада, социально-политической культуры, религии периферий от центра¹⁵; цивилизационного развития народов, проживающих на данной территории. Последний фактор нашел отражение в разработанных под руководством М.М. Сперанского «Уставе об управлении инородцев»¹⁶ и «Своде степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири»¹⁷. В данных документах была сформулирована классификация нерусских народов, использовавшая образ жизни в качестве основного маркера уровня цивилизационного развития. Так, народы, уже достигшие стадии оседлого быта, приравнивались к русскому населению и включались в состав соответствующих сословий; для остальных в той или

¹³ Газета издавалась с 1883 по 1918 гг.

¹⁴ Эткинд 2022: 47.

¹⁵ Каппелер 2004: 101–102.

¹⁶ Устав об управлении инородцев...

¹⁷ Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири...

иной степени сохранялась широкая автономия, предусматривавшая в том числе и функционирование традиционных властных институтов. Тем самым имплицитно подразумевалась перспектива выравнивания этого уровня и, в конечном счете, интеграция нерусских этносов в состав единого государственного организма¹⁸.

Несмотря на приведенные факторы, оказывающие влияние на этнонациональную политику государства, на высоком уровне обобщения можно условно выделить следующие российские интеграционные технологии, применяющиеся в отношении национальных окраин в различные политические периоды развития государства.

1. Конструирование комплементарного отношения у представителей национальной элиты к России. Это выражалось в сохранении широких привилегий высшему сословию различных этносов, которое должно было выступать проводником и ретранслятором российских интеграционных технологий¹⁹. Этот тезис подтверждает политика Российской империи в отношении и крымско-татарской политической элиты. Так, беям и мурзам были пожалованы все права и льготы русского дворянства. Более того, крымские татары занимали различные должности в органах управления Таврической губернии²⁰.

Ключевую роль в интеграции крымских татар в общероссийское пространство в XIX в. сыграл общественно-политический деятель, издатель тюркоязычной газеты «Переводчик-Терджиман»²¹ И. Гаспринский, который являлся представителем национальной элиты и в современном понимании – лидером общественного мнения. Издаваемое им СМИ являлось одной из технологий выстраивания коммуникации российских органов власти с крымскими татарами. На его страницах демонстрировался авторитет правителей России и привилегированное положение мусульман: «мы, мусульмане, должны быть особенно благодарны русским и русскому царю, ибо всегда пользуемся уважением первых и милостивым вниманием Государя...»²². Кроме того, отмечалось, что «... более ста лет прошло со времени присоединения Крыма, и мы, мусульмане, ни разу не чувствовали себя в положении покоренных, благодаря неисчисляемым милостям, которые постоянно изливались на нас по державной Воле Монархов России, начиная с Великой Государыни²³, и продолжают изливаться царствующим Государем Императором²⁴»²⁵. Схожие положительные отзывы об этнонациональной политике России встречаются и в других номерах «Переводчика»²⁶. То есть

¹⁸ Каспэ 2001: 121.

¹⁹ Капшелев 2004: 105–106.

²⁰ См. об этом: Кравчук 2021.

²¹ Газета публиковалась на крымско-татарском и русском языках.

²² Гаспринский 1884: 1–2.

²³ Екатерина II.

²⁴ Александр III.

²⁵ Гаспринский 1890: 1.

²⁶ Гаспринский 1890: 1–2. См. об этом: Демешко 2017.

действия российских органов власти были направлены на сохранение пророссийской национальной элиты²⁷, так как именно она выступала лидером общественного мнения и позволяла нивелировать возможность возникновения социальных недовольств.

2. Предоставление гражданских прав и социальных перспектив для представителей различных этносов. Так, Ф. Скрин отмечал, что завоеванные расы сразу же становились русскими гражданами и получали право селиться в любой части империи²⁸. Данную особенность интеграционной политики России отмечал и М.А. Терентьев, историк, политический и военный деятель, принимавший участие как в завоевании Туркестана, так и в управлении им. В частности, в работе «Россия и Англия в Средней Азии» он указывал, что политика России «... по отношению к покоренным народам есть политика гражданского равенства»²⁹. Различия в плане социальных перспектив и возможности реализоваться в имперском центре у жителей окраин России и Великобритании отмечал и британский исследователь Б. Андерсон. В данном случае более в выпрыгнутом свете демонстрировалась Россия, в силу своего географического положения (континентальный тип империи позволял сохранить единство территории, формируя общеимперскую идентичность)³⁰.

3. Имплементация веротерпимости и уважительного отношения к культуре со стороны органов власти. Так, в отношении нерусского населения Казанского ханства применялась достаточно гибкая политика, которая подразумевала кооперацию с нерусскими элитами и относительную веротерпимость. Схожий подход реализовывался и при интеграции крымских татар после включения Крымского ханства в состав Российской империи. Эти действия были характерны не только в отношении мусульманского населения, но и для прибалтийских провинций, где свобода лютеранского вероисповедания тоже гарантировалась³¹. Стремление нивелировать национальные противоречия посредством демонстрации уважительного отношения к языку и культуре малых народов прослеживалось в Декларации прав народов России³² и в советской политике «коренизации». Политика мультикультурализма сохраняется и в настоящее время, о чем свидетельствуют мероприятия, направленные на реализацию Стратегии государственной национальной политики РФ³³.

²⁷ Под «национальной элитой» авторы подразумевают представителей определенной этнической группы, обладающих высоким социальным статусом, материальными возможностями, авторитетом, выдающимися способностями, благодаря чему они имеют возможность оказывать влияние на массовые настроения своей этнической общины, представлять и ретранслировать ее политические, экономические и др. интересы.

²⁸ Цит. по: Лурье 1995 (http://conjuncture.ru/lurie_01-06-1995/).

²⁹ Терентьев 1875: 360 (<https://www.prlib.ru/item/362293>).

³⁰ Андерсон 2016: 168.

³¹ Ливен 2004: 105–106.

³² Декларация прав народов России 1917...

³³ Указ Президента РФ от 06.12.2018 № 703 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года».

4. Популяризация русской культуры и изучения русского языка. Данное направление интеграции окраин в большей степени реализовывалось посредством образования. Известны практики, когда мусульманам платили деньги, чтобы они отдавали детей в русские школы. Помимо этого, в Туркестане создавались учебные заведения для совместного обучения русских и инородцев. Однако данные действия были малоэффективными³⁴. Слабый ассимиляторский потенциал русского общества отмечал в своих публицистических сочинениях И. Гаспринский: «ассимиляционная способность русских должна быть очень слаба, ибо, по крайней мере, мы не могли видеть обруселых инородцев...»³⁵.

5. Попытка этнополитической унификации российского пространства, которая реализовывалась в формате переселений как в царский, так и в советский политические периоды развития государства. Данная технология этнополитической гомогенизации была опробована еще в Ассирии, Вавилоне, Византийской империи. В древности она оказалась нефункциональной, «поскольку порождала серьезное сопротивление, требовала колоссальных ресурсов, а эффект от ее применения мог быть замечен лишь в очень отдаленной перспективе. Видимо, те же факторы привели к отказу от нее и в XX в. ...»³⁶. При этом именно данный аспект этнонациональной политики царской и советской России, наравне с «русификацией» и «ассимиляцией», наиболее часто фигурирует в исследованиях западного научно-экспертного сообщества и в заявлениях представителей зарубежного политического истеблишмента, в качестве основного доказательства негативного опыта взаимодействия России и малых народов, что, в свою очередь, позволяет конструировать негативный внутрисполитический и международный имидж РФ как правопреемницы РИ и СССР, а также актуализировать национальный вопрос на современном этапе конкуренции великих держав³⁷.

Выделенные технологии этнонациональной политики России условны, так как трансформировались в зависимости от международных и внутрисполитических факторов. В данном контексте весьма примечательным является восстание декабристов 1825 г., которое наглядно продемонстрировало, что вестернизация³⁸ имперской элиты ставила под сомнение существование российского самодержавия. Это сказалось и на российском этнополитическом курсе, особенно на западных окраинах, которые из эталона для всей империи, в т.ч. и для ее ядра, превратились в источник угрозы. В большей степени это касалось Польши,

³⁴ Лурье 1995 (http://conjuncture.ru/lurie_01-06-1995/).

³⁵ Гаспринский 1993:38.

³⁶ Каспэ 2001: 188–189.

³⁷ См.: Демешко 2020.

³⁸ Российская элита перенимала образ жизни западных обществ, начиная с периода правления Петра I. Данная тенденция сохранялась и при последующих правителях Российской империи в силу разного рода внутрисполитических и международных процессов. Так, колоссальное влияние на взгляды декабристов оказали заграничные походы русской армии 1813–1814 гг.

в которой опережающая модернизация привела к формированию протонациональных сообществ (согласно концепции Э. Геллнера), развернувших в свою очередь борьбу за эмансипацию от имперского центра на национальной основе³⁹. Это способствовало проведению более жесткой политики со стороны российских органов власти и сокращению национальных свобод на данной территории.

Особенности этнополитики Великобритании

Британская колониальная империя на протяжении длительного времени удерживала в подчинении колоссальные по размеру, этническому разнообразию территории с помощью достаточно гибкой системы управления, которая получила название косвенного управления. Его основным принципом являлось сохранение традиционных политических институтов на конкретной территории⁴⁰. Учитывая особенности каждой подконтрольной территории, можно условно выделить отдельные механизмы британских интеграционных моделей, которые были ей свойственны в различные исторические периоды.

В политике Соединенного Королевства прослеживается создание противоречий между этническими группами для нивелирования возможности их объединения и выступления против имперского центра. Так, британское правительство учитывало религиозные и этнические различия между ирландцами-католиками и ольстерцами-протестантами и использовало их в качестве рычага политического и экономического господства в Северной Ирландии⁴¹. Несмотря на ряд преобразований английского правительства, направленные на смягчение северо-ирландского кризиса, данная ситуация так и не была урегулирована. Это было связано с нежеланием британского истеблишмента провести демократические реформы, учитывающие интересы и католического меньшинства Северной Ирландии⁴². Таким образом осуществлялись углубление и актуализация политико-религиозного размежевания населения Северной Ирландии⁴³. Т.е. применялся «британский баланс сил»⁴⁴, но не в контексте международных отношений, а в качестве модели этнонациональной политики государства на подконтрольных территориях, которая подразумевала использование местных органов власти с целью сохранения противоречий между этническими группами для недопущения их объединения на антиимперской основе. Эти действия

³⁹ Каспэ 2001: 122.

⁴⁰ Лисенков 2020: 44–46.

⁴¹ См. об этом: Купряшкин 2003: 22.

⁴² Там же: 31.

⁴³ Там же: 24.

⁴⁴ Под «британским балансом» подразумевается механизм поддержания или создания системы сдержек и противовесов в различных аспектах государственного управления, направленный на формирование самоподдерживающейся системы дистанционного руководства за счет использования исторических, национальных, религиозных, геополитических, геоэкономических и другого рода противоречий, что делает обязательным присутствие третьей стороны в качестве главного дирижера и арбитра.

подтверждаются и проведением британцами искусственных политических границ без учета расселения народов, что заложило основу для религиозно-этнических противоречий и территориальных претензий в странах Африки, Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии. В данном случае показательными являются примеры раздела Британской Индии в 1947 г. на два независимых государства – Индию и Пакистан⁴⁵.

Помимо этого, для Великобритании было характерно усугубление этнических конфликтов классовым фактором и наоборот. Поскольку эксплуатируемые классы рассматривались как этнически чужеродные, неполноценные в культурном и цивилизационном смысле. При этом в Ирландии религия объединяла как этническую, так и классовую принадлежность. Британцы подвергали дискриминации католических ирландских фермеров и арендаторов в пользу ольстерцев, которые являлись землевладельцами-протестантами, что значительно усугубило этнонациональные процессы на данной территории, а также сказалось на трагических последствиях Великого картофельного голода 1840-х гг.⁴⁶

Значимость социального статуса, размера доходов и наличия имущества для предоставления гражданских прав этническим меньшинствам в административно-политической части Соединенного Королевства демонстрируют и реформы XVII–XIX вв. В 1688 г. в Британии все имущие сословия протестантского вероисповедания были объявлены политически полноценными гражданами вне зависимости от того, на каком языке они говорили (английском, валлийском или гэльско-шотландском). Еще через 140 лет был отменен запрет на гэльско-ирландский язык. В 1832 г. все лица мужского пола (вне зависимости от их этнического происхождения), обладающие собственностью, приносящей не менее 10 фунтов годового дохода, наделялись избирательным правом⁴⁷.

Важным механизмом интеграции новых территорий в Британскую империю являлось и конструирование англизированной политической элиты⁴⁸. На протяжении столетий правящая элита центра в первую очередь ассимилировала периферийные этнические меньшинства, начиная с местной аристократии. Впоследствии данному процессу подвергались и более широкие социальные круги населения. Так, индийский политик Бипин Чандра Пал в 1932 г. писал, что индийские магистраты проходили жесточайшую проверку наравне с британскими членами этой службы, а также проводили лучшие годы своей юности в Англии. По возвращении на родину они вели практически такой же образ жизни, что и их сослуживцы и были такими же чужими на родной земле, как и поселившиеся в стране европейцы⁴⁹. Одновременно с этим им были недоступны высшие посты в своей стране, а также было закрыто «движение

⁴⁵ Семенова 2022: 52–53.

⁴⁶ Манн 2016: 142.

⁴⁷ Там же: 141.

⁴⁸ Лурье 1995 (http://conjuncture.ru/lurie_01-06-1995/).

⁴⁹ Pal 1932.

за пределы ее периметра: как горизонтальное», так и «вертикальное (в метрополию)»⁵⁰. Данная тенденция была характерна не только для «цветных» колоний, в которых преобладало коренное население, но и для «белых»⁵¹. При этом британские колонизаторы сотрудничали с местной элитой, которая номинально сохраняла свои управленческие функции, но под контролем колониального администратора.

Вследствие чего возникала необходимость воспитания ее по английской модели. Поэтому образование играло одну из ключевых ролей в формировании англоязычной элиты и в интеграции новых территорий в Британскую империю. Так, в 1835 г. президент Комиссии по общественному образованию в Бенгалии Т.Б. Маколей, известный своими заявлениями, что «одна полка добротной европейской библиотеки стоит всей туземной литературы Индии и Аравии»⁵², написал «Записку об образовании». Его рекомендации достигли значительного успеха и нашли немедленное практическое применение. По его мнению, должна была быть введена специфически английская система образования, призванная создать «особый класс людей – индийцев по крови и цвету, но англичан по вкусу, мнению, морали и интеллекту»⁵³. С этого периода во всех уголках империи проводилась, хотя и с разной скоростью, политика «маколейзма», направленная на англизацию коренного населения.

Однако британские попытки конструирования европеизированной местной элиты были не в полной мере удачными. Во-первых, различия в цивилизационном развитии отталкивали и не позволяли преодолеть дихотомию «мы–они». Во-вторых, в дальнейшем стало очевидно, что туземная интеллигенция представляла угрозу для британской короны, поскольку именно среди образованной части населения, которая должна была англоизироваться, возникали сначала идеи духовного национального возрождения, а затем и освобождения от колониальной власти. Данная тенденция прослеживается в том числе на примере Африки. Так, в Замбии в ходе восстания 1918 г. активную роль сыграли африканцы – учителя и ученики миссионерских школ. Вследствие чего в 20–30 гг. XX вв. произошел пересмотр образовательной политики Великобритании. Британское правительство начало жестко контролировать образовательные учреждения (были введены обязательная регистрация школ, инспекторские проверки и т.д.)⁵⁴.

Таким образом, в Великобритании дихотомия «мы–они» традиционно конструировалась, сохранялась и ретранслировалась. Для Британской империи «они» (индусы, африканцы и др.) никогда не могли стать «нами» (белыми англичанами). Жесткое разделение метрополии и ко-

⁵⁰ Андерсон 2016: 170.

⁵¹ Колонии, где большую часть населения составляли белые переселенцы из Англии и других стран Западной Европы (Австралия, Новая Зеландия, Канада и др.).

⁵² Цит. по: Андерсон 2016: 166.

⁵³ Там же: 167.

⁵⁴ Карпов 2017.

лоний давало оправдание тому, чтобы жители метрополии считались гражданами, тогда как люди, населявшие колонии – подданными. Элиты и представители широких слоев населения Британской империи были убеждены в превосходстве своей цивилизации над народами, землю которых они колонизировали⁵⁵.

Национальный фактор в геополитической конкуренции Великобритании и России

В 1951 г. Х. Арендт ввела термин «колониальный бумеранг» («эффект бумеранга»)⁵⁶ – процесс, в котором имперские власти переносят практику принуждения из колоний обратно в метрополию. При этом, как отмечает М. Фуко, колонизация переносила европейские модели на другие континенты, но она оказывала и обратное влияние, эффект бумеранга, на механизмы власти на Западе. Существовала целая серия колониальных моделей, которые были перенесены обратно на Запад, где они практиковались на территории метрополии, и это выступало вроде внутренней колонизации⁵⁷. Если продолжить данную логику, то эти модели отражались и на политике колониальных империй в отношении малых народов других государств, в частности России.

Россия, являясь мультинациональным государством, на различных исторических этапах своего существования сталкивается с актуализацией национального вопроса на своей территории со стороны противоборствующих имперских центров. Это явно прослеживается и в современных геополитических реалиях. Дискурс «деколонизации» России и необходимости разделения ее территории на ряд самостоятельных государств приобрел новый уровень актуальности после 24 февраля 2022 г. С мая 2022 г. проходят Форумы свободных народов России, в которых ключевую роль играют эмигранты, позиционирующие себя представителями этнических сообществ, проживающих на территории РФ, а также эксперты из Великобритании, США и др. государств. Участники мероприятия транслируют мысль, что пока сохраняется единая Россия, она будет неизбежно трансформироваться в «агрессивную империю».

Политика России схожим образом расценивалась Великобританией и в XIX в. Британцы отмечали, что Россия – единственная в Европе держава, стремящаяся к расширению за счет соседей, угрожающая своей гегемонией и амбициями всеобщему спокойствию. Петербург, в качестве поработителя малых народов, противопоставлялся европейским государствам, которые якобы реализовывали исключительно созидательную и миротворческую деятельность на своих перифериях⁵⁸. Представители британского истеблишмента обозначали Россию в качестве отсталого государства и проводили аналогии со своими колониями⁵⁹. Но

⁵⁵ Ливен 2004: 85.

⁵⁶ Arendt H. 1951.

⁵⁷ Эткин 2022: 19, 40.

⁵⁸ Дегоев 2003: 59.

⁵⁹ Эткин 2022: 28–29.

одновременно с этим, Англия опасалась, что «жемчужина короны» – Индия, попадет в руки русских. Данные опасения и способствовали началу так называемой «Большой игры» России и Великобритании за доминирование в Центральной Азии.

Необходимо отметить, что национальный вопрос на различных этапах конкуренции традиционно рассматривался Великобританией как элемент слабости России. Еще в конце 20-х гг. XIX в. генерал британской армии и политический деятель Соединенного Королевства Де Ласи Эванс выдвинул идею коалиционной войны, в которой против России должны были объединиться Англия и Франция с целью уничтожения ее главных морских стратегических баз (Севастополь и Кронштадт), а также изгнания ее из Черного и Каспийского морей с помощью кавказских горцев и Персии. Он предполагал использовать и другие народы, чтобы создать напряженность внутри имперского пространства и развязать гражданскую войну на территории Российской империи⁶⁰. Эти планы были реализованы во время Кавказской (1817–1864 гг.) и Крымской войн (1853–1856 гг.). В период данных конфликтов этнополитическая мобилизация выступала одним из инструментов противостояния России и Великобритании.

В XIX в. черкесский вопрос стал фактором политики великих держав и британским инструментом сдерживания внешнеполитических амбиций Российской империи в Черноморском регионе. Наиболее активное участие в разыгрывании черкесской карты приняла Великобритания. Поскольку воспринимала усиление Российской империи в Черном море в качестве прямой угрозы своим колониальным интересам на Ближнем Востоке, в Центральной Азии и Индии. Британские путешественники, дипломаты, разведчики, журналисты характеризовали черкесов как «жертв царского режима»⁶¹, а Кавказскую войну – как «освободительную»⁶². Более того, дипломат Д. Уркарт утверждал, что «на Кавказе Россия должна быть заменена Англией»⁶³, а черкесский вопрос мог выступить в качестве возможного повода для нападения на Россию⁶⁴. Англичане относили черкесов, как и жителей своих колоний, к нецивилизованным народам и пытались внести коррективы в их традиционный жизненный уклад, что выражалось в стремлении трансформировать традиционную набеговую систему горцев в организованную войну против России. Помимо этого, были известны планы лорда Палмерстона о создании либо полностью независимого черкесского (северокавказского) государства, либо передачи его под протекторат Османской империи в качестве «сюзерена». Это позволило бы активизировать и легитимизировать зарубежную помощь горцам. В любом случае данный регион, по

⁶⁰ Дегоев 2003: 58.

⁶¹ Например, см.: Спенсер 1994, Белл 2007.

⁶² Там же.

⁶³ Цит. по: Эшба 2014: 84.

⁶⁴ Цибенко 2022: 123–124.

мнению британцев, должен был быть выведен из сферы влияния России и выступать своеобразным антирусским буфером⁶⁵.

Попытка использования окраин для нанесения удара по имперскому центру прослеживается и в ходе Крымской войны. Так, обосновывая задачи войны вскоре после вступления в нее союзников, Пальмерстон писал коллеге по кабинету Д. Расселу, что «Лучшей и самой эффективной гарантией европейского мира в будущем явилось бы отделение от России некоторых недавно приобретенных ею окраинных территорий: Грузии, Черкесии, Крыма, Бессарабии, Польши, Финляндии...»⁶⁶. По мнению Пальмерстона, высказанному в мае-июне 1854 г., удары по России следовало нанести в Грузии, в Черкесии и в Крыму⁶⁷. Одновременно с этим предполагалась актуализировать национальные движения на указанных территориях. Если рассматривать Крым времен Восточной войны, коалиция европейских государств и Османская империя для обеспечения своего тыла активно взаимодействовали с местным населением, в особенности с крымскими татарами⁶⁸.

Помимо актуализации этнонационального фактора на окраинах имперской России, Соединенное Королевство играло на внутризлитных противоречиях черкесов, крымских татар и других народов, вошедших в состав России, которые традиционно разделилась на пророссийскую и прозападную фракции. Лондон учитывал разобщенность национальных элит и использовал представителей с антироссийскими взглядами для продвижения своих национальных интересов. Данный инструмент сохраняет свою актуальность и в настоящее время. О чем свидетельствуют технологии разыгрывания Великобританией национальной карты в период чеченских войн, политические акции черкесской диаспоры Лондона против проведения Олимпийских игр 2014 г. «на земле геноцида», а также активное сотрудничество с меджлисом крымско-татарского народа^{69,70}. Необходимо отметить, что с 2014 г. крымско-татарский вопрос вышел на новый уровень актуальности как основной инструмент противодействия воссоединению Крыма с РФ, что отразилось и на британской политике. Именно данный этнос традиционно демонстрируется МИД Великобритании в роли «жертвы» РФ^{71,72}. Т.е. прослеживается традиционное позиционирование себя как цивилизатора и защитника «слабого» от «агрессивной» политики России, которое было характерно и для Великобритании XIX в.

***

⁶⁵ Там же: 126.

⁶⁶ Дегов 2009: 211.

⁶⁷ Там же: 211.

⁶⁸ Демешко 2020: 59–61.

⁶⁹ Организация запрещена в РФ.

⁷⁰ Демешко 2020: 328–330, 354.

⁷¹ Human Rights and Democracy Report 2014: 102.

⁷² Human Rights and Democracy Report 2020: 57.

Проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам.

Во-первых, при сравнении моделей этнонациональной политики России и Великобритании, становится очевидным их сходство. Так, данные державы активно использовали национальную элиту как основного ретранслятора имперских интеграционных технологий. При этом именно национальная интеллигенция представляла угрозу для британской и российской короны, так как выступала основной движущей силой национальных движений. Россия и Великобритания демонстрировали достаточно лояльное отношение к культуре и религии малых народов для недопущения волнений на окраинах, но одновременно с этим стремились распространить свой язык и культуру в силу своего мессианского предназначения.

Во-вторых, прослеживаются отличия в этнонациональной политике России и Великобритании, которые в большей степени были обусловлены географическими особенностями рассматриваемых держав. Для России в меньшей степени было характерно сохранение дихотомии «мы–они» в силу континентального типа империи, низкой плотности населения, а также наличия соседних государств-конкурентов, желавших включить лимитрофы в свои интеграционные проекты. Российское правительство стремилось интегрировать национальные окраины и сформировать единую идентичность с центром, достаточно часто перенимая особенности политической культуры присоединенных территорий. В свою очередь, для британцев сохранялось жесткое разделение метрополии и колоний, которое было связано с тем, что Британская империя, представляла собой объединение разобщенных владений, многие из которых были разбросаны по всем континентам. Именно данный факт, а также отсутствие длительных религиозных, языковых, культурных, политических и экономических связей подчиненных народов с метрополией не позволяли преодолеть в британском сознании дихотомию «мы–они» / «свой–чужой». Данный тезис подтверждает и неудачная попытка реализации политики мультикультурализма в Великобритании во второй половине XX – начале XXI вв.

В-третьих, национальный фактор на протяжении различных политических эпох является инструментом ослабления своих геополитических соперников, поскольку язык, религия, «зов крови»⁷³, конструирование национальных мифов о «золотом веке» и идентификация врага, лишившего нацию былого величия, порождают раздвоенность элит малых народов, ориентирующихся на противоборствующие геополитические центры в борьбе за власть и ресурсы внутри национальных общин. При анализе британских механизмов разыгрывания национальной карты на территории России прослеживается определенная преемст-

⁷³ Данное словосочетание приведено авторами в рамках примордиалистского подхода к этничности и подразумевает врожденную связь индивида со своей этнической группой и соответствующей культурой.

венность, выражающаяся в реализации своей политики на национальных окраинах России через частных лиц. Только в XIX в. ими выступали агенты, играющие роль искателей приключений, то уже в XX–XXI вв. проводниками британских национальных интересов являлись НКО («Нюу-Хау»⁷⁴, HALO Trust и др.), а значимым фактором в выстраивании коммуникации с малыми народами России являлась игра на внутривнутриполитической разобщенности национальных элит, а также популяризация образа Великобритании как цивилизатора малых народов и их защитника от российской «агрессии».

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространения национализма. М.: Кучковое поле, 2016. [Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva: razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneniya natsionalizma*. М.: Kuchkovoe pole, 2016].
- Белл Д. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. В 2 т. Нальчик: Эль-Фа, 2007. [Bell D. *Dnevnik prebyvaniya v Cherkesii v techenie 1837–1839 godov*. V 2 t. Nal'chik: El'-Fa, 2007].
- Бовдунов А.Л. Вызов «деколонизации» и необходимость комплексного переопределения неокOLONIALИЗМА // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 4. С. 645–658. [Bovdunov A.L. *Vyzov «dekolonizatsii» i neobkhodimost' kompleksnogo pereopredeleniya neokolonializma* // *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2022. T. 22, № 4. S. 645–658].
- Гаспринский И. Перед монументом Екатерины II // Переводчик. № 37. 1890. С. 1–2. [Gasprinskii I. *Pered monumentom Ekateriny II* // *Perevodchik*. № 37. 1890. S. 1–2].
- Гаспринский И. Россия // Переводчик. 1884. № 1. С. 1–2. [Gasprinskii I. *Rossiya* // *Perevodchik*. 1884. № 1. S. 1–2].
- Гаспринский И. Россия и Восток. Казань: Татарское книжное издательство, 1993. [Gasprinskii I. *Rossiya i Vostok*. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1993].
- Гаспринский И. 18 октября 1890 г. ... // Переводчик. № 37. 1890. С. 1. [Gasprinskii I. 18 oktyabrya 1890 g. ... // *Perevodchik*. № 37. 1890. S. 1].
- Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М.: SPSL-«Русская панорама», 2003. [Degoev V.V. *Bol'shaya igra na Kavkaze: istoriya i sovremennost'*. М.: SPSL-«Russkaya panorama», 2003].
- Дегоев В.В. Кавказ и великие державы, 1829–1864 гг. Политика, война, дипломатия. М.: «Рубежи XXI», 2009. [Degoev V.V. *Kavkaz i velikie derzhavy, 1829–1864 gg. Politika, voyna, diplomatiya*. М.: «Rubezhi XXI», 2009].
- Декларация прав народов России 1917. [Deklaratsiya prav narodov Rossii]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/peoples.htm>
- Демешко Н.Э. Международно-политическое противодействие интеграции крымских татар в геополитическое пространство России: дис. канд. полит. наук. Симферополь, 2020. [Demeshko N.E. *Mezhdunarodno-politicheskoe protivodeystvie integratsii krymskikh tatar v geopoliticheskoe prostranstvo Rossii: dis. kand. polit. nauk. Simferopol'*, 2020].
- Демешко Н.Э. Россия и Крым: проблема интеграции крымских татар в конце XIX века // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. № 2. С. 16–24. [Demeshko N.E. *Rossiya i Krym: problema integratsii krymskikh tatar v kontse XIX veka* // *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2017. № 2. S. 16–24].
- Каппелер А. Формирование Российской империи в XV – начале XVIII века: наследство Руси, Византии и Орды // Российская империя в сравнительной перспективе. 2004. С. 94–112 [Kappeler A. *Formirovanie Rossiiskoi imperii v XV – nachale XVIII veka: nasledstvo Rusi, Vizantii i Ordy* // *Rossiiskaya imperiya v sravnitel'noi perspektive*. 2004. S. 94–112].
- Карпов Г.А. Африканцы в Великобритании: колониальная эпоха (XVI – первая половина XX вв.) // Genesis: исторические исследования. 2017. № 6. С. 1–19. [Karpov G.A. *Afri-*

⁷⁴ Демешко 2020: 111.

- kantsy v Velikobritanii: kolonial'naya epokha (XVI – pervaya polovina XX vv.) // Genesis: istoricheskie issledovaniya. 2017. № 6. S. 1–19].
- Каспэ С.И. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М.: РОС-СПЭН, 2001. [Kaspe S.I. Imperiya i modernizatsiya: Obshchaya model' i rossiiskaya spetsifika. M.: ROSSPEN, 2001.].
- Кравчук А.С. Крымские татары в органах управления Таврической губернии в первой половине XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 1. С. 47–60. [Kravchuk A.S. Krymskie tatory v organakh upravleniya Tavricheskoi gubernii v pervoi polovine XIX v. // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii. 2021. T. 20. № 1. S. 47–60.].
- Купряшкин Ю.В. Национальный вопрос в политической мысли Великобритании во второй половине XX века: дис. канд. полит. наук. Москва, 2003. [Kupryashkin Yu.V. Natsional'nyi vopros v politicheskoi mysli Velikobritanii vo второй polovine XX veka: dis. kand. polit. nauk. Moskva, 2003].
- Ливен Д. Империя на периферии Европы: сравнение России и Запада // Российская империя в сравнительной перспективе. 2004. С. 71–93. [Liven D. Imperiya na periferii Evropy: sravnenie Rossii i Zapada // Rossiiskaya imperiya v sravnitel'noi perspektive. 2004. S. 71–93].
- Лисенков О.О. Империи нового времени: принципы управления колониями. Пример Британии и Франции // Genesis: исторические исследования. 2020. № 6. С. 38–58. [Lisenkov O.O. Imperii novogo vremeni: printsipy upravleniya koloniyami. Primer Britanii i Frantsii // Genesis: istoricheskie issledovaniya. 2020. № 6. S. 38–58].
- Лурье С.В. Русские в Средней Азии и англичане в Индии: доминанты имперского сознания и способы их реализации // Цивилизации и культуры. 1995. Вып. 2 [Lur'e S.V. Ruskie v Srednei Azii i anglichane v Indii: dominanty imperskogo soznaniya i sposoby ikh realizatsii // Tsvivilizatsii i kul'tury. 1995. Вып. 2]. URL: http://conjuncture.ru/lurie_01-06-1995/
- Манн М. Темная сторона демократии. Объяснение этнических чисток. М.: Издательство «Пятый Рим» (ООО «Bestseller»), 2016. [Mann M. Temnaya strana demokrati. Ob'yasnenie etnicheskikh chistok. M.: Izdatel'stvo «Pyaty Rim» (ООО «Bestseller»), 2016].
- Переслегин С.Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. М: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2005. [Pereslegin S.B. Samouchitel' igry na mirovoi shakhmatnoi doske. M: AST; SPb.: Terra Fantastica, 2005].
- Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири. СПб.: Тип. 2 Отделения Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1841 [Svod stepnykh zakonov kochevykh inorodtsev Vostochnoi Sibiri]. URL: https://books.google.com/books?id=cRfAAAAAAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false.
- Семенова М.Р. К исторической и международно-правовой ответственности Великобритании за преступления колониального и постколониального периода // Международная жизнь. 2022. Сентябрь. С. 48–59. [Semenova M.R. K istoricheskoi i mezhdunarodno-pravovoi otvetstvennosti Velikobritanii za prestupleniya kolonial'nogo i postkolonial'nogo perioda // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2022. Sentyabr'. S. 48–59].
- Спенсер Э. Путешествия в Черкессию. Майкоп: РИПО «Адыгея», 1994 [Spenser E. Puteshestviya v Cherkesiya. Maikop: RIPO «Adygeya», 1994].
- Терентьев А.М. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875. [Terent'ev A.M. Rossiya i Angliya v Srednei Azii. SPb., 1875]. URL: <https://www.prlib.ru/item/362293>
- Указ Президента РФ от 06.12.2018 № 703 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». [Ukaz Prezidenta RF ot 06.12.2018 № 703 «O Strategii gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda»]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902387360>
- Устав об управлении инородцев от 22 июля 1822 г. [Ustav ob upravlenii inorodtsev ot 22 iyulya 1822 g.]. URL: <http://old.iea.ras.ru/topic/law/law/law-r22071822.htm>
- Цибенко В.В. Фактор нациестроительства в системе международных отношений на примере деятельности черкесских организаций в Турции (XIX–XXI вв.): дис. д-ра. ист. наук. Москва, 2022. [Tsihenko V.V. Faktor natsiestroitel'stva v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii na primere deyatel'nosti cherkesskikh organizatsii v Turtsii (XIX–XXI vv.): dis. d-ra. ist. nauk. Moskva, 2022].
- Эткинд А. Внутренняя колонизация: Имперский опыт России. М.: НЛЮ, 2022. [Etkind A. Vnutrennyaya kolonizatsiya: Imperskii opyt Rossii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022].

- Эшба Э.Д. Черкесский фактор в системе международных отношений на Кавказе в XIX – начале XXI вв.: дис. канд. ист. наук. Москва, 2014. [Eshba E.D. Cherkesskii faktor v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii na Kavkaze v XIX – nachale XXI vv.: dis. kand. ist. nauk. Moskva, 2014].
- Яковенко И.Г. От империи к национальному государству (Попытка концептуализации процесса) // Полис. 1996. №6 (36). С. 117–128. [Yakovenko I.G. Ot imperii k nacional'nomu gosudarstvu (Popytka kontseptualizatsii protsessa) // Polis. 1996. №6 (36). S. 117–128].
- Arendt H. The Origins of Totalitarianism. 1951 URL: <https://theanarchistlibrary.org/library/hannah-arendt-the-origins-of-totalitarianism>
- Bennigsen A. Colonization and Decolonization in the Soviet Union // Journal of Contemporary History. 1969. Vol. 4, no. 1. Pp. 141–151.
- Human Rights and Democracy Report 2014. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/human-rights-and-democracy-report-2014>
- Human Rights and Democracy Report 2020. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/human-rights-and-democracy-report-2020>
- Kolartz W. Russia and Her Colonies. London: George Philip and Son, 1952. 337 p. URL: <https://archive.org/details/dli.ernet.52079/page/n3/mode/2up>
- Schwarz S. M. Revising the History of Russian Colonialism // Foreign Affairs. 1952. Vol. 30, no. 3. Pp. 488–493.
- Pal B.Ch. Memories of My Life and Times. Calcutta: Modern Book Agency, 1932. URL: https://archive.org/stream/in.ernet.dli.2015.31015/2015.31015.Memories-Of-My-Life-And-Times_djvu.txt

Демешко Наталья Эдуардовна, кандидат политических наук, доцент, Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, natalidem93@mail.ru

Ирхин Александр Анатольевич, доктор политических наук, профессор, Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, alex.irhin@mail.ru

Russia and Great Britain: The National Factor in the Competition of the Great Powers

The article reveals the models of the ethnonational policy of Russia and Great Britain, as well as the technologies of actualization and playing out the national factor in Russian-British relations of the XIX–XXI centuries. The authors consider the national question as one of the instruments of competition of the great powers. Since language, religion, the "call of blood", the construction of national myths about the "golden age" and the identification of the enemy who deprived the nation of its former greatness, give rise to a split of the elites of small nations, focusing on opposing geopolitical centers in the struggle for power and resources within national communities.

Keywords: competition, great powers, Russia, Great Britain, chronopolitics, national factor, ethnonational politics.

Natalya Demeshko, Candidate of Political Science, Sevastopol State University, Institute of Social Science and Foreign Relations, Sevastopol, Russian Federation; natalidem93@mail.ru

Aleksandr Irkhin, Doctor of Political Science, Sevastopol State University, Institute of Social Science and Foreign Relations, Sevastopol, Russian Federation, alex.irhin@mail.ru

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ УСТАВ 1863 Г. И ОРГАНИЗАЦИЯ АКАДЕМИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ В КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В статье проанализирована организация академического времени в Казанском университете в период действия университетского устава 1863 г. Рассмотрены границы учебного года, особенности организации переводных и вступительных испытаний, распределение лекционных и практических занятий. Отмечено, что широкие полномочия давали возможность профессорским советам, в том числе и в Казани, выстраивать учебный процесс, исходя из местных условий. В результате порядок преподавания в университетах стал со временем различаться. Это привело со стороны властных органов к введению ответных мер, направленных на унификацию академического времени и сокращение самоуправления в университетах.

Ключевые слова: университетский устав 1863 г., организация академического времени, Казанский университет, Министерство народного просвещения, учебный процесс.

Сложная организация темпоральных режимов являлась одной из характерных черт российских университетов. Здесь институциональное время тесно переплеталось социальными, личностными и другими временными пластами¹. В то же время организация академической повседневности, в том числе и темпоральная, часто становилась объектом манипуляций со стороны органов власти, стремящихся встроить университеты в ту или иную бюрократическую систему. Периодом наибольшей академической свободы в российских университетах, которая воплощалась в том числе и в возможности преподавательских коллективов контролировать учебное время, как правило, называют время действия устава 1863 г. По остроумному замечанию В.И. Вернадского, в сравнении с уставом 1884 г. он «в глазах русского общества, студенчества, и университетских деятелей выступает в небывалом блеске и идеале»². Но современные исследователи отмечают и компромиссный характер этого документа, предоставившего университетам ограниченные права в самоуправлении³. В данной работе на примере Казанского университета мы попытаемся проследить, каким образом введение устава 1863 г. повлияло на организацию академического времени в российских университетах и темпоральные режимы различных групп университетского сообщества, а также каковы были границы возможностей представителей университетской корпорации в форматировании академической повседневности в период действия данного законодательного акта.

Положения университетского устава, введенного в августе 1863 г., распространялись на пять российских университетов: Московский, Петербургский, Харьковский, Казанский и университет Святого Влади-

---

¹ Вишленкова, Ильина 2019: 75.

² Вернадский 1901: 1.

³ Новиков, Перфилова 2013: 24.

мира в Киеве. Министерство народного просвещения, возглавляемое А.В. Головинным, в официальном комментарии к нему, опубликованном в «Журнале министерства народного просвещения», довольно четко обозначило свою позицию, заявив, что связывает с расширением университетского самоуправления надежды на избавление российских университетов от «упадка» и «застоя научной мысли»⁴. «Не подлежит сомнению, что вопрос о самостоятельности университетов в делах их внутреннего управления составляет один из самых жизненных вопросов, от правильного разрешения которого зависит будущность наших университетов», - декларировалось чиновниками⁵. Устав 1863 г. действительно давал профессорским коллегиям не только права избирать университетскую администрацию или формировать преподавательские коллективы, но и предоставлял широкие возможности управлять учебным временем. Унифицируя лишь границы учебного года, который начинался 15 августа и заканчивался 1 июня⁶, устав позволял университетским советам самостоятельно устанавливать порядок преподавания, выделять обязательные и необязательные предметы, соединять и разделять кафедры или же заменять одни на другие⁷. Университетские коллегияльные органы сами выбирали способ контроля над занятиями студентов⁸, а также следили за правильным ходом преподавания. Штатным служащим полагалось регулярно отчитываться перед факультетскими советами о преподавательской деятельности⁹.

В 1864 г. пять университетов, на которые распространялся устав 1863 г., представили правила внутренней организации¹⁰. Согласно этим правилам, сохранялась курсовая система обучения, появившаяся в университетах еще в начале 1830-х гг. Она заключалась в том, что за каждым курсом или годом обучения был закреплен определённый часовой объем лекций. В конце курса студенты должны были сдать экзамены.

В начале 1860-х гг. преподаватели Казанского университета пытались читать лекции студентам в течение всего учебного года, в т.ч. и во время переводных испытаний. но быстро обнаружили, что это неэффективно, поскольку «даже самые прилежные студенты... переставали посещать лекции». Поэтому в Казани, как и во многих других университетских городах Российской империи, преподаватели завершали лекционные курсы в конце апреля, до начала переводных экзаменов. В мае – последнем месяце учебного года, в университете шли испытания¹¹.

⁴ По поводу нового университетского устава 1863: 346.

⁵ Там же: 355.

⁶ Сборник постановлений по министерству народного просвещения 1865: 947.

⁷ Там же. Стб. 930.

⁸ Там же. Стб. 948.

⁹ Там же. Стб. 946.

¹⁰ Правила Московского университета 1867; Правила С.-Петербургского университета 1867; Правила для студентов Императорского Казанского университета 1867.

¹¹ Правила Московского университета...; Правила С.-Петербургского университета: 881; Правила для студентов Императорского Казанского университета: 891.

Согласно правилам для студентов Казанского университета, экзамены должны были завершиться строго до 21 мая¹². Таким образом, весь академический год делился на две части: время, когда шли регулярные занятия и время, отведенное на процедуру сдачи и приема экзаменов.

В Казанском университете испытания шли не только в конце учебного года, но и в его начале. С 16 августа до 1 сентября сдавали экзамены студенты, не выдержавшие их по уважительным причинам до летних вакаций. На этот же период назначались испытания для поступающих в университет, а для жителей «отдаленных губерний» эти сроки сдвигались до 15 сентября¹³. Таким образом, в Казанском университете учебный год начинался в середине августа, с приема экзаменов. Регулярные занятия запускались со второй половины сентября и шли до конца апреля, а в мае вновь проводились экзамены.

С 1 июня по 15 августа в университетах были летние вакации. Этот период предназначался не только для отдыха. На вакационное время профессора и преподаватели имели право просить повторную заграничную командировку за казенный счет. Данное руководство зафиксировано в правилах Московского университета. Оно гласило: «профессоры и вообще штатные преподаватели университета, уже бывшие за границей на казенный счет, могут быть опять командированы за границу, с учебной целью, на вакационное время, или не более как на один семестр»¹⁴. Подобных ограничений не было в правилах Казанского университета, но, судя по прошениям о командировании, здесь действовал такой же порядок. В условиях интенсификации научной деятельности поездки были крайне необходимы ученым для поддержания профессионального уровня. Однако отъезд из города на семестр сопровождался для любого преподавателя рядом неудобств, так как нужно было или наверстывать потерянные часы, или искать штатного лектора, способного заменить отсутствующего¹⁵. Поэтому в Казанском университете утвердилась практика, когда ученые отправлялись в командировки летом, а также в сентябре, когда еще учебный процесс не начинался в полную силу.

Во второй половине XIX в. учебный процесс в российских университетах, как и ранее, регулировался с помощью расписания. Но в отличие от николаевского времени, Министерство народного просвещения (далее - МНП) не принуждало университетские коллегии регулярно выпускать обозрения преподавания и наук. Чиновники находили нужным выносить на суд общественности, прежде всего, конечные результаты преподавательского труда в виде ежегодных университетских отчетов, а также старались сделать прозрачными пути принятия университетскими коллегиями тех или иных решений, требуя для этого

¹² Правила для студентов Императорского Казанского университета: 891.

¹³ Там же. Стб. 893.

¹⁴ О командировании с учебной целью профессоров и вообще штатных преподавателей университета 1867: 864 -865.

¹⁵ Там же.

публикацию протоколов заседаний советов¹⁶. Обзорения преподавания и наук каждый университет публиковал, по-видимому, по собственному усмотрению. Так, удалось обнаружить лишь три таких издания, относящихся к Казанскому университету – за 1863-1864, второе полугодие 1868-1869 и за 1880 – 1881 учебные годы¹⁷, тогда как, например, в Петербургском университете они печатались с большей регулярностью, но не в виде отдельных брошюр, а в качестве приложений к протоколам заседаний университетского совета¹⁸.

Работа по составлению расписания начиналась незадолго до летних вакансий. В апреле-мае профессора и доценты подавали деканам факультетов программу или план преподавания своих предметов на предстоящий академический год. Учебные планы не имели формуляра и составлялись в свободной форме. Так, приват-доцент Д.Ф. Беляев, отвечая декану историко-филологического факультета Н.Н. Буличу на требование прислать программу преподавания классических языков, сообщал: «профессор И.А. Бодуэн-де-Куртенэ в ответ на мою просьбу сказать мне, должен ли я заблаговременно предоставить в историко-филологический факультет программу тех лекций, которую я предполагаю читать в будущем 1877-1878 учебном году, уведомил меня, что программу лекций предоставлять нет надобности, но что необходимо дать знать факультету о содержании лекций и числе их, чтобы факультет мог внести их в расписание факультетских лекций на 1877-1878»¹⁹.

Составителей расписания интересовало не столько содержание программы, сколько количество лекций и практических занятий в неделю каждого преподавателя и его личные пожелания относительно дней и часов, в которые ему бы хотелось вести свои курсы. В подаваемых сведениях университетские чиновники непременно указывали эти дни и часы, пытаясь повлиять на организацию своего рабочего времени. Профессора, не имевшие дополнительных административных нагрузок, обычно просили сформировать расписание таким образом, чтобы присутствовать в университете не все дни рабочей недели, даже несмотря на то, что им пришлось бы провести несколько лекций подряд. Как просил профессор историко-филологического факультета И.А. Бодуэн-де-Куртенэ: «Я обращаюсь к факультету с просьбой дать мне в расписание в будущем учебном году такие часы, чтобы мне не нужно было прихо-

¹⁶ Сборник постановлений по министерству народного просвещения 1865: 937; По поводу нового университетского устава 1863: 360.

¹⁷ Обзорение преподавания в Императорском Казанском университете на 1863–1864 учебный год...; Обзорение преподавания в Императорском Казанском университете во второй половине 1868–1869 академического года...; Обзорение преподавания в Императорском Казанском университете на 1880–1881 учебный год...

¹⁸ Обзорение преподавания наук в Императорском С.-Петербургском университете на 1867–1868 академический год...; Обзорение преподавания наук в Императорском С.-Петербургском университете на 1868–1869 академический год...; Обзорение преподавания наук в С.-Петербургском университете за 1872–1873 академический год...

¹⁹ ГА РТ. Ф. 977. Оп. Историко-филологический факультет. Д. 1091. Л. 4.

дить в университет на лекции более трех или двух раз в неделю или каждый раз по два часа три раза в неделю или каждый раз по три часа два раза в неделю. В дополнении я позволяю указать себе те дни и часы, которые желал бы занять в расписании лекций: понедельник с 12 до 3, четверг с 9 до 12, суббота с 9 до 12»²⁰. Нужно отметить, что просьба ученого была выполнена. В 1877-1878 учебном году он читал лекции в понедельник с 2 до 3, в четверг с 11 до 12 и в субботу с 10 до 1²¹.

Ситуация историко-филологического факультета, где в 1870-х гг. работало не больше 15 преподавателей²² и на каждом курсе числилось не более 20 слушателей²³, позволяла в этот период удовлетворять пожелания не только ординарных профессоров, каковым являлся Бодуэн-де-Куртенэ, но и начинающих приват-доцентов, а также совместителей – учителей местных гимназий, преподающих казанским студентам иностранные языки²⁴. Отсутствие жестких нормативов по объему преподавательской нагрузки, довольно простая процедура изменения расписания занятий путем подачи прошения в факультетский совет и в случае одобрения – в совет университетский, оставляли профессорам и приват-доцентам достаточно место для маневра при выстраивании графика рабочих дней. Одни, как Бодуэн-де-Куртенэ, предпочитали вести занятия в университете 2-3 раза в неделю, затрачивая домашнее время на выполнение других университетских обязанностей: подготовку к лекциям, написание отзывов на диссертации коллег, исследовательскую работу. Другие, напротив, в силу административной службы или особенностей преподаваемой дисциплины, находились в университете все дни рабочей недели и даже выходные. Так, ежедневные занятия в университетской клинике проводили профессором медицинского факультета²⁵, а также химики и биологи, руководившие лабораториями²⁶.

Однако при составлении расписания всем четырем факультетам университета приходилось подстраиваться под профессоров богословия. Богословие являлось обязательным предметом для всех студентов православного вероисповедания первых двух курсов. Они не были причислены ни к одному из факультетов, поэтому не участвовали в факультетских заседаниях, «где имеет быть совещание по предмету расписания лекций»²⁷. Планы и программы распределения занятий они подавали проректору, их часы утверждались отдельно советом университета. В отличие от других предметов, на лекциях по богословию присутствовали студенты младших курсов со всего университета. Поэтому

²⁰ Там же. Л.1

²¹ ГА РТ. Ф. 977. Оп. Историко-филологический факультет. Д. 1111. Л. 5.

²² Там же.

²³ Годичный акт в Императорском Казанском университете 5 ноября 1872 года...: 48.

²⁴ ГА РТ. Ф. 977. Оп. Историко-филологический факультет. Д. 1091. Л.4, Л.19.

²⁵ Обзорения преподавания в Императорском Казанском университете на 1863–1864 учебный год: 11-12.

²⁶ Там же: 10.

²⁷ ГА РТ. Ф. 977. Оп. Историко-филологический факультет. Д.1006. Л. 40.

время их проведения строго соблюдалось и не подлежало изменению, так как от его смещения страдало общее университетское расписание²⁸. Эта практика, по-видимому, утвердилась в Казанском университете еще в николаевское время, после запрета преподавать философию «светским» профессорам и передачи таких предметов, как логика и психология, преподавателям богословия²⁹. Резко возросшую нагрузку последних частично сокращали за счет чтения богословия всем воспитанникам младших курсов одновременно³⁰. Хотя с начала 1860-х гг. философские курсы вновь стали вести «светские» профессора, прежняя организация преподавания богословия осталась. Так, профессор М.М. Зефиров, читавший богословие казанским студентам с 1871 по 1885 гг., обычно просил себе два самых ранних учебных часа (с 10 до 12) в течение всей рабочей недели. На протяжении его службы богословие в Казанском университете читалось в это время.

Окончательный вариант расписания появлялся на одном из первых августовских заседаний факультетов, которое собиралось, когда большинство университетских служащих возвращалось из отпусков. В отличие от других совещаний, здесь присутствовали все младшие преподаватели, что было запрещено уставом, поэтому такие заседания носили частный характер и в протоколах не фиксировались³¹.

Расписания занятий в Казанском университете оформлялись в виде таблиц с указаниями дней и часов проведения предметов, фамилии преподавателя и номер курса. Согласно этим документам, рабочая неделя в Казанском университете длилась 6 дней, выходным днем было воскресенье. Занятия начинались в 10 часов утра и могли продолжаться до 8 или 9 часов «по полудни». Лекции длились один академический час³².

Обязательное для профессоров требование устава 1835 г. вести не менее восьми часов в неделю с 1863 г. было отменено. Во второй половине XIX в. преподавательская нагрузка в Казанском университете довольно сильно варьировалась в зависимости от факультета и специальности. На немногочисленном историко-филологическом факультете профессора и доценты вели от 4 до 6 в неделю³³. От 4 до 8 лекций было у юристов. Нагрузка на медицинском и физико-математическом факультетах в среднем была выше – от 6 до 10 часов в неделю. Самую высокую нагрузку имели профессора и доценты, читавшие большие общие курсы, обязательные для студентов физико-математического и медицинского факультетов. Это были преподаватели физики, химии,

²⁸ Там же. Д. 1111. Л. 5-6.

²⁹ Об ограничении преподавания философии в Университетах и Ришельевском Лицее логикой и психологией, с возложением чтения оных на профессоров богословия 1865: 1414; Павлов 2015: 216-217.

³⁰ НМ РТ. ОХДИ. Б/н. Воспоминания Д.А. Корсакова. Л.27.

³¹ НМ РТ. ОХДИ. Ед. хр. КППи-123666/3630. Л.4.

³² ГА РТ. Ф.977. Оп. Историко-филологический факультет. Д. 1111. Л.5; Оп. Медицинский факультет. Д. 1524. Л. 24.

³³ Обозрение преподавания в Императорском Казанском университете 1864.

зоологии, геологии, физиологии. Так, доцент Р.А. Колли в 1877–1878 учебном году читал общую физику математикам, естественникам и медикам 11 часов еженедельно³⁴. В 1870-х гг. профессор А.М. Зайцев, преподававший обязательные на физико-математическом и медицинском факультетах органическую и аналитическую химию, вел до 16 часов в неделю. У профессора К.В. Ворошилова, читавшего лекции по физиологии на физико-математическом факультете, в 1877–1878, а также 1881–1882 учебных годах, было порядка 18 часов³⁵.

Отчасти столь большое число лекций и практических занятий у отдельных преподавателей было связано с кадровыми проблемами, которые всегда имелись в Казанском университете. Так, в 1871 г. после «дела П.Ф. Лесгафта» университет потерял сразу 7 сильных профессоров физико-математического и медицинского факультетов, в т.ч. и химика В.В. Марковникова. После его ухода преподавание химии во всем университете было возложено на одного человека – профессора А.М. Зайцева. Его нагрузка была столь велика, что в 1876 г. он был вынужден настоять на принятии в университет доцента Г.Н. Глинского под угрозой прекращения преподавания неорганической химии. Однако и в последующий период А.М. Зайцев вел еженедельно более 10 часов, что было выше средней нагрузки по университету³⁶. Схожая ситуация сложилась и с преподаванием геологии. После увольнения Н.А. Головкинского единственным преподавателем геологии и минералогии остался профессор А.А. Штукенберг и до принятия в 1880 г. в доценты университета П.И. Кротова он вел 19 часов в неделю³⁷.

Нужно отметить, что расписания занятий не всегда фиксировали реальную педагогическую занятость. Практически на всех факультетах были профессора и доценты, у которых она была выше официальной, так как в Казани была широко распространена практика проведения необязательных практических занятий. С другой стороны, казанские преподаватели общих предметов нередко читали лекции сразу нескольким курсам – двум, трем или даже всем четырем, тем самым сокращая количество своих часов. Наконец, учебный процесс неизбежно сопровождался отменами занятий. Как отмечалось выше, с 1863 г. контроль над учебным процессом в университетах возлагался исключительно на преподавательскую коллегию. Однако после покушения бывшего студента Казанского университета Дмитрия Каракозова на императора Александра II в 1866 г. власти усомнились в способности университетских коллегий должным образом контролировать учащихся и, стало быть, их время. В 1866 г. вместо А.В. Головнина новым министром народного просвещения был назначен Д.А. Толстой. С этого времени «постоянное

³⁴ ГА РТ. Ф. 977. Оп. Историко-филологический факультет. Д. 1111. Л. 5.

³⁵ Там же.

³⁶Обзор преподавания в Императорском Казанском университете на 1880-1881 учебный год...; ГА РТ. Ф. 977. Оп. Медицинский факультет. Д. 1524. Л. 24.

³⁷ Там же.

наблюдение за преподаванием» стало «прямой и в особенности важной обязанностью начальников» высших учебных заведений³⁸. В 1869 г. попечитель Казанского учебного округа П.Д. Шестаков представил в Совет два специальных предложения, согласно которым каждый месяц необходимо было представлять попечителю ведомости о числе пропущенных лекций³⁹. С этого времени в Казанском университете стали регулярно составляться документы о несостоявшихся занятиях. В конце 1870-х гг. они публиковались в «Известиях и ученых записках Императорского Казанского университета»⁴⁰. В них фиксировалось общее число часов каждого преподавателя, количество пропусков и их даты, обязательно причина, по которой занятие отменилось⁴¹. Составлял эти ведомости проректор университета, затем он передавал их на утверждение в профессорский совет, после чего они отправлялись редактору издания⁴². Таким образом, есть основания полагать, что ведомости о пропущенных занятиях выходили в открытый доступ по инициативе самих преподавателей. Возможно, обнародованные документы предполагалось использовать для защиты от участвовавших в этот период обвинений со стороны министерства в необоснованных пропусках занятий, как это делали, например, харьковские профессора еще в 1860-е гг.⁴³

Ведомости свидетельствовали о том, что лекции прерывались на гражданские и церковные праздники, пропускались преподавателями по болезни или из-за административных обязанностей. Так, причиной пропусков занятий в ведомостях 1873 и 1874 гг. Н.А. Фирсов указывал служебные обязательства «по званию проректора и [сполняющего] д[олжность] ректора»⁴⁴. Отменялись лекции в связи с занятостью профессоров вне университета. Ординарный профессор зоологии Н.М. Мельников, профессор медицинского факультета А.Н. Бекетов пропускали занятия из-за обязанностей присяжных заседателей в окружном суде⁴⁵. В 1878 г. профессор юридического факультета Я.С. Степанов пропустил по этой же причине 18 лекций, а профессор чистой математики Ф.М. Суворов - 15⁴⁶. На проведение лекционных занятий на медицинском и физико-математическом факультетах влияло наличие учебно-вспомогательного материала, наглядных пособий. Отсутствие трупов для вскрытия – одна из обычных причин отмен лекций по анатомии на медицинском факультете. По отдельным предметам физико-математического факультета за-

³⁸ Корбут 1930: 81.

³⁹ ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 5101. Л. 308–309.

⁴⁰ Ведомость о числе лекций, нечитанных гг. профессорами и другими преподавателями Императорского Казанского университета 1879: 1.

⁴¹ ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 5832, 5942, 5699.

⁴² Протокол заседания совета Императорского Казанского университета 1879: 340–341.

⁴³ Багалеи, Бузескул, Сумцов 1906: 184.

⁴⁴ ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 5699. Л. 3.

⁴⁵ Там же. Л. 3 об.

⁴⁶ Ведомость о числе лекций, нечитанных гг. профессорами и другими преподавателями Императорского Казанского университета 1879: 1.

нения отменялись даже из-за отсутствия ассистента. В ведомости за 1868 г. упоминался студент Аленицин, по всей видимости, исполнявший должность лаборанта. В его отсутствия не проводили занятия профессор ботаники Н.П. Вагнер, судебной медицины И.М. Гвоздев, минералогии Ф.Ф. Розен, геологии Н.А. Головкинский⁴⁷.

На пропуски лекций преподавателями по «уважительным» причинам (болезнь, засвидетельствованная врачом, административная служба или общественный долг присяжного заседателя) министерские чиновники закрывали глаза. А вот отсутствие студентов порицалось даже несмотря на то, что формально в период действия устава 1863 г. посещение занятий было свободным⁴⁸. В «секретных донесениях» этого времени, которых так боялись попечители учебных округов, именно низкая явка студентов на лекции являлась главной претензией к университету. В 1864 г Александр II получал такие доносы на Харьковский университет. Анонимный автор одного из документов уверял: «1. студенты оного весьма мало занимаются науками, 2. Проводят время в трактирах, ведут разгульную жизнь и буйствуют на улицах, и что 3. эти прискорбные явления происходят отчасти а. от послабления со стороны университетского начальства по контролю за их занятиями, б. от невзыскания с них платы за учение, с. манкирования профессорами лекций...»⁴⁹. В начале 1870-х гг. «бумаги» со схожим содержанием приходили и на Казанский университет. Как писал в своем дневнике попечитель П.Д. Шестаков: «враги Казанского университета не дремлют. В январе я получил от Министерства народного просвещения секретную бумагу, что профессора беспечны, аудитории пустыют, студенты на занятия не ходят»⁵⁰.

Уже в 1872 г. министерство просило профессоров высказаться по поводу пересмотра устава 1863 г. и предложить меры к «усилению преподавания». Ответы казанцев показали, что их волнует слабая материальная база университета, нехватка помещений и почти полное отсутствие вспомогательного персонала, но не исправная посещаемость лекций: «Согласно уставу, студенты сами выбирают для себя круг научных занятий, поступая в тот или другой факультет. Такая свобода выбора занятий не соседствует с принуждением посещения лекций»⁵¹. Многие напрямую заявляли, что им не нужны невнимательные слушатели, мешающие и преподавателю, и другим учащимся⁵². «Ни у кого нельзя выпросить внимания, а что пользы от невнимательных слушателей? Они только лишнее время для аудитории... Насильственные педагогические приемы хороши только в средних учебных заведениях»⁵³, – делились

⁴⁷ ГА РТ. Ф.977. Оп. Совет. Д. 5126. Л. 4а.

⁴⁸ Там же. Л. 3.

⁴⁹ Багалеи, Бузескул, Сумцов 1906: 181.

⁵⁰ ОРРК НБЛ КФУ. Ед. хр. 7620. Ч. 3. Л. 470.

⁵¹ ГА РТ. Ф. 977. Оп. Историко-филологический факультет. Д. 963. Л. 4.

⁵² Там же. Оп. Медицинский факультет. Д.1163. Л. 23.

⁵³ Там же. Оп. Историко-филологический факультет. Д. 963. Л. 4.

опытом казанцы. Для министерства же такая позиция была, видимо, свидетельством неспособности корпорации управлять воспитанниками, что и послужило, по мнению чиновников, причиной роста студенческих беспорядков в конце 1860-х – 1870-х гг.⁵⁴

Не удовлетворяло Министерство народного просвещения и то, каким образом профессорские советы организовывали порядок преподавания и распределяли часы на учебные курсы. Право определять самим каким предметам и в какой последовательности учить студентов, предоставленное университетским коллегиям еще А.В. Головинным, вызвало множество инициатив со стороны российских профессоров и младших преподавателей. Только за 1864-1865 гг. Казанский университет представил Министерству народного просвещения несколько вариантов разделения на разряды медицинского⁵⁵, физико-математического⁵⁶, юридического факультетов⁵⁷. Подобные проекты составлялись и принимались во всех российских университетах, поэтому порядок преподавания в них стал со временем различаться. Так, студенты физико-математического факультета Харьковского университета могли специализироваться по трем направлениям, соответствующим математическому, физико-химическому и естественному разрядам. Уже с первого курса наибольшее количество учебных часов они посвящали изучению специальных предметов⁵⁸. Физико-математический факультет Казанского университета имел традиционные два разряда – физико-математический и естественный. Первые годы обучения казанцы слушали общие предметы, а специализированные – только на третьем и четвертом курсах.

Для университетских ученых наличие разных отделений и специальных курсов являлось показателем развития научных дисциплин. Профессор университета Святого Владимира в Киеве В.И. Модестов в письме к профессору А.Ф. Кистяковскому подметил отсутствие специальных курсов на юридическом факультете университета Киева и тут же сделал неутешительный вывод: «На вашем факультете науки, по видимому, не процветают. Я как-то заглянул в расписание лекций: совсем пусто»⁵⁹. Министерские управленцы, возглавляемые Д.А. Толстым, смотрели на быстрое развитие специализации с иной точки зрения. Они получали выпускников, выходявших из университетов с разным набором прослушанных предметов, что, по их мнению, ухудшало подготовку учителей гимназий. Разнообразие учебных планов и их по-

⁵⁴ Корбуг 1930: 84.

⁵⁵ О распределении преподавания в медицинском факультете Казанского университета 1865: 1.

⁵⁶ О разделении на отделения физико-математического факультета Казанского университета 1867: 821.

⁵⁷ О разделении юридического факультета Казанского университета на два разряда // Сборник распоряжений по министерству народного просвещения 1874: 16.

⁵⁸ О разделении физико-математического факультета Харьковского университета на отделения 1867: 757-762.

⁵⁹ Профессор В.И. Модестов. Воспоминания, письма 2014: 293.

стоянные изменения их раздражали. Уже в декабре 1868 г. Ученый комитет при Министерстве народного просвещения сделал всем российским университетам замечание по поводу дробления курсов и заключил, что «не должно быть слишком резкого различия между нашими университетами, и при этом не должно быть допускомо преждевременной крайней специализации занятий студентов». В конце 1870-х гг. министерство перестало принимать проекты разделения естественных отделений на еще более специализированные разряды. Так, не получили одобрения проекты естественников Варшавского университета. Министерство одобряло только те проекты, которые предусматривали специализацию на старших курсах, а на младших общую подготовку⁶⁰.

В 1875 г. в российских университетах прошла массовая масштабная проверка. Ее провела специальная комиссия в составе товарища министра народного просвещения И.Д. Делянова, председателя Ученого комитета А.И. Георгиевского, профессоров В.М. Флоринского, Н.М. Любимова и др.⁶¹ Они посетили Казань, Дерпт, Варшаву, Киев, Одессу, Харьков, Москву и Петербург. В Казани члены комиссии провели почти весь сентябрь 1875 г.⁶² Проверяющих особенно интересовала организация учебного времени студентов. Для этого члены комиссии собирали расписания лекций на 1875-76 учебный год и «проверяли различные статистические данные, доставленные ранее того в министерство». Ревизоры обнаружили, что ослабление бюрократических предписаний, низкая требовательность к университетской отчетности в сравнении с периодом действия устава 1835 г. привели к почти полному отсутствию документов, по которым можно было бы судить об объеме преподавательской нагрузки, занятости студентов и оценить их эффективность. Как писали члены комиссии: «К каким последствиям привели эти постановления устава 1863 г. и как организовалось учебное дело в наших университетах, об этом комиссия старалась везде собрать надлежащие сведения; но дело это в значительной мере затруднялось тем, что факультеты вообще не имеют и не выработали себе строго определенных, нормальных учебных планов, что письменных отчетов профессоров об их преподавании не имеется, что обозрение преподавания публикуется лишь некоторыми из провинциальных университетов, а в расписании лекций нередко поименовывается только вообще весь предмет, без указания, какой именно курс из этого предмета читается; в годичных же университетских отчетах о ходе преподавания почти ничего не упоминается»⁶³. По оценкам проверяющих, профессора и младшие преподаватели всех факультетов вели довольно мало теоретических лекций и практических занятий – в среднем 5 и менее часов в неделю⁶⁴, нерационально распре-

⁶⁰ Жарова 2016: 166.

⁶¹ Университетский вопрос 1876: 132.

⁶² ОРРК НБЛ КФУ. Ед. хр. 7620. Ч. 1-2. Дневник П.Д. Шестакова. Л. 531.

⁶³ Университетский вопрос 1876: 148.

⁶⁴ Там же: 151.

деляли часы преподавания главных и необязательных предметов на каждом факультете⁶⁵. Члены комиссии также доказывали неэффективность курсовых и полукурсовых испытаний как единственного способа контроля над студентами⁶⁶. Таким образом, университеты в отчетах чиновников представляли учреждениями, где, по выражению Н.М. Любимова, господствовала «система общей безответственности»⁶⁷.

После окончания этой фронтальной проверки мало кто из профессоров и преподавателей сомневался, что в университетском законодательстве произойдут перемены. Стремления чиновников установить тотальный контроль над учебным временем в университетах казался профессорам абсурдным. Как писал тот же В.И. Модестов в октябре 1876 г. профессору И.В. Лучицкому: «Смешно впрочем, что Георгиевский и Ко не устают предлагать самые возмутительные изменения в уставе, вроде, напр(имер), утверждения в министерстве количества часов чтения для каждого профессора перед началом семестра...»⁶⁸. Однако уже в 1879 г. вышли новые «Временные инструкции» и «Правила для студентов», а в 1884 г. появился новый университетский устав, во многом изменивший организацию учебного времени в российских университетах.

Таким образом, либерализация университетской жизни, наступившая вследствие реформ Александра II и утверждения устава 1863 г., открыли для профессоров и преподавателей университетов широкие возможности для самостоятельного регулирования учебного времени. Члены университетских коллегий, в том числе и в Казани, пользовались этими возможностями при составлении расписания, распределении учебной нагрузки, административных обязанностей. Ориентируясь на уровень развития той или иной научной дисциплины, а также учитывая местные условия, они занялись разработкой учебных программ, определяли длительность учебных курсов, выделяли главные предметы и второстепенные, способствуя углублению специализации. В свою очередь это порождало различия в организации и наполнении учебного процесса в разных университетах. Однако во время активизации студенческих беспорядков в конце 1860-1870-х гг. эти же широкие полномочия дали повод Министерству народного просвещения обвинить профессорские советы в неспособности должным образом организовывать учебное время студентов. В этом чиновники усматривали одну из главных причин радикализации учащихся, что и привело к введению ряда мер, сокращавших университетскую автономию.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

ГА РТ (Государственный архив Республики Татарстан). Ф. 977 (Казанский университет). Оп. Историко-филологический факультет. [GA RT (Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan). F. 977 (Kazanskij universitet). Op. Istoriko-filologicheskij fakul'tet].

⁶⁵ Там же: 157.

⁶⁶ Там же: 162.

⁶⁷ Любимов Н.А. 1881: 4.

⁶⁸ Профессор В.И. Модестов. Воспоминания, письма 2014: 301

- ГА РТ. Ф. 977 (Казанский университет). Оп. Медицинский факультет. [GA RT. F. 977 (Kazanskij universitet). Op. Medicinskij fakul'tet].
- ГА РТ. Ф. 977 (Казанский университет). Оп. Совет. [GA RT. F. 977 (Kazanskij universitet). Op. Sovet].
- НМ РТ (Национальный музей Республики Татарстан). ОХДИ (Отдел хранения документальных источников). [NM RT (Nacional'nyj muzej Respubliki Tatarstan). OHDI (Otdel hranenija dokumental'nyh istochnikov)].
- ОРРК НБЛ К(П)ФУ. (Отдел редких рукописей и книг научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета). Ед. хр. 7620. Ч. 1-3. Дневник П.Д. Шестакова. [ORRK NBL K(P)FU. (Otdel redkih rukopisej i knig nauchnoj biblioteki im. N.I. Lobachevskogo Kazanskogo (Privolzhskogo) federal'nogo universiteta). Ed. hr. 7620. Ch. 1 3. Dnevnik P.D. Shestakova].

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Багалеи Д.И., Бузескул В.П., Сумцов Н.Ф. Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805-1905). Харьков: изд. Ун-та, 1906. 329 с. [Bagaley D.I., Buzeskul V.P., Sumcov N.F. Kratkiy ocherk istorii Har'kovskogo universiteta za pervye sto let ego sushhestvovaniya (1805-1905). Har'kov: izd. Un-ta, 1906. 329 s.].
- Ведомость о числе лекций, нечитанных гг. профессорами и другими преподавателями Императорского Казанского университета в 1878/79 академическом году // Известия и ученые записки Императорского Казанского университета. Год XLVI. Ноябрь–декабрь. 1879. Казань: в тип. Университета, 1879. С. 1-4 [Vedomost' o chisle lekcij, nechitannyh gg. professorami i drugimi prepodavateljami Imperatorskogo Kazanskogo universiteta v 1878/79 akademicheskom godu // Izvestija i uchenye zapiski Imperatorskogo Kazanskogo universiteta. God XLVI. Nojabr'–dekabr'. 1879. Kazan': v tip. Universiteta, 1879. S. 1-4].
- Вернадский В.И. Об основаниях университетской реформы. М.: Тип. Ун-та, 1901. 17 с. [Vernadskij V.I. Ob osnovanijah universitetskoj reformy. M.: Tip. Universiteta, 1901. 17 s.].
- Вишленкова Е.А., Ильина К.А. Университетское время домодерной России // Мир историка: историографический сборник. Вып. 12. Омск, 2019. С. 73-103. [Vishlenkova E.A., Il'ina K.A. Universitetskoe vremja domodernoj Rossii // Mir istorika: istoriograficheskij sbornik. Вып. 12. Omsk, 2019. S. 73-103].
- Годичный акт в Императорском Казанском университете 5 ноября 1872 года. Казань: Тип. Императорского университета, 1872. 45 с. [Godichnyj akt v Imperatorskom Kazanskom universitete 5 nojabrja 1872 goda. Kazan': Tip. Imperatorskogo universiteta, 1872. 45 s.].
- Жарова Е.Ю. Естественнонаучное vs биологическое образование в университетах Российской империи: путь к специализации // Диалог со временем. 2016. №55. С. 154-171. [Zharova E.Ju. Estestvennonauchnoe vs biologicheskoe obrazovanie v universitetah Rossijskoj imperii: put' k specializacii // Dialog so vremenem. 2016. №55. S. 154-171].
- Корбут М.К. Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова–Ленина за 125 лет. 1804/05–1929/30: в 2 т. Т. 2. Казань: Изд. Казанского университета, 1930. 385 с. [Korbut M.K. Kazanskij gosudarstvennyj universitet im. V.I. Ul'janova–Lenina za 125 let. 1804/05 – 1929/30: v 2t. T.2. Kazan': Izdanie Kazanskogo universiteta, 1930. 385 s.].
- Любимов Н.А. Мой вклад: статьи, записки, чтения, заметки Н.А. Любимова, профессора Московского университета: в 2 т. Т.1. Университетский вопрос. М.: В Университетской типографии (М. Катков), 1881. 664 с. [Ljubimov N.A. Moj vklad: stat'i, zapiski, chtenija, zametki N.A. Ljubimova, professora Moskovskogo universiteta: v 2 t. T.1. Universitetskij vopros. M.: V Universitetskoj tipografii (M. Katkov), 1881. 664 s.].
- Новиков М.В., Перфилова Т.В. Университетский устав 1863 г.: пределы академического самоуправления // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т.1. №4. С. 18-31. [Novikov M.V., Perfilova T.V. Universitetskij ustav 1863 g.: predely akademicheskogo samoupravlenija // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2013. T.1. №4. S. 18-31].
- О командировании с ученой целью профессоров и вообще штатных преподавателей университета // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т.3. СПб.: В типографии Императорской Академии наук, 1867. Стб. 864–865. [O komandirovanii s uchenoj cel'ju professorov i voobshhe shtatnyh prepodavatelej universiteta // Sbornik rasporyzhenij po Ministerstvu narodnogo prosveshhenija. T.3. Spb.: V tipografii Imperatorskoj Akademii nauk, 1867. Stb. 864-865.].
- О разделении на отделения физико-математического факультета Казанского университета // Сборник распоряжений по министерству народного просвещения. Т.3. СПб.: В

- типографии Императорской Академии наук, 1867. Стб. 821. [O razdelenii na otdelenija fiziko-matematicheskogo fakul'teta Kazanskogo universiteta // Sbornik rasporyzhenij po ministerstvu narodnogo prosveshhenija. T.3. SPb: V tipografii Imperatorskoj Akademii nauk, 1867. Stb. 821.]
- О разделении физико-математического факультета Харьковского университета на отделения // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т.3. СПб.: В типографии Императорской Академии наук, 1867. Стб. 757-762. [O razdelenii fiziko-matematicheskogo fakul'teta Har'kovskogo universiteta na otdelenija // Sbornik rasporyzhenij po Ministerstvu narodnogo prosveshhenija. T.3. SPb.: V tipografii Imperatorskoj Akademii nauk, 1867. Stb. 757-762.]
- О разделении юридического факультета Казанского университета на два разряда // Сборник распоряжений по министерству народного просвещения. Т.4., СПб: Типография Императорской Академии наук, 1874. Стб.16. [O razdelenii juridicheskogo fakul'teta Kazanskogo universiteta na dva razrjada // Sbornik rasporyzhenij po ministerstvu narodnogo prosveshhenija. T.4., SPb: Tipografija Imperatorskoj Akademii nauk, 1874. Stb.16.]
- О распределении преподавания в медицинском факультете Казанского университета // Сборник распоряжений по министерству народного просвещения. Т. 4. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1874. Стб. 1. [O raspredelenii prepodavaniya v medicinskom fakul'tete Kazanskogo universiteta // Sbornik rasporyzhenij po ministerstvu narodnogo prosveshhenija. T.4. SPb.: Tipografija Imperatorskoj Akademii nauk, 1874. Stb. 1.]
- Об ограничении преподавания философии в Университетах и Ришельевском Лицее логикою и психологией, с возложением чтения оных на профессоров богословия // Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т. 3. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1865. Стб. 1414-1415 [Ob ogranichenii prepodavaniya filosofii v Universitetah i Rishel'evskom Licee logikoju i psihologiej, s vozlozheniem chtenija onyh na profesorov bogoslovija // Sbornik postanovlenij po ministerstvu narodnogo prosveshhenija. T. 3. SPb.: Tipografija Imperatorskoj Akademii nauk, 1865. Stb. 1414-1415.]
- Павлов А.Т. Философское образование в России во второй половине XIX в. // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т.16. Вып. 3. С. 216–228. [Pavlov A.T. Filosofskoe obrazovanie v Rossii vo vtoroj polovine XIX v. // Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii. 2015. T.16. Vyp. 3. S. 216–228.]
- Обозрение преподавания в Императорском Казанском университете на 1863–1864 учебный год. Казань: Типография Императорского университета, 1864. 38 с. [Obozrenie prepodavaniya v Imperatorskom Kazanskom universitete na 1863–1864 uchebnyj god. Kazan': Tipografija Imperatorskogo universiteta, 1864. 38 s.]
- Обозрение преподавания в Императорском Казанском университете во второй половине 1868-1869 академического года. Казань: Тип. Императорского университета, 1869. 12 с. [Obozrenie prepodavaniya v Imperatorskom Kazanskom universitete vo vtoroj polovine 1868-1869 akademicheskogo goda. Kazan': Tip. Imperatorskogo universiteta, 1869. 12 s.]
- Обозрение преподавания в Императорском Казанском университете на 1880–1881 учебный год. Казань, 1881. 14 с. [Obozrenie prepodavaniya v Imperatorskom Kazanskom universitete na 1880–1881 uchebnyj god. Kazan', 1881. 14 s.]
- Обозрение преподавания в Императорском Казанском университете на 1880–1881 учебный год. Казань: Типография Императорского университета, 1881. 13 с. [Obozrenie prepodavaniya v Imperatorskom Kazanskom universitete na 1880–1881 uchebnyj god. Kazan': Tipografija Imperatorskogo universiteta, 1881. 13 s.]
- Обозрение преподавания наук в Императорском С.-Петербургском университете на 1867–1868 академический год. СПб., 1868. [Obozrenie prepodavaniya nauk v Imperatorskom S.-Peterburgskom universitete na 1867–1868 akademicheskij god. SPb., 1868.]
- Обозрение преподавания наук в Императорском С.-Петербургском университете на 1868-1869 академический год. СПб., 1869. [Obozrenie prepodavaniya nauk v Imperatorskom S.-Peterburgskom universitete na 1868-1869 akademicheskij god. SPb., 1869.]
- Обозрение преподавания наук в С.-Петербургском университете за 1872-1873 академический год // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за вторую половину 1871-1872 академического года. №6. СПб, 1873. С. 107-124 [Obozrenie prepodavaniya nauk v S.- Peterburgskom universitete za 1872-1873 akademicheskij god // Protokoly zasedanij Soveta Imperatorskogo S.-Peterburgskogo universiteta za vtoruju polovinu 1871-1872 akademicheskogo goda. №6. SPb, 1873. S. 107-124.]

- По поводу нового университетского устава // Журнал министерства народного просвещения. 1863. Ч. СХІХ. Отд. 2. С. 333-351. [Po povodu novogo universitetskogo ustava // Zhurnal ministerstva narodnogo prosvshhenija. 1863. Ch. СХІХ. Отд. 2. S. 333-351.]
- Правила для студентов Императорского Казанского университета // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т.3. Спб.: Типография Императорской Академии наук, 1867. Стб. 891. [Pravila dlja studentov Imperatorskogo Kazanskogo universiteta // Sbornik rasporzazhenij po Ministerstvu narodnogo prosvshhenija. T.3. Spb.: Tipografija Imperatorskoj Akademii nauk, 1867. Stb. 891.]
- Правила Московского университета // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 3. Спб.: Тип. Императорской Академии наук, 1867. Стб. 832–866 [Pravila Moskovskogo universiteta // Sbornik rasporzazhenij po Ministerstvu narodnogo prosvshhenija. T. 3. Spb.: Tipografija Imperatorskoj Akademii nauk, 1867. Stb. 832–866.]
- Правила С.-Петербургского университета // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 3. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1867. Стб.866–884. [Pravila S.-Peterburgskogo universiteta // Sbornik rasporzazhenij po Ministerstvu narodnogo prosvshhenija. T. 3. SPb.: Tip. Imperatorskoj Akademii nauk, 1867. Stb. 866–884.]
- Правила для студентов Императорского Казанского университета // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т.3. Спб.: Типография Императорской Академии наук, 1867. Стб. 884 – 904. [Pravila dlja studentov Imperatorskogo Kazanskogo universiteta // Sbornik rasporzazhenij po Ministerstvu narodnogo prosvshhenija. T.3. Spb.: Tipografija Imperatorskoj Akademii nauk, 1867. Stb. 884 – 904.]
- Протокол заседания совета Императорского Казанского университета 29 декабря 1878 г. // Известия и ученые записки Императорского Казанского университета. Год XLVI. Сентябрь–октябрь. 1879. Казань, 1879. С. 340–356 [Protokol zasedanija soвета Imperatorskogo Kazanskogo universiteta 29 dekabnja 1878 g. // Izvestija i uchenye zapiski Imperatorskogo Kazanskogo universiteta. God XLVI. Sentjabr'–oktjabr'. 1879. Kazan', 1879. S. 340–356].
- Профессор В.И. Модестов. Воспоминания, письма. М.: Принципиум, 2014. 416 с. [Professor V.I. Modestov. Vospominanija, pis'ma. M.: Principium, 2014. 416 s.]
- Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т.3: Царствования императора Александра II. 1855-1864. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1865. 1434 стб. [Sbornik postanovlenij po ministerstvu narodnogo prosvshhenija. T.3: Carstvovanija imperatora Aleksandra II. 1855-1864. SPb.: Tipografija Imperatorskoj Akademii nauk, 1865. 1434 stb.]
- Университетский вопрос // Журнал министерства народного просвещения. Сентябрь. 1876. Ч. CLXXXVII. С. 131-178. [Universitetskij vopros // Zhurnal ministerstva narodnogo prosvshhenija. Sentjabr'. 1876. Ch. CLXXXVII. S. 131-178.]

Бушueva Людмила Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация, bushueva9@mail.ru

University Statute of 1863 and the Organization of Academic Time at the Kazan University

In the paper the academic time organization at the Kazan University during the period of the University Statute of 1863 is analyzed. The boundaries of the academic year, the organization of transfer and entrance examinations, the distribution of lectures and practical classes are considered. It is noted that broad powers made it possible for professorial councils, including those in Kazan, to build the educational process based on local conditions. As a result, the order of teaching in universities began to differ in time. This led to retaliatory arrangements from the direction of the authorities, aimed at unifying academic time and reducing self-government in universities.

Key words: University Statute of 1863, organization of academic time, Kazan University, Ministry of Public Education, educational process.

Bushueva Liudmila Alexandrovna, PhD, senior fellow, Sh. Marjany Institute of History Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Republic of Tatarstan, the Russian Federation bushueva9@mail.ru

**ПРАКТИКИ РЕФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА НАЧАЛА XX ВЕКА
В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННОКОВ**

В статье предпринята реконструкция многообразного восприятия практик по реформированию политической сферы Российской империи начала XX в., сохраненного в памяти современников, наблюдателей от правительственной власти, инсайдеров процесса обновления институтов власти, депутатов народного представительства, писателей и журналистов, авторов брошюр, рефлексирующих над событиями «российской весны». Применение методологии “memory studies”, а также дискурсивного анализа к текстам эго-документов позволило реконструировать эмоциональные и противоречивые оценки современниками влияния на процессы обновления российского общества «исторических традиций», в том числе, почтенной традиции бюрократического самовластия, которая «тяготееет над русским народом целые века, ей мы обязаны целым рядом экспериментов над нашим государственным организмом», пагубно влиявшая на трансфер и адаптацию на российской почве «свобод», культуры выбора. Другим значимым ракурсом восприятия современниками трансформаций, связанных с появлением института народного представительства, является их видение роли разных типов конфликтов «власти» и «общества», как, например, неудачный опыт взаимодействия «власти с неостывшей обидой побежденного и народных представителей с злорадным торжеством победителей» которые стали причиной «стремительного драматического конца российской парламента».

Ключевые слова: *Российская империя, memory studies, «зависимость пути», политические конфликты, границы восприятия, историческая традиция, новая политическая история, свидетельства современников, множественная идентичность.*

Актуальность реконструкции практик политических отношений на основе восприятия российским обществом трансформаций в политической сфере, происходивших в начале XX в., характера взаимодействия на индивидуальном, групповом и институциональном уровнях участников этих практик, связана с потребностью историков «увидеть» изменения общественного сознания, систем ценностных ориентаций, моделей политического поведения основных акторов процесса реформирования политической культуры Российской империи в канун ее краха. Кроме *новой оптики* видения процесса трансформаций российской политической культуры поздне-имперского периода убедительным обоснованием актуальности заявленной темы является осознание современной историографией значимости изучения «*связи прошлого и настоящего*». Ключевая роль в подобных исследованиях принадлежит концепту «опыт», «который фокусирует внимание на коллективном, нормативном и культурно-семиотическом аспектах памяти о событиях прошлого, фиксируя тесную связь восприятия прошлого и отношения к нему в исторической памяти с социокультурным контекстом актуального настоящего»¹. Подобную связь прошлого и настоящего, историче-

---

¹ Прошлое для настоящего... 2020: 13.

ского опыта, зафиксированного в памяти современников, и его «живого продолжения» в современности демонстрирует российская политическая история XX–XXI вв. Как отмечается в документальной публикации, посвященной первому российскому парламенту – институту Государственной думы, которая, как птица Феникс, сгорев в пламени «семнадцатого года», ныне восстала из пепла, и ее новая «инкарнация», творение причудливого процесса, то пролагающего себе путь по целине, то будто бы обращающегося вспять и увязающего в старой «колее», привлекает внимание и актуализирует обращение к истории Думы «царского образца»². Именно этот первый опыт вовлечения населения Российской империи в практики выборов, вызвала у современников широкую палитру эмоциональных оценок и восприятий: веры, надежд, высоких ожиданий, травм памяти, разочарований, связанных с трансформациями политической сферы и политической культуры.

Выделим несколько характеристик предлагаемого подхода к изучению темы. Важным представляется современное прочтение политической истории, о котором заявлено вполне определенно в работах российских и зарубежных историков. Обновление контента предметной области политической истории связано с его пониманием и транслированием через концепт *политической культуры*. Интерпретация этого базового концепта предполагает раскрытие его когнитивного наполнения как значимой части духовной культуры. В то же время в процессе исторического познания феномена политической культуры необходимо включать в сферу исследования исторический опыт ее развития, взаимодействие с системой властных институтов и ее трансформациями, моделями поведения, характером и степенью участия общества в практиках выборов, влияние социально-психологических, этнокультурных, конфессиональных ценностей, нравственных мотиваций. Именно названные факторы воздействуют на границы, характер и особенности восприятия обществом автохтонных и инокультурных элементов политической культуры, запускают механизмы «притяжения и отталкивания», формируют через взаимодействие участников практик политических отношений «обновление», реформирование, демократизацию и либерализацию политической культуры. Трансфер, привнесение «новых» элементов т.н. креативной культуры, предполагающей «участие» общества в политических процессах, нарушает структуру традиционной, консервативной, автохтонной культуры Российской империи начала XX в., квалифицируемой как «зависимая» (от власти) культура.

Представляется значимым ракурсом для обогащения и корректировки видения и объяснения особенностей национального исторического опыта выявление роли и устойчивости исторической *традиции* и *границ восприятия* и усвоения/отторжения происходивших *трансформаций* в политической сфере российского общества, в индивидуальном

² Государственная Дума в России (1906-1917): 6.

сознании, коллективной ментальности и поведенческих стереотипах отдельных социальных групп и акторов политических процессов.

Не менее важна для исследования реконструкция процесса усвоения или отторжения новых элементов политической культуры, восприятий обществом реформирования институтов власти через политические конфликты различных типов: конфликты власти и общества, конфликты «во власти», между институтами и политическими элитами, представляющими законодательную (Государственная дума) и исполнительную (Правительство) ветви власти, наконец, конфликты между депутатами «народного представительства» и народом (избирателями).

В историографии уже имеется опыт социокультурного подхода к изучению институционального реформирования системы правления в Российской империи в сравнении с опытом других европейских стран, использование в качестве объясняющего концепта понятия «демократической культуры» для характеристики новой политической «культуры участия» в Российской империи в начале XX в., которое не следует понимать как неопределенное обозначение позитивного отношения к демократии³. Это понятие определенного содержания, имеющего традицию использования сторонниками концепции Роберта Путнама, работавшего в контексте теории «зависимости пути» (“path dependence”) и сформулировавшего это понятие в своем исследовании «разрыва пути» в политической традиции Италии⁴. Содержание этого концепта корректировалось в исследовательских практиках последних десятилетий, как и их методология, источниковая база и проблемно-предметное поле приложений. В предлагаемой статье в фокусе внимания находятся восприятие современниками трансформаций в политической сфере Российской империи, репрезентации и образы, зафиксированные ими в разнообразном круте источников: брошюрах, свидетельствах очевидцев «от власти», воспоминаниях, прочтение которых, в том числе с применением элементов методики дискурсивного анализа текстов, дает новую многогранную, полихромную и дифференцированную (даже персонифицированную) оптику аутентичного видения процессов институциональной перестройки политической сферы, а также трансформаций в общественном сознании, поведении, практиках политических отношений и, в целом, в российской политической культуре начала XX в.

Одним из интересных ракурсов реконструкции названных трансформаций представляется их рассмотрение в контексте оппозиции «традиции-новации» на основе объяснительной модели «зависимости пути», в которой особую роль играет уже названная метафора «старой колеи» как вектора движения страны, ее исторической модели развития, политической культуры, в частности. В наблюдениях и высказываниях современников на эту тему на первый план выдвигается этнокультурный долговременно действующий и выступающий хранителем

³ Селунская, Гоштендаль 2005.

⁴ Putnam 1993.

традиции фактор как *центростремительная сила*, сплачивающая русских в их восприятии ценностных установок политического поведения политической идентичности, политической культуры. Весьма интересны интерпретации понятий «истинно русского самодержавия» и «привнесенного с Запада абсолютизма», который установился в России после воцарения Петра I, содержащиеся в листовках Союза русского народа. В этих листовках утверждается, что именно абсолютизм явился такой формой правления, при которой царь правит единолично, не сообразуясь с желаниями народа, так как между ними возникло «средостение», своеобразная «стена» из чиновников и бюрократов, облеченных неограниченной властью в своих сферах и препятствующих тому, чтобы голос народа доходил до царя. А вот «дарованное царской волей» Положение о выборах в Государственную думу от 6 августа 1905 г. представляет собой форму «исконно русского самодержавия», а потому все русские люди должны «твердо держаться за этот проект народного представительства»⁵. Парадокс состоит в том, что не в аргументации, но в итоговых позитивных оценках «народного представительства» монархисты-националисты сближаются с либералами при абсолютно различных мотивациях. Так, появление российского парламента, реформирование политической сферы Российской империи, рождение политического плюрализма и практик выборов рассматривались либералами как результат трансфера практик стран, по обобщенному определению одного из первых популяризаторов российского парламентаризма, писателя и публициста П.Г. Мижужева (1861–1932), «с представительной системой правления», системной характеристикой политического режима которых является «непременное согласие народных представителей» как необходимое условие для «всяких перемен как в обыкновенных, так и, тем более, в основных законах»⁶.

Со всей очевидностью в восприятии современниками либерализации системы правления в Российской империи присутствуют оценки силы национальной исторической консервативной традиции, мощно влияющей на характер реформирования политических институтов. Именно историческая национальная традиция специфики делегирования властных функций определила *политический конфликт* первого российского парламента как органа представительной власти с правительством. Так, в брошюрах, посвященных первому российскому парламенту и изданных сразу же в год его рождения отмечалось, что «в парламентарных странах» высшая исполнительная власть являлась не более, чем «исполнительницей» велений парламента, который, в свою очередь, свой авторитет и высокие полномочия получил от «самодержавного народа», как и во всех демократических государствах. Однако, в Российской империи даже и при создании парламента правительство «пренебрегло требованиями жизни и голосом общественного мнения»,

⁵ Патрикеева 2005: 79.

⁶ Мижуев 1906: 15.

так как привыкло «слушаться только собственного голоса и осталось верным себе»⁷. В оценках же института Государственной думы подчеркивалось его своеобразие в плане строения и структуры в отличие от парламентов европейских стран. Это своеобразие связано с различием «исторических традиций». Так, в брошюре В.П. Алексеева отмечалось, что «у нас не было исторической традиции, подобно западноевропейской для создания верхней палаты. Но у нас была своя традиция, очень почтенная – традиция бюрократического самовластия. Она тяготеет над русским народом целые века, ей мы обязаны целым рядом экспериментов над нашим государственным организмом всегда с одной и той же целью- привести в жертву бюрократии интересы народа»⁸.

О специфике адаптации «либерального трансфера» с Запада в публичную сферу российского общества начала XX в. в своеобразном ироническом отражении представлено в карикатурах и эссе, помещенных в юмористическом альманахе «Избиратель». Так, в частности, в одной из заметок о «трансфере» свободы печати, совершенном «мудрыми составителями» «Основных законов», которые заимствовали эти свободы с Запада, сказано, что он никак не может интерпретироваться как «маленький плагиат», ибо этот «инокультурный» элемент на российской почве превращен с помощью *бюрократии*, ее секретных инструкций чинам «о сокращении» путем «наблюдения, заушения, таскания и непушания» «в нечто совершенно оригинальное, незнакомое западно-европейским народам, свое, национальное истинно-русское»⁹. Расценивая инструкции как «соль нашей жизни», которая позволяет сохранять национальные ценности и противостоять «трансферам» инокультурных, «Избиратель» заключает, что если бы не бюрократические национальные практики реализации подобного рода «трансферов», то «наша конституция обратилась бы в “английское безобразие” и утратила свою истинно-русскую прелесть»¹⁰. Юмористическая форма транслирования в публичной сфере восприятия обществом процесса реформирования институтов «права и порядка» в Российской империи через гиперболы и метафоры, тем не менее, подтверждает утверждения историков о значимости для понимания реакций общества в контексте новой политической истории фактора культурно-исторической обусловленности¹¹. В данном случае очевидно, что речь идет об осознании современниками весьма значимой роли «проводников» демократических ценностей (чиновников и бюрократов), специфики проводимых ими практик по имплантации «политических свобод», обеспечивавших сохранение «традиции» и сдерживание изменений и трансформаций, способствующих либерализации публичной сферы российского общества.

⁷ Алексеев 1906: 19.

⁸ Там же.

⁹ Юмористический альманах...

¹⁰ Там же.

¹¹ Большакова 2006.

Агрессивное неприятие исполнительной властью «народного представительства» проявилось в роспуске Думы и в ответной реакции значительной части членов I Государственной думы, которые собрались в Выборге, на территории Великого княжества Финляндского и приняла воззвание (т.н. «Выборгское воззвание»), в котором призвала население к пассивному сопротивлению властям, к уклонению от призыва в армию, к неуплате прямых налогов. Вопреки ожиданиям авторов «Выборгского возвания», роспуск Думы не вызвал политического кризиса, но последовали административно-политические меры против думцев, подписавших «Выборгское воззвание». По свидетельствам современников, вскоре после поездки бывших «лучших людей» в Выборг в правящих сферах приступили к обсуждению «крамольного» поведения «врагов отечества», лишенных с роспуском Думы мирных средств обновления России». Тогда «слежение» за бывшими депутатами началось повсеместное и выдающееся по своей бесцеремонности¹², которое закончилось, как известно, тем, что 167 человек, в том числе бывший председатель Думы С.А. Муромцев, были приговорены к трехмесячному тюремному заключению и лишению избирательных прав.

Конфликт между парламентом и правительством, по мнению перводумцев, стал одной из причин драматического конца ее недолгого существования. Анализируя причины разгона думы в своих воспоминаниях, А.В. Тыркова-Вильямс (1869–1962), член ЦК кадетской партии, писательница и журналистка, писала о том, что «народные представители, увлеченные борьбой, ... опьяненные политическими возгласами, обличениями, требованиями, не сумели сразу приняться за то, ради чего Дума была созвана, чего они сами добивались с такой бурной энергией, – за законодательство», так как «слишком еще кипели в них страсти, слишком обуревала их неудержимая потребность на всю страну выкрикнуть то, о чем раньше говорилось только шепотом». Ошибочность поведения депутатов эта мудрая женщина видела в том, что «перед открытием Государственной думы между правительством и народными представителями не произошло никакого общения, никаких не только сговоров, но даже переговоров» и поэтому думцы и министры, впервые встретившись в Таврическом дворце, «притащили с собой тяжкий груз и путы враждебности, недоверия, нежелания подойти друг к другу ближе, найти почву для сотрудничества». Более того, раскрывая эмоциональный фон взаимоотношений депутатов Думы с министрами, Тыркова-Вильямс характеризует настроения «двух сторон» следующим образом: «власть с неостывшей обидой побежденного, и народные представители с злорадным торжеством победителей помнили, что Дума пришла не сверху, а была навязана снизу», то есть «явилась в результате широкого самочинного освободительного движения, которое многие просто называли революцией»¹³. В этой ситуации, по

¹² Брусянин 1906.

¹³ Тыркова-Вильямс/ 2012: 399.

здоровому размышлению «инсайдера», участника деятельности Думы первого созыва, власть, по логике вещей, просто обязана была бороться с этой революцией любыми силами и средствами. С подобным же объяснением соглашались и другие современники-думцы, которые также отмечали, что «Первая Государственная дума не сумела встать на путь соглашения и сотрудничества с еще сильной центральной властью, она приняла вызывающий тон, не использовала представлявшихся ей возможностей и проиграла в безнадежной борьбе, отрезав тем самым и себе самой, и своим наследницам путь к участию во власти, в управлении страной»¹⁴. Таким образом, приобретенный неудачный опыт взаимодействия, культурная практика «общения» между представителями «нового» института, Думы, и персоналиями из «старой», традиционной, верховной исполнительной власти императорской России признавался самими думцами весомой причиной стремительного драматического конца первого российского парламента.

В своей брошюре «Судьба первых депутатов» писатель и журналист, редактор «Русской газеты» В.В. Брусянин (1867–1919) писал, что «в начале деятельности Думы, когда народные представители подерживались в своих запросах населением, в придворных сферах и в среде камарильи наблюдалась растерянность» и что «в этот момент политического разединения впервые поколебались народные иллюзии, открыленные бессознательным стремлением к царю»¹⁵. Это была поддержка населением тех надежд, которые декларировались депутатами при открытии Думы. В.В. Брусянин припоминает слова депутата, одного из основателей кадетской партии, выпускника Санкт-Петербургского университета Ф.И. Родичева (1854–1933), который «первым после «торжественного» обнародования горемыкинской декларации сказал: «мы явились сюда в первый день, выражая готовность верить, выражая готовность работать на обновление страны, мы ждали, что власть выйдет к нам навстречу, мы готовы были забыть прошлую деятельность людей, в руках которых была власть. Мы готовы были не вспоминать о том, что на пороге обновленной России власть находится в руках лиц, работающих над угнетением страны. Сегодня наши надежды рушились...». Так случилось, что 7 июня депутаты первого российского парламента вышли из зала Таврического дворца «неприкосновенными личностями» в последний раз: через двадцать четыре часа слепая фортуна сравняла их с обыкновенными «прикосновенными» обывателями. С сожалением, как свидетельствуют современники, «и в период неприкосновенности» депутаты «оппозиционных взглядов» не были «в чести» у служителей власти и закона различных рангов и могли подвергаться физическим и словесным угрозам и унижениям. Так, например, «депутат от Оренбургской губернии Т.И. Седельников был избит на улице городскими и дворниками, а один из генералов, посетивший Тавриче-

¹⁴ Савич 1993: 13.

¹⁵ Брусянин 1906: 54.

ский дворец по долгу службы, высказал предположение, что если бы депутата Аладына повесить на люстре над депутатскими скамьями, то «этот депутат был бы прекрасным украшением парламента»¹⁶.

В публичной сфере звучали весьма эмоциональные оценки роспуска Думы как «национального несчастья», чреватого, быть может, «тяжкими потрясениями, о которых страшно подумать и которых можно было избежать»¹⁷. Во многих современных этому событию периодических изданиях известие о роспуске Думы назвалось «грустным» и призналось, что «перед Россией открывается тяжелый период»¹⁸.

Важный аспект восприятия современниками исторического опыта трансформации политической культуры – оценка ими *конфликта власти с обществом*. Оба концепта «власть» и «общество» в данном контексте следует интерпретировать как обобщенные образы, которые в конкретных индивидуальных рефлексиях, наблюдениях, различных репрезентациях этих образов памяти современников могут дифференцироваться, персонифицироваться, т.е. наполняться вполне конкретным контентом. В качестве примера интерес представляет цитата из дневниковых записей французского посла М. Палеолога высказывания члена Государственного совета, исповедовавшего право-монархические взгляды, члена совета Русского собрания, позже занимавшего пост Главного управляющего землеустройством и земледелием А.В. Кривошеина о значимости внутреннего согласия между правительством и общественным настроением и о вреде антагонизма между императорской властью и гражданским обществом. Этот государственный деятель утверждал, что будущее России останется непрочным, «пока правительство и общество будут обозначать один другого словом «они» и пока они не будут употреблять слово «мы», чтобы указать на совокупность русских»¹⁹. Как видим, концепт «власть» в данном контексте репрезентируется автором через концепт «правительство», а в интерпретации концепта «общество» присутствуют две линии раскрытия контента. Во-первых, обозначен акцент на таком смысловом элементе как «общественное настроение», а во-вторых, концепт «общество» представлен словосочетанием «гражданское общество», что является спецификацией этого многозначного понятия, содержащей темпоральные и социально-политические составляющие его интерпретации. Нельзя не отметить, что в восприятии представителя власти идеалом взаимоотношений власти и общества, «правительства» и «общественного настроения», является согласие (но не конфликт), а центростремительной силой, обеспечивающей это «согласие» представитель власти считал этнокультурную идентичность русских, способную объединить власть, правительство, с обществом. Насколько иллюзорными были подобные ожидания свидетельствуют наблюдения

¹⁶ Там же.

¹⁷ Могиланский 1907: 20.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Палеолог 1991: 157.

губернаторов о настроениях на местах, адресованные министру внутренних дел П.А. Дурново, хранящиеся в Российском Государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге в фонде «Особое делопроизводство по выборам в Государственную думу»²⁰.

В ответах губернаторов обращают на себя внимание весьма согласованное утверждение наличия общего возмущения властями и выводы о том, что «среда избирателей» «выступила уже на путь активной борьбы с существующим порядком и явилась ко времени выборов в достаточной мере оппозиционной»²¹. Так, например, по наблюдениям губернатора Симбирской губернии весной 1906 г. губерния представляла собой территорию, охваченную общим возмущением действиями властей, включая крестьянство, мещанство, духовенство, которое также «вполне разделяло либеральные идеи, а также «земских и городских деятелей», «полностью находящиеся в руках кадетов».

В письмах губернаторов содержится и информация о различиях в поведении на выборах не только отдельных социальных, но и этнокультурных групп электората. Так, в Таврической губернии, согласно мнению губернатора, русские крестьяне – мелкие землевладельцы, в отличие от татарских, вели себя пассивно. На съездах мелких землевладельцев в губернии присутствовало только 1–2% от положенного количества. Лишь в Симферопольском уезде участвовало значительно больше избирателей – мелких землевладельцев – за счет татар, неукоснительно исполнявших постановления мусульманских съездов 1905–1906 гг., «принять участие в выборах в Думу». Среди «помещиков-инородцев» Западного края, по свидетельству очевидцев, в частности минского губернатора, проявлялось большее сочувствие кадетской партии, так как Партия народной свободы выступала за гражданское равноправие национальных меньшинств. Отмечая, что большинство «аграриев» губернии принадлежали к националистам, он упоминает и о том, что некоторые «причисляли себя к кадетам», «хотя едва ли были многочисленны» и «оставались таковыми лишь пока дело не касалось вопросов аграрных»²². Приведенные примеры свидетельствуют о значимости влияния на процесс формирования политической идентичности избирателей наряду с социальной принадлежностью и этнокультурных факторов, которые играли весьма неоднозначную роль в практиках выбора политических предпочтений и моделей электорального поведения. Таким образом, по наблюдениям очевидцев и свидетелей от власти, губернаторов, формирование множественной политической идентичности в российском обществе в процессе практик выбора народного представительства проходило в условиях масштабного конфликта «власти и общества», (правительства и народа), а также агрессивного неприятия правительством (традиционном институтом власти)

²⁰ РГИА, Ф. 1327. Оп. 2. С. 1. Д. 40.

²¹ Там же: 32, 53.

²² РГИА. Ф.1327. Оп.1. Д. 117. Л. 4.

Государственной думы (нового института власти, народного представительства). Последнее было в какой-то степени ожидаемо или, во всяком случае, объяснимо для депутатов по прошествии времени, чего не скажешь в отношении неприятия самим народом «народных представителей» после разгона думы, которое оказалось для них весьма болезненным опытом и обернулось «травмой памяти».

Надо сразу заметить, что сами российские парламентарии имели высокие ожидания эффективности народного представительства и наивную веру в успех своей деятельности на этом поприще. Однако, суждения современников о «народном представительстве» были весьма противоречивыми. Так, для восприятия современников характерна была высокая оценка роли народных представителей, которые характеризовались «более авторитетными и более правильными, чем кто-либо другой, выразителями народных нужд и желаний», а потому «могут с наибольшим основанием претендовать на выбор тех лиц, которым поручается непосредственное управление государством» и «лишать власти министров, как только они, т.е. министры, окажутся не на высоте своих трудных и высоких обязанностей». В то же время имелись опасения по поводу того, что «их голоса совершенно затеряются в стройном и массивном бюрократическом хоре»²³. Но уверенность в успешном осуществлении нужд и интересов народа, несомненно, была характерна для «народного представительства» и весьма определенно выражена в воспоминаниях первоумцев, как и их полное разочарование, крах высоких ожиданий единения с народом, отторжение и агрессия со стороны народа, с которыми они столкнулись после разгона думы и которые ощущали как травму памяти до конца своих дней²⁴.

В воспоминаниях Тырковой-Вильямс день открытия Государственной думы представлен как «общенародный праздник». Настроения депутатов описаны весьма эмоционально и характеризуются как «твердое, искреннее желание первых избранников не обмануть народных надежд». В тех же воспоминаниях обращает на себя внимание такая характеристика Думы, через которую транслируются ностальгические настроения автора и эмоциональные восприятия «народного представительства». Так, например, автору представлялось, «точно Дума собралась не в столице, а в старинной усадьбе». Объяснение этой метафоре, согласно Тырковой-Вильямс, в том, что «большинство депутатов выросло в таких дворянских гнездах», что и определило такое субъективное, идеализированное и иллюзорное представление, как то, что «Первая Дума если не количественно, то качественно была дворянской Думой, и это подчеркивало ее нарядность»²⁵. Образ «дворянской Думы» никак не соответствует реалиям, количественно характеризующим ее социальный состав и дающим основание для определения первого

²³ Мижув 1906: 30-35.

²⁴ Селунская 2021.

²⁵ Тыркова-Вильямс 1998.

российского парламента как «крестьянской Думы» в отличии от европейских парламентав того времени²⁶. Характеристика в воспоминаниях депутата думы как «качественно дворянской» связана с восприятием, сохранившемся в их памяти той роли, которую играли активно действовавшие депутаты, обладавшие той же социокультурной идентичностью, что и автор воспоминаний. Эта идентичность и определяла оптику видения Думы «нарядной» в родном образе «дворянской усадьбы».

Кроме того, очевидно, что в памяти депутатов думы, представляющих ее «активное ядро», запечатлелись большие ожидания и иллюзорная вера в «величайшую значительность высокого учреждения», «народного представительства», особую роль ее лидера, олицетворяющего высокий долг служения родине и своего участия в работе думы во благо общества. Вот почему таким драматичным было «столкновение» высоких ожиданий и печального опыта прозрения думцев, отраженного в их, увы, таких похожих персональных историях участников деятельности думы, свидетелей ее разгона, переживших разочарование во власти и испытавших ощущение кризиса Российской империи, горечь неприятия народом их как «народных представителей, изгнанников из России, хранивших память о ней в долгой жизни в эмиграции».

Наиболее болезненной была встреча думцев с народом, то есть с теми, кто посылал в думу своих избранных, чтобы они добыли «землю и волю», что и было зафиксировано в наказах, письмах и телеграммах, которыми «сносилось» население в продолжение 72 дней со своими избранными. Народные избранники, вернувшиеся по домам преждевременно, после разгона Думы, естественно, должны были рассчитывать и на особенную встречу со стороны населения. Нетрудно было предсказать характер этой встречи: население обратилось к своим избранным с требованием отчета в действиях, в силу чего бывшим депутатам поневоле приходилось беседовать с населением. Интересны сообщения о газетных публикациях того времени, содержащиеся в брошюрах, написанных современниками, в которых, в частности, говорится о характере подобных встреч и бесед депутатов с населением. Так, например, описание одной из таких встреч содержит сведения о том, что «неоднократно местные крестьяне обращались с вопросами о роспуске Думы к бывшему депутату думы Стефанюку; но последний упорно молчал, отговариваясь незнанием. Ни угрозы, ни ругательств крестьян настойчиво не помогли. Наконец, на днях, когда толпа крестьян настойчиво приступила к Стефанюку с расспросами о думе, а последний отнекивался и не хотел отвечать, на него набросился с бранью отставной фельдфебель и закричал: «Что ж ты, собачий сын, мы тебя выбрали, на наши гроши ты поехал, привез себе оттуда казны, а теперь молчишь! Мы тебе отобьем бока и покажем, как отвливать с ответами перед громадой!» ...С этими словами он бросился на Стефанюка и из-

²⁶ Подробнее см. Селунская, Тоштендаль 2005. Глава 8 «Представительство народа» в системе правления России.

бил его палкой. Сотские еле отстояли депутата от раздраженной толпы»²⁷. Это один из множества подобных случаев, в которых депутатам при встречах с народом грозила расплата и поэтому, как свидетельствуют современники, депутатам по возвращению приходилось уезжать, так как были даже случаи, когда их дом мог быть сожжен односельчанами, или когда «крестьяне разгромили фруктовый сад», или, как у бывшего депутата М.И. Герасимова, «изъяли все его имущество и даже отобрали книги, газеты, письма и записную книжку».²⁸ В.В. Брусянин отмечает, что во многих подобного рода проявлениях негативного отношения крестьян к своим выборным депутатам была виновата «черная сотня», представители которой весьма активно провоцировали население на подобные действия, а «местные черносотенные организации с особенным старанием помогали полиции в деле преследования депутатов». Из этого перечня «случаев с депутатами» становится понятной обеспокоенность думцев возможной утратой их неприкосновенности, о чем свидетельствует, например, известный факт, когда депутат Т.И. Седельников, давая объяснение Думе по поводу избияния его петербургской полицией, просил парламент позаботиться о неприкосновенности личности вообще и тем как бы предсказывал судьбу депутатов, когда они станут только «бывшими», а, стало быть, и прикосновенными. К сожалению, эти опасения подтвердились фактами расправ, которым подвергались уже бывшие депутаты Государственной думы, многие из которых «были убиенными», многим по воле случая удалось скрыться от преследований, а некоторых просто-напросто местная администрация как «провинившихся» и «крамольных» народных представителей от занимаемых ими должностей освобождала²⁹.

Бывшие депутаты Думы, несмотря на испытанную травму памяти, связанную с драматическим финалом этой институции, в своих мемуарах транслировали несомненно субъективные, но аутентичные оценки Государственной думы. Так, Н.Ф. Езерский (1870–1938), выпускник юридического факультета Московского университета, член конституционно-демократической партии, глава пензенской группы партии кадетов, депутат Государственной думы первого созыва от Пензенской губернии, значение Думы видел в формировании общественного мнения, которое всколыхнуло образованные круги России. Он писал, что «под взволнованной поверхностью общественного моря шла работа в глубоких слоях народа. Чуждый политике, косный обыватель начал втягиваться в нее, деревня, взбуждаемая аграрным движением, зашевелилась. Забастовки, погромы, новые мысли и речи, какие несли с собой городские люди и столичные газеты, пробуждали умственную деятельность, безотрадное положение деревни становилось яснее ей самой»³⁰.

²⁷ Брусянин 1906.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же

³⁰ Езерский 1907: 39.

Иначе оценивал значение Государственной думы, выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета, первый председатель партии октябристов, член Государственного совета Д.Н. Шипов (1851–1920), который верил в то, «государственная власть признает нужным установить свое единение с населением», ибо «согласие и единение царей с народом во времена земских соборов обуславливались не противопоставлением прав государя и прав народа, а сознанием обеими сторонами лежащего на них равно нравственного долга – содействовать общими усилиями возможному осуществлению в государственной жизни требований высшей правды»³¹. Задачи Государственной думы были иные. Однако, по мнению автора воспоминаний, император этого не учел в полной мере: «положив... в основу своего взаимодействия с народным представительством правовую идею, государственная власть разрешала вытекавший отсюда практический вопрос не согласно с требованиями справедливости, а в ущерб прав народного представительства и в целях поддержания своего самовластия»³². Такое разрешение вопроса не могло, по мнению Д.Н. Шипова, не вызвать справедливого неудовольствия в широких кругах населения.

В воспоминаниях другого октябриста, депутата Государственной думы третьего и четвертого созывов, выпускника физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, Н.В. Савича (1869–1942) можно встретить другое восприятие института народного представительства. Он писал, что «за двести лет, протекших после упразднения при Петре Великом последних остатков участия общественных представителей в управлении государством, русское общество отвыкло от ответственного участия в распоряжении судьбами страны»³³. Возрождение ответственности народа – вот, пожалуй, по мнению Н.В. Савича, главное назначение Государственной думы.

Проведенная реконструкция аутентичного восприятия современниками, в том числе наблюдателями от власти, представителями политической элиты, участниками выборного процесса, реформирования институтов системы управления Российской империи, формирования множественной политической идентичности в российском обществе и трансформаций политической культуры дает основания для суждений о протекании названных процессов в условиях острых конфликтов власти и общества в разных формах и спецификациях, которые тормозили эти процессы, минимизировали их эффективность в плане модернизации политической сферы и достижения стабильности в обществе. В восприятии современников особое место занимает оценка роли традиции в реформировании политической сферы российского общества, в частности характеристика «своей, очень почтенной традиции бюрократического самовластия», которой «мы обязаны целым рядом экспериментов над

³¹ Шипов 1918: 331.

³² Там же.

³³ Савич 1993: 14.

нашим государственным организмом всегда с одной и той же целью привести в жертву бюрократии интересы народа».

Проведенное исследование подтверждает тезис о необходимости обогатить «академичную историческую интерпретацию политики прошлого», анализ политической действительности «общественно-культурными/историческими контекстами», т.е. «историко-культурологической интерпретацией»³⁴. Методология исследований памяти, включение в источниковую базу историка эго-документов, транслирующих персонафицированное восприятие событий прошлого открывает возможность реконструкции многогранного и полихромного образа политических процессов прошлого на основе видения их «изнутри» и «извне» и сохраненного в памяти свидетелей и очевидцев в историческом контексте, включающим изменчивость, вариативность опыта, противоречивость форм его освоения, переживания и осмысления современниками.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Алексеев В.П. Первый русский парламент. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1906. 34 с.
- Большакова О.В. Новая политическая история России. Современная зарубежная историография. Аналитический обзор. М.: М.: РАН. ИНИОН, 2006. 98 с.
- Бруснян В.В. Судьба первых депутатов. СПб.: Современник, 1906. 82 с. [Электронный ресурс]: <https://viewer.rusneb.ru/ru/rl01004745967?page=5&rotate=0&theme=white>
- Вжосек В. О необходимости культурологической дистанции в исторических исследованиях // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 61-74.
- Государственная Дума в России (1906–1917): Обзор / [В.М. Шевырин]. М.: ИНИОН, 1995. 92 с.
- Езерский Н.Ф. Государственная дума первого созыва Пенза : типо-лит. Е.М. Грушецкой, 1907. 203 с.
- Мижув П.Г. Парламентаризм и представительная форма правления в главных странах современной Европы. СПб.: Г.Ф. Львович, 1906. 165 с.
- Могиланский М. Первая Государственная Дума. СПб.: М.В. Пирожков., 1907. 200 с.
- Палеолог М. Царская Россия в мемуарах дипломатов. Царская Россия во время мировой войны. [2-е изд.]. М.: Международные отношения, 1991. 236 с.
- Патрикеева О.А. Российская общественность и выборы в I и II Государственные Думы (1905-1907 гг.). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2005. 205 с.
- Прошлое для настоящего: история-память и нарративы национальной идентичности / Под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2020. 464 с.
- Российский либерализм: идеи и люди / [отв. ред. и сост. А. Кара-Мурза]. М.: Новое изд-во, 2004. 613 с.
- Савич Н.В. Воспоминания СПб.: Logos ; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993. 490 с.
- Селунская Н., Тоштендаль Р. Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX века М.: РОССПЭН, 2005. 335 с.
- Селунская Н.Б. «Народное представительство» Российской империи начала XX в. в памяти и судьбах «думцев» // Исторический журнал: научные исследования. 2021. № 4. С. 137-149.
- Тыркова-Вильямс А. Воспоминания. То, чего больше не будет М.: Слово, 1998. 550 с.
- Тыркова-Вильямс А.В. Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: дневники, письма М.: РОССПЭН, 2012. 1110 с.
- Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1918. 592 с.
- Юмористический альманах: Политико-общественно-сатирический еженедельный журнал с карикатурами на злобу дня. СПб.: М. Лакшин, 1906. № 6. Вып. 75. [Электронный ресурс]: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/70861-6-vyp-75-izbiratel>

³⁴ Вжосек 2012:71.

Putnam R. Making Democracy Work. Civic Traditions in Modern Italy. N.Y.: Princeton U.P., 1993.

Селунская Наталья Борисовна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры источниковедения, исторический факультет, МГУ им. М.В. Ломоносова; selounsk@yandex.ru

Practices of reforming the political sphere of Russian society in the early XX century in the perception of contemporaries

The article attempts to reconstruct the diverse perception of the practices of reforming the political sphere of the Russian Empire at the beginning of the 20th century, preserved in the memory of contemporaries, observers from government authorities, insiders of the process of updating government institutions, deputies of the people's representation, writers and journalists, authors of brochures reflecting on the events of the "Russian spring". The application of the "memory studies" methodology, as well as discursive analysis to the texts of ego-documents, made it possible to reconstruct the emotional and contradictory assessments by contemporaries of the influence of "historical traditions" on the processes of renewal of Russian society, including the venerable tradition of bureaucratic autocracy, which "gravitates over the Russian people for centuries, we owe it a whole series of experiments on our state organism", which had a detrimental effect on the transfer and adaptation on Russian soil of "freedoms", a culture of choice. Another significant perspective of the perception by contemporaries of the transformations associated with the emergence of the institution of popular representation is their vision of the role of different types of conflicts between "authority" and "society", such as the unsuccessful experience of interaction between "authority with the unrelenting resentment of the defeated and people's representatives with malicious triumph winners" which caused "the rapid dramatic end of the Russian parliament".

Keywords: Russian Empire, memory studies, "path dependence", political conflicts, perception boundaries, historical tradition, new political history, testimonies, multiple identity.

Natalia B. Selunskaja, Professor, History Department, Lomonosov Moscow State University e-mail: selounsk@yandex.ru

Д.Ю. КУРГИНОВА, А.В. МЫРИКОВА, А.А. ШИРИНЯНЦ

«ОТ ЛЮБВИ ДО НЕНАВИСТИ...»
К ГЕНЕАЛОГИИ АМЕРИКАНСКОЙ РУСОФОБИИ¹

В конце XIX – начале XX в. отношение американцев к России как дружественной, союзнической державе, особенно характерное для 1860-х гг., эволюционировало в представление о ней как об отсталой, варварской империи, чуждой всему современному и прогрессивному. В таком качестве Россия стала ключевым объектом для критики и реализации цивилизаторской миссии США. На материалах произведений Дж.У. Бьюэла, У.Д. Фуллка и Дж. Кеннана показаны особенности американской русофобии этого периода, которые заключались в том, что американские активисты в своих антироссийских выступлениях акцент делали не только и не столько на геополитических или цивилизационных аспектах: российской угрозе Америке или же на «варварстве» русского народа, а на аспектах политических и экономических: деспотизме кровавой царской власти и фанатизме ортодоксальной церкви, которые эксплуатируют и грабят миллионы российских граждан, которых и нужно освободить, попутно освоив огромные территории, богатые полезными ископаемыми, которые пока никто не разрабатывает. Борцами за эмансипацию угнетенного русского народа, за демократию в России в американском общественном мнении, сформированном этими активистами, стали русские политические радикалы – нигилисты, народники, террористы, которые получили в США не только моральную, но и материальную поддержку. Организованный в США «крестовый поход за свободную Россию», предполагал меры пропагандистского, идеологического и морального давления на Россию, прямого покровительства русской оппозиции, а его политическое обеспечение включало призывы к вмешательству во внутренние дела России, ее наказанию за несоответствие американским ожиданиям, использование двойных стандартов при оценке ситуации в Российской империи, ее действий внутри страны и на международной арене. Фактически, в конце XIX – начале XX вв. были апробированы многие современные средства воздействия США на Россию.

Ключевые слова: США и Российская империя в конце XIX – начале XX в., американская русофобия, Дж.У. Бьюэл, У.Д. Фуллок, Дж. Кеннан, «крестовый поход за свободную Россию».

Когда мы обратимся к справочным изданиям, например, к широко известной американской «Энциклопедии фобий, страхов и тревог», где русофобия определяется как «страх перед Россией, русским языком и вещами, имеющими отношение к русской культуре»², то с удивлением обнаружим, что по странному сочетанию филологических обстоятельств и методологических предпочтений авторов, статья «русофобия» попала в своеобразную «вилку», оказавшись между «рупофобией» (страхом перед грязью) и «иофобией» (страхом перед ржавчиной), а ее определение абсолютно ничем не отличается от определений англофобии, германофобии и японофобии³. Нет никаких сомнений в том, что, если бы авторы этой энциклопедии включили в свое издание соответствующую

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00182, <https://rscf.ru/project/23-28-00182/> (МГУ имени М.В. Ломоносова).

² Doctor, Kahn, Adamec 2008: 422.

³Ibid.: 218, 251, 308.

щие статьи об антисемитизме (юдофобии), исламофобии, американофобии (антиамериканизме) или европофобии (антиевропеизме), перевод был бы аналогичным или же мало отличался от близких по смыслу толкований этих терминов, представленных в современной литературе⁴. Такой подход авторов американской энциклопедии к русофобии не случаен, так как если бы они использовали конкретно-исторический анализ и попытались рассмотреть генезис и особенности формирования этого идеологического антироссийского проекта именно в Америке, то они бы обнаружили значительные временные и содержательные его отличия от, например, развития русофобии во Франции, Великобритании, или же германских государствах XIX в. Такие отличия, в первую очередь, были связаны с представлениями американцев о своем великом предназначении «цивилизаторов», призванных распространить демократию американского образца по всему миру, абсолютно не учитывающие того, что «Россия — это граница миров: вечный фронт для других и колыбель цивилизации для себя»⁵. При этом даже те, кто ратовал за особость русского пути (А.И. Герцен, И.В. Киреевский, В.Ф. Одоевский и др.) признавали сходство России и США, основанное на их молодости, исключительности исторической судьбы, равновеликости, и противопоставляли эти «деятельные края» катастрофически разлагающемуся европейскому буржуазному обществу⁶. До 1880-х гг. казалось, что никаких предпосылок для возникновения русофобии в США не было и не могло быть, так как России и США этим «молодым мирам», принадлежит будущее, а черты сходства двух стран преобладают над их различиями.

Если кому-либо из участников Войны за независимость США (1775–1783) сказали бы о том, что их страна когда-то введет антироссийские санкции и будет блокировать торговые суда России, говорящему напомнили бы об антибританской «Декларации о вооруженном нейтралитете» (28.02.1780), принятой российской императрицей Екатериной II с целью охраны торгового мореплавания и недопущения блокады американских судов во время борьбы британских колоний в Северной Америке за независимость. Эту декларацию приветствовали руководители молодой американской республики, а Континентальный конгресс официально одобрил провозглашенные Россией принципы. Спустя семьдесят лет Российская империя направила две эскадры военных кораблей в американские воды для поддержки северян в Гражданской войне (1861–1865). Эти корабли 7 месяцев демонстрировали дружественное российское участие Союзу – федерации 24-х северных штатов, противостоящих южным Конфедеративным штатам Америки, которых поддерживал военно-морской флот Великобритании. И если бы жителю Вашингтона, округ Колумбия, тогда сказали, что американские вооруженные силы высадят десант в российском Мурманске в 1918 г., говоряще-

⁴ Об определениях русофобии см.: Гуторов, Шириняц 2023.

⁵ Карабущенко 2021: 2.

⁶ См.: Шириняц 2013: 296.

го сочли бы сумасшедшим и указали бы на поднявшийся во главе русской эскадры к столице Союза по реке Потомак большой русский фрегат «Александр Невский», в честь чего президент Линкольн дал прием в Белом доме. Как отмечалось в редакционной статье американского политического журнала «Harper's Weekly», радушный прием русских моряков американцами продемонстрировал, что, «между народами существовала традиционная дружба. Но, помимо этого, разве Александр II не освободил крепостных, как Линкольн освободил рабов? Разве Россия не подавляла восстание поляков, как Север пытался подавить восстание южан? Разве Россия не отклонила предложение Франции выстроиться против Севера в знак признания Конфедерации, поскольку Союз отклонил предложение Франции встать на чью-либо сторону против России? Обе страны также находились на стадии становления и только начинали осознавать свою взрослую доблесть. Будущее принадлежало им вместе (как давно заметили Вольтер и Токвиль)»⁷.

Однако, несмотря на дружбу и «светлое совместное будущее» двух стран, которое пророчили им многие американские, европейские и русские интеллектуалы, на рубеже XIX–XX вв. в США пыльным цветом расцвела русофобия. В 1880-е гг. к нестройному хору европейских русофобов присоединили свои голоса американцы, вдруг обнаружившие, что Российская империя слишком большая, у нее много ресурсов, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке, которые она в силу своей отсталости в экономической и политической сферах освоить самостоятельно не может, что в России угнетают евреев и поляков, и они в огромных количествах бегут в Америку, внося дисбаланс в развитие демократического государства, а в отсталой деспотической России в это время броются с «кровавым царизмом» героические личности – «нигилисты»⁸.

Именно в этот период окончательно закрепляется концепт американской исключительности, формируются «миссионерское» мышление и «миссионерская» традиция в политической жизни США, а главным объектом цивилизаторской миссии Америки становится Россия. Америка все больше рассматривала Россию как страну, требующую принудительной «гуманитарной интервенции» со стороны просвещенной и самой передовой американской нации, но одновременно и как опасного, «коварного» соперника на международной арене, против которого нужно предпринять «крестовый поход».

Одним из инициаторов такого похода «за Свободную Россию»⁹ стал американский журналист из Миссури Джеймс Уильям Бьюэл (1849–1920). В 1882 г. он предпринял путешествие по Российской им-

⁷ Цит. по: Davidson: <https://www.americanheritage.com/royal-welcome-russian-navy>

⁸ Об историко-политическом контексте появления американской русофобии см.: Спартак 2021: 25–38.

⁹ Термин «крестовый поход за свободную Россию» был введен в научный оборот в серии научных статей и одноименной книге американского профессора Дэвида Фоглесонга в конце 1990-х – 2000-х гг.. (См.: Фоглесонг 2002: 100–133; Foglesong 2007).

перии с целью «ее изучения». Особенно его интересовали политические институты и нигилисты. Собрав огромный материал, Бьюэл на его основе подготовил богато иллюстрированную книгу «Русский нигилизм и жизнь ссыльных в Сибири». Это была первая из американских работ 1880-х гг., в которой была предпринята попытка дать всестороннюю характеристику Российской империи. Книга Бьюэла, в первый раз изданная в 1883 г. Сан-Франциско, сразу же стала бестселлером.

С позиции англосаксонского превосходства Бьюэл считал русских «московитами», а Россию «варварской нацией», находящейся «в пленках цивилизации». Свидетельством ее отсталости является сосредоточение всей власти в руках одного правителя: «Ни в одной стране нет такого количества законов, как в России, однако первая фраза в ее своде законов такова: «Царь превыше всякого закона»¹⁰, что ведет к трагическим последствиям. Рисуя кровавую власть «этой жалкой нации», ужасы, творимые ею, наряду с «зарисовками с натуры» тяжелой жизни ссыльных и каторжан в Сибири, Бьюэл прибегает к домыслам и дает волю фантазии, чтобы еще больше эпатировать американского читателя. Это, например, история про головы преступников, якобы хранящиеся в петербургском музее Кунсткамере, это история садовника, по слухам, пристреленного охраной на глазах у императора Александра III за попытку прийти на зов последнего. Это и история с люком в личном кабинете императора Николая I в канцелярии русской политической полиции – Третьего отделения, который «использовался для единственной цели, а именно: когда какая-либо женщина из дворянской семьи была замечена за критикой его правления – что отнюдь не было необычным явлением – преступнице приказывали явиться к нему в кабинет. Там он давал таким людям много отцовских советов относительно их проступков, и по сигналу люк, на который их заставляли бессознательно вставать, внезапно открывался, заставляя женщину упасть до уровня подмышек. Она находилась в этом стесненном положении, не в силах пошевелиться, и человек, стоявший под ней, сильно бил ее плетью. Таким образом, преступник не мог знать, кто наказывает, а нижестоящее лицо не могло знать, кого оно наказывает»¹¹.

Бьюэл одним из первых поддержал русских революционеров «нигилистов», полагающих что преобразования страны «могут быть достигнуты с помощью террора, в частности, политических убийств»¹², прямо заявляя: «Будущее России – в нигилизме; если эта кровавая власть не очистит нацию и не даст ей нового роста, тогда мы не можем предсказать Империи ничего иного, кроме ее расчленения и развала»¹³. Первопричину нигилизма он усматривает в «варварском суеверии – русской церкви», которая грабит народ и освящает все злоупотребления

¹⁰ Buel 1883: 538.

¹¹ Ibid: 41.

¹² Ibid: 540.

¹³ Ibid: 539.

аристократии и государственной политики. Именно церковь поддерживает еврейские погромы в Российской империи, обусловленные рабским положением крестьянства: «Найдена еще одна причина в фанатизме русских людей, верящих в то, что убить еврея – праведный поступок; и, возможно, еще более сильным основанием является естественное стремление бедных, деградировавших, невежественных и жестоких людей заниматься грабежом»¹⁴. Антисемитизм приводит к значительной эмиграции из России, причем немалая часть беглецов направляется в Америку. Бьюэл приветствует этот процесс, утверждая, что «ни один класс иммигрантов не будет более ценен для Америки, чем русские; они терпеливы, честны и, когда вкладывают свои ресурсы, очень трудолюбивы; нет людей, менее склонных к беспокойству, их дружелюбные качества, действительно, почти феноменальны»¹⁵.

В своей книге Бьюэл старался показать, что Россия, «скованная верой в древние обряды, крепко связанная оковами церковной дисциплины, лишенная облачений разума, заточенная в угнетающую, отвратительную, тлетворную атмосферу рабской зависимости от власти, ослепленная фанатичными предрассудками и, хуже, чем фанатичной, религией, ограниченная нетерпимостью, погрязшая в долгах, порожденных потворством церкви, совершенно лишенная однородности, пораженная несправедливостью и коррупцией, пронизывающими каждый отдел правительства»¹⁶, является «варварским» государством. Это государство, казалось бы, во всем проигрывает Америке с ее прогрессивными идеалами и демократическими принципами, но Бьюэл, противореча себе, предчувствует, что именно «Россия способна и, несомненно, скоро станет самым опасным конкурентом, который у нас когда-либо появится»¹⁷.

Многие в поисках лучшей доли уезжали из России в США. Национальный состав эмигрантов, покидавших страну, был очень пёстрым. Среди них было мало русских и много представителей национально-религиозных меньшинств. После волны погромов в 1881–1882 гг. в несколько раз вырос приток евреев в Америку. На 1880–1890 гг. пришлось обострение «паспортного конфликта». Он возник вследствие отказа российских властей признавать право бывших российских евреев, принявших гражданство США, на свободный въезд на территорию империи. В 1880 гг. также увеличилось число уголовных преступников, бежавших в Америку, и политических эмигрантов, скрывавшихся в США от наказания за революционную деятельность в России. Местные власти были обеспокоены нелегальным присутствием на территории США лиц, нарушивших закон. В свою очередь царское правительство было заинтересовано в том, чтобы беглые революционеры понесли наказание. Россия

¹⁴ Ibid: 506.

¹⁵ Ibid: 542.

¹⁶ Ibid: 538-539.

¹⁷ Ibid: 542.

и США ещё в 1873 г. начали переговоры о заключении соглашения, предполагавшего взаимную выдачу уголовных преступников. «Конвенция о взаимной выдаче преступников, заключенная между Россией и Соединенными Штатами Северной Америки» была подписана в марте 1887 г.¹⁸ Несмотря на стремление сохранить это втайне, текст был обнародован в «The New York Times» в статье «Плохая новость для царей: Соединенные Штаты готовятся заключить новый договор с Россией»¹⁹, вызвав раскол в американском обществе. Конвенцию пытались ратифицировать в Сенате в течение последующих шести лет.

Среди тех, кто выступил против этого соглашения, был Уильям Дадли Фоулк (1848–1935), американский литературный критик, журналист, поэт и реформатор. В 1887 г. Фоулк опубликовал книгу «Славянин или сакс. Исследование роста и тенденций российской цивилизации», имея в виду предстоящую борьбу Британской и Российской империй за европейское господство («...великие колоссы, которые будут оспаривать его [мир] друг с другом, – это Англия и Россия. Будущий мир должен быть славянским или саксонским», «великая борьба между славянами и саксами не за горами»²⁰) и описав не только проблемы генезиса российского государства, но и деспотический характер русского самодержавия, которое предлагал уничтожить.

Обращаясь к истокам российской истории, Фоулк сравнивал ее с историей западной цивилизации: «Русская история была совершенно бесплодна во всех великих интеллектуальных битвах. Она была чужда Реформации и Ренессансу. В России нет традиций. Это была обширная сельская империя, большое государство крестьянских общин, управляемое деспотом и его армией»²¹. Тут стоит вспомнить слова П.Я. Чаадаева: «Одна из самых прискорбных особенностей нашей своеобразной цивилизации состоит в том, что мы все еще открываем истины, ставшие избитыми в других странах и даже у народов, гораздо более нас отсталых. Дело в том, что мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого»²². Фоулк будто вторит Чаадаеву: «Первые наши годы, протекшие в неподвижной дикости, не оставили никакого следа в нашем уме и нет в нас ничего лично нам присущего, на что могла бы опереться наша мысль; выделенные по странной воле судьбы из всеобщего движения человечества, не восприняли мы и традиционных идей человеческого рода»²³.

¹⁸ «Конвенция о взаимной выдаче преступников, заключенная между Россией и Соединенными Штатами Северной Америки...».

¹⁹ Bad for the Czar Killers: A New Treaty Proposed Between The United States and Russia: <https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1887/03/27/100903568.pdf>

²⁰ Foulke 1887: 9.

²¹ Ibid: 62.

²² Чаадаев 2011: 487–488.

²³ Там же: 489–490.

В вопросе происхождения российской государственности Фоулк придерживается норманнской теории: «Славян раздирали усобицы. Поскольку они не желали, чтобы кто-то из них правил ими, для управления страной была призвана семья иностранных князей. Эти люди (варяги, как их называли) были, вероятно, скандинавского происхождения. Семья Рюриковичей была той, из которой были взяты правители»²⁴. Отметив влияние татарского ига на формирование русского характера: «Вливание татарской крови в кровь русского народа было невелико, но татарское господство оставило неизгладимый след в русском характере. Именно к нему мы должны, в конце концов, отнести привычки рабства и подлости, представления о самодержавии, необходимости крепостного права с сопутствующей им вереницей пороков, лукавства, нечестности и притворства, которые наложили свой отпечаток на характер русского народа»²⁵, Фоулк приходит к выводу, что традиции деспотизма и имперские замашки Россия унаследовала от татаро-монголов и Византии: «Восточный тип правления всегда был типом абсолютным, и как из Азии, так и из Византии пришло вливание абсолютизма в правительство России»²⁶. Деспотизм режима, по мнению Фоулка, обуславливался также равнинным рельефом и холодным климатом русской земли, которые сформировали особенности характера народа: «Монотонность и ровный характер земли не могут не влиять на темперамент людей. Недостаток оригинальности и индивидуальности, замечаемый путешественниками в России, отчасти объясняется этой причиной... Россия исключительно аграрная держава. Но с политической точки зрения ничто не может быть лучше приспособлено к концентрации власти. Люди становятся единым целым, как земля; их занятия одинаковы, их мысли, их стремления. Они гораздо легче поддаются контролю единой воли»²⁷.

Характеризуя быстрый рост российского государства («население России удваивается менее чем за шестьдесят лет»), Фоулк объясняет это «естественным размножением» и «врожденной способностью к колонизации»: «Русская раса представляет собой соединение многих элементов, спаянных и сплавленных воедино, иногда самым насильственным путем... Русская раса обладает способностью поглощать некоторые аборигенные племена... других рас, особенно рас, цивилизация которых ниже ее собственной»²⁸. Процесс поглощения происходит, по Фоулку, так: «первыми на сцену выходят купец и казак; за ними идет поп с его суеверием и поклонением образам, а замыкают водка и чиновники с их шлейфом русских особенностей, и все они умудряются очень скоро, с учетом местных обстоятельств, снискать себе благосклонность туземцев»²⁹.

²⁴ Foulke 1887: 64.

²⁵ Ibid: 74.

²⁶ Ibid: 72.

²⁷ Ibid: 13.

²⁸ Ibid: 28.

²⁹ Ibid: 29.

Переводя свои рассуждения в политическую плоскость, Фулк пугает читателя тем, что русский народ находится еще в состоянии формирования, поэтому сила русского народа «сегодня меньше, чем его размер или население». «Но это слабость младенчества, а не старости, и она исчезнет с наращиванием мышц при взрослении»³⁰. Развивая тему русской угрозы, Фулк пытается доказать, что «не только обширная территория и постоянно растущее население России делают ее пригодной для той карьеры всеобщего владычества, к которой она стремится, но и характер ее политических институтов, ныне уникальный среди великих держав мира»³¹. Российская империя – военная автократия: «Именно полное и абсолютное единство, которое дает ей самодержавие, именно сила ее военных учреждений угрожает цивилизации»³². Самодержавное правление для русского народа есть высший идеал, а царя он обожествляет, чему способствует русская церковь, служащая самодержавию и всецело подчиненная светской власти. Поэтому, в России «свободы мысли так же мало, как и свободы действия; боязнь духовной кары, пожалуй, имеет большую силу, чем боязнь Сибири или крепостей»³³. Наряду территориальным и демографическим факторами, а также церковью и самодержавной формой правления Фулк указывает еще на два фактора, благоприятствующих сохранению деспотических порядков – это, во-первых, отсутствие больших населенных центров, городов: «нет точки, в которой силы сопротивления могут объединиться», во-вторых, огромная армия, самая многочисленная в мире.

В результате, «в грядущей великой борьбе Англии ...предстоит столкнуться с антагонистом, чья нация есть армия, граждане которой по привычке и по наследственности мышления привыкли подчиняться малейшему желанию центральной власти, способной направить энергию каждого человека в русских владениях на осуществление единственной цели»³⁴. При этом США Фулк отводил роль стороннего наблюдателя: «Мы находимся так далеко от места конфликта, что нам кажется, что его последствия никогда не дойдут до нас. Но если великий Восточный мир, вмещающий почти все население земного шара, будет подчинен железному яруму военного правления, остановится ли оно на этом? Будет ли предел агрессии деспотизма?»³⁵

Что касается будущего самой России, то «нужно не просто уничтожить царя, или свергнуть династию», из России нужно выкорчевать «деспотическое начало, так долго укоренявшееся в мышечной ткани ее политического организма»³⁶. Грядущее политическое обновление Рос-

³⁰ Ibid: 31.

³¹ Ibid: 36.

³² Ibid.

³³ Ibid: 37.

³⁴ Ibid: 40.

³⁵ Ibid: 145-146.

³⁶ См.: Ibid: 38.

сии – в уничтожении военной автократии: «Надежда грядущих времен заключается в свержении централизованного деспотизма, в установлении гражданской свободы в России и в замене индустриальными методами нынешней военной системы»³⁷.

Большую, если не определяющую, роль в падении самодержавия Фулк отводил революционерам-народникам, «нигилистам», видя в них силу, способную влиять на политическую жизнь страны. В его изображении – это героические личности, готовые жертвовать «жизнью, свободой и репутацией в попытке получить свободу для других, а также для себя»³⁸, такие, как «Ольга Люботович, раздетая и оскорбленная жестоким конвоем солдат»³⁹, – приводит он фантастический по силе воздействия пример, создающий у читателя образ женщины, раздетой солдатами на морозе где-то в Сибири, образ, конечно же, вызывающий сострадание и ненависть у обычного человека... Но, если сестры Люботович, одна из них Ольга (по мужу Джабадари)⁴⁰, действительно существовали, то свидетельств об издевательствах над ней конвойных солдат ни в ее собственных воспоминаниях⁴¹, ни в других источниках – нет.

«Пора умирать русскому самодержавию»⁴², заявляет Фулк. Поэтому в борьбе с последним целесообразно применение любых методов и средств революционерами, в том числе террористических, включая недавнее убийство императора Александра II народовольцами: «уничтожение жизни государя не может быть оправданным ни при каких обстоятельствах, но мы не должны забывать, что это было предпринято только тогда, когда другие средства оказались невозможными»⁴³.

Солидарность американских либералов с русскими нигилистами-борцами за общее «дело конституционной свободы», сочувственное отношение к русским революционерам и оправдание их противоправных действий не могли не подвигнуть Фулка выступить против ратификации Конвенции о взаимной выдаче преступников, заключенной между Россией и США в 1887 г. «Россия..., – заявлял он, – желает не наших владений, не наступательного или оборонительного союза, который был бы для нее совершенно бесполезен, а нашей моральной и законодательной поддержки для увековечения ее деспотизма. Она требует от нас договора, по которому американский народ должен выдать как

³⁷ Ibid: 10.

³⁸ Ibid: 145.

³⁹ См.: Ibid: 147.

⁴⁰ Люботович Ольга Спиридоновна (1853–1917), дворянка, русская революционерка, народница, студентка Цюрихского университета, в 1875 г. была арестована и по процессу 50-ти приговорена к каторге, замененной ссылкой в Ялуторовск; оттуда бежала в 1878 г., вступила в организацию «Земля и Воля», а после ее раскола (1879) вошла в Исполнительный комитет «Народной воли»; с ноября 1878 г. по июнь 1881 г. была за границей, вновь арестована в октябре 1881 г. и сослана в Тобольскую губернию, где находилась до 1888 г.; затем отошла от общественной деятельности.

⁴¹ См.: Люботович 1930.

⁴² Foulke 1887: 134.

⁴³ Ibid: 145.

скрывающихся от правосудия всех врагов царя». Фоулк с возмущением продолжал: «Результатом нашего молчаливого согласия будет не столько большая личная безопасность государя, сколько моральная санкция, которую наша поддержка даст сохранению безжалостного рабства, в котором он держит свои сотни миллионов подданных. Народ Америки превратился в охотников за рабами Московии! Какой оплот самодержавной власти!»⁴⁴. В подобном мнении Фоулк был не одинок, большая часть американцев считала неприемлемым дать возможность русскому царю преследовать политических беженцев на территории США. Книга Фоулка, осуждающая деспотизм «Московии», его борьба против вышеупомянутой конвенции оказали большое влияние на создание негативного образа России в глазах американского общества. Позиция, обозначенная в книге «Славянин или сакс...», была принципиальной для Фоулка. В самом конце этой книги он патетически провозгласил свое кредо: «Дело свободы – это наше дело, где бы оно ни появилось в мире. Ее друзья – наши друзья, ее враги – наши враги»⁴⁵. Неслучайно именно его в 1903 г. избрали президентом восстановленного американского Общества друзей русской свободы, которое поддерживало русских революционеров и либералов в их борьбе против самодержавия.

В число создателей американского Общества друзей русской свободы входил Джордж Кеннан (1845–1924) – американский журналист, путешественник, писатель, автор книг о Сибири и сибирской ссылке. Кеннан получил известность как самый влиятельный в свое время американский комментатор жизни в России⁴⁶. Совершив в 1865–1868 гг. первую поездку в Российскую империю в составе русско-американской экспедиции для прокладки телеграфной линии, Кеннан вернулся в США русофилом. В то время отношения между США и Россией были дружественными, и Кеннан, под впечатлением русского гостеприимства, приема, который его группе был оказан в Сибири и на Камчатке, написал книгу «Tent life in Siberia, and adventures among the Koraks and other tribes in Kamtchatka and Northern Asia» («Кочевая жизнь в Сибири и приключения среди коряков и других племен на Камчатке и в Северной Азии») ⁴⁷ и стал читать лекции под названием «Азиатская Россия»⁴⁸.

В 1885 г. Кеннан снова поехал в Россию, чтобы подготовить серию статей для журнала «The Century Illustrated Monthly Magazine» и оспорить негативные мнения о Российской империи, которые появились в американском обществе. Проехав по местам ссылки, пообщавшись с политическими заключенными на сибирских рудниках, Кеннан кардинально изменил свое отношение к России. Он начал активно критиковать деспотизм и выступать против царского режима. В 1891 г.

⁴⁴ Ibid: 146-147.

⁴⁵ Ibid: 148.

⁴⁶ О Кеннана см.: Спартак 2021:64 и сл.

⁴⁷ См.: Kennan 1870.

⁴⁸ См.: Меламед 1981: 17.

увидел свет его основной труд «Siberia and the Exile System» («Сибирь и ссылка»), в двух томах которого Кеннан обнажил суровые реалии русской тюремной жизни и т.н. «самодержавной тирании». В этой книге и своих публицистических статьях Кеннан выступил с поддержкой российских революционеров: «ни во что не верящие, желающие разрушить все государственное устройство» нигилисты под его пером становились «образованными интеллектуалами, которые всем сердцем переживают за свой народ и отчизну»⁴⁹. Кеннан представлял их мучениками, готовыми отдать свою жизнь за будущее страны и народа.

Как и Фоулк, не одобрявший террористические методы борьбы с царским правительством, Кеннан полагал, что они являются единственно возможным ответом на произвол и деспотизм режима: «Изначально большинство российских террористов были простыми умеренными либералами или, в крайнем случае, мирными социалистическими пропагандистами. И в результате жестокой и несправедливой политики российского правительства они постепенно превращались сначала в революционеров, а затем в террористов. Я не могу сказать ни слова в защиту их преступлений. Я не верю в такие революционные методы, как убийство, но я могу в полной мере понять, каким образом, по существу добрый и благородный русский человек, становится террористом, не имея никаких мирных или законных способов воздействия на действующую власть»⁵⁰. Как и Фоулк, Кеннан идеализировал образ русских революционеров-народников, сравнивал их с американскими борцами за освобождение рабов⁵¹. Так, в статье «The Last Appeal of the Russian Liberals» («Последний призыв российских либералов») Кеннан изображает участников народнического движения в романтическом ореоле: «Сотни интеллигентных и утонченных девиц, с той исключительной способностью к самопожертвованию, которая присуща русскому характеру, бросили свой дом и семью, облачились в грубые крестьянские платья, ушли в самые отдаленные, самые одинокие и мрачные деревни империи, и в качестве школьных учителей, повивальных бабок или медсестер, разделяли тяжелую, прозаическую жизнь простых людей, трудились с ними, страдали с ними и несли их тяготы только для того, чтобы узнать, как им лучше всего помочь», и проводит исторические аналогии с США: «Нечто подобное имело место и в нашей стране вскоре после окончания гражданской войны, когда образованные и аристократичные женщины из штатов Новой Англии отправились на юг преподавать в негритянских школах, но движение в Соединенных Штатах так и не стало таким массовым, каким оно было в России, и никогда не отличалось тем безрассудным, героическим самопожертвованием, которое освещает так много темных страниц русской истории»⁵².

⁴⁹ Kennan 1891: 453–454.

⁵⁰ Kennan 1891: 455.

⁵¹ См.: Ibid.: 437–439.

⁵² Kennan <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39076000391974;view=1up;seq=7>

Рассуждениями о том, что нигилистом-революционером могли назвать почти каждого, кто был заподозрен в оппозиционных взглядах, «от террористов, которые метали бомбы в высокопоставленных чиновников, до мирного и законопослушного гражданина, который пытается добиться справедливости путем подачи петиций в местные органы власти»⁵³, Кеннан создал в американском обществе представление о России как о стране деспотизма и беззакония, где любая попытка граждан проявить политическую активность или инакомыслие, нещадно каралась властями. В статье «The Russian Police» («Русская полиция») Кеннан подверг критике правоохранительные органы Российской империи за беспрецедентное вмешательство в жизнь российского общества: «В мире, вероятно, нет страны, где органы полицейской власти обладают более широкими полномочиями, играют более важную роль в частной жизни граждан, чем в России»⁵⁴. В другой статье он писал, что «когда в России собираются вместе два или три человека, то среди них один обязательно будет полицейским»⁵⁵. В сознание американцев внедрялся негативный образ России – полицейского государства.

По убеждению Кеннана, народ России, изнывающий под гнетом деспотизма, жаждет политического обновления и перемен, поэтому США должны его поддержать: те, «кто разделяет нашу любовь к свободе, но не может ее достичь, и кто ищет в нас сочувствия, ожидая рассвета», просят нашей помощи. Об этом Кеннан писал в статье «A Voice For The People Of Russia» («Голос русского народа»), здесь же он выразил уверенность в изменении политического строя России: «Россия не сможет всегда оставаться деспотическим государством. Рано или поздно власть самодержавия уступит место власти народа; и когда это время придет, я надеюсь, мы сможем сказать свободным гражданам свободной России, что если в трудную минуту мы не оказывали им моральной поддержки, то, по крайней мере, не оказывали ее и их угнетателям»⁵⁶.

Публичные антироссийские выступления Кеннана послужили толчком к распространению в США критического взгляда на политический режим, существовавший в Российской империи. На волне порожденного его выступлениями общественного негодования в отношении российского деспотизма в 1891 г. в Бостоне возникло американское Общество друзей русской свободы, члены которого с 1891 по 1919 гг. участвовали в различных пропагандистских кампаниях, некоторые из этих кампаний оказали заметное влияние на отношение общественного мнения США к России. В марте 1907 г. Кеннан выступил на массовом митинге «В защиту свободы России» проведенном Обществом друзей русской свободы в Карнеги-Холле в Нью-Йорке. В его выступлении в очередной раз прозвучали нападки на царское правительство, которое Кен-

⁵³ Kennan 1891: 454.

⁵⁴ Kennan: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39076000391966;view=1up;seq=9>.

⁵⁵ Kennan: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39076000391941;view=1up;seq=475>.

⁵⁶ Ibid: 472.

нан представил жестоким и кровавым, попирающим естественные права собственности, свободы и жизни, а террористов и других политических заключенных – борцами за демократию и свободу в американском их варианте. Позже отредактированное автором выступление было опубликовано в нью-йоркском еженедельном журнале «Перспективы» под заголовком «Русский деспотизм»⁵⁷.

Большая часть выступления Кеннана была посвящена тому, с каким сочувствием и восхищением относятся русские революционеры к США. В этой связи он эмоционально живописует «один жалкий случай в истории русского революционного движения» – празднование тремястами политическими преступниками, содержавшимися в Доме предварительного заключения в Санкт-Петербурге, Дня Независимости США – столетнего юбилея создания независимого государства Соединённые Штаты Америки 4 июля 1776 г.: «утром 4 июля 1876 года, за несколько часов до того, как первая дневная пушка возвестила о начале великого национального праздника в Филадельфии, сотни маленьких, грубых американских флагов или полосок красной, белой и синей ткани развевались на зарешеченных окнах по всему четырехугольнику большой Санкт-Петербургской тюрьмы, а заключенные тихонько кричали «ура», распевали патриотические песни или обменивались приветствиями друг с другом через железные трубы, соединявшие их камеры... Поздним вечером, в заранее условленный час, политзаключенные зажгли свои салвные свечи и поставили их на окна, и празднование закончилось слабым, но ощутимым освещением большого тюремного двора»⁵⁸. Событие это, с духовной точки зрения, как считает Кеннан, является экстраординарным и впечатляющим: «то небольшое, что они могли сделать, чтобы показать свою преданность делу свободы и свое сочувствие свободолюбивому народу в столетнюю годовщину освобождения этого народа, то небольшое, они сделали отважно; и дух, которым они были воодушевлены, преобразил их жалкое празднество с его трехцветными тряпками и жалкими огарками свечи и сделал его бесконечно более значимым в мировой истории, чем вся пышность и церемония, сопровождающие коронацию царя... такие люди заслуживают нашего сочувствия, жалости и помощи»⁵⁹.

В конце XIX – начале XX в. отношение американцев к России как дружественной, союзнической державе, характерное для 1860-х гг., эволюционировало в представление о ней как об отсталой, варварской империи, чуждой всему современному и прогрессивному. В таком качестве Россия стала ключевым объектом для критики и реализации цивилизаторской миссии США. Особенность американской русофобии этого периода по сравнению, например, с французской или германской, заключалась в том, что американские активисты в своих антируссий-

⁵⁷ Kennan G. Russian Despotism // The Outlook. 1907. March 30. Pp. 751–755.

⁵⁸ Ibid. P. 754.

⁵⁹ Ibid. P. 755.

ских выступлениях акцент делали не только и не столько на геополитических или цивилизационных аспектах: российской угрозе Америке или же на «варварстве» русского народа, а на аспектах политических и экономических: деспотизме кровавой царской власти и фанатизме ортодоксальной церкви, которые эксплуатируют и грабят миллионы российских граждан, которых и нужно освободить, попутно освоив огромные территории, богатые полезными ископаемыми, которые пока никто не разрабатывает. Борцами, за эмансипацию угнетенного русского народа, за демократию в России в американском общественном мнении, сформированном этими активистами, стали русские политические радикалы – нигилисты, народники, террористы, которые получили в США не только моральную, но и материальную поддержку.

«Миссионерское» мышление, основанное на ощущении превосходства и уникальности американской нации, а также предполагающее «естественное» право США продвигать идеалы американской демократии в отсталых странах в риторике лидеров общественного мнения США закономерно переросло в «крестовый поход за свободную Россию». В арсенале сторонников «крестового похода» использовались меры пропагандистского, идеологического и морального давления на Россию, прямого покровительства русской оппозиции. Политическое обеспечение «крестового похода» включало призывы к вмешательству во внутренние дела России, ее наказанию за несоответствие американским ожиданиям, использование двойных стандартов при оценке ситуации в Российской империи, ее действий внутри страны и на международной арене. Фактически, в конце XIX – начале XX вв. были апробированы многие современные средства воздействия США на Россию.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Гуторов В.А., Шириняц А.А. «Русофобия»: слово и смыслы // Тетради по консерватизму. 2023. №1. С.59-65. [Gutorov V.A. "Rusofobiya": slovo i smysly // Tetradi po konservativizmu. 2023. №1. S. 59-65.]
- Карабущенко П.Л. Русофобия: история одной химеры. М.: ИНФРА-М, 2021. [Karabushchenko P.L. Rusofobiya: istoriya odnoy khimery: monografiya. M.: INFRA-M, 2021].
- «Конвенция о взаимной выдаче преступников, заключенная между Россией и Соединенными Штатами Северной Америки...» // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Двухсторонние договоры. [«Konventsiya o vzaimnoy vydache prestupnikov, zaklyuchennaya mezhdru Rossiiyeu i Soyedinen-nymi Shtatami Severnoy Ameriki...» // Ministerstvo inostrannykh del Rossiyskoy Federatsii. Dvukhstoronniye dogovory. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/57519]
- Любатович О. Далекое и недавнее. М.: Изд-во Всесоюзного о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1930. 144, [2] с. [Lyubotovich O. Dalekoye i nedavneye. M.: Izd-vo Vsesoyuznogo o-va politkatorzhan i ssyl'noposelentsev, 1930. 144, [2] s.]
- Меламед Е.И. Джордж Кеннан против царизма: «Сибирь и ссылка» Дж. Кеннана. М.: Книга, 1981. 125, [2] с. [Melamed Ye.I. Dzhordzh Kennan protiv tsarizma: «Sibir' i ssylka» Dzh. Kennana. M.: Kniga, 1981. 125, [2] s.]
- Спартак С.А. Исторические корни политического образа России в США. М.: Проспект, 2021. 192 с. [Spartak S.A. Istoricheskiye korni politicheskogo obraza Rossii v SSHA. M.: Prospekt, 2021. 192 s.]

- Фоглесонг Д. Истоки первого американского крестового похода за «Свободную Россию»: торжество «миссионерского» мышления над русофилией, 1885–1905 гг. // Россия XXI. 2002. №5. С. 100–133. [Foglesong D. Istoki pervogo amerikanskogo krestovogo pokhoda za «Svobodnyuyu Rossiyu»: torzhestvo «missionerskogo» myshleniya nad rusofiliye, 1885–1905 gg. // Rossiya XXI. 2002. №5. S. 100–133.]
- Чаадаев П.Я. Философические письма. Письмо первое // Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века. Хрестоматия. М., 2011. [Chaadayev P.Ya. Filosoficheskiye pis'ma. Pis'mo pervoye // Russkaya sotsial'no-politicheskaya mysl'. Pervaya polovina XIX veka. Khrestomatiya. M., 2011.]
- Ширинянц А.А. Порыв к будущей России: А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, Д.И. Писарев (библиографический очерк) // Русская философская мысль: на Руси, в России и за рубежом: Сборник научных статей, посвященный 70-летию кафедры русской философии / Под общ. ред. В.А. Кувакина и М.А. Маслина, сост. М.А. Маслин. М.: Изд-во Московского университета. 2013. С. 295–315. [Shirinyants A.A. Poryv k budushchey Rossii: A.I. Gertsen, N.G. Chernyshevskiy, D.I. Pisarev (bibliograficheskiy очерк) // Russkaya filosofskaya mysl': na Rusi, v Rossii i za rube-zhom: Sbornik nauchnykh statey, posvyashchenny 70-letiyu kafedry russkoy filosofii / Pod obshch. red. V.A. Kuvakina i M.A. Maslina, sostavitel' M.A. Maslin. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta. 2013. S. 295–315.]
- Bad for the Czar Killers: A New Treaty Proposed Between the United States and Russia // The New York Times. Editorial. March 27, 1887. P. 4. URL: <https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1887/03/27/100903568.pdf>
- Buel J.W. Russian Nihilism and Exile Life in Siberia: A Graphic and Chronological History of Russia's Bloody Nemesis and a Description of Exile in All Its True but Horrifying Phases, being the results of a tour through Russia and Siberia made by the author, who carried with him letters of commendation from both the American and Russian Governments. San Francisco, Cal.: A. L. Bancroft & Company, 1883. 547 p.
- Davidson B.M. A Royal Welcome For The Russian Navy // *American Heritage* June 1960. Volume 11, Issue 4. URL: <https://www.americanheritage.com/royal-welcome-russian-navy>.
- Doctor R. M., Kahn A.P., Adamec C.A. The Encyclopedia of Phobias, Fears, and Anxieties. 3rd. ed. New York. Facts on file, 2008. 572 p.
- Foglesong D. The American Mission and the «Evil Empire»: The Crusade for a «Free Russia» since 1881. Cambridge University Press, 2007. 352 p.
- Foulke Wm.D. Slav or Saxon. A study of the growth and tendencies of Russian civilization. New York: G.P. Putnam's Sons, 1887. 148 p.
- Kennan G. A Voice For The People Of Russia // The Century Magazine. July, 1893. No. 3. May 1893, to October 1893. N.Y.: The Century C°. Vol. XLVI. P. 470. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39076000391941;view=1up;seq=475>
- Kennan G. Russian Despotism // The Outlook. 1907. March 30. Pp. 751–755.
- Kennan G. Tent Life in Siberia and Adventures among the Koraks and Other Tribes in Kamchatka and Northern Asia. N.- Y.: G.P. Putnam and Sons, 1870. 425 p.
- Kennan G. The Last Appeal of the Russian Liberals // The Century Illustrated Monthly Magazine. November 1887, to April 1888. New York: The Century C°. Vol. XXXV. P. 53. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39076000391974;view=1up;seq=7>
- Kennan G. The Russian Police // The Century Illustrated Monthly Magazine. November 1888, to April 1889. The Century C°, New York. Vol. XXXVII. P. 890–899. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39076000391966;view=1up;seq=9>
- Kennan G. Siberia and the Exile System. In 2 Vols. Vol. 2. New York: The Century C°, 1891. 575 p. Pp.453–454.

Кургинова Дарья Юрьевна, студент факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова; kukurg@rambler.ru

Мырикова Анна Валериевна, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова; an_tyu@mail.ru

Ширинянц Александр Андреевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова; jants@yandex.ru

From Love to Hate... to the genealogy of American Russophobia

In the late 19th – early 20th cc., the attitude of Americans towards Russia as a friendly, allied power, especially characteristic of the 1860s, evolved into a view of it as a backward, barbarian empire, alien to everything modern and progressive. In this capacity, Russia has become a key target for criticism and implementation of the US civilizing mission. On the materials of the works of J.W. Buel, W.D. Foulke and G. Kennan, the features of American Russophobia of this period are shown, which consisted in the fact that American activists in their anti-Russian speeches focused not only and not so much on geopolitical or civilizational aspects: the Russian threat to America or the “barbarism” of the Russian people, but on political and economic aspects: the despotism of the bloody tsarist government and the fanaticism of the orthodox church, which exploit and rob millions of Russian citizens, who need to be released, along the way having mastered vast territories rich in minerals, which so far no one is developing. The fighters for the emancipation of the oppressed Russian people, for democracy in Russia in American public opinion, formed by these activists, were Russian political radicals - nihilists, populists, terrorists, who received in the United States not only moral, but also material support. The “crusade for a free Russia” organized in the United States assumed measures of propaganda, ideological and moral pressure on Russia, direct patronage of the Russian opposition, and its political support included calls for interference in the internal affairs of Russia, its punishment for not meeting American expectations, the use of double standards in assessing the situation in the Russian Empire, its actions within the country and in the international arena. In fact, in the late XIX – early XX cc. many modern means of US influence on Russia were tested.

Key words: USA and the Russian Empire in the late 19th – early 20th centuries, American Russophobia, “crusade for a free Russia”, J.W. Bull, W.D. Foulke, G. Kennan.

Daria Yu. Kurginova, student, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, kukurg@rambler.ru

Anna V. Myrikova, PhD (Political Science), Associate Professor, Associate Professor, Department of the History of Socio-Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, an_my@mail.ru

Alexander A. Shirinyants, Dr.Sc (Political Science), Professor, Head of Department of the History of Socio-Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, jants@yandex.ru

ОБРАЗЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ КАТАСТРОФЫ В СВИДЕТЕЛЬСТВАХ ОЧЕВИДЦЕВ (на примере отражения событий геноцида армян 1915 г.)¹

Статья предлагает к рассмотрению проблему роли отдельных источников личного происхождения в формировании представлений об исторической катастрофе и событиях ее маркирующих. По мнению автора, отдельные нарративы могут рассматриваться как средство конструирования исторической травмы и виктимизации исторического прошлого. Обращение к опыту осмысления событий геноцида армян 1915 г. показало целесообразность изучения с позиций интеллектуальной истории текстов свидетелей и очевидцев событий, но не только самих жертв. В исследовании были использованы тексты Г. Моргентгау, Г. Фирбюхера и Р. де Ногалеса. Все три исторических фигуранта были иностранцами, которые по долгу службы оказались в Османской империи в период I мировой войны. Именно эти три текста вошли в арсенал документов виктимизации и криминализации армяно-турецких отношений. Репрезентация исторической катастрофы в данных нарративах имеет черты как типичности, так и уникальности. Общим местом стало определение ответственности, отличительной особенностью – разная степень вины, возлагаемая на младотурок и немецкие власти. Одним из средств виктимизации является ориентализм, который предполагает оценку событий не только как политическую и гуманитарную катастрофу, но и культурный конфликт.

Ключевые слова: историческая память, историческая катастрофа, историческая травма, геноцид 1915 г., Г. Моргентгау, Г. Фирбюхер, Р. де Ногалес.

Память о центральных событиях прошлого влияет на формирование идентичности разного уровня: от локального до национального. Исследование памяти о катастрофах XX в. актуализировано процессами конструирования коллективной идентичности в поздние после травмирующих событий периоды. В научном плане интерес к проблеме памяти и исторических травм стал результатом мемориального поворота в исторической науке и расширения предметного поля «новой культурной истории». Затем история памяти завоевала право существовать как самостоятельное междисциплинарное направление². Глобализирующиеся исторические катастрофы маркируют весь XX век. Первая мировая война вылилась в ряд кризисов и трагедий не только на фронтах, крах империй сопровождался эскалацией насилия внутри обществ.

Массовые убийства армянского населения в Османской империи в 1915 г. легли в основу большого количества исследований, которые часто апеллируют к воспоминаниям свидетелей как о самой трагедии, так и о процессах ей предшествующих. Проблема имеет как научное, так и политическое звучание, в том числе многими оспаривается термин «геноцид» и возможность его применения к указанным событиям.

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Армянский вопрос в международных отношениях (1895–1923 гг.)» (20-59-05002 Арм_а).

² Репина 2012: 3–37.

Для армянской культуры и истории геноцид является исторической травмой, а также объединяющим и идентификационным признаком, консолидирующим в том числе и диаспоры, которые во многом и сформировались благодаря им. Историзация же явилась культурной стратегией преодоления травмирующего опыта и придания ему интегрирующего нацию начала. Данный процесс приводит в итоге к формированию памяти о критическом событии с каноническим наполнением. В этом отношении целесообразным представляется исследование исторических перекрестков и переломных периодов истории³. Исторические переходы всегда болезненны и в XX в. они принимают все более глобальный характер, чему подтверждение мировые войны со всеми вытекающими из них последствиями.

Понимание геноцида 1915 г. как маркера исторической памяти и травмы требует обращения к текстам, создававшимся по свежим следам трагедии ее очевидцами, участниками и современниками. Любопытно, что одним из специалистов по геноциду как исторической травме армян стала психолог Памела Штейнер, правнучка Генри Моргентгау – посла США в Османской империи в 1913–1916 гг., написавшего впоследствии книгу «Трагедия армянского народа. История посла Моргентгау», в которой он осудил действия младотурок. В 2021 г. Штейнер опубликовала монографию «Коллективная травма и геноцид армян: армяно-турецко-азербайджанские отношения с 1839 г.». Через междисциплинарное изучение исторического опыта геноцида армян и исторической травмы она пытается найти пути примирения между армянской и турецкой общинами. Сами же воспоминания Моргентгау были изданы впервые в 1918 г. в Нью-Йорке под названием «История посла Моргентгау» (*Ambassador Morgenthau's Story*), что свидетельствует о стремлении автора осмыслить текущие события более широкого контекста, в котором армянский вопрос был лишь одной из составляющих.

Изучая опыт травматизации, исследователи обращаются к воспоминаниям выживших и их потомков⁴. Имеются и исследования о том, как 1915 год представлен в исторической памяти курдского и турецкого населения⁵. Однако важно попытаться посмотреть на события не только глазами переживших или переживающих травму, но сторонних свидетелей или косвенных участников происходящего. Осмысление травмы геноцида 1915 г. было начато фактически сразу непосредственно после трагических событий, и большое значение имеют нарративы именно условно (вовлеченность и заинтересованность в той или иной степени присутствовали) сторонних свидетелей, которые попытались осмыслить увиденное в более широких событийных, исторических и политических контекстах. Историками в научный оборот введен огромный пласт ис-

³ Там же: 18–20.

⁴ Svazilian 2005, *The Armenian genocide: testimonies of the eyewitness survivors* 2011, Miller, Miller 1991.

⁵ Uğur Ümit Üngör 2015, Çelik 2020.

точников, среди которых особое место занимают свидетельства очевидцев, в т.ч. сторонних иностранных наблюдателей, которые по разным причинам находились в тот момент в Турции. Многие из этих свидетельств используются исследователями как доказательная база того, что все-таки гибель армянского населения Османской империи – это результат геноцида. В частности, упомянутый выше дипломат Г. Моргентау напрямую указывает, что речь идет об уничтожении нации, озаглавив таким образом одну из глав⁶.

Данная статья не ставит задачей реконструировать события, речь идет скорее об особенностях восприятия их извне и фиксации в конкретных текстах. Опыт близкого наблюдения, при этом позиция относительного стороннего свидетеля, в совокупности дают возможность реконструкции исторической катастрофы на материалах наименее вовлеченного в события участника. Если обратиться к терминологии российского психолога В.В. Нурковой, то относительно исторического события субъект занимает психологические позиции Участника, Очевидца, Современника и Наследника. Очевидец не включен в событие, но совпадает с ним во времени и пространстве, поэтому убежден в истинности своего опыта и стремится приблизить свою позицию к переживаниям Участника⁷. Историческая катастрофа, вынесенная в заголовок статьи подразумевает не только геноцид 1915 г., но в целом – пересечение в одной точке (речь идет о нескольких годах) таких событий как мировая война, революция в России, революция в Германии, распад Османской империи, который был в разгаре, хотя фактически завершился несколько позже. Разные измерения и наслоения исторического контекста делают фигуру автора многомерной, когда он в своем тексте на разных участках может занимать различные психологические позиции. Так, Моргентау в той части, где описывает детали своей дипломатической и политической работы, является Участником и Очевидцем, а там, где сводит смысл нарратива к его личной, нейтральной для исторического контекста, жизни – Современником. Относительно же событий геноцида 1915 г. он является Очевидцем. Не будучи включенным в события и не созерцая лично, но пребывая в стране в момент их протекания, он уделил им пристальное внимание, а не сместил на периферию текста.

Уже к середине XX в. историки пришли к выводу о том, что исторический факт – не часть исторической реальности, а скорее результат труда историка и продукт его мысли⁸. По словам М.М. Крома помещение Х. Уайтом исторического факта в контекст языка и дискурса в соответствии с веяниями постмодернизма привело к утрате фактом остатков былой «объективности»⁹. Данная эпистемологическая революция приводит к релятивистскому пониманию такой категории как «истори-

⁶ Моргентау 2009: 199.

⁷ Нуркова 2009: 9.

⁸ Кром 2018: 6.

⁹ Там же: 9.

ческая правда». С другой стороны, расширяются возможности для изучения не самого события, а именно его образа в автобиографической памяти. Субъективность источника личного происхождения перестает быть недостатком, а становится естественным атрибутирующим его свойством и при изучении проблем автобиографической исторической памяти и принципов ее формирования – преимуществом.

Для сравнения выбраны три текста нетурецкого, некурдского и неармянского происхождения, что продиктовано намерением реконструировать образы исторической катастрофы на материалах текстов менее вовлеченных или заинтересованных участников событий, однако для исторической памяти армян они имеют большое значение. Первый из них – посол США в Турции Генри Моргентау, второй фигурант – немецкий переводчик Генри Фирбюхер, третий – венесуэльский авантюрист, ставший случайно офицером турецкой армии, Рафаэль де Ногалес. Их воспоминания известны как специалистам, так и широкому кругу интересующихся историей читателей. И издавались они с расчетом на широкий круг читателей, а не на академическое сообщество. Все три исторических фигуранта и их труды представлены в материалах электронной энциклопедии «Хайзаг», которая посвящена армянской истории и культуре. Кроме того, все три текста составителями энциклопедии квалифицируются как источники, подтверждающие геноцид армянского населения. Однако в ряде случаев их используют как источник для реконструкции фактов геноцида или исследования исторического контекста событий. Примечательно, что, например, Моргентау посредством коммеморативных практик в исторической памяти армян занимает заметное место. В 2015 г., к 100-летию геноцида, была издана почтовая марка с портретом Моргентау, и с визитом в республику прибыла его правнучка П. Штейнер. При этом сам феномен автобиографической памяти авторов историки пока оставляют в стороне.

Использование данной группы источников становится необходимым и в свете развития методологии изучения памяти. Немецкий историк С. Конрад полагает, что производство памяти – это результат действия различных акторов. Образы прошлого не являются только политическим заказом, они представляют собой сложную систему социальных и культурных связей, в который погружено общество¹⁰. Поэтому можно утверждать, что выбранные нарративы являются не только частью дискурса исторической памяти, но и ее виктимизации и криминализации, т.е. взгляда на историю, как цепь преступлений. Считается, что парадигма такого отношения к прошлому сформировалась вокруг Холокоста, однако и геноцид 1915 г. тоже стал таким сюжетом, который предполагает фиксацию на трагическом опыте.

Г. Моргентау родился в Германии в еврейской семье, которая после разорения её главы эмигрировала в 1866 г. в США. Здесь он окончил

---

¹⁰ Аникин 2020: 11.

Колумбийский университет и стал активным членом Демократической партии. Согласно свидетельству его правнучки, П. Штейнер, над предложением президента Вильсона о должности посла в Османской империи Моргентау думал несколько месяцев¹¹. Выбор его кандидатуры был неслучаен, большое значение имело еврейское происхождение. Близость Святой Земли рассматривалась как основание для того, чтобы считать посольство в Константинополе «еврейским постом». Как и многие другие его современники, приход к власти младотурок в 1908 г. Моргентау воспринял с энтузиазмом, так как сообщалось об установлении конституционной формы правления и демократизации турецкого государства, что соответствовало американскому пониманию прогресса¹². По прибытии на должность в Константинополь он застал ситуацию противоположную его ожиданиям. Империя находилась в наихудшем своем состоянии, так как уже утратила все европейские владения, в том числе Боснию и Герцеговину, аннексированные Австрией.

Попытки восстановить турецкое государство провалились. Моргентау полагает, что причиной тому были два обстоятельства. Во-первых, народы, которые угнетались в Османской империи продолжительное время, не могли в мгновение ока забыть этот опыт, а во-вторых, разрушительные войны и утрата территорий подорвали престиж новой демократии. Безусловно, оценки политической жизни и правление младотурок включались в западный ориенталистский дискурс: «...не совсем корректно сравнивать коррупцию в наших американских партиях с ситуацией, присущей турецкой партии Талаата, Энвера и Джемала – «Единение и прогресс». Здесь мы встречаемся с отсутствующей в американской политике практикой убийства политических и общественных деятелей, а также с практикой судебных убийств»¹³. Правильность политических процессов и эффективность власти мерилась меркой американского государства и даже цивилизации. Даже бытовые детали сверялись с собственными привычными представлениями. Так, дом одного из лидеров младотурок, Талаат Паши, он описывал с одобрением, так как своей простотой он напоминал недорогую квартиру в Нью-Йорке, равно как с осуждением был отмечен золотой свадебный трон в доме Энвера¹⁴.

Как потом оказалось, простота дома Талаата была показной, «как и многие американские политики, он нашел себя в роли человека из народа»¹⁵. Талаат Паша подкупал Моргентау европейскими манерами и умением вести беседу на французском¹⁶, но с началом войны перед нами предстает совершенно иной образ турецкого политика: он уже не по-европейски одетый Талаат с лоском европейских манер, а «настоящий

¹¹ Steiner 2015: 206

¹² Моргентау 2009: 9.

¹³ Там же: 11.

¹⁴ Там же: 77.

¹⁵ Там же: 93.

¹⁶ Там же: 16.

болгарский цыган» в турецкой феске¹⁷. Джемаль Пашу Моргентая описал как жестокого и безжалостного лидера младотурок. Этот деятель, сильно отличался от Талаата и Энвера своим радикальным пантюркизмом и ярко выраженной неприязнью не только к арабам, грекам, армянам, черкесам, евреям, но и к немцам, в присутствии которых демонстративно говорил на турецком языке.

Ориенталистский подход к Турции, в целом, неизбежен в силу глубоких культурных расхождений между страной пребывания и американским дипломатом. Автор термина «ориентализм» Э. Саид полагал, что американцам он присущ в меньшей степени, и то исключительно в отношении Дальнего Востока. При этом, если исходить из одного из определений термина, данного самим же Саидом, то ориентализм – это стиль мышления, основанный на онтологическом и эпистемологическом различии между «Востоком» и (чаще всего) «Западом»¹⁸. С этой позиции подход Моргентая соответствует ориенталистскому, предполагающему определенное доминирование над Востоком. Однако ориентализм Моргентая отличается некоторой гетерогенностью, критичность и негативные оценки усиливаются по мере эскалации событий I мировой войны. После провала Дарданелльской операции весной 1915 г., когда Антанте не удалось захватить пролив, по наблюдениям Моргентая, поведение ликующих турок резко изменилось, и он увидел их в новом свете: «Я стал свидетелем воистину феноменальной трансформации национальной психологии – ее возврату к исходному типу. Косматый, неряшливый турок XX столетия начал стремительно исчезать. На его место пришел турок XIV–XV веков, турок, возникший на бескрайних азиатских просторах и победно шедший по Европе, Азии и Африке, покоряя все народы, находившиеся на своем пути, создавший одну из самых обширных империй из известных миру»¹⁹. Более того, он подчеркнул, что как бы турки не презирали христиан, они должны понимать, что все лучшее было создано европейцами и американцами²⁰.

Триумvirат Талаат Паши, Кемаль Паши и Энвер Паши стал частью дипломатического, а иногда и частного, круга общения посла. Позиция Моргентая отражала еще неустойчивую и неокрепшую внешнюю политику США, он старался быть нейтральным (он успел уйти в отставку еще до вступления своей страны в мировую войну), и именно поэтому был хорошо информирован о настроениях власти: встречи с лидерами младотурок помогли составить представление об их понимании положения не только армян, но и других христианских меньшинств²¹.

Несмотря на название, армянскому вопросу посвящена лишь часть книги. Значительную часть воспоминаний Г. Моргентая определила его

¹⁷ Там же: 93.

¹⁸ Саид 2006: 7.

¹⁹ Моргентая 2009: 183.

²⁰ Там же: 186.

²¹ Там же: 207.

дипломатическая служба, по роду которой он воссоздавал весь политический контекст, предшествовавший трагическим событиям 1915 г. Большое влияние на систематизацию и схематизацию воспоминаний оказывает «культурный жизненный сценарий», под которым В.В. Нуркова понимает разделяемое большинством членов определенной культурной общности представление о типичном содержании жизненных событий. Все то, что человек усваивает через сказки, искусство, СМИ, становится средством организации структуры. Так как культурные жизненные сценарии присваиваются человеком по мере социализации, с их помощью осуществляется и отбор автобиографической информации, расставляются приоритеты при ее извлечении²². Будучи дипломатом и политиком, Моргентау своей книгой решил представить американцам и американским властям доказательство гегемонистских устремлений Германии, и можно предположить, что это было своего рода оправданием вступления США в I Мировую войну.

Момент написания воспоминаний совпал с расширением немецкого влияния, в т.ч. в пределах Российской империи, когда Балтийское и Черное моря фактически превратились в «немецкие озера»: «Когда я представляю себе карту, демонстрирующую все военные и дипломатические успехи Германии, моя работа в Константинополе обретает иной смысл»²³. Наблюдая немецкую агрессию, он подчеркивал, что это – не та Германия, не страна его детства. И большую ответственность за расправу над армянским населением, он возлагал именно на Германию. Ссылка турецкими властями неугодного пангерманским устремлениям населения (армян и греков) – метод не турецкий, а немецкий, а Талаат с соратниками расценивались как инструменты этой политики²⁴.

О Германии Моргентау писал крайне тенденциозно, так как, кроме фактора шедшей тогда войны, влияние оказывал личный опыт. В одной из бесед с немецкими представителями, которые апеллировали к его прошлому в Германии, он подчеркнул, что его семья там была несчастна и поэтому переехала в США. Германские дипломаты и военные прощупывали почву и хотели найти хотя бы малейшую зацепку для формирования пронемецкого лобби в Америке. Моргентау подчеркнуто указывал на абсолютную преданность американскому государству всех эмигрантов их Германии. Немецкая агрессивная политика в нарративе воспоминания персонализирована, ее воплощением стал посол в Константинополе Г. фон Вангенхайм и особенно Лиман фон Сандерс, который фактически возглавил немецкую миссию в Османской империи. Влиятельным представителем пангерманизма был и глава газеты «Франкфуртер цайтунг» в Турции Пауль Вайц. Все эти люди представлены как главная сила в несамостоятельной турецкой политике.

---

²² Нуркова 2008: 20.

²³ Моргентау 2009: 4.

²⁴ Там же: 34.

Территории в Малой Азии, где проживало армянское население, фактически образуют самостоятельный хронотоп, конструируемый автором внутри текста осознанно. Армянский вопрос в условиях мировой войны был слабым местом не только турецкой, но и германской политики. В 1918 г., когда вышла книга, именно он был максимально репрезентативен как доказательство правоты Антанты, агрессии Германии, слабости и отсталости Турции. Россия упоминается между прочим и только в связи с тем, что одной из причин расправы с армянами было их сотрудничество с ней. В беседе с султаном накануне отъезда Моргентау в Америку произошел курьезный случай. Султан объяснил участие Турции в войне тем, что на нее напала Россия, хотя это не соответствовало действительности. Американский посол, зная политическую жизнь Порты, допустил, что скорее всего, о реальных событиях этот «бесхитрый пожилой человек» действительно не догадывался²⁵.

Моргентау наделял турок скорее жестокостью, чем политической изобретательностью, а вот настоящим злым гением были немцы: «Существует одна черта в армянских делах, которая стала новой, – и она была совсем не турецкой. В течение веков отношение турок к своим армянам и другим подчиненным народам было варварским. Их методы всегда были жестокими, грубыми и ненаучными. Они выбивали мозги армян дубинкой – это неприятное сравнение является самой точной иллюстрацией примитивных методов, которыми решалась армянская проблема. Турки понимали толк в убийстве, но в их исполнении убийство не было искусством. События 1915–1916 годов продемонстрировали появление новых черт. Речь идет о концепции депортации»²⁶. Идею депортации он называл исконно немецкой, как своего рода часть плана пангерманизма.

Возлагаемая Г. Моргентау на немцев вина за геноцид 1915 г. нуждается в детализации. В ближайшем окружении Лимана фон Сандерса в Константинополе оказался переводчик Генрих Фирбюхер. В период Веймарской республики он стал один из активистов пацифистского движения, которое играло заметную роль в политической жизни Германии 1920-х – начала 1930-х гг.²⁷ В 1930 г. Фирбюхер издал книгу «Армения, 1915. Что скрыло кайзеровское правительство от немецких подданных. Уничтожение Турцией культурного народа». В 1933 г. Геббельс отправил ее в «черный список», большинство экземпляров было конфисковано и уничтожено²⁸. Переиздание труда в ФРГ случилось только в 1980-е гг.

Для создания данного нарратива имеет принципиальное значение контекст развития пацифистского движения в Германии, к которому Фирбюхер принадлежал. Мировая война стала проверкой на прочность

---

²⁵ Там же: 253.

²⁶ Там же: 235.

²⁷ Илюхина 1988: 57–177.

²⁸ Фирбюхер 1991: 12.

для всей западной цивилизации, многими она была воспринята как приговор Европе. Причиной войны, помимо общеизвестных является борьба двух моделей развития европейского общества: либерально-демократической и военно-авторитарной. Эта война в корне отличалась от прежних войн как невиданными масштабами, так и своими последствиями, которые принципиально изменили жизнь западного общества²⁹.

В первые годы существования Веймарской республики возникло движение «Нет – новой войне!», и, казалось, в обществе на него существовал запрос. При этом правыми оно рассматривалось как главный виновник тяжелого для страны Версальского договора. Судьба пацифистского движения немцев оказалась сложной, националистические экстремисты развернули против пацифистов террор. Несмотря на это, в декабре 1932 г. удалось основать Всеобщий германский союз мира, объединивший значительную часть местных пацифистских групп. Однако все было сведено на нет с приходом к власти нацистов в 1933 г.³⁰ Представляется, что описание геноцида 1915 г. в тексте играло для Г. Фирбюхера и утилитарную роль, оно было призвано доказать правомерность и целесообразность пацифистского движения. Важной частью данной исторической ситуации, которая повлияла на текст и его эмоциональность, была судьба С. Тейлиряна, застрелившего Талаат Пашу в немецком городе Шарлоттенбурге. Немецкий суд присяжных после двухдневного процесса в 1921 г. вынес оправдательный приговор, что стало настоящей сенсацией и рассматривалось Г. Фирбюхером как торжество немецкой юстиции. Предвидя новую историческую катастрофу в Европе, он сетовал что у его сторонников нет ни времени, ни денег на написание и приобретение книг, но сжато изложить основное он счел необходимым³¹.

Пацифизм определил понимание ответственности за войну и ее преступления не только со стороны государств, но обществ. Фирбюхер писал о том, немцы в трагедии армян обвиняют кайзеровского правительств. Историческая катастрофа выходила далеко за пределы геноцида 1915 г. и хронологически, и территориально. Причастность Германии к событиям в Османской империи навредила ей же самой. Вся информация в стране жестко цензурировалась, и общественное мнение просто фабриковалось. В октябре 1915 г. была собрана пресс-конференция, на которой журналисты получили указания хранить молчание по поводу армянского вопроса³².

Равно как и Моргентау, Фирбюхер был озабочен степенью вины Германии в трагедии турецких армян. Моргентау было отдано должное за информирование общественности США и президента Вильсона, фактически армянский вопрос стал аргументом в информационной войне.

²⁹ Сыч 2014: 76–81.

³⁰ Холь 1998: 209–237.

³¹ Фирбюхер 1991: 15.

³² Там же: 69.

Вина Германии, по мнению Фирбюхера, была велика, так как поощрение насилия тем, что его просто не замечали, со стороны Германии наметилось еще в XIX в. Кайзер Вильгельм II водил дружбу с султаном Абдул-Гамидом, задаривал его подарками. Вину германского кайзера усиливает образ султана, который еще до расправы над армянами, отличался манией преследования и истреблял соперников. Сам Вильгельм охарактеризован как «человек варварского стиля» и «достойный друг Абдул-Гамида»³³. С другой стороны, Вильгельм – это коммивояжер немецкого империализма, так как немцами продвигалось строительство багдадской железной дороги, а в Константинополе находилось представительство Круппа. Фирбюхер не отделял младотурок от старой власти и считал их наследниками во всем, а желание превратить Турцию в великую державу только усиливало жестокость³⁴.

Жертвой политических хитросплетений представлено население Германии. В вопросах Турции и реалий жизни в Османской империи немецкий народ вводили в заблуждение через прессу. Фирбюхер настаивал на том, что в Германии рядовые обыватели в течение всей войны не имели представления о реальной политике младотурок: «Из Энвера сделали Зигфрида, Талаат стал Бисмарком...»³⁵. При этом турецкие образы сильно отличаются от образов в нарративе Моргентау, они гораздо сложнее. Э. Саид носителями ориентализма считал скорее немцев, чем американцев³⁶. Обращение к конкретным источникам позволяет детализировать это утверждение. Ориентализм немецкого переводчика сложнее и менее однозначный. Ислам Фирбюхер считал религией здравого смысла, в суннитском варианте он лишен нетерпимости, но сам турецкий народ не считал культурным в европейском смысле. Турки были наделены только превосходством в мастерстве вести войны, даже турецкий язык он рассматривал как язык рекрутской муштры³⁷. К турецким солдатам он относился с сочувствием, так как они попали в казармы прямо из хижин: «За исключением нескольких подразделений турецкая армия на протяжении всей войны голодала». В немецкой армии он себе представить не мог такого униженного положения солдата и такого произвола офицеров: «В казарме их подвергали такому обращению, которым “джентльмены Востока” владели особенно мастерски»³⁸.

Написание книги Фирбюхера совпало с созданием и развитием новой светской Турции. И на контрасте события Первой мировой войны в Османской империи представлялись еще более дикими. Отмена в Турции титула паши навевала воспоминания о всевластии его носителей: «Эти господа, хорошо говорящие на немецком и французском языках,

³³ Там же: 19.

³⁴ Там же: 32.

³⁵ Там же: 23.

³⁶ Саид 2006: 14.

³⁷ Фирбюхер 1991: 33.

³⁸ Там же: 25-26.

во время войны вели себя хуже, чем англичане в Трансваале. Энвер Паша давал пощёчины своим офицерам перед всей командой»³⁹. Никаких препятствий такой политике насилия не было, при этом германский союзник «заливался признаниями в любви всему, что было турецким»⁴⁰.

Трагедия геноцида 1915 г., как и в тексте Моргентау, в работе Фирбюхера сопровождается описанием самого армянского народа. С историко-культурной точки зрения даны высокие оценки, подчеркивается древность и умение выживать в трудных условиях турецкого окружения. В целом, он не включал армян в ориенталистский дискурс, но и к европейцам не относил, хотя полагал их восприимчивыми ко всему передовому, что позволило «протянуть мосты к европейскому прогрессу»⁴¹.

Подтверждением тезиса Э. Саида о том, что американский ориентализм, в отличие от европейского был не таким глубоким, является отношение к младотурецкой революции. Моргентау, будучи в США, воспринял приход младотурок как шанс на демократизацию и обновление Османской империи. Фирбюхер сравнивал революцию 1908 г. с рядом европейских революций и говорил о том, что в турецкой революции не было таких как Кромвель, Мирабо, Дантон, Ленин. Младотурки просто боролись за власть, при этом каждый из них мечтал стать Наполеоном⁴². Достижений в практической политике у них не было. Фирбюхер описывает, насколько сильно пришла в упадок экономика, целые предприятия простаивали и рушились. По мере нарастания кризиса, планы младотурок по восстановлению могущества страны становились все более грандиозными, комитет «Единение и прогресс» был охвачен «империалистическими иллюзиями»⁴³. С точки зрения европейской рациональности, страна нуждалась в перестройке, а вместо этого была поставлена цель строить национальное государство без христианских народов⁴⁴.

В итоге, вина Германии в нарративе Фирбюхера выглядела иначе, нежели в тексте Моргентау, который наделил немцев активным началом и инициативой. Фирбюхер считал политику Германии скорее попустительской: «В этой войне Германия была для турок достаточно хороша, чтобы поддержать занавес, за которым были вырезаны более миллиона невинных мужчин, женщин и детей»⁴⁵. Будучи включен в среду немецкого представительства в Турции, он не мог не отметить усилия отдельных людей, пытавшихся остановить убийства, включая своего начальника Лимана фон Сандерса, но решающего значения эти попытки не имели. Для Фирбюхера сотрудничество Берлина с младотурецким режимом было болезненным, он считал этот союз аморальным.

³⁹ Там же: 27.

⁴⁰ Там же: 29.

⁴¹ Там же: 35.

⁴² Там же: 41.

⁴³ Там же: 43.

⁴⁴ Там же: 46.

⁴⁵ Там же.

Если Моргентау и Фирбюхер были скорее очевидцами процессов, приведших к гибели турецких армян, то венесуэлец Рафаэль де Ногалес был отчасти невольным участником самих расправ. В имеющейся литературе его называют или авантюристом, или солдатом удачи, что имело один и тот же смысл. Искатели приключений – тоже примета времени, которую воспроизводит де Ногалес. Подробных сведений о данном историческом фигуранте мало, в основном историки опираются на свидетельства из книг самого Ногалеса. Изначально он получил европейское образование, в том числе в Бельгийской королевской военной академии. По поводу последнего турецкий исследователь Гусейн Шахин пишет о том, что Бельгийская королевская военная академия не дала официального подтверждения данного факта, там возникла путаница с именами⁴⁶. Первую мировую войну он встретил в борьбе с режимом Хуана Висенте Гомеса, узурпировавшего власть в Венесуэле. Ногалес прекратил борьбу, объясняя тем, что вести ее было бы «непатриотично» в тех условиях⁴⁷. Здесь есть некоторая неясность и непоследовательность, так как Венесуэла объявила нейтралитет. Многие венесуэльцы воевали на фронтах мировой войны в составе Французского иностранного легиона. Ногалес же хотел воевать в рядах регулярной армии, именно с этой целью он прибыл в Европу. Германия и Турция оказались более лояльными и позволили ему сохранить венесуэльское гражданство, поэтому он стал офицером турецкой армии⁴⁸. В османской армии в чине капитана его стали называть Ногалес-бей. В сравнении с предыдущими фигурантами, Ногалес наименее прозрачный, в том числе по части его целей и намерений участия в I мировой войне. Еще одной отличительной особенностью является его позиция относительно уничтожения армянского населения в Турции, он был в составе турецкой армии и фактическим участником многих событий, в том числе осады Вана в 1915.

Ногалес позиционировал себя как представитель западной цивилизации, основываясь на своем христианском вероисповедании. Речь шла о западной цивилизации Нового света, Америки, о чем он тоже проговаривается⁴⁹. Не политические взгляды, не национальная принадлежность, а прежде всего, религия делала его «чужим» среди турок. Если говорить об ориентализме, то он присутствует и определяется именно конфессиональной принадлежностью автора: «Проповедь альтруизма на Ближнем Востоке считается едва ли не самым ужасным грехом, который можно совершить»⁵⁰. В отличие от предыдущих двух исторических деятелей Рафаэль де Ногалес занял позицию Участника, который не просто наблюдал за процессами, а на короткое время он стал частью турецкого государства и турецкой армии.

---

⁴⁶ Şahin Hüseyin Güngör 2003.

⁴⁷ Де Ногалес 2006: 12.

⁴⁸ Там же: 20.

⁴⁹ Там же: 275.

⁵⁰ Там же.

В записках Рафаэля де Ногалеса вина Германии в резне армянского населения даже не рассматривается и не определяется как таковая. Ногалес, безусловно, был расположен к немцам, гораздо более, чем к туркам, особенно к комитету «Единение и прогресс»⁵¹. Критику вызывала не только система их правления. Портреты отдельных турецких политиков, как и в тексте Моргентау, противоречивы. Так же плохо Ногалес отзывался о Джемаль Паше: «...палач ливанских и арабских христиан, на самом деле был пешкой, человеком жестоким и низким без преувеличения»⁵². Он считал, что, получив власть, младотурки не смогли ею распорядиться. В частности, в военной сфере, имея смутное представление об основах этого дела, действовали неумело и провалились. Этот комментарий касался и Джемалья, подданные которого убеждали его в том, что он «истинный военный гений»⁵³. Если Моргентау и Фирбюхер полагали влияние немцев на турок тотальным, то Ногалес наоборот оценивал его как недостаточное. Это касалось и сферы управления, например, путями сообщения и снабжением. Немецкий Генштаб требовал отдать это в его ведение, но турецкие власти отказались, и это привело к «управленческой катастрофе»⁵⁴. Что касается армянского вопроса, то вину за расправы Ногалес возлагал на самих армян, на их «высокомерие и чрезмерные националистические устремления». В 1896 г., когда случилась «гамидовская резня», армянские лидеры слишком положились на помощь России, начиная борьбу за три турецких провинции⁵⁵.

Расправы, чинимые уже в 1915 г., оказались вписаны в более сложный контекст мировой войны и институциональной и моральной деградации Османской империи. «Единение и прогресс» везде отмечены непрофессионализмом, но особенно плачевной была ситуация в армии: «Должности комиссаров империи в начале 1915 г. все же занимали честные и талантливые офицеры Генштаба. Однако по мере того, как ширилось моральное падение общества, эти должности все чаще доставались офицеришкам, родственникам и протеежам руководителей «Единение и прогресс»⁵⁶. С одной стороны, Ногалес указывал на армянские революционные движения и протесты, как провоцирующие ответное насилие. Но, с другой стороны, имея богатый социальный опыт, в том числе проживания в Европе, он видел, что система управления народами в Османской империи была архаичной и неэффективной. Он подчеркивал, что даже бедуины будут «порядочными людьми», если с ними обращаться как с равными. Истинной причиной бунтов армянского и арабского населения он считал коррумпированность Турции⁵⁷.

⁵¹ Там же: 23.

⁵² Там же: 28.

⁵³ Там же: 49–350.

⁵⁴ Там же: 126.

⁵⁵ Там же: 25.

⁵⁶ Там же: 126.

⁵⁷ Там же: 281.

Само кровопролитие описано с ужасающими подробностями, которые шокировали самого Ногалеса не только своей отвратительностью, но и неоправданностью творимого насилия. Попытки Ногалеса влиять на доступное ему турецкое командование, сделало его человеком неудобным. Его даже предупреждали о существовании приказа о его убийстве, с целью предотвратить распространение информации об увиденном⁵⁸. По той же причине выслались из страны и американские миссии, так как они все увиденное передавали в Европу и Америку⁵⁹.

Примечательно, что только в нарративе Ногалеса историческая катастрофа достраивается уровнем российской революции, к которой он относился с пониманием как к явлению, порожденному «кровавыми слезами порабощенного русского народа»⁶⁰. Свой труд он писал в 1926 году, как раз, когда НЭП дал определенные результаты, в том числе в виде восстановления Россией внешних связей, поэтому о политике Ленина он писал в одобрителном тоне.

Отражение исторической катастрофы в нарративе свидетелей и участников событий имеет прямое отношение к конструированию исторической памяти, а также к криминализации и виктимизации исторического прошлого. В данном случае геноцид 1915 года становится одной из составляющих масштабных процессов, с другой стороны, трагическая судьба турецких армян является маркером, который позволяет квалифицировать эти процессы именно как историческую катастрофу. Представленные источники, несмотря на свое западное происхождение, стали частью документального комплекса для виктимизация армяно-турецких отношений. Как показал сравнительный анализ текстов Г. Моргентгау, Г. Фирбюхера и Р. де Ногалеса они дают не просто описания событий геноцида 1915 г., но делают их частью широкого комплекса противоречий. Одним из инструментов виктимизации стала антропологизация и персонализация. При чем в случае с де Ногалесом речь идет в большей степени об индивидуальной ответственности турецких военных и политиков, при этом оправдываются немцы. Моргентгау и Фирбюхер усиливают коллективную ответственность через действия конкретных исторических фигурантов, и большая часть вины возложена на Германию. Ориенталистский подход авторов стал инструментом объяснения ответственности младотурок и средством формирования представлений о геноциде 1915 года как о трагедии не только политической и гуманитарной, но также культурной.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Аникин Д.А. Травматизация исторической памяти в современной теории истории: многообразие объяснительных моделей // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2020. №4 (Т. 40). С. 6–17. [Anikin D.A.

⁵⁸ Там же: 95.

⁵⁹ Там же: 109.

⁶⁰ Там же: 345.

- Travmatizatsiya istoricheskoy pamyati v sovremennoy teorii istorii: mnogoobrazie ob'yasnitel'nykh modeley // *Izvestiya Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete*. 2020. No. 4 (Vol.40), pp. 6–17].
- Де Ногалес Рафаэль. Четыре года под полумесяцем. М.: Русский Вестник, 2006. [Rafael de Nogales. Chetyre goda pod polumesyatsem. M.: Russkiy Vestnik, 2006].
- Илюхина Р.М., Нефедова Т.Г. К истории антивоенного движения в Веймарской республике // Ежегодник германской истории. 1987. М.: Наука, 1988. С. 157–177 [Ilyukhina R.M., Nefedova T.G. K istorii antivoennogo dvizheniya v Veymarskoy respublike // *Ezhegodnik germanskoj istorii*. 1987. M.: Nauka, 1988, pp. 157–177].
- Кром М.М. Что такое исторический факт? Эволюция представлений об основной категории исторического познания // *Вестник Пермского университета*. 2018. Вып. 4. С. 5–14. [Krom M.M. Chto takoe istoricheskiy fakt? Evolyutsiya predstavleniy ob osnovnoy kategorii istoricheskogo poznaniya // *Vestnik Permskogo universiteta*. 2018. Issue. 4, pp. 5–14].
- Моргентау Г. Трагедия армянского народа: история посла Моргентау / пер. с англ. А. Ю. Фроловой. М.: Центрполиграф, 2009. [Morgentau G. Tragediya arm'yanskogo naroda: istoriya posla Morgentau / translated by A. Yu. Frolova. M.: Tsentrpoligraf, 2009].
- Нуркова В.В. Анализ феноменологии автобиографической памяти с позиций культурно-исторического подхода // *Культурно-историческая психология*. 2008. №1. С. 17–26. [Nurkova V.V. Analiz fenomenologii avtobiograficheskoy pamyati s pozitsiy kul'turno-istoricheskogo podkhoda // *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*. 2008. No.1, pp. 17–26].
- Нуркова В.В. История как личный опыт // *Историческая психология и социология истории*. 2009. №1. С. 5–27. [Nurkova V.V. Istoriya kak lichnyy opyt // *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*. 2009. No.1, pp. 5–27].
- Репина Л.П. Опыт социальных кризисов в исторической памяти // *Кризисы переломных эпох в исторической памяти*. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2012. С. 3–37. [Repina L.P. Opyt sotsial'nykh krizisov v istoricheskoy pamyati // *Krizisy perelomnykh epokh v istoricheskoy pamyati*. М.: Institut vseobshchey istorii РАН, 2012, pp. 3 – 37].
- Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока / пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб: Русский мир, 2006. [Said E. Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka / per. s angl. A.V. Govorunova. SPb: Russkiy mir, 2006].
- Сыч А.И. Первая мировая война в цивилизационном измерении // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2014. №3. С.76 – 81. [Sych A.I. Pervaya mirovaya voyna v tsivilizatsionnom izmerenii // *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 2014. No.3, pp.76 – 81].
- Фирбюхер Г. Армения, 1915. Что скрыло кайзеровское правительство от немецких подданных. Уничтожение Турцией культурного народа / пер. В. Миналян. Ереван: АН Армении, 1991. [Firbyukher G. Armeniya, 1915. Chto skrylo kayzerovskoe pravitel'stvo ot nemetskiikh poddannyykh. Unichtozhenie Turtsiyej kul'turnogo Naroda / translated by V. Minalyan. Erevan: AN Armenii, 1991].
- Холь К. Пацифизм в Веймарской Республике // *Пацифизм в истории. Идеи и движения мира*. М., ИВИ РАН, 1998. С.209 – 237. [Khol' K. Patsifizm v Veymarskoy Respublike // *Patsifizm v istorii. Idei i dvizheniya mira*. М., IVI РАН, 1998, pp.209 – 237]
- Çelik A. The Armenian Genocide in Kurdish Collective Memory // *Middle East Report*. 2020. No. 295. (Summer) URL: <https://merip.org/2020/08/the-armenian-genocide-in-kurdish-collective-memory-295/>
- Getrozyan D. Review and Analysis: “Collective Trauma and the Armenian Genocide: Armenian, Turkish, and Azerbaijani Relations since 1839” URL: <https://armenianweekly.com/2021/10/06/review-and-analysis-collective-trauma-and-the-armenian-genocide-armenian-turkish-and-azerbaijani-relations-since-1839/>
- Miller D., Miller L. Memory and Identity across the Generations: A Case Study of Armenian Survivors and their Progeny' // *Qualitative Sociology*. 1991. 14(1). P. 13-38
- Pamela Steiner, MA, MEd, EdD URL: <https://fxb.harvard.edu/leadership-faculty-staff-fellows/pamela-steiner/>
- Şahin Hüseyin Güngör. Osmanlı Ordusunda Venezuelalı Bir Gezgin Şövalye: Rafael de Nogales Méndez // *Turkish Studies*. 2013. Vol. 8/7. Pp. 563-595.
- Steiner P. Henry Morgenthau's voice in History // *The Journal of Psychohistory*. 2015. No.42 (3), pp. 200-220.
- Svazilian V. The Armenian genocide and people's historical memory. Yerevan: Publishing House of NAS RA, 2005.

The Armenian genocide: testimonies of the eyewitness survivors. Yerevan: Publishing House of NAS RA, 2011.

Uğur Ümit Üngör. On memory, identity, and genocide // *Témoigner. Entre histoire et mémoire* 2015. URL: <http://journals.openedition.org/temoigner/2018>.

Амбарцумян Каринэ Размиковна, к.и.н. доцент, Северо-Кавказский федеральный университет, karina-best21@mail.ru

Images of the Historical Disaster in Eyewitness Testimonies (on the Example of the Reflection of the Events of the Armenian Genocide in 1915)⁶¹

The article deals with the problem of the role of ego-documents in the formation of image of historical catastrophe and the events that marks it. To the author's way of thinking the personal narratives should be considered as a means of constructing historical trauma and victimization of historical past. Appeal to the experience of understanding the events of the Armenian Genocide of 1915 showed the expediency of studying from the standpoint of intellectual history the texts of witnesses and eyewitnesses of the events, but not the victims themselves. Appeal to the experience of understanding the events of the Armenian Genocide of 1915 showed the expediency of studying from the standpoint of intellectual history the texts of witnesses and eyewitnesses of the events, but not only the victims themselves. The texts of G Morgenthau, G Fierbacher and R. de Nogales have been used in the research. All three historical personalities were foreigners who turned up in the Ottoman Empire during the First World War on duty. Precisely these three texts were included in the arsenal of documents of victimization and criminalization of the Armenian-Turkish relations. The representation of a historical catastrophe in these narratives has the features of both typicality and uniqueness. A common feature was the understanding of responsibility, a distinctive feature - a different degree of blame that was put on the Young Turks and the German authorities. One of the means of victimization is orientalism, which involves assessing events not only as a political and humanitarian catastrophe, but also as a cultural conflict.

Key words: *historical memory, historical catastrophe, historical trauma, 1915 genocide, G Morgenthau, G Fierbacher, R. de Nogales.*

Karine R. Ambartsumyan, PhD in History, Associate Professor, North Caucasus University; karina-best21@mail.ru

---

⁶¹ The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, the project "The Armenian Question in International Relations (1895–1923)" (20-59-05002 Arm_a).

Б.Е. СТЕПАНОВ

«ТЫНДУ БЫСТРО НА КАРТЕ НАЙДЕТЕ...»: ПОЗДНЕСОВЕТСКОЕ ШКОЛЬНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ И ОБРАЗЫ ГОРОДА В УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ¹

В центре исследования находится вопрос о роли школьного краеведения в формировании городского воображения в позднесоветском обществе. Одним из результатов возрождения краеведения в послевоенный период стало появление корпуса учебных пособий, призванных содействовать знакомству учащихся с местной природой и историей. Изучая изданные в 1960–1980-х гг. региональные учебники для 3–4-го класса в связи с вопросом репрезентации в них города, автор делает выводы о специфике развития школьного краеведения и, в частности, по сравнению с предшествующими и последующими периодами его развития.

Ключевые слова: городское воображение, краеведение, учебные пособия, позднесоветское общество, школьное образование, локализация.

Проблема городского самосознания в позднесоветский период сегодня исследуется преимущественно на материале развития различных форм исторической культуры. Предметом изучения становятся практики регионального историописания и сохранения наследия, формирование градозащитных сообществ², туристическая востребованность исторических городов³, традиции празднования городских юбилеев, возрождение геральдики и популярной городской песни⁴ и т.д. При этом учебная литература и образовательные практики обычно остаются за рамками внимания исследователей. Обращаясь к изучению школьных краеведческих учебников 1960–1980-х гг., мы попытаемся выяснить, в какой степени в этой сфере воспроизводства культуры отразились упомянутые процессы, какое место занимает город в представлении родного края, какое значение придается городскому опыту в образовательном процессе и какие формы его освоения в них присутствуют.

Обсуждение школьного краеведения редко выходит за пределы педагогической литературы – даже если речь идет о 1920-х гг., за которыми с легкой руки С.О. Шмидта закрепилось имя «золотого века краеведения». Применительно к позднесоветскому периоду, в частности, к краеведческим учебникам⁵, о которых пойдет речь ниже, дефицит интереса к репродуктивным культурным институциям советского общества усугубляется объективными трудностями для реализации такого рода исследования. Эти трудности связаны с разрозненностью корпуса учебных текстов, которые публиковались региональными издательства-

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 20-013-00246 «Урбанистический дискурс в школьных учебниках России XX века: риторика, эстетика, дидактика».

² Donovan 2015; Kelly 2016; Гладарев 2011; Дементьев 2014; Обзор литературы по теме см. Неплюев 2020.

³ Болтунова, Егорова 2022; Камаева (в печати)

⁴ Дмитриев (в печати); Манжурич 2015; Лурье 2005.

⁵ Среди немногочисленных исследований этого материала см., напр., Илюха 2013.

ми и фрагментарно представлены в центральных библиотеках. В этой статье мы представляем результаты, полученные в рамках пилотного анализа доступной на сегодняшний день части этого корпуса литературы (около 30 учебных пособий). Эти результаты могут быть шагом в направлении как более фундаментального исследования системы производства такого рода пособий, так и в изучении разнообразия форм краеведческой работы, существовавших в советской школе⁶.

Основу изучаемого корпуса текстов составляют пособия для начальной школы, вышедшие в свет в разных областях РСФСР. Проведенные ранее исследования аналогичных пособий, опубликованных до революции и в раннесоветский период, дают основания для сравнительной характеристики как самих этих изданий, так и способов репрезентации города в этих изданиях⁷. Наконец, в заключении мы попытаемся наметить направления дальнейшей трансформации школьного краеведения, развернувшейся уже в постсоветской России.

Советское краеведение и школа в 1930–1960-е гг.

Разгром краеведческого движения в конце 1920-х – 1930-х гг. совпал с возвращением от комплексной системы организации школьного преподавания к более традиционной предметной системе. В процессе огосударствления краеведения, которое происходило на протяжении первой половины 1930-х гг.⁸, в качестве приоритетных для него были обозначены задачи «воспитания масс в духе советского патриотизма и верным помощником советских и хозяйственных органов в деле изучения наших необъятных просторов и несметных богатств нашей Родины»⁹. Отправной точкой нового этапа краеведения стало постановление ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 г. «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе», в котором рекомендовалось внедрение в школьные программы «элементов краеведения», однако речь шла при этом не о конкретном регионе, а о «краеведении СССР»¹⁰. Как отмечала Е.А. Мельникова, «после 1937 г. краеведческие музеи стали не только главными, но и единственными центрами краеведческой работы. Пространство, охваченное советскими краеведческими музеями, должно было выглядеть единообразно советским. ... Теперь уже краеведческие музеи не могли заниматься поиском местной специфики, а должны были показывать достижения “советского народа” в каждом отдельно взятом крае. Краеведческий музей стал витриной советского

⁶ Характерно, что этим практикам посвящен довольно большой корпус текстов, написанных методистами и педагогами, в то время как учебники остаются слепым пятном в саморефлексии советского школьного краеведения.

⁷ Степанов 2021; 2022.

⁸ Назовем лишь некоторые публикации, характеризующие развитие краеведения в этот период: Мельникова 2012; Смирнова 2016; Gavrilova 2022.

⁹ Козлов 2013.

¹⁰ См. напр. Матрусов 1963. До реабилитации краеведения 1920-х, которая началась на рубеже 1960-х гг., именно это постановление указывалось в качестве отправной точки развития советского школьного краеведения.

хозяйства и в таком качестве должен был присутствовать во всех административных районах страны»¹¹. Свертывание краеведческого движения и уничтожение сложившейся в 1920-е гг. сети краеведческих сообществ и институций затронуло и школьное краеведение¹².

«Возрождение» краеведения как формы гражданской активности принято связывать с хрущевской оттепелью. В. Донован так характеризует сложившуюся интерпретацию этого процесса: «ученые истолковывали послесталинскую реабилитацию краеведения как отражение патриотического поворота в позднесоветской культуре. Популярность, которую приобрело краеведение в Советском Союзе 1960-х гг., связана с ростом культурного консерватизма российского общества, распространенной нетерпимостью к стандартизирующему влиянию советской модернизации, а также со стремлением укрыться в местной истории и местном культурном наследии». Критикуя эти представления, британская исследовательница показывает, что «возрождение интереса к местному прошлому стало результатом ««омассовления» краеведения, поддерживавшейся государством регенерации местной памяти, целью чего было укрепление советского патриотизма»¹³. Это рассуждение представляется важным в двух отношениях. С одной стороны, оно подчеркивает роль государства, которая была весьма существенной не только в возрождении краеведения, но и в таких процессах, как развитие туризма и демократизация системы охраны культурного наследия. Еще более очевидно эта тенденция просматривается в трансформации культурных институтов – будь то музейная сфера, которую анализирует В. Донован, библиотечное дело или школьное образование. С другой стороны, британская исследовательница ставит под вопрос тезис о консервативной подоплеке краеведческого ренессанса. Исследуемый нами материал, возможно еще в большей степени, чем примеры, приводимые Донован, показывает не только приоритетное значение советского патриотизма, но специфику «регенерации местной памяти», которая была связана не с привычным нам «возвращением к истокам», но в значительной мере с пропагандой социалистического проекта.

Вместе с тем, если говорить о периодизации краеведческого ренессанса, то обращение к истории школьного краеведения побуждает связать его начало не с оттепелью, но с послевоенным периодом. Знаковым событием здесь стало создание в 1943 г. Академии педагогических наук, в рамках которой началась работа комиссии по школьному краеведению¹⁴. Во второй половине 1940-х гг. идеи краеведения поднимаются на знамя в контексте «консервативного» поворота внутри

¹¹ Мельникова 2012: 236–237.

¹² Как отмечал П. В. Иванов, в 1930-е годы были практически свернуты школьные краеведческие музеи. Иванов 1966: С.150. Впрочем, отдельные краеведческие инициативы все же существовали см. напр.: Головин, Кудрявцев 1935.

¹³ См.: Донован 2012: 380

¹⁴ Иванов 1966: 9.

самой государственной идеологии, в рамках «борьбы с формализмом» и воспитания советского патриотизма¹⁵. Не будучи включенным в учебные планы школ и ориентируясь скорее на формат кружков и секций, краеведение мыслится преимущественно как одна из форм внешкольной работы¹⁶, которая в значительной мере связана с туристическим и экспедиционным обследованием малоизученных территорий¹⁷. В ряде областных издательств с начала 1950-х гг. выходили краеведческие серии («Изучай свой край» (Москва, Кострома, Томск), «Люби и знай свой край» (Воронеж), в т.ч. и специально ориентированные на школьников («Библиотека школьника-краеведа» (Новосибирск))¹⁸, однако создания корпуса традиционной учебной литературы статус краеведения в этот период не предполагал.

Импульсом для внедрения краеведения в учебные программы стало принятие в конце 1958 г. Верховным Советом СССР закона «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», положившего начало масштабной реформе школы. Несмотря на то, что основной акцент реформы делался на приобщение учащихся к труду, сама идея «укрепления связи школы и жизни» создавала благоприятные условия для реабилитации краеведческих идей 1920-х гг. В 1961 г. Министерство просвещения РСФСР издает постановление «Об усилении краеведческой работы в школах и издании краеведческих пособий для школ», которое стимулировало запуск программ издания учебной литературы. Вместе с тем продолжает развиваться и внешкольное краеведение, в частности, в формах поискового движения и всесоюзных экспедиций, связанных с юбилейными датами советской истории¹⁹. Так, например, с 1973 г. действовала всесоюзная туристско-краеведческая экспедиция пионеров и школьников «Моя Родина – СССР», которая проводилась по нескольким направлениям: «Памятные ленинские места», «Дорогой Великого Октября», «Никто не забыт, ничто не забыто», «Будни великих строек», «Ордена Родины – на знамени комсомола», «Дорога дружбы», «Искусство принадлежит народу», «К тайнам природы»²⁰.

¹⁵ Строев 1974; Любичанковский, 2020. О борьбе с формализмом в послевоенной школе см. Майофис 2015. Показательно, что возрождение краеведения происходило в значительной мере в форме описываемого М. Майофис “собирания опыта”.

¹⁶ Использование локальных сюжетов в преподавании оставалось в компетенции учителя. Соответствующие рекомендации публиковались в методических пособиях, сборниках статей педагогов-краеведов. См. Ставровский 1954. Солонович 2021: 65, 73, 78.

¹⁷ Именно так краеведение описывалось в фундаментальном двухтомном «Справочнике туриста и краеведа» под редакцией академика С.В. Обручева, который был затем адаптирован для начинающих краеведов в виде пособия «Изучай свой край». См.: Справочник путешественника и краеведа, 1949; Изучай свой край, 1951.

¹⁸ В ее рамках вышла книга, посвященная Новосибирску. См. Протопопов, 1951.

¹⁹ Впервые такого рода мероприятия были организованы в 1956–1957 гг. См. Строев 1974: 26–27/

²⁰Подробнее об этом см.: См.: Мельникова, 2018.

Предваряя изучение взаимосвязи краеведения и урбанистики в культуре детства можно высказать предположение об определенном всплеске интереса к городской теме детской литературе в 1950–1960-х гг., где появляются как книги, посвященные жизни большого города²¹, так и краеведческие издания для детей, такие, как книга М. Басиной «Наш Ленинград», о которой упоминает К. Келли²². Тема освоения городского пространства разрабатывалась в популярных краеведческих книгах, а также в отдельных методических изданиях²³.

Идеология краеведения и перестройка учебных планов

С точки зрения формирования корпуса учебных пособий, который будет объектом нашего исследования, прежде всего нужно обратить внимание на произошедшую на рубеже 1950–1960-х гг. перестройку школьных учебных планов, коснувшуюся преподавания двух предметов - географии и истории. Как отмечалось выше, географы-методисты говорили о значимости возрождения краеведения для преподавания географии уже начиная с конца 1940-х гг. Так, А.С. Барков писал в одном из своих программных текстов о том, что «при пересмотре программы краеведческому принципу должно быть отведено почетное место в курсе географии, ввиду его большого образовательного и воспитательного значения»²⁴. В 1954 г. в курсы географии 7 классе вводится тема «Изучение своей области (края, республики)»²⁵. С 1960-х гг. начинается выпуск учебных пособий, посвященных географии отдельных областей, краев и республик, для старших классов школы, в которых, в частности, описывались и города соответствующего региона²⁶.

Важным для возрождения краеведения моментом стало появление в 1959 г. в учебных планах начальной школы (более конкретно - в программе обучения в IV классе) нового предмета – «природоведение»²⁷. Природоведение было призвано оптимизировать трансляцию знаний по естествознанию и географии, которые до этого существовали в программе начальной школы как отдельные дисциплины. Принцип комплексности, как и планы активного использования на уроках природоведения локального материала, можно рассматривать как возрождение идей образовательной локализации, характерных для педагогических исканий 1920 гг.²⁸ В рамках этого предмета получила развитие практика формирования у детей навыков ориентации в окружающем пространстве, которая была одной из ключевых составляющих родниноведения еще с дореволюционных времен, причем получение элементарных пред-

²¹ См., напр.: Сегал, Ильин 1955.

²² Басина 1957; Келли 2013.

²³ См.: Юньев 1966; Юньев 1974; Горева, 1962.

²⁴ Барков 1950: 11. См. также статью В.А. Кондакова в этом сборнике. Схожие идеи развивал и один из ведущих советских географов Н.Н. Баранский.

²⁵ Цепляева 1972: 12

²⁶ Строев 1974: 29.

²⁷ Очерки истории школы...1988: 143–145

²⁸ Степанов 2022.

ставлений о географии СССР в рамках этого курса первоначально предполагало и знакомство с городской культурой²⁹. Однако в последующие годы содержание предмета оказалось ограничено преимущественно естественно-научными и физико-географическими сюжетами.

Под влиянием краеведения трансформировалась также история как предмет школьной программы. Краеведческие темы включают в школьные курсы по отечественной истории (4 и 7–10 классы), но это происходит несколько позже сравнительно с географией – в 1966–1967 гг.³⁰ Для обеспечения этого компонента наряду с федеральным учебником с конца 1960-х гг. на местах начали выпускаться пособия книги по истории отдельных регионов. Вероятно, первым импульсом для этого стало принятое 8 октября 1959 г. Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О некоторых изменениях в преподавании истории», в котором, числе прочего, подчеркивалась важность изучения истории края. Одним из главных результатов этого постановления в плане трансформации учебных планов стало изменение концепции преподавания истории в школе³¹. Для того, чтобы она приобрело более завершенный характер, а исторический материал стал более доступным для учащихся, было решено, что в 4-м классе формой его подачи станут «Эпизодические рассказы по истории СССР». Этот курс предполагал и краеведческий компонент. В связи с переходом во второй половине 1960-х гг. к трёхклассной системе начального образования преподавание курса было передано учителям-предметникам, однако его концепция осталась той же³².

Город в позднесоветских краеведческих пособиях

Как и в случае дореволюционных и раннесоветских пособий, корпус позднесоветских школьных изданий не является полностью унифицированным в своих характеристиках – начиная от названий и тиражей и заканчивая структурой. Обычно это были небольшие брошюры (объемом в 50–100 стр., тираж 25000–100000 экз.), содержащие компактное изложение сведений о географии и истории региона. В противовес характерному для комплексной педагогики 1920-х гг. пафосу активного включения школьника в жизнь села или города, позднесоветские пособия в методическом плане ориентировались на традиционные формы преподавания соответствующих предметов (истории, природоведения), преподнося готовое знание о крае и лишь изредка выходя за пределы традиционных классно-урочных форматов³³. Развивая наметившуюся в дореволюционной педагогике тенденцию локализации через обучение ориентации в близлежащем пространстве села или города,

²⁹ Так, например, в учебнике «Природоведения» для 4-го класса (1965) есть очерки о нескольких городах – Норильске, Москве, Ленинграде, Новосибирске, Волгограде, Ялте. См.: Скаткин 1965. В последующих изданиях эти очерки были исключены.

³⁰ Строев 1974; Любичанковский, 2020

³¹ Очерки истории школы...1988: 143-145

³² См. об этом: Цепляева 1972.

³³ Показательно, что в самих учебниках методика преподавания практически никак не затрагивается.

авторы раннесоветских пособий включали в них рассказы, раскрывающие опыт пребывания в городе, и задания, предполагающие взаимодействие с теми или иными городскими сообществами и учреждениями³⁴. В позднесоветский период обучение ориентированию было отдано на откуп федеральным учебникам по природоведению, а проверочный аппарат краеведческих пособий был направлен на проверку знаний, а не на практическое освоение территории.

Как и дореволюционные учебники по родноведению, позднесоветские пособия имели административную привязку к определенному региону, который в большинстве случаев обозначался как «край». В названиях пособий имя края могло как указываться («Край наш Ярославский», «Из истории Курского края»), так и подразумеваться с учетом того, что пособие предназначено учащимся конкретного региона. Названия книг и их начальные пассажи обращались к чувству единства с землей, к которой принадлежат автор и читатель текста, и общности ее жителей («Край родной, навек любимый», «Знай свой край», «Наш любимый край», «Край, который я люблю», «Наша родная Брянщина», «Из истории нашего края», «Край наш Тульский» и т. д.), делая отправной точкой знакомства с краем эмоциональную привязанность к «малой родине», а не ориентацию в пространстве. При том, что словосочетание «малая родина» здесь не использовалось, однако, по сути, образ края задавался именно этой конструкцией, поскольку в качестве родины всегда выступал не сам регион, но в целом Советский Союз. Вне зависимости от региона пособия открывались стандартной преамбулой, в которой авторы апеллируют к имеющемуся у учащихся младших классов опыту знакомства с картой³⁵. «Велика наша родина – Советский союз. Во всем мире нет такой страны, которая была бы равной ему по площади. Среди необъятных его просторов есть место, в котором ты живешь. Это твой родной край»³⁶. «Взгляни на карту Родины. Ты легко найдешь на ней извилистую ленту Волги, пересекающую почти всю европейскую часть страны с севера на юг...»³⁷. Иногда текст учебника завершается симметричными обращениями к читателю, которые о любви к краю как отправной точке его познания.

В отличие от преамбулы структура описываемых нами краеведческих пособий не была жестко унифицированной. Диапазон вариантов построения этих изданий задавался привязкой краеведческой тематики к школьным предметам – природоведению и истории, в зависимости от авторских акцентов соответствующий раздел был представлен более или менее развернуто. Однако, тема города в большинстве случаев за-

³⁴ Степанов 2022; Келли 2013.

³⁵ См. об этом напр.: Орлова 2008.

³⁶ Колмогоров, Дремина 1974: 3. Впоследствии эта схема могла эволюционировать: «Наш общий дом – это не жилище, не город и даже не страна. Это весь земной шар. Он богат и прекрасен» Востриков 1990: 3.

³⁷ Медведев, Виданов 1975: 3

нимает в рамках этой модели сравнительно маргинальное положение. Пособия, в которых объектом выступает не край, а город, можно пересчитать по пальцам. Таковы вышедшие на рубеже 1980-х гг. книги для чтения о Ленинграде и Горьком. Впрочем, на обложках многих изданий край нередко репрезентируется через городские образы, начиная от кремля и заканчивая памятниками событиям II Мировой войны³⁸.

В учебниках, тематически тяготеющих к природоведению, основное внимание уделяется ландшафту, почвам, растительности и фауне, а также сезонным изменениям природы. Географический очерк мог включать в себя лапидарную характеристику областных центров³⁹. Редкий пример пособия, в котором развернутое антропогеографическое описание региона сочетается с вниманием к городу и городскому хозяйству, можно считать выпущенное в начале 1960-х годов пособие «Край наш Ярославский». Следуя логике районирования, авторы дают комплексную характеристику городских центров по ряду параметров - начиная с площади, населения и географического положения и заканчивая историей, состоянием, экономики и культуры⁴⁰. Основными показателями развития городов становятся появление новых производств, создание новых учреждений культуры и жилищное строительство.

Несколько более сложная ситуация возникает с пособиями, которые тяготеют к историческому полюсу рассматриваемого диапазона. Среди них доминируют брошюры либо целиком посвященные истории края, либо содержащие обширные исторические разделы. В большинстве своем они ориентированы на историческую схему, сформировавшуюся в контексте реформы исторической политики в послесталинский период. В. Донован дает такую характеристику этой реформы: «В противовес опоре на символы русской национальной идентичности, многие из которых были скомпрометированы их ассоциацией со Сталиным и его культом личности, Хрущев обратился к недавней истории – к достижениям и триумфам первой половины социалистического двадцатого века. Революция и Великая Отечественная война заменили Бородинскую и Куликовскую битвы как центральные места советской памяти, а пролетарские герои заменили царей строителей-государства как кумиров национальной истории»⁴¹. Опираясь на материалы краеведческих пособий, приходится признать, что эта характеристика носит несколько

³⁸ Пеньков, Стекунов 1975; Костица 1984. Любопытно сопоставить это с выводами М.Л. Лурье о «неполноценности» образа города в популярной песне этого периода: «Город не отделяется от области, от земли, на которой стоит. Он становится символом и именем этой земли, вмещает ее в себя как знак, но сам растворяется в ней и как пространство». Лурье 2005: 43.

³⁹ См. напр. Белоцерковский, Лежнин, 1965. Для представления малых городов используется карта и таблица с краткой экономической характеристикой этих городов. В самом компактном варианте главную городу может быть посвящена глава в один абзац, как в пособии о Кемеровском крае: Колмогоров, Дремина 1963.

⁴⁰ Воскобойникова, Дегтеревский 1961

⁴¹ Donovan 2015: 56.

утрированный характер. Так в упомянутом выше пособии «Изучи свой край» 1951 г., юным краоведам предлагается изучать памятники промышленности, градостроительства и сельского хозяйства, борьбы народов СССР с иноземными захватчиками и революционной борьбы, жизни вождей большевистской партии и Великой Отечественной войны, а также сталинских строек⁴². Однако справедливо то, что в рамках новой схемы, которая сформировалась в 1960-е гг., основной упор делался на событиях и процессах последних 150–250 лет – нарастании классовой борьбы, революционном движении как реакции на развитие капитализма и становлении советского строя. Будучи привязано к этой схеме, советское краеведение должно было прививать школьникам не столько любовь к «родному пепелищу» и «отеческим гробам», сколько ощущение причастности к героической революционной борьбе, продолжением которой было строительство социализма и коммунизма в СССР⁴³. «Эпизодические рассказы» краеведческих пособий призваны локализовать намеченную выше общую схему и проиллюстрировать ее на региональных примерах, вывести на сцену местных героев революций и войн, героев труда и передовиков производства.

Парадоксальным образом несмотря на интерес к современности, город в этом повествовании появляется факультативно, чаще всего оказываясь в центре внимания в связи с рассказом о возникновении города как символического и административного центра региона, причем во многих случаях его появление вызвано задачами обороны от иноземных захватчиков⁴⁴. В остальных случаях город присутствует «в фоновом режиме», в качестве сцены, на которой разворачивались описываемые события. Привязка истории к городу осуществляется преимущественно через упоминание в тексте мест революционных столкновений или военных событий. Городской контекст вводится также историческими фотографиями или изображениями памятников, посвященных значимым персонам и событиям, сооружений, связанных со знаменитыми уроженцами и обитателями города. В качестве таковых представлены прежде всего лидеры революционного движения (В.И. Ленин, С.М. Киров и др.)⁴⁵ и творцы пролетарской культуры (М. Горький), но также и революционеры, герои войны и социалистического строительства. В изображении советского периода акцент наряду с военными подвигами делался прежде всего на производственных успехах (- как в промышлен-

⁴² Изучай свой край 1951: 248–249

⁴³ Показательно, что разделы о послевоенном этапе социалистического строительства занимают существенно большее место по сравнению с разделами о других исторических периодах. См. Степанов, Костенко (в печати).

⁴⁴ См., например, главу «Рождение города-воина» в курском учебнике. См. Бочаров, Богданов, 1978. Появление новых городов также может описываться как следствие развития новых видов производства.

⁴⁵ К примеру, в пособии «Край родной, навек любимый» опубликовано 4 фотографии зданий, связанных с пребыванием Ленина на территории региона. Медведев, Виданов 1975.

ности, так и, не в меньшей степени, в сельском хозяйстве), и лишь во вторую очередь на достижениях в развитии городских поселений.

Показательной с точки зрения формирования образа города можно считать ситуацию с дискурсом исторического наследия, который в анализируемых пособиях лишь формируется⁴⁶ – в отличие от уже устоявшегося дискурса охраны природы⁴⁷. В пособиях практически не упоминаются достопримечательности города⁴⁸, в качестве объектов наследия, требующих внимания школьников, называются могилы и памятники участникам революций и войн. На фоне других пособий большим вниманием к теме наследия выделяется пособие «Родная земля волгоградская»⁴⁹. Его авторы делают тему послевоенного возрождения Волгограда ключевым моментом локальной идентификации читателя. Большую значимость истории города придают не только отдельные вкрапления городских сюжетов в тексте, но и исторические фотографии, показывающие не только объекты, но и события городской жизни (например, демонстрация рабочих). Другой пример актуализации темы наследия дает вышедшая на излете советского периода книга об ивановском крае. Наряду с рассказом о социалистической трансформации города в ней много внимания уделяется памятникам и памятным местам, связанным с событиями революции и Второй мировой войны. Авторы описывают не только их местоположение и облик («Смотрит на город с высокого холма бронзовый солдат»), но и востребованность горожанами: «У монумента всегда люди. Это пионеры и школьники, рабочие и труженики села, ветераны войны и труда. Они возлагают венки и цветы к подножию памятника. Они приходят сюда вспомнить тех, кто ковал победу над врагом»⁵⁰. Еще один пласт городской темы – рассказ о значимых индустриальных и культурных объектах, который переводит внимание читателя с характеристики героев войны и труда на описание достижений, воплощенных в городском пространстве. Отдельный раздел авторы посвящают рассказу о Плесе, который представляется как город, значимый не столько экономически, сколько как средоточие культурного наследия.

Внимание к топографическому измерению в разной степени характерно и для краеведческих пособий, целиком посвященных городу. Во то время, как И. Сидорова рассказывает истории, связанные с городом

⁴⁶ Об этом на материале альбомов и путеводителей см. напр.: Камаева (в печати)

⁴⁷ Это отличает их от популярных руководств по краеведению, которые основательно представляют формирующийся в это время дискурс наследия. В ряде работ характеристика туристически-краеведческого исследования города иллюстрируется фотографиями церквей и других архитектурных памятников: См.: Юньев 1966, 1974.

⁴⁸ Можно предположить, что дискурс наследия складывается скорее в рамках географических характеристик региона. Ср. «Своеобразие Пскову передает сочетание нового с седой древностью (остатки крепостных стен, церкви, жилые помещения прошедших веков)». Данилов 1980: 5.

⁴⁹ Колесниченко 1968.

⁵⁰ Востриков 1990: 37.

Горьким преимущественно фактически, авторы книги для чтения «Город на Неве» последовательно делают Ленинград если не ключевым, то одним из главных героев повествования. Это проявляется во внимании к топографическим деталям: к примеру, в рассказе о восстании декабристов, пребывании Ленина в Петрограде и других революционных событиях показано не только, как они разворачивались в пространстве города, но и приводятся наряду с современными старые названия улиц и площадей⁵¹. Красной нитью в рассказе об изменении города при переходе от капитализма к социализму становится превращение современного Ленинграда в «город без окраин»⁵². Наконец, возрождая характерный для краеведческих пособий 1920-х гг. прием, авторы включают в подборку текстов рассказы, повествующие об участии детей в тех или иных событиях городской жизни и, таким образом, вводят в повествование доступное восприятию ребенка повседневное измерение.

***

Как показывает наш анализ, позднесоветский период стал временем широкой экспансии краеведческой составляющей в учебные планы средней школы. Однако, в отличие от предшествующих этапов краеведение лишь в небольшой мере выступало триггером реформирования системы образования. Скорее можно говорить о том, что оно приспособилось к существующей предметной сетке, отвечая за локальный компонент учебных программ. Демонстрируя более высокую степень адаптированности материалов с учетом возраста обучающихся, краеведческие пособия представляют имплицитного читателя в качестве достаточно пассивного потребителя готового знания. Последнее существенно отличает позднесоветские пособия от раннесоветских и сближает их с дореволюционными учебниками по родиноведению.

Эти особенности оказываются важными с точки зрения проблематики городского воображения. В рамках предлагаемой этими учебниками модели патриотического воспитания значение города второстепенно. Пространственное воображение в этих пособиях в большей степени связано с краем, который представляется в качестве частички большой родины – СССР. По сравнению с пособиями предшествующих эпох здесь большую роль приобретает историческое повествование, которое, как было показано, выше сосредоточено по преимуществу на периодах недавней истории. Симптоматичным в этом отношении представляется и отсутствие в этих изданиях сформировавшегося дискурса наследия.

Не менее наглядно специфика позднесоветского школьного краеведения проявляется в сопоставлении с постсоветской ситуацией. Принятый 10 июля 1992 г. закон «Об образовании» предполагал введение регионального компонента образовательных стандартов. Как отмечают Е.Е. Вяземский и О.Ю. Стрелова, этот закон представлял собой суще-

⁵¹ Лебедева и др. 1982: 34.

⁵² Там же: 154

ственный шаг вперед в обеспечении соответствия структуры образования федеративному устройству российского общества и последовательную реализацию принципа локализации в большем количестве уровней образования и школьных предметов⁵³. Краеведческие пособия издаются не только для всех классов, начиная с первого, но выходя в различных форматах: теперь это не только краеведческие учебники, но также, например, и рабочие тетради, предполагающих более активную позицию ученика.

Вряд ли есть возможность на сегодняшний день более или менее однозначно решить сложный вопрос о взаимодействии образования и краеведения в постсоветский период. Более уверенно можно говорить об относительном повышении значимости городской тематики в образовательном процессе. Это сказывается не только в появлении значительного количества пособий, которые делают город центром краеведческого дискурса, но также и в возникновении краеведческих квазидисциплин, например, таких как «москвоведение» и «петербурговедение»⁵⁴.

Постсоветское краеведение в значительной мере обращено в прошлое, оно активно развивает дискурсы, связанные с актуализацией и осмыслением наследия⁵⁵. Однако, можно предположить, растущий запрос на образовательную урбанистику будет содействовать повышению интереса к современности, расширению возможностей использования города в качестве образовательной среды и, тем самым, актуализации педагогического наследия 1920-х гг.⁵⁶

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Басина М.Я. Наш Ленинград. Л.: Детгиз, 1957. 40 с. [Basina M.Ja. Nash Leningrad. L.: Detgiz, 1957 40 s.]
- Белоцерковский Б.В., Лежнин А.А. Наш родной край: пособие для уч-ся нач. кл. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1965. 138 с. [Belocerkovskij B.V., Lezhnin A.A. Nash rodnoj kraj: posobie dlja uch-sja nach. kl. Jaroslavl': Verhnee - Volzhskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965. 138 s.]
- Болтунова Е.М., Егорова Г.С. Территория и история: позднесоветские проекты «Города-герои» и «Золотое кольцо» М.: Кучково поле, 2022. [Boltunova E.M., Egorova G.S. Territorija i istorija: pozdnesovetskie proekty «Goroda-geroi» i «Zolotoe kol'co» М.: Kuchkovo pole, 2022.]
- Бочаров А.М., Богданов Г.А. и др. Край наш Курский. Пособие по истории и природе Курской области для учащихся четвертых классов. Воронеж: Центрально-черноземное книжное издательство, 1978, 64 с. [Bocharov A.M., Bogdanov G.A. i dr. Kraj nash Kurskij. Posobie po istorii i prirode Kurskoj oblasti dlja uchashhihsja chetvertyh klassov. Voronezh: Central'no-chernozemnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1978, 64 s.]

⁵³ Вяземский, Стрелова 2008: 9, 34–55.

⁵⁴ Появление этих дисциплин свидетельствует о том, что столицы задают образ школьного городского краеведения. Ср. об этом Келли, 2013.

⁵⁵ Можно упомянуть практики создания тематических сайтов или аудиогидов, в которые вовлечены школьники в рамках новых форматов проектной работы.

⁵⁶ Показательна в этом отношении замена «Природоведения» предметом под названием «Окружающий мир». О городской проблематике в рамках этого предмета и образовательной урбанистике в целом см.: Смирнова, Россинская, Штанова 2021: 170–188; Буланов, Россинская, Асонова 2021.

- Буланов М.В., Россинская А.Н., Асонова Е.А. Образовательная урбанистика: опыт описания ключевых понятий // Научно-педагогическое обозрение. 2021, №. 6 (40), С. 236–245 [Bulanov M.V., Rossinskaja A.N., Asonova E.A. Obrazovatel'naja urbanistika: opyt opisaniya ključevykh ponjatij // Nauchno-pedagogičeskoe obozrenie. 2021, №. 6 (40), S. 236–245].
- Воскобойникова С.М., Дегтеревский В.К., Край наш Ярославский Ярославль: Кн. Изд., 1961. 48 с. [Voskoobjnikova S.M., Degtereckij V.K., Kraj nash Jaroslavskij Jaroslavl': Kn. Izd., 1961. 48 s.].
- Востриков С. и др. Наш любимый край. Ярославль: Верхневолжское книжное издательство, 1990. 128 с. [Vostrikov S. i dr. Nash ljubimyj kraj. Jaroslavl': Verhnevolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1990. 128 s.].
- Вяземский Е.Е., Стрелова О.Ю. Национально-региональный компонент исторического образования: пособие для учителя. М.: Просвещение, 2008. 157 с. [Vjazemskij E.E., Strelova O.Ju. Nacional'no-regional'nyj komponent istoričeskogo obrazovanija: posobie dlja učitelja. Moskva: Prosveshhenie, 2008. 157 s.].
- Гладарев В. Историко-культурное наследие Петербурга: рождение общественности из духа города // От общественного к публичному / под ред. О. Хархордина. СПб.: ЕУСПб, 2011, С. 71–304. [Gladarev V. Istoriko-kul'turnoe nasledie Peterburga: rozhdenie obščestvennosti iz duha goroda // Ot obščestvennogo k publicchnomu/pod red. O. Harhordina. SPb.: EUSPb, 2011, S. 71-304].
- Головин Н.М., Кудрявцев К.А. Краеведение в школе. Опыт Чебаковской школы / Под ред. Г.Д. Ильина. М., Уч-педгиз, 1935. 32 с. [Golovin N.M., Kudrjavcev K.A. Kraevedenie v shkole. Opyt Čebakovskoj shkoly / Pod red. G.D. Il'ina. M., Uch-pedgiz, 1935. 32 s.]
- Горева К. П. Изучение родного города в курсе географии СССР (на примере г. Орехово-Зуево) М.: Гос. уч-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1962. 96 с. [Goreva K. P. Izučenie rodnogo goroda v kurse geografii SSSR (na primere g. Orehovo-Zuevo) M.: Gos. uchped. izd-vo Ministerstva prosvshhenija RSFSR, 1962. 96 s.]
- Данилов Н.А. Наш край Псковский. Книга для чтения по природоведению для учащихся 4-х классов. Л.: Лениздат, 1980. 39 с. [Danilov N. A. Nash kraj Pskovskij. Kniga dlja čhtenija po prirodovedeniju dlja uchashhhsja 4-h klassov. L.: Lenizdat, 1980. 39 s.]
- Дементьев И.О. "Что я могу знать?": формирование дискурсов о прошлом Калининградской области в советский период (конец 1940-х-1980-е годы) // Люди и тексты. Исторический альманах. 2014. №. 6. С. 175–218. [Dement'ev I. O. " Chto ja mogu znat'?: formirovanie diskursov o prošlom Kaliningradskoj oblasti v sovetskij period (konec 1940-h-1980-e gody) // Ljudi i teksty. Istoričeskij al'manah. 2014. №. 6. S. 175–218.]
- Дмитриев А.Н. Советская городская память в юбилейных отражениях (конец 1930-х – конец 1980-х) // Historicity: городские исследования и история современности (в печати) [Dmitriev A.N. Sovetskaja gorodskaja pamjat' v jubilejnyh otrazhenijah (konec 1930-h – konec 1980-h) // Historicity: gorodskie issledovanija i istorija sovremennosti (v pečati)].
- Донован В. «Идя назад, шагаем вперед»: краеведческие музеи и создание местной памяти в Северо-Западном регионе, 1956–1981 // Антропологический форум. 2012. № 16. С.379-402. [Donovan V. «Idja nazad, shagaem vpered»: kraevedčeskie muzei i sozdanie mestnoj pamjati v Severo-Zapadnom regione, 1956–1981 // Antropologičeskij forum. 2012. № 16. С.379-402].
- Иванов П.В. Педагогические основы школьного краеведения. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 1966. 186 с. [Ivanov P.V. Pedagogičeskie osnovy škol'nogo kraevedenija. Petrozavodsk: Izd-vo Petrozavodskogo gos. un-ta, 1966. 186 s.]
- Изучай свой край. Книга юного краеведа / Под ред. проф. С.В. Обручева. Ленинград: Мол. гвардия, 1951. 267 с. [Izuchaj svoj kraj. Kniga junogo kraevedu / Pod red. prof. S.V. Obrucbeva. Leningrad: Mol. gvardija, 1951. 267 s.]
- Илюха О.П. Конструирование полиэтничного образа Карелии: " детали для сборки" в учебных изданиях для младших школьников 1960–2010 гг // Учебники детства: Из истории школьной книги VII–XXI вв. М.: РГГУ, 2013, С. 227-240.
- Камаева Ю. Изображение города в советских путеводителях и альбомах 1960–70-х гг. (на примере городов маршрута «Золотое кольцо») // Historicity: городские исследования и история современности (в печати) [Kamaeva Ju. Izobrazhenie goroda v sovetskikh putevoditeljah i al'bomah 1960–70-h gg. (na primere gorodov marshruta «Zolotoe kol'co») // Historicity: gorodskie issledovanija i istorija sovremennosti (v pečati)].

- Келли К. «С чего начинается малая родина?» Родной город в учебном процессе советской и постсоветской начальной школы: конструирование социальной оптики // Учебники детства: Из истории школьной книги VII–XXI вв. М.: РГГУ, 2013, С. 196–226. [Kelly K. «S chego nachinaetsja malaja rodina?» Rodnoj gorod v uchebnom processe sovetской i postsovetskoj nachal'noj shkoly: konstruirovanie social'noj optiki // Uchebniki detstva: Iz istorii shkol'noj knigi VII–XXI vv. M.: RGGU, 2013, S. 196–226].
- Козлов В.Ф. «Огосударственное» краеведение. История и уроки (по страницам журнала «Советское краеведение». 1930–1936) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2013, №. 9 (110), С. 53–83. [Kozlov V.F. «Ogosudarstvennoe» kraevedenie. Istorija i uroki (po stranicam zhurnala «Sovetskoe kraevedenie». 1930–1936) // Vestnik RGGU. Serija: Literaturovedenie. Jazykoznanie. Kul'turologija. 2013, №. 9 (110), S. 53–83].
- Колесниченко В.С. Родная земля волгоградская. Волгоград: Нижне-волжское книжное издательство, 1968. 80 с. [Kolesnichenko V.S. Rodnaja zemlja volgogradskaja. Volgograd: Nizhne-volzhskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1968. 80 s.].
- Колмогоров Г.П., Дремина Ю.Д. Наш родной край: краевед. пособие по природоведению для учащихся IV классов Кемеров. обл. Кемерово: Кн. изд-во, 1963. 45 с. [Kolmogorov G.P., Dremina Ju.D. Nash rodnoj kraj: kraeved. posobie po prirodovedeniju dlja uchashhhsja IV klassov Kemerov. obl. Kemerovo: Kn. izd-vo, 1963. 45 s.].
- Кострица А.Ф. Край наш Орловский. Тула. Приокское книжное издательство. 1984. 70 с. [Kostrica A.F. Kraj nash Orlovskij. Tula. Priokskoe knizhnoe izdatel'stvo. 1984. 70 s.].
- Лебедева И.М. и др. Город на Неве: Краевед. пос. для 4 кл. Л.: Лениздат, 1982. 192 с. [Lebedeva I.M. i dr. Gorod na Neve: Kraeved. pos. dlja 4 kl. L.: Lenizdat, 1982. 192 s.].
- Лурье М.Л. URBS ET TERRA: Поэтика локального патриотизма в песнях о городе // Литературные явления и культурные контексты: Материалы Коллоквиума молодых ученых-гуманитариев Санкт-Петербурга и Даугавпилса. СПб.: СПб ГУКИ. 2005, С. 41–49 [Lur'e M. L. URBS ET TERRA: Pojetika lokal'nogo patriotizma v pesnjah o gorode // Literaturnye javlenija i kul'turnye konteksty: Materialy Kollokviuma molodyh uchenyh-gumanitarijev Sankt-Peterburga i Daugavpilsa. SPb.: SPb GUKI. 2005, S. 41–49].
- Любичанковский С.В. Эволюция места исторического краеведения в советской школе // Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки. 2020, Т. 2, №. 1 (5), С. 64–70 [Ljubichankovskij S.V. Jevoljucija mesta istoricheskogo kraevedenija v sovetской shkole // Izvestija Samarskogo nauchnogo centra RAN. Istoricheskie nauki. 2020, T. 2, №. 1 (5), S. 64–70].
- Майофис М. Предвестия «оттепели» в советской школьной политике позднесталинского времени // Острова утопии: Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е). Ред. и сост.: И. Кукулин, М. Майофис, П. Сафронов. М.: НЛЮ, 2015, С. 35–105. [Majofis M. Predvestija «ottepeli» v sovetской shkol'noj politike pozdnestalin'skogo vremeni» // Ostrova utopii: Pedagogicheskoe i social'noe proektirovanie poslevoennoj shkoly (1940–1980-e). Red. i sost.: I. Kukulin, M. Majofis, P. Safronov. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015, S. 35–105].
- Манжурин Е.А. Воображаемая преемственность: дореволюционное геральдическое наследие в советской городской символике (1953–1991) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2015. №. 3 (30). С. 116–122 [Manzhurin E.A. Voobrazhaemaja preemstvennost': dorevoljucionnoe geraldicheskoe nasledie v sovetской gorodskoj simvolike (1953–1991) // Vestnik Permskogo universiteta. Serija: Istorija. 2015. №. 3 (30). S. 116–122].
- Матрусов И.С. Краеведение и краеведческий подход в преподавании географии // Краеведение и краеведческий подход в преподавании географии / под ред. И.С. Матрусова. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1963, С. 7–26. [Matrusov I. S. Kraevedenie i kraevedcheskij podhod v prepodavanii geografii // Kraevedenie i kraevedcheskij podhod v prepodavanii geografii / pod red. I. S. Matrusova. M.: Izd-vo APN RSFSR, 1963, S. 7–26.].
- Медведев, Е.И., Виданов, М.П. Край родной, навек любимый. Пособие по историческому краеведению. Куйбышев: Кн. изд-во, 1975. 118 с. [Medvedev, E.I., Vidanov, M.P. Kraj rodnoj, navek ljubimyj. Posobie po istoricheskomu kraevedeniju. Kujbyshev: Kn. izd-vo, 1975. 118 s.].
- Мельникова Е. "Сближались народы края, представителем которого являюсь я": краеведческое движение 1920–1930-х годов и советская национальная политика // Ab imperio. 2012. №. 1. С. 209–240 [Mel'nikova E. "Sblizhalis narody kraja, predstavitelem kotorogo javljausja ja": kraevedcheskoe dvizhenie 1920–1930-x godov i sovetская nacional'naja politika // Ab imperio. 2012. №. 1. S. 209–240].

- javl'ajus' ja": kraevedcheskoe dvizhenie 1920–1930-h godov i sovetskaja nacional'naja politika // *Ab imperio*. 2012. №. 1. S. 209–240].
- Мельникова Е.А. Руками народа: следопытское движение 1960–1980-х гг. в СССР // *Антропологический форум*. 2018. №. 37, С. 19–53 [Mel'nikova E.A. Rukami naroda: sledopyt'skoe dvizhenie 1960–1980-h gg. v SSSR // *Antropologicheskij forum*. 2018. №. 37, S. 19–53.].
- Непллюев П. А. «Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны, значит, он равнодушен к своей стране»: историографический обзор историко-культурного активизма в позднесоветский период // *Культурный код*. 2020, №. 3, С. 38–49. [Nep'ljuev P. A. «Esli chelovek ravnodushen k pamjatnikam istorii svoej strany, znachit, on ravnodushen k svoej strane»: istoriograficheskij obzor istoriko-kul'turnogo aktivizma v pozdnosovetskij period // *Kul'turnyj kod*. 2020, №. 3, S. 38–49.].
- Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: 1941–1961. Под ред. Ф.Г. Паначина, М.Н. Колмаковой, З.И. Равкина. М.: Педагогика, 1988 272 с. [Ocherki istorii shkoly i pedagogicheskoy mysli narodov SSSR: 1941–1961. Pod red. F.G. Panachina, M.N. Kolmakovoj, Z.I. Ravkina. M.: Pedagogika, 1988 272 s.].
- Пеньков В., Стекунов С. Край наш Тульский. Тула. Приокское книжное издво. 1975. 94 с. [Pen'kov V., Stekunov S. Kraj nash Tul'skij. Tula. Priokskoe knizhnoe izd-vo. 1975. 94 s.].
- Протопопов Н.Н. Наш город. Новосибирск: Новосиб. обл. гос. изд-во, 1951. 87 с. [Protopopov N.N. Nash gorod. Novosibirsk: Novosib. obl. gos. izd-vo, 1951 87 s.].
- Сегал Е., Ильин М. Рассказы о том, что тебя окружает. Кн.1. В нашем городе. М.: Детгиз, 1955. 143 с. [Segal E., Il'in M. Rasskazy o tom, chto tebjja okruzhayet. Kn.1. V nashem gorode. M.: Detgiz, 1955. 143 s.].
- Сидорова И.В. Наш город: Рассказы по истории г. Горького. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1974. 159 с. [Sidorova I.V. Nash gorod: Rasskazy po istorii g. Gor'kogo. Gor'kij: Volgo-Vjat. kn. izd-vo, 1974. 159 s.].
- Скаткин М.Н. Природоведение: Учебник для 4 класса. М.: Просвещение, 1965. 255 с. [Skatkin M.N. Prirodovedenie: Uchebnik dlja 4 klassa. M.: Prosveshhenie, 1965. 255 s.].
- Смирнова А.Г. Журнал «Краевед-массовик» (Московская область) и реалии краеведения начала 1930-х годов // *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*. 2016. №. 10 (19), С. 9–34. [Smirnova A. G. Zhurnal «Kraeved-massovik» (Moskovskaja oblast') i realii kraevedenija nachala 1930-h godov // *Vestnik RGGU. Serija: Literaturovedenie. Jazykoznanie. Kulturologija*. 2016. №. 10 (19), S. 9–34.].
- Смирнова М.С., Россинская А.Н., Штанова Л.Е. Методика преподавания предмета «Окружающий мир» в начальной школе. Изучение историко-обществоведческого материала: уч. пос. для вузов. М.: Юрайт, 2021. 196 с. [Smirnova M.S., Rossinskaja A.N., Shtanova L.E. Metodika prepodavaniya predmeta «Okruzhajushhij mir» v nachal'noj shkole. Izuchenie istoriko-obshhestvovedcheskogo materiala: uch. pos. dlja vuzov. Moskva: Jurajt, 2021. 196 s.].
- Солонович М.А. Методологии и практики государственного, общественного и школьного краеведения в СССР (1917–1991). Пятигорск, 2021. 199 с. [Solonovich M.A. Metodologii i praktiki gosudarstvennogo, obshhestvennogo i shkol'nogo kraevedenija v SSSR (1917–1991). Pjatigorsk, 2021. 199 s.].
- Строев К. Ф. Краеведение. Учеб. пособие для студентов естеств-геогр. фак. пед. ин-тов. М., «Просвещение», 1974. 144 с. [Stroev K. F. Kraevedenie. Ucheb. posobie dlja studentov estestv.-geogr. fak. ped. in-tov. M., «Prosveshhenie», 1974. 144 s.].
- Справочник путешественника и краеведа / Под ред. С.В. Обручева. М., Географиз, 1949; Т. 1. 808 с.; 1950. Т. 2. 684 с. [Spravochnik puteshestvennika i kraeveda / Pod red. S.V. Obrucheva. M., Geografiz, 1949; T. 1. 808 s.; 1950. T. 2. 684 s.].
- Ставровский А.Е. Краеведческая работа в школе. М.: Учпедгиз, 1954. 287 с. [Stavrovskij A.E. Kraevedcheskaja rabota v shkole. M.: Uchpedgiz, 1954. 287 s.].
- Степанов Б.Е. «Воспитание городом»: урбанистическое воображение в школьных учебниках 1920-х годов // *Вестник Пермского университета. История*. 2022, № 4(59), С. 152–163 [Stepanov B.E. «Vospitanie gorodom»: urbanisticheskoe voobrazhenie v shkol'nyh uchebnikah 1920-h godov // *Vestnik Permskogo universiteta. Istorija*. 2022, № 4(59), S. 152–163.].
- Степанов Б.Е. Конструирование образа города в учебниках по родноведению (1870-е – 1910-е годы) // *Отечественная и зарубежная педагогика*. 2021, Т. 1, № 2, С. 112–129. [Stepanov B.E. Konstruirovanie obraza goroda v uchebnikah po rodinovedeniju (1870-e – 1910-e gody) // *Otechestvennaja i zarubezhnaja pedagogika*. 2021, T. 1, № 2, S. 112–129.].

- Степанов Б.Е., Костенко С.М. «Это все, мое, родное»: учебные пособия и школьное краеведение 1960-1980-х годов. (в печати) [Stepanov B.E., Kostenko S.M. «Jeto vse, мое, rodnoe»: uchebnye posobija i shkol'noe kraevedenie 1960–1980-h godov. (v pečati)].
- Цепляева Н.В. Факультатив по краеведению: (Дореволюционный период). Магадан: Кн. изд-во, 1972. 144 с. [Cepljaeva N. V. Fakul'tativ po kraevedeniju: (Dorevoljucionnyj period). Magadan: Kn. izd-vo, 1972. 144 s.].
- Юньев И.С. Беседы о краеведении. М.: «Знание», 1966. 160 с. [Jun'ev I.S. Besedy o kraevedenii. M.: «Znanie», 1966. 160 s.].
- Юньев И.С. Краеведение и туризм. М.: «Знание», 1974. 104 с. [Jun'ev I.S. Kraevedenie i turizm. M.: «Znanie», 1974. 104 s.].
- Dopovan V. “How Well Do You Know Your Krai?” The Kraevedenie Revival and Patriotic Politics in Late Khrushchev-Era Russia // *Slavic Review*. 2015. T. 74. № 3. P. 464–483.
- Gavrilova S. Redefining the Soviet krayevedeniye: The role of spatial science in the Soviet system of knowledge production // *Journal of Historical Geography*. 2022. № 75. P. 14–23.
- Kelly C. *Socialist Churches: Radical Secularization and the Preservation of the Past in Petrograd and Leningrad, 1918–1988*. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2016; 440 p.

Степанов Борис Евгеньевич, кандидат культурологии, доцент, Факультет гуманитарных наук, директор, ИГИТИ им. А.В. Поletaева, НИУ ВШЭ; bstepanov@hse.ru

“You Will Quickly Find Tynda on the Map...”: Late Soviet School Local Studies and Images of the City in Educational Literature⁵⁷

The paper focuses on the role of school local studies (kraevedenie) in shaping the urban imagination in late Soviet society. One of the results of the revival of local studies in the post-war period was the emergence of a corpus of textbooks designed to supplement students' knowledge of local nature and history. Having selected the corpus of history and natural history textbooks for 3rd-4th grades, published in the 1960s-1980s by regional publishers, as the source material for the study, the author draws conclusions on the specific development of school local studies and, in particular, the representation of the city in them compared with previous and subsequent periods of its development.

Keywords: *urban imagination, local studies, textbooks, late Soviet society, school education, localization*

Stepanov Boris, Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Faculty of Humanities NRU HSE, Head of the Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, Higher School of Economics, Russia, bstepanov@hse.ru

⁵⁷ The reported study was funded by RFBR project No. 20-013-00246 "Urban Discourse in Russian School Textbooks of the 20th Century: Rhetoric, Aesthetics, Didactics".

Д.Д. МЕСТКОВСКИЙ

ДВЕ ВСТРЕЧИ РУССКИХ ПОСЛОВ С ДАВИДОМ ХИТРЕУСОМ

В предпринята попытка проследить изменения во взглядах немецких протестантов на православие в конце 1570-х – начале 1580-х гг., которые хорошо проявились в двух разных описаниях одного и того же события (воспоминания и впечатления от личной встречи с русскими послами) в письмах Давида Хитреуса. Делается вывод о том, что общее разочарование ходом переписки тюрингенских теологов с патриархом Иеремией II заставило Хитреуса более трезво подойти к вопросу о доктринальном сходстве православия и протестантизма.

Ключевые слова: протестантизм, русские посольства, русское православие, Давид Хитреус.

---

18 октября 1569 г. профессор Ростоцкого университета и немецкий богослов Давид Хитреус в речи, носящей название «О нынешнем состоянии церкви в Греции, Азии, Африке, Венгрии, Богемии и т.д.» и впервые изданной в том же году в Росток¹, дал детальное описание учения и обрядов восточного христианства². Последующие издания этого сочинения дополнялись приложениями, присланными Хитреусу различными авторами. Эти публикации внесли значительный вклад в формирование образа православной церкви в протестантской среде. Сама возможность создания подобного труда покоилась на гуманистически-энциклопедическом подходе второго поколения протестантов, к которым принадлежал и Хитреус³. Острая конфронтация с католицизмом, определявшая взгляд первого поколения протестантов на православные церкви, уже не довлела над новым поколением протестантов⁴.

В исследовательской литературе поднимался вопрос об источниках сведений для этой речи. Помимо личных наблюдений, чтения богословских и исторических сочинений и писем, присылаемых Хитреусу его многочисленными корреспондентами, важную роль играли личные контакты немецкого протестанта с православными. Впрочем, история складывания образа православия в протестантской среде (и в работе Хитреуса, в частности) не сводится к простому накоплению и суммированию материала. В пределах нескольких лет общий настрой мог радикально поменяться, вызвав изменения в предпочтениях, принципах отбора источников, особенностях изображения православия. Эти изменения заставляли кардинально пересматривать данные ранее оценки прошлых событий, впечатлений. Рассматриваемые сведения о таких встречах позволяют это продемонстрировать. Различия в двух описаниях первой встречи (1578) с русскими послами и единственная характеристика вто-

---

¹ Benga 2012: 72.

² Hering 1981: 837.

³ Wendebourg 1986: 23.

⁴ Fuchs 1993: 33.

рой встречи (1580) хорошо отражают общие изменения в представлениях немецких протестантов касательно православия.

25 сентября 1577 г. к императору Священной Римской Империи Рудольфу II отправилось посольство Ждана Ивановича Квашнина⁵. Переводчиком в посольстве был Федко Филипов – уроженец Ливонии, до перехода на службу к русскому царю звавшийся Вильгельмом Попплером⁶. В декабре 1577 г. по дороге в Вену это посольство посетило Росток⁷. Судя по воспоминаниям Хитреуса, изложенным им в письмах, обратный путь посольства также пролегал через Росток. В научной литературе первую встречу Хитреуса с русскими послами датируют 1576 г.⁸ Такая датировка представляется спорной. Так, в своём письме к герцогу Ульриху Меклембургскому от 24 сентября 1580 г. Хитреус пишет о посещении его русскими послами три с половиной года назад⁹. В письме к Мартину Крузиусу от 10 мая 1578 г. он прямо указывает, что посольство возвращалось от Рудольфа II¹⁰. Император Максимилиан II скончался 12 октября 1576 г., следовательно, наиболее вероятно, что первые русские православные, с которыми лично встречался Хитреус, были члены посольства Квашнина 1577–1578 гг.

Впервые об этой встрече Хитреус рассказал М. Крузиусу, профессору Тюбингенского университета и филологу-классику, который перенёс текст письма в свой дневник. Первые впечатления о встрече с русскими послами у Хитреуса большей частью положительные. Так, он пишет: «В прошедшем марте месяце с послами московского царя, возвращавшихся от нашего императора Рудольфа, много об их вере и стране разговаривал через переводчика. Также читал с ними статьи из Аугсбургского исповедания: и я понял, что они соответствуют греческой церкви. Также рассказывают, что каждый год византийский патриарх отправляет посла в Россию. В вопросе о Троице, двух природах Христа, крещении и причастии они полностью согласны с нами. Об оправдании необходимости добрых дел для спасения и применения благ Христовых они придерживаются того же, что и паписты, и со всем упорством защищают призывание святых и почитание образов»¹¹.

⁵ Бантыш-Каменский 1894: 10–11; Donnert 1963: 145.

⁶ Ерусалимский, Шварц 2018: 77–78.

⁷ Там же: 83.

⁸ Stuth 2000: 75; Benga 2012: 75, 182.

⁹ Эта очевидная неточность в дате и послужила источником путаницы с определением посольства, с которым имел встречу Д. Хитреус.

¹⁰ Дневник М. Крузиуса находится в библиотеке Тюбингенского университета. На сайте университета доступны высококачественные фотоснимки всех дневников. Crusius Martin. Diarium. 1573-10. Februar 1581.

¹¹ «Ego superiori mense Martio, cum moscovia Casaris legatis, a nostro Imperatore Rodolpso reversis, multa de ipsorum religione et regione, per interpretem collocatus sum. Articulos etiam confes[s]io August[iana] cum illis ordine perlegi: ac intelligo illas Graeca Ecclesia conformis esse. Narrant etiam, singulis annis a Patriarcha Byzantiae Legatus in Russia mitti. De Trinitate, de duobus in Christo naturis, de Baptismo et Coena Domini, plane nobis ὁμοψηφοί sunt. De iustificatione, operum nimis necessitatem ad salutem, seu applica-

В следующий раз Хитреус пишет о второй встрече с русскими послами, имевшей место в августе 1580 г., в двух письмах того же года – Иоанну Хайнцелиусу и генриху Ульриху Меклембургскому. На этот раз он общался с членами посольства Афанасия Резанова, переводчиком в нем состоял тот же Федко Филипов. Резанов в описании посольства рассказывает о восьми днях, проведенных в Росток¹². К сожалению, статейные списки посольств (РГАДА Ф. 32. Оп. 1. № 3 и 4), не содержат каких-либо сведений со стороны членов посольства о встрече с немецким протестантом. Однако, надо полагать, о встрече 1578 г. было рассказано в Посольском приказе, так как посольство А. Резанова, отправленное в 1580 г. и следовавшее через Росток, искало встречи с Хитреусом¹³. В письме герцогу Ульриху Меклембургскому, датированном днём святого Мартина (11 ноября), Хитреус пишет о приёме посольства Резанова в Праге, снаряжении необходимым и сопровождении в Любек¹⁴.

В письме¹⁵ Хайнцелиусу Хитреус сообщает, что узнал от посланников разные вещи об их вере – об утверждении епископов константинопольским патриархом и проповедовании благочестия царя путём ежедневного посвящения определённых часов молитве и чтению священных текстов¹⁶. Хитреус также передаёт слова членов посольства, жалующихся на чудовищную и варварскую жестокость Ивана Грозного – по видимому, такая характеристика царю была дана Ф. Филиповым, который позже делился с Антонио Поссевино своим разочарованием в правлении Ивана IV¹⁷. В письме Ульриху Меклембургскому от 24 сентября 1580 г. Хитреус снова рассказывает об этих встречах. Можно заметить, что от первой встречи у него остались хорошие воспоминания, ее обстоятельства он описывает почти так же, как в письме Крузиусу, добавляя положительные характеристики описанию посольства 1577–1578 гг. Одним из мотивов письма герцогу, помимо чувства гордости, вызванного фактом приёма в своем доме членов русского посольства, послужило желание прокомментировать слухи о том, что русским послам был показан географический атлас мира (*Theatrum Mundi*). По мнению распро-

---

tionem beneficiorum Christi, ut pontificii requirunt: et sanctorum ac imaginem venerationem, et inuocationem mordicus defendunt». Ibid.

¹² Памятники дипломатических сношений России... Т. 1: Стб. 823.

¹³ Stuth 2000: 75–76.

¹⁴ Это и другие письма Хитреуса доступны в виде фотоснимков с высоким разрешением на сайте архива федеральной земли в городе Шверин (*Landeshauptarchiv Schwerin*) в коллекции «*Korrespondenz der Herzöge mit Gelehrten*». LHAS, Korresp., 216, fol. 102-51v, David Chytraeus an Herzog Ulrich von Mecklenburg, 1580; Памятники дипломатических сношений России с Империей Римскою. Т. 1: Стб. 828.

¹⁵ К сожалению, это письмо было помещено без точной даты. Его текст содержится в сборнике писем, подготовленном сыном Хитреуса. Pettke 2000: 144–145.

¹⁶ «Ex quo varia de eorum religione, quae tota Grecis Ecclesiis conformis est: (Nam a Constantinopolitano Patriarcha episcopi Moscouiae confirmationem accipiunt,) per interpretem cognoui. Imperatoris sui pietatem, quotidie certas horas precatiori & lectioni sacrae tribuentem, praedicant». Davidis Chytraei Epistolae 1614: 331.

¹⁷ Дубровский 2018: 467.

странителей слухов, это ставило земли империи в опасность¹⁸. Хитреус оправдывался тем, что шесть лет назад русские послы к императору Максимилиану II уже видели атлас и прочие карты.

В конце письма герцогу Хитреус выказывает гораздо меньше удовольствия от второй встречи с русскими послами. Вероятно, он решил несколько ослабить свою характеристику Московского царства как христианского государства, добавив приписку «zu teil» над 13 строкой на 4 странице письма: «neben der Christlichen Religion, die sie in Reussen sonst auch zu teil haben»¹⁹. Эти слова вписаны им в фразу, в которой он выражает благодарность Богу за то, что им не пришлось жить в условиях ужасной тирании, и то была не просто похвала герцогу²⁰. Это «речевое» событие вполне укладывается в схему светски ориентированной стратегии описания политического устройства страны (в данном случае только краткое упоминание тирании), начинающегося с повествования о религии²¹. Подобное смешение различных дискурсов приводит к смещению значения некоторых элементов: так, особенности русского православия достойны упоминания не столько потому, что автор исповедовал лютеранство, сколько потому, что они (недостаточная распространённость «христианской религии») свидетельствовали об общей «ненормальности» или «жестокости» и «несправедливом» политическом устройстве Московского царства. Жестокости Ливонской войны вызвали постановку в протестантской среде вопроса о принадлежности русских православных к христианам (касательно греков таких сомнений не было)²².

Другая сторона интереса Хитреуса была связана с возможностями продемонстрировать православным статьи Аугсбургского вероисповедания. В своих первых контактах с православными протестанты стремились распространить своё учение в небольших кругах. Тогда они ещё не получили отрезвляющий опыт разочарования из-за отсутствия признания со стороны константинопольского патриарха Иеремии II²³. Эти обстоятельства отразились и на описании Хитреусом своих впечатлений от встреч с русскими послами. Если в письме к Крузиусу он ещё заявляет о согласии русских послов с протестантами в некоторых вопросах веры («plane nobis ómóψηφοί sunt»²⁴), то в письме к герцогу мотив согласия

¹⁸ Stuth 2000: 75, 90.

¹⁹ «...христианской религии, которой, кроме того, они в России также отчасти придерживаются...». LHAS, Korresp., 216, fol. 98–49v, David Chytraeus an Herzog Ulrich von Mecklenburg, 24.09.1580.

²⁰ Stuth 2000: 76.

²¹ Пример анализа подобных речевых стратегий в протестантских сочинениях (на материале шведских протестантов первой половины XVII в.) см.: Толстиков 2002: 7, 8, 64. О влиянии Ростокского университета на скандинавских студентов и через них на лютеранскую веру в Швеции см.: Czaika 2002: 90-91; 2011: 513; Макаров 2007: 425; Мокробоородова 2013: 57–58.

²² Hering 1981: 848.

²³ Ibid. S. 833-837, 840.; Benz 1971: 184–186.

²⁴ «... полностью согласны с нами». Crusius Martin. Diarium. 1573–10. Februar 1581.

полностью исчезает из описания этой же встречи (1578) и сменяется сухим отчётным предложением о том, что русские послы рассказали о своей вере («was Ir glawb von einem ieden were, darauff angerhoret»²⁵).

Нельзя сказать, что две рассмотренные встречи остались исключительно в личных воспоминаниях и переживаниях некоторых немцев и русских. Впоследствии именно эти встречи послужили стимулом для Хитреуса серьёзно заинтересоваться русским православием²⁶. Задачу создать более подробное описание русского православия он поручил уже своему ученику – Павлу Одерборну²⁷.

Приложение Письмо Давида Хитреуса герцогу Ульриху Меклембургскому от 24 сентября 1580 г.²⁸

Dem Durchleuchtigen Hochgebornen Fursten und Herrn, Herrn Ulrichen Herzogen zu Mekelnburg, Fursten Zu Wenden, Graffen zu Swerin, der Land Rostokund Stargard Herrn, meinem Gnedigen Herrn.

Gottes Gnad durch seinen Eingebornen von unsern Herrn und Heiland Jesum Christum, sampt meinem Unterthoniger gehorsam, und Vleissiger Gebett für E. F. G.²⁹ langwirige und selige Regirung zuvor. Durchleuchtiger Hochgeborner fürst, Gnadiger Herr. E. F. G. übersende ich hiebey unterthoniglich, etliche zeitungen, so, von der Proposition³⁰ des Churfürstentags zu Nornberg³¹ von dem neuen König in Portugall Antonio; von Abschaffung der Niderlendischer Kriegßschiff vff dem Rhein bey Collen; Von Erzherzog Matthias für trag³² vff dem letzten Landttag der Niderlendischer Prouincien mense Julio gehalten, und andern sachen; mir newlicher tag zukhomen. Bitte unterthoniglich, E. F. G. wollen mir diese Unterthonige anzeigung guediglich zu gutt halten. Und dieweil ich berichtet, wie mir von etlichen daselbst ubel nach gedeudet sey, daß ich dem Moscovitischen Gesandten allhie das Theatrum Mundi oder Landtafeln der ganzen Welt, sehen lassen: darauß, weiß nicht was gröss³³ Gefahr dem Romischen Reich entstehen khonte: Sol E. F. G. ich dagegen unterthoniglich nit anner meldet lassen, daß albereit vor sechs Jaren, die Romische Keyserl Maiestet Maximilianus II hochloblichsten Gedechtnuß selbst, die beiden Bücher, Theatrum mundi, und Theatrum Urbium ganz herrlich illuminiret, und in rotem Carmin sammat eingebunden, dem Großfürsten in der Moschow, alß ein sonderliche Verehrung unter andern zugeschicket, und sich der grossen gefahr, die dem Romischen Reich hieuon entstehen mochte, nit befahret hat. Dises haben mich die vorigen Moscovitischen Gesandten, so vor dritthalb Jaren hie durchgezogen, und sonderlich der Deutsche Secretarius, so etwa ein Bürgermeister zu Perleberg gewest Magnus

²⁵ «<...> услышал, во что они верят». LHAS, Korresp., 216, fol. 98–49v, David Chytraeus an Herzog Ulrich von Mecklenburg, 24.09.1580.

²⁶ Benga 2012: 182.

²⁷ Davidis Chytraei Epistolae 1614: 1031.

²⁸ При транскрибировании и переводе письма были использованы фотоснимки с сайта архива федеральной земли в г. Шверин. LHAS, Korresp., 216, fol. 95–48r – 100–50v, David Chytraeus an Herzog Ulrich von Mecklenburg, 24.09.1580. Орфография и пунктуация изменениям не подвергались. В тексте перевода в круглых скобках курсивом помещены вставки от руки, располагающиеся над первоначальным текстом письма.

²⁹ «Euer Fürstliche Gnaden».

³⁰ Сверху вписано от руки неразборчиво «im...».

³¹ Сверху вписано от руки неразборчиво «... verschoben sein».

³² В тексте письма написано раздельно.

³³ Первоначально было написано «grösser», но в итоге Хитреус зачеркнул окончание.

Paulsen, selbs berichtet. Wie sie dann viel bescheidner und verstendiger, denn dise, von der Religion und andere sachen viel mit mir conversiret, und das Neue Testament in der Reussischen sprach, mit gar schonen griechischen Buchstaben gedruket, so sie neben dem Psalter und andere Reüssische betbücher mit umher gefüret, und teglich gewisse stunden darinn gelesen, mir durch zusehen in mein haus geliehen. Ich hab Inen auch alle artikel der Augsburgischen Confession, durch der Dolmetscher fürlesen, und was Ir glawb von einem ieden were, darauff angerhoret. Und inen die Historien den Augsburgischen Confession mit gegeben. Dieses haben die vorigen Gesandten, dem ietzigem angezeigt, der darauff bald den andern tag, als er allhie ankohmen, mich gefordertt. Derhalben ich in, zwey oder drey mal besucht, und von seinem Dolmetschen allerley gehoret, dadurch ich bewogen Gott als der Hertzlicher zu dancken, daß wir dieser Orten in Deutschland, neben der Christlichen Religion, die sie in Reussen sonst auch³⁴ haben nicht unten solchem Zornigen (wie in seine Gesandten nennen) grewlichen wütigen Tyranen, sondern Gottfürchtigen, Gerechten, Gnädigen und Gutthätigen Oberherrn von Gott unterworffen sein. Bitte nachmalß E. F. G. wollen mir dise unterthonige entschuldigung gnediglich zugut halten und mein gundiger herr sein und bleiben.

Datum 24 Septembris anno 1580

E. F. G. Unterthoniger Diener

David Chytraus

Перевод

Пресветлейшему, Высокородному князю и господину, господину Ульриху герцогу меклембургскому, князю Венденскому, графу Шверинскому, лорду земель Ростока и Штаргарда, моему милостивому господину.

Прежде всего, благодарят Божия от Господа нашего Иисуса Христа и моя скромная, преданная и усердная молитва за долгое и благословенное правление Вашей Княжеской Милости. Пресветлейший, Высокородный князь, милостивый господин. Ваша Княжеская Милость, я смиренно пересылаю здесь некоторые известия, такие как выступление эрцгерцога Маттиаса на последнем ландтаге в Нидерландских провинциях в июле, о предложении (*переноса*) собрания курфюрстов в Нюрнберге³⁵, о новом короле Португалии Антонию, об отбытии нидерландского военного корабля с Рейна близ Кёльна, и другие сообщения, которые недавно пришли ко мне. Покорно прошу Вашу Княжескую Милость любезно принять эти скромные донесения. Меж тем я сообщаю, что некоторые плохо меня выставляют: [говорят – М.Д.] что я позволил московскому послу увидеть *Theatrum Mundi* и карты земель всего света – не знаю, какой значительной опасности можно было бы подвергнуть империю. Не следует ли мне сообщить Вашей Княжеской Милости, что шесть лет назад Его Величество высококородной памяти римский император Максимилиан II обе книги, *Theatrum Mundi* и *Theatrum Urbium*, превосходно украшенные и обернутые в красный кармазин³⁶, отправил великому князю в Московию в знак особого уважения, и это не привело к великой опасности для империи, которая могла бы случиться из-за этого. Об этом три с половиной года назад мне рассказали предыдущие московские послы, которые были здесь проездом, и особенно немецкий секретарь³⁷, а также об этом сообщил сам Магнус Паульсен, который был бургомистром Перлеберга. Поскольку то посольство³⁸ было скромнее и смыслёнее, чем это³⁹, мы

³⁴ Сверху вписано от руки «zum teil»

³⁵ Собрание курфюрстов в Нюрнберге много раз переносилось. Hartl 1904: 23, 27.

³⁶ Сукно тёмно-красного цвета.

³⁷ По-видимому, имеется в виду переводчик с немецкого Федко Филипов.

³⁸ Посольство Ждана Квашина 1577–1578 гг.

много говорили о религии и других вещах. Помимо Нового Завета на русском языке, напечатанного красивыми греческими буквами, они носят Псалтирь и другие русские молитвенные книги, откуда они ежедневно в определённые часы читают. Эти книги они позволили мне посмотреть в моём доме. Также я читал им все статьи из Аугсбургского исповедания через переводчика и услышал, во что они верят⁴⁰. И я передал им историю Аугсбургского исповедания. Об этом прошлое посольство рассказало нынешнему, которое искало меня на следующий день, после того как они прибыли сюда⁴¹. Поэтому я два или три раза посещал [русских послов – М.Д.] и от их переводчика слышал разные вещи, и вследствие этого я склонен благодарить милостивого Бога за то, что мы здесь, в Германии, будучи в христианской религии, которой, кроме того, они в России также (*отчасти*) придерживаются, не находимся под такими гневными (так его называют собственные послы), ужасными, свирепыми тиранами, но Богом подвластны богобоязненным, справедливым, милостивым и добродетельным господам. Ваша Княжеская Милость, пожалуйста, примите любезно моё смиренное извинение и оставайтесь моим благожелательным господином.

24 сентября 1580 г.
Преданный слуга Вашей Княжеской Милости
Давид Хитреус

Crusius Martin. Diarium. 1573-10. Februar 1581. URL: <http://idb.uni-tuebingen.de/opedngi/Mh466-1#tab=struct&p=653>

Davidis Chytraei Epistolae. Hanoviae, 1614. 1284 p.

LHAS, Korresp., 216, fol. 102-51v, David Chytraeus an Herzog Ulrich von Mecklenburg, 1580. URL: https://www.digitale-bibliothek-mv.de/viewer/fullscreen/PPNLHAS_2_12-1_24Nr216/102/.

LHAS, Korresp., 216, fol. 98-49v, David Chytraeus an Herzog Ulrich von Mecklenburg, 24.09.1580. URL: https://www.digitale-bibliothek-mv.de/viewer/fullscreen/PPNLHAS_2_12-1_24Nr216/98/

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). Ч. 1. (Австрия, Англия, Венгрия, Голландия, Дания, Испания). М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1894. 303 с. [Bantysh-Kamenskii N.N. Obzor vneshnikh snoshenii Rossii (po 1800 g.). Ch. 1. (Avstriya, Angliya, Vengriya, Gollandiya, Daniya, Ispaniya). M.: Tip. E. Lissnera i Yu. Romana, 1894. 303 p.]
- Дубровский И.В. Сообщение о Московском государстве в «Атласе» Меркатора // Русский Сборник: Исследования по истории России. 2018. Т. XXIV. С. 388–472. [Dubrovskii I.V. Soobshchenie o Moskovskom gosudarstve v «Atlase» Merkatora // Russkii Sbornik: Issledovaniya po istorii Rossii. 2018. T. XXIV. P. 388–472.]
- Ерусалимский К.Ю., Шварц И. Миссия Ждана Квашина в Священной Римской империи: К истории российско-имперских отношений XVI века // Петербургские славянские и балканские исследования. 2018. № 1 (23). С. 71–104. [Erusalimskii K.Yu., Shvarts I. Missiya Zhdana Kvashnina v Svyashchennoi Rimskoi imperii: K istorii rossiisko-imperskikh otnochenii XVI veka // Peterburgskie slavyanskii i balkanskii issledovaniya. 2018. № 1 (23). P. 71–104.]
- Макаров И.В. Очерки истории реформации в Финляндии (1520–1620 гг.): формирование национальной церковности. Портреты выдающихся деятелей финской реформации. СПб.: ИП Генкин А.Д., 2007. 559 с. [Makarov I.V. Ocherki istorii reformatsii v Finlyandii (1520–1620 gg.): formirovanie natsionalnoi tserkovnosti. Portrety vydayushchikhsya deyatelei finskoi reformatsii. Spb.: IP Genkin A.D., 2007. 559 p.]
- Мокрородова Л.С. Quaestio nostro saeculo inusitata: Русское православие в тезисах Йоханнеса Ботвиди «Христиане ли Московиты?» (1620). Åbo: Åbo Akademi University Press,

³⁹ Посольство Афанасия Резанова 1580 г.

⁴⁰ Благодарю Д. Бенгу за помощь в разборе этого предложения.

⁴¹ В Росток.

2013. 284 с. [Mokroborodova L.S. Quaestio nostro saeculo inusitata: Russkoe pravoslavie v tezisakh Iokhannesa Botvidi «Khristiane li Moskovity?» (1620). Åbo: Åbo Akademi University Press, 2013. 284 p.]
- Памятники дипломатических сношений России с Империею Римскою. Т. 1: (с 1488 по 1594 год). СПб., 1851. 1620 стб. [Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii Rossii s Imperieyu Rimskoju. T. 1: (s 1488 po 1594 god). SPb., 1851. 1620 stb.]
- Толстиков А.В. Русское православие в политике и политической риторике Швеции, первая половина XVII в.: Дисс. канд. ист. наук. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2002. 179 с. [Tolstikov A.V. Russkoe pravoslavie v politike i politicheskoj ritorike Shvetsii, pervaya polovina XVII v.: Diss. kand. ist. nauk. M.: Institut vseobshchei istorii RAN, 2002. 179 p.]
- Benga D. David Chytraeus (1530-1600) als Erforscher und Wiederentdecker der Ostkirchen. Seine Beziehungen zu orthodoxen Theologen, seine Erforschungen der Ostkirchen und seine ostkirchlichen Kenntnisse. Giessen: VVB Lauferweiler Verlag, 2012. 281 S.
- Benz E. Wittenberg und Byzanz. Zur Begegnung und Auseinandersetzung der Reformation und der östlich-orthodoxen Kirche. München: Wilhelm Fink Verlag, 1971. VIII, [4], 288 S.
- Czaika O. Chytraeus David // Frühe Neuzeit in Deutschland, 1520 – 1620: Literaturwissenschaftliches Verfasserlexikon. Bd. 1: Aal, Johannes – Chytraeus, Nathan / Hrsg. von Wilhelm Kühlmann [et al.]; Red. J. Klaus Kipf. 2011. Berlin; Boston. S. 511–521.
- Czaika O. David Chytraeus und die Universität Rostock in ihren Beziehungen zum schwedischen Reich. Helsinki: Luther-Agricola-Gesellschaft, 2002. 538 S.
- Donnert E. Der livländische Ordensritterstaat und Rußland: Der Livländische Krieg und die baltische Frage in der europäischen Politik 1558–1583. Berlin: Rütten und Loening, 1963. 320 S.
- Fuchs T. David und Nathan Chytraeus. Eine biographische Annäherung // David und Nathan Chytraeus. Humanismus im konfessionellen Zeitalter. 1993. Ubstadt-Weiher: Verlag Regionalkultur. S. 33–46.
- Hartl J. Vorbereitungen zu einem Kollegialtage in Nürnberg 1580 (Versammlung des Kaisers und der Kurfürsten) und Lieferung von Lebensmitteln aus der Oberpfalz in die genannte Reichsstadt // Verhandlungen des Historischen Vereins für Oberpfalz und Regensburg. 1904. Bd. 56. S. 1–34.
- Hering G. Orthodoxie und Protestantismus // Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik. 1981. Bd. 31. S. 823–874.
- Pettke S. Im Umfeld des Testaments. Nachrichten über David Chytraeus und seine Familie. Aus den Akten des Akademischen Gerichts der Universität Rostok // David Chytraeus (1530-1600): Norddeutscher Humanismus in Europa; Beiträge zum Wirken des Kraichgauer Gelehrten. 2000. Ubstadt-Weiher: Verlag Regionalkultur. S. 143–162.
- Stuth S. David Chytraeus und die mecklenburgischen Landesfürsten. Am Beispiel der Korrespondenz mit Herzog Ulrich // David Chytraeus (1530-1600): Norddeutscher Humanismus in Europa; Beiträge zum Wirken des Kraichgauer Gelehrten. 2000. Ubstadt-Weiher: Verlag Regionalkultur. S. 73–94.
- Wendebourg D. Reformation und Orthodoxie. Der ökumenische Briefwechsel zwischen der Leitung der Württembergischen Kirche und Patriarch Jeremias II. von Konstantinopel in den Jahren 1573 – 1581. 1986. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. 425 S.
- Местковский Дмитрий Дмитриевич, аспирант АШИН НИУ ВШЭ; mestkovsky@gmail.com*

Two Meetings of Russian Ambassadors with David Chytraeus

This article attempts to trace the changes in Protestants' views on Orthodoxy in the late 1570's and early 1580's. These changes are well observable in two accounts of the same event (impressions from personal meetings with Russian ambassadors) in the letters of D. Chytraeus. It is concluded that the general disappointment with the course of correspondence between the Tübingen theologians and Patriarch Jeremiah II compelled D. Chytraeus to describe similarities between Orthodoxy and Protestantism more circumstantially.

Keywords: *Protestantism, Russian embassies, Russian Orthodoxy, David Chytraeus.*

Mestkovsky Dmitry Dmitrievich, graduate student in Doctoral School of History National Research University HSE; mestkovsky@gmail.com

АЧЕХСКАЯ ВОЙНА И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ Х.С. ХЮРГРОНЬЕ В КОНТЕКСТЕ КОЛОНИАЛЬНОГО ОПЫТА АНТИПОВСТАНЧЕСТВА ВЕДУЩИХ ЕВРОПЕЙСКИХ ДЕРЖАВ¹

В статье рассмотрена деятельность голландского антрополога и исламоведа Христиана Снука Хюргронье в контексте Ачехской войны. Проанализированы рекомендации ученого по организации контрпартизанской деятельности Голландской империи в регионе Аче. Показано место и роль Хюргронье в традиции колониального антиповстанчества ведущих европейских империй. Проведен сравнительный анализ экспертной деятельности голландского ученого с аналогичным опытом Франции, Британии, Бельгии. Приводится доказательство того, что вывод зарубежных исследователей о том, что именно Х.С. Хюргронье первым в мире создал всеобъемлющую стратегию противодействия повстанцам, не соответствует действительности.

Ключевые слова: Колониальная антропология, антиповстанчество, колониальный опыт, Христиан Снук Хюргронье, Ачехская война, Индонезия.

Ачехская война являлась центральным событием политики Голландии в отношении Внешних владений. Продлилась она с 1873 по 1913 год, когда были уничтожены последние лидеры повстанцев. Ключевую роль в разрешении конфликта сыграло назначение в 1892 г. известного исламоведа Х. Снука Хюргронье на пост специального советника при губернаторе Аче Й. ван Хэютсе, поскольку представленный ученым доклад «лег в основу голландской политики в султанате и оказал большое влияние на действия колонизаторов на Внешних островах»².

Наиболее обстоятельно данный сюжет исследовал В.А. Тюрин, который в своей монографии «Ачехская война. Из истории национально-освободительного движения в Индонезии» убедительно показал двоякую роль Хюргронье в разрешении конфликта. Хюргронье, с одной стороны, создал лучший научный труд по истории, общественному строю и культуре ачехского народа, но, с другой – он выработал «план удушения сопротивления ачехского народа, более действенный (и, по его мнению, более человечный), чем все то, что предлагалось его предшественниками и современниками»³. Тем самым, В.А. Тюрин подчеркнул, что Хюргронье был человеком своего времени и активное сотрудничество с колониальной администрацией с целью покорения коренных жителей султаната Аче не противоречило его представлениям о научной этике.

Особое место в историографии занимает статья Г. Бенды «Христиан Снук Хюргронье и основы исламской политики Нидерланд в Индонезии». В ней автор с явной симпатией описывает заслуги голландского исламоведа, отмечая, что именно благодаря Хюргронье Ачехская война завершилась победой, а рост национально-освободительных движений

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда 22-18-00011

² Другов 2005: 35.

³ Тюрин 1970: 218-219

в первой половине XX в. связан с тем, что колониальные администраторы отказались от политики, основанной на экспертных заключениях Хюргронье⁴. Тем самым, Г. Бенда противопоставляет экспертное знание ученого-антрополога представлениям военных и колониальных администраторов, указывая на их антагонистический характер.

Большая часть работ как зарубежной, так и отечественной историографии посвящены анализу антропологических изысканий Х. Снука Хюргронье, а также его позиций по актуальным вопросам развития исламского населения Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока. Такая проблематика отражена в исследованиях С.К. Мэндела, Н. Флориды, М. Фикри, С.А. Шерстокова, М.А. Родионова⁵. Однако данные работы не определяют место Х. Снука Хюргронье в общем контексте колониальной антропологии и стратегии колониального антиповстанчества.

В качестве исключения следует отметить работу П. Гроена, в которой автор пришел к парадоксальному выводу, что именно Хюргронье первым в мире создал всеобъемлющую стратегию противодействия повстанцам, а не его британские или французские коллеги⁶, хотя эта мысль не была достаточно подкреплена фактами. Гроен не учел целый ряд важных работ по стратегии и тактике контрпартизанской борьбы, созданный британскими и французскими колониальными офицерами, и основывался прежде всего на личной симпатии к Х.С. Хюргронье.

При этом вывод П. Гроена нашел свое отражение в статье известного американского антрополога Монтгомери Макфейт (научного консультанта программы Пентагона по изучению культуры стран присутствия армии США в 2007–2010 гг.). Как и Хюргронье, М. Макфейт использовала антропологические данные в антиповстанческой деятельности. В частности, в 2007 г. она написала, что «для победы над западными противниками следует акцентировать внимание на понимании иностранных культур и обществ»⁷. При этом, на основе работы П. Гроена, М. Макфейт приходит к еще более парадоксальному выводу – исследования Хюргронье должны стать основой американской стратегии противодействия исламизма⁸. Тем самым, исследователь предприняла попытку, актуализировав интеллектуальное наследие Хюргронье, использовать его для решения практических проблем в современном мире. Подобный утилитарный подход сложно назвать научным, но он является типичным для М. Макфейт, за что она и критиковалась академическим антропологическим сообществом США⁹.

Таким образом, в историографии до сих пор не представлены работы, посвященные определению места интеллектуального наследия

⁴ Benda 1958: 346-347.

⁵ Mandal 1994; Florida 1997; Fikri 2015; Шерстоков 2015; 2018; Родионов 2021.

⁶ Groen 2012: 290.

⁷ McFate 2007: 20.

⁸ McFate 2019: 437-439.

⁹ González 2008: 21-26.

Хюргронье в общем контексте колониального опыта контрпартизанской деятельности ведущих европейских держав. Эту задачу и призвана решить данная публикация, с опорой, прежде всего, на метод компаративного анализа, позволяющий сравнить изыскания и предложения Х. Снука Хюргронье с аналогичными контрпартизанскими работами британских и французских колониальных офицеров.

Х. Снук Хюргронье прибыл в Индонезию в 1889 г. с целью выработки рекомендаций колониальной администрации по подавлению партизанского движения в Аче. Итогом его трехлетней работы стала публикация двухтомного этнографического исследования. В переводе на английский язык эта работа Хюргронье появилась в 1906 г.¹⁰

Встает вопрос, почему Хюргронье вместо конкретных практических рекомендаций написал академический этнографический справочник? Голландский исследователь объяснял это тем, что «колониальная администрация погрязла в невежестве»¹¹. Тем самым, по его мнению, подавить сопротивление ачехцев можно было, лишь имея достоверные сведения о традициях и мировоззрении этого народа. Такой вывод подтверждает и знаменитый британский стратег контрпартизанской деятельности Ч. Колвелл, автор фундаментального труда «Малые войны: их принципы и практика», изданного в 1896 г. В частности, Колвелл пишет, что голландцам не удалось сломить сопротивление ачехцев, поскольку голландцы не считали нужным получить достоверные сведения об этом народе и использовать эту информацию в военных целях¹².

Структура труда Хюргронье включает в себя такие темы, как выращивание сахарного тростника, полигамия, захоронение умерших, азартные игры, религиозные праздники, социальная структура общества Аче. Разделы, посвященные подавлению восстания и контрпартизанской деятельности, отсутствуют. Однако это не было уникальным явлением. В 1845 г. маршал Тома Робер Бюжо написал инструкцию сотрудникам арабских бюро в Алжире следующего содержания: «вы должны понимать и говорить на идиомах коренных народов, приобрести профессиональные знания о стране путем изучения местных костюмов, действующих законов и т.д. <...> Активное и разумное наблюдение за лидерами коренных народов является деликатной задачей, возложенной на офицера, отвечающего за арабские дела. Чтобы добиться успеха, он должен, не колеблясь, часто ставить себя среди населения: посещать рынки, племена, выслушивать жалобы местных жителей»¹³. Все это привело к тому, что арабские бюро, по меткому замечанию Льюиса Уингфилда, «были более арабскими, чем сами арабы»¹⁴. Ч. Колвелл также отмечал, что «в малых войнах привычки, обычаи и способ дейст-

¹⁰ Hurgronje (a) Hurgronje (b).

¹¹ Hurgronje (a): 7.

¹² Callwell 1906: 48.

¹³ Ideville 1882: 137–8.

¹⁴ Wingfield 1886: 167.

вий на поле боя противника должны быть изучены заранее»¹⁵. Таким образом, использование антропологического знания в колониальных целях было свойственно не только подходу Хюргронье, но и другим ведущим европейским державам, хотя французские и британские колониальные администрации не считали нужным создавать столь подробные академические исследования, как это сделал голландский ученый.

Какие же практические рекомендации предложил колониальной администрации Хюргронье? Во-первых, он призывал разграничивать два проявления ислама – религиозное и политическое, не смешивая одно с другим. Он писал, что «ислам сохраняет свои позиции лишь в сфере догматов и ритуалов, обыденных практик и отношений мусульман с представителями других религий. Все остальное было освобождено от влияния ислама»¹⁶. Помимо этого, Хюргронье отмечал, что «каждый народ принимает ту часть ислама, которая больше всего согласуется с его менталитетом, обычаями и историей, при этом невольно стараясь сохранить как можно больше своего древнего знания»¹⁷. Таким образом, «подавляющее большинство продолжает жить в своих полуязыческих и суеверных мыслях и обрядах»¹⁸.

Эти размышления позволили Х.Снук Хюргронье сделать важное разграничение между исламом как религией и политической идеологией. В частности, он призывал не отождествлять взгляды партизанских лидеров и обычных ачехцев только по факту того, что те и другие были мусульманами. Более того, Хюргронье отмечал, что крестьянство было недовольно обременительными нормами шариата, засильем улем¹⁹. Он писал: «жители Аче – очень плохие мусульмане, так как пристрастились к опиуму, вечно враждуют друг с другом, как бедуины»²⁰.

Хюргронье полагал, что в чисто религиозных вопросах колониальная власть должна оставаться абсолютно нейтральной²¹. И в этом подходе тоже нельзя утверждать, что он был первопроходцем. Так, в 1846 г. Чарльз Ричард, один из первых руководителей арабского бюро в Алжире писал, что «если кто-то намеревается завоевать страну, в истинном смысле этого слова, ему нужно одержать две победы: захватить землю – это материальное завоевание, и завоевать народ»²². Тем самым, делался вывод, что колониальной администрации необходимо быть лояльной к религиозным воззрениям местного населения, а то «завоевание может продолжаться десятилетиями»²³. Французский маршал Ю. Лиоте писал,

¹⁵ Callwell 1906: 33.

¹⁶ Hurgronje (b): 280.

¹⁷ Там же: 280.

¹⁸ Там же: 279.

¹⁹ Улемы – признанные и авторитетные знатоки теоретических и практических сторон ислама, которые фактически становились феодалами.

²⁰ Там же: 70.

²¹ Там же: 293.

²² Richard 1846: 7.

²³ Там же: 7.

что «местное население является почвой партизанской войны, поэтому главная задача сделать ее огнеупорной»²⁴. Эта метафора обозначала необходимость заручиться поддержкой жителей²⁵. И религия, по его мнению, не играет существенной роли в процессе вербовки партизанскими лидерами последователей среди мирного населения.

Таким образом, представители колониальных администраций и военных служб ведущих европейских держав осознавали, что религиозные представления и учения не являются причиной появления и развития повстанческих движений. Религия – это инструмент для привлечения на ту или иную сторону местного населения, и европейцы должны умело пользоваться подобным инструментом.

Во-вторых, Хюрронье выделил причины, вследствие которых исламизм быстро распространялся по колониальным владениям Голландии. К ним он отнес простоту религиозного обращения (ислам не требует от неофитов знания и понимания своих доктрин) и силовую исламизацию населения со стороны светских властей²⁶.

В-третьих, он определил группы среди местного населения Аче, которые, как и колониальные власти, антагонистичны распространяющейся идеологии исламизма, и предлагал использовать традиционные социальные институты (к ним он отнес адат – обычное право и улибалангов – представителей традиционной наследственной элиты²⁷) в качестве барьера для исламской политической идеологии. Согласно Хюрронье улибаланги являлись «властителями страны, вождями своей собственной территории»²⁸, они «выражали почтение улемам, но продолжали править и вершить правосудие в соответствии с обычным правом, а не нормами ислама»²⁹. К тому же, улибаланги и улемы структурно конкурировали между собой за политическую лояльность населения, из чего Хюрронье делал вывод, что колониальным властям для победы над повстанцами необходимо способствовать укреплению власти улибалангов, тем более, что «вождь, у которого есть могущественные союзники за пределами его собственной территории, всегда может оказывать большее влияние на свой собственный народ»³⁰.

Тем самым, главной целью голландской политики должна была стать поддержка тех традиционных социальных и политических элементов, которые не подвержены влиянию исламского фанатизма³¹.

Французы также понимали, что власть влиятельных семей и племен не следует недооценивать, «гораздо лучше иметь их на нашей сто-

---

²⁴ Lyautey 1921: 334.

²⁵ Там же. 112–13.

²⁶ Hurgronje (a): 338.

²⁷ Hurgronje (a): 92, 153.

²⁸ Там же: 92.

²⁹ Там же: 102.

³⁰ Там же: 94.

³¹ Там же: 16.

роне, чем против нас», писал Бюжо³². В частности, в мусульманском обществе потенциал свирепости и претенциозности был велик, рассуждал он, и существует высокий риск того, что население будет подтолкнуто к «религиозным и националистическим фанатикам»³³. Кооптация и сотрудничество были элегантным способом борьбы с этим риском. «Лучший способ проверить и свести к минимуму влияние [племенных лидеров] – это заставить их служить нашим целям»³⁴. Поэтому генерал посоветовал проявлять осторожность: выбор администраторов из числа арабов был не только в высшей степени политической задачей. Их нужно контролировать и обучать, чтобы постепенно изменять модель их поведения. Но в то же время было необходимо заставить их «уважать тех, кем они управляют»³⁵. Таким образом, реализовывался старый добрый принцип: «разделяй и властвуй».

В-четвертых, Хюргронье призывая использовать в антиповстанческих операциях мобильные военные отряды, набранные из числа местных жителей, под командованием европейских офицеров, писал: «только как партизаны против партизан, используя наиболее легко оснащенные местные войска под руководством первоклассных европейских офицеров с унтер-офицерами такого же качества и действуя небольшими отрядами, можно было достичь каких-либо реальных результатов»³⁶.

Все это перекликалось с практиками, принятыми во многих колониях и антиповстанческих операциях, в которых «дисциплинированным армиям было необходимо приспособлять свои методы к методам противника»³⁷. Так, в Алжире маршал Бюжо стал использовать т.н. «раззии» – набеги. Такие раззии с их беспорядочным убоем не только производили желаемый ужас, но также давали богатую добычу скота и продуктов, желанное чередование военных пайков. Подполковник де Монтаньяк, офицер, известный своей жестокостью и позже убитый алжирскими боевиками, аплодировал новой тактике: «это решило, – писал он, – огромную проблему... чтобы накормить наших солдат в Африке без необходимости в этих огромных конвоях снабжения»³⁸.

Необходимо вспомнить и бельгийский Форс Пюблик, формировавшийся в Конго на основе вербовки африканского населения почти со всего континента под командованием европейских офицеров³⁹. При этом мобильные колонны снабжались на ходу и преимущественно владели достоверной информацией о передвижениях врага. Все это позволяло наносить точные и эффективные удары по противнику⁴⁰.

³² Цитата по: Les bureaux arabes de Bugeaud et les cercles militaires de Gallie'ni: 27–8.

³³ Там же: 28.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Hurgronje (a): 15-16.

³⁷ Callwell 1887: 362.

³⁸ Цитата по: Ageron 1964: 316.

³⁹ Сидоренко 2010: 80.

⁴⁰ Marechal 1992: 240

Таким образом, говорить о том, что именно Х. Снук Хюргронье первым в мире создал всеобъемлющую стратегию противодействия повстанцам, а не его британские или французские коллеги, не представляется возможным. Скорее Хюргронье убедил голландских властей использовать уже апробированный другими империями опыт подавления мятежей. Часто причиной совпадений и сходств являются общие закономерности строительства империй. При этом рекомендации Хюргронье так и не стали официальной доктриной антиповстанчества.

Главной особенностью деятельности Х. Снук Хюргронье стало то, что он, будучи авторитетным академическим ученым-исламоведом, активно участвовал в антиповстанческой операции. А его важная заслуга состоит в том, что он создал всеобъемлющее антропологическое исследование ачехцев. При этом, важно отметить, что стратегически он не достиг поставленных целей – восстание в Аче было подавлено лишь временно. И оно вспыхивало вновь на всем протяжении XX века, когда Индонезия стала независимой.

Х. Снук Хюргронье не стремился к составлению универсальных рекомендаций по подавлению мятежей в колониях, как это, например, сделал британский военный Ч. Колвелл, чья работа стала учебником.

В общем контексте колониального опыта контрпартизанской деятельности ведущих европейских держав труд Хюргронье носит локальный характер. Однако, как отмечал французский маршал Ю. Лиоте, «нет метода, нет клише контргерильи; их десять, двадцать – или, если и есть метод, то его название – гибкость, эластичность, приспособляемость к месту, времени и обстоятельствам»⁴¹. Подобную гибкость и приспособление к уникальным условиям Аче и проявил Х. Снук Хюргронье.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Другов А.Ю., Тюрин В.А. История Индонезии: XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 2005. 443 с. [Drugov A. Yu., Tyurin V. A. Istoriya Indonezii: XX vek. M.: Institut vostokovedeniya RAN, 2005. 443 s.].
- Родонов М.А. Заочная полевая этнография в поисках южноаравийской идентичности. Кунсткамера. 2021. 3(13). С. 206–213. [Rodionov M. A. Zaocnaya polevaya etnografiya v poiskax yuzhnoaravijjskoj identichnosti. Kunstkamera. 2021. 3(13). S. 206–213].
- Сидоренко Л.В. Независимое государство Конго: к вопросу об образовании и эволюции бельгийского колониального государства. // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2010. № 4. С. 77–83. [Sidorenko L. V. Nezavisimoe gosudarstvo Kongo: K voprosu ob obrazovanii i e'volucii bel'gijskogo kolonial'nogo gosudarstva // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya. 2010. № 4. S. 77–83].
- Тюрин В.А. Ачехская война (Из истории нац.-освободит. движения в Индонезии). М.: Наука, 1970. 320 с. [Tyurin V. A. Achexskaya vojna (Iz istorii nacz.-osvobodit. dvizheniya v Indonezii). M.: Nauka, 1970. 320 s.].
- Шерстоков С.А. Германо-османский альянс и пропаганда джихада: между вымыслом и реальностью (1914–1918) // Известия Алтайского государственного университета. 2018. №5(103). С. 163–168. [Sherstokov S. A. Germano-osmanskij al'yans i propaganda dzhixada: mezhdru vy'mysl'om i real'nost'yu (1914–1918) // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. №5(103). S. 163–168].
- Шерстоков С.А. Джихад «Made in Germany»: Первая мировая война и споры об исламе // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 207–215 [Shers-

⁴¹ Lyautey 1921: 467.

- tokov S.A. Dzhixad «Made in Germany»: Pervaya mirovaya vojna i spory` ob islame // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 401. S. 207–215].
- Ageron C.R. Histoire de l'Algérie contemporaine. Paris: Presses Universitaires de France, 1964. Vol. 1. 648 p.
- Benda H. J. Christiaan Snouck Hurgronje and the foundations of Dutch Islamic policy in Indonesia //The Journal of Modern History. 1958. Vol. 30. №. 4. P. 338–347.
- Callwell C. E. Lessons to be Learnt from the Campaigns in which British Forces have been employed since the year 1865. – Royal United Services Institution. Journal. 1887. Vol. 31. №. 139. P. 357–412.
- Callwell C. E. Small Wars: Their Principles and Practice. London: Harrison & sons, 1906. 560 p.
- Fikri M. Islam Persuasif dan Multikulturalisme di Aceh //Akademika: Jurnal Pemikiran Islam. 2015. Vol. 20. №. 1. P. 27–46.
- Florida N. Writing traditions in colonial Java: the question of Islam //Cultures of scholarship. 1997. P. 187–217.
- González R. J. 'Human terrain' Past, present and future applications //Anthropology Today. 2008. Vol. 24. №. 1. P. 21–26.
- Groen P. Colonial warfare and military ethics in the Netherlands East Indies, 1816–1941 //Journal of Genocide Research. 2012. Vol. 14. №. 3–4. P. 277–296.
- Hurgronje C. S. The Achehnese. London: Luzac & co, 1906. Vol. 1. 486 p. (a).
- Hurgronje C. S. The Achehnese. London: Luzac & co, 1906. Vol. 2. 410 p. (b).
- Ideville H. A. L. Le Maréchal Bugeaud: d'après sa correspondance intime et des documents inédits, 1784–1840. Paris: Firmin-Didot et cie., 1882. Vol 3. 475 p.
- Les bureaux arabes de Bugeaud et les cercles militaires de Gallie'ni. Paris: Larose, 1903. 148 p.
- Lyautey H. Lettres du Tonkin et de Madagascar: 1894–1899. Paris: A. Colin, 1921. 756 p.
- Mandal S. K. Finding their place: A history of Arabs in Java under Dutch rule, 1800–1924. Columbia University, 1994. 217 p.
- Marechal P. De 'Arabische' Campagne in het Maniema-Gebied (1892–1894) Situering Binnen het Koloniatieproces in de Onafhankelijke Kongostaat. Tervuren: Musée Royal de l'Afrique Centrale, 1992. 426 p.
- McFate M. Does culture matter //The military utility of understanding adversary culture. Retrieved. 2007. Vol. 15. P. 1–22. (a).
- McFate M. Useful Knowledge: Snouck Hurgronje and Islamic Insurgency in Aceh //Orbis. 2019. Vol. 63. №. 3. P. 416–439.
- Richard C. Etude sur l'insurrection du Dahra. Algiers: A. Besancenez, 1846. 207 p.
- Wingfield L. Under the Palms in Algeria and Tunis. London: Hurst & Blackett, 1868. 335 p.

Нестеров Дмитрий Александрович, старший преподаватель, кафедра всеобщей истории, права и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет, dmitriynesterov1994@gmail.com

The Aceh War and The Intellectual Legacy of C.S. Hurgronje in the Context of Counterinsurgency Colonial Experience of Major European Powers

The article considers activities of Christian Snouck Hurgronje, Dutch anthropologist and scholar of Islam, in the context of the Aceh War. The study analyzed the scholar's views and recommendations on the counterinsurgency strategy of the Dutch Empire in the Aceh area. The article also considers the role and place of C. Snouck Hurgronje in the tradition of counterinsurgency of major European Powers. A comparative analysis of the expert activity of a Dutch scientist with similar experience of France, Britain, Belgium is carried out. The article proves that the conclusion of foreign researchers that C. Snouck Hurgronje was the first to create a comprehensive counterinsurgency strategy does not correspond with reality.

Key words: Colonial anthropology, counterinsurgency, colonial experience, Christian Snouck Hurgronje, Aceh War, Indonesia.

Nesterov Dmitry Aleksandrovich, senior lecturer of Chair of World History, Law and Methods of Education, Samara State University of Social Sciences and Education. E-mail: dmitriynesterov1994@gmail.com

И.С. САВУШКИН

СОБЫТИЙНОСТЬ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В ЛИЧНЫХ ДНЕВНИКАХ: НАРРАТИВ VS МЕНТАТИВ

Статья посвящена сравнительному анализу личных дневников белоэмигрантов начало 20-х годов, прошлого века, пересекающих границу России или уже находящихся за ее пределами. В качестве аналитического инструмента автор использует понятие «ментатив», которое было введено Н.В. Максимовой в ее докторской монографии. По словам Максимовой, ментатив означает мысль-рассуждение в его речевой форме. Автором статьи устанавливается следующая корреляция: дневниковая наррация прямо связана с перемещением автора в пространстве и внешней событийностью, тогда как стратегия ментатива эксплицирует отсутствие внешних событий, остановку динамики, и фиксацию ментального состояния автора. При этом, установлено, что переход нарратива к ментативу и обратно оказывается связанным с пересечением границ государств.

Ключевые слова: *личный дневник, ментатив, нарратив, коммуникативные стратегии, событийность, повседневность.*

Пользуясь структурой дневниковых текстов, которую предложил Ю.Л. Троицкий¹, мы можем выделить, как правило, три сюжетных линии. Первая из них представляет собой нарратив внешних событий, которые автор фиксирует на страницах дневника. Вторая линия дневникового письма представляет собой фиксацию внутренних ментальных состояний, сюда мы можем отнести все мысли и рефлексивные размышления автора дневника, они же, как правило, оформлены в виде текста-ментатива. Третья сюжетная линия (автомоделирующая) связана с конструированием будущего автора и его поведения. Как правило, эта линия представлена модальностью императива. Подобная структура является имплицитной характеристикой личного дневника², и в классической варианте они представлены более-менее равномерно в дневниковом письме, в случае же доминирования одной сюжетной линии над другими дневник меняет свою функцию для автора, или же совсем может прекратить свое существование в качестве дневника.

В статье также используется сравнительно новое понятие ментатив, введенное Н.В. Максимовой. Стратегия ментатива противоположна событийно-сюжетной стратегии нарратива. Этот тип текста мы можем встретить во всех дневниках. Согласно Н.В. Максимовой, ментатив представляет из себя особый тип текста, который, в отличие от нарратива, является «текстом-рассуждением» предметом которого выступает мысль сама по себе «если в нарративе доминирует референция к протя-

¹ Троицкий 2014. С. 15.

² Там же. С. 20.

жённости хронотопа, то в ментативе – к мышлению как таковому и его речевой форме»³. Ментатив не сюжетен, чаще всего носит рефлексивный характер, и встречается в дневниковом письме. Структура дневника представлена тремя линиями: внешние события, выражены нарративным дискурсом, в то время как ментальное состояние, как правило, анарративно, представлено в виде ментативного высказывания.

Задача настоящей статьи: на примере нескольких дневников белоэмигрантов проследить, каким образом текст-ментатив, репрезентирующий душевное состояние автора, начинает замещать другие формы высказывания, и увидеть то, как географическое или социальное положение пишущего дневник влияет на этот процесс.

Как показал литературовед И.В. Кузнецов, ментатив репрезентируется, как правило, четырьмя коммуникативными стратегиями.

- 1) Стратегия «развитие»: тезис + антитезис – синтез.
- 2) Стратегия «применение»: Если тезис N1 верный, то тезис N2 (свой тезис) такой.
- 3) Стратегия «толкование»: тезис N1 (чужой) означает тезис N2 (свой), потому что... (как итог такой стратегии может появиться тезис-оценка).
- 4) Стратегия переоформления: тезис несколько раз формулируется иначе – с целью выверить финальный вариант тезиса.

И.В. Кузнецов показал, что текст-ментатив вообще больше характерен для литературы русского зарубежья, не как жанровая характеристика, а как способ письма: «В XX в. сближение художественного и иных типов слова набирало силу. В частности, это видно в том, что в художественной прозе XX в. возрастает роль текста-ментатива. Ментатив – это форма не только научной речи, в него облакаются философия, публицистика, эссеистика самого различного характера, вообще всякая речь, передающая состояние мысли как таковое». Далее И.В. Кузнецов утверждает: "Это его свойство оказалось очень актуальным в эмигрантской литературе, лишенной непосредственного контакта с естественной языковой средой и потому отличавшейся повышенной рефлексивностью, интенсивностью самоуглубления»⁴. Автор отдельно указывает на то, что замена ментативом нарратива проходила не в рамках развития русской литературы, а исключительно в эмигрантской среде: «Однако именно это существенное свойство ментатива – передавать состояние и движение мысли – быстро сделало его и неуместным в авторитарной культуре советского государства. Дело в том, что типологически схожие с эмигрантскими сочинения мемуарно-рефлексивного характера, основанные на ментативе, в немалом количестве возникали и даже

³ Максимова 2005. С. 355.

⁴ Кузнецов 2021. С. 67-75.

начинали публиковаться и в Советской России в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Но их дальнейшая судьба не была благоприятной»⁵.

Из этого наблюдения можно понять, что одна и та же стратегия оформления мысли нашла отклик среди людей, находящихся за границей России, и фактически была «загублена» на «внутренней территории» бытования культуры. Ученый видит причину этого в авторитарности советского строя и, как следствие, автоцензуре пишущих авторов, что объясняется отсутствием ментатива в текстах 1930-х гг., но эта авторитарность не отвечает на вопрос: почему же тогда русское зарубежье так жаждало именно такой, анарративной формы высказывания?

Тексты дневников, возможно, дадут ответ на поставленный вопрос. Текст-ментатив встречается в дневниках абсолютно всех наших авторов, интересно проследить зависимость между физическим передвижением человека и появлением ментатива. Когда автор дневника находится в событийной динамике, то мы практически не встречаем ментатив, в основном записи представлены в форме нарратива.

Приведем пример из дневника Николая Устрялова, участника гражданской войны, дальневосточного эмигранта: «Иркутск. 3 Января. Все длится восстание, углубляется, кровь, кровь... Пришли семеновцы, пришли на вокзал японцы -- все то же самое: тот берег в руках эсеров. Знаменское предместье -- тоже. Ежедневно идут бои, повстанцы из-за Ушаковки наступают на Иркутск, их отбивают. Стреляет наша артиллерия через город, а пули подчас долетают до центра. Вчера правительство (тройка) уехала на вокзал совещаться с союзниками. Постоянно бываю в Модерне, беседую, наблюдаю»⁶. Когда была сделана эта запись, 3 января 1920, Автор еще находился в гуще событий, в осажденном городе и сам Устрялов постоянно передвигался нему.

Приведем отрывок из этого же дневника, сделанный позже, уже в поезде: «24 января. Едем. Станция Карымская, верст 50 от Читы на восток. 17-го приехали в Читу, вчера тронулись дальше. Думаю попасть во Владивосток. Много пришлось пережить. Очень не хотелось бежать дальше – ведь вроде бежать невозможно, но... иного выхода не было; судьба!.. "Перекраситься" не хватало гражданского мужества, ехать на запад без подложного паспорта было чересчур рискованно, оставался восток – не милый ни уму, ни сердцу, но зато хоть сулящий жизнь и какую-то свободу...»⁷. В этом тексте мы видим ментатив, который открывается короткой нарративной вставкой, с помощью которой автор локализует себя в пространстве: «Станция Карымская, верст 50 от Читы». Запись следующего дня начинается нарративной вставкой такого же рода: «Поезд Чита–Харбин, 25-го января Стоим на станции Оловян-

⁵ Кузнецов 2021. С. 70.

⁶ Устрялов, Белый Омск, 3 января.

⁷ Устрялов, Белый Омск, 24 января.

ной, скоро, должно быть, пойдем...»⁸, и следующая запись тоже: «Поезд Чита–Харбин, 26-го января Проехали знаменитую Даурию...»⁹.

Таким же типом квазисобытийного письма он пользовался, когда возвращался из эмиграции, вот его первые записи, сделанные в новой тетради: «20 мая 1935 год. Едем. Скоро Чжалантунь. Скоро – новый период жизни, можно сказать, «третья жизнь». В сердце – еще отзвуки прошлого, вчерашнего дня. Наш солнечный садик в долине белых черемух и слив, розовых вишень. И – последние встречи, и лица близких людей на вокзале; как же за долгие, длинные годы не отсеяться горстке близких людей? Сумбур чувств и мыслей в душе... (около 6 ч. Утра)»¹⁰. Здесь можно заметить корреляцию между нарративом и ментативом, которая напрямую зависит от передвижений человека. Станции, которые проезжает автор, составляют фабульную линию дневника. Однако нарратив в тексте дневника «пересекающего границу», заканчивается на описании этих станций, основу записи составляет ментатив.

Другой пример такой корреляции находим в дневнике галлиполийского эмигранта Николая Устрялова. Часть записей были сделаны им на пароходе, и при публикации дневника так и были вынесены в отдельную главу под названием «На Херсоне». «2 ноября. 1920 года. Пишу на "Херсоне", который полным ходом несет нас в Константинополь, а дальше... в Японию, Францию, Индию или еще куда – никто по-настоящему не знает. Мы уже так привыкли к самым невероятным приключениям, что и новое окончательное путешествие из России никого особенно не пугает и не изумляет. А ведь если всмотреться глубже, то вряд ли в мировой истории найдется много зрелищ, равных по своему трагизму нашей эвакуации. Сто двенадцать тысяч после трех лет непрерывной, тяжелой войны едут неизвестно куда и неизвестно на что... Захотело ехать поразительно много солдат -- это, пожалуй, самое удивительное, что есть в нашей эвакуации. Понятно, что едут почти все офицеры и добровольцы (у нас рискнули остаться К. и М.), но бросились грузиться на пароход и те, кому никакой опасности не угрожало»¹¹. Мы видим, что автор начинает свою запись, как и Устрялов, с локализации себя, однако находясь в открытом море никакой более точной локализации чем «Пишу на Херсоне» автор дать не может. После короткой нарративной вставки, объясняющей его положение на корабле автор формулирует свою основную мысль именно в формате текста ментатива.

Особняком стоит дневник Петра Бобровского, который начинается следующей фразой: «Црквеница, 23 декабра. С чего же начать? Вокруг меня хорошо. Тишина солнце, море, простор. Но душа плохо приемлет

⁸ Устрялов, Белый Омск, 25 января.

⁹ Устрялов, Белый Омск, 26 января.

¹⁰ Устрялов, Третья жизнь, 20 мая 1935г.

¹¹ Раевский, Дневники Галлиполийца, 2 ноября 1920 г.

окружающее и упорно, упорно возвращается назад, к тому провалу, который остался позади меня. Больше месяца я в пути, больше месяца вспоминаю и думаю - и никак не могу понять до конца того, что произошло». Бобровский пишет дневник больше похожий на мемуары, он датирует события современным ему днем, дальше идет небольшое нарративное описание того, что произошло сегодня, а следом он переходит к описанию того, что происходило с ним год назад, когда он эмигрировал из России: «Црквеница, 23 декабря. Завтра по новому стилю сочельник. Хорваты усиленно готовятся к праздникам. Появились елки. Щемит сердце. Нет слов. Лучше перейду к прошлому»¹².

Нельзя сказать, что описания прошлого полностью анаративны у Бобровского, однако доля текста-размышления в объеме дневника несоизмерима больше. В эпиграфе к публикации Бобровский делает следующую вставку: «Берлин 1924 год. Этот дневник я начал писать, как только вступил на твердую почву после продолжительного морского пути. Моим намерением было вести его все время эмиграции. Но кончилась крымская эвакуация, прошли первые недели беженства в Югославии. Все то, что было ново, необычно, стало повседневным. Повседневным, привычным стало и то чувство изгнанника, которое первое время накладывало на всю психическую жизнь особый отпечаток. И дневник мой кончился сам собой»¹³.

Почему же дневник «Кончился сам собой»? Нам видится, что дневник кончился из-за превалирования ментатива над нарративом. Вот последняя запись, сделанная Бобровским в дневнике, именно после этой записи дневник и кончился и больше не продолжался: «Белград 26 марта 1920. Сербь, конечно, были в восторге. Овациям конца не было. Но им больше всего понравилось "На дне". Тут зарождается новая, молодая интеллигенция. Пути ее развития во многом напоминают наши. Но мы уже старики по сравнению с сербями. Кто из нас не увлеклся в свое время босяцкой философией героев Горького? Мы теперь знаем цену этой философии, но сербы еще не искушены. Попутно хочется отметить, что по той же причине (новизна, радикализм) здесь среди молодежи пользуются успехом уже изжитое нами декадентство и - уввы, не до конца изжитый еще и Россией—коммунизм. Конечно, те, кто увлекается российским коммунизмом, и понятия не имеют, что творит он в России. Рассказам эмигрантов ("контрреволюционеров") не верят...»¹⁴.

Мы видим, что запись целиком ментативна, автор, сам признается нам в эпиграфе, что его жизнь превратилась в «повседневность», которую автор всегда фиксировал минимально в самом начале записи. Вся событийность, выраженная в нарративе осталась в прошлом, и когда он

¹² Там же.

¹³ Бобровский, Крымская эвакуация, Эпиграф.

¹⁴ Бобровский, Крымская эвакуация, 26 марта.

полностью ее описал, у него не осталось фактуры, которую он мог бы выразить в нарративе, на это место заступил ментатив, который оказался губителен для дневника, он нарушал дневниковые жанровые особенности - привел к тотальному подавлению первой и третьей сюжетных линий второй, которая представляет из-себя размышления сами по себе.

У других авторов мы неоднократно можем встречать фразы такого типа: Пишу раз в неделю, так как новостей нет. Отсутствие событийности и полное погружение пишущего в повседневность вызывает у некоторых авторов вопрос о своей дальнейшей судьбе. Николай Раевский даже признается в своем дневнике, что не может никак понять: их эмиграция, «галлиполийское сидение» и прочее это начало чего-то нового или уже конец старого?

Мы видим, что из-за отсутствия нарратива автор буквально лишается «линейно-хронологического восприятия» действительности и не может сам для себя связать воедино прошлое, его настоящее и построить воображаемое будущее. Интересно, что такая кардинальная трансформация дневников происходит по мере приближения к границе государства и окончательно трансформация завершается уже с переходом границы России. В дневниках эмигрантов резко снижается частотность подневных записей, а нарратив постепенно пропадает. При этом дневник не превращается для авторов в ежедневник, на смену нарративу не приходит императив, авторы вообще не планируют в своих текстах завтрашний день, однако, отсутствие утилитарной пользы от дневника не искореняет потребность в самой фиксации ментального состояния.

Надо признать, что фактор пересечения границы, как водораздел между прошлой жизнью и будущей играет важную роль, а некоторые авторы, как например, Устрялов вообще перестают писать дневник оказавшись за границей государства.

Эта потребность, о которой мы писали выше, является одной из необходимых функций дневника. Дневник становится «костылем» для автора, он носит скорее вспомогательную функцию, автору нужно каким то образом фиксировать свое душевное состояние, однако форма, которую автор выбирает рождает, в конечном счете, иные жанровые экспликации например в эссе или в мемуары. С точки зрения тематического анализа, можно говорить о том, что темы в дневниковом письме представлены нарративом, тогда как рема – ментативом.

Несмотря на то, что мы не сможем прочить все дневники эмигрантов, мы можем предположить, что эта ситуация была повсеместной. Острый наблюдатель своего времени Надежда Тэффи, в своем рассказе «Городок», весьма иронично пишет: «Кроме мужчин и женщин, население городишки состояло из министров и генералов. Из них только малая часть занималась извозом -- большая преимущественно долгами

и мемуарами. Мемуары писались для возвеличения собственного имени и для посрамления сподвижников. Разница между мемуарами заключалась в том, что одни писались от руки, другие на пишущей машинке. Жизнь протекала очень однообразно»¹⁵.

Таким образом, однообразная повседневность стимулировала смену дневника мемуарами.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бобровский П.С. Крымская эвакуация (Неоконченный дневник) // На чужой стороне. Кн. XI, XII. Прага; Берлин, 1925.
- Кузнецов И.В. Анарративность русской эмигрантской прозы как закономерность литературного развития // Новый Филологический вестник. 2021. № 2(57). С. 67-75.
- Максимова Н.В. «Чужая речь» как коммуникативная стратегия. М.: Издательский центр РГГУ, 2005. С. 355.
- Раевский Н. А. Дневник галлиполийца // «Простор» (Алма-Ата) №№1-2, 2002.
- Троицкий Ю.Л. Аналитика эго-документов: инструментальный ресурс историка // История в эго-документах: Исследования и источники. Екатеринбург: Издательство «АсПУр», 2014. С. 14–31.
- Тэффи Н.А. Городок, новые рассказы / издание т-ва Н.П. Карбасниковъ. Париж, 1927.
- Устрялов Н.В. Белый Омск. Дневник колчаковца. // Альманах "Русское прошлое". 1991. № 2. СПб.: Изд. советско-американского СП "Свелен". С. 283-338.

Савушкин Иван Сергеевич, магистрант РГГУ, кафедра теории и истории гуманитарного знания; Vanya.savushkin.99@mail.ru

Eventfulness and Mundanity in Personal Diaries: Narrative vs Mentative

This article is concerned with a comparative analysis of the personal diaries of White Russian émigrés of the early 1920s who crossed the border of Russia or were already outside of it. As an analytical tool, the author uses the concept of "mentative", which N.V. Maximova introduced in her doctoral dissertation. According to Maximova, mentative means speculative thinking in a verbal form. The author of this article establishes the following correlation: diary narration is directly related to the diarist migration and current location together with external events and circumstances, whilst the strategy of mentative explicates the absence of such external events, lack of dynamics, and fixed mental state of the diarist. At the same time, it has been established that transitioning from the narrative to the mentative and vice versa is associated with crossing state borders.

Keywords: personal diary, mentative, narrative, communication strategies, eventfulness, mundanity.

Ivan S. Savushkin, Master's student at the Russian State University of Humanities, Department of Theory and History of the Humanities; Vanya.savushkin.99@mail.ru

¹⁵ Тэффи 1927.

Л.Д. ТРОЦКИЙ И КАМПАНИЯ ПО ИЗЪЯТИЮ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ 1922 Г.

В 2022 г. исполнилось 100 лет одному из трагических событий в истории России – кампании по изъятию церковных ценностей, организованной большевистским правительством под предлогом помощи голодающим с целью пополнения государственной казны и смены власти в Русской православной церкви. В статье представлен анализ основных этапов деятельности Л.Д. Троцкого, одного из главных идеологов и организаторов этой кампании. При подготовке статьи были использованы материалы Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива Российской Федерации и документы, опубликованные в сборниках «Архивы Кремля. Политбюро и церковь», «Русская православная церковь и коммунистическое государство 1917–1941» и др.

Ключевые слова: Л.Д. Троцкий, кампания по изъятию церковных ценностей, Русская православная церковь, ВЦИК.

В 2022 г. исполняется сто лет с момента проведения одного из наиболее масштабных и радикальных мероприятий советской власти по борьбе с Русской православной церковью (РПЦ) – кампании по изъятию церковных ценностей, проводившейся весной 1922 г. под предлогом помощи голодающим. По сути, она представляла собой давно планировавшееся большевиками, но отложенное из-за гражданской войны «генеральное наступление» на Церковь, считавшуюся после поражения белогвардейцев главным «внутренним врагом» новой власти. Помимо конфискации материальных ценностей, объем которых большевиками сильно преувеличивался, действия властей предусматривали подрыв авторитета действующей «черносотенной» иерархии РПЦ и поощрение раскола в ее рядах, создание послушной «советской церкви». Одним из главных вдохновителей и архитекторов этой кампании был представитель наиболее радикального крыла в большевистском руководстве – Лев Давыдович Троцкий. Историческая память об этих событиях, необходимость осмысления негативного опыта в церковно-государственных отношениях и трагические последствия попыток советского руководства спровоцировать раскол и разброд среди верующих придает изучению этой темы несомненно актуальность.

Кампания изъятия церковных ценностей довольно широко освещена в отечественной историографии. Еще в 1920–1930-х гг. появились первые работы на эту тему, в т.ч. вышедшие из-под пера самих организаторов и участников кампании, в частности М.В. Галкина (писавшего под псевдонимом Горев) и П.А. Красикова¹. Однако эти публикации, как и первые исследования советских историков² по данной теме, носи-

---

¹ См.: Горев 1922; Красиков 1923.

² См.: Кандидов 1932.

ли скорее агитационно-пропагандистский, а не научный характер, с акцентом на разоблачение «контрреволюционной» позиции церкви, якобы саботировавшей реальную помощь голодающим.

В 1960-х гг. изучение темы в СССР приобрело более научный характер, но, например, в работах таких исследователей, как Н.А. Чемерисский и Р.Ю. Плаксин, изъятие ценностей рассматривалось как позитивная мера, предпринятая по «инициативе трудящихся», повторялся тезис о церкви как реакционной силе и приводились огромные цифры о количестве хлеба для голодающих, закупленного на средства от конфискации³. Помимо идеологизации, эти работы страдали от узости источниковой базы из-за недоступности архивных документов.

В перестроечный и постсоветский период исследования по теме вышли на новый уровень – прежде всего благодаря снятию идеологических ограничений и открытию архивов. Введение в научный оборот новых источников происходило как путем непосредственной работы исследователей в архивах, так и за счет масштабных публикаций документов⁴. В этих сборниках и ряде важных монографических исследований раскрывались основные аспекты кампании: ее истинные цели, ход, результаты, роль органов ГПУ, церковный раскол в результате «обновленчества», сопротивление верующих и сопровождавшие его репрессии⁵. Появились публикации с анализом кампании на региональном уровне (в Петрограде, Московской, Енисейской, Алтайской губернии и др.)⁶. Расширение источниковой базы позволило ученым также оценить подлинную роль Троцкого как одного из главных архитекторов антицерковной политики. Первым к разработке этой темы приступил М.И. Одинцов⁷. Активно разрабатывают тему также историки–представители РПЦ, в частности священник С. Иванов, изучающий финансовые аспекты кампании и позицию патриарха Тихона в отношении помощи голодающим⁸. Особого внимания заслуживает исследование М.Ю. Крапивина о деятельности Главмузея и Комиссии по учету и сосредоточению ценностей Троцкого⁹, а также И.В. Воронцова об идее Троцкого о создании «реформаторской советской церкви»¹⁰. В целом, в последние десятилетия создана обширная научная база для изучения данной проблематики.

Голод, разразившийся в ряде российских регионов в 1921 г. вследствие сильнейшей засухи и эксцессов продрозверстки, быстро приобрел характер национального бедствия, затронув десятки миллионов людей.

³ См.: Чемерисский 1962; Плаксин 1968.

⁴ См.: Русская православная церковь и коммунистическое государство 1917–1941. 1996; Архивы Кремля 1997; Русские патриархи XX века 1999.

⁵ См.: Петров 2004; Кривова 1997.

⁶ См.: Тарасов 2017; Никонов 2022; Вдовин, Бобрик 2017; Дашковский, Зиберт 2017 и др.

⁷ См.: Одинцов 1991; 2002.

⁸ См.: Иванов 2017.

⁹ См.: Крапивин 2016.

¹⁰ См.: Воронцова 2010.

Советское государство, не имея достаточно свободных средств для борьбы с голодом, вынуждено было прибегнуть к поддержке общественности и даже пригласить в страну иностранные благотворительные организации, среди которых ведущую роль играла Американская администрация помощи (АРА), на пике своей деятельности обеспечивавшая питанием более 10 млн чел.¹¹ В самой РСФСР в июле 1921 г. была создана общественная организация – Всероссийский комитет помощи голодающим (ВКПГ), который возглавил Л.Б. Каменев¹². Не осталась в стороне от трагедии и Русская православная церковь, хотя ее возможности были крайне ограничены (в результате реализации Декрета СНК РСФСР от 23.01.1918 «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»)¹³ РПЦ лишилась всех финансовых и хозяйственных активов, ей также было запрещено заниматься благотворительной деятельностью). Патриарх Московский и всея Руси Тихон обратился «к народам мира и к православному человеку»¹⁴ с призывом о помощи голодающим, направил аналогичные послания Папе Римскому, архиепископам Кентерберийскому и Нью-Йоркскому, и это сыграло немалую роль в решении США и Ватикана направить в Россию миссии помощи. Он также активно сотрудничал с ВКПГ и учредил Всероссийский церковный комитет помощи голодающим. Однако деятельность последнего была запрещена властями. ВКПГ просуществовал только до августа 1921 г.¹⁵ Вместо него, постановлением Президиума ВЦИК от 18 июля 1921 г., большевики создали правительственную Центральную комиссию помощи голодающим при ВЦИК РСФСР (ЦК Помгол) во главе с М.И. Калининым. После ряда обращений в Помгол, в декабре 1921 г. была получена санкция на участие РПЦ и других религиозных организаций в сборе средств в пользу голодающих. В короткие сроки, помимо продовольствия, верующими было собрано почти 9 млн руб., 14400 немецких марок и ювелирные изделия¹⁶. В целях увеличения объемов пожертвований 6 февраля 1922 г. Патриарх Тихон обратился с новым воззванием к верующим, где предоставил возможность «духовенству и приходским советам, с согласия общин верующих ... использовать находящиеся во многих храмах драгоценные вещи, не имеющие богослужебного употребления (подвески в виде колец, цепей, браслет, ожерелье и другие предметы, жертвуемые для украшения святых икон, золотой и серебряный лом), на помощь голодающим»¹⁷.

¹¹ Итоги Последгола 1923: 52.

¹² Макаров, Христофоров 2006.

¹³ Свод законов РСФСР 1988: 861.

¹⁴ Воззвание о помощи голодающим 2009: 119–122.

¹⁵ 28 августа 1921 г. газета «Известия» опубликовала постановление ВЦИК о ликвидации ВКПГ.

¹⁶ Заявление представителя Патриарха протоиерея Н. Цветкова в ЦК Помгол о помощи голодающим, 6 апреля 1922 г.; Ефремова 2006.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 353. Оп. 2. Д. 254. Л. 4.

Однако у большевистской власти были иные планы на этот счет. После публикации воззвания Патриарха, 16 февраля 1922 г., ВЦИК принимает Декрет «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих», предписывающий «ввиду неотложной необходимости мобилизовать все ресурсы страны, могущие послужить средством борьбы с голодом в Поволжье... Предложить местным Советам в месячный срок...изъять из церковных имуществ, переданных в пользование групп верующих всех религий, по описям и договорам все драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого культа, и передать в органы Народного Комиссариата Финансов со специальным назначением в фонд Центральной Комиссии помощи голодающим»¹⁸. Публикация декрета сопровождалась масштабной пропагандистской кампанией в прессе с акцентом на дефицит ресурсов у государства и баснословные оценки стоимости «сокровищ», остающихся в распоряжении церкви – сотни миллионов и даже миллиарды золотых рублей.

Внешне все это выглядело обоснованно, с учетом чрезвычайной ситуации в стране. Но таковы ли были истинные цели советского руководства? Их задним числом обосновал Ленин уже в ходе кампании, в известном письме в Политбюро от 19 марта 1922 г.: «Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). Без этого никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности и никакое отстаивание своей позиции в Генуе в особенности совершенно немыслимы»¹⁹.

Помимо непомерно завышенной оценки стоимости церковного имущества в этом документе обращает на себя внимание полное отсутствие упоминаний об их использовании для борьбы с голодом: речь идет только о «государственной работе», «хозяйственном строительстве» и др. В этот период советское государство испытывало острую потребность в золоте и драгоценностях для внешней торговли, выплаты компенсации по условиям мирного договора с Польшей, восстановления экономики после гражданкой войны, обеспечения выпуска новой, твердой валюты в рамках денежной реформы и других общегосударственных нужд. При этом золотой запас РСФСР, доставшийся в наследство от Российской империи, к тому времени сильно истощился. Поэтому советское руководство 11 ноября 1921 г. учредило специальную Комиссию по учету и сосредоточению ценностей, которая должна была отобрать драгоценности для выплат Польше и в целом всеми спо-

¹⁸ Принят 16 февраля 1922 г., опубликован в газете «Известия» 26 февраля с датой 23 февраля. См.: Русские патриархи XX века 1999: 59–60.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 22947. Л. 1–4.

собами пополнить централизованный золотой фонд. Во главе комиссии в должности Уполномоченного Совнаркома по учету и сосредоточению ценностей был назначен один из самых влиятельных членов большевистского руководства – Председатель Реввоенсовета и Народный комиссар по военным и морским делам Лев Давыдович Троцкий.

Он активно принялся за работу и уже 30 января 1922 г. предоставил Ленину справку о проделанной работе, в которой отметил: «Доклад ... не затрагивает действующих церквей и вообще всяких действующих религиозных учреждений и заведений. Изъятие ценностей из этих учреждений является особой задачей, которая ныне готовится политически с разных сторон. Сколько может дать эта операция, никто даже предположительно сказать не может». Из этого документа явствует, что власти, ведя переговоры с руководством РПЦ о добровольных пожертвованиях, одновременно готовили «операцию» по насильственной конфискации ее ценностей. К своей справке он приложил доклад своего заместителя Г.Д. Базилевича о том, что «... к 27/1 с/г. в Гохране имеется грубоучтенных ценностей, включая и ценности Польских платежей, как отправленные в Варшаву и подвергающиеся там вторичной оценке, так и ныне сдаваемые, всего на сумму 116.861.877 руб.»²⁰, далее идет перечисление различных музейных ценностей.

Этим амбиции Троцкого не ограничивались, он разработал масштабный план провоцирования «буржуазной реформации» РПЦ как наиболее влиятельной религиозной организации, предлагая использовать в качестве начального инструмента так называемое обновленческое движение, а впоследствии «направить его к созданию “реформаторской советской церкви”, способной в интересах партии большевиков влиять на население»²¹. Несмотря на то, что «работу с церковью» курировала ВЧК/ГПУ, Троцкий намеревался «перехватить инициативу» у чекистов, противопоставив «топорному» подходу Ф.Э. Держинского («официальные и неофициальные сношения партии с попами недопустимы»)²² более нюансированный подход: поощряя оппозицию действующей иерархии, спровоцировать в ее рядах раскол и тем самым привести к власти более послушное и лояльное «советское духовенство». Заручившись поддержкой Ленина, Троцкий фактически «замкнул на себя» и свою Комиссию руководство обоими направлениями: финансовым – собственно изъятием церковных ценностей (правда, под формальной эгидой ЦК Помгол), и политическим – фактическим устранением действующих церковных властей в ходе этой кампании.

Декрет ВЦИК «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих» от 23 февраля 1922 г.²³ спрово-

²⁰ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 492. Л. 103-104.

²¹ Воронцова 2010: 23.

²² Там же: 16.

²³ См.: Русские патриархи XX века 1999: 59–60.

цировал предсказуемую негативную реакцию верующих и руководства РПЦ. Патриарх 28 февраля 1922 г. выступил с новым воззванием к верующим, где повторил призыв к жертвованиям на нужды голодающих, но отметил, что насильственное изъятие ценностей, в том числе освященных предметов богослужебного характера расценивается с точки зрения церкви как «святотатство», которое «мы не можем одобрить»²⁴. На местах верующие зачастую протестовали против подобного ограбления храмов. Именно это и требовалось властям. 12 марта, Троцкий в записке Ленину, констатируя вялый ход кампании («из церквей не изъято фактически почти ничего»), успокаивал вождя: «главная работа до сих пор шла по изъятию из упраздненных монастырей, музеев, хранилищ и пр. В этом смысле добыча крупнейшая», а теперь «дело реорганизовано, и, наряду с политической подготовкой последнего «удара», ведется через особую московскую комиссию ... организационно-техническая подготовка самого изъятия, с таким расчетом, чтобы оно произошло без политических осложнений». С явным удовлетворением он отмечал: «Воспользовавшись растерянностью наших действий, патриарх выпустил контрреволюционное воззвание», поэтому теперь «привлекаем к моменту натиска значительное количество попов, в том числе архиереев и, кажется, митрополита, которые стоят за изъятие и поддержат против патриарха в критический момент»²⁵.

Искомым «критическим моментом» стали имевшие большой резонанс события в Шуе 15 марта 1922 г., где верующие оказали активное сопротивление конфискации ценностей из местного собора. В результате солдаты частей особого назначения ГПУ открыли по толпе огонь, и 4 человека были убиты. Встревоженное этим инцидентом, Политбюро в отсутствие В.И. Ленина, приняло постановление о приостановке кампании, однако в уже упомянутом письме от 19 марта вождь расставил все по местам. Назвав шуйские события элементом спланированного сопротивления «черносотенного духовенства», он подчеркнул: «наш противник делает громадную ошибку, пытаясь втянуть нас в решительную борьбу тогда, когда она для него особенно безнадежна и особенно невыгодна ... Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и потому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией. Именно теперь и только теперь громадное большинство крестьянской массы будет либо за нас, либо, во всяком случае, будет не в состоянии поддержать скольконибудь решительно ту горстку черносотенного духовенства и реакционного городского мещанства, которые могут и хотят испытать политику насильственного сопротивления советскому декрету. ... Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного

²⁴ Архивы Кремля 1997: 113–115.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1168. Л. 1.

духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать»²⁶.

Троцкий, продвигая собственную идею «реформации», еще 17 марта направил в Политбюро новые предложения по проведению кампании и антицерковной политике в целом. Для упорядочения и ускорения изъятия он считал необходимым²⁷ «в центре и в губерниях создать секретные руководящие комиссии по изъятию ценностей», при этом «в важнейших губерниях установить ближайшие сроки изъятия» и «одновременно с этим внести раскол в духовенство, проявляя в этом отношении решительную инициативу и взяв под защиту государственной власти тех священников, которые открыто выступают в пользу изъятия». «Разумеется, – пояснял он, – наша агитация и агитация лояльных священников ни в коем случае не должны сливаться, но в нашей агитации мы ссылаемся на то, что значительная часть духовенства открыла борьбу против преступного скаредного отношения к ценностям со стороны бесчеловечных и жадных «князей церкви»». Одновременно предлагались и меры запугивания иерархов: «Видных попов по возможности не трогать до конца кампании, но негласно, но официально (под расписку, через Губполитотделы) предупредить их, что в случае каких-либо эксцессов они ответят первыми»²⁸. 20 марта предложения Троцкого были оформлены с незначительными поправками решением Политбюро²⁹.

30 марта он направляет в Политбюро развернутую записку с теоретическим обоснованием своей концепции «буржуазной реформации» церкви, разъясняет суть «обновленчества» и раскрывает далекоидущие цели провоцирования раскола: «Намечаются два течения: явно, открыто контрреволюционное с черносотенно-монархической идеологией и – “советское”. Идеология “советского” духовенства, по-видимому, вроде сменовеховской, т.е. буржуазно-соглашательская. ... Поэтому сменовеховское духовенство надлежит рассматривать, как опаснейшего врага завтрашнего дня. Но именно завтрашнего. Сегодня же надо повалить контрреволюционную часть церковников, в руках коих фактическое управление церковью. В этой борьбе мы должны опереться на сменовеховское духовенство, не ангажируясь политически»³⁰. В тот же день он интересуется судьбой предпринятого по его инициативе пропагандистского шага: «Решено было отпустить миллион золотых рублей на голодающих в счет будущей реализации уже собранных церковных ценностей и распространить об этом как можно шире. Между тем это

²⁶ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 22947. Л. 1–4.

²⁷ Речь идет о созданной решением Политбюро 20 марта Центральной комиссии по изъятию церковных ценностей (ЦКИЦЦ) под фактическим руководством заместителя наркома внутренних дел А. Г. Белобородова.

²⁸ Архивы Кремля: 135.

²⁹ Там же: 145–146.

³⁰ Архивы Кремля: 161–164.

не выполнено почему-то до сих пор. Считаю, что эту меру нужно провести фактически и очень демонстративно. Следовало бы даже послать на Волгу один-два поезда с хлебом, купленным на ассигнованный миллион рублей»³¹. Указание Троцкого и на этот раз было выполнено.

Кампания по изъятию ценностей, сопровождавшаяся массовыми репрессиями против духовенства и верующих (5 мая был арестован сам Патриарх Тихон, а всего в этот период состоялся 231 судебный процесс над более 700 обвиняемыми, некоторые из которых были расстреляны)³², официально продолжалась до 26 мая 1922 года, когда по предложению Троцкого Политбюро упразднило его Комиссию как выполнившую свою задачу. Впрочем, и позднее в некоторых регионах производилось «доизъятие» церковного имущества. Вопреки ожиданиям большевистского руководства ее финансовые результаты оказались ничтожными: на 1 ноября, согласно ведомости Центральной комиссии при ВЦИК по борьбе с последствиями голода (ЦК Последгол), церковных ценностей было собрано на сумму 4 650 810 золотых рублей³³. По подсчетам С.Н. Иванова, итоговая цифра была несколько выше (7,5 млн)³⁴, но и это было несравнимо с полумиллиардом, который рассчитывали получить в Кремле. 25 апреля в письме руководству ГПУ, НКВД и Наркомюста Троцкий, оценивая плачевные итоги кампании, констатировал: «Из всех обстоятельств дела вытекает, что главные церковные ценности уплыли за годы революции. Осталось только громоздкое серебро»³⁵. Так оно и было на самом деле, но Троцкий обвинил в этом не конфискации и разграбление церковной собственности большевиками, а иерархию РПЦ, которая будто бы организовала их переправку за рубеж. Из собранных средств на помощь голодающим пошел только миллион рублей, ассигнованный ЦК Последгола в пропагандистских целях. Остальные ценности, как установил специально занимавшийся этим вопросом С.Н. Иванов, были направлены в основном на чеканку серебряной монеты в рамках денежной реформы³⁶.

Главных успехов Троцкий и другие организаторы кампании добились на политическом направлении: из-за репрессий против высшего духовенства и спровоцированного советской властью раскола РПЦ была серьезно ослаблена, управление ею дезорганизовано, и власть, по сути, перешла к «обновленцам». В письме в Политбюро 24 мая 1922 г. Лев Давыдович с удовлетворением отмечал: «Внутренняя борьба в церкви приняла широкий характер. После отстранения Патриарха Ти-

³¹ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 60. Л. 719.

³² Никитин 2009: 661–668. Следует отметить, что разграблению подвергались не только православные церкви, но и храмы других конфессий, однако РПЦ, как крупнейшая религиозная организация в стране, приняла на себя главный удар.

³³ Архивы Кремля: 183–184.

³⁴ Иванов 2015: 38.

³⁵ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 1. Д. 59. Л. 57.

³⁶ Иванов 2015: 38.

хона во главе Церкви стала группа из элементов “центра” (Антоний) и левых (несколько молодых попов)»³⁷. Он также дал рекомендации на будущее: «Полагаю, что нам пока нет надобности ангажироваться ни в одном из этих направлений (даже неофициально). Гораздо выгоднее, если между этими тремя ориентациями разгорится серьезная борьба», причем лучше всего для властей, если ее итогом станет закрепление раскола – «такая комбинация, когда часть церкви сохраняет лояльного [большевикам] патриарха, которого не признает другая часть церкви, организуемая под знаменем синода или полной автономии общин»³⁸. Эти рекомендации были приняты.

Таким образом, имеющиеся в распоряжении ученых документы и исторические исследования позволяют сделать вывод, что кампания по изъятию церковных ценностей в 1922 г. представляла собой спланированную операцию по пополнению советской казны и разрушению Русской православной церкви, не имевшую отношения к реальной помощи голодающим. Ее главным идеологами и организаторами были Ленин и Троцкий. На последнего было возложено практическое руководство кампанией, что позволило ему реализовать свою концепцию «буржуазной реформации» РПЦ путем раскола с целью максимального ослабления ее позиций. Результаты кампании для церкви были трагичны – она лишилась практически всех остатков материального имущества, ряд ее иерархов и простых представителей духовенства подвергался репрессиям, а в результате «обновленческого» раскола в ее внутренней жизни возникла смута. Если финансовые результаты кампании оказались невелики, то в политическом плане большевистское руководство добились успеха, и деятельность Троцкого занимала одну из ключевых ролей в трагедии Церкви.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

- ГА РФ. Ф. 353. Оп. 2. Д. 254. Л. 4. [GA RF. F. 353. Op. 2. D. 254. L. 4].
 ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 1. Д. 59. Л. 57. [GA RF. F. 1235. Op. 1. D. 59. L. 57].
 ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 60. Л. 719. [GA RF. F. 1235. Op. 140. D. 60. L. 719].
 РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 22947. Л. 1–4. [RGASPI. F. 2. Op. 1. D. 22947. L. 1-4].
 РГАСПИ. Ф. 19. Он. 1. Д. 492. Л. 103. [RGASPI. F. 19. On. 1. D. 492. L. 103].
 РГАСПИ. Ф. 19. Он. 1. Д. 492. Л. 104. [RGASPI. F. 19. On. 1. D. 492. L. 104].
 РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 22947. Л. 1–4. [RGASPI. F. 2. Op. 1. D. 22947. L. 1-4].
 РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1168. Л. 1. [RGASPI. F. 2. On. 2. D. 1168. L. 1].
 Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922—1925 гг. В 2-х кн. / подгот. Н. Н. Покровский, С. Г. Петров. / Кн. 1. Политбюро и церковь. 1922-1925 гг. Новосибирск: Сиб. хронограф; Москва: РОССПЭН, 1997. 597 с.
 Воззвание о помощи голодающим // «В минуту гнева божия...»: Послания, слова и речи св. Патриарха Тихона / сост. автор статьи Н.А. Кривошеева. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т, 2009. С. 119–122.
 Русская православная церковь и коммунистическое государство 1917–1941. Документы и фотоматериалы / отв. сост.: О. Ю. Васильева. М.: Библиейско-богословский ин-т св. апостола Андрея, 1996. 326 с.

³⁷ Русская православная церковь и коммунистическое государство 1996: 114.

³⁸ Там же: 115.

Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М.: РАГС. 1999. 334 с.

Свод законов РСФСР. Т. 1. / Президиум Верховного Совета РСФСР, Совет Министров РСФСР. М.: Советская Россия, 1988.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Вдовин А.С., Бобрик И.Е. Изъятие церковных ценностей в Енисейской губернии (к вопросу о периодизации и итогах) // Самарский научный вестник. 2017. Т. 7. № 2(19). С. 162–167. [Vdovin A.S., Bobrik I.E. Iz'yatiye cerkovny'x cennostej v Enisejskoj gubernii (k voprosu o periodizacii i itogax) // Samarskij nauchny'j vestnik. 2017. T. 7. № 2(19). S. 162–167.]
- Воронцова И.В. Л.Д. Троцкий и идея создания «реформаторской советской церкви» (1921–1923 гг.) // Новый исторический вестник, 2010. № 24. С. 15–25. [Voroncova I.V. L.D. Troczkij i ideya sozdaniya «reformatorskoj sovetskoj cerkvi» (1921–1923 gg.) // Novyj istoricheskij vestnik, 2010. № 24. S. 15–25.]
- Горев М. Церковные богатства и голод в России. М. ГИЗ, 1922. 8 с. [Gorev M. Cerkovny'e bogatstva i golod v Rossii. M. GIZ, 1922. 8 s.]
- Дашковский П.К., Зиберт Н.П. Изъятие церковных ценностей на территории Алтайской губернии в начале 20-х гг. XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 2(94). С. 88–93. [Dashkovskij P.K., Zibert N.P. Iz'yatiye cerkovny'x cennostej na territorii Altajskoj gubernii v nachale 20-x gg. XX v. // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 2(94). S. 88–93.]
- Ефремова О.Н. «...Может быть, мы не были бы свидетелями ужасов голодаю.» // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви, 2006. Вып. 2 (19). С. 179–193. [Efremova O.N. «...Mozhet by't', my' ne by'li by' svidetelyami uzhasov golodayu.» // Vestnik PSTGU II: Istoriya. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi, 2006. Vy'p. 2 (19). S. 179–193.]
- Иванов С.Н. Святой Патриарх Тихон и изъятие священных предметов из храмов в 1922 г. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2017. Вып. 75. С. 60–93. [Ivanov S.N. Svyatoy Patriarx Tixon i iz'yatiye svyashhenny'x predmetov iz xramov v 1922 g. // Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. 2017. Vy'p. 75. S. 60–93.]
- Иванов С.Н. Финансы и политика в реализации изъятых в 1922 г. церковных ценностей // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 5 (66). С. 36–60. [Ivanov S.N. Finansy i politika v realizacii iz'yaty'x v 1922 g. cerkovny'x cennostej // Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. 2015. Vy'p. 5 (66). S. 36–60.]
- Иванов С.Н. Церковное серебро в денежной реформе 1922–1924 гг. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 6 (67). С. 38–63. [Ivanov S.N. Cerkovnoe serebro v denezhnoj reforme 1922–1924 gg. // Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. 2015. Vy'p. 6 (67). S. 38–63.]
- Итоги Последгол (с 15/X 1922 г. - 1/VIII 1923 г.). Сборник статей и материалов. М.: Ликвидком ЦКПГ ВЦИК, 1923. 218 с. [Itogi Posledgol (s 15/X 1922 g. - 1/VIII 1923 g.). Sbornik statej i materialov. M. : Likvidkom CzKPG VCIK, 1923. 218 s.]
- Кандидов Б.П. Голод 1921 г. и Церковь. М. : тип. изд-ва «Дер эмес». 92 с. [Kandidov B.P. Golod 1921 g. i Cerkov'. M. : tip. izd-va «Der e'mes». 92 s.]
- Крапивин М.Ю. Главмузей и Комиссия Л.Д. Троцкого «по учету и сосредоточению ценностей» (ноябрь 1921 г. - октябрь 1922 г.) // Вопросы музеологии. 2016. № 2(14). С. 11–33. [Krapivin M.Yu. Glavmuzej i Komissiya L.D. Troczkogo «po uchetu i sosredotocheniyu cennostej» (noyabr' 1921 g. - oktyabr' 1922 g.) // Voprosy' muzeologii. 2016. № 2(14). S. 11–33.]
- Красиков П.А. На церковном фронте. (1918–1923). М.: Юрид. изд-во Наркомюста, 1923. 311 с. [Krasikov P.A. Na cerkovnom fronte. (1918—1923). M.: Yurid. izd-vo Narkomyusta, 1923. 311 s.]
- Кривова Н.А. Власть и церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М.: «Аиро-XX», 1997. 247 с. [Krivova N.A. Vlast' i cerkov' v 1922–1925 gg. Politbyuro i GPU v bor'be za cerkovny'e cennosti i politicheskoe podchinenie duhovenstva. M.: «Airo-XX», 1997. 247 s.]
- Макаров В.Г., Христофоров В.С. К истории Всероссийского комитета помощи голодающим // Новая и Новейшая история. 2006. № 3. С. 198–205. [Makarov V.G., Xristoforov

- V.S. K istorii Vserossijskogo komiteta pomoshhi golodayushhim // Novaya i Novejshaya istoriya. 2006. № 3. S. 198–205.].
- Никитин Д.Н. Изъятие церковных ценностей // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр "Православная энциклопедия", 2009. Т. 21. С. 661–668. [Nikitin D.N. Iz`yatie cerkovny`x cennostej // Pravoslavnaya e`nciklopediya. M.: Cerkovno-nauchny`j centr "Pravoslavnaya e`nciklopediya", 2009. T. 21. S. 661-668.].
- Никонов Вадим В. Изъятие ценностей из храмов Московской губернии в 1922 г. в архивных документах ЦГАМО и ЦГА г. Москвы // История и архивы. 2022. С. 105–117. [Nikonov Vadim V. Iz`yatie cennostej iz xramov Moskovskoj gubernii v 1922 g. v arxivny`x dokumentax CzGAMO i CzGA g. Moskvu` // Istoriya i arxivu`.
- Одинцов М.И. Государство и церковь (история взаимоотношений 1917-1938). М.: Знание, 1991. 63 с. [Odincov M.I. Gosudarstvo i cerkov` (istoriya vzaimootnoshenij 1917–1938). M.: Znanie, 1991. 63 s.].
- Одинцов М.И. Русская Православная Церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом М.: ЦИНО, 2002. 312 с. [Odincov M.I. Russkaya Pravoslavnaya Cerkov` v XX veke: istoriya, vzaimootnosheniya s gosudarstvom i obshhestvom M.: CINO, 2002. 312 s.].
- Петров С.Г. Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории Русской церкви (1921-1925 гг.). М.: РОССПЭН, 2004. 406 с. [Petrov S.G. Dokumenty` deloproizvodstva Politbyuro CzK RKP(b) kak istochnik po istorii Russkoj cerkvi (1921–1925 gg.). M.: ROSSPEN, 2004. 406 s.].
- Плаксин Р.Ю. Крах церковной контрреволюции в 1917–1923 гг. М.: Наука, 1968. 192 с. [Plaksin R.Yu. Kraх cerkovnoj kontrevolyucii v 1917–1923 gg. M.: Nauka, 1968. 192 s.].
- Тарасов В. Изъятие церковных ценностей в Петрограде: к 95-летию декрета ВЦИК РСФСР // Труды Белгородской духовной семинарии. 2017. № 5. С. 17–26. [Tarasov V. Iz`yatie cerkovny`x cennostej v Petrograde: k 95-letiyu dekreta VCIK RSFSR // Trudy` Belgorodskoj duchovnoj seminarii. 2017. № 5. S. 17–26.].
- Чемирисский Н.А. Изъятие в 1922 г. церковных ценностей для помощи голодающим // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1962. С.186–212. [Chemirisskij N.A. Iz`yatie v 1922 g. cerkovny`x cennostej dlya pomoshhi golodayushhim // Voprosy` istorii religii i ateizma. M., 1962. S.186–212.].

Володько Анна Вячеславовна, к.ю.н., с.н.с., ИВИ РАН, avolodko@inbox.ru

L.D. Trotsky and the 1922 Campaign to Seize Church Property (On the 100th Anniversary of the Seizure of Church Property)

The year 2022 marks the 100th anniversary of one of the tragic events in Russian history - the campaign to seize church treasures, organised by the Bolshevik government under the pretext of helping the starving to replenish the state treasury and change the power in the Russian Orthodox Church. The article presents an analysis of the main stages of the activity of L. D. Trotsky, one of the main ideologists and organizers of this campaign. In preparing the article the archival materials of the Russian State Archive of Social and Political History, the State Archive of the Russian Federation, as well as documents published in the collections "The Kremlin Archives. Politburo and Church", "The Russian Orthodox Church and the Communist State 1917-1941" and others.

Keywords: *L.D. Trotsky, campaign to seize church treasures, Russian Orthodox Church.*

Volodko Anna V., PhD in law, Senior Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences. avolodko@inbox.ru

ТРИШКИН КАФТАН ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКИ

До недавнего времени в хронике истории Советского Союза 1969 год терялся на фоне ярких событий предшествующих и последующих лет. Недавно рассекреченные и опубликованные в книге «Секретариат ЦК КПСС. Рабочие записи и протоколы заседаний. 1969 г.» архивные документы и материалы позволяют понять ключевую роль этого года в истории СССР: именно с этого года в стране наступил застой в идеологии и экономике. Отныне жизнь всех без исключения представителей творческой интеллигенции СССР четко делится на периоды до и после 7 января 1969 г. Под недавно закончившейся оттепелью подводится большая и жирная черта.

Ключевые слова: Секретариат ЦК КПСС, Л.И. Брежнев, М.А. Суслов, мораль и политика, история и литература, И.А. Велембовская, интеллектуальная история, Великая архивная революция.

Великая архивная революция продолжается. Сокращается временная дистанция между днем сегодняшним и нашим недавним прошлым, которое становится доступным для исторического изучения или философского осмысления. Рассекречиваются и вводятся в научный оборот архивные документы и материалы, еще несколько лет тому назад составлявшие государственную тайну. Не так давно исследователи получили возможность заглянуть в святая святых времен правления Леонида Ильича Брежнева – в рабочие и дневниковые записи самого генсека и в протоколы заседаний Секретариата ЦК КПСС, который в эпоху Брежнева был настоящим мозговым центром партии.

Издательство «Историческая литература», продолжив серию ранее вышедших публикаций, сделало специалистам по истории СССР великолепный новогодний подарок, выпустив в последние дни уходящего 2022 года 1040-страничный том энциклопедического формата «Секретариат ЦК КПСС. Рабочие записи и протоколы заседаний. 1969 г.». Рассекреченные и опубликованные в книге архивные материалы раскрывают механизм принятия политических решений и позволяют понять, почему самый стабильный период в истории СССР уже через несколько лет после смерти Брежнева стал именоваться периодом застоя.

Незабываемый 1969-й

7 января 1969 года. Вчитаемся в протокол заседания № 1, на котором председательствует секретарь ЦК КПСС Михаил Андреевич Суслов, второй человек в партийной иерархии и главный идеолог страны. Обсуждается девять вопросов основной повестки дня и двенадцать вопросов дополнительной повестки. Первый вопрос основной повестки дня сформулирован так: «О повышении ответственности руководителей органов печати, радио, телевидения, кинематографии, учреждений культуры и искусства за идейно-политический уровень публикуемых материалов и репертуара». Под непосредственным влиянием «Праж-

ской весны» подготовлен проект закрытого постановления ЦК КПСС, которое призвано усилить роль политической цензуры в системе государственного управления и радикально изменить интеллектуальную сферу жизни советского общества. Пять человек – секретари ЦК КПСС М.А. Сулов, Д.Ф. Устинов, Б.Н. Пономарев, П.Н. Демичев, М.С. Соломенцев – одобряют проект, представленный членом ЦК КПСС А.Я. Пельше. Дмитрий Федорович Устинов просит «несколько усилить запись в адрес издательства»¹. Секретари ЦК не возражают. Постановление принимается с учетом этой поправки, обретает силу закона и становится важной вехой в истории страны.

Отныне жизнь всех без исключения представителей творческой интеллигенции Советского Союза четко делится на периоды до и после 7 января 1969 года. Под недавно закончившейся оттепелью подводится большая и жирная черта. В геометрической прогрессии увеличивается количество фигур умолчания в отечественной истории. Большой террор, политические репрессии в жизни и судьбе тех или иных государственных деятелей или деятелей культуры, неудачи начального периода Великой Отечественной войны, послевоенный голод, культ личности Сталина – всё то, о чем еще четыре года тому назад можно было снимать кинофильмы, ставить спектакли или писать книги, с этой поры оказывается под безусловным и очень строгим запретом. С этого момента невозможно снять и выпустить на экран фильмы, подобные «Живым и мертвым» (1964) или «Председателю» (1964), напечатать рассказы, повести, романы или поэмы, хотя бы отчасти перекликающиеся с «Одним днем из жизни Ивана Денисовича» (1962) или «Тёркиным на том свете» (1963). Уже снятые фильмы отправляются «на полку», а подготовленные к печати произведения отвергаются редакциями и издательствами. Секретариат ЦК КПСС, этот «мозг партии», внимательно следит за тем, чтобы в энциклопедических изданиях отсутствовали даже намеки на незаконные репрессии. 24 января 1969 года одна из статей, подготовленная для третьего издания «Большой Советской Энциклопедии», отвергается под тем предлогом, что «в предложенном тексте есть неправильные места, например, по поводу ответственности за репрессии». При этом в рабочей записи заседания Секретариата делается выразительная запись: «В протокол вопрос не вносить»². Чрезвычайно внимательно секретари ЦК читают статью о Сталине, предназначенную для «Философской энциклопедии», высказывают свои замечания и принимают решение, что «ее следует доработать»³. Лишь после рассмотрения на Секретариате в «Правде», самой главной газете страны, появляется статья, приуроченная к 90-летию Сталина⁴.

¹ Секретариат ЦК КПСС. Рабочие записи и протоколы заседаний. 1969 г. М.: Ист-Лит, 2022. С. 28.

² Там же. С. 39.

³ Там же. С. 104, 853, 857.

⁴ Там же. С. 166, 917.

Тайный запрет

Своеобразие ситуации заключается в том, что, во-первых, перечень запретных тем, сюжетов, имен нигде и никем публично не артикулируется и носит негласный характер. Совершенно исключено его обсуждение в публичном пространстве. Во-вторых – персональная ответственность за непрерываемое соблюдение негласного запрета возлагается не на сотрудников Главного управления по охране государственных тайн в печати (под эвфемизмом Главлит скрывается цензура), а на руководителей органов печати, учреждений культуры и искусства. Постановление ЦК КПСС фактически сужает зону ответственности Главлита и выдает его сотрудникам индульгенцию, освобождающую их от кары за возможные в будущем прегрешения в сфере идеологии. Казенный язык постановления доводит до сознания руководителей простую мысль: именно они, а не цензоры несут персональную ответственность за любые идеологические провинности.

«Некоторые руководители издательств, органов печати, радио, телевидения, учреждений культуры и искусства не принимают должных мер для предотвращения выпуска в свет идейно ошибочных произведений, плохо работают с авторами, проявляют уступчивость и политическую беспринципность в решении вопросов о публикации идейно порочных материалов. Отдельные руководители идеологических учреждений пытаются переложить собственную ответственность в этом отношении на Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР»⁵.

Постановление ЦК КПСС разжевывает руководителям, не желающим брать на себя ответственность, для чего при социализме нужна цензура: «в условиях социалистической демократии органы предварительного контроля существуют главным образом для предотвращения публикации сведений, составляющих государственную и военную тайну, а также различного рода дезинформации»⁶.

Достается и руководителям творческих союзов, которые в годы оттепели, бравидуя своей относительной независимостью и действуя в соответствии с духом времени, позволяли себе сквозь пальцы смотреть на небольшую фронду, содержащуюся в произведениях или бытовом поведении крупных мастеров культуры. Теперь с этим покончено. Власть не собирается ни заигрывать с творческой интеллигенцией, ни вступать с нею в диалог. «Творческие союзы недостаточно глубоко анализируют идейно-художественный уровень своих изданий, а также творчество отдельных мастеров, не всегда дают своевременную и правильную оценку идеологически ошибочным, ущербным произведениям»⁷.

Руководитель лишается малейшей возможности не только оспорить любое замечание цензора, но и сослаться на него при беседе с ав-

⁵ Там же. С. 183.

⁶ Там же. С. 184-185.

⁷ Там же. С. 184.

тором подобного произведения. На официальном уровне лицемерно утверждается об отсутствии в СССР института цензуры. Секретный пункт постановления гласит: «Установить, что все вопросы, возникающие в процессе предварительного контроля произведений и касающиеся их идейно-политического характера, рассматриваются на уровне руководителей Главлита и руководителей издающих организаций и органов культуры. Замечания работников Главного управления по охране государственных тайн в печати доводятся до сведения авторов произведений без ссылки на Главлит. Нарушение этого порядка должно рассматриваться как нарушение государственной и партийной дисциплины»⁸.

При любом раскладе не желающий расстаться со своим креслом или партийным билетом руководитель оказывается крайним. (В Советском Союзе исключение из партии – это политическая смерть и безусловный запрет на профессию.) Ни о какой презумпции невиновности не может быть и речи. Руководитель по определению поставлен в положение обвиняемого и вынужден доказывать свою невиновность и отсутствие «политической беспринципности». Ему безопаснее и проще собственной властью запретить любое «идейно ошибочное» произведение, на дальних подступах к Главлиту предотвратив неминуемый скандал, чем нести персональную ответственность за выход в свет «идеологически ошибочного, ущербного произведения». Параллельно с этим заметно возросла самооценка мастеров культуры...

Эзопов язык торжествует

Постановление от 7 января 1969 г. закрепило верховенство идеологии над культурой и осложнило жизнь и судьбу многих творцов. Так начался застой в области идеологии, который не стал, да и не мог стать застоєм в области культуры. Диалектика творческой деятельности была такова, что сам факт усиления цензурных рогаток и барьеров заставлял творцов «править ремесло», прибегать к аллюзиям, ассоциациям, инсказаниям – всё это в начале 1970-х стало мощным импульсом для ошутимого взлета отечественной культуры, достаточно вспомнить Театр на Таганке или произведения Юрия Трифонова. Однако в сознании творческой интеллигенции укоренился своеобразный оптический обман: для всех тех, кто действительно был творческой личностью или желал таковой казаться, вся брежневская эпоха без исключения стала ассоциироваться исключительно с застоєм. Эта аберрация памяти, многократно усиленная мемуаристами, и привела к тому, что был поставлен знак тождества между застоєм и временем правления Брежнева.

Рассекреченные и опубликованные рабочие записи заседаний Секретариата неопровержимо свидетельствуют, что «мозг партии», всегда стоявший на страже чистоты идеологии, никогда не забывал о том, что идеология – это всего-навсего надстройка над экономическим базисом. Поэтому Секретариат ни на минуту не упускал из вида экономическую

⁸ Там же. С. 185.

сферу жизни советского общества, не игнорировал выявленные проблемы и в режиме ручного управления стремился оперативно их устранить. А проблем было много. М.С. Соломенцев лучше всех сказал о клубке взаимосвязанных вопросов, на которые он и его коллеги по Секретариату безуспешно старались найти ответы: «... Как только начинают спрашивать за недостатки, так сразу же на первый план выдвигается отсутствие материальной базы, недостаток средств, дай базу, дай деньги, дай кадры – тогда у нас все будет»⁹. Тришкин кафтан плановой экономики социализма трещал по швам, а секретари ЦК безуспешно тщились его заштопать. Приведу лишь несколько колоритных реплик.

М.А. Суслов о теневой экономике в Армянской ССР: «Сигналы правильные. Разворовывание приняло серьезные масштабы. ... Жулики чувствуют себя вольготно. Тащит каждый все, что можно тащить. Происходит моральное разращение людей. ... Надо в партийной организации Армении сделать встряску, резко повысить ответственность коммунистов, наказать виновных»¹⁰. О размахе теневой экономики в национальных республиках можно судить по размерам вкладов на сберкнижках. Средний размер вклада в сберкассах СССР составлял на конец 1969 года 526 рублей, в том числе в Российской Федерации – 519 рублей, в Литве – 869 рублей, в Армении – 888 рублей, в Грузии – 933 рубля¹¹. При этом средняя зарплата по стране составляла 117 рублей в месяц¹².

А.П. Кириленко о дефиците трудовых ресурсов: «Сейчас у нас в стране не хватает около 2550 тыс. человек рабочих, а что будет через пятилетку? Пока сказать трудно. Раньше у нас, как известно, были резервы рабочей силы. Рабочих можно было вербовать в Рязанской области, в Мордовской, Чувашской республиках, были они в Белоруссии и других районах, а теперь в этих областях не хватает рабочих. Следовательно, резервы рабочей силы нужно изыскивать за счет технического прогресса...»¹³

П.Н. Демичев о роли инженерно-технических работников в осуществлении технического прогресса: Выяснилось, что на Братском лесопромышленном комплексе около 80% ИТР не дали ни одного рационализаторского предложения. «Как известно, в зарубежных странах тех работников, которые отстают в техническом отношении, отношении, не вносят рационализаторских предложений, увольняют с работы. У нас этого нет и быть не может, но должны будем поднять ответственность инженерно-технических работников за состояние научно-технического прогресса на том предприятии, где они работают»¹⁴. Число дипломированных инженеров, занятых в народном хозяйстве СССР, составляло 2400 тысяч, в то время как в США их было всего лишь 870 тысяч¹⁵.

М.С. Соломенцев о предполагаемом награждении орденами и медалями ветеранов и передовиков колхозного производства: «Сейчас у нас недостаток с мясом и с другими продуктами. Если объявить о массовом награждении кол-

⁹ Там же. С. 168.

¹⁰ Там же. С. 35.

¹¹ Народное хозяйство СССР в 1969 г. М.: Статистика, 1970. С. 587.

¹² Там же. С. 538.

¹³ Секретариат ЦК КПСС. С. 124.

¹⁴ Там же. С. 128.

¹⁵ Народное хозяйство СССР в 1969 г. С. 134.

хозов и колхозников, то как это будет воспринято населением? Я считаю, что фон для такого награждения сейчас неблагоприятный. Время для этого неподходящее. ... Сейчас награждение не будет понято трудящимися»¹⁶.

А.П. Кириленко о дефиците товаров массового спроса: «Ну, мы объясним недостаток мяса. Можно объяснить недостаток палаток и костюмов. Но чем объяснить, что нет шнурков или мыла, спичек и т.д. Ничем этого объяснить нельзя. Единственное объяснение – это безответственность, невнимание к повседневным нуждам трудящихся»¹⁷.

М.А. Суслов: «Мелочи? Недостатки, а они создают настроение у населения»¹⁸.

Правит бал дефицит

Действительно, дефицит товаров массового спроса ощущался повсеместно. Любая мелочь могла стать дефицитом. В конце 1969 года сумма вкладов населения, хранящихся в сберкассах, составляла 38 397 млн руб. А товарные запасы в розничной торговле были меньше этой суммы и составляли 31 561 млн руб.¹⁹ Однако Секретариат ЦК КПСС был убежден в том, что при плановом хозяйстве нет и не может быть никакой инфляции; инфляция – болезнь, присущая лишь капиталистической экономике. Секретари ЦК любые, даже очень робкие намеки экономистов на наличие инфляционных тенденций встречали в штыки. Маршал Советского Союза Иван Христофорович Баграмян, занимавший до весны 1968 года пост заместителя Министра обороны СССР – начальника Тыла Вооружённых Сил СССР, с солдатской прямоотой сказал об отношении власть предержащих к мудреным экономическим теориям: «Экономическая наука – это болячка на здоровом теле государственного механизма планирования и управления»²⁰.

Деревня перестала быть неиссякаемым резервом для пополнения трудовых ресурсов. В 1969 г. 55% населения СССР проживало в городах и 45% – в сельской местности. В 1961 г. это соотношение было 50% на 50%²¹. С того времени происходит ежегодное и неуклонное сокращение численности сельского населения. Переезжая в город, бывшие деревенские жители стремились в минимальные сроки приобщиться к городской бытовой культуре и образу жизни. Производство предметов потребления отставало от постоянно растущего спроса на них. Посмотрим на сложившуюся ситуацию сквозь призму беллетристики.

В повести Ирины Велембовской «Женщины», в 1964 г. опубликованной в журнале «Знамя», есть запоминающийся эпизод. Молодая деревенская девушка Аля Ягодкина собирается уехать из родной деревни Гуськи в город. Уже живущая в городе и работающая на мебельной фабрике ее бывшая соседка Дуська Кузина жестко, не прибегая к наме-

---

¹⁶ Секретариат ЦК КПСС. С. 152.

¹⁷ Там же. С. 177.

¹⁸ Там же. С. 926.

¹⁹ Народное хозяйство СССР в 1969 г. С. 585, 612.

²⁰ Федоренко 1999. С. 179.

²¹ Народное хозяйство СССР в 1969 г. С. 7.

кам и иносказаниям, объясняет Але и тете Груше, ее матери, что в городе следует одеваться по-городскому.

«Мать все уговаривала, совала Але валяные сапоги с калошами. Хорошие ведь валенки, только этой зимой скатанные. Не оглянешься, как опять зима подступит.

— Да на кой ей валенки? — нетерпеливо сказала Дуська. — Что она там будет как колхозница ходить? Ботинки на меху купит».

В 1966 г. фильм «Женщины», снятый по одноимённой повести Ирины Велембовской, стал одним из лидеров советского кинопроката: его посмотрели 36,6 млн чел. Фраза Дуськи Кузиной стала крылатой: «Любовь у меня будет. Мне б вот только пальто справиться приличное».

Мать Али Ягодкиной с удовлетворением говорит о своей жизни в деревне начала 1960-х гг.: «Да нет, у нас вроде бы сейчас ничего... Хлеб бесперебойно, картошек хватает, и деньгами дают... Опять же и товар всякий привозят, модное даже». Вдове тете Груше, чей муж погиб на войне, есть, с чем сравнивать: она хорошо помнит и войну, и послевоенный голод. Однако о мясе, что характерно, речи нет. А в другой повести Велембовской «Сладкая женщина» — ее действие происходит в 1971 году — главная героиня Аня Доброхотова, работающая в городе на кондитерской фабрике, на электричке везет из города в деревню мясо, чтобы справиться поминки по умершей матери. Мяса в деревне нет. В феврале 1969 года в рабочем блокноте Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева появляется запись: «С животноводством — хорошо. С мясом — плохо»²².

Однако вернемся к повести «Женщины». Тетя Груша, не только привыкла довольствоваться тем, что у нее есть, но и умеет обуздывать потребности — свои собственные и дочери. Аля «приставала к матери, чтобы та купила ей велосипед. Но тетя Груша, Алина мать, считала, что велосипед — это озорство, что вслед за велосипедом Алька потребует и брюки в обтяжку, вроде тех, в которых ходят по Гуськам дачники». Действительно, если сравнивать с далеким 1940 годом, продажа населению велосипедов и мопедов возросла в 20 раз²³. Аля — очень скромная девушка, отнюдь не склонная к безудержному потреблению. Одна она хочет, чтобы ее сын Славик ходил в добротной городской обуви.

«У других ребятишек в Гуськах лет до двух вся обувь — это связанные бабушками носки из толстой пряжи. А своего Славика, чуть тот пошел, Аля обула в красные башмачки на шнурочках».

Так обстояло дело в первой половине 1960-х, а 23 декабря 1969 г. на завершающем в этом году заседании Секретариата вдруг неожиданно обнаружилось, что шнурки для обуви — это дефицит. «В торговой сети не достает много товаров массового спроса, таких, как столовая клеенка, чайники для заварки чая и для кипятка, тарелки, чашки, чемо-

²² Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. В 3 т. Т. 1. М.: ИстЛит, 2016. С. 356.

²³ Народное хозяйство СССР в 1969 г. С. 580.

даны, ботиночные шнурки, подвязочные резинки, уксус, дрожжи, ножи, вилки и другие необходимые в быту изделия»²⁴. Выяснилось, что отсутствие шнурков непосредственно связано с «Пражской весной» и большой политикой: «оборудование по шнуркам мы покупаем в Чехословакии, которое она нам не поставляет»²⁵. Круг замкнулся.

На первом заседании Секретариата 7 января 1969 года было установлено, что население районов Крайнего Севера и Дальнего Востока из рук вон плохо снабжается предметами первой необходимости.

«В торговой сети недостает в продаже шапок, рукавиц, шерстяных и полушерстяных джемперов, свитеров, теплого белья, утепленных сапог, ботинок. Особенно плохо обстоит дело с продажей полушубков и валенок. Не хватает также детской одежды и обуви, фарфоро-фаянсовой посуды и стеклянной посуды, мебели и других предметов культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода.

...С другой стороны, следует отметить, что слабо используются местные ресурсы. Например, на Севере очень много забивается оленей. Из оленьих шкур можно было бы изготавливать большое количество утепленной обуви и одежды. Между тем производство такой одежды не налажено»²⁶.

Местным властям следовало сделать встряску. И тогда к решению проблемы подключился лично Леонид Ильич, 19 февраля по телефону обзвонивший секретарей обкомов и крайкомов КПСС. Свидетельством чего стали рабочие записи генсека: «На 10 человек – одна шапка – pozor. ...Теплые вещи – народ требует одежду – обувь»²⁷. И

Только после личного вмешательства генсека дело сдвинулось с мертвой точки.

Судя по всему, накануне нового 1970 года Секретариат постеснялся обращаться к Брежневу, чтобы он позвонил новому руководству Чехословакии и лично решил вопрос с дефицитом шнурков. О том, как решалась эта проблема, мы узнаем, когда будут рассекречены протоколы заседаний Секретариата за 1970-й и последующие годы.

Архивная революция продолжается.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. В 3 т. Т. 1. М.: ИстЛит, 2016. 1264 с.
Народное хозяйство СССР в 1969 г. Статистический ежегодник. М.: Статистика, 1970. 864 с.
Секретариат ЦК КПСС. Рабочие записи и протоколы заседаний. 1969 г. М.: ИстЛит, 2022. 1040 с.
Федоренко Н.П. Вспоминая прошлое, заглядывая в будущее. М.: Наука, 1999. 479, [1] с.
Экинут Семён Аркадьевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; semenekstut54@gmail.com

²⁴ Секретариат ЦК КПСС. С. 176.

²⁵ Там же. С. 178.

²⁶ Там же. С. 29.

²⁷ Брежнев Л.И. Рабочие и дневниковые записи. В 3 т. Т. 1. С. 356, 357.

“Trishkin caftan” of the planned economy

Until recently, in the chronicle of the history of the Soviet Union, 1969 was lost against the backdrop of the bright events of previous and subsequent years. Recently declassified and published in the book “Secretariat of the Central Committee of the CPSU. Working notes and minutes of meetings. 1969” archival documents and materials make it possible to understand the key role of this year in the history of the USSR: it was from this year that stagnation in ideology and the economy began in the country. From now on, the life of all representatives of the creative intelligentsia of the Soviet Union without exception is clearly divided into periods before and after January 7, 1969. Under the recently ended thaw, a large and bold line is being drawn.

Keywords: Secretariat of the Central Committee of the CPSU, L.I. Brezhnev, M.A. Suslov, morality and politics, history and literature, I.A. Velembovskaya, intellectual history, The Great Archival Revolution.

Semen Ekshtut, *Dr.Sc. (Philosophy)*, *Leading researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; semenekstut54@gmail.com*

В.П. Корзун, Л.А. Сидорова

НОВЫЕ КРАСКИ К ПОРТРЕТУ МИЛИЦЫ ВАСИЛЬЕВНЫ НЕЧКИНОЙ¹

Рассматривается эвристический потенциал новой документальной публикации творческого наследия академика М.В. Нечкиной, составленной В.Г. Бухертом. Показано, как ее переписка с историками, писателями и деятелями культуры, а также поэтическое творчество могут открывать неизвестные ранее стороны яркой и разносторонней личности выдающегося ученого и многие страницы советской исторической науки в целом.

Ключевые слова: историческая наука России, советский историографический дискурс, эпистолярное наследие, поэзия «Серебряного века», М.В. Нечкина, сообщество советских историков.

---

*«Другие по живому следу
Пройдут твой путь за пядью пядь...»*
Б. Пастернак

Строки высоко чтимого М.В. Нечкиной великого русского поэта Бориса Пастернака, возможно, лучший эпиграф к многочисленным опытам осмысления жизни и творчества признанного классика советской историографии. Биография М.В. Нечкиной вобрала в себя интеллектуальные, социальные, поэтические и житейско-повседневные черты XX века, одновременно раскрывая яркую индивидуальность ее личности. В этом еще раз убеждаешься, знакомясь с новой документальной публикацией известного российского историографа и археографа В.Г. Бухерта². В ней представлена переписка М.В. Нечкиной с коллегами по цеху и не только, а также ее поэтическое творчество. Замысел представить под одной обложкой «два мира» М.В. Нечкиной, безусловно, интересен и, в определенной степени, отвечает внутренним интенциям историка. Правда, сама Милица Васильевна писала о трех мирах, которые не определялись ею как исключительно мир науки и мир поэзии.

На шоколадно-коричневой обложке книги помещен портрет историка, относящийся к 1980-м гг., создающий эффект фарфорового бюста с оттенком патины... Такие мраморные, фарфоровые, или просто гипсовые бюсты выдающихся философов, ученых, писателей были непременными атрибутами кабинетов интеллектуалов как в XIX в., так и в первой половине XX в. Перед нами человек-памятник? Представляемый сборник документов свидетельствует, что это и «так», и «не так».

Сборник открывается предисловием, в котором публикатор напоминает читателю основные вехи биографии М.В. Нечкиной и дает подробную библиографию трудов о жизни и творчестве историка и публикаций ее документального наследия. Свою задачу В.Г. Бухерт видит

¹ Рец. на кн.: Академик М.В. Нечкина. Из творческого наследия... 2021.

² Ссылки на страницы монографии даются в тексте в скобках.

в том, чтобы «раскрыть личность выдающегося отечественного историка во всей ее полноте» (11), показать М.В. Нечкину как творца историографического процесса, в который врываются разные социальные и духовные ветры, «шум времени», наконец, что на шахматной доске исторической науки «королева» не одинока, рядом много других фигур, взаимно отражающих и искажающих друг друга. Последнее позволяет представить научное сообщество советских историков в его многообразии с присущими ему ритуалами и ценностями.

Первая часть сборника включает переписку М.В. Нечкиной с коллегами-историками, писателями и литературными критиками, искусствоведами, театральными деятелями, иногда и с их родственниками. Всего представлено 349 писем за 1923–1984 гг., большая часть которых публикуется впервые. За этим стоит многолетняя кропотливая работа – родовая черта археографа, которая ярко прочитывается в многочисленных публикациях В.Г. Бухерта³. Письма выявлены составителем в восьми архивохранилищах Москвы и Санкт-Петербурга. Вторая часть издания посвящена поэтическому наследию Милицы Васильевны. Можно выделить в качестве третьей, вполне самостоятельной части сборника, «Приложение», включающее 23 документа; сюда отнесем и список работ М.В. Нечкиной (515–518), не вошедших в изданный в 1987 г. хронологический указатель ее трудов. Визуальные материалы сборника дают возможность исследователю соединить два медиума – изображение и текст – в новый жанр сентиментальной историографии⁴.

Эпистолярный М.В. Нечкиной и ее 113 корреспондентов вместе с документами «Приложения» – интереснейший текст-источник, проясняющий множество проблем, волнующих исследователей советской исторической науки. Среди корреспондентов М.В. Нечкиной – известные и именитые историки (М.А. Алпатов, М.А. Барг, Н.М. Дружинин, Б.Ф. Поршнев, А.З. Манфред, Ш.М. Левин, Р.Г. Скрынников, И.Д. Ковальченко) и историки, не вписанные или на тот момент еще не вписанные в пантеон классиков (Б.Г. Кубалов, В.Е. Дербина, И.М. Романов, Г.П. Башарин, В.Н. Увачан, С.Н. Какабадзе, А.П. Окладников). Основной круг корреспондентов составляли ученые Москвы и Ленинграда. В переписке М.В. Нечкина предстает как исследователь и организатор науки, как учитель/наставник, транслирующий представления о профессии историка и о критериях научности, как активный актер на культурном поле СССР, озабоченный формированием исторического сознания и исторической культуры.

В современной литературе менее всего представлен образ Милицы Васильевны как учителя в широком смысле этого слова. Публикуемые письма позволяют добавить некоторые штрихи в его прояснение. Так, 31 марта 1952 г. в ответе на письмо от исследователя из Якутии И.М. Романова, работавшего над докторской диссертацией «Н.Г. Чер-

³Переписка 2018; Греков 2019.

⁴Мазур 2019; Нарский, Нарская 2022.

нышевский в Сибири», Нечкина излагает свое представление о модели диссертационного исследования (75-78). Милица Васильевна предлагает автору придерживаться такого порядка работы, при котором приступать к вводной части исследования следует только после того, как составлен общий развернутый план, подобраны источники и написаны основные главы (76). И далее - принципиально значимый текст для некоторой коррекции советского исторического нарратива: «Общего сосредоточенного объема всех высказываний классиков марксизма, помоему, не надо помещать во введении, – в нем надо дать лишь самые основные высказывания. А все остальное надо распределить по самому ходу последующего изложения в основных главах» (77).

М.В. Нечкина обращает внимание И.М. Романова на необходимость творческого подхода к цитированию: «Подавляющее число приводимых Вами высказываний Маркса и Энгельса относится к Чернышевскому в целом, а не специально к сибирскому его периоду... Нет никакой нужды натягивать это, все эти указания все равно ведь нужны Вам как воздух» (77). Эта метафора воздуха в рассуждениях о цитатах классиков марксизма невольно отсылает внимательного читателя к строкам Осипа Мандельштама: «Цитата не есть выписка. Цитата есть цикада. Неумолкаемость ей свойственна. Вцепившись в воздух, она его не отпускает»⁵. В таком контексте становится более зримым неоднозначное восприятие самой Нечкиной марксистского проекта, в котором было и отрицание, и приятие, но никогда – вульгарного упрощения.

Размышляя над эпистолярным наследием М.В. Нечкиной, задаешься вопросом: насколько оно было отцензурировано самим автором? В какой-то мере ответ на него – помещение В.Г. Бухертом в «Приложении» ряда документов не из разряда эго-источников: выступления Нечкиной на общем собрании сотрудников Института истории АН СССР 5 апреля 1937 г., в Институте красной профессуры 31 октября 1937 г., выступление на заседании Ученого совета Института истории АН СССР 30 октября 1950 г. Публикуемые тексты коррелируют образ Милицы Васильевны, подчеркивая противоречивость ее натуры, сложности выбора стратегии адаптации к меняющимся политическим реалиям. В целом письма М.В. Нечкиной отличаются лаконичностью и деловым стилем – на первом месте всепоглощающая работа, мэтр задает ее стремительный ритм и высокую планку научного творчества. Но вот перелистываем первую часть сборника – и перед нами другая Нечкина. Может, эта «Другая» и прорвалась/отразилась в «Ключевском» – монографии, так восторженно встреченной коллегами. Но здесь современный историк вступает на тонкий лед догадок...

Поэтическая часть публикации составлена В.Г. Бухертом в соответствии с невоплощенным замыслом самой М.В. Нечкиной. В ее основе – два поэтических сборника, подготовленных Милицей Васильевной для печати: «Солнце сквозь листья» и «Книга об ожидании». Эта новая,

⁵ Мандельштам 1987: 112.

наиболее полная на сегодня публикация стихов М.В. Нечкиной (несколько стихотворений было опубликовано А.А. Сванидзе⁶) открывает именитого историка как тонко и глубоко чувствующего человека, которого по праву можно отнести к поэтам Серебряного века.

Основную дань стихотворчеству М.В. Нечкина отдала в свой казанский период жизни. Она входила в Союз казанских поэтов, выступала со своими стихами на поэтических вечерах, мечтала о поэтической стезе⁷. В июне 1921 г. М.В. Нечкина «начала списывать стихи» для отсылки В.Я. Брюсову, Л.П. Карсавину, А.А. Ахматовой, К.И. Чуковскому, В.Б. Шкловскому и М.А. Кузмину⁸. В «Приложении» В.Г. Бухерт поместил письмо последнего – поэта, драматурга и композитора Серебряного века (443). Оно было адресовано матери М.В. Нечкиной и датировано 9 июля 1921 г. Из него следует, что Надежда Николаевна Нечкина, которая в молодости была знакома с М.А. Кузминым, просила его дать оценку стихам ее дочери. М.А. Кузмин, 8 июля получив письмо Н.Н. Нечкиной⁹, сразу же ответил на него. Поэтический дар младшей Нечкиной был ему очевиден: «У Милицы Васильевны, при современной технике, большое поэтическое и духовное содержание, большой внутренний запас, свои слова и ритмы. Талант, по существу, глубоко женский – вещий, жалящий и волнующий, почти пророческий». Отвечая на заботивший его собеседницу вопрос о творческих перспективах дочери, он написал: «Что будет дальше, кто же может знать, но куда все почти – значительно, волнуется и жалит» (443).

Что же найдет в поэтической части этого документального издания читатель – историк и просто человек, любящий поэзию Серебряного века? Обратимся к некоторым стихотворениям М.В. Нечкиной.

В сентябре 1938 г. Милица Васильевна, в то время уже авторитетный историк, подготовила для публикации более сотни своих стихотворений, объединив их в «Книге об ожидании». Им она предпослала четыре эпиграфа. Во втором и третьем из них крылся потаенный смысл. Вторым – это строки из стихотворения А.С. Пушкина «Сцена из Фауста» (1825). Они приведены М.В. Нечкиной с неточностью, для нее нехарактерной. Цитируя, в начале первой строки Милица Васильевна меняет местонаименование «что» на союз «и». Вместо – «*Что думал ты в такое время, / Когда не думает никто?*»¹⁰, – она написала: «*И думал ты в такое время, / Когда не думает никто*» (254), – и поставила точку. Эта «ошибка» превратила вопрос в утверждение и изменила смысл всей фразы. Думаящий человек в бездумное время – и это в 1938 году!

Третьим эпиграфом М.В. Нечкина взяла строки одного из сонетов Микеланджело – «*Ahimè, lasso chi pur tropp' aspetta*» (254). Они – «Увы,

⁶ Вторая муза историка 2003: 170-196.

⁷ Дневники 2003: 32, 51, 54,

⁸ «И мучилась, и работала невероятно» 2013: 200; Дневники 2003: 73.

⁹ Кузмин 1993: 467.

¹⁰ Пушкин 1985: 361.

как я устал от ожидания» – в «Книге об ожидании» более чем уместны. Но Нечкина, запоем читавшая роман Р. Ролана «Жизнь Микеланджело», готовясь к экзамену по итальянскому Ренессансу¹¹, знала, что в СІХ сонете писатель находил «почти толстовские мысли о бесполезности борьбы и непротивлении злу»¹². Это привносит социально-психологические ноты в звучание эпиграфа, отражая неприятие Милицей Васильевой смуты Гражданской войны. Осенью 1919 г. она писала в стихах:

*Под дождем к вокзалу идут войска.
Мокрые пятна красных знамен.
И сжмает душу мою тоска,
Для которой нет ни слов, ни имен (278),*

И в прозе дневника: «Если я сама не в силах еще верить в какую-нибудь борьбу и жить, я буду смотреть, как живут другие»¹³.

Анализ стихотворений М.В. Нечкиной позволяет судить об истоках ее жизненной позиции. Уже в ранних (1915 г.) «Стихах о забытой свечке» (256) явственно прослеживается боязнь не раскрыть свой талант:

*Пушистая хвоя совсем ее скрыла
Меж красных и розовых свеч,
И мы ее – тонкую, полную силы –
Одну позабыли зажечь.*

Поэтический образ: «Я – свеча, я горю в пустой комнате...» (324), – подчеркивал творческое горение М.В. Нечкиной, которое она пронесла через всю свою жизнь.

Полагаем, что вдумчивое изучение эпистолярного и поэтического наследия М.В. Нечкиной, ставшего благодаря его изданию более доступным, позволит полнее понять многогранную, противоречивую личность выдающегося историка. И, возможно, опубликованные В.Г. Бухертом тексты помогут современным исследователям опровергнуть слова А.З. Манфреда, адресованные Милице Васильевне: «Читая Вашу книгу, я думал также о том, что Ключевскому повезло; о нас – советских историках – не будет написано подобной книги» (200).

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Академик М.В. Нечкина. Из творческого наследия / сост. В.Г. Бухерт. М.: СПб.: Нестор-История, 2021. 584 с., ил. [Akademik M.V. Nechkina. Iz tvorcheskogo naslediya / sost. V.G. Buhert. M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2021. 584 s., il.]
- Вторая муза историка: Неизученные страницы русской культуры XX столетия / Сост., коммент. А.А. Сванидзе; Ин-т всеобщей истории. М.: Наука, 2003. 782 с.: ил. [Vtoraya muza istorika: Neizuchennye stranicy russkoj kul'tury XX stoletiya / Sost., komment. A.A. Svanidze; In-t vseobshchej istorii. M.: Nauka, 2003. 782 s.: il.]
- Греков Б.Д. Письма (1905–1952 гг.) / сост. В.Г. Бухерт. М.: Памятники исторической мысли, 2019. 504 с.: ил. [Grekov B.D. Pis'ma (1905–1952 gg.) / sost. V.G. Buhert. M.: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2019. 504 s.: il.]
- «...И мучилась, и работала невероятно»: Дневники М.В. Нечкиной / Отв. ред. Е.И. Пивовар; сост., вступ. ст. и коммент. Е.Р. Курапова. М.: РГГУ, 2013. 824 с. [«...I muchilas', i rabotala neveroyatno»: Dnevnik M.V. Nechkinoj / Otv. red. E.I. Pivovar; sost., vstup. st. i komment. E.R. Kurapova. M.: RGGU, 2013. 824 s.]

¹¹ «И мучилась, и работала невероятно» 2013: 180.

¹² Роллан 1954: 200–201.

¹³ «И мучилась, и работала невероятно» 2013: 99–100.

- «...Когда я буду "великим" человеком... очень пригодятся мои тетради...» (Из личных дневников академика М.В. Нечкиной) / Публ. Е.Р. Кураповой // Отечественные архивы. 1997. № 5. С. 55–92. № 6. С. 42–87. [«...Kogda ya budu "velikim" chelovekom... ochen' prigodyatsya moi tetradi...» (Iz lichnyh dnevnikov akademika M.V. Nechkinoj) / Publ. E.R. Kurapovoj // Otechestvennye arhivy. 1997. № 5. S. 55–92. № 6. S. 42–87].
- Кузмин М.А. Дневник 1921 года // Минувшее. Исторический альманах. Т. 12. М.; СПб.: Ateneum – Feniks, 1993. [Kuzmin M.A. Dnevnik 1921 goda // Minuvshee. Istoricheskij al'manah. T. 12. M.; SPb.: Ateneum – Feniks, 1993].
- Мазур Л.Н. Визуальный поворот в исторической науке: от текста к образу // Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки: Сб. ст. М.: ИНИОН РАН, 2019. С. 52–62. [Mazur L.N. Vizual'nyj povorot v istoricheskoj nauke: ot teksta k obrazu // Rol' izobrazitel'nyh istochnikov v informacionnom obespechenii istoricheskoj nauki: Sb. st. M.: INION RAN, 2019. S. 52–62].
- Мандельштам О.Э. Разговор о Данте // Мандельштам О.Э. Слово и культура. М.: Советский писатель, 1987. [Mandel'shtam O.E. Razgovor o Dante // Mandel'shtam O.E. Slovo i kul'tura. M.: Sovetskij pisatel', 1987].
- Нарский И.В., Нарская Н.В. Еще раз о «лирической историографии»: три случая из опыта исследовательской авторефлексии // Профессиональная идентичность и самосознание историка / под общ. ред. О.В. Воробьевой. М: ИВИ РАН, 2022. С. 29-60. [Narskij I.V., Narskaya N.V. Eshche raz o «liricheskoj istoriografii»: tri sluchaya iz opyta issledovatel'skoj avtorefleksii // Professional'naya identichnost' i samosoznanie istorika / pod obshch. red. O.V. Vorob'evoj. M: IVI RAN, 2022. S. 29-60].
- Нечкина М.В. День 14 декабря 1825 года. М.: Мысль, 1975. [Nechkina M.V. Den' 14 dekabrja 1825 goda. M.: Mysl', 1975].
- Переписка Н.М. и Е.И. Дружининых с историками, литературоведами, писателями» / Сост. В.Г. Бухерт. М.: Памятники исторической мысли, 2018. 467с., ил. [Perepiska N.M. i E.I. Druzhininyh s istorikami, literaturovedami, pisatelyami] / Sost. V.G. Buhert. M.: Pamyatniki istoricheskoj mysli, 2018. 467s., il.]
- Пушкин А.С. Сочинения в трех томах. Том первый. М.: «Художественная литература», 1985. [Pushkin A.S. Sochineniya v trekh tomah. Tom pervyj. M.: «Hudozhestvennaya literatura», 1985].
- Роллан Р. Жизнь Микеланджело // Ромен Роллан. Собр. соч. в 14-ти т. Т. 2. Жизнь великих людей. Жизнь Бехтовена. - Жизнь Микеланджело. - Жизнь Толстого. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1954. 372 с. [Rollan R. Zhizn' Mikelandzhelo // Romen Rollan. Sobr. soch. v 14-ti t. T. 2. Zhizn' velikix lyudej. Zhizn' Bextovena. - Zhizn' Mikelandzhelo. - Zhizn' Tolstogo. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo xudozhestvennoj literatury, 1954. 372 s.]

Корзун Валентина Павловна, доктор исторических наук, профессор Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского; korzunv@mail.ru

Сидорова Любовь Алексеевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра «Историческая наука России»; lasidorova@rambler.ru

New colors for the portrait of Militsa Vasilyevna Nechkina

The heuristic potential of a new documentary publication of the creative heritage of academician M.V. Nechkina, compiled by V.G. Bukhert, is considered. It is shown how her correspondence with historians, writers and cultural figures, as well as poetic creativity can reveal previously unknown sides of the bright and versatile personality of an outstanding scientist and many pages of Soviet historical science as a whole.

Keywords: historical science of Russia, Soviet historiographical discourse, epistolary legacy, of the "Silver Age", M.V. Nechkina, community of Soviet historians.

Korzun Valentina Pavlovna, Doctor of Historical Sciences, Professor; Omsk State University F.M. Dostoevsky; korzunv@mail.ru

Sidorova Lyubov Alekseevna, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center "Historical Science of Russia"; lasidorova@rambler.ru

«СОГЛАСИЕ ВСЕХ» Ф. БЭКОНА: НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГЕ С.С. ЦАРЕГОРОДЦЕВА¹

В статье-рецензии, посвященной книге С.С. Царегородцева, вышедшей в издательстве «Аквилон», раскрываются некоторые важные стороны оригинальной авторской интерпретации творчества выдающегося английского философа и политика Френсиса Бэкона (1561–1626), многие идеи которого звучат актуально и в наши дни. По сути, монография становится приглашением к широкой научной дискуссии относительно политической карьеры и творчества Бэкона.

Ключевые слова: история социально-политической мысли, интеллектуальная история, Ф. Бэкон, концепция общественного согласия, издательство «Аквилон».

Мы уже не раз писали о книгах, вышедших в издательстве «Аквилон»². В 2022 г. издательство выпустило очередную интересную книгу, которая знакомит читателей с социально-политическим творчеством выдающегося английского философа и политика Френсиса Бэкона (1561–1626). Автор книги – кандидат политических наук Сергей Станиславович Царегородцев, имеет отношение к двум ведущим университетам России – к Московскому государственному университету имени М.В. Ломоносова, в котором учился, и к Санкт-Петербургскому государственному университету, в котором защитил диссертацию³.

Царегородцев отнюдь не молодой ученый, делающий начальные шаги на профессиональном поприще. Первая его монография вышла в свет еще в 2014 г.⁴, а изучением жизни и творчества Бэкона автор занимается уже не одно десятилетие. Этим и интересна новая книга, ставшая продуктом многолетнего скрупулезного труда. Книга продумана как структурно, так и содержательно, ее отличает вдумчивая постановка научных вопросов и высокий уровень аргументации.

Структурно книга делится на две части: первая – собственно монография Царегородцева, состоящая из введения, семи глав и заключения⁵, вторая – «Приложение», включающее в себя избранные статьи автора по широкому кругу вопросов (технологиям формирования общественного сознания; феноменологии идей и идеологий; влиянию идей Бэкона на социально-политические взгляды Т. Гоббса и т.д.) и, что интересно, авторский перевод работы Бэкона «Письмо-совет Королеве Елизавете» («Letter of Advice to Queen Elizabeth»), которое Царегород-

---

¹ Царегородцев 2022.

² Болдин, Карипов, Ширинянец 2022: 188-191; Болдин, Ширинянец 2020: 382-391; Болдин, Ширинянец 2019: 401-409.

³ Автор посвятил свою книгу 50-летию кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова и грядущему 270-летию юбилею самого Московского университета.

⁴ Царегородцев 2014.

⁵ В качестве названий глав автор книги использует цитаты, принадлежащие Ф. Бэкону, К. Фишеру и другим ученым.

цев характеризует как «первый политический меморандум Бэкона»⁶. Включение в «Приложение» перевода этого письма должно, по мысли автора монографии, подчеркнуть один из главных выводов всего исследования – достижение мира, согласия и стабильности Бэкон рассматривал как идейно-политическую основу государства, а концепция общественного согласия, разработанная Бэконом, лежала в основе всей его деятельности, в том числе и на политическом поприще.

В качестве основных источников исследования были выбраны издания трудов Бэкона на латинском и английском языках «The Works of Francis Bacon», вышедшие в издательстве Кембриджского университета в 1857 г.⁷, а также русские переводы – 2-е, исправленное и дополненное издание сочинений Бэкона в двух томах, вышедшее в издательстве «Мысль» в серии «Философское наследие»⁸. Кроме того, Царегородцев опирается на сборник исторических трудов Бэкона, вышедший в серии «Памятники исторической мысли» издательства «Наука» (1990)⁹.

Отмечая новизну своего подхода к осмыслению творчества Бэкона, автор монографии указывает на следующий факт: «в научном сообществе до настоящего времени отсутствует консенсус по вопросу взаимной связи трех аспектов деятельности Ф. Бэкона, связанных с разработкой им философских вопросов, политических идей и осуществлением политической практики»¹⁰. Таким образом, Царегородцев постоянно наводит читателей на мысль, что Бэкон являлся именно политиком, а все его занятия философией и наукой играли скорее подчиненную роль по отношению к его политической деятельности. Данный вывод не является бесспорным, но заслуживает интереса, являясь приглашением к широкой научной дискуссии. Монография содержит и другие «смелые» выводы автора. Так, в книге часто встречается мысль о том, что в научной литературе сложилось устойчивое представление о Бэконе, прежде всего, как философе¹¹. Безусловно, в научной литературе численно преобладают работы, посвященные философско-методологическим основаниям творчества Бэкона. При этом в англоязычной литературе существует множество статей и монографий, в которых политические и философские взгляды Бэкона связываются с его политической карьерой¹². Исходя из этого, можно сказать, что своей монографией автор встраивается в уже существующую традицию. С другой стороны, Царегородцев резонно замечает, что связующим звеном теории и практики, сквозным элементом, пронизывающим все этапы политической карьеры Бэкона, стал поиск решения им проблем обеспечения политической стабильно-

---

⁶ Царегородцев 2022: 226.

⁷ Вэсон 2011.

⁸ Бэкон 1977-1978.

⁹ Бэкон 1990.

¹⁰ Царегородцев 2022: 13.

¹¹ Царегородцев 2022: 15; 226.

¹² Например, см.: Peltonen 1992; Jardine, Stewart 1999; Malssen 2014 и др.

сти английского общества, достижения мира и общественного согласия¹³. Эта мысль вполне обоснована, учитывая непростой исторический контекст эпохи, в который довелось жить и работать Бэкону¹⁴. Можно резюмировать, что выводы Царегородцева становятся хорошим подспорьем для начала дискуссии в среде отечественных исследователей и относительно политической карьеры Бэкона.

Несомненным плюсом монографии является тщательная работа с источниками и литературой. В этой связи, вслед за редактором книги А.А. Ширинянцем, отметим «небольшие текстологические открытия» автора¹⁵. Во-первых, это уточнение ряда мест в англоязычных и русскоязычных переводах работ Бэкона. Например, анализ документов позволил автору определить точную дату начала парламентской деятельности Бэкона: не 1584, как это указывается в литературе, а 1581 г.¹⁶ Интересны замечания Царегородцева и по поводу «ошибок» английского переводчика первого политического меморандума Бэкона – «Письма-совета королеве Елизавете». Так, переводчик назвал резиденцию королевы Елизаветы «Теобальдс» («Theobalds House») – «Тибалс» («Theball's»), а сторонников Анри де Монморанси («монморансистов») – «меморианцами», «меморианцерами»¹⁷. Во-вторых, если не к «открытиям» автора, то к важным элементам научного аппарата книги следует отнести разъяснение используемых Бэконом устойчивых выражений, например, таких как «Fleahpot of Eгурt», связанного с библейской аллюзией (Исх. 16:3)¹⁸, а также уточнение коннотаций терминов «свобода слова», «средний класс» в социально-политической лексике конца XVI – начала XVII в.¹⁹

Важными представляются и замечания автора, раскрывающие неожиданные грани бэконовского наследия, например, определение Бэконом роли и места важнейшего элемента окружающего людей бытия – информации. Царегородцев пишет: «Проблемы, возникшие в связи с появлением массовой печати, поставили перед английскими политиками и учеными вопросы, которые требовали скорейшего ответа. Как информация влияет на мысли и поведение человека? Как оценивать ее роль в формировании сознания? Что является доминантой: собственные мысли человека или установки, полученные извне? В свою очередь, для решения поставленных вопросов необходимо было сформировать правильное понимание природы человека и природы человеческого познания. Именно в таком направлении проводил свои научные исследования Ф. Бэкон, тщательно разработавший эти темы в своем главном фило-

¹³ Царегородцев 2022: 24-25.

¹⁴ Подробнее об интеллектуальном и социально-политическом контексте см.: «Культура духа» vs «Культура разума»... 2022; Европа XVII век 1997; Буржуазная общественная мысль Англии XVII-XIX вв. 1989.

¹⁵ Царегородцев 2022:8-9.

¹⁶ Там же: 32-33.

¹⁷ Там же: 245; 254; Ср.: Царегородцев, Ширинянец 2019.

¹⁸ Там же: 243.

¹⁹ См.: Там же: 39; 48 и сл.

софском труде “Новый Органон, или Истинные указания для истолкования природы” (1620)»²⁰. Признание ключевой роли информации в познавательном процессе, по мнению Царегородцева, позволило Бэкону рассматривать «процесс познания как совокупность, взаимодействие и череду работы чувств и разума по обработке поступающей в сознание человека информации различного рода об окружающей его природной и социальной среде»²¹. Царегородцев отмечает и стремление Бэкона заявить о влиянии информации на динамику процессов того времени. В его изложении бэконовские идеи и рекомендации звучат вполне актуально: «все многообразие факторов, воздействующих на сознание, разделяется на системные и внесистемные факторы. Если на внесистемные факторы (семья, улица, личный круг общения, и т.д.) влияние государства ограничено или невозможно, то образование и средства массовой информации, с помощью которых возможно постоянное, планомерное воздействие на сознание людей, государство обязано контролировать и направлять»²². Безусловно, стоит позитивно оценить авторскую оптику Царегородцева, обратившего внимание читателей на этот момент в творческом наследии английского мыслителя.

В авторской интерпретации Бэкон из «философа-эмпирика» становится «практиком-политиком», который смог выработать рекомендации, направленные на поддержание социального мира в Англии. Эти «рекомендации» представляют собой комплекс политических, правовых, моральных, экономических, социальных и культурных мер. Так, автор обращает внимание читателей на то, что, по мнению Бэкона, политический курс государства должен быть направлен на поддержание мира как внутри, так и вне страны; защиту страны и государства от внешних и внутренних угроз; создание механизмов, обеспечивающих открытость и прозрачность власти, инициирование ее диалога с обществом; включать гибкую идеологическую политику, а также своевременную диагностику кризисных ситуаций²³. Экономические усилия государства должны быть сосредоточены на поддержании уровня жизни населения, искоренении голода и нищеты, процветании торговли, поощрении мануфактур, усовершенствовании земледелия, уменьшении налогов и пошлин, искоренении праздности, обуздании роскоши и расточительства. Важным условием поддержания политической стабильности и согласия в обществе должны стать разумные законы и эффективно работающая система правосудия²⁴.

В качестве одного из принципов социальной политики Бэкон выдвигает идею о том, что государство должно лицедействовать в глазах населения ревнителя и охранителя социальной справедливости. Кроме

²⁰ Там же: 41.

²¹ Там же: 133.

²² Там же: 167.

²³ Там же: 171.

²⁴ См.: Бэкон 1978: 475-476; Царегородцев 2022: 171.

того, по мнению Бэкона, государство обязано препятствовать имущественному и социальному расслоению, увеличению знати и других привилегированных групп, способствовать «умножению народонаселения» и «умножению военного могущества королевства»²⁵. Читая эти строки, кажется, что эти положения, выдвинутые политическим деятелем и ученым четыреста лет назад, сформулированы нашим современником. Конечно, в столь актуальном звучании идей Бэкона чувствуется и позиция автора монографии.

Нельзя не сказать и несколько слов о работе художника и иллюстратора, трудившихся над книгой. Роскошное по нынешним временам издание приятно держать в руках, а еще приятнее, раскрыв книгу, обнаружить замечательные иллюстрации – картины и рисунки художников, старинные гравюры и современные фотографии, которые помогают созданию определенного образа как самого Бэкона, так и его исторической эпохи. Таким образом, книга производит благоприятное впечатление и как научный труд, и как произведение полиграфического искусства. Такое сочетание, несомненно, вызовет интерес не только специалистов историков и политологов, но и широкой читающей публики.

В заключение, хочется пожелать, чтобы монография Царегородцева стала началом новой главы в изучении политического творчества и карьеры Бэкона в отечественной научной литературе, а дискуссия вокруг книги возродила интерес к рецепции идей английского философа, переводам его книг и текстов.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- «Культура духа» vs «Культура разума»: интеллектуалы и власть в Британии и России в XVII–XVIII веках. / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2022. [«Kul'tura dukha» vs «Kul'tura razuma»: intellektualy i vlast' v Britanii i Ros-sii v XVII–XVIII vekakh. / Pod. red. L.P.Repinoy. M.: Akvilon, 2022].
- Болдин В.А., Ширинянц А.А. «История – коррекция памяти» // Журнал фронтирных исследований. 2020. Т. 5, № 4. С. 382–391. [Boldin V. A., Shirinyants A. A. «Istoriya – korrektsiya pam'yati» // Zhurnal frontirnykh issledovaniy. 2020. T. 5, № 4. S. 382–391].
- Болдин В. А., Ширинянц А. А. Опыт профессора Дюлы Свака // Диалог со временем, 2019. №69. С.401–409. [Boldin V. A., Shirinyants A. A. Opyt professora Dyuly Svaka // Dialog so vremenem. 2019. №69. S.401–409].
- Болдин В.А., Карипов Б.Н., Ширинянц А.А. «Значимый другой»: размышления над книгой «Культура духа» vs «Культура разума»: интеллектуалы и власть в Британии и России в XVII–XVIII веках: коллективная монография / под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2022. 1080 с., илл.» // Уральский исторический вестник. 2022, №4 (77) / С. 188–191. [Boldin V.A., Karipov B.N., Shirinyants A.A. «Znachimyy drugoy»: razmyshleniya nad knigoy «Kul'tura dukha» vs «Kul'tura razuma»: intellektualy i vlast' v Britanii i Rossii v XVII–XVIII vekakh: kollektivnaya monografiya / pod obshch. red. L.P. Repinoy. M.: Akvilon, 2022. 1080 s., ill.» // Ural'skiy istoricheskiy vestnik. 2022, №4 (77) / S.188–191].
- Буржуазная общественная мысль Англии XVII–XIX вв. / Под ред. К.М. Андерсона М., 1989. [Burzhuaznaya obshchestvennaya mysl' Anglii XVII-XIX vv. / Pod. red. K.M. Andersona M., 1989].
- Бэкон Ф. Сочинения: в 2-х т., 2-е исп. и доп. изд. Т. 2 / Сост., общ. ред. и вступ. статья А.Л. Субботина / Пер. Н.А. Федорова, Я.М. Боровского. М.: Мысль, 1978. 575 с. [Bekon F. Sochineniya: v 2-kt t., 2-ye isp. i dop. izd. T. 2/ Sost., obshch. red. i vstup. stat'ya A.L. Subbotina / Per. N.A. Fedorova, YA.M. Borovskogo. M.: Mysl', 1978. 575 s.].

²⁵ Там же: 172.

- Бэкон Ф. История правления короля Генриха VII / Статья и общ. ред. М.А. Барга / Пер. В.Р. Рокитянского, Н.А. Фёдорова, А.Э. Яврумяна / Комм. В.Р. Рокитянского. М.: Наука, 1990. 331 с. (Памятники исторической мысли). [Bekon F. Istoriya pravleniya korolya Genrikha VII / Stat'ya i obshch. red. M.A. Barga / Per. V.R. Rokityanskogo, N.A. Fodorova, A.E. Yavrumyana / Komm. V.R. Rokityanskogo. M.: Nauka, 1990. 331 s. (Pamyatniki istoricheskoy mysli)].
- Европа XVII век. / Под ред. К.М. Андерсона. М.: Институт всеобщей истории РАН, 1997. [Европа XVII век. / Pod. red. K.M. Andersona. M.: Institut vseobshchey istorii RAN, 1997.]
- Царегородцев С. С. Механизм управления обществом. М.: Print Up, 2014. 123 с. [Tsaregorodtsev S. S. Mekhanizm upravleniya obshchestvom. M.: Print Up, 2014. 123 s.]
- Царегородцев С.С., Ширинянц А.А. Первый политический меморандум Фрэнсиса Бэкона // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Вып. 3 (77). [Tsaregorodtsev S. S., Shirinyants A. A. Pervyy politicheskiy memorandum Frensis Bekona // Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya». 2019. T. 10. Vyp. 3 (77). URL: <https://history.jes.su/s207987840005237-9-1/>].
- Царегородцев С.С. CONSENSUS OMNIUM ФРЭНСИСА БЭКОНА / Под общ. ред. А.А. Ширинянца. М.: Аквилон, 2022. 336 с. [Tsaregorodtsev S.S. CONSENSUS OMNIUM FRENISIS BEKONA Pod obshch. red. A.A. Shirinyantsa. M.: Akvilon, 2022. 336 S.]
- Bacon F. The Works of Francis Bacon: in 14 v. / Ed. by J. Spedding, R.L. Ellis, D.D. Heath. Reprint 1861. N.Y.: Cambridge, 2011.
- Jardine L, Stewart A. Hostage to Fortune. The Troubled Life of Francis Bacon 1561–1626, London: Victor Gollancz, 1999. 637 p.
- Malsen van T. The Political Philosophy of Francis Bacon: On the Unity of Knowledge. N.Y.: State University of New York Press, 2014. 336 p.
- Peltonen M. Politics and science: Francis Bacon and the true greatness of states // The Historical Journal. 1992. V.35. Iss.2. pp. 279-305.

Болдин Владимир Алексеевич, кандидат политических наук, ассистент, кафедра истории социально-политических учений, факультет политологии, МГУ имени М.В. Ломоносова; boldin.v.a@gmail.com

Карипов Балташ Нурмухамбетович, доктор политических наук, профессор, кафедра всеобщей истории и философии, исторический факультет, Кокшетауский государственный университет имени Ш.Ш. Уалиханова; bkaripov@yandex.ru

Consensus Omnium of Francis Bacon: New Author's View Reflections on the Book "Tsaregorodtsev S.S. Consensus Omnium by Francis Bacon"

The review dedicated to the book by S.S. Tsaregorodtsev (PhD in Political Science), published by the Aquilon publishing house. The book shows some important aspects of the original author's interpretation of the Francis Bacon (1561-1626) ideas which relevant today. In fact, the monograph becomes an invitation to a broad scientific discussion about Bacon's political career and work.

Keywords: *the history of social and political studies, F. Bacon, intellectual history, the concept of social harmony, Aquilon Publishing House.*

Boldin Vladimir A., PhD in Political science, Assistant of Department of History of Social and Political Studies, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University. boldin.v.a@gmail.com

Karipov Baltash N., Dr.Sc. (Political Science), Professor of the Department of General History and Philosophy of the Faculty of History of Ualikhanov Kokshetau State University; bkaripov@yandex.ru

**КОГДА ПЕРЕКОВЫВАЮТ ПЕРЬЯ НА ШТЫКИ.
О «ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ ПРОФЕССОРОВ» МАЦЕЯ ГУРНОГО¹**

Статья является рецензией на книгу польского историка Мацея Гурного «Великая война профессоров», посвященную идеологическим столкновениям интеллектуалов враждующих сторон Первой мировой войны. Концентрируясь на восточно-европейских географах, физических антропологах, психологах и врачах, автор рисует широкое полотно взаимных упреков и обвинений, в которые превратилась наука враждующих стран после 1914 г. Гурный демонстрирует, как эти в научном смысле бесплодные рассуждения стали основой политической операционализации понятия раса. Истоком такого нового для Европы военного режима социально-гуманитарных наук автор видит полемику французских и немецких интеллектуалов периода 1870–1871 гг.

Ключевые слова: I Мировая война, раса, интеллектуальная история, война духа.

Русский перевод, написанной в 2014 г. книги польского историка Мацея Гурного, профессора Института истории Польской академии наук, о «войнах духа» в ходе Первой мировой войны, вышел в свет в 2021 г.² «Войной духа» в западной историографии называют дебаты немецких и англо-французских интеллектуалов об ответственности за начало Великой войны и тех национальных чертах, которые она вскрыла. Именитые и признанные социальные и гуманитарные ученые – такие, например, как социологи Макс Вебер и Эмиль Дюркгейм, философ Анри Бергсон, писатель Томас Манн – публично приложили свое перо к делу оправдания собственной страны и демонизации противника. История того, как военно-патриотический угар захватил западноевропейских ученых и публичных деятелей, пусть и не сразу, но попала в прицел историографии. Более того, этот сюжет занял свое место в истории науки³.

Гурный переносит внимание на восточный фронт и рассматривает аналогичный процесс мобилизации интеллектуалов и производство концепций военного времени в Центральной и Восточной Европе: в Германии, Австро-Венгрии, Сербии, Болгарии, будущих Польше, Украине, отчасти Российской империи. В фокусе его интереса находятся такие относительно молодые общественно-научные дисциплины как антропология, этнография, экономическая или культурная география, психология и др. В отличие от более традиционных истории, филологии или философии, которые уже играли устоявшуюся роль в системе воспроизводства идеологии в своих странах, молодым наукам нужно было доказывать

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 "Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири".

² Гурный 2021.

³ Так, Гурный обращает наше внимание на работу Дж. Хорна и А. Крамера, в которой авторы, проанализировав дневники, письма и сообщения немецких солдат о первых месяцах войны, обнаружили там постоянный страх перед французскими и бельгийскими партизанами, страх, созданный немецкой военной пропагандой, твердившей о коварстве и антропологической чуждости немцам их противника. Horne, Kramer 1994.

объективность и научность своего метода, а с другой стороны – демонстрировать свою общественную полезность. Это предопределило активное участие их представителей в «войнах духа» по обе стороны фронта.

Таким образом, польского историка интересуют не просто конкретные концепции или теории периода Первой мировой войны, воспринятые военной пропагандой враждующих сторон, а особый военный режим научности, когда ученые-гуманитарии, продолжая считать себя стоящими на защите научной истины, включались в боевые действия на своем, интеллектуальном, участке фронта.

В первой и второй главах, задающих рамку всей книги, Гурный констатирует, что на рубеже XIX–XX вв. в среде европейских интеллектуалов прочно утвердились псевдонаучные системы знаний, которые современники считали науками о национальных характерах народов. Еще в XVIII – начале XIX в. географический детерминизм Монтескье, идея народного духа Гердера и Гумбольдта придали философское звучание эссенциалистским характеристикам этнических групп, но только к середине XIX в. была предпринята попытка оформить такой способ мыслить различия между людьми в отдельную науку. В 1860-е гг. немецкие ученые Хейман Штейнталь и Мориц Лацарус основали «Журнал по психологии народов и языковому знанию». Они собирались эмпирически описывать психологию народов, которую видели аналогом психологии личности, но на более высоком уровне. При этом основании народной психологии и новой научной дисциплины Штейнталь и Лацарус считали язык, который на глубинном уровне должен был выражать этнический дух, культуру или психологию. Оставшаяся гуманитарной новая наука была призвана утверждать либеральные ценности национального многообразия и национального освобождения на фоне отступления религиозных и имперских институтов. Ответом на эти претензии стало возникновение в Берлине в конце 1860-х г. антропологического общества, основатели которого, ученые и либеральные политики Рудольф Вирхов и Адольф Бастиан, считали человеческие языки слишком изменчивыми, чтобы давать «твердые» научные результаты, а идеальным объектом описания полагали физико-антропологические измерения людей или их останков. К концу XIX в. эти два способа мыслить различия между людьми соединились в понятие расы – в уже совершенно ином политическом и идеологическом климате, когда на фоне объединения Германии, франко-прусской войны и движения фёлькише либеральный дух немецкой академии сменился воинствующим национализмом.

Так автор обрисовывает тот интеллектуальный арсенал, которым, одновременно с августовскими пушками, начинает вестись общеевропейская «война духа». 8 августа 1914 г. Анри Бергсон произнес речь, характеризовавшую происходящее как войну цивилизации против немецкого варварства. Месяц спустя в «Таймс» был опубликован манифест британских ученых и писателей, в котором немецкая культура обвиняется в агрессивности и самолюбии. В октябре появляется от-

вет 93 профессоров университетов Германии, чуть позже подкрепленный коллективным письмом трех тысяч немецких интеллектуалов с обвинениями англичан и французов в предательстве «белой расы». Отслеживать дальнейшие взаимные выпады военной печати и военной пропаганды было бы делом утомительным, если бы немецкие интеллектуалы не сочли это своей патриотической обязанностью. Практически каждый университетский профессор Германии за годы войны выпустил пару брошюр, в которых разбирал аргументы авторов Антанты и на них отвечал. В силу доминирования германоязычных текстов эта полемика и получила немецкое название *Geistkrieg* (“война духа”).

Содержательно взаимные обвинения сторон сводились к предательству и варварству. Французы и британцы говорили о немцах как о предателях цивилизации, скрывавших под внешним лоском культуры и образованности нравы древних готы и тевтонов. Немцы отвечали расистским аргументом о предательстве Англией и Францией белой расы во имя союза с монголами (имелась в виду Россия) и неграми (колонияльные войска Антанты), несущими варварство в Европу. Немногочисленные авторы из Российской империи, в свою очередь, бросали немцам упрек, что те предали дух истинного христианства и религиозной чувственности ради рационализма, сделавшего их холодными машинами жестокости и убийств. Гурный замечает, что оживленная переписка интеллектуалов поверх границ продолжалась примерно два года, пока вести об ужасах фронта и лишения тыла не истощили дух авторов, а их потенциальный читатель частично погиб на полях сражений, частично занялся более насущными проблемами. Однако по мере истощения “войны духа” на Западе она разгорается на востоке. Вступление Болгарии в войну в 1915 г., воссоздание Германией Королевства Польского на отбитых у России землях, усиление трений между немцами, венграми и чехами в Австро-Венгрии – все это множит список взаимных претензий наций и их эссенциалистских обоснований интеллектуалами. Версальский мир на фоне Гражданской войны в России создает новые обиды и поводы к их удовлетворению силою оружия и подкрепляющего слова.

Наконец, автор напоминает о том, что современная массовая война в Юго-Восточной Европе началась не в 1914, а в 1912 г., с выстрелами первой Балканской войны. Тогда же немногочисленные сербские, болгарские и румынские авторы произвели первые опыты в войнах духа, поддержанные симпатизантами среди немецких и французских интеллектуалов. Это позволяет Гурному расширить хронологию своего исследования «войны духа» на Восточном фронте до 1912–23 гг., т.е. от начала Балканских войн и до окончания советской-польской войны и финальных выстрелов Гражданской войны в России.

Основная часть книги представлена главами о роли географии, психологии, физической антропологии и этнографии в добыче интеллектуального топлива для войны. По мнению автора, именно молодость этих наук обуславливала стремление их представителей искать особые

объективистские и сциентистские аргументы, отличавшие их от, скажем, историков, которые могли позволить себе откровенный романтический национализм без оглядки на репутацию. Кроме того, война открыла для географов, антропологов, психологов/психиатров большое пространство для профессиональной и потенциально полезной деятельности на фронте. Бои за Галицию, затем стремительное продвижение армий центральных держав на польские земли, равно как и австрийское наступление в Сербии, требовали новых атласов и карт территорий, экономических и демографических справочников, социального и культурного описания оккупируемых пространств. Для этого немецкий Генеральный штаб и университетская наука германского мира имели в своем распоряжении множество молодых и деятельных последователей школы антропогеографии Фридриха Ратцеля, полагавшего, что между территорией и психическим строением населения существует несомненная связь.

Эти взгляды соединялись с давней идеей европейского геополитического мышления о «естественных границах» стран. XX век придал им более четкую оформленность: уже не отдельный Рейн должен был отделять, скажем, Францию от Германии (на чем настаивали поддерживающие возвращение Эльзаса и Лотарингии французские географы), но сама территория страны должна была представлять собой единый (и психически объединяющий) природный гидрологический или геологический комплекс. Ведущую роль в процессе географической политизации пространства Юго-Восточной Европы играли германские и австрийские школы, но задачи их различались. Если географам Берлина нужно было подготовить аргументы под территориальную экспансию второго рейха на восток и на запад, то ученым из Вены, наоборот, критически важно было обосновать, почему лоскутная империя Габсбургов представляет собой естественное политико-географическое образование. У немецких профессоров учились или на их аргументы отвечали их польские, украинские, сербские и в меньшей степени российские коллеги. Версальский мир в этом смысле стал торжеством политической географии. Те нации, которые сумели убедительно предъявить державам-победительницам свои претензии на земли поверженных Германии и Австро-Венгрии как «естественные», оказывались в выигрыше, так как помимо политических интересов делегации Вильсона, Ллойд-Джорджа и Клемансо руководствовались также принципами этнографического расселения народов на той или иной территории, либо ее географической общности.

Не менее популярной для описания себя и своих противников становится физическая антропология. Сотни тысяч военнопленных предоставили антропологам огромные возможности для их работы, не требуя организации далеких и дорогостоящих экспедиций. Тем не менее, по мнению Гурного, величина эмпирического материала обернулась в теоретическом поле в основном тенденциозным использованием категории расы. Британская и немецкая традиции задали градации рас: от высшей нордической (германской, арийской) к низшим монголоидной и негро-

идной. Принадлежность к той или иной расе определялась множеством «объективных» показателей, основным среди которых помимо пигментации кожи и цвета волос выступала долихоцефальность или брахицефальность формы черепов. Однако, отмечает автор, последующая история физической антропологии выяснила, что подобные замеры отличались большой субъективностью исследователя в подборе групп измеряемых и сопровождалась подгонкой результата под нужный показатель.

Не принадлежавшие к «нордической расе» восточно-европейские антропологи из Польши, Западной Украины, Венгрии, Сербии и Болгарии, тем не менее, использовали эту немецкую оптику для описания себя и своих соседей и выкраивания себе более почетного места в существующей иерархии рас. Так появляются рассуждения о сарматской и динарской расах, а также преимуществах и недостатках для национальных признаков расового смешения. В конечном счете, отмечает Гурный, расологические дискуссии военного времени в Юго-Восточной Европе свелись к поиску качеств «монголоидности» у противника и исключению их у своей национальной группы. Главным результатом этих дебатов стало размывание границ между категориями расы, этноса и нации, что открыло простор для политических манипуляций расистского толка.

Дискуссии психологов и психиатров военного времени отчасти повторяли дискуссии антропологов, поскольку были призваны осуществлять самописание и объяснять наличные проблемы в воюющей армии. Ключевая проблема для психиатрии – взрывной рост психических расстройств и заболеваний солдат на фоне окопной войны. Посттравматический синдром и истерическое расстройство личности, которое доверенная психология полагала чисто женской особенностью, стали реальностью населяющих военные госпитали сотен тысяч мужчин. Широкое распространение расистских объяснений среди военного и медицинского руководства центральных держав и параноидальный поиск симулянтов среди больных вели к тому, что проблема замалчивалась или представлялась несущественной. Даже многие врачи полагали, что высшей нордической расе генетически свойственны высокий боевой дух, храбрость и чувство дисциплины, и, соответственно, смотрели на не проявляющих такие качества солдат как на принадлежащих к более низким и потому эмоциональным расам. При такой оптике, не желающий возвращаться на фронт солдат оказывался не немцем (арийцем), а, скажем, скрытым чехом или поляком, т.е. славянином. Соответственно, его «лечение» заключалось в бодрящих процедурах, вплоть до электрошока.

На фоне расистской ограниченности психологической науки в центральных державах, утверждает Гурный, выгодно смотрелась российская школа военной психиатрии и психопатологии, которая еще с русско-японской войны накопила большой эмпирический материал, свидетельствующий о том, что причина психических расстройств солдат коренится в самой ситуации современного боя, а не во врожденных расовых или индивидуальных патологиях.

Свою монографию автор завершает ретроспективой, рассматривая полемику французских и немецких интеллектуалов времен франко-прусской войны 1870–71 гг. как предшественницу “войны духа”. Его тезис заключается в том, что распространение массовой печати и достаточно быстрая коммуникация между авторами и читателями позволяли оперативно транслировать изоцированную военную пропаганду. Обывательские стереотипы и ошибочные концепции интеллектуалов, которые ранее существовали в разных информационных полях с середины XIX в., в ситуации войны соединялись в одно герметичное пространство военной пропаганды и расчеловечивания противника.

Монография польского историка представляет значительный интерес для любого гуманитария или продвинутого читателя, озабоченного стремительными переменами вокруг. То, как немецкие, польские, сербские, болгарские, русские интеллектуалы столетней давности описывали национальные характеры своих врагов, на самом деле не видение других, а самоописание. Представляя их как враждебные расы и приписывая им худшие черты, участники «войны духа» желали видеть в своих соотечественниках черты лучшие; принижая оппонентов по расовому, гендерному и классовому признакам, они демонстрировали, какими репрессивными машинами сортировки и угнетения людей были те империи, которым эти географы, антропологи и медики столь преданы служили.

Парадоксально, но обилие контекстов, которые автор раскрывает перед читателем, составляет проблему для оценки теоретических достоинств книги. Остается непонятным, в чем состоит главный интерес Гурного, поскольку в монографии можно встретить три распространенных темы: 1) процесс мобилизации интеллектуалов на войну, встраивание их идей в машину военной пропаганды; 2) конфликт характерологических/расологических школ стран Юго-Восточной Европы; 3) внутренние процессы науки как общественного института при переходе в режим военного времени. Первая тема раскрывается фоном: мы не видим ни профессиональных политиков, ни ответственных за военную пропаганду чиновников. Участники «войны духа» как будто не «мобилизованные», а добровольцы-попутчики своих воюющих государств. Так же мало деталей в третьем контексте. Автор не идет в рассмотрении рамок организации науки дальше констатации тезиса о том, что профессиональные обычаи молодых дисциплин не были еще до конца установленными.

Больше всего места в книге уделено конфликтам различных антропологических и этнографических идей. Можно было бы сказать, что перед нами скорее даже история инструментализации понятия расы (за исключением географической части, где раса почти не встречается), но и в этом случае процесс ограничивается только научными кругами. Кажется, главный интерес автора – сама ситуация конфликта интеллектуалов времен Великой войны, ее историю он перед нами открывает, поэтому говорит о «войне духа» как о чем-то реальном, а не об эпизоде из истории военной пропаганды. Перед нами безусловно интеллектуальная

история, но не история понятий, идей, отдельных школ или теоретиков, скорее это история конфликтов интеллектуалов по поводу понятия расы в разных национальных контекстах. Это объясняет, почему практически все рассмотренные Гурным авторы – явные националисты. В списке его героев-ученых практически нет либералов и совершенно нет социалистов. Гурный кратко комментирует отсутствие последних. Российские антропологи не представлены в книге потому что по большей части придерживались либеральных взглядов и были настроены антиправительственно, соответственно, раса для них оставалась описательным, а не политическим термином и тем более не средством мобилизации соотечественников на войну. Единственный упоминаемый российский автор, который писал о расах в том же ключе, что и прочие герои книги, – киевский профессор И.А. Сикорский, по признанию Гурного, столкнулся с бойкотом коллег, и история открыто расистских упражнений в российской физической антропологии закончилась.

Книга Гурного посвящена конфликту националистической части научных сообществ во время мировой войны, когда некоторые аргументы ученых стали использоваться военной пропагандой стран-участниц. Но если видеть в «войне духа» не единичное явление, а результат влияния на науку крупных общественно-политических процессов, то такие состояния в условиях войны можно найти во многих современных обществах и сравнить их. В данном случае читатель может узнать к каким бессмысленным с точки зрения систематического знания результатам ведет националистический подъем среди ученых. Тем не менее, хочется верить, что общественное влияние науки даже в самые мрачные времена не ограничивается только националистическими угрозами.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Гурный М. Великая война профессоров. Гуманитарные науки. 1912–1923. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021 [Górny M. The Great War of Professors. Humanities. 1912-1923. SPb.: European University in St. Petersburg, 2021].
- Horne J., Kramer A. "German Atrocities" and Franco-German Opinion. The Evidence of German Soldiers' Diaries // Journal of Modern History. 1994. Vol. 66. Pp. 1–33.

Михаил Олегович Пискунов, кандидат исторических наук, доцент, Тюменский государственный университет, m.o.piskunov@utmn.ru

When They Turn Feathers to Bayonets (Review of Maciej Górny's "The Great War of the Professors")

This article is a review of a book by Polish historian Maciej Górny, "The Great War of Professors," which deals with the ideological clashes between intellectuals on opposing sides of the First World War. Concentrating on Eastern European geographers, physical anthropologists, psychologists, and physicians, the author draws a broad canvas of mutual recriminations and accusations into which the science of the warring countries turned after 1914. Gurny demonstrates how this scientifically sterile discourse became the basis for the political operationalization of the concept of race. The author sees the origins of this new European military regime of the social and human sciences in the polemics of French and German intellectuals of the period 1870-71.

Keywords: World War I, Race, East Europe, Intellectual History, Geistkrieg

Mikhail O. Piskunov, PhD in History, Associate Professor, Tyumen State University, m.o.piskunov@utmn.ru

А.А. ПАВЛОВ

ИСИДОР СЕВИЛЬСКИЙ. ЭТИМОЛОГИИ, ИЛИ НАЧАЛА КНИГА XVIII. О ВОЙНЕ И ИГРАХ

Публикуется перевод восемнадцатой книги «Этимологий» (гл. I–XV) Исидора Севильского (560–636). Труд Исидора, покоящийся в значительной мере на римской антикварно-грамматической и энциклопедической традиции, сам стал фундаментом средневекового энциклопедизма. В восемнадцатой книге рассматривается ряд важных для римского сознания сфер бытия, связанных с агональностью. Исидор, опираясь на свой «панграмматический метод», рассматривает войну, судопроизводство и различного рода состязания через призму терминов, с ними связанных. В предисловии к переводу кратко изложены сведения о структуре книги и ее источниках.

Ключевые слова: Исидор Севильский, римская антикварно-грамматическая традиция, раннесредневековый энциклопедизм, война, игры.

Важнейшим сочинением Исидора Севильского (ок. 560–636 гг.) является его энциклопедический труд «Этимологии», оказавший значительное влияние на систему средневекового образования и последующую энциклопедическую традицию. Вторая часть «Этимологий» (книги XI–XX) имеет собственно энциклопедический характер. Если книги XIII–XVII посвящены материальному миру¹, то с восемнадцатой автор начинает заключительную часть труда, содержательно объединяемую деятельностью человека в публичной и экономической сферах².

Книга включает на первый взгляд разнородный материал. Содержательно она делится на три части: первая посвящена войне (1–14), вторая состоит из одного объемного параграфа «О форуме» (15), здесь рассматривается терминология, связанная с процессом судопроизводства; третья включает ряд (16–69) небольших титулов, содержащих сведения о зрелищах, и различного рода театральных, спортивных и гладиаторских состязаниях. Неизвестно (Исидор об этом не упоминает), заимствована ли эта структура у кого-то из римских антикваров, или предложена самим автором. Хотя идея рассматривать войну, судебный процесс и разного рода игры (*ludi*) как части общего агонального круга, была имманентно присуща античному сознанию, зная специфику работы Исидора³, можно предположить, что структура книги предложена им самим. При этом она достаточно хорошо продумана. Автор начинает с войны

---

¹ Книга XIII посвящена мирозданию, XIV – земле, ее географии, XV – типологии строений, земле и землепользованию, XVI – камням и металлам, XVII – сельскому хозяйству.

² Книга XIX содержит информацию о кораблях, ремесле, строительной деятельности и одежде, в книге XX собраны многообразные сведения о пище и напитках, домашнем скаре, орудиях труда и инструментах.

³ Хотя этот труд Исидора покоится в значительной мере на множественных заимствованиях, автор всегда самостоятельно подходит к структурированию и интерпретации материала.

(внешнего агона), которая занимала центральное место в жизни Рима, определяла все его государственное строительство, материальное и духовное бытие римлян. На второе место он поставил Форум (внутренний агон) и связанную с ним практику римского судопроизводства. Римскому праву Исидор уделяет немало внимания, отводя ему специальное место в первой части книги V. Тем не менее, осознавая агональный характер судебной тяжбы и важность самого процесса судопроизводства (не только для римской практики), он ставит его на второе после войны место. Все остальные типологически различные случаи агона, объединенные понятием *ludi*, отношение к которым в христианской среде было негативным, поставлены им на третье место.

Первая и вторая части книги XVIII выстроены следующим образом:

I – О войне;	VI – О мечаях;	XI – О таране;
II – О триумфах;	VII – О копьях;	XII – О щитах;
III – О штандартах;	VIII – О стрелах;	XIII – О броне;
IV – О сигнальных рогах;	IX – О колчанах;	XIV – О шлемах;
V – Об оружии;	X – О пращах;	XV – О форуме.

Наиболее важной является первая глава, в которой Исидор говорит о происхождении войн (§ 1) и их типологии, выделяя четыре вида войн (§§ 2-4): «справедливые» (*iusta*) и «несправедливые» (*iniusta*), «гражданские» (*civilia*) и «более, чем гражданские» (*plus quam civilia*). Далее он вычленяет войны (§ 5) «внутренние» (*interna*), «внешние» (*externa*), «рабские» (*servilia*), «союзнические» (*socialia*) и «пиратские» (*piratica*), проводит различие (§ 8-10) между войной (*bellum*), битвой (*pugna*) и сражением (*proelium*), наконец рассматривает войну через призму связанных с ее течением событий (§ 11): битва (*pugna*), бегство (*fuga*), победа (*victoria*), мир (*pacis*). Важным следствием войны в Риме был триумф, которому посвящена вторая глава. Специальные главы он отводит отдельным видам оружия (V–XIV). Во второй части (гл. XV), автор говорит о происхождении термина «форум» (*forus* – § 1), производя его от глагола «говорить» (*fare*)¹ и связывая с ним судебный процесс. Далее разбирает термины «тяжба» (*causa, iurgium, lis* – §§ 2, 4), «процесс» (*negotium* – § 3), «доказательство» (*probatio* – § 5), «судья» (*iudex* – § 6), «истец» (*accusator* – § 7), «ответчик» (*reus* – § 7), «свидетель» (*testis* – §§ 8-10). Обе части имеют чисто энциклопедический характер и не содержат никакой дидактики.

Состав источников связан со структурным делением книги. Третья ее часть, посвященная играм, покоится в значительной мере на сочинении Тертуллиана «О зрелищах», в которой тот критикует языческие нравы, что нашло отражение и у Исидора (e.g. XLI; LI). Главный источник первой части – комментарии грамматика IV в. Сервия к «Энеиде» Вергилия. Именно Вергилий чаще других античных авторов упоминается здесь (13 раз). Кроме того, четырежды упоминается Лукан (I. 4; III. 2; VII. 8; 9), трижды – Саллустий (II. 1; 7; XII. 6) и Цицерон (I. 2; 3; 7),

¹ Примечательно, что Исидор ничего не говорит о форуме как о месте политического действия и останавливается только на процессуальной агональности.

дважды Светоний (II. 3; VI. 8). По разу упомянуты Проперций (IV. 1), Овидий (XI. 3) и Ювенал (VII. 8). Из христианских текстов упомянута только Книга Царств (XII. 4). Исидор практически никогда не упоминает свои непосредственные источники. Ряд цитат из Лукана говорят о возможном использовании не сохранившихся схолий к его поэме. Помимо Сервия, можно говорить об использовании текстов римских грамматиков – Секста Помпея Феста, Авла Геллия и Нония Марцелла (см. примечания к переводу), уделивших немало внимания рассмотрению разных видов оружия. Из христианских авторов (помимо Тертуллиана) использованы сочинения Лактанция, Августина, Орозия и Кассиодора.

Глава I. О войнах*

(1) Нин, царь ассирийцев, первым стал вести войны¹. Ведь он, не будучи удовлетворен границами своими, нарушая договоренности, присущие человеческому сообществу, стал водить армии, разорять чужие территории, уничтожать, либо подчинять свободные народы, и вновь обратил в рабство всю Азию вплоть до границ Ливии. С тех пор уже все человечество стремится, прибегая попеременно к резне, взаимно кровью напиться.

(2) Видов же войн – четыре: «справедливая» (*iustum*), «несправедливая» (*iniustum*), «гражданская» (*civile*), и «более, чем гражданская» (*plus quam civile*). *Справедливая война* – та, которая ведется по предварительному объявлению с целью возвращения захваченной собственности или изгнания врага. *Несправедливая война* – та, что ведется по произволу, без законного на то основания. О такой войне Цицерон говорит в [трактате] «О государстве» (III. 35): «*Несправедливы те войны, которые были начаты без оснований*». (3) *Ибо, если нет оснований в виде отмщения или в силу необходимости отразить нападение врагов, то вести войну справедливую невозможно*². И тот же Туллий прибавил к тому чуть ниже: «*Ни одна война не считается справедливой, если она не возмещена, не объявлена, не начата из-за неисполненного требования возместить нанесенный ущерб*»³. *Гражданская война* – это смута, возникшая между гражданами, и вызванные ею беспорядки, как то случилось при Сулле и Марии, которые вели гражданскую войну друг против друга внутри одного государства. (4) *Более, чем гражданская* – это война, в которой участвуют не только сограждане⁴, но и сородичи; такова была война между Цезарем и Помпеем⁵, когда зять и тесть сражались друг с другом. И действительно, в той войне брат сражался с братом, а отец наставлял оружие против сына. Лукан (2, 151):

* Перевод сделан по изданию: Isidori Hispalensis Episcopi Etymologiarum sive Originum Libri XX / ed. W.M. Lindsay. Oxford, 1911. В квадратные скобки взяты слова и выражения, отсутствующие в оригинале, в круглые – латинские термины, которые поясняет автор, а также те, от которых он их производит. В примечаниях даны лишь краткие комментарии, отсылающие, главным образом, к текстуально сходным грамматическим источникам.

¹ Мифологический царь Вавилона, первым начавший захват соседей (*Iust. Epit. I. 1. 4-5*). Согласно Павлу Орозию, он жил за 1300 лет до Троянской войны (Ороз. I. 4. 2).

² «*Illa iniusta bella sunt quae sunt sine causa suscepta. Nam extra ulciscendi aut propulsandorum hostium causa bellum geri iustum nullum potest*». Пер. В.О. Горенштейна.

³ «*Nullum bellum iustum habetur nisi denuntiatum, nisi dictum, nisi de repetitis rebus*».

⁴ Ср.: *Flor.* IV. 2. 2; 13-14; *Lucan.* I. 1.

⁵ Помпей был женат на Юлии, дочери Цезаря, которая умерла в родах в 54 г. до н.э. Гражданская война между Цезарем и Помпеем началась в январе 49 г. до н.э. и длилась до 45 г. до н.э. Помпей был убит в 48 г. до н.э.

in fratrum ceciderunt praemia fratres.

Братья назначить спешат продажную цену за брата.

А также (2, 150):

cui cervix caesa parentis cederet...

[и спорят о том,] кому завладеть головою!

(5) Войны зовутся также «внутренними» (interna), «внешними» (externa)², «рабскими» (servilia)³, «союзническими» (socialia), «пиратскими» (piratica)⁴. *Пиратские* – войны, чинимые рассеянными по морским просторам пиратами, которые на своих легких и быстроходных лодчках⁵ грабят не только груженные товаром корабли, но и острова и провинции. Первым их с удивительной быстротой потеснил, а затем и разбил Гней Помпей⁶, после того, как те долгое время чинили великое опустошение на суше и на море. (6) Как войну, что ведется против внешнего врага, называют *bellum*, так смуту, что порождается гражданским мятежом, именуют *tumultus*⁷. Поскольку мятеж – это гражданское противостояние, то и назван он *seditio* оттого, что, разделившись, одни идут против других (seorsum ire)⁸. Иные полагают, что это «расхождение во мнениях» зовется *seditio* оттого, что греки называют такое противостояние διάστασις. (7) Цицерон поясняет, чем одно отличается от другого (Phil. 8, 3): «*Может быть так, что война есть, а смуты нет. Смуты же без войны быть не может. Что есть смута, если не всеобщее смятение, что порождает великий страх?*»⁹. Оттого и говорили *tumultus*, как если бы *timor multus* (великий страх). «*Гражданская смута много хуже, чем война. Ибо во время войны возможна ротация, во время смуты не здоровится никому*»¹⁰.

(8) Разнятся меж собой также «война» (*bellum*), «битва» (*pugna*) и «сражение» (*proelium*). Действительно, войну вообще именуют *bellum*, как например, [война] Пуническая. Отдельные ее эпизоды – это битвы, как, например, при Каннах¹¹, или при Термах¹². В свою очередь, в рамках одной битвы может про-

¹ Строки из «Фарсалии» Лукана даются в переводе Л.Е. Остроумова.

² См.: *Flor.* III. 14.

³ См.: *Lucan.* I. 43; *Flor.* III. 10.

⁴ См.: *Ampel.* 41: «Существует четыре рода войн: войны между народами, ведущиеся с чужеземцами, <...> рабская, которую римляне вели против беглых рабов [и] против их вождей Спартака, Крикса и Эномая, и гражданская, когда сражаются между собой, как Марий и Сулла, Цезарь и Помпей, Август и Антоний» (пер. А.И. Немировского).

⁵ Т.н. *myrarones*. См.: *Cic. Verq.* III. 186; *Fest. s.v.* Myraro. P. 131 L; *Isid. Etym.* XIX. 1. 21. *Non. Marc. s.v.* Myraro. P. 856L: «*Myraron – маленькое пиратское судно...*».

⁶ Гней Помпей Великий (106–48 гг. до н.э.) получил в соответствии с законом, предложенным плебейским трибуном Авлом Габинием, право вести войну с пиратами в 67 г. до н.э. Собрав мощный флот (500 кораблей) и армию (120 тыс. чел.), ему удалось в кратчайший срок (около 3-х месяцев) подавить все основные силы пиратов в Средиземноморье. См., напр.: *Plut. Pomp.* XXIV–XXVIII; *App. Mithr.* 95-96.

⁷ См.: *Quint. Inst.* VII. 3. 25; *Serv. Aen.* II. 486.

⁸ См.: *Cic. Rep.* VI. 1. 3.

⁹ «*Potest enim esse bellum ut tumultus non sit. Tumultus autem esse sine bello non potest. Quid est enim aliud tumultus nisi perturbatio tanta ut maior timor oriatur?*».

¹⁰ «*Gravius autem esse tumultum quam bellum; nam in bello vacationes valent, in tumultu non valent.*».

¹¹ Известное сражение II Пунической войны, произошедшее 2 августа 216 г. до н.э. между Ганнибалом и римлянами, руководимыми консулами Луцием Эмилием Павлом и Гаем Теренцием Варроном.

¹² Битва при Термах (Сицилия) произошла в 259 г. до н.э. в ходе I Пунической войны между Гамилькаром и союзниками Рима.

исходить множество сражений. Одно ведется на флангах, другое – в центре строя, третье – в крайних боевых порядках. Итак, война – это конфликт в целом, битва – события одного ее дня, сражение – часть битвы. (9) Прежде войну называли *duellum* оттого, что противоборствуют две (*duae*) стороны, или оттого, что в ходе ее одна из сторон оказывается победившей, а другая – побежденной. Впоследствии, когда одна буква изменилась, а другая выпала, война стала называться *bellum*¹. Другие полагают, что названа она так в соответствии с антигезой (ибо она ужасна)²; отсюда эта строка Вергилия (*Virg. Aen. 6, 86*):

Bella, horrida bella

Войны, страшные войны³,

ведь «прелестное» (*bellum*) противоположно по смыслу «худшему»⁴.

(10) Сражение зовется *proelium* от [глагола] «давить» (*imprimere*), так как враг «давит» врага. Отсюда и пресс для винограда [назван] *prela ligna*, поскольку в нем давят виноград. Битва названа *pugna* оттого, что изначально был обычай на войне биться на кулаках (*pugni*), либо оттого, что первоначально война начиналась с поединков (*pugnae*)⁵. Поэтому-то поединок двух [противников] и происходит порой без оружия.

(11) Четыре вещи имеют место на войне: битва (*pugna*), бегство (*fuga*)⁶, победа (*victoria*)⁷, мир (*pax*)⁸. Слово *мир* произошло, как кажется, от *договора* (*pactum*). Сначала заключается договор (*foedus*), а уже после устанавливается [на его основе] мир. Договор есть соглашение о мире, которое заключается между противоборствующими сторонами, назван он так или от *доверия* (*fides*)⁹, или от *фециалов* (*fetiales*)¹⁰, то есть жрецов, ведь именно они заключали договоры, тогда как войны велись светскими лицами. Другие полагают, что договоры названы так от свиньи, которую убивали *мерзким* (*foede*) и жестоким способом, и такой смерти желали тому, кто нарушит мир¹¹. Вергилий говорит (*Aen. 8, 641*):

Et caesa iungebant foedera porca

Вместе они приносили свинью Юпитеру в жертву.

Части соглашения о мире суть *перемирья*; названы они *indutiae*, как если бы говорилось *in dies otia* (дни покоя)¹².

¹ См.: *Varr. LL. VII. 49; Quint. Inst. I. 4. 15; Fest. P. 58L*: «*Duellum* – война (*bellum*); [происходит] разумеется оттого, что за победу сражаются две противоборствующие стороны».

² См.: *Donat. Gramm. IV. 402. 4; Serv. Aen. I. 22; III. 63; Hier. Epist. 78, 35; August. Dialect. VI. 10; Sidon. Epist. 2. 1. 1; Isid. Num. XXXIII. 1 etc.*

³ Строки из «Энеиды» даются в переводе С.А. Ошерова.

⁴ Автор имеет в виду, что слова «война» и «прелестное» совпадают по форме (*bellum*), но противоположны по содержанию.

⁵ См.: *Donat. Ter. Hec. prol. II. 33; Cassiod. Var. I. 30. 5.*

⁶ См.: *Eutyh. Gramm. V. 487. 23.*

⁷ См. ниже 2. 1.

⁸ См.: *Fest. s.v. Pacem. P. 260L; Non. Marc. s.v. Pax. 590L; Paces. 217L.*

D. 2. 14. 1. 1: «Слово *pactum* (соглашение) происходит от *pactio*, отсюда происходит и слово *pax* (мир)» (пер. А.В. Щеголева).

⁹ См.: *Fest. P. 74L*: «*Foedus* (договор) назван так оттого, что при заключении союза жертвенное животное забивалось мерзким образом (*foede*). Вергилий (*Aen. VIII. 641*): *Et caesa iungebant foedera porca* (И скрепляли договоры, в жертву принося свинью). Или оттого, что в тексте договора упоминается *fides* (доверие)».

¹⁰ См.: *Varr. LL. V. 86; Serv. Aen. I. 62*: «*Foedus* (договор) же назван или от фециалов (*fetiales*), то есть жрецов, через которых заключаются союзы, или от свиньи, забитой мерзким образом (*foede*), т.е. камнями...».

¹¹ См.: *Serv. Aen. VIII. 641.*

¹² См.: *Gell. I. 25. 14.*

Глава II. О триумфах

(1) Всякое царство мира сего войнами стяжается, победами увековечивается. *Победа* (victoria) названа так оттого, что достигается [посредством] *vi*, то есть доблестью. Ведь согласно праву народов «насилие дозволяется отражать силой» (vim vi expellere)¹. Действительно, победа, достигнутая хитростью, позорна. Подлинная же победа – это либо убийение врага, либо снятие с него доспехов, либо то и другое вместе. Не доставляет удовольствия та победа, которая достигнута ценой огромных потерь; вот почему Саллюстий (Hist. 3, 29) восхваляет полководцев за то, что добились победы, не понеся потерь среди своих воинов. (2) Торжественная процессия – *pompa* (pompa) – названа так *ἀπό τοῦ πομπᾶειν*, то есть [от греческого глагола] «публично демонстрироваться». Победа предшествует торжественной процессии, потому что для идущих в бой главное – стремление победить.

(3) *Трофей* (tropeum) назван так *ἀπό τῆς τροπῆς*, то есть от отражения натиска врага и обращения его в бегство, ведь тот, кто обратил врага в бегство, заслуживает трофея, а тот, кто уничтожил врага, – триумфа (triumphum), что назван так *ἀπό τῆς τριάμψης*, то есть от [греческого слова] «ликование»². Триумф полагается за полную победу; за половинчатую – трофей, поскольку полная победа не была достигнута: войско противника бежало, но не пленено³. Однако писатели смешивают эти понятия. [Светоний] Транквилл (Prat. 109) утверждает, однако, что в латинском словоупотреблении преимущественно использовалось слово «триумф», потому что тот, кто вступал в город с триумфом, удостоивался этой чести решением трех инстанций: ведь по обыкновению решение о предоставлении триумфа полководцу сначала принималось войском, затем сенатом и, наконец, народом. (4) У римлян было в обычае передвигаться триумфаторам на квадригах, потому что первые их полководцы имели обыкновение выступать на войну именно таким образом.

Всякий, кто одерживал победу в бою, короновался пальмовым позолоченным венком, потому как у пальмы имеются шипы; тот же, кто без боя разбивал обращенного в бегство врага – лавровым, потому что это дерево без шипов. (5) Кроме того, справляющие триумф были одеты в пурпурную, расшитую изображением пальмы, тогу⁴, а в руке держали жезл (scipio) со скиптром, подражая победе Сципиона (Scipio); возможно, что жезл этот был одновременно и посохом, на который опираются люди при ходьбе. Отсюда и первый знаменитый Корнелий прозван Сципионом, потому как его слепой отец прогуливался по форуму, опираясь на посох⁵. На навершии жезла восседал орел, дабы показать, что триумфаторы посредством победы достигали как бы небесного величия. (6) Потому и мазались они красной краской, уподобляясь как бы божественному пламени⁶. То, что их сопровождал палач, должно было напоминать им, достигшим такой высоты, об их человеческой слабости.

(7) Войско уничтожается двумя способами: оно либо истребляется, либо рассеивается. Саллюстий говорит (Hist. frg. inc. 6): «...враги или разбиты, или

¹ См.: D. 9. 2. 45. 4.

² См.: Non. Marc. s.v. Tropei. P. 77L; Serv. Aen. X. 775.

³ См.: Varr. LL. VI. 68; Serv. Aen. X. 775; Prisc. Gramm. II. 20. 19.

⁴ Ср.: Liv. XXX. 15. 11; Val. Max. IX. 1; Mart. VII. 2. 8; Isid. Etym. XIX. 24. 6.

⁵ Греч.: σκίπλον. Macr. Sat. I. 6. 26: «Таким же образом были названы и Сципионы: Корнелий, который своего тезку – отца, лишенного зрения, направлял вместо посоха, был прозван Сципионом и передал это имя потомкам» (пер. В.Т. Звиревича).

⁶ См.: Serv. Ecl. X. 27.

ускользнули»¹. И Вергилий также говорит о двух путях. Об истреблении (Aen. 1, 69):

Submersasque obrue puppis
...и обрушь на корму им.

И о рассеивании (Aen. 1, 70):

Aut age diversos et dissice corpora ponto
Врозь разбросай корабли, рассей тела по пучинам.

(8) *Военные трофеи* (spolia)²: добыча (praeda)³, выручка (manubiae)⁴, снятые с врага доспехи (exuviae)⁵, доли (partes). *Добыча* названа так от [глагола] «грабить» (praedari). *Выручка* – оттого, что уносят ее на руках (manus). Так же и снятые с врага доспехи названы *exuviae* от [глагола] «снимать» (exuere), потому что их снимают. Аналогичным образом получили наименование и *доли* (partes) – от равного (par) распределения в соответствии с личными качествами и справедливой оценкой заслуг. Трофеи названы *spolia* от верхних одеяний, *pallia*⁶, как если бы говорили *expallia*, ведь все верхние одеяния стаскиваются с побежденных.

Глава III. О штандартах

(1) *Боевые штандарты* именуются *signa* оттого, что с их помощью войско получает сигналы и к сражению, и к отходу, необходимому для победы; ведь войско оповещается либо сигналом трубы, либо штандартом. (2) Главные штандарты легионов: орлы (aquilae), драконы (dracones) и сферы (pilaе). *Орлы* – оттого, что эта птица служила благоприятным знаменем в битвах Юпитера, ведь говорят, что, когда Юпитер отправился сражаться с Титанами, то явился ему в качестве предзнаменования орел, появление которого он воспринял как знак своей победы, а самого орла, как своего защитника. Он сделал этого орла символом легиона; и так случилось, что впоследствии орлы стали использоваться в качестве военных штандартов. О чем упоминает Лукан, говоря (1, 7):

Signa pares aquilas et pila minantia pilis
Схватки равных орлов и копья, грозящие копьям.

(3) Штандарты, именуемые *драконами*⁷, появились в связи с убийством змея Питона Аполлоном, после чего и стали использоваться на войне греками и римлянами. (4) Передают, что *сферу* утвердил в качестве штандарта Август, дабы лучше можно было в виде фигуры представить [ареал расселения] подчиненных ему по всему миру народов.

(5) *Вексилл* (vexillum) – также боевой штандарт, получил свое наименование от уменьшительной формы слова «парусина» (velum), как бы *velxillum*⁸. При Ромуле воины вместо вексиллов носили пучки сена, отсюда и происходит [сло-

¹ «Hostes oppressi, aut dilapsi forent».

² См.: Serv. Aen. XI. 80.

³ См.: Varr. LL. V. 178; VIII. 19.

⁴ См.: Cic. Ver. III. 186; Plin. NH. VII. 97; Gell. XIII. 25. 3; Non. Marc. s.v. Manubias. P. 201L.

⁵ См.: Fest. P. 70L: «Exuviae (снятые с врага доспехи) от exuere (снимать)»; Cassiod. Gramm. VII. 204. 5; Isid. Etym. XII. 4. 47.

⁶ См.: Varr. LL. V. 133; Isid. Etym. XIX. 24. 1; 9.

⁷ См.: Veg. Mil. II. 13.

⁸ См.: Varr. LL. VI. 93; Prisc. Gramm. II. 29. 13. Fest. P. 519L: «Vexillum есть уменьшительная форма от velum»; Serv. Aen. VIII. 1: «...поскольку нельзя было призывать [воинов] по одному, он [царь], чтобы возглавить войско, шел на Капитолий и, выставив оттуда два вексилла, один – красноватый, который призывал пеших, другой – лазоревый, для всадников <...> произносил: “кто хочет спасти государство, следуй за мной”. И те, что за ним следовали, тут же присягали <...> Другие же говорят, что были белый и красноватый вексиллы, и красноватый был знаком войн, а белый – народных собраний».

во] *манипулы* (*manipuli*)¹; а пучки сена мы называем манипулами оттого, что они «наполняют руку» (*manum implere*). Существуют в согласии с военным обычаем и другие, выставляемые впереди подразделения, различного вида штандарты, по ним в суматохе сражения и распознаются войсковые единицы.

Глава IV. О сигнальных рогах

(1) *Рог* (*bucina*) – то, чем подается сигнал к наступлению на врага, назван так от издаваемого звука (*vox*), как бы *vocina*, ведь деревенские жители и селяне созывались для решения общих дел на перекрестки с помощью рога²; собственно и сам этот сигнал был связан с селянами. О чем говорит и Проперций (4, 1, 13):

Bucina cogebat priscos ad arma Quirites

*Сельский рожок созывал на сходку древних квиритов*³.

(2) Рев его зовется *bucinum*. Трубу (*tuba*) первыми изобрели этруски⁴; откуда у Вергилия (*Aen.* 8, 526):

Tyrhenusque tubae mugire per aethera clangor

Ревом тирренской трубы огласилась неба просторы.

Ее изобрели этрусские пираты, поскольку разбросанных по морскому побережью пиратов не легко было собрать для очередного разбоя криком или сигналом рога, заглушаемого, как правило, шумом ветра. (3) По этой причине труба использовалась впоследствии во время войсковых сражений для подачи военных сигналов, поскольку пронзительный звук ее доходил и туда, где нельзя было услышать из-за суматохи глашатая. *Труба* названа *tuba*, как если бы *tofa*⁵, то есть «полая».

(4) *Tuba* (труба) также и как бы *tibia* (флейта). Древние различали трубу и рог, ведь сигнал рога возвещал о подготовке к войне. Вергилий (*Aen.* 7, 519):

Qua bucina signum / dira dedit

Рогом этим подал он тревоги сигнал.

Труба призывала к сражению, как, например (*Virg. Aen.* 9, 503):

At tuba terribilem sonitum

Тут...труба пронела громко и грозно.

Сигналы, подаваемые ею, различны: иногда она звучит, чтобы подать сигнал о начале сражения иногда, чтобы начать преследование бегущего противника, иногда, чтобы отступить самим, ведь отступлением (*recertus*) зовется маневр, посредством которого войско отводится назад (*recipere*)⁶; отсюда и говорят «исполнять сигнал отхода» (*signa recertui canere*). (5) *Classica* – рожки, что созданы были для созывания, звались они так от [глагола] «созывать» (*calare*)⁷. О них говорит Вергилий (*Aen.* 7, 637):

Classica iamque sonant

Трубы ревут...

У амазонок же царица созывала женское войско систром⁸, а не трубой, как то делали цари.

¹ См.: *Varr. LL.* V. 88; VI. 85; *Ovid. Fast.* III. 15; *Donat. Ter. Eun.* 776; *Serv. Aen.* XI. 870; *Veg. Mil.* II. 13; *Isid. Etym.* IX. 3. 50.

² См.: *Fest. s.v.* *Bucina*. P. 29L: «То, что мы называем рогом (*bucina*), греки из сходства с [издаваемым им] звуком именуют βυκάνη»; *Serv. Aen.* XI. 474.

³ Перевод Ф. Петровского.

⁴ См.: *Varr. LL.* V. 117.

⁵ Автор производит слово от *tufus* (туф).

⁶ См.: *Serv. Aen.* XI. 527.

⁷ См.: *Varr. LL.* V. 91; *Quint. Inst.* I. 6. 33.

⁸ См.: *Isid. Etym.* III. 22. 12. Cp.: *Virg. Aen.* VIII. 696.

Глава V. Об оружии

(1) *Arma* (оружие) в широком смысле означает оружие всякого рода вообще; отсюда и места, где оно хранится, названы *armaria* (сундуки). Также *arma* и *tela* – это наименования видов вооружения: *arma* – это то оружие, которым мы себя защищаем, а *tela* – то, что бросаем и мечем¹. *Arma* включает вооружения двух родов: те, то есть, которыми мы пронзаем [врага], и те, которыми себя защищаем. (2) Названы же эти виды оружия *arma* по той причине, что их держат руками (*armos tegunt*)², ведь *arma* происходит либо от *armi*, то есть «плечи», как, например, у Вергилия (*Virg. Aen. 11, 644*):

Latos huic hasta per armos / acta tremit

Но ника пробил / Грудь от плеча до плеча и согнулся он...,
либо ἄλὸ τοῦ Ἄρεος, то есть от Марса³.

Глава VI. О мечех

(1) *Мечом* (*gladius*) вообще зовется в сражении боевой клинок (*ensis*)⁴; но *ensis* все же – это лишь лезвие, *gladius* же – это меч целиком. В прямом смысле меч назван *gladius* оттого, что он *gulam dividit*, то есть «отсекает голову». Для этого изначально он и был создан, ведь прочие члены по большей части трубают секирами, голову же только мечом. (2) *Острове* (*acies*) меча звалось так от [слова] «острота» (*acumen*)⁵. Рукоять его названа *capulus* либо оттого, что представляет собой главу (*caput*) меча, либо оттого, что за нее берутся (*capere*)⁶, ибо лезвие меча не допускает возможности взяться за него каким-либо иным образом. *Micro* – острый кончик не только меча, но и любого наступательного оружия; назван так от его длины, ведь у греков μακρός означает «длинный»; отсюда и *machera*. *Махера* – это длинный меч, заостренный с одной стороны.

(3) *Фрамея* (*framea*) же – это обоюдоострый меч, в просторечии зовется спатой (*spat<h>a*)⁷. Он же и *ромпея* (*romphea*). *Фрамеей* он назван оттого, что из железа (*ferrea*), ведь говорят *framea*, как если бы *ferramentum* (железное орудие), а поэтому всякий меч может быть назван фрамеей. (4) *Спатою* (*spathe*) меч назван от греческого слова «страдание», потому как παθεῖν по-гречески означает «страдать»; отсюда мы говорим *patior* (я страдаю) и *patitur* (он страдает). Другие утверждают, что назван он по-латински *spata* оттого, что он *spatiosa*, то есть большой и широкий; отсюда и лопатка у домашних животных – *spatula*⁸. (5) *Семиспацием* (*semispatium*) меч назван оттого, что длиной в половину спаты⁹, а не от *sine spatio*¹⁰, как мыслит необразованное простонародье: якобы оттого, что он быстрее стрелы.

(6) Кинжал назван *pugio* от [глаголов] «колоть» (*pungere*) и «протыкать».

¹ См.: *Fest. P. 3L*: «*Arma* в подлинном значении называют оружие, удерживаемое *ab armis*, то есть руками, как то: щит, меч, кинжал. То оружие, которым мы сражаемся издали, [называется] *tela*».

² См.: *Varr. LL. V. 115*; *Fest. Armillas. P. 23L*: «...древние плечи и руки называли *armi*; откуда получило свое название и оружие (*arma*), удерживаемое руками»; *Serv. Aen. IV. 495*.

³ То есть от *Ареса* – греческого бога войны.

⁴ См.: *Varr. LL. V. 116*.

⁵ См.: *Fest. s.v. Acies. P. 23L*; *Isid. Etym. IX. 3. 37*.

⁶ См.: *Fest. s.v. Capulum. P. 53L*: «*Capulus* называется и рукоять меча, и то, в чем выносятся покойники; и то, и другое получило название от *capere* (брать)...».

⁷ См.: *Tac. Germ. 6*; *August. Enarg. in ps. 149. 12*.

⁸ См.: *Tac. Ann. XII. 35*.

⁹ Т.е. от *semis* (половина) и *spatha*. См.: *Veg. Mil. II. 15*.

¹⁰ Букв.: без временного промежутка, т.е. моментально.

Это маленький обоюдоострый меч, который носят сбоку¹. Звался он и *clunabulum*², потому что крепится у ягодицы (*clunis*). (7) *Хелидониак* – широкий железный меч, острие которого раздвоено наподобие ласточкиного хвоста³; отсюда и зовется он *chelidoniacus*. (8) Кинжал назван *sica* от «сечь» (*secare*)⁴. Это короткий меч, которым пользуются главным образом те, кто промышляет у италийцев разбоем; от него и грабители названы сикариями (*sicarii*)⁵. [Светоний] Транквилл (*lud. hist.* 195) говорит: «Когда у некоего гладиатора, выпущенного на арену, погнулось лезвие меча, и некто поспешил к нему, чтобы выправить его, боец произнес такую фразу: “Сражусь и таким” (*sic ha*). Отсюда меч и был назван *sica*»⁶. (9) *Секиры* (*secures*)⁷ – знаки власти, которые несли перед консулами; их испанцы, в силу того, что ими пользовались франки (*Franci*), называют вследствие деривации *franciscae*. Носят их, либо чтобы не утратить привычки к войне, либо чтобы в ее отсутствие не забывать самого их вида.

Глава VII. О копьях

(1) *Копье* (*hasta*) – суть древко с железным наконечником; уменьшительная форма – *hastilia*. Слово *hasta* произошло от *astus* (хитрость); отсюда и *astutia* (коварство)⁸. (2) У пики (*contum*) нет железного наконечника, лишь только конец ее заострен. Вергилий (*Aen.* 5, 208):

Eferatasque trudes et acuto cuspile contos

В ход пускают шесты и багры с наконечником острым.

Contum [есть] как бы *conitum* (конусообразное), ведь конус округлый и с острым концом. (3) *Багры* (*trudes*) – шесты с серповидным железным наконечником, греки называют их *aplustria*. [Название происходит] от шестов (*trudes*) конечно, потому что ими «толкают» (*trudere*) и «гонят» (*detrudere*). Вергилий (*Aen.* 5, 208):

Eferatasque trudes

В ход пускают шесты...

(4) *Рогатины* названы *venabula*, как если бы говорили *venatui abilia* (пригодные для охоты), либо оттого, что перехватывают ими движущегося [зверя] (*venientem excipiunt*), как бы *excipiabula*⁹. Действительно, кабанов перехватывают, львов поджидают, а медведей пронзают, если только охотника рука крепка¹⁰.

(5) *Ланция* (*lancea*) – копье с ремнем посредине; названо оно так оттого, что бросает его *aequa lance*, то есть вывесив, равномерно сбалансировав на ремне¹¹. (6) *Ремень* (*amentum*) – обвязка метательных копий, привязывается посредине копья; оттого и зовется он *amentum*, что привязывается к копью посе-

¹ См.: *Fest.* 265L: «Кинжал назван *pugio* оттого, что им наносят колющие удары (*punctim*)»; *Gell.* X. 25. 2; *Non. Marc.* s.v. *Pugio*. P. 889L.

² См.: *Gell.* X. 25. 2.

³ Автор имеет в виду греческое наименование ласточки – *χελιδών*.

⁴ См.: *Isid.* Etym. X. 252.

⁵ См.: *Inst. Iust.* IV. 18. 5; *Lyd. Mag.* II. 9; *Isid.* Etym. X. 252.

⁶ «*Dum cuiusdam gladiatoris in ludum emissi gladius curvatus fuisset ex acie recta, procucurrat unus ad id corrigendum; tumque a pugnante responsum est: Sic ha pugnabo. Inde sicae nomen datum*».

⁷ См.: *Isid.* Etym. XIX. 19. 4.

⁸ См.: *Varr.* LL. V. 115; а также: *Fest.* s.v. *Hastae*. P. 90L; *Sub vitem hastas iacere*. P. 405L etc.

⁹ См.: *Varr.* LL. VIII. 53; *Serv.* *Aen.* IV. 131; *Non. Marc.* s.v. *Venabulum*. P. 892L.

¹⁰ Ср.: *Mart.* XIV. 30.

¹¹ Ср.: *Fest.* s.v. *Lancea*. P. 105; *Gell.* XV. 30. 7; *Non. Marc.* s.v. *Lanceae*. P. 889L; *Isid.* Etym. XVIII. 7. 5.

редине (medius), дабы бросать его¹. (7) *Булава* (clava), та, что была у Геркулеса², названа так оттого, что утыкана равномерно железными гвоздями (clavi); делали ее в пол-локтя длиной. Она же и *cateia*³, которую Гораций называет *caia*. Это род галльского метательного оружия из очень тяжелого дерева; будучи брошенной, она, в силу тяжести, не летит, конечно, далеко, но уж кого настагает, поражает того с неимоверной силой; она, если метнет ее мастер, возвращается обратно к тому, кто ее послал. О чем упомянул Вергилий (Aen. 7, 741), говоря:

Teutonico ritu soliti torquere cateias

Все на тевтонский лад бросают кельтские копьа.

Потому-то испанцы и галлы называют их тавтанами (tautani).

(8) *Фаларика* (falarica) – большое копье, изготовленное на токарном станке, имеющее железный наконечник в локоть длиной и выпуклость из свинца в форме шара. Говорят, что даже и огонь был прикреплен к его наверху. Сражаются же этим копьем, бросая с осадных башен, почему, очевидно, они так и называются. Ювенал говорит (6, 589):

Consulis ante falas delphinorumque columnas

Возле столбов цирковых и колонн с дельфином гадают⁴.

Итак, подобно тому, как *фреска* (muralis) получила свое наименование от стены (murus), *фаларика* (falarica) названа так от осадной башни (fala)⁵. Правильно говорит Лукан, что фаларика выстреливается с помощью оскученных канатов из некой [осадной] машины (6, 198):

Ut nunc (tortilibus) vibrata falarica nervis

Пусть его сломит снаряд, запущенный жилой дрожжащей.

Вергилий, однако, говорит, что Турн⁶ метал фаларики рукой (Aen. 9, 705).

(9) *Pila* – метательные дротики и копьа, названы так от того, что их бросают, либо метают. О них Лукан говорит так (1, 7):

Signa pares aquilas et pila minantia pilis

Знаки равных орлов и копьа, грозящие копьам.

В единственном числе говорят *pilum*⁷.

(10) Согласно греческой этимологии ἀπὸ τοῦ τηλόθεν⁸ зовется *telum* всякое оружие, которое можно метнуть на значительное расстояние; хотя в переносном смысле так зовется и меч, как в этом стихе Вергилия (Virg. Aen. 9, 747):

At non hoc telum, mea quod vi dextera versat

Видишь telum в руке у меня? От него не уйдешь ты.

На самом деле *telum* произошло от длины⁹: так и ласку мы называем *mustela* оттого, что она длиннее, чем мышь (mus). (11) *Cuspis* – дротик с ремнем, назван так от *cespes*, то есть от слова «прутья»¹⁰. Вергилий (Aen. 7, 817):

¹ См.: *Fest.* P. 18L: «*Ammenta* – те [ремни], которыми обвязываются дротики, чтобы можно было их бросать...»; *Serv.* Aen. IX. 662; *Isid.* Etym. XVI. 25. 5.

² См.: *Fest.* P. 54L: «*Clava* (булава) – вид наступательного оружия, которым пользовался Геркулес». А также: *Fest.* s.v. Calones. P. 54L; *Isid.* Etym. XIX. 34. 13.

³ См.: *Serv.* Aen. VII. 741.

⁴ Перевод Д.С. Недовича.

⁵ См.: *Fest.* s.v. Falarica. P. 78L; *Serv.* Aen. IX. 702; *Non. Marc.* s.v. Falarica. P. 891L.

⁶ Легендарный вождь рутулов, считавшийся женихом Лавинии, дочери царя латинов, до прихода Энея в Лаций. Убит Энеем. См.: *Liv.* I. 54-56; *Dionys.* I. 64. 2-3.

⁷ См.: *Varr.* LL. V. 116.

⁸ Т.е. «от [наречия] издали».

⁹ См.: *Fest.* s.v. Tela. P. 502L; *Serv.* Aen. II. 468; VIII. 249; IX. 744; D. 50. 16. 233. 2; *Inst. Iust.* IV. 18. 5.

¹⁰ См.: *Isid.* Etym. XVII. 6. 13.

Et pastorale(m) praefixa cuspidе myrtum

Острый пастушеский дрот, из прочного сделанный мирта.

В собственном же смысле *cuspis* – это острие копья¹.

Глава VIII. О стрелах

(1) Стрела названа *sagitta* от *sagaci ictu*, то есть от «быстрого удара». Обладая оперением, летит она подобно птице, дабы смерть быстрее достигала человека. Впервые стрелы стали использоваться критянами, которые, как было нами сказано, приклеивали к ним перья, чтобы были они легкими и летели [далеко]. (2) *Scaptus*...² *Spicula* – стрелы или короткие ланцеи, названы так от схожести с колосьями (*spica*). (3) «Скорпион» (*scorpio*) – отравленная стрела, выстреливаемая из лука или катапульта, которая, когда вписалась в человека, вводила яд в то место, куда попала; отсюда и названа она скорпионом³.

Глава IX. О колчанах

(1) *Колчан* (*faretra*) – пенал для стрел, назван так оттого, что в нем носят (*ferre*) стрелы; аналогичным образом и носилки, на которых переносят покойника, названы *feretrum*. Оба слова по той причине имеют общую этимологию, что и колчан носит смерть, и носилки – мертвеца. (2) *Coriti* в собственном смысле суть футляры для луков, подобно колчанам, являющимся таковыми для стрел⁴. *Ножны* названы *vagina* оттого, что в них носят кинжал, либо меч. (3) *Футляр* (*teca*) – оттого, что он укрывает (*tegere*) то, что внутри него, буква С поставлена здесь вместо G. Другие утверждают, что футляр (*thesa*) происходит от греческого слова⁵, потому что в него что-либо кладут. Отсюда и хранилище для книг зовется библиотекой (*bibliotheca*). (4) *Dolones* – деревянные ножны, внутри которых под видом палки сокрыт кинжал. Ножны эти названы так от слова «хитрость» (*dolus*), потому как обманывают и вводят в заблуждение, скрывая под видом древа клинок⁶. В просторечии зовутся *oxi* (греческое, по происхождению, слово), то есть «острые». По той же причине и врачи острую болезнь называют *ὄξεια*⁷. Лук назван *arcus* оттого, что «гонит прочь» (*arcere*) врага⁸. (5) Вследствие этого и крепости, которые «отгоняют» врага (*arcere*), именуются *arces*⁹. Лук назван так и по его форме, потому как достаточно сильно (*artius*) изогнут.

Глава X. О пращах

(1) *Праща* названа *funda* оттого, что из нее «изливаются» (*fundere*), то есть сыплются, камни¹⁰. (2) *Баллиста* (*balista*) – род катапульта, названа так от метания камней, ведь по-гречески βαλεῖν означает «метать»¹¹. Вводится она ремненным канатом и выбрасывает с большой силой либо копья, либо камни. Отсюда и камнемет – *fundibalus*, как бы «изливающий» (*fundens*) и «мечущий» камни. Против баллисты эффективна «черепаха» (*testudo*) боевой строй, прикрываемый прилаженными друг к другу щитами.

¹ У Исидора, очевидно, ошибочно, «*posterior pars hastae est*».

² Возможно, *scapus* (древко).

³ См.: *Tert. Scorp.* 1; *Non. Marc.* s.v. *Scorpio*. P. 888L; *Veg. Mil.* IV. 22. Ср.: *Sall. Hist.* III. 36; *Liv.* XXVI. 47. 6; *Amm.* XIX. 7. 6.

⁴ См.: *Non. Marc.* s.v. *Corytus*. P. 893L.

⁵ Т.е. от θήκη.

⁶ См.: *Donat. Ter. Eun.* 515; *Serv. Aen.* VI. 664.

⁷ См.: *Isid. Etym.* IV. 6. 1.

⁸ См.: *Prisc. Gramm.* II. 136. 17; 263. 11; III. 445. 3; 498. 35; *Isid. Diff.* I. 9; *Etym.* XV. 2. 32.

⁹ См.: *Varr. LL.* V. 115; *Fest.* s.v. *Arcere*. P. 14L; *Isid. Etym.* XV. 8. 9.

¹⁰ См., например: *Fest.* s.v. *Adscripticii*. P. 13L; *Ferentarii*. P. 75L; *Velati*. P. 506L; *Non. Marc.* s.v. *Funditores*. P. 888L.

¹¹ См.: *Non. Marc.* s.v. *Ballistae*. P. 892L; *Isid. Etym.* XIV. 6. 44.

Глава XI. О таране

(1) *Таран* (aries) получил название от своего вида, потому что подобно дерущемуся барану (aries) крушит он стену ударом¹. Действительно, торец прочного узловатого дерева обивают железом и, подвесив его на канатах, направляют на стену усилием множества рук, затем, отведя назад, делают это с еще большим усилием, и так, повреждая кладку частыми ударами, ослабляют стену, пробивают в ней полость и, наконец, проделывают в ней проем. (2) Спасением против ударов тарана служит мешок, наполненный соломой, который помещают в то место, куда бьет таран: направленный удар тарана смягчается мягким объемистым телом мешков. В самом деле, вещи более твердые проще уступают тем, что мягче. (3) *Осадные щиты* (plutei) – плетенки, затканые сырмятными ремнями, они выставлялись для защиты от врага во время осадных работ². (4) *Musculus* (подвижный навес) делался в виде туннеля, с его помощью проламывается стена (murus), отчего и назван; как бы *murusculus*³.

Глава XII. О щитах

(1) *Clipeus* – большой щит, назван так оттого, что он *clipet*, то есть скрывает тело и ограждает от опасностей, ἀπό τοῦ κλέπτειν⁴. Действительно, когда он выставлен, то оберегает собой тело от копий и стрел. *Clipeus* – щит пехотинцев, *scutum* – щит всадников. (2) *Scutum* назван так оттого, что «избавляет собою» (a se excutiat) от напора копий⁵, ведь чтобы противостоять копьям, щит держат перед собой. *Umbo* – выпуклость в центральной части щита, как бы *umbilicus* (пуп)⁶. (3) Анциллой зовется маленький круглый щит (ancile). О нем говорит Вергилий (Aen. 7, 188):

Laeva ancile gerebat

Щит священный держа...

Анциллой (ancile) назван он от *ancisio* – обрезания по кругу, потому что был он круглым, как бы обрезанным со всех сторон⁷. Овидий говорит (Fast. 3, 377):

Idque ancile vocant, quod ab omni parte recisum:

quaque notes oculis, angulus omnis abest

Дар этот был безупречным щитом, округлым и гладким, /

Ни одного угла острого не было в нем⁸.

(4) *Peltum* – очень короткий щит в форме полумесяца⁹. О нем упоминается в книге Царств (3 Reg. 10: 16): «И сделал царь Соломон двести больших щитов из чистого золота, и триста маленьких из злата попроще»¹⁰. (5) *[S]cetra* – кожаный без деревянного остова щит, которым пользуются африканцы и мавры¹¹. О нем поэт говорит (Virg. Aen. 7, 732):

Laevas cetra tegit

...и кожаный щит для прикрытья.

¹ См.: Varr. LL. V. 117; Ann. XXIII. 4. 8; Veg. Mil. IV. 14.

² См.: Fest. P. 259L: «Plutei – плетеные щиты, покрытые необработанной шкурой, которые обычно выставлялись перед воинами, осуществлявшими осаду; их называли [plutei] militares (военные щиты)».

³ См.: Caes. BC. II. 10; Veg. Mil. IV. 16.

⁴ Т.е. «от [глагола] укрывать». См.: Serv. Aen. II. 389; VIII. 447; Lyd. Mag. I. 10; Isid. Diff. I. 121.

⁵ См.: Varr. LL. V. 515; Fest. s.v. Scrautum. P. 448L; Cassiod. Exp. ps. 34, 21. 51A.

⁶ См.: Varr. LL. V. 115; Isid. Etym. XI. 1. 99.

⁷ См.: Non. Marc. s.v. Ancile. P. 889L.

⁸ Перевод Ф.А. Петровского.

⁹ См.: Non. Marc. s.v. Peltae. P. 891L.

¹⁰ «Fecit rex Salomon ducenta scuta de auro puro et trecentas peltas ex auro probato».

¹¹ См.: Liv. XXVIII. 5. 11; Non. Marc. s.v. Cetra. P. 891L.

(6) *Parma* – легкий щит, как бы *parva* (маленький)¹, не клипеус. Его также называют черепахой (*testudo*), поскольку этот щит напоминает по форме панцирь черепахи. Черепаха – это и связка щитов, изогнутых в форме панциря черепахи. Действительно, воины присваивают названия животных различным типам оружия, как то в случае с тараном; так и Саллюстий говорит (*Hist.* 3, 36): «...наподобие военного ежа»².

Глава XIII. О броне

(1) *Кольчуга* названа *lorica* оттого, что не имеет ремней (*loris careat*), ведь сплетена она из одних только железных колец³. (2) *Панцирь* (*squama*) – это броня из железных или бронзовых пластин⁴, пригнанных друг к другу подобно рыбьей чешуе (*squama*); назван так от блеска чешуек и их сходства с рыбьими. Для полировки же и хранения брони используется козья власьяница.

Глава XIV. О шлемах

(1) *Cassis* – шлем из металлических пластин⁵, *galea* – из кожи⁶, ведь меховую шапку называют *galerus*⁷. Шлем был назван *cassis* этрусками. Полагаю, называют они так шлем от *caput* (голова). (2) *Apex* есть та часть шлема, что выступает на его макушке, к ней крепится султан⁸; греки называют ее *κῶνος*. Действительно, конус – это коническая выступающая часть шлема, на оконечности которой крепятся султаны.

Глава XV. О форуме

(1) *Форум* (*forum*) есть место разбора тяжб⁹; назван так от [глагола] «говорить» (*fari*), [или от царя Форонея (*Foroneus*)¹⁰, который первым дал грекам законы]. Это место называют также *Prorostra* оттого, что носы (*rostra*) карфагенских кораблей, захваченных во время Пунической войны, были доставлены [в Рим] и установлены на римском форуме, служа символом этой победы¹¹. Форум (*forum*) связан с такими понятиями как тяжба (*causa*), закон (*lex*), судья (*iudex*). (2) *Тяжба* (*causa*)¹² названа так от случая (*casus*)¹³, которым порождена, ведь она является и основанием, и отправным пунктом процесса (*negotium*), хотя бы [дело] еще не было открыто для обсуждения и исследования доказательств. Когда жалоба подается – это тяжба, когда дело рассматривается – это суд (*iudicium*), когда процесс завершается – это правосудие (*iustitia*). Суд назван *iudicium*, как если бы говорилось *iusdictio* («речение права»)¹⁴, а правосудие *iustitia* – как

¹ См.: *Varr. LL.* V. 115; *Fest. s.v. Brutianae parmae.* P. 29L; *Non. Marc. s.v. Parma.* P. 890L.

² «*In modum iricii militaris*». Перевод В.С. Соколова.

³ Ср.: *Varr. LL.* V. 116; *Serv. Aen.* XI. 679.

⁴ См.: *Serv. Aen.* IX. 704.

⁵ См.: *Tac. Germ.* 6.

⁶ См.: *Varr. LL.* V. 116.

⁷ См.: *Fest. s.v. Albogalerus.* P. 109L; *Isid. Etym.* XIX. 21. 3.

⁸ Ср.: *Varr. LL.* V. 111; *Fest. s.v. Apex.* P. 17L; *Serv. Aen.* 270; *Isid. Etym.* XIX. 30. 5.

⁹ См.: *Varr. LL.* V. 145; *Isid. Etym.* XV. 2. 27.

¹⁰ В греческой мифологии – сын Инаха и Мелии, царь Пелопоннеса, получивший власть от Зевса. С ним связывают изобретение оружия, ему приписывают создание человеческого сообщества, некоторые называют его первочеловеком.

¹¹ Ростры появились на форуме еще в IV в. до н.э. В ходе I Пунической войны в 260 г. до н.э. римляне одержали важную победу над карфагенянами в морском сражении при Милах, в этой связи на форуме была установлена роstralная колонна, украшенная носами захваченных в сражении кораблей.

¹² *Cassiod. Exp.* ps. 72, 131. 222A.

¹³ *Cic. Div.* II. 15; *Fest. s.v. Casus.* P. 51L; *Serv. Aen.* V. 530.

¹⁴ *Cassiod. Var.* XI. 9. 3; *Exp.* ps. 71, 21. 49A.

если бы *iuris status* (установление права)¹. Прежде суд назывался *inquisitio*; по этой причине мы называем лиц, занимающихся судопроизводством и руководящих расследованием квесторами (*quaestores*)² или квеститорами (*quaesitores*)³.

(3) *Negotium* имеет много значений; иногда – занятие каким-либо делом, противоположностью чему является праздность (*otium*); иногда – рассмотрение иска, то есть судебный процесс. Говорили *negotium* как если бы *nes otium*, то есть «не праздность»⁴. *Negotium* говорят в случае судебных разбирательств, в случае торговых операций, когда что-либо дается с целью получения прибыли, говорят *negotiatio*. (4) Судебную тяжбу называли *iurgium*⁵, как если бы *iuris garrum* («кропание права»), по той причине, что те, кто разбирают дело, рассматривают его в соответствии с правом (*ius*). Судебная тяжба изначально была названа *lis* от спора о границах (*limes*). О чем Вергилий (*Aen.* 12, 898):

Limes erat positus, litem ut discerneret agri

Знаком межи и судьей, если тяжба о пашнях случится.

(5) Тяжба (*causa*) состоит из теоретического обоснования (*argumentum*)⁶ и из практического доказательства (*probatio*). Теоретическое обоснование никогда не опирается ни на свидетельские показания, ни на письменные доказательства, в нем истина изыскивается только посредством изложения [существа дела]. По этой причине оно и названо *argumentum*, то есть «очевидное открытие» (*argutum inventum*). Практическое же доказательство (*probatio*) покоится на показаниях свидетелей и информации, содержащейся в письменных документах.

(6) Для всякого судебного процесса необходимы шесть лиц: судья, истец, ответчик и три свидетеля. Судья назван *iudex* оттого⁷, что он как бы *ius dicens*, то есть он тот, кто «излагает право» народу, либо оттого, что судья *iure disceptare*, то есть «рассматривает дело в соответствии с правом», ведь *iure disceptare* означает «вершить суд по справедливости», ибо тот не судья (*iudex*), в ком нет справедливости (*iustitia*). (7) Истец назван *accusator*, как если бы звался *adcausator*, потому как вызывает на тяжбу (*ad causam*) того, к кому обращается. Ответчик назван *reus* от вещи (*res*)⁸, которая истребуется [у него истцом], потому как хотя бы он и не был виновен в преступлении, он все равно зовется *reus*, покауда преследуется судебным порядком из-за какой-то вещи. (8) В древности свидетели именовались *superstites* оттого, что вызывались *super statum*, то есть в соответствии с характером дела⁹. Теперь, по усековению части слова, зовутся они *testes*.

(9) Свидетель оценивался в соответствии с его состоянием, природой и образом жизни. По состоянию – свободный ли, не раб ли? Ибо часто раб из страха перед хозяином утаивал истину. По природе – мужчина ли, не женщина ли? Ибо (*Virg. Aen.* 4, 569):

Varium et mutabile semper femina

Изменчива и ненадежна женщина.

¹ *Char. Gramm.* XXXIII. 16.

² См.: *Varr. LL.* V. 81; *D.* 1. 13. 1. 1; 1. 2. 2. 22; *Prisc. Gramm.* II. 432. 26; *Lyd. Mag.* I. 25; *Isid. Etym.* IX. 4. 16; X. 232.

³ См.: *Varr. LL.* V. 81; *Serv. Aen.* VI. 432; *Lyd. Mag.* I. 25; *Isid. Etym.* IX. 4. 16; X. 232.

⁴ См.: *Fest. s.v. Negotium.* P. 185L; *Scaur. Gramm.* VII. 28. 13.

⁵ Ср.: *Varr. LL.* VII. 93; *Fest. s.v. Iurgatio.* P. 92L; *Eutyck. Gramm.* V. 476. 13.

⁶ *Isid. Etym.* VI. 8. 16.

⁷ См.: *Varr. LL.* VI. 61; *Cod. Iust.* 6. 47. 2. 1; *Cassiod. Var.* III. 27. 2; XI. 40. 1; *Isid. Etym.* IX. 4. 14.

⁸ См.: *Fest. s.v. Reus.* P. 337L; *Isid. Etym.* X. 238.

⁹ См.: *Serv. Aen.* VIII. 187; *Isid. Etym.* V. 23.

По образу жизни – честный ли он и здравомыслящий. Действительно, если он не ведет праведной жизни, то и доверия не вызывает: не может же правосудие быть связанным с преступником. (10) Есть два рода свидетелей: те, которые сообщают о том, что видели, и те, которые излагают то, что слышали. Свидетели двумя способами совершают преступление: и когда сообщают ложные сведения, и когда утаивают истину.

Перевод с латинского, предисловие и комментарии А.А. Павлова

Павлов Андрей Альбертович, к.и.н., доцент, Сыктывкарский государственный университет имени П. Сорокина, заведующий, кафедра истории России и зарубежных стран; aapavlov@rambler.ru

Isidore of Seville

Etymologies, or Origins. Book XVIII. War and games

In this issue we publish the translation of the first part of the XVIII book Isidore of Seville's "Etymologies". This work is based appreciably on the Roman grammatical and encyclopedic tradition, and itself became the base of the medieval encyclopedism. In the eighteenth book the author considers some of the important spheres of the life for the Roman consciousness connected with competitiveness. As well as in other books, basing on his "pan-grammatical method", he results the Latin terminology connected with war, legal proceedings and a various sort of competitions. In the foreword to translation briefly discussed the structure of the book and its sources.

Keywords: *Isidore of Seville, the Roman antiquarian and grammatic tradition, early medieval encyclopedism, war, games.*

Andrey Pavlov, PhD in History, Associate Professor, Head of the Department of History of Russian and foreign countries, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University; E-mail – aapavlov@rambler.ru

ДОСТОВЕРНЫЙ ЗНАК, ЧТО ПАПА – АНТИХРИСТ

Публикуется перевод одной из глав полемического сочинения английского реформатора Уильяма Тиндела (1494–1536) «Ответ на Диалог сэра Томаса Мора». Перевод выполнен по изданию: Tyndale W. An Answer into Sir Thomas More's Dialogue // The Whole works of W. Tyndall, John Frith and Doct. Barnes, three worthy Martyrs and principall teachers of this Church of England collected and compiled in one tome together, being before scattered now in in print here exhibiten to the Church / Ed. by J. Foxe. L.: Printed by J. Daye, 1573. P. 247–339. Комментарии и предисловие переводчика.

Ключевые слова: У. Тиндел, Т. Мор, М. Лютер, Реформация, Антихрист, полемика, римский папа, католическая церковь.

Публикация представляет собой перевод одной из глав полемического сочинения английского реформатора Уильяма Тиндела (1494–1536) «Ответ на Диалог сэра Томаса Мора». Этот трактат входит в монументальный фолиант «Все труды У. Тиндела, Дж. Фрита, Р. Барнза, трех достойных мучеников и главных учителей церкви Англии», вышедший в 1573 г. под редакцией и с предисловиями автора знаменитой «Книги мучеников» Джона Фокса. Российская историческая наука практически не располагает переводами сочинений английских реформаторов XVI в., между тем их анализ важен не только для понимания религиозных доктрин, но и отношения мыслителей к крупнейшим политическим событиям и социально-экономическим явлениям той эпохи.

Реформация дала сильный толчок развитию полемического жанра. Полемика чаще всего велась между представителями религиозных течений – протестантами и католиками. Представители духовной элиты затрагивали такие важные вопросы, как свобода и рабство воли, трактовка веры и добрых дел, взаимоотношения духовной и светской властей, основные религиозные концепты. В 1530–1532 гг. бурная полемика шла между гуманистом Т. Мором и реформатором У. Тинделом¹. В первую очередь дискуссия коснулась трактовки религиозных терминов (церковь, священник, покаяние, милосердие и др.), но оппоненты затронули и некоторые другие богословские и политические вопросы².

Понимание исторического процесса мыслителями XVI в. было неразрывно связано и с обсуждением темы Антихриста. Понятие «Антихрист» является одним из ключевых в богословской концепции английского реформатора, прежде всего под ним подразумевается один из носителей высшей власти – римский понтифик. Такая персонификация связана с тем, что деятельность наместника престола Св. Петра, по мнению Тиндела, полностью противоречит поступкам Иисуса Христа, как и семантика древнегреческого термина *Ἀντίχριστος*. Наиболее показатель-

¹ В 1529 г. Т. Мор опубликовал трактат против реформатора «Диалог о ересях». Тиндел d 1531 г. издал «Ответ на Диалог сэра Томаса Мора» (Tyndale. Answer... 1573). Мы анализировали эту полемику в своих работах. См., напр.: Чугунова 2012: 82–99.

² Осиновский 1978: 236–279.

ным произведением, где святой отец предстает в образе Антихриста, а прелаты – в роли его верных слуг, является «Практика папистских прелатов» (1530)³. По мнению многих исследователей, это сочинение английского реформатора представляет своего рода исторический документ, в котором изложены все злодеяния католической церкви⁴.

Тиндел вменяет в вину понтифику тяжелейшие грехи, отдаляющие его от Бога и ввергающие в рабство Дьяволу: стяжательство, блуд, тщеславие, посягательство на светскую власть и пр. Не скупясь на эпитеты, Тиндел повсюду называет папу римского Антихристом: «Даже если окажется, что папа небрежет самим собой, спасением душ собратьев и паствы, делами своими, бессловесен по поводу добра и увлек за собою, служа примером, бесчисленное количество людей в ад, где их будут пытаться нескончаемыми муками, все же поберегитесь, чтобы смертный указывал ему на его ошибки здесь, ибо он будет судить всех, никто же его. О, Антихрист! Разве он не Антихрист, не желающий быть осужденным Словом Божиим?»⁵. В отличие от библейского Антихриста, не имеющего четкого образа, в творчестве Тиндела воплощением Антихриста на земле почти всегда является папа римский. отождествление главы католической церкви с Антихристом присуще многим религиозным реформаторам и не является в этом смысле оригинальным. Мартин Лютер в своем знаменитом трактате «К христианскому дворянству немецкой нации об исправлении христианства» давал подобные оценки деятельности наместника святого престола: «Папу, скорее, следует считать врагом Христовым, называемым в Писании “антихристом”. Ведь вся его сущность, все его дела и начинания противоречат Христу и лишь разрушают и уничтожают смысл деяний Христовых»⁶.

Разделы с названием «Антихрист» и рассуждения на эту тему найдем и в других сочинениях Тиндела. В главе «Антихрист» трактата «Послушание христианина и как христианские власти должны управлять» (1528) он пишет: «Антихрист повсюду разослал своих учеников, тех лжепомазанных, о коих Христос предупреждал нас, что они придут и покажут чудеса и знамения, дабы сбить избранных с пути, если будет то возможным. Он помазует их по примеру иудеев и бреет и стрижет их по манере иудейских священников, что служат идолам. Он кропит их не только лжеелеем, но и дает им лжеимена, ибо сравни их имена с их делами, и найдешь ложь. Он посылает их, как пророчествовал о них апостол Павел (2 Фесс., 2), с ложными знамениями и чудесами. Каков знак помазанных? Они преисполняются Святого Духа. Сравни их со знаками Святого Духа, что отмечает Павел, и ты найдешь их ложные знаки»⁷.

Публикуемая глава полемиического трактата является вполне само-

³ Тиндел 2017: 313–374.

⁴ Almsy 1994: 1–10; Clark 1991: 105–117.

⁵ Tyndale 1573: 364.

⁶ Лютер 1994: 42.

⁷ Tyndale 1573: 134. Кстати, и своего оппонента Томаса Мора Тиндел называет «работавшим на царство Антихриста» и думающим о Боге материально. Ibid.: 251, 254.

достаточным текстом, который мог бы встать в один ряд с некоторыми миниатюрными сочинениями Тиндела, позволяющими проанализировать его отношение к римскому понтифику и его курии, догматам и религиозной практике католической церкви. Для того чтобы выделить основные идеи сочинения, редактор переводимого нами издания вынес их на поля в качестве маргиналиев. Эти заметки повторяют главную мысль абзаца или являются ссылкой на текст из Священного Писания. В настоящем переводе они опускаются. Библейские пассажи в основном цитируются по синодальному переводу. При переводе по возможности сохранен тинделовский стиль написания с очень длинными предложениями и частым использованием союза «и».

Достоверный знак, что папа – Антихрист

О, какими аргументами и убеждениями папа обманывал нас, заставляя поверить, что он с его сектою суть истинная церковь, и что Господь в благодати своей не допускает, чтобы они заблуждались; мы были столь простодушны, верили и не видели шаткость аргументов и не имели слов, которыми можно было опровергнуть его [папу], но имели лишь чистую веру в наших сердцах, теперь же мы убеждены, что больше он не будет презирать нас, мы видим и слышим, что решение его ложно и обратно истине.

Впервые Петр говорит во Втором Послании, 2, что будут лжеучителя у вас, которые введут пагубные ереси, отвернувшись от искупившего их Господа, и многие последуют их разврату, и чрез них путь истины будет в поношении, и из любостыжания будут уловлять вас лстивыми словами. И Павел глаголет в Послании к Римлянам, 3, что закон, если что и говорит, то говорит к состоящим под законом. И так речено о них, что они превозносят имя Христова. В папскую ересь вкралась тьма сект пестрой совести и в пестрых плащах, нахваливающая тысячу путей спасения, что есть хриstopродавничество. Мы видим, что многие последуют их пагубным путям. И к этому Петр сказал, что они опорочат истину, но это значит, что будет и малое стадо⁸, убрeженное Божией дланью, дабы возвестить им правду, которую можно было потом обогать. И случится так, что клеветники станут большей частью мира, а иначе они не смогут. И как же истину во Христе папа не оплевал введением ложных дел, не отменил всё и сразу? Что же касается их лстивых слов, то где ты отыщешь в Писании чистилище? А покаяние, отпущение грехов, *poena culpa*⁹ и тысячу прочих выдумок? Что же касается их торгашества, погляди, как они торгуют законом Божиим, а купно с ним и своим самодельным, всеми грехами, и всеми Христовыми заслугами, и всем, что только придет в голову. Сперва ты почувствуешь вину, затем вину и боль, опустошишь свою кошну и мозги в голове, а затем столь озвереешь, что Божие дело не воспримешь.

И Христос говорит в Евангелии от Матфея, 24, что восстанут лжехристы и лжепророки и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных. И эти лжепомазаные, по тому же слову Павла, как говорит Христос, придут во имя Его и будут церковью Христовой, и назовут себя христианами, и покажут свои чудеса избранным, и будут им во искушение, дабы сбить их с пути. А избранных, которых сравнительно мало, что будут созданы и окунуты в ложь среди великого множества, поддержит мощная длань Господня против всякой естественной возможности. Таки образом, цер-

⁸ Малым стадом Господь называл всех желающих стать его учениками (Лк., 12:32)

⁹ Лат. – наказание за вину

ковь и избранные сами никогда не сделаются таким множеством без преследования и искушения своей веры, как великое множество под папою, что преследует, а само не страдает. А те, кого папа называет еретиками, чудес не показывают, по их собственному исповеданию, и не должны показывать, поскольку они не вносят новой учености и не должны вносить ничего, кроме Писания, которое уже получено и подкреплено чудесами. Христос ничего не обещал нам на сем свете, кроме преследования за веру. Истории Ветхого Завета, согласно Первому посланию апостола Павла к Коринфянам, 10, суть тому примеры. И хотя Бог во время сие призывается чудесами великой толпой, все же сами избранные получают веру в своих сердцах и возлагают свою надежду на одного Бога и претерпевают искушения, они в меньшинстве и всегда притесняемы своими ложными братьями, и преследуемы до смерти, и загоняемы в углы.

И когда Павел во Втором Послании Фессалоникийцам, 2 говорит, что Антихрист приходит по делам Сатаны во всей силе, со знамениями и лжечудесами, обольщая тех, которые упорствуют в вере, ибо они не приложили любви к спасительной вере, и потому Бог пошлет им сильные помрачения и лжи, дабы не верили в обольщения; текст этот также может относиться к тому множеству, что вместе собрались во имя Христово, из которых одна часть, несомненно, большая, в силу отсутствия любви к истине во Христе, дабы жить вечно, распадется на секты, и ложная вера под именем Христа пробудет и заманит их фальшивыми чудесами, дабы погубить их своей недобротою. У папы нет такого Писания, где бы он был представлен, но он, богохульствуя, утверждает, что его слово истиннее Слова Писания. Он творит чудеса Божиим именем, как делали и лжепророки. Ложь у него во всех легендах, проповедях и книгах. Нет у них любви к истине, что явствует из их великих грехов, (кои они наплодили на смех язычникам) и долгого их упорства в них, не от слабости, но от вражды к правде и от постоянной похоти и воли ко греху, что проявляется в двух делах: во-первых, они получили их пороками и ложью во всех их человеческих законах, которые якобы выше королевских и императорских, что никто не может смирить их (тела) и привести к лучшему порядку, чтобы они могли свободно грешить без страха пред людьми; во-вторых, они оказались глухи к Слову Божию, дабы оно не будило их покой, и если кто-либо укорит их в этом, они тотчас преследуют его, перетягивают в свою ложную веру, объявляют еретиком, сжигают и топят.

Павел говорит во Втором Послании к Тимофею, 3, что в последние дни наступят времена тяжкие, ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержны, жестоки, не любящие добра, предатели, наглы, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы, имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся. А под силою я понимаю истинную веру в Слово Божие, сила и суть всего добра, из которой исходит всё, что радует Бога. Этот текст относится к тем, кто исповедует Христа. И он (текст) говорит, что имеющие вид набожности, вступают в людские дома и уводят женщин в плен, обременяя их грехами, вечно вопрошая, но никогда не в силах достичь истины (как и наши слушатели исповедей). Кажется, что они желают сделаться святее других и учителями и вождами остальных. И посмотри, есть ли тут хоть слог, что не соответствует высшей степени духовности. Разве они не любят себя самих и свои постановления и распоряжения, свою ложь и сны, и презрение к законам Божиим и человеческим, и не обращают внимания ни на каких людей, кроме тех, кто одеты по их покрою? Что же касается их алчности, которую и весь мир утопить не может, скажите

мне, что не поставлено на службу ей? И если Богу придет в голову покарать мир черной оспой, то они высекут себе идола и назовут его Иовом¹⁰ и скажут, чтобы молились ему ради избавления от напасти вместо того, чтобы предупреждать людей, дабы те исправили свой образ жизни. Что же касается их высокомерия и гордыни, посмотри, не вознеслись ли они превыше королей и императоров, и всех имен Господних, и может ли какой человек прийти к власти в этом мире, если не поклянется им в верности и не будет ходить пред ними?

А что касается их гневного вида при отлучении от церкви – посмотри, шадят ли они королей, императоров и заповеди Господни? Покорны ли они отцу и матери? Нет, говорят они, мы будем непосредственно под властью Бога и его земного наместника папы, и это папа им отец, и ему они прислуживают церемониями. Что же касается неблагодарности, то они так признательны, что случись им урвать на тысячу фунтов землю в беде ради их благодетеля, они за то откажут его отпрыску в ночлеге, если он окажется в беде ради их благодетеля. А что до их безбожия, то я изложил здесь свое мнение. Что же касается их недружелюбности, то помысли, не мстят ли они за обиды, даже если это нанесло бы вред им и всему христианскому миру, и посмотри, не стоило ли нам это полхристианства уже?¹¹

Что до их вероломства, то посмотри, не пойдут ли они на попятную за хороший куш, сделав незаконное законным и даже вопреки таинствам, что уже были даны. И посмотри, не разорвали ли они все договоры между собою и своими основателями. Посмотри, не предают ли они и не обвиняют всех людей втайне от их же королей и народов. Что же насчет их невоздержанности, посмотри, не лезут ли они, очертя голову, во всякие приключения, без всякой жалости и сострадания, какого бы разрушения на головы других людей это не стоило бы, лишь бы только получать удовольствие. И посмотри, не влекомы ли они своими желаниями, так что ради них готовы попать закон Божий и человеческий. Что же касается их ханжеской набожности, то посмотри, не Божью ли службу они пародируют и подумай, не всё ли сознание уловлено ею. И как египетские маги противились Моисею, так и они противятся истине. Поэтому их можно назвать невероятными фиглярами. Если пригвоздить папизм перстом веры, то они суть люди с извращенными умами и изгой из лона веры, т.е. плотски мыслящие, кривые упрямы и уроды, не могущие устоять ни на каком здании, что зиждется на вере, но когда ты поточил всячески и постарался обсесть их и придать им приемлемую форму, то они могут сравниться с турками или иудеями; пусть служат своему Богу, как и те, службою своих ложных дел. Из текстов и притч, что Господь излагает в Евангелиях Царствия Небесного, следует, что хотя Святой Дух пребывает в избранных и поучает их всей истине во Христе возлагать надежды на Него, дабы они не заблуждались в Нем; и всё же, покуда стоит мир, у Бога не предвидится иной церкви, которая будет либо преследовать, либо останется непреследовавшейся каким-либо образом, например, как у папы. Но будет в церкви плотское семя Авраамово и духовное, Каин и Авель, Исмаил и Исаак, Исав и Иаков, как я сказал, работник и верующий, великое множество званых и малое стадо избранных. И плотское восприследует духовное, как Каин Авеля, Исмаил Исаака, и так далее, и великое множество будет преследовать малое стадо, а Антихрист всегда будет лучшим христианином.

Итак, ныне церковь Божия разделена на духовную и плотскую, одна будет, но её нет, другая есть, но её так нельзя назвать, она [Божия] называется люте-

¹⁰ Праведник Иов – главный библейский персонаж книги Иова (Ветхий Завет).

¹¹ Вероятно, Тиндел имеет в виду раскол христианской церкви на католическую и православную, произошедший в 1054 г.

ранской, еретической и так далее. Понимай под тем, что Бог, когда он созывает собрание¹² (*congregation*) во имя Свое, рассылает своих посланцев, которые собирают великое множество воедино чудесами и силою доводов, которые излагают проповедники, признавая, что есть лишь один всемогущий Бог надо всем, и что Христос есть Бог и человек, и рожден от Девы, и тысячу прочих вещей. И затем великое множество, что звано и не избрано, обретет эту веру (которой и бесы¹³ веруют, причем бесы веруют еще более ревностно, чем эти несчастные) и обратится к своим воображениям, говоря: «не будем более служить идолам, но Богу единому». Другой вид службы, что выдумывают они своим разумом, а не по слову Божию, и которым служат Богу плотской службой, той, что служили они во времени своих идолов, есть служба вожделению их сердец. И один будет служить в серой рясе, другой – в белой, третий – в черной, а кто-то – в полосатой. А еще один любитель услужить Богу плотской службой постарается надевать себе башмаков на трех толстых подошвах и подрежет их сверху, так что когда лето и жарко, ты узришь его босые ноги, а зимой – носки. Они постригутся и побреются, как саддукеи, т.е. праведники, и фарисеи, чтобы отличаться от прочих людей. Да, они посвятят себя Богу и помажут себе руки и освятят их из потира от всяческих мирских дел, чтобы не служить ни отцу, ни матери, ни господину, ни князю, дабы не оскверниться, но прислуживать одному Богу, собирая Его ренты и десятины, и приношения, и прочие подати. И все приношения, что урут они, они сложат на алтарь своего чрева и сделают из него калиль, т.е. жертву, в которой ни один человек не может участвовать. Они верят в Бога, но не любят Его законы и не имеют силы веровать в них, но они доверяют и полагаются лишь на свои собственные дела, которыми якобы спасутся, как богатеи сего мира, когда они общаются с великими мира сего, они делают это дарами и приношениями, дабы получить свое нужное. Другой службы Богу они не ведают, но лишь ту, какую их глаза могут видеть, а их чрева прочувствовать. От ревности чрезмерной они блодут свои животы пред Господними алтарями, и предписывают нравы другим, и меняют порядки службы Богу, и принуждают к таковым других, избегая идолопоклонства, подобно фарисеям.

Но малое стадо, как только убеждается, что Бог есть, идет навстречу к нему не собственными ощущениями, а чрез вестника, которого зовет и спрашивает о том, как ему служить Богу. Как в Деяниях апостолов, 9 неверующий Павел, побежденный Христом, спросил Его: «Господи, что повелишь мне делать?». Так и в главе второй Деяний апостолов множество народа спрашивало апостолов, что им делать. Проповедник излагает перед ними закон Божий, и они открывают свои сердца, чтобы закон был вписан в них, соглашаясь, что он хорош и праведен.

Но поскольку они начисто противоречат этому доброму закону, они скорбят по утрам, что тела и плоть их устроены иначе, однако проповедник утешает их и разъясняет Завет крови Христовой, что ради Него все делается, прощается, и вся их немощь будет приниматься со снисхождением до тех пор, пока они не сделаются сильнее, покаются, станут учениками и научатся соблюдать закон. Малое стадо принимает Завет в сердце своем, и становится участником Завета, и духовно служит Богу. И с этого момента Христос с каждым и в каждом. Всё, что человек получает, он получает от Христа, и все, что он делает, он делает для Христа. Отец, мать, господин, лорд, принц – это Христос для него, и как Христос, он служит им со всей любовью. Жена, дети, слуги и подданные – в каждом

¹² Тиндел использует *congregation* (собрание) вместо *church* (церковь)

¹³ Англ. - devil

Христос, и всякий учит другого служить Христу, а не самому себе и своим вожделениям. И если кто-то получает что-либо хорошее от человека, он благодарит Бога чрез Иисуса Христа, который коснулся сердца человека. И своему ближнему он служит, как Христу, во всем, в чем тот нуждается, что посылает Бог, потому что все чины будут искуплены, как и он, кровью Христа.

Человек не будет спасен, если не служил своему ближнему и не обещал своим собратьям добросердечности за служение ему. Небеса, чудеса и прощение, все дары благодати и всё, что обещано, люди получают от Христа и по Его заслугам даром. И всё то, что они получили от Христа, тем служат они друг другу безвозмездно, как одна рука служит другой, заботясь о здоровье и благосостоянии, помогая на пути Христовом. И Богу служат только духовно, посредством любви, веры, надежды и страха [Божия]¹⁴.

Великое множество званных, но не избранных, Каин, Исмаил, Исав и плотской Израиль, те, что день и ночь служат Богу телесным служением и святыми делами, какими они обычно поклоняются своим идолам, окормляют малое стадо так, что те не исполняют волю Бога, а отходят от него туда же, куда и вы¹⁵. «Почему ты не приходишь испить святой воды», – так говорит и малое стадо, – чтобы смыть свои грехи. Нет, брат, не дай Бог тебе так подумать, что только кровь Христа смывает грехи всех кающихся и верующих. Огонь, соль, вода, хлеб, масло, телесные вещи даны человеку для его нужды и помощи ближнему, но не для служения Богу, который есть Дух. И такие вещи не могут проникнуть в душу, чтобы очистить ее, ибо одно Слово Божие – её очищение. Нет, говорят они, эти вещи не освящены. И мы не говорим, что при их освящении тот, кто окропляется водой или вкушает хлеб, получит здравие души и тела. Сэр, благословения обещаны Аврааму для всех народов чрез Иисуса Христа, и из Его крови мы должны получить их, и Его Слово – это хлеб, соль и вода наших душ. Бог не дает тебе силы посредством собственных чар наделяя добродетелями бесчувственные предметы, которые Он сам освятил и очистил (для телесного употребления теми, кто верует) своим обетованием, и разрешением, и нашей благодарностью. Бог сказал, если ты веришь в Евангелие Святого Иоанна, ты спасен, а не за то, что носишь его вокруг себя с таким количеством крестов или за соблюдение каких-либо подобных обрядов.

Боже, все это их приводит в ярость, заставляя мало-помалу объявлять, кто есть еретик, я говорю тебе, что святой церкви¹⁶ не нужно приводить никакого Писания, потому что у них есть Святой дух, который всегда тайно вдохновляет, поэтому они не могут ошибаться ни в чем, что они говорят, делают или предписывают. Будешь ли ты пренебрегать благословенными таинствами святой церкви, где Богу служили пятнадцать столетий (поистине, пять тысяч лет, с тех пор, как появился Каин, и прекратят в конце мира), те, кто не имеют любви к истине, но хотят спастись)? В таком случае ты неистовый еретик и достоин быть сожженным и отлученным от церкви. Если малое стадо не остановит их, то они пойдут прямо на короля.

Ваша милость, они люди опасные и мятежные, и даже могут разрушить ваше королевство, если Вы не осадите их вовремя. Они настолько упрямы и жестоки, что обратятся и восстанут против Бога и постановлений Его святой церкви. Они будут и против Вашей милости, если умножатся. Они возмутят всех и непременно издадут новые законы и подчинят им Вашу милость, либо

¹⁴ Под «страхом» (англ. – dread) следует понимать благоговейное отношение к Богу.

¹⁵ Тиндел, видимо, имеет в виду Мора.

¹⁶ Реформатор иронично говорит так о папистской церкви

восстанут против Вас, и часть малого стада уйдет, а остальные разбегутся, так всегда было и будет, поэтому пусть никто не обольщается.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Лютер М. К христианскому дворянству немецкой нации об исправлении христианства // Лютер М. Время молчания прошло. Избр. произведения 1520–1526 гг. / Пер. с нем. Ю.А. Голубкина. Харьков: Око, 1994. С. 11–94 [Lyuter M. K hristianskomu dvoryanstvu nemeckoj natsii ob ispravlenii hristianstva // Lyuter M. Vremya molchaniya proshlo. Izbr. proizvedeniya 1520–1526 / Per. s nem. YU.A. Golubkina. Har'kov: Oko, 1994. S. 11–94].
- Осиновский И.Н. Томас Мор: утопический коммунизм, гуманизм, Реформация. М.: Наука, 1978. 326 с. [Osinovskij I.N. Tomas Mor: utopicheskij kommunizm, gumanizm, Reformaciya. M.: Nauka, 1978. 326 s].
- Тиндел У. Практика папистских прелатов / пер. Т.Г. Чугуновой // Чугунова Т.Г. Уильям Тиндел: Слово, церковь и государство в раннем английском протестантизме. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 313–374. [Tindel U. Praktika papistskih prelatov / per. T.G. Chugunovoj // Chugunova T.G. Uil'yam Tindel: Slovo, cerkov' i gosudarstvo v ranem anglijskom protestantizme. M.; SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2017. S. 313–374].
- Чугунова Т.Г. Трактатка ключевых библейских терминов в английском переводе Библии У. Тиндела // Диалог со временем. 2012. Вып. 38. С. 82–99. [Chugunova T.G. Traktovka klyuchevyh biblejskih terminov v anglijskom perevode Biblii U. Tindela // Dialog so vremenem. 2012. Vyp. 38. S. 82–99].
- Almasy R.P. Contensing Voices in Tyndale's "The Practice of Prelates" // William Tyndale and the Law. Sixteenth Century Essays & Studies/ eds. J.A.R. Dick, A. Richardson. 1994. Vol. 25. P. 1–10.
- Clark J.A. The Bible, History and Authority in Tyndale's "The Practice of Prelates" // Moreana. 1991. Vol. 28. № 106–107. P. 105–117.
- More T. The Dialogue concerning Tyndale by Sir Thomas More. Reproduced in black Letter facs. From the collected ed. (1557) of More's English works / ed. W.E. Campbell, L.: Eyre & Spottiswoode, 1927. 324 p.
- Tyndale W. An Answer into Sir Thomas More's Dualogue // The Whole works of W. Tyndall, John Frith and Doct. Barnes, three worthy Martyrs and principall teachers of this Church of England collected and compiled in one tome together, being before scattered now in print here exhibiton to the Church / ed. J. Foxe L.: Printed by J. Daye, 1573. P. 247–339.
- Tyndale W. The Obedience of a Christen man and how Christian rulers ought to governe // The Whole works of W. Tyndall, John Frith, and Doct. Barnes... 1573. P. 97–183.
- Tyndale W. Practice of papisticall Prelates // The Whole works of W. Tyndall, John Frith, and Doct. Barnes, three worthy Martyrs and principall teachers of this Church of England collected and compiled in one Tome together, being before scattered now in Print here exhibiton to the Church / ed. J. Foxe. L.: Printed by J. Daye, 1573. P. 340–377.
- Чугунова Татьяна Георгиевна**, к.и.н., доцент, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина; tat-chugunova@yandex.ru

A Sure Token that the Pope is Antichrist

This publication is one of the most important chapters of the polemical work of the XVI–th century English reformer William Tyndale (1494–1536) «An Answer into Sir Thomas More's Dualogue» (1531) translated by T.G. Chougounova from English with comments. The translation is based on the edition: Tyndale W. An Answer into Sir Thomas More's Dualogue // The Whole works of W. Tyndall, John Frith and Doct. Barnes, three worthy Martyrs and principall teachers of this Church of England collected and compiled in one tome together, being before scattered now in in print here exhibiton to the Church / Ed. by J. Foxe. London: Printed by J. Daye, 1573. P. 247–339. The comments and preface are made by the translator.

Keywords: W. Tyndale, T. More, M. Luther, Reformation, Antichrist, controversy, pope, Catholic Church

Chougounova Tatiana Georgievna, PhD in History, Associate professor of the Department of General history, Classical Disciplines and Law, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University); tat-chugunova@yandex.ru

CONTENTS

History and Theory

<i>Sergey Krikk</i> Tacitus and Russia. On the Possibilities of Historiographical Reflection	5
<i>Anastasia Shabunina</i> The Challenge of Transdisciplinarity: the Subject Area "Conflict-Compromise"	17

Intellectual History Today

<i>Aleksey Panteleev</i> Wealth, Poverty and Gnostics. Part I.....	30
<i>Andrey Mitrofanov</i> Intellectuals of Piedmont in the Time of Napoleon Between Ideological Loyalism and Forced Adaptation.....	44
<i>German Ragozin</i> Austrian Conservative Reflections on Revolutionary and Napoleonic Wars During the Vormärz Era (the Case of Works by Joseph Von Hormayr, 1817-1828)....	63
<i>Tadeusz Kruczkowski</i> Fundamental Ideas of Russian Historical Polonistics and Their Reflection in V.O. Klyuchevsky. Part 2.....	82
<i>Mikhail Stetkevich, Tatiana Chumakova, Elena Stetkevich</i> "Our Great Rarity": A.I. Bulgakov and His Writings on Western Christianity.....	100
<i>Konstantin Kurylev</i> Freemasonry in Ukraine from the Origin and until 1919: Characteristic Features.....	119
<i>Iskander Magadeev</i> Reasons and Aims of the European Integration Viewed by the French Centre-Left Intellectuals in the 1920s.....	134
<i>Dmitry Shmelev</i> Revolution, Communism and Totalitarianism in Georges Bernanos' Works.....	149
<i>Dmitry Mikhel</i> The Study of Antiquity as a Strategy for Philosophical Freethinking in the USSR (the Case of Alexei Losev).....	164
<i>Andrey V. Gorbunov</i> Sussex School of Intellectual History.....	181

Crossroads of Interdisciplinarity

<i>Victoria K. Pichugina</i> Archer VS Hoplite: Heracles' Educational Path in Texts and Images.....	198
<i>Natalya Demeshko, Aleksandr Irkhin</i> Russia and Great Britain: The National Factor in the Competition of the Great Powers <i>Liudmila Bushueva</i> University Statute of 1863 and the Organization of Academic Time at the Kazan University.....	215
<i>Natalia B. Selunskai</i> Practices of reforming the political sphere of Russian society in the early XX century in the perception of contemporaries.....	247
<i>Daria Kurginova, Anna Myrikova, Alexander Shirinyants</i> From Love to Hate... to the genealogy of American Russophobia.....	262

<i>Karine Ambartsumya</i>	
Images of the Historical Disaster in Eyewitness Testimonies (on the Example of the Reflection of the Events of the Armenian Genocide in 1915)...	278
<i>Boris Stepanov</i>	
“You Will Quickly Find Tynda on the Map...”	
Late Soviet School Local Studies and Images of the City in Educational Literature....	294
<i>Historical essays</i>	
<i>Dmitry Mestkovsky</i>	
Two Meetings of Russian Ambassadors with David Chytraeus.....	310
<i>Dmitry Nesterov</i>	
The Aceh War and The Intellectual Legacy of C.S. Hurgronje in the Context of Counterinsurgency Colonial Experience of Major European Powers.....	318
<i>Ivan Savushkin</i>	
Eventfulness and Mundanity in Personal Diarys: Narrative vs Mentative.....	326
<i>Anna Volodko</i>	
L.D. Trotsky and the 1922 Campaign to Seize Church Property.....	333
<i>Semen Ekshtut</i>	
“Trishkin caftan” of the planned economy	344
<i>Reading books...</i>	
<i>Valentina Korzun, Lyubov Sidorova</i>	
New colors for the portrait of Militsa Vasilyevna Nechkina.....	353
<i>Vladimir Boldin, Baltash Karipov</i>	
Consensus Omnium of Francis Bacon: New Author’s View: Reflections on the Book “Tsaregorodtsev S.S. Consensus Omnium by Francis Bacon”.....	359
<i>Mikhail O. Piskunov</i>	
When They Turn Feathers to Bayonets (Review of Maciej Górny’s “The Great War of the Professors”)	365
<i>Translations and publications</i>	
<i>Andrey Pavlov</i>	
Isidore of Seville. Etymologies, or Origins. Book XVIII. War and games.....	372
<i>Tatiana Chougounova</i>	
A Sure Token that the Pope is Antichrist.....	388
CONTENTS.....	396

СОДЕРЖАНИЕ

История и теория

С.Б. Крих Тацит и Россия. о возможностях историографической рефлексии.....	5
А.К. Шабунина Вызов трансдисциплинарности: предметная область «конфликт-компромисс».....	17

Интеллектуальная история сегодня

А.Д. Пантелеев Богатство, бедность и гностики. Часть I.....	30
А.А. Митрофанов Интеллектуалы Пьемонта в эпоху Наполеона между идейным лоялизмом и вынужденной адаптацией.....	44
Г.С. Рагозин Австрийские консерваторы и осмысление революционных и наполеоновских войн (на примере сочинений Йозефа фон Хормайра).....	63
Т.Т. Кручковский Фундаментальные идеи российской исторической полонистики и их преломление в творчестве В.О. Ключевского. Часть 2.....	82
М.С. Стецкевич, Т.В. Чумакова, Е.С. Стецкевич «Великая у нас редкость»: А.И. Булгаков и его труды о западном христианстве....	100
К.П. Курьлев Масонство на Украине с момента зарождения до 1919 года: характер и особенности	119
И.Э. Магадеев Факторы и цели европейской интеграции в оценках французских интеллектуалов-левоцентристов (1920-е годы).....	134
Д.В. Шмелев Революция, коммунизм и тоталитаризм в творчестве Жоржа Бернаноса.....	149
Д.В. Михель Изучение античности как стратегия философского свободомыслия в СССР (случай А.Ф. Лосева).....	164
А.В. Горбунов Сассекская школа интеллектуальной истории.....	181

Перекрестки интердисциплинарности

В.К. Пичугина Лучник против гоплита: образовательный путь Геракла в текстах и образах.....	198
Н.Э. Демешко, А.А. Ирхин Россия и Великобритания: национальный фактор в конкуренции великих держав..	215
Л.А. Бушуева Университетский устав 1863 г. и организация академического времени в Казанском университете.....	232
Н.Б. Селунская Практики реформирования политической сферы российского общества начала XX века в восприятии современников.....	247
Д.Ю. Кургинова, А.В. Мыркова, А.А. Шириняни «От любви до ненависти...» к генеалогии американской русофобии.....	262

<i>К.Р. Амбарцумян</i>	
Образы исторической катастрофы в свидетельствах очевидцев (на примере отражения событий геноцида армян 1915 г.).....	278
<i>Б.Е. Степанов</i>	
«Гынду быстро на карте найдете...» позднесоветское школьное краеведение и образы города в учебной литературе.....	294
<i>Исторические этюды</i>	
<i>Д.Д. Местковский</i>	
Две встречи русских послов с Давидом Хитреусом.....	310
<i>Д.А. Нестеров</i>	
Ачехская война и интеллектуальное наследие Х.С. Хюргронье в контексте колониального опыта антиповстанчества ведущих европейских держав.....	318
<i>И.С. Савушкин</i>	
Событийность и повседневность в личных дневниках: нарратив vs ментатив.....	326
<i>А.В. Володько</i>	
Л.Д. Троцкий и кампания по изъятию церковных ценностей 1922 г.....	333
<i>С.А. Эжитут</i>	
Тришкин кафтан плановой экономики.....	344
<i>Читая книги...</i>	
<i>В.П. Корзун, Л.А. Сидорова</i>	
Новые краски к портрету Милицы Васильевны Нечкиной.....	353
<i>В.А. Болдин, Б.Н. Карпов</i>	
«Согласие всех» Ф. Бэкона: новое прочтение размышления о книге С.С. Царегородцева.....	359
<i>М.О. Пискунов</i>	
Когда перековывают перья на штыки. О «Великой войне профессоров» Мацея Гурного.....	365
<i>Переводы и публикации</i>	
<i>А.А. Павлов</i>	
Исидор Севильский. Этимологии, или начала. Книга XVIII. О войне и играх.....	372
<i>Т.Г. Чугунова</i>	
Достоверный знак, что папа – Антихрист.....	388
CONTENTS.....	396

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 83 / 2023

Главный редактор — Лорина Петровна РЕПИНА

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр., д. 32А, к. 1423; тел. +7 (495) 938–53–91

<http://www.roii.ru/intellect/books/index.htm> ; dialogue.time@yandex.ru

Поиск DOI: <http://search.rads-doi.org/index.php/> ; <http://www.doi.org/>

ISSN 2073–7564

[10.21267/AQUILO.2023.83.83.030](#)

С.Б. Крих

[10.21267/AQUILO.2023.83.83.001](#)

А.К. Шабунина

[10.21267/AQUILO.2023.83.83.002](#)

А.Д. Пантелеев

[10.21267/AQUILO.2023.83.83.003](#)

А.А. Митрофанов

[10.21267/AQUILO.2023.83.83.004](#)

Г.С. Рогозин

[10.21267/AQUILO.2023.83.83.005](#)

Т.Т. Кручковский

[10.21267/AQUILO.2023.83.83.006](#)

М.С. Стецкевич, Т.В. Чумакова, Е.С. Стецкевич

[10.21267/AQUILO.2023.83.83.007](#)

К.П. Курьлев

[10.21267/AQUILO.2023.83.83.008](#)

И.Э. Магадеев

[10.21267/AQUILO.2023.83.83.009](#)

Д.В. Шмелев

[10.21267/AQUILO.2023.83.83.010](#)

Д.В. Михель

[10.21267/AQUILO.2023.83.83.011](#)

А.В. Горбунов

[10.21267/AQUILO.2023.83.83.012](#)

В.К. Пичугина

[10.21267/AQUILO.2023.83.83.013](#)

Н.Э. Демешко, А.А. Ирхин

[10.21267/AQUILO.2023.83.83.014](#)

Л.А. Бушуева

[10.21267/AQUILO.2023.83.83.015](#)

Н.А. Селунская

[10.21267/AQUILO.2023.83.83.016](#)

Д.Ю. Кургунова, А.В. Мырикова, А.А. Ширинянц

[10.21267/AQUILO.2023.83.83.017](#)

К.Р. Амбарцумян

[10.21267/AQUILO.2023.83.83.018](#)

Б.Е. Степанов

[10.21267/AQUILO.2023.83.83.019](#)

Д.Д. Местковский

[10.21267/AQUILO.2023.83.83.020](#)

Д.А. Нестеров

[10.21267/AQUILO.2023.83.83.021](#)

И.С. Савушкин

[10.21267/AQUILO.2023.83.83.022](#)

А.В. Володько

[10.21267/AQUILO.2023.83.83.023](#)

С.А. Экштут

[10.21267/AQUILO.2023.83.83.024](#)

В.П. Корзун, Л.А. Сидорова

[10.21267/AQUILO.2023.83.83.025](#)

В.А. Болдин, Б.Н. Карпов

[10.21267/AQUILO.2023.83.83.026](#)

М.О. Пискунов

[10.21267/AQUILO.2023.83.83.027](#)

А.А. Павлов

[10.21267/AQUILO.2023.83.83.028](#)

Т.Г. Чугунова

Дизайн обложки *И.Н. Граве*

Формат 60x90 / 16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 26. Тираж 600.

Отпечатано в типографии Onebook.ru (ООО «Сам Полиграфист») —

Москва, Волгоградский пр., дом 42, строение 5. Тел.: +7 495 545–37–10

Эл. почта: info@onebook.ru Адрес в Интернете: www.onebook.ru

Журнал индексируется в Российском индексе научного Цитирования (РИНЦ).

Журнал включен в диссертационный перечень ВАК по специальностям: история, история философии, филология; в каталог «Роспечать» (подписной индекс 36030); в базу данных SCOPUS (с 2016 г.); в базу данных WoS Core Collection (Emerging Sources Citation Index [ESCI]) (с декабря 2017 г.), Q 1 (History — 2023 г.).

Полные электронные версии статей представлены на сайте: <http://roii.ru/publications/dialogue>

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия

(Свидетельство ПИ № ФС 77-24798 от 29 июня 2006 г.).

Электронная версия — Эл. № ФС 77-53624.